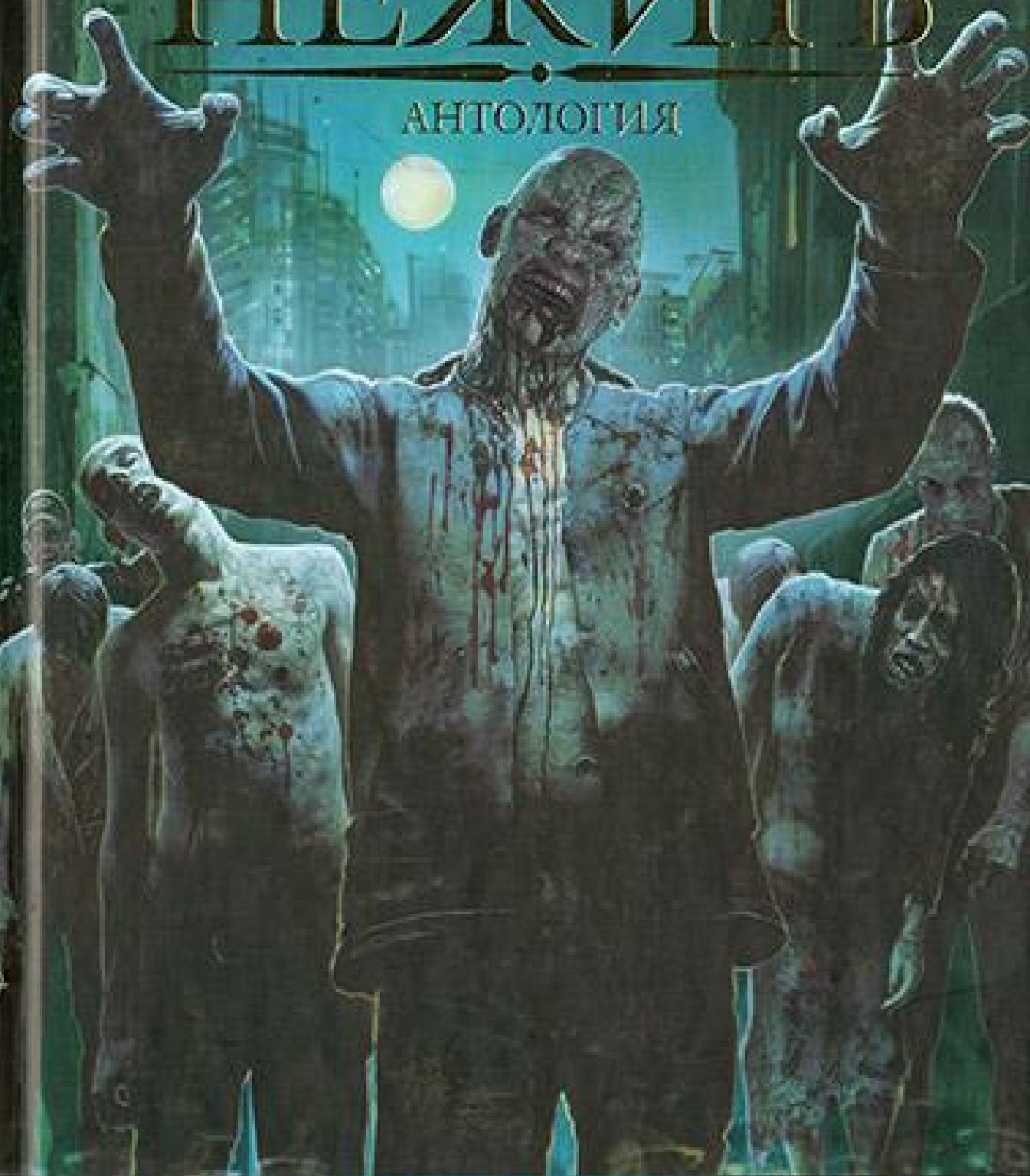

editor: alex.mir.ru

НЕЖИТЬ

АНТОЛОГИЯ

Лорел ГАМИЛЬТОН, Нил ГЕЙМАН,
Джордж МАРТИН, Харлан ЭЛЛИСОН
и многие другие

ISBN 978-5-9985-0198-2

CadaverS

«Нежить»

антология рассказа

Азбука-классика; СПб

2009

20.03.2015-14.04.2015

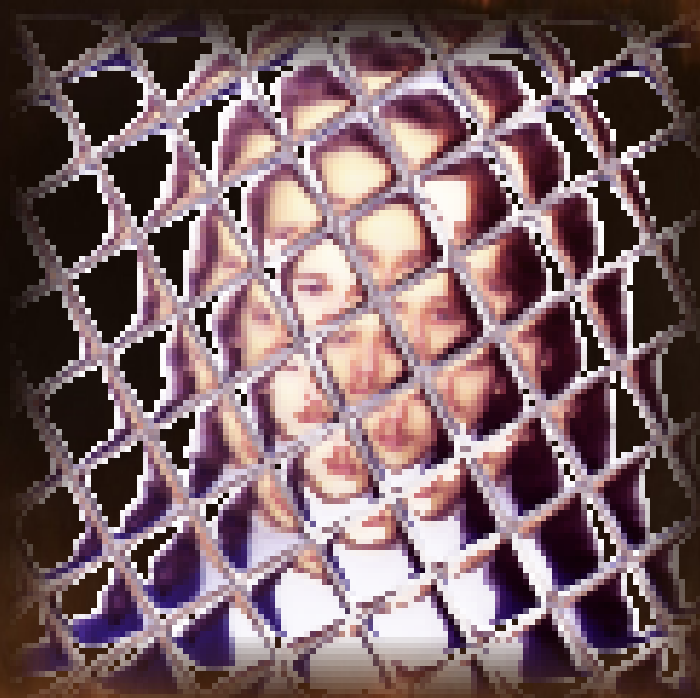
20.03.2015-14.04.2015

© издатель [Азбука-классика; СПб](#)

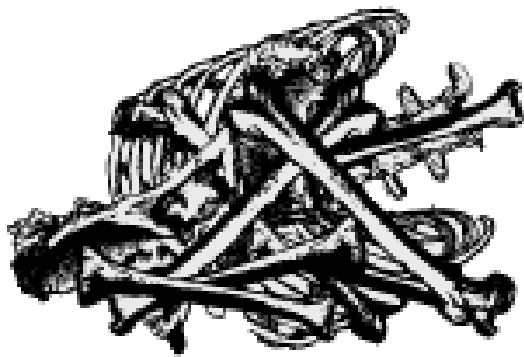
© оформление [Alex-Rus](#)

© редактор [Alex.Rus.UA](#)

редактор: [Alex.Rus.UA](#)

От редактора¹

Сборник рассказов «Нежить» представляет подборку качественных литературных произведений от мастеров мирового уровня на тему, как ни странно, весьма актуальную. Особенно актуальную сейчас, ввиду нашествия «русского мира», который суть доктрина войны, утверждающая Империю Зла не только военными методами, но и посредством создания альтернативной реальности для как можно большего числа зазомбированного населения. Причём культ неуёмного хамства и безудержной агрессии воспитывается в каждом истинном приверженце этого самого «Третьего Рима» изначально, являясь основой его существования наряду с фанатичным служением своему лидеру методами, которые предельно чётко были сформулированы ещё Макьявелли².

1 Редакция 20.03.2015-14.04.2015 произведения «Нежить» (издано 2009 г. Азбука-классика; СПб) по теме [CadaverS](#) из оригинального rtf-файла (на основе отсканированной книги компании Азбука-классика; СПб, ISBN 978-5-9985-0198-2) от 23.01.2011. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))

2 Никколо Макиавелли (Макьявелли), Machiavelli (жил и умер во Флоренции 03.05.1469-22.06.1527) — итальянский политический мыслитель, писатель, историк, военный теоретик. Происходил из обедневшей старинной дворянской семьи. В юности освоил латынь и свободно читал древних авторов в оригинале; но высоко ценил Данте, Петрарку и Боккаччо — ему был чужд педантизм гуманистов, их преклонение перед античностью. Согласно его концепции, личность способна противостоять «фортуне» и случайностям (роль которых в истории велика) силой своей энергии и проницательности (в идее борьбы личной «доблести» — virtù и «фортуны» ярко проявились характерные черты эпохи Возрождения). Он полагал, что для упрочения государства допустимы любые средства: насилие, убийство, обман, предательство (впоследствии в психиатрии появился термин «макиавеллизм» как одна из крайних форм психопатологии, суть которой в выражении: «цель оправдывает средства»). Макиавелли осуждал политику феодальной знати и особенно папства, приводившую к постоянным раздорам, и опасался «черни» (plebs), легко вовлекаемой в авантюры, но симпатизировал popolo (средним и высшим слоям торгово-ремесленного населения итальянских городов). Никколо Макиавелли рассматривал историю как столкновение «вечных» страстей и интересов, индивидов и сословий, а её важнейшей движущей силой считал политическую борьбу. Известные сочинения: «Государь» (1513 г., первое издание в 1532 г.), «Рассуждения по поводу первой декады Тита Ливия» (завершена к 1516 г., издана в 1531 г.), «История Флоренции» (1520-1525 гг., в 1525 г. первые восемь книг были преподнесены заказчику, папе Клименту VII, издана в 1532 г.), «Жизнь Каструччо Кастракани из Лукки» (1532), поэма «Золотой осёл» (1549), «Сказка об архидьяволе Бельфагоре» (1549), etc. Также автор карнавальных песен, сонетов, новелл и других литературных произведений. В комедии «Мандрагора» (1518 г., поставлена и издана в 1524 г.)

Много патологических идей известны человечеству, множество их реализаций «удобрили» землю кровью, а сомнительно успешных организаторов злых невежественных масс сделали печально известными историческими особами, которые остаются идолами и кумирами для некоторых «альтернативно одарённых». По моим же личным наблюдениям, ничто так не пугает здравомыслящего человека, как воплощение агрессивного безумия, и ничто не вызывает такого отвращения, как «бизнес» на спланированных смертях и продуманных страданиях. И когда подобное воплощается даже не в одной персоне, а вообще в обществе, да ещё развивается на общегосударственном уровне...

Не зря Нэнси Килпатрик утверждает, что «... в каждом человеке живёт врождённый страх перед безмозглой толпой». Очередное «Возвращение живых мертвецов» и прочие ужасы впечатляют на телеэкранах, тогда подобные страшные сказки даже забавляют. Однако реальность всегда оказывается страшнее и отвратительнее любой выдумки. Тюрмы и концентрационные лагеря что фашистской Германии, что коммунистического СССР, на территории которых реализовывались проекты создания «Echt Arier»³ и «Homo Soveticus»⁴ — просто блеклые примеры из многими подзабытой уже WW2 в сравнении с уже реально начавшейся WW3. Ныне организованные нашествия кровожадных орд «рускомирцев» усиленно «освобождают» страны от извечно заселяющих их народов, а «чрезмерно индивидуальные» людские

критиковал нравы тогдашней Флоренции и церкви с её лицемерием и растлением нравов. В трактате «О военном искусстве» (1521 г.) резко критиковал систему наёмных войск (подонки общества и грабители) и рекомендовал постоянную армию, построенную на основе всеобщей воинской повинности и полностью подчинённую государю. Стратегические взгляды Макиавелли были непоследовательны (то решительное сражение, то измор противника). Многие положения Макиавелли заимствовал у Вегеция из устаревшего опыта армии Древнего Рима. Католическая церковь в 1559 г. справедливо внесла его социально опасные сочинения в «Индекс запрещённых книг». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

3 В переводе с немецкого «истинный ариец». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

4 В переводе с латыни «советский человек». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

мозги от «предательских» размышлений, а это, ввиду развития технологий, уже приводит к результатам, с которыми не могут сравниться все достижения «антихристов» прошлого.

Возвращаясь к сборнику, наиболее ёмко суть лукавой «глубокой обеспокоенности» тех, кто цинично наживает на очередном массовом беззаконии, грозящем стать последним для всей «прогрессивной» цивилизации, выразил Майкл Суэнвик (стр. 115), хотя про злоупотребление научными достижениями написали Джефффри Форд (стр. 143), Харлан Эллисон и Роберт Сильверберг (стр. 427). А вот Дейл Бейли (стр. 55) просто-таки глумится над псевдодемократическими нравами большинства и всепожирающей суетой людской, пока Келли Линк (стр. 35) и Даррелл Швейцер (стр. 127) реалистично описывают асоциальную психопатологию отдельного «среднего человека».

Осознавая насущную необходимость выживания в предельно враждебной среде массового агрессивного безумия безликой и безымянной толпы, суть всех ублюдков-зомби ёмко выразил Адам-Трой Кастро (стр. 375), сразу прямо сказав, что «мыслить опасно. Мыслят живые, а мёртвые этого не выносят. Мёртвые чувствуют, откуда исходит мысль», не забыв прибавить, что «сильнее, чем мысли, мёртвые ненавидят любовь» и «уж чего мертвецы точно не потерпят, так это воли». К тому же не рекомендуется как-либо реагировать на все опостылевшие ужасы окружающей действительности, поскольку «зомби на такие вещи не реагируют. Они сами — такие вещи», да и что ни сделай, «на мёртвых это не произведёт ни малейшего впечатления». Таким образом, под девизом «живые бывают опасны, но настоящие ублюдки всё-таки мёртвые», он даёт множество дельных советов для доживания «в подполье», мимоходом замечая, как легко обернуться на «такого зомби, которым ты так долго притворялся».

Но кое-кто использует тематику «живых мертвецов» лишь в качестве фона, на котором разворачиваются события (Ханна Вольф Боуэн, стр. 239, и Дэвид Барр Киртли, стр. 311). При этом отдельные авторы (Дэвид Дж. Шоу, стр. 91, и Нина Кирики Хоффман, стр. 97) каждый по-своему эксплуатируют проверенный приём сексуальных девиаций, а кто-то (Джо Хилл, стр. 185, Энди Дункан, стр. 385, Джон Лэнган, стр. 479) просто вспоминает классику. Оригинально развивая легенды разных времён в русле «альтернативной истории», Джо Лансдейл (стр. 287) обращается к тематике мистического вестерна, Нил Гейман (стр. 341) проводит читателя опасными дебрями Нового Орлеана, а Поппи З. Брайт (стр. 405) — перенаселённой Калькутты. Брайан Эвенсон (стр. 233) ярко и ёмко погружает читателя в пучину инфернальных видений, основанных на жуткой реальности безжалостного захвата чужих земель ещё времён Конкисты⁵. Нэнси Холдер (стр. 441) буквально в страданиях переосмысливает демонстративную ритуальность как проявление опасного суеверия во мраке фанатичных догм.

Сомнительным и реально крайне редко встающим вопросом комплекса вины задаются Лорел К. Гамильтон (стр. 205) и Уилл Макинтош (стр. 417). А Джордж Р. Р. Мартин (стр. 257) подчёркнуто депрессивным апофеозом отчаянья пронзает читателя — словно подводя финальную черту под чаяниями и стремлениями отдельного человека и всего человечества, он вгрызается в убогое нутро цивилизации, которая способна упорядочить материальный мир и не только природу, но даже смерть поставить во служение себе, при этом мимоходом поработая самой сути затухающего самосознания и духа.

5 Конкиста (дословно conquista — завоевание) — Завоевание Мексики, Центральной и Южной Америки испанцами и португальцами в XV-XVI веках. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Зато уже Дэн Симмонс (стр. 13) терпеливо лелеет смутную надежду на то, что истинный преподаватель способен если не воспитать человека в самом ущербном ребёнке, то хотя бы зародить стремление стать им, причём даже в случае с полусгнившими зомби. Эдакий потусторонний оптимизм, который, кажется, даже саму (естественно, околевшую последней) пресловутую Надежду способен возродить из мёртвых. Впрочем, вряд ли даже мёртвые (в точном соответствии с Библейской притчей) смогут переубедить глубоко заблуждающихся живых — об этом, на свой манер, сказано в рассказе Сьюзан Палвик (стр. 165). А Дэвид Таллерман (стр. 179) вообще весьма реалистично утверждает, что если и смогут живые у мёртвых чему научиться, то разве наоборот, как в анекдоте, научатся плохому.

В конце концов про собственно Всеобщий Конец как таковой — в пикку всем тем, кто наивно надеется переждать и пережить его где-нибудь в «сверхнадёжном» убежище, например, в глубоком бункере или на отдалённом острове, — просто и чётко написали Норман Парtridge (стр. 217), Нэнси Килпатрик (стр. 325) и Скотт Эдельман (стр. 453), очевидно, своеобразно напоминая читателю старое выражение про то, что «каждый мнит себя бессмертным — вплоть до самой своей смерти». А уж кого что может ожидать после смерти, мало кто из живых может представить, но у кое-кого получается, причём даже с сарказмом (Кэтрин Чик, стр. 363).

Все указанные произведения достойны пристального внимания и категорически рекомендуются к прочтению (к сожалению, в отсканированном издании переводов отсутствует одно из произведений ещё 1989 г. от метра — Стивена Кинга).

20.03.2015-14.04.2015 © Alex-Rus AKA Alex.Rus.UA

А н н о т а ц и я

На страницах новой антологии собраны лучшие рассказы о нежити! Красочные картины дефилирующих по городам и весям чудовищ, некогда бывших людьми, способны защекотать самые крепкие нервы. Для вас, дорогой читатель, напрягали фантазию такие мастера макабрических⁶ сюжетов, как Майкл Суэнвик, Джеффри Форд, Лорел Гамильтон, Нил Гейман, Джордж Мартин, Харлан Эллисон с Робертом Сильвербергом и многие другие.

Древний страх перед выходцами с того света породил несколько классических вариаций зомби, а богатое воображение фантастов обогатило эту палитру множеством новых красок и оттенков. В этой антологии вам встретятся зомби-музыканты и зомби-учёные, гламурные зомби и вконец опустившиеся; послушные рабы и опасные хищники — в общем, совсем как живые. Только мёртвые. И очень голодные...

2009 © Азбука-классика; СПб

---

6 Макабр, макабрический (от французского danse macabre — танец смерти) — изображение танцующих людей и скелетов, призванное напоминать живущим о неизбежности смерти (распространённое в Средние века). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Джон Джозеф Адамс «Предисловие»

В самом начале работы над этой антологией я для себя решил: не буду начинать эту книгу с объяснения происхождения слова «зомби». Дело ведь вовсе не в этом, не так ли? Ведь посвящённая зомби фантастика рассказывает о том, как непогребённые⁷ мертвецы возвращаются в мир живых и преследуют свои жертвы. В ней рассказывается о борьбе против ужасного и безжалостного врага, о том, как пережить конец света и что делать, если мертвецы не желают оставаться мёртвыми.

Не важно, каково происхождение слова «зомби», сегодня оно, как правило, обозначает неуклюже передвигающегося трупа, каким он изображён в историческом фильме Джорджа А. Ромеро «Ночь живых мертвецов». Писатель Дэвид Дж. Шоу так объясняет влияние Ромеро в своей серии рассказов «Zombie⁸ Jam»: «Дело в том, что персонажи, быстро получившие название „зомби Ромеро“, так наводнили кино, что даже люди, никогда не видевшие фильмов, „знают“, что представляют собой зомби. Они мертвы, они ходят, они хотят вас сожрать и обычно пользуются численным превосходством».

Большая часть рассказов в этой книге тоже носит отпечатки влияния «кошунственной трилогии» Ромеро — «Ночь живых мертвецов», «Рассвет мертвецов» и «День мертвецов» — или является прямым откликом на неё. Это влияние отчётливо прослеживается в данной книге (как и во многих других), и авторы нередко ссылаются на фильмы Ромеро как на самые сильные впечатления, полученные ими в детстве (а то и за всю жизнь).

Так почему же нас так сильно привлекает тема зомби? Чем очаровывают ожившие мертвецы?

Джон Ланган, автор рассказа «Как умирает день», утверждает, что зомби — зомби из фильмов Ромеро, которые определили нашу концепцию монстров, — подкупают своей простотой. «Наряду со всеми аспектами поведения настоящих чудовищ ранних периодов (подобно вампирам, они восстают из мёртвых; подобно призракам и оборотням, они пожирают нашу плоть; подобно созданию Франкенштейна, они представляют собой ходячие трупы; подобно большинству монстров, подвержены определённым слабостям, позволяющим их немедленно уничтожить), природа зомби исключительно проста: они восстали из мёртвых, они стремятся нас съесть, и их можно уничтожить выстрелом в голову. Я подозреваю, — говорит он, — что их популярность состоит в том, что зомби демонстрируют нам самих себя. Если вы рассматриваете монстра как вампира или оборотня, вы видите в его поведении некоторые преувеличенные черты в поведении человека; к примеру, гипертрофированная сексуальность вампиров обсуждалась несчётное количество раз, как не осталась незамеченной и животная жестокость оборотней. Тогда как зомби во многом похожи на нас, таких, какие мы есть:

7 В оригинале «не погребённые» раздельно. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

8 В оригинале вдруг «Zomby» через «у». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

небольшой сдвиг, и мы готовы сожрать друг друга. Никакой сексуальности, никакой звериной жестокости, одна только непреодолимая прожорливость. Вот почему наше сходство так заметно и так нас волнует».

Дэвид Барр Киртли, автор «Чёрепа», указывает на две причины популярности зомби. «Одна причина, как мне кажется, состоит в том, что в нашем мозгу⁹ сохранился сегмент, отвечающий за спасение от хищников, а истории про зомби предоставляют редкую возможность использовать эти примитивные навыки, — говорит он. — А вторая причина в предельной метафоричности зомби. Люди по большей части кажутся нам необоснованно враждебными и ненасытными, и образ зомби в точности воплощает в себе эти черты».

Вытеснение со страниц и экранов всеми нами любимых вампиров считает причиной популярности зомби автор «Эпохи печали», Нэнси Килпатрик. «Многие из нас скучают по давним ожившим трупам, по ужасным вампирам, с которыми невозможно договориться, — говорит она. — Я думаю, зомби существовали и в те времена, только из гаитянских зомби они превратились в зомби из фильмов Ромеро, и изменилась не только причина зомбирования; вместо послушных рабов появились законченные хищники. Большая часть людей скучает по хищным вампирам. Мне кажется, что популярность зомби возросла не только потому, что они заполнили какую-то первобытную пустоту, но ещё и из-за того, что они стали воплощением охватившего общество страха перед неведомой силой, способной обратить человека в существо низшего порядка или в жертву. Мучительно сознавать, что существо низшего порядка может появиться в нашей семье или среди друзей и соседей, но едва ли не каждый из нас мог бы представить его среди незнакомцев. Я думаю, в каждом человеке живёт врождённый страх перед безмозглой толпой. Ордой, перед которой никому не устоять. Добавьте к этому бессознательный ужас перед неограниченным потреблением, свойственным развитому капиталистическому обществу, как будто стаи саранчи пожирают всё, что оказывается в их поле зрения. В области ужасов не многое способно вызвать у меня страх, но зомби меня пугают. Их подчинённость одной-единственной идее порождает одновременно ужас и благоговейный трепет. Я уверена, что все нормальные люди боятся одного: столкнуться с чем-то, чьей единственной целью является уничтожение и что невозможно остановить».

А теперь поговорим о тех рассказах, которые вошли в этот сборник, и о тех, которые в него не вошли.

За время работы над этой антологией я прочёл бесконечное множество рассказов о зомби, и среди них оказалось столько отличных произведений, что все они никак не могли поместиться в одной книге, даже в таком исполинском фолианте, как этот. С целью облегчить себе процесс отбора я и определил для себя несколько критериев.

Во-первых, я избегал брать несколько рассказов из одного и того же источника.

9 В оригинале «мозге», т. е. непригодное падежное окончание. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Во-вторых, я старался не брать произведения из других сборников, посвящённых зомби. Я нашёл множество прекрасных фантастических рассказов о зомби в других изданиях и решил, что поклонникам этой темы будет приятно, если я соберу их вместе.

В-третьих, я намеренно не стал выбирать самые характерные рассказы авторов (конечно, при том условии, что их можно было заменить другими хорошими произведениями).

В-четвёртых, я не хотел использовать ничего, что могло бы показаться составной частью более масштабного произведения, и потому в сборнике нет отличной повести Макса Брукса «Мировая война Z».

И в заключение, я хотел, чтобы в антологии были представлены самые различные фантастические рассказы на тему зомби, чтобы в ней присутствовали все без исключения персонажи — от зомби Ромеро до технозомби и все разновидности, стоящие между ними. Так что здесь вы встретите мертвецов, таинственным образом вернувшихся к жизни и жаждущих человеческой плоти; трупы, оживлённые некромантами; трупы, которые оживили благодаря новым технологиям и достижениям науки; зомби вуду; выходцев с того света и прочих, не подпадающих под принятые категории.

Что же касается популярности зомби... Чем бы она ни была обусловлена, на этих страницах вы найдёте много отличных рассказов, способных порадовать даже самого искушённого поклонника этого жанра. Так что впереёд, глотайте эти истории, словно перед вами мозги последнего человека на земле. Приятного аппетита!

2008 © John Joseph Adams

Дэн Симмонс «Фотография класса за этот год»

Дэн Симмонс — автор изданного огромными тиражами, удостоенного множества наград цикла «Песни Гипериона» («Hyperion cantos»), первая книга из которых получила премию «Хьюго» в номинации «лучший роман». Он также автор множества других произведений, включая написанные недавно романы «Ужас» («The Terror»), дилогию «Илион. Олимп» («Ilium/Olympos»), завоевавшую Всемирную премию фэнтези «Песнь Кали» («Song of Kali») и удостоенную премии Стокера «Утеху падали» («Carrion Comfort»). Его рассказы, также получившие широкое признание, объединены в авторские сборники «Молитвы разбитым камням» («Prayers¹⁰ to Broken Stones»), «Любовь-Смерть» («LoveDeath») и «Вдоволь миров, вдоволь времени» («Worlds Enough¹¹ and Time»).

«Фотография класса за этот год» — рассказ, удостоенный трёх высших наград: премии Брэма Стокера, Всемирной премии фэнтези и премии имени Теодора Старджона¹², а перевод рассказа на японский язык принёс автору премию Сеюн. Ещё один перевод, на французский, представил рассказ адаптированным для сцены, так в Париже в 2007 году вышла в свет пьеса «La jour de la photo de class»¹³.

Впервые рассказ появился в антологии «Всё ещё мёртв» («Still Dead») под редакцией Джона Скиппа и Крейга Спектора¹⁴, второй антологии, посвящённой зомби (после «Книги мёртвых»). Он повествует о школьной учительнице, живущей в мире, осаждённом зомби, которая противостоит возвращению живых мертвецов, занимаясь тем, чем занималась всю свою жизнь, только теперь с помощью кандалов и дробовиков.

10 В оригинале явная ошибка «Pragers», хотя речь про «молящихся». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

11 В оригинале явная ошибка «Enouth», хотя речь про «достаточность». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

12 В оригинале «Стард-жона» через дефис (см. 102). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

13 День, когда класс фотографируется (фр.). (прим. изд. Азбука-классика; СПб)

14 В оригинале «Спек-тора» через дефис. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Мисс Гейсс с выгодного наблюдательного пункта на балконе старой школьной колокольни следила за тем, как новый ученик бродит по игровой площадке для первоклашек. Она опускала ствол «ремингтона» калибра .30-06¹⁵, пока ребёнок не оказался на пересечении линий оптического прицела. Он был виден как на ладони в свете раннего утра. Это был мальчик, ей не знакомый, на вид ему было лет девять-десять, когда он умер. Зелёная футболка с черепашками-ниндзя разодрана на груди, и вдоль разлохмаченных краёв виднелись пятна запёкшейся крови. Мисс Гейсс заметила, как сверкает белым торчащее наружу ребро.

Её одолели сомнения, и она оторвалась от прицела, чтобы посмотреть, как маленькая фигурка ковыляет и спотыкается, пробираясь между сооружениями игрового комплекса и обходя гимнастический снаряд «джунгли». Возраста он был подходящего, но у неё и так уже двадцать два ученика. На одного больше, и — она знала — классом станет сложно управлять. К тому же сегодня класс фотографируется, и ей не нужны лишние трудности. Более того, внешность ребёнка едва отвечает требованиям, принятым для четвёртого класса... в особенности в день, когда класс фотографируется.

«До Бедствия ты едва ли позволила бы себе подобную роскошь», — мысленно упрекнула она себя. Она снова прижалась глазом к пластмассовому окуляру прицела и чуть поморщилась при мысли обо всех детях, которых «подсаживали» ей в начальные классы на протяжении стольких лет: глухих детях, слепых детях, детях, страдающих аутизмом, страдающих эпилепсией и синдромом Дауна, гиперактивных и переживших сексуальное насилие, брошенных и с дислексией, детях, умирающих от рака, и детях, умирающих от СПИДа...

Мёртвый ребёнок перебрался через неглубокий ров и уже приближался к ограждению из колюще-режущей проволоки, которой Мисс Гейсс обнесла школу, в том месте, где гравийная игровая площадка для младших классов примыкала к мощёной баскетбольной площадке четвёртого класса и прямоугольным кортам. Она знала, что мальчик так и будет идти вперёд, не обращая внимания на проволоку, сколько бы кусков мяса та ни вырвала из его тела.

Вздохнув, уже ощущая усталость, хотя официально занятия ещё даже не начинались, Мисс Гейсс опустила «ремингтон», поставила на предохранитель и пошла вниз по лестнице колокольни, чтобы приветствовать нового ученика.

15 В оригинале «.30-06» (также см. 25) с лишней точкой в обозначении калибра. Один из наиболее крупногабаритных среди винтовочно-пулемётных патронов, созданных в конце XIX-начале XX века, калибр 30-06 US / 7.62×63 был принят на вооружение в 1906 году (отсюда и полуофициальное обозначение .30-06, т. е. .30 калибр, 06 год), сразу в варианте с остроконечной пулей улучшенной баллистики (ему предшествовал патрон .30-03 1903 года с аналогичной конфигурацией и чуть большей длиной гильзы, но с тупоконечной пулей). Патрон имеет гильзу бутылочной формы с проточкой, без выступающей закраины. Этот патрон состоял на вооружении вооружённых сил США вплоть до начала 1960-х годов, кроме того, оружие под этот патрон широко поставлялось в дружественные США страны, особенно в годы WW2 и сразу после её окончания. Этот патрон до сих пор пользуется значительной популярностью для гражданского применения, в первую очередь для охоты, и если «армейские» варианты этого патрона уже давно сняты с производства, то гражданские его варианты (и охотничье оружие в этом калибре) и сегодня производятся во многих странах мира. Эти мощные боеприпасы славятся значительной энергетикой (например, стандартный ball M1 с остроконечной пулей с коническим донцем массой 11.15 г имеет начальную скорость 805 м/с и начальную энергию 3610 Дж, а бронебойный AP M2 с пулей 10.8 г — 830 м/с и 3730 Дж соответственно). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Она заглянула в классную комнату по дороге к хозяйственному чулану, расположенному на втором этаже. Класс гудел, дневной свет и голод вынуждали их дёргать цепи и рваться из железных ошейников. Саманта Стюарт, формально слишком маленькая для четвёртого класса, за ночь почти полностью разодрала на себе платье. Сара и Сара Джей запутались в цепях друг друга. Тодд, самый крупный из стада, бывший главный хулиган класса, снова сжевал резиновую подкладку ошейника. Мисс Гейсс увидела крошки чёрной резины на белых губах Тодда и поняла, что металлический ошейник почти до кости стесал плоть с его шеи. Скоро ей придётся решать, что делать с Тоддом дальше.

На длинной доске объявлений позади учительского стола она видела тридцать восемь фотографий класса, которые сама там развесила. Тридцать восемь лет. Тридцать восемь фотографий класса, все сделаны в этой школе. Начиная с тридцать второго года работы фотографии стали гораздо меньше по формату, потому что делались уже не студийными широкоформатными камерами, а «поляроидом», которым Мисс Гейсс обзавелась, чтобы не прерывать традицию. Классы тоже стали меньше. На тридцать пятом году её работы в четвёртом классе было всего пять учеников. Сара Джей и Тодд были в том классе, живые, розовощёкие, худые и испуганные, но здоровые. На тридцать шестом году живых детей не было... зато было целых семь учеников. На предпоследней фотографии запечатлено шестнадцать физиономий. В этом году, сегодня, она наведёт камеру, чтобы увековечить в одной рамке целых двадцать два ученика. «Нет, — подумала она, — двадцать три с этим новеньким».

Мисс Гейсс покачала головой и пошла в хозяйственный чулан. У неё было ещё пятнадцать минут, прежде чем зазвонит запрограммированный школьный звонок.

Захватив из чулана шест с петлёй, щипцы, полицейские наручники, толстые перчатки и резиновый фартук, Мисс Гейсс поспешила по широкой лестнице вниз, на первый этаж. Перед парадной дверью она взглянула на мониторы, убеждаясь, что во внешнем дворе, на подъездной дорожке и игровой площадке для четвероклассников нет никого, кроме нового мальчика, завязала фартук, забросила за плечо «ремингтон», натянула перчатки, отодвинула засов на обитой сталью двери, удостоверилась, что щипцы и наручники лежат в кармане фартука в пределах досягаемости, подняла ловчий шест с петлёй и вышла навстречу новому ученику.

Футболка и джинсы мальчика разодрались ещё больше после встречи с колюще-режущей проволокой. Лохмотья обескровленной плоти свисали с предплечий. Когда Мисс Гейсс вышла на солнечный свет, он поднял своё мёртвое лицо и обратил тусклые глаза в её сторону. Зубы у него были жёлтые.

Мисс Гейсс задержала дыхание, когда мальчик зашаркал и заковылял к ней. Дело было не в запахе, она уже привыкла, что от этих детей несёт как от раскатанных по асфальту животных. Этот самый ребёнок был немногим хуже большинства её учеников, совсем не так плох, как Тодд. Джинсы у него насквозь пропитались бензином после блужданий по канаве на границе школьной территории, и запах бензина перебил собой почти всю вонь. Она

поняла, что сдерживает дыхание, потому что даже спустя столько месяцев... лет, осознала она... при первой встрече с новым учеником испытывает смущение.

Мальчик прошаркал последние разделяющие их пятнадцать футов бетонной площадки. Мисс Гейсс встала потвёрже и подняла ловчий шест.

Некогда этот ловчий шест был просто семифутовой палкой из дерева и меди, которым в старой школе открывали и закрывали высоко расположенные форточки. Мисс Гейсс усовершенствовала его, прикрутив тяжёлую рыболовную катушку с толстой упаковочной проволокой, добавив кольца, направляющие проволоку, и некое устройство на конце, фиксирующее двойную петлю. Она почерпнула идею из старого видео «Общности древнего царства Омаха», где, как бишь там его, здоровый симпатичный парень, который выполнял всю работу, Джим, использовал похожее приспособление, чтобы ловить гремучих змей.

«Бедный ребёнок гораздо смертоноснее любой гремучей змей», — подумала Мисс Гейсс. После чего она полностью сосредоточилась на отлове.

Это было несложно. Ребёнок бросился. Мисс Гейсс накинула двойную петлю из проволоки ему на голову, отпустила зажим, чтобы затянуть петлю, и снова защёлкнула его. Проволока глубоко вонзилась в горло мальчика, но была слишком толстой, чтобы прорезать плоть. Если бы он дышал, петля удавила бы его, но об этом уже не было нужды беспокоиться.

Мисс Гейсс сделала шаг вперёд, и мальчик дёрнулся, отшатнулся, взмахнул руками и завалился на спину. Голова его ударилась о бетон с болезненным стуком, похожим на звук, с каким раскалывается арбуз. Учительница обернулась через плечо, убеждаясь, что двор и игровая площадка по-прежнему пустыньны, а затем пригвоздила вырывающегося ребёнка к земле — сначала вытянутым ловчим шестом, а затем собственной подмёткой. Ногти мальчика заскребли по толстой коже её высокого сапога.

Привычным движением Мисс Гейсс уронила свой шест, удерживая запястья мальчика одной рукой в толстой перчатке, свободной рукой защёлкнула на нём наручники и уселась ему на грудь, подтыкая подол платья с набивным рисунком. Мисс Гейсс весила сто девяносто пять фунтов, опасения, что ребёнок вырвется, не возникало. Критическим взглядом она оглядела его раны: рана на груди была смертельной, судя по её виду, мальчика прикончили мясницким топором или длинным ножом, всё остальное — царапины, порезы, укусы и одиночное пулевое ранение в плечо — добавилось уже после его смерти.

Мисс Гейсс кивнула, как будто удовлетворённо, оттянула вырывающемуся ребёнку губы, словно устанавливая возраст лошади, и выдернула ему зубы щипцами. Мальчик не издал ни звука. Она отметила, что мухи отложили яйца в углах его глаз, и мысленно велела себе принять меры во время санобработки.

Немного переместив центр тяжести, она развернулась на сто восемьдесят градусов, подтянула к себе его скованные запястья и вырвала ребёнку щипцами ногти. Под ногтями у него была засохшая мутная субстанция.

Ребёнок разевал на неё рот, словно разозлённая черепаха, однако его челюсти не могли прокусить кожу, не говоря уже о резиновых «веллингтонах» Мисс Гейсс или вельветовых штанах, надетых под платье.

Она снова обернулась через плечо. Несколько месяцев назад её застигли врасплох пятеро из тех — все взрослые, — они беззвучно прошли через проволоку, пока она присматривала за детьми во время перемены, а у неё в «ремингтоне» было всего шесть патронов. Один из выстрелов пришёлся мимо, но она сумела прицелиться точнее, когда нападавший зомби был всего в четырёх футах от неё, и потрясение от той встречи вынуждало её проявлять бдительность.

На игровой площадке было пусто. Мисс Гейсс крикнула, потянула новенького, ставя на ноги посредством проволоочной петли, одной рукой открыла дверь и повела его перед собой с помощью шеста. Как раз хватит времени, чтобы провести санобработку, прежде чем прозвенит звонок.

Первым делом, среди назначенных на утро, было написать на доске расписание занятий. Мисс Гейсс всегда так делала, чтобы объяснить детям, чем они будут заниматься и что изучат в течение дня.

Первым в списке дел на доске значилась Клятва Верности. Мисс Гейсс решила, что сначала это, а потом она представит нового ученика. Он сидел теперь за третьей с конца партой в ряду у окна. Мисс Гейсс сняла с него наручники, защёлкнула на ногах кандалы, которые были закреплены в полу, обмотала цепь вокруг его пояса, пристегнула её к длинной общей цепи, которая тянулась вдоль всего ряда парт, и надела на него железный ошейник. Мальчик бросался на неё, в его мёртвых глазах на секунду зажглось нечто похожее на жажду, однако руки ребёнка были просто-напросто слишком коротки, чтобы причинить вред взрослому.

Даже до Бедствия у Мисс Гейсс всегда вызывало улыбку, когда она видела в кино или телешоу, как дети, используя приёмы дзюдо или каратэ, валяют взрослых по комнате. Из своего многолетнего опыта она знала, что простые законы механики делают обычно все детские щипки безвредными. Детям просто не хватает веса, длины рук, силы, чтобы причинить настоящие увечья. Теперь, когда у новенького были вырваны зубы и ногти, Мисс Гейсс могла бы управляться с ним без ловчего шеста и цепей, если бы захотела.

Только она не хотела. Она держала детей на почтительном расстоянии из опасения заразиться, как держала одного ВИЧ-положительного ученика ещё до Бедствия.

Время Клятвы Верности. Она оглядела класс из двадцати трёх учеников. Некоторые стояли и напряжённо тянулись в её сторону, позвякивая цепями, но большинство распростёрлись на партах или свешивались со стульев, как будто бы могли сбежать, припав поближе к полу. Мисс Гейсс покачала головой и потянула большой переключатель у себя на столе. Шесть двенадцативольтовых батарей были соединены последовательно, идущие от них провода подсоединялись к общей цепи, протянутой от парты к парте. Она видела настоящие искры и ощущала запах озона.

Электричество, разумеется, не причиняло им вреда. Ничто не могло причинить вред этим детям. Но разряд каким-то образом действовал на них, точно так же как при опытах Гальвани, который при помощи электричества заставлял дёргаться лягушачьи лапки, даже когда эти лапки были отделены от тел.

Ученики непроизвольно дрогнули, дёрнулись и рывком поднялись, оглушительно грохоча цепями. Они вставали на цыпочки, словно пытаясь воспарить над потоком электрического напряжения, проходящим через их телá. Их рúки выворачивались и нервно извивались на уровне грудí. Некоторые раскрывали рты, как будто в беззвучном крике.

Мисс Гейсс прижала руку к грудí и повернулась лицом к флагу над дверным проёмом.

— Клянусь в верности флагу, — начала она, — Соединённых Штатов Америки...

Она представила нового мальчика как Майкла. У него, естественно, не было никаких идентификационных меток, и Мисс Гейсс была уверена, что он не посещал эту школу до Бедствия, но других Майклов в классе не было, и внешне он вполне мог бы быть Майклом. Класс не обратил ни малейшего внимания на представление. Равно как и сам Майкл.

После Клятвы первым уроком шла математика. Мисс Гейсс оставила класс без присмотра, чтобы спуститься вниз, проверить ряд видеомониторов и взять поощрительные награды с длинных полок открытых холодильных камер, расположенных в помещении под лестницей. Она перевезла морозилки в прошлом году из «Сейфвэя». Ей помогал Донни¹⁶. Мисс Гейсс дважды моргнула, подумав о Донни, своём друге и бывшем охраннике. Донни столько раз помогал ей, без него она ни за что не наладила бы производство поощрительных наград на оборудовании с фабрики по изготовлению куриных наггетсов, расположенной на краю гóрода, не сумела бы подключить видеокамеры и мониторы «Радио Шак». И Донни так и продолжал бы помогать, если бы не тот грузовик, набитый беженцами, летящий по соединяющему штаты шоссе...

Мисс Гейсс отринула прочь эти мысли, поправила ремень «ремингтона» и понесла коробку учебных наград в учительское крыло. Установила таймер микроволновки на три минуты.

От запаха разогретых наггетсов ученики пришли в экстаз, стоило ей войти в классную комнату. Мисс Гейсс поставила коробку с наградами на столик рядом с учительским столом и подошла к доске, чтобы начать урок математики.

«Слава Господу, Донни знал, как обращаться с фабричным оборудованием, производящим куриные наггетсы», — подумала она, выписывая цифры от нуля до десяти.

Дети, конечно, не стали бы сами есть кусочки курятины. Дети, как и все прочие, кто возвратился во время Бедствия, имели вкус к совсем иному.

16 В оригинале «Дон-ни» через дефис. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Мисс Гейсс бросила взгляд на поднос с разогретыми наггетсами. Против её воли рот от этого запаха наполнялся слюной. Где-то в одной из хранящихся в морозильных камерах коробок, знала она, покоятся прошедшие глубокую заморозку и процесс превращения в наггетсы останки мистера Дельмонико, бывшего директора, а заодно с ним останки ещё полудюжины бывших преподавателей начальной школы. Это Донни понял, что волна самоубийств в таком маленьком городке не должна прокатиться впустую, это Донни вспомнил о фабрике по производству куриных полуфабрикатов и тамошних громадных морозилках. Это Донни понял, как полезно человеку иметь под рукой запас провизии, когда табуны скитающихся по округе голодных мертвецов всё разрастаются. Это, говорил Донни, всё равно как кусок мяса у ночного грабителя, чтобы отвлекать внимание сторожевых собак.

Но вот потенциальную пользу куриных наггетсов как поощрительных наград оценила уже Мисс Гейсс. И по её скромному мнению, подавляющий всех мистер Дельмонико и прочие ленивые члены педагогического коллектива никогда ещё не служили делу просвещения с бóльшим рвением, чем в этом новом качестве.

— Один, — произнесла Мисс Гейсс, указывая на большúю цифру, которую нарисовала на доске. Она подняла один палец. — Скажите «один».

Тодд жевал новое резиновое кольцо, которое Мисс Гейсс подложила под его ошейник. Кирстен запуталась в своей цепи и грохнулась лицом о парту. Крошка Саманта рвала на себе одежду. Джастин, по-прежнему пухлый и через десять месяцев после смерти, мусолил пластмассовую спинку стула перед собой. Меган дёргалась на цепи. Майкл разворачивался вокруг своей оси, пока не оказался лицом к задней стене класса.

— Один, — повторила Мисс Гейсс, всё ещё указывая на написанную на доске цифру. — Если не можете сказать, поднимите одну руку. Один. Один.

Джон слюняво щёлкал беззубыми челюстями через равные паузы. У него за спиной Абигейль сидела совершенно неподвижно, если не считать того, что она медленно высовывала и убирала пересохший язык. Дэвид всё бился и бился лицом о крышку своей парты. Сара жевала белые кончики костей на кистях рук, тогда как Сара Джей позади неё внезапно вскинула руку, один палец угодил в глаз и так там и застрял.

Мисс Гейсс не колебалась ни секунды.

— Прекрасно, Сара, — сказала она и поспешно прошла вдоль ряда между хватающими руками и чмокающими ртами. Она сунула наггетс в расслабленный рот и быстро отступила назад.

— Один! — сказала Мисс Гейсс. — Сара подняла один палец.

Все ученики тянулись к подносу с наггетсами. Палец Сары Джей так и торчал в глазу.

Мисс Гейсс отступила к доске. В глубине души она понимала, что реакция девочки была случайной. Это не имеет значения, говорила она себе. Дайте побольше времени и поощрительных наград, и причинно-следственная связь установится. Вспомните хотя бы Элен Келлер и её учительницу, Анни Салливан. И это притом, что ребёнок был совершенно слепой и глухой,

который всего несколько месяцев слышал человеческую речь, прежде чем совершенно погрузиться в темноту. Всего лишь одно детское словечко «ба-ба» позволило Элен спустя время познать всё.

А у этих детей за спиной оставались целые годы, когда они разговаривали и мыслили, прежде чем...

«Прежде чем умерли, — завершила Мисс Гейсс. — Прежде чем их разум, память и личности рассыпались в прах, словно моток сгнившей пряжи».

Мисс Гейсс вздохнула и указала на следующую цифру.

— Два, — произнесла она бодро. — Кто мне покажет... покажите, как сможете... покажите мне «два».

После того как она сама пообедала, пока ученики отдыхали после кормёжки, Мисс Гейсс продолжила сносить бульдозером домá.

Сначала она думала, что уединённого местоположения школы, вырытой канавы и колюще-режущей проволоки, шарящих по ночам лучей прожекторов и установки видеомониторов будет достаточно. Но *те* по-прежнему прорывались.

По счастью, городок был маленький, меньше трёх тысяч жителей, и располагался в сорока милях от настоящего гóрода. Теперь, когда Бедствие разделило живых и мёртвых, первых почти не осталось, а вторых было всего несколько человек во всей окрúге. Редкие машины, набитые перепуганными беженцами из живых, с рёвом проносились через городок, но бóльшая их часть так и застряла на шоссе между штатами, а в последние месяцы шума проезжающих автомобилей почти не было слышно. Некоторые из *тех* просачивались — из деревень, из далёкого гóрода, из собственных могил, — и их тянуло на свет прожекторов, питающихся от генераторов, как бабочек на огонь, однако толстые стёны школы, защитные стальные решётки и прочие меры предосторожности всегда удерживали их за пределами школьной территории до утра. А утром проблему разрешал «ремингтон».

Однако Мисс Гейсс по-прежнему хотелось расширить зону обстрела или, как назвал её однажды Донни, «зону бескомпромиссного истребления». Она напомнила Донни, что слово «истребление» в данном случае неуместно, потому что они никого не истребляют, а просто восстанавливают нормальный порядок вещей.

Вот почему Мисс Гейсс однажды съездила в строительный вагончик на границе с недостроенным участком соединяющего штаты шоссе и вернулась с динамитом, подрывными капсулями, детонаторами, запальным шнуром и на бульдозере «Катерпиллер Ди-7». Раньше Мисс Гейсс никогда не водила бульдозер, никогда не закладывала динамит, но в строительном вагончике оказались инструкции, а в библиотеке Карнеги нашлись соответствующие книги. Мисс Гейсс всегда поражало, что люди даже не подозревают, сколько знаний и полезной информации можно почерпнуть из книг.

Сейчас, когда оставалось ещё полчаса от обеденного перерыва, она вошла под открытый с одной стороны навес для бульдозера, забралась на широкое сиденье «Ди-7», выжала сцепление, переставила рычаг передач в

нейтральное положение, потянула регулятор оборотов, открывая заслонку карбюратора, передвинула правый рычаг и закрепила его в нужном положении фиксатором, ещё раз убедившись, что поставила на нейтральную передачу, и потянулась к рычагам стартёра. Сделала паузу, проверяя, безопасно ли лежит «ремингтон» в держателе, куда некогда помещался огнетушитель, прямо под её правой рукой. Видимость сделалась гораздо лучше после того, как все дома в радиусе трёх кварталов от школы были снесены, однако всё равно оставалось слишком много фундаментов и мусорных куч, за которыми можно спрятаться. Пока она не замечала никакого движения.

Мисс Гейсс установила рычаги трансмиссии и компрессии в правильное положение, дёрнула на себя стартёр пускового двигателя, открыла топливный клапан, установила воздушную заслонку, опустила выхлопной клапан, щёлкнула зажиганием и потянула рычаг, который приводил в действие электрический стартёр.

«Ди-7» с рёвом возродился к жизни, чёрный дизельный дым вырвался из вертикальной выхлопной трубы. Мисс Гейсс передвинула рычаг управления двигателем, отпустила сцепление, добавила тяги правой гусенице, так что массивный бульдозер крутанулся влево и направился к ближайшей куче мусора.

Взрослый труп выкарабкался из разрушенного подвала справа от неё и полез по кирпичным завалам к Мисс Гейсс. Волосы трупа были прибиты к голове белой пылью, зубы сломанные, но острые. Одного глаза нет. Мисс Гейсс показалось, что она узнаёт отчима Тодда, пьяницу, который избивал мальчика каждую пятницу.

Труп поднял руки и двинулся на бульдозер.

Мисс Гейсс бросила взгляд на «ремингтон» и решила не тратить патроны. Она добавила тяги левой гусенице, ловко развернула бульдозер вправо, приподняв отвал. Нижний край отвала завис как раз над карабкающимся к ней покойником. Мисс Гейсс опустила отвал раз, другой... Третьего раза не потребовалось, потому что труп перерезало пополам. Ноги мертвеца бессмысленно взбрыкивали, однако пальцы вцепились в сталь, и верхняя половина туловища принялась подтягиваться на отвал бульдозера.

Мисс Гейсс потянула за рычаги, перевела машину на задний ход, откатилась назад, опустила отвал и обрушила полтонны строительного мусора на обе половины подёргивающегося трупа, засыпая кучей обломков фундамент. Потребовалось меньше минуты, чтобы насыпать в дыру ещё тонну камней. После чего она отодвинулась назад, огляделась, убеждаясь, что больше поблизости никого нет, и принялась заравнивать подвал.

Когда дело было сделано, она спустилась на землю и прошла вокруг бульдозера: получилась ровная и гладкая поверхность, как заасфальтированная стоянка. Отчим Тодда, может быть, до сих пор дёргается и скребётся там,¹⁷ внизу, однако теперь, когда над ним двенадцать тонн утрамбованных камней, он никуда не денется.

Мисс Гейсс только пожалела, что не могла проделать такое со всеми никудышными отцами-пьяницами и отчимами, каких встречала за свою жизнь.

Она вытерла лицо носовым платком и посмотрела на часы. Через три минуты начинается урок чтения. Мисс Гейсс оглядела сровненные с землёй городские кварталы, монотонность которых нарушали только несколько последних куч мусора и недобитых цоколей. Ещё неделя, и зона обстрела будет чиста. Сделав передышку, чтобы прийти в себя, ощущая все свои шестьдесят с лишним лет и артритное поскрипывание суставов, Мисс Гейсс снова забралась в «Ди-7», чтобы отогнать его обратно и поставить на ночёвку под навес.

Мисс Гейсс читала классу вслух. Каждый день, в умиротворении после обеда и кормления учеников, она читала какую-нибудь из книжек, которые, как она знала, они успели прочитать за свою короткую жизнь или которые когда-то читали им. Она читала: «Спокойной нóчи, Луна», «Кролик Пат», «Горилла», «Хайди», «Банникула», «Суперглупость», «Чёрная красавица», «Азбука Ричарда Скари», «Зелёные яйца и ветчина», «Приключения Тома Сойера», «Голоса животных», «Гарольд и фиолетовый карандаш», «Питер-кролик», «Полярный экспресс», «Где живут дикие звери» и «Сказки для четвёртого класса». И пока Мисс Гейсс читала, она высматривала малейший проблеск узнавания, интереса — жизни в этих мёртвых глазах.

И не видела ничего.

Проходили недели и месяцы, Мисс Гейсс читала любимые детские книги.

Ученики не реагировали.

В дождливые дни, когда тучи висели совсем низко, а настроение у Мисс Гейсс падало и того ниже, она иногда читала им из Библии или из своих любимых пьес Шекспира — обычно из комедий, но иногда и из «Ромео и Джульетты» или «Гамлета» — и время от времени что-нибудь из своего обожаемого поэта Джона Китса¹⁸. Но когда слова завершали свой танец, когда последний отголосок прекрасного затихал, Мисс Гейсс поднимала глаза и не видела в других глазах ни единого проблеска разума. Рядом с ней были только мёртвые глаза, расслабленные лица, разинутые рты, бессмысленное копошение и приглушённая вонь разлагающейся плóти.

Это не слишком отличалось от тех лет, когда она учила живых детей.

Сегодня днём Мисс Гейсс читала то, что, как ей всегда казалось, было их любимым, — «Спокойной нóчи, Луна». Она сама получала удовольствие от описания того, как маленький кролик совершал забавную церемонию,

18 John Keats (Джон Китс, 31.10.1795, Лондон, — 23.02.1821, Рим) — английский поэт-романтик. После выхода первых сборников (1817 г., etc) он стал объектом грубых нападок консервативной критики: жизнелюбивые стихотворения Китса звучали вызовом ханжеству и лицемерию буржуазного общества. Выражением неприятия Китсом прозы буржуазного мира было обращение к античности с её идеалом красоты и гармонии (поэма «Эндимион», 1818 г.). Общественный подъём 1818-19 гг. захватил его, он сблизился с П. Б. Шелли, заинтересовался фольклором (написал в традициях Р. Бёрнса стихотворение «Робин Гуд»). Самые известные поэмы Китса (в оригинале) «La Belle Dame sans Merci», «Ode to a Nightingale» и «Ode on a Grecian Urn» (1818 г., опубликованы в 1820 г.). В поэме «Гиперион» (1819 г., опубликован 1820 г.) Китс в духе Дж. Мильтона изобразил борьбу титанов с богами-олимпийцами, аллегорически намекая на революционное движение в Европе. Столкновение чистого чувства с ложью и эгоизмом — тема его небольших поэм «Ламия», «Изабелла», «Канун святой Агнессы». Яркий романтик, Китс обогатил поэтический язык выразительными средствами, возродил в английской литературе жанр сонета. Буржуазная критика, искажая смысл его творчества, пытается представить Китса певцом «чистой» красоты, предтечей декаданса и эстетизма. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

бесконечно желая спокойной ночи всему, что было в его комнате, в надежде оттянуть неизбежный миг, когда придётся отправляться в постель. Мисс Гейсс дочитала маленькую книжку и быстро подняла голову, пытаясь, как обычно, уловить какой-нибудь проблеск в глазах, заметить сокращение мышц рта или движение век.

Расслабленные лица. Пустота. У них есть уши, но они не слышат.

Мисс Гейсс тихонько вздохнула.

— До перемены займёмся географией, — сказала она.

Слайды великолепно смотрелись в затемнённой комнате. Купол Капитолия в Вашингтоне. Арка Сент-Луиса. «Космическая игла» в Сиэтле. Всемирный торговый центр.

— Поднимите руку, если увидите знакомый город, — сказала Мисс Гейсс, перекрывая жужжащий вентилятор проектора. — Покажите жестом, что видите что-то знакомое.

Озеро в Чикаго. Денвер, с горами, восстающими на заднем плане. Бурбон-стрит¹⁹ во время Марди-Гра²⁰. Мост Золотые ворота. Всё великолепие цветов плёнки «Кодак».

Слайды сменялись. Дети вяло закопошились, просто потому, что их снова начинал донимать возобновившийся голод. Никто не поднял руку. Никто, кажется, не заметил на экране прекрасного изображения Бруклинского моста.

«Нью-Йорк», — думала Мисс Гейсс, вспоминая тот сентябрьский день двадцать семь лет назад, когда она сделала эту фотографию. Первое бодрящее дыхание осени заставило их надеть свитеры, когда они с мистером Фарнхэмом, методистом, с которым она познакомилась на съезде работников образования, шли пешком через Бруклинский мост. Они сходили в музей Метрополитен, потом погуляли по Центральному парку. В тот изумительный день обострённым чувствам Мисс Гейсс шуршание каждого листика казалось отчётливым и красноречивым. Они едва не поцеловались, когда он высадил её возле гостиницы «Барбизон» тем вечером после ужина в «Речном» кафе. Он обещал позвонить ей. И только спустя несколько месяцев Мисс Гейсс узнала от одной знакомой учительницы из Коннектикута, что мистер Фарнхэм женат, женат вот уже двадцать лет.

Дети громыхали своими цепями.

— Поднимите руку, если узнаете на картинках Нью-Йорк, — устало произнесла Мисс Гейсс.

19 См. 395. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

20 В оригинале «Мар ди Гра», т. е. не просто раздельно, а по слогам и при этом первый слог написан латиницей. В реальности кириллицей принято писать Марди-Гра (с французского *mardi gras* дословно «последний день карнавала», но в значении собственном «Вторник на масляной неделе») — это праздник в Новом Орлеане и других городах Луизианы, с красочным карнавалом, балами и парадами с участием ряженных и джаз-оркестров, которые проходят по центральным улицам города, в том числе по *Vieux Carré* (Французскому кварталу) и *Canal Street* (Канал-Стрит), привлекая тысячи туристов. Марди-Гра стал своеобразным символом Нового Орлеана. Традицию отмечать этот праздник ввели французские поселенцы. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Ни одна рука не поднялась в ярком луче проектора. Мисс Гейсс попыталась представить, как выглядит Нью-Йорк сейчас, спустя годы с начала Бедствия. Все выжившие там стали добычей сотен тысяч, *миллионов* жаждущих плоти нечестивых созданий, унаследовавших его грязные улицы...

Мисс Гейсс быстро пролистнула оставшиеся слайды: Сан-Диего, статуя Свободы, солнечный изгиб пляжа на Гавайях, остров Монеган в утреннем тумане, Лас-Вегас ночью... Все местá, которые она повидала за чудесные летние каникулы, все местá, которых она больше никогда не увидит.

— На сегодня с географией всё, — объявила Мисс Гейсс и выключила проектор. Ученики, кажется, забеспокоились в темноте. — Большая перемена, — сказала их учительница.

Мисс Гейсс понимала, что они не нуждаются в физических упражнениях. Их мёртвые мышцы не атрофируются, если их не использовать. В ярком свете весеннего дня дети казались только ещё более омерзительными в различных стадиях своего разложения.

Но Мисс Гейсс и подумать не могла, что четвёртый класс можно держать в помещении весь день, не пуская на перемену.

Она вывела их наружу, всё ещё нанизанных на четыре общие цепи, и закрепила концы цепей на железных прутьях, которые когда-то забила в гравийную и асфальтовую игровые площадки. Дети дёргались из стороны в сторону, в конце концов останавливались, натягивая свои цепи, словно надувные шары в форме детишек, дожидаящиеся начала парада «Мейси»²¹. Никто из них не обращал внимания друг на друга. Несколько человек тянулись в сторону Мисс Гейсс, беззубые дёсны причмокивали, словно в предвкушении, однако это зрелище и звук были настолько привычны, что Мисс Гейсс не ощущала ни малейшей угрозы или тревоги.

Она прошла дальше через игровую площадку для четвёртого класса, продолжила путь через извилистый лабиринт, который оставила в колюще-режущей проволоке, пересекла гравийную игровую площадку для первых классов и остановилась только тогда, когда добралась до рва, которым обнесла небольшой городской квартал, где располагалась старая школа и принадлежащая ей территория. Мисс Гейсс называла это *рвом*; в военно-инженерной литературе, которую она отыскивала в фондах библиотеки Карнеги, это называлось *противотанковой ловушкой*. Однако в технических характеристиках противотанковых ловушек речь шла о канаве по меньшей мере восьми футов глубиной и тридцати футов шириной, с откосами, поднимающимися под углом сорок пять градусов. Мисс Гейсс с помощью «Ди-7»

21 Macy's Parade (парад «Мейси») — красочное шествие по Манхэттену в День благодарения, организуемое нью-йоркским универмагом Macy's. Проводится ежегодно с 1927 г.. В параде участвуют ученики школ города и страны, школьные, пожарные и полицейские духовые оркестры, но главная достопримечательность — огромные надувные игрушки, герои сказок, мультфильмов и телепередач; их на тросах проносят по Бродвею (Broadway) от Центрального парка (Central Park) до главного входа универмага, причём новыми персонажами коллекция пополняется чуть ли не каждый год. Вечером накануне парада происходит церемония надувания игрушки (Inflation Eve), которая, как и сам парад, транслируется по телевидению в прямом эфире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

выкопала ров вполовину мельче и уже, с медленно осыпающимися краями, под углом не больше двадцати градусов. Но ведь если мертвецы явятся сюда, рассуждала она, они определённо явятся не на танках.

Бензин был штришком, который она добавила, почерпнув из старых статей сведения о том, как сражались защитники Ирака во время войны в Заливе. Отыскать бензин было не проблемой — Донни реквизирует большúю цистерну, чтобы забирать топливо из подземных резервуаров «Тексако»²², обеспечивая работу генератора, который они установили в школе, — зато удержать топливо в канаве, не давая ему просачиваться в почву, было трудновыполнимой задачей, пока Мисс Гейсс не вспомнила об огромных полотнищах чёрного полиэтилена, оставленного на шоссе у строительного вагончика.

Теперь она смотрела на плещущийся в канаве холодный бензин, размышляя, насколько нелепы все эти меры предосторожности, все эти прожекторá, эти видеокамеры.

Зато ей было чем заняться.

«Точно так же, как делать вид, будто учишь чему-то эти несчастные потерянные дúши?» Мисс Гейсс отбросила эту мысль и направилась обратно к игровой площадке, поднося свисток к губам, чтобы дать сигнал к окончанию большой перемены. Никто из учеников не реагировал на свисток, однако Мисс Гейсс всё равно свистнула. Традиция.

Она повела их в зал для рисования, чтобы сделать фотографию. Она не знала, почему студийные фотографы делали снимок именно здесь — цвета́ были бы неизмеримо лучше, если бы они фотографировали детей на улице, — однако, сколько она себя помнила, классы фотографировались в зале для рисования; всех учеников выстраивали — самых низеньких в передние ряды, хотя передние ряды всё равно опускались на колени — под громадной керамической картой Соединённых Штатов, каждый штат на которой был сделан из обожжённой коричневой глины и помещён на своё место каким-то художественно одарённым классом лет пятьдесят, а то и больше, назад. Углы керамических штатов загнулись вверх по краям своих контуров, словно некое сейсмическое явление раздирало нацию на части. Техас вообще отвалился лет восемь-девять назад, и обломки были приклеены на место не слишком аккуратно, отчего штат походил на федерацию, состоящую из более мелких штатов.

Мисс Гейсс никогда не любила Техас. Она была ещё ребёнком, когда в Техасе убили президента Кеннеди, и, по её мнению, всё в стране пошло наперекосяк именно с того момента.

Она ввела детей в зал колоннами, зацепила концы их общих цепей за радиатор, поставила разогретое блюдо поощрительных наград на пол между камерой и классом, убедилась, что кассета с плёнкой, которую она вставила этим утром, легла правильно, установила таймер, быстро шагнула, чтобы встать

22   Тексако — нефтяной гигант США. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

рядом с Тоддом²³, тянувшимся, как тянулись все остальные ученики, чтобы добраться до наггетсов, и попыталась улыбнуться, когда таймер зашипел²⁴ и затвор щёлкнул.

Она сделала ещё две поляроидных карточки и лишь мельком взглянула на них, прежде чем сунуть в карман своего фартука. Большинство детей смотрели вперёд. Это уже хорошо.

До завершения учебного дня оставалось ещё десять минут, когда она снова усадила класс на места, однако Мисс Гейсс никак не могла заставить себя заняться с ними правописанием, или почитать вслух, или хотя бы всунуть карандаши им в руки и положить перед ними по листу толстого пергамента. Она сидела и смотрела на них, ощущая тяжкий груз усталости и безнадежности у себя на плечах.

Ученики таращились в её сторону... или же в сторону блюда с остывающими наггетсами.

В три часа пополудни прозвенел спасительный звонок, Мисс Гейсс прошла по широким рядам, кидая детям наггетсы, после чего выключила свет, заперла дверь и покинула класс до завтрашнего дня.

Утро, и свет такой насыщенный, какого Мисс Гейсс не видела многие годы. Когда она подходит к классной доске, чтобы написать задание для класса рядом с уже написанным расписанием, она замечает, что выглядит сейчас гораздо моложе. На ней платье, какое было в то утро, когда они с мистером Фарнхэмом шли по Бруклинскому мосту.

— Достаньте, пожалуйста, свои книги для чтения, — произносит она негромко, — Группа «Время зелёного салата» пересаживается вперёд со своими книгами и списком проверочных вопросов. «Волшебные кроссовки», я посмотрю выписанные вами в словарь слова, когда мы закончим. «Спринт», пожалуйста, выполните упражнение из учебника и будьте готовы выйти и отвечать на вопросы в десять пятнадцать. Все, кто закончит раньше, могут получить вопросы повышенной сложности для любознательных.

Дети спокойно занимаются своими заданиями. Группа за передним столом читает Мисс Гейсс и тихонько отвечает на вопросы, пока остальные дети работают, порождая тот негромкий, почти не поддающийся восприятию гул, который повсеместно является шумовым фоном всякого хорошего класса.

Пока группа «Зелёного салата» письменно отвечает на вопросы, помещённые в конце рассказа, Мисс Гейсс проходит между остальными учениками.

У Сары на голове платок, завязанный на затылке. Концы платка торчат сзади, словно маленькие кроличьи ушки. Обычно Мисс Гейсс не позволяет находиться в классной комнате в головных уборах, однако Сара недавно прошла курс химиотерапии и лишилась всех волос. В классе никто её за это не дразнит, даже Тодд.

23 В оригинале вдруг «Тодцом». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

24 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Сейчас Сара склоняется над учебником и вчитывается в помещённые там вопросы. Время от времени она принимается грызть ластик на конце своего карандаша. Ей девять лет. Глаза у неё голубые, а кожа молочно-прозрачная, словно осколок дорогого фарфора. Щёки, кажется, тронуты здоровым румянцем, и лишь с близкого расстояния становится видно, что всё это лёгкий грим, который наложила ей мать, что Сара всё ещё бледна и измучена болезнью.

Мисс Гейсс останавливается рядом с её партой.

— Что-то не получается, Сара?

— Я не понимаю вот этого. — Сара указывает пальцем на строчки с заданием. Ногти у неё изгрызены так же, как и резинка на конце карандаша.

— Здесь сказано, что надо выбрать подходящую приставку и прибавить её к слову, — шёпотом объясняет Мисс Гейсс.

В передней части комнаты Кирстен с громким скрежетом затачивает карандаш. Весь класс наблюдает, как Кирстен вытряхивает опилки в мусорную корзину, внимательно осматривает кончик карандаша и снова принимается скрежетать.

— А что такое «приставка»? — шёпотом спрашивает Сара.

Мисс Гейсс наклоняется ниже. Их обеих на мгновение объединяют заговорщические узы, порождённые близостью и гипнотическим фоновым жужжанием занятой делом классной комнаты. Мисс Гейсс ощущает тепло, исходящее от щеки сидящей рядом девочки.

— Ты прекрасно помнишь, что такое «приставка», — отвечает Мисс Гейсс и показывает девочке.

Она подходит к переднему столу как раз тогда, когда «Время зелёного салата», самая сильная группа, возвращается за свои парты, а «Спринт», маленькая группка середнячков, выходит вперёд. В «Спринте» всего шестеро учеников, четверо из них — мальчики.

— Дэвид, — произносит она, — можешь рассказать мне, как дельфин одновременно спас мальчика и причинил ему боль?

Дэвид хмурится, как будто погружён в глубокие размышления, и грызёт конец карандаша. Его листок, предназначенный для ответов на вопросы, чист.

— Тодд, — обращается Мисс Гейсс, — можешь рассказать нам?

Тодд переводит на неё гневный взгляд. Мальчик кажется постоянно раздражённым, словно ведёт какой-то сердитый внутренний спор.

— Рассказать о чём?

— Расскажи нам, как дельфин одновременно помог мальчику и сделал ему больно.

Тодд начинает пожимать плечами, но в последний момент замирает. Мисс Гейсс отучила его от этой привычки, проявляя терпение и ободряющую настойчивость: похвала, дополнительные почётные поручения, если ему удавалось продержаться весь день, не пожимая плечами, грамота «Лучший в классе» в конце недели, которую можно показать дома.

— Он спас его, — произносит Тодд.

— Очень хорошо, — отвечает Мисс Гейсс с улыбкой. — Спас его от кого?

— От акулы, — говорит Тодд. Волосы у него нечёсанные и немытые, шея грязная, зато глаза́ ярко-голубые, гневно горящие.

— И как он едва не причинил мальчику вред? — спрашивает Мисс Гейсс, поглядывая на маленькую группку, которая будет отвечать следующей.

— Они идут, Мисс Гейсс! — громко выкрикивает Тодд.

Она смотрит на са́мого рослого своего ученика, собираясь сказать ему, чтобы он не отвлекался, однако то, что она видит, заставляет её окаменеть раньше, чем она успевает заговорить.

Глаза́ Тодда внезапно превращаются в пустые, провалившиеся, белесые ямы. Его кожа делается по цвету и текстуре похожей на брюхо дохлой рыбы. Зубы исчезают, дёсны иссохшие и синие. Тодд ещё шире раскрывает рот, и внезапно это уже не рот, а просто дыра, вырытая в лице мертвеца. Раздающийся голос выходит из живота трупа, как будто крошечный магнитофон работает внутри какой-то мерзкой куклы.

— Скорее, Мисс Гейсс, они идут, чтобы причинить нам вред. Проснитесь!

Мисс Гейсс села на постели с колотящимся сердцем, хватая воздух ртом. Она нашарила на ночном столике очки, водрузила их на нос и оглядела комнату.

Всё было в порядке. Яркий свет уличных прожекторов просачивался сквозь маркизы на высоком окне и рисовал белые прямоугольники на полу классной комнаты верхнего этажа, которую она переделала под свою спальню-гостиную. Мисс Гейсс изо всех сил прислушивалась, не обращая внимания на грохочущий в ушах пульс, но из классной комнаты под ней не доносилось никаких необычных звуков. Снаружи тоже было тихо. Молчаливый ряд видеомониторов рядом с её кроватью показывал пустые коридоры, залитый светом двор, замершие игровые площадки. На ближайшем к ней мониторе отображалась тёмная классная комната: ученики стояли, сидели, распростёршись на партах, заваливались в стороны или натягивали цепи. Все они были здесь.

«Просто сон, — сказала себе Мисс Гейсс. — Ложись и спи дальше».

Но вместо этого она встала с постели, натянула своё лоскутное платье поверх фланелевой ночной рубашки, повязала поверх резиновый фартук, сунула ноги в сапоги, взяла «ремингтон», отыскала прибор ночного видения, который Донни привёз с городского склада, набитого подобными товарами, и вышла, чтобы подняться по широкой лестнице на колокольню.

Мисс Гейсс вышла на узкую площадку, огибающую колокольню по периметру. Отсюда просматривалась вся территория, и лишь участок восточного двора школы был закрыт фронтоном. Свет прожекторов заливал игровые площадки, ров, освещал ближайшие участки разровненного бульдозером мусора там, где когда-то стояли соседние дома́. Ничто не двигалось.

Учительница зевнула и покачала головой. Ночной воздух был холодным, она видела облачко собственного дыхания. «Я уже слишком стара, чтобы вот так вскакивать. Банды беженцев сейчас гораздо опаснее покойников».

Она развернулась, чтобы спуститься по лестнице, но в последний момент задержалась перед распределительным щитом, который они с Донни установили на колокольне. Тихонько вздохнув, она потянула рубильник, отключающий прожектора, и принялась возиться с прибором ночного видения. Он был тяжёлым, плохо сидел у неё на голове и не налезал поверх её очков. Кроме того, она постоянно ощущала, что выглядит по-идиотски с этой штукой на лице. Однако Донни рисковал жизнью, когда ездил за ним в город. Она передвинула свои очки на лоб и опустила на глаза прибор ночного видения.

Развернулась и окаменела. Твари шевелились на западе, за пределами того круга, который высвечивали прожектора. Они копошились между мусорными кучами, бледные сгустки выбирались из фундаментов и нор в каменных завалах. Мисс Гейсс могла определить, что они мертвы, по тому, как они спотыкались и падали, и поднимались снова, натываясь на препятствия, и всё равно упрямо продолжали продвигаться вперёд. Их было двадцать... нет, не меньше тридцати высоких силуэтов, направлявшихся прямо к школе.

Она развернулась на север. Ещё штук тридцать или больше фигур двигалось оттуда. На востоке ещё отряд, на расстоянии броска камня ото рва. И ещё сколько-то на юге.

Больше сотни мертвецов приближалось к школе.

Мисс Гейсс сдёрнула прибор ночного видения и присела на край лестницы, пригибая голову едва ли не к коленям, чтобы чёрные пятна перед глазами померкли и она снова смогла нормально дышать.

«Они никогда ещё не организовывались вот так. Никогда не приходили все вместе».

Она ощутила, как сердце прыгнуло, дрогнуло, после чего снова забилося.

«Я и не подозревала, что в окрестностях осталось столько мертвецов. Как же...»

Часть её разума кричала, чтобы она прекратила теоретизировать и сделала что-нибудь. «Они идут за детьми!»

Это нелепо. Мертвецы едят только живую плоть... или хотя бы плоть, только что бывшую живой. Значит, они должны идти за *ней*. Однако кошмарная уверенность не проходила: «Они хотят забрать детей».

Мисс Гейсс защищала своих детей на протяжении тридцати восьми лет. Она оберегала их от самых худших проявлений жизни, позволяя своим ученикам, насколько это было возможно, оставаться в безопасности и плодотворно трудиться весь учебный год. Она защищала своих детей друг от друга, от хулиганов и их же недобрых ровесников; она защищала их от бессердечного тупоумного начальства; она оберегала их от превратностей учебного плана и от кошмарных местечковых философий. Мисс Гейсс защищала, по мере сил, свои четвёртые классы от слишком раннего взросления и вульгарных проявлений общества, всегда поощряющего вульгарность.

Она защищала их — всеми своими способностями и силой воли — от побоев, похищений, психологического и сексуального насилия со стороны тех монстров, которые прятались под масками пап и мам, приёмных родителей, дядюшек или дружелюбно настроенных чужаков.

И вот теперь эти мёртвые твари явились за её детьми.

Мисс Гейсс пошла вниз по лестнице так стремительно, что фартук и подол платья захлопали на ветру.

Мисс Гейсс понятия не имела, почему в строительном вагончике на шоссе оказался сигнальный пистолет, в отсеке, соседнем с тем, в котором она обнаружила подрывные капсулы, но пистолет она оценила. К нему прилагалось всего три заряда, тяжёлые штуки, которые походили на гипертрофированные патроны для дробовика. До сих пор она не израсходовала ни одного.

И вот теперь она поспешно поднималась обратно на колокольню с ракетницей в руке и тремя зарядами в кармане фартука. Ещё она прихватила четыре коробки патронов калибра .30-06²⁵.

Некоторые из покойников всё ещё топтались в сотне ярдов от игровой площадки, но остальные уже форсировали ров.

Мисс Гейсс извлекла из кармана заряд, переломила ракетницу и неловкими пальцами принялась вставлять патрон. Заставила себя остановиться и перевести дух. Прибор ночного видения болтался на шее, тяжёлый, словно альбатрос. «Где мои очки? Куда я подевала свои очки?»

Она протянула руку к голове, опустила на место свои бифокальные очки, снова отдышалась и засунула ракету в пистолет. Со щелчком соединила части ракетницы и потянула рубильник, включающий прожектор, отчего игровые площадки залило белым светом.

Дюжина или больше мертвецов находились перед рвом. Ещё десятки ковыляли по улицам с двух сторон.

Мисс Гейсс взяла ракетницу обеими руками, закрыла глаза и нажала на курок. Ракета взмыла слишком высоко и упала, не долетев до рва дюжины ярдов. Она запылала алым огнём, лёжа на земле. Голый покойник с торчащими наружу берцовыми костями перешагнул через огонёк и продолжил рывками двигаться к школе. Мисс Гейсс перезарядила пистолет. Взяла ниже и выстрелила в западном направлении.

На этот раз ракета ударилась в грязный склон на дальней стороне рва и исчезла из виду. Алым огонёк пошипел секунду, а потом погас. Ещё с дюжину бледных силуэтов форсировало ненадёжную преграду.

Мисс Гейсс зарядила последнюю ракету. Внезапно раздался звук, похожий на порыв неизвестно откуда взявшегося ветра, и всю западную часть рва охватило пламя. Последовала пауза, после чего пламя ринулось на юг и на север, заворачивая за углы, словно приведённые в движение хитро уложенные костяшки домино. Мисс Гейсс перешла на восточную сторону смотровой

25 В оригинале «.30-.06» (детальнее см. 15) с лишней точкой в обозначении калибра и без пробела перед. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

площадки, наблюдая, как огонь несётся по рву, пока вся школа не оказалась в центре громадного прямоугольника пламени тридцати футов высотой. Даже с расстояния пятьдесят ярдов она ощущала жар на лице. Она опустила ракетницу в большой карман фартука.

Примерно две дюжины фигур, уже пересекших канаву, ковыляли через игровую площадку. Несколько запуталось в колюще-режущей проволоке, но затем вырвалось на свободу и двинулось дальше.

Мисс Гейсс посмотрела на свои руки. Они больше не дрожали. Она старательно зарядила «ремингтон», заполнив обойму. Затем подтянула ремень винтовки, как было показано в книгах, надёжно упёрлась локтями в перила, глубоко вдохнула и приставила глаз к телескопическому прицелу²⁶. Когда повсюду полыхало пламя, ей не нужны были огни прожекторóв. Она выбрала первый движущийся силуэт, прицелилась ему в череп и плавно спустила курок. После чего прицелилась в следующего.

На краю игровой площадки все остальные форсировали ров, несмотря на огонь. Кажется, ни один не повернул назад. Каким бы невероятным это ни показалось, но несколько даже прорвалось, закопчённые, но невредимые; большинство выходило пылающими, словно вымоченные в бензине факелы, языки пламени играли на их телах, накатывая оранжево-чёрными волнами. Они продолжали двигаться вперёд ещё долго после того, как сгнившая одежда и сгнившая плоть обгорали до костей. Даже наполовину оглохнув от грохота «ремингтона», Мисс Гейсс слышала далёкое «чпок», когда мозговая жидкость, перегревшись и превратившись в пар, взрывалась в черепах, превращая их в осколочные гранаты. После чего тело падало, добавляя к общей иллюминации персональный погребальный костёр.

Мисс Гейсс передвинула прицел, выстрелила, кинула взгляд поверх ствола, убеждаясь, что труп упал на землю и там и остался, нашла новую мишень, прицелилась и снова выстрелила. После трёх выстрелов она переходила по балкону в следующий сектор, опиралась на перила и выбирала мишень. Ей пришлось перезаряжать пять раз.

Когда она закончила, на игровой площадке валялось больше сотни тел. Некоторые до сих пор пылали. Всё было тихо.

Однако она слышала треск и грохот металлической решётки с той стороны, где твари всё-таки прорвались, с восточной стороны школы. Здесь на линии огня находился фронтон здания. Тридцать или даже больше тварей добрались до школы и раздирали оконные ставни и укреплённые двёри.

Мисс Гейсс оттянула воротник своего платья и утёрла им лицо. На ткани осталась копоть от дыма, и она с удивлением заметила, что у неё слезятся глаза. Повесив «ремингтон» на плечо, Мисс Гейсс спустилась по лестнице и вошла в свою комнату. Автоматический девятимиллиметровый браунинг Донни лежал в ящике, куда она положила его в тот день, когда кремировала Донни. Пистолет был заряжен. Также в ящике лежали два запасных магазина и жёлтая коробочка с запасными патронами.

26 Ого! «Телескопический» прицел — это просто за гранью фантастики, явно имеется ввиду оптический, но попутал переводчик или автор — не ясно. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Мисс Гейсс положила коробочку и магазины в карман своего фартука, вынула браунинг и пошла вниз по широкой лестнице, ведущей на первый этаж.

В конце концов, она едва не погибла из-за усталости.

Она расстреляла все три магазина, один раз перезаряжала и была уверена, что ни одного из *тех* не осталось, когда опустилась на дорожку, чтобы отдохнуть.

Последний труп принадлежал высокому мужчине с длинной бородой. Она прицелилась из браунинга с пяти футов и выпустила оставшуюся пулю в левый глаз твари. Труп упал, как будто ему перерезали сухожилия. Мисс Гейсс и сама рухнула, тяжело опустившись на боковую дорожку, слишком измотанная и переполненная омерзением, чтобы возвращаться через парадный вход.

Огонь во рву утих, спалив верхний слой почвы. Костры поменьше добавляли дыма и огня в воздух, уже затянутый тёмной пеленой. Десятки распростёртых тел усеивали парадное крыльцо и боковые дорожки. Мисс Гейсс хотелось зарыдать, но она слишком устала, чтобы делать хоть что-нибудь, она смогла лишь опустить голову и глубоко, медленно дышать, пытаясь избавиться от вони сгоревшей падали.

Бородатый труп перед ней рывком поднялся и заковылял по шести футам разделяющей их дорожки к Мисс Гейсс, протягивая когтистые пальцы.

Мисс Гейсс успела подумать: «Пуля ударилась о кость, не попав в мозг», — и тварь выбила у неё из рук браунинг, заставив её повалиться назад, подминая под себя винтовку на ремне. Очки слетели с носа, когда в неё вцепились холодные пальцы трупа. Его рот начал приближаться, словно желая поцеловать её лишённым губ, разинутым ртом.

Правая рука Мисс Гейсс была придавлена, но левая свободна, она принялась шарить ею в кармане фартука, нащупывая оставшиеся пули, находя и отбрасывая щипцы, и,²⁷ наконец,²⁸ рука вынырнула, сжимая что-то тяжёлое.

Мертвец наклонился, чтобы сожрать ей лицо, прогрызть себе путь к мозгам. Мисс Гейсс сунула ему в пасть по-мультяшному широкое дуло ракетницы и спустила курок.

Костры догорели к восходу солнца, однако в воздухе пахло дымом и гнилью. Мисс Гейсс прошаркала через коридор, отперла классную комнату и остановилась, глядя на класс.

Все ученики были необычно притихшими, как будто каким-то образом узнали о ночных событиях.

Мисс Гейсс не заметила этого. Чувствуя, что усталость захлестывает её, словно волна, она возилась с замками, снимая цепи с их шей и запястий, потом повела их на улицу на общих цепях. Она протащила их через проходы в колюще-режущей проволоке, словно вела на прогулку свору слепых, неуклюжих собак.

27 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

28 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

На краю игровой площадки она отперла замки железных ошейников, выдернула из них общие цепи и швырнула всё на землю. Маленькие тела пошатывались, как будто пытаясь восстановить равновесие, какое им помогали сохранять натянутые цепи.

— Занятия окончены, — устало произнесла Мисс Гейсс. В свете восходящего солнца от предметов вокруг тянулись длинные тени, и у неё болели глаза. — Уходите, — шёпотом проговорила она. — Идите по домам.

Она не оглянулась, проходя через лабиринт в проволоке и направляясь обратно к школе.

Кажется, прошло немало времени, пока учительница сидела за своим столом, слишком уставшая, чтобы двигаться, слишком уставшая, чтобы подняться наверх и поспать. Классная комната была пуста так, как только может быть пуста классная комната.

Спустя какое-то время, когда солнечный свет прокрался по лакированным деревянным полам почти до самого её стола, Мисс Гейсс начала было подниматься, но ей помешал толстый фартук. Она сняла фартук и вытряхнула содержимое карманов на стол: щипцы, жёлтая коробочка с патронами, девятимиллиметровый браунинг, который она взяла из ящика, наручники, которые она только вчера сняла с Майкла, пустые гильзы, три поляроидных снимка. Мисс Гейсс взглянула на первый снимок и неожиданно опустилась обратно на стул.

Она поднесла фотографию к свету, внимательно рассмотрела, затем проделала то же самое с оставшимися двумя.

Тодд улыбался в камеру. В этом не было никакого сомнения. Это не была гримаса, не был спазм, не было случайное сокращение мышц мёртвого рта. Тодд смотрел прямо в камеру и улыбался — показывая голые дёсны, что верно, то верно, но всё равно улыбался.

Мисс Гейсс всмотрелась ещё внимательнее и поняла, что Сара тоже смотрит в камеру. На первом снимке она смотрела на куриные наггетсы, зато на второй фотографии...

Из коридора донёсся шаркающий, скребущий звук.

«Боже мой, я же забыла заложить засовом западную дверь». Мисс Гейсс осторожно отложила фотографии и подняла свой браунинг. Магазин был полон, один патрон в патроннике.

Шарканье и скрежет продолжались. Мисс Гейсс упёрлась прикладом в бедро и принялась ждать.

Тодд вошёл первым. Лицо его было лишено выражения, как и прежде, но в глазах у него было... что-то. Потом вошла Сара. Кирстен с Дэвидом появились спустя секунду. Друг за другом они, шаркая, входили в классную комнату.

Мисс Гейсс слишком устала, чтобы двигаться. Она знала, несмотря на все её рассуждения о слабости детских рук и пальцев в качестве оружия, двадцать три ребёнка просто сметут её, как приливная волна. У неё нет двадцати трёх пуль.

Да это и не имело значения. Мисс Гейсс знала, что ни за что не станет стрелять в этих детей. Она положила пистолет на стол.

Дети продолжали входить в комнату. Сара Джей вошла вслед за Джастином. Майкл появился последним. Все двадцать три были здесь. Они пошатывались, спотыкались и толкались. Цепей не было.

Мисс Гейсс ждала.

Тодд первым нашёл своё место. Он упал на стул, затем рывком поднял себя рядом с партой. Остальные дети наталкивались и стукались друг о друга, но постепенно находили свои места. Глаза их вращались, взгляд блуждал, но все они смотрели более-менее вперёд, приблизительно в сторону Мисс Гейсс.

Их учительница сидела перед ними один долгий миг, ничего не говоря, ни о чём не думая, едва осмеливаясь дышать из боязни спугнуть мгновение и опасаясь, что всё это лишь наваждение.

Момент не был нарушен, просто прозвенел первый звонок, разнёсшийся эхом по длинным коридорам школы. Последняя учительница посидела ещё секунду, собираясь с силами и подавляя горячее желание расплакаться.

Потом Мисс Гейсс поднялась, подошла к доске и своим самым лучшим наклонным почерком принялась выводить расписание, чтобы они знали, чем будут заниматься и что изучат за этот день.

April 1992 © Dan Simmons

Келли Линк «Некоторые планы на случай встречи с зомби»

Келли Линк принадлежит множество чудесных рассказов, собранных в двух изданиях: «Случаются странные вещи» («Stranger Things Happen») и «Магия для чайников» («Magic for Beginners»). Её фантасстика публиковалась в «The Magazine of Fantasy &²⁹ Science Fiction», «Realms of Fantasy», «Azimov's»³⁰, «Conjunctions» и во множестве антологий. Вместе с мужем, Гэвином Дж. Грантом, Линк руководит издательством «Small Beer Press» и выпускает электронный журнал «Lady Churchill's Rosebud Wristlet». Также Линк и Грант (в сотрудничестве с Эллен Датлоу) выпускают ежегодный сборник «The Year's Best Fantasy and Honor». Произведения Линк принесли ей стипендию NEA в области литературы, а также завоевали множество наград, включая «Хьюго», «Небьюл»³¹, Всемирную премию фэнтези, премию Брэма Стокера и Джеймса Тинтри-младшего и журнала «Locus».

Рассказ «Некоторые планы на случай встречи с зомби» впервые появился в сборнике «Магия для чайников». Как следует из этого произведения, план на случай встречи с зомби — вещь совершенно необходимая, так что, прежде чем перелистывать весь сборник, я настоятельно рекомендую вам задержаться и прочитать этот рассказ, чтобы вы могли составить собственный план. По правде говоря, вам следовало бы задуматься над этим прямо сейчас — этот том, хоть и довольно увесистый, вряд ли может стать настоящим оружием против оживших мертвецов.

Этот парень по прозвищу Обмылок опять проводит время на вечеринке в одном из пригородов. Всё, что вам необходимо о нём знать, так это то, что в багажнике машины он хранит небольшую написанную маслом картину в рамке. Она размером всего с книжку карманного формата. Куда бы ни шёл Обмылок, эта старинная картина всегда при нём. Но сейчас она лежит в багажнике его машины. Вы ведь не станете брать с собой картину, когда идёте на вечеринку. Люди могут подумать, что вы немного не в себе.

Обмылок здесь ни с кем не знаком. Он просто вломился на вечеринку без приглашения, как всегда поступает, когда чувствует себя одиноким. В конце недели он просто ездит по пригородам, пока не находит какую-нибудь тусовку, настолько многолюдную, что народ выплёскивается из дома во двор.

29 В оригинале знак «амперсанд» в формате гипертекста html «&»; (прим. ред. Alex.Rus.UA)

30 В оригинале почему-то «Asimov's» через «s». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

31 В оригинале «Небьюлу». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Молодёжь расположилась на газоне у двухэтажного дома, все сидят на влажной траве и пьют пиво из пластмассовых стаканов. Обмылок тоже принёс с собой полдюжины пива. Это наименьшее, на что он способен. Он проходит через весь дом, мимо четверых чернокожих парней, устроившихся на диване. Парни смотрят футбол, а из стерео доносится музыка. Звук в телевизоре выключен. Позади телевизора белая девушка танцует сама с собой. Стоит ей подойти к телевизору поближе, как парни на диване начинают ворчать.

Обмылок находит кухню. В ней стоит огромная профессиональная духовка, а к стене магнитами подвешено несколько дорогих на вид ножей. Любопытно, как дорогие предметы в одно и то же время выглядят более опасными и более надёжными. Он роется в холодильнике и обнаруживает нарезанный сыр и оладьи. Он берёт три ломтика сыра и оладьи, а пиво ставит в холодильник. Там ещё лежат бифштексы, и он забирает один из них и разогревает в духовке.

В кухню забредает девчонка. У неё чёрные волосы, и все они зачёсаны наверх, так что на макушке образовались волны из жёстких мелких завитков. С этой архитектурной причёской она примерно такого же роста, как и Обмылок. А глаза у неё цвета кочанного салата. Под одним зелёным глазом блестит сердечко из горного хрусталя. Хрусталь подмигивает ему, словно своему знакомому. Она выглядит великолепно, но Обмылок предпочитает не связываться с девчонками, которые, по всей видимости, ещё не закончили школу.

— Что ты делаешь? — спрашивает она.

— Готовлю бифштекс, — говорит Обмылок. — Хочешь, и тебе разогрею?

— Нет, — отказывается она. — Я уже поела.

Она садится на стол рядом с раковиной и начинает болтать ногами. На девчонке лифчик от купальника и розовые шорты, а ноги босые.

— Ты кто? — опять спрашивает она.

— Уилл, — говорит Обмылок, хотя это не его имя, как, впрочем, и Обмылок.

— А я Карли, — представилась девчонка. — Хочешь пива?

— В холодильнике есть пиво, — отвечает Уилл.

— Я знаю, что есть, — сообщает Карли.

Уилл открывает и закрывает ящики и дверцы шкафов, пока не находит тарелку, нож с вилкой и чесночную соль. Потом вынимает из духовки бифштекс.

— Ты путешествуешь по штату? — не умолкает Карли.

Она открывает бутылку о край кухонного стола, и Уилл понимает, что она **рисует**.

— Нет, — отвечает он.

Он садится за стол и отрезает кусок бифштекса. С тех пор как он и его приятель Майк вышли из тюрьмы и Майк уехал в Сизл, он чувствует себя одиноким. Здорова сидеть на кухне и болтать с девчонкой.

— А чем же ты занимаешься?

Она садится за стол напротив него, поднимает руки и потягивается, пока в спине не раздаётся хруст. У девчонки классный бюст.

— Телемаркетингом, — говорит Уилл, и Карли корчит рожу.

— Какая мура!

— Да, — соглашается Уилл. — Но на самом деле это не так уж и плохо. Мне нравится разговаривать с людьми. Я недавно освободился из тюрьмы.

Он кладёт в рот ещё один большой кусок бифштекса.

— Ни фиги себе, — удивляется Карли, — А что ты сделал?

Уилл жуёт. Потом глотает.

— Я сейчас не хочу об этом говорить.

— Ладно, — соглашается Карли.

— Тебе нравятся музеи? — спрашивает Уилл.

Судя по виду, этой девчонке должны нравиться музеи.

В кухню вваливается подвыпивший белый парень. Он кивает Уиллу, а потом ложится на пол, головой под стул Карли.

— Карли, Карли, Карли, — бормочет парень, — Я так люблю тебя сейчас. Ты самая красивая девчонка в целом мире. И даже не знаешь, как меня зовут. Очень обидно.

— Музеи — это хорошо, — говорит Карли. — Я люблю концерты. Джаз. Комические импровизации. Я люблю всё, что никогда не повторяется от раза к разу.

— А как насчёт зомби? — спрашивает Уилл.

Бифштекса больше не осталось. Он берёт оладью и подбирает с тарелки мясной сок. Наверное, можно было бы съесть и второй бифштекс. Парень, лежащий под стулом Карли, снова начинает болтать:

— Карли, Карли, Карли, мне нравится, когда ты сидишь у меня на лице, Карли.

— Ты говоришь про фильмы ужасов? — переспрашивает Карли.

— Про оживших мертвецов, — доносится из-под стула. — Ходячие трупы. И почему мертвецы ходят повсюду? Почему бы им не воспользоваться автобусом?

— Ты ещё не наелся? — интересуется Карли. — Я могу приготовить коричные тосты. Или какой-нибудь суп.

— Они могли бы возить друг друга по очереди, — продолжает лежащий на полу парень. — Эй, вы, там, я не понимаю, почему это называется карпул³². Кар-пул. Кар-пул. Карли-пул. В бассейне Карли купаются голышом, а Карли голышом не купается.

— Здесь есть телефон? — спрашивает Уилл. — Я подумал, надо бы позвонить отцу. У него завтра операция на сердце.

32 Carpool — договорённость о поочередной развозке друзей или соседей на работу, в школу, в магазин. Car — автомобиль, Pool — бассейн. (прим. изд. Азбука-классика; СПб)

Это не его имя, но давайте будем звать его Обмылок. Такое прозвище ему дали в тюрьме, хотя совсем не по тем причинам, о которых вы думаете. Ещё в детстве он читал книжку о мальчишке по имени Обмылок, так что не стал возражать против клички. Это лучше, чем Овсянка, как называли одного парня. Но вам лучше не знать, почему Овсянку прозвали Овсянкой. Иначе ваша овсянка вылетит наружу.

Обмылок провёл в тюрьме шесть месяцев. Иногда шесть месяцев проходят очень быстро. В утробе матери мы проводим больше времени. Но шесть месяцев в тюрьме — достаточно долгий срок, чтобы задуматься обо всём и обо всех вокруг. Если поинтересоваться, о чём размышляют люди вокруг вас, можно сойти с ума. Некоторые парни думают о своих родных, другие мечтают отомстить, а кое-кто собирается разбогатеть. Есть такие, кто поступает на заочные курсы или влюбляется после похвалы инструктора-добровольца своим акварелям. Обмылок не учился живописи, но много думал об искусстве. Именно из-за искусства он и попал в тюрьму. Это звучит романтично, но на самом деле он туда попал по глупости.

Ещё до того, как он и Майк сели в тюрьму, Обмылок был уверен, что разбирается в искусстве, хотя и не слишком много о нём знает. То же самое он думал о тюрьме. У многих из нас есть собственное мнение об искусстве и о тюрьме, даже если мы о них почти ничего не знаем. Обмылок и сейчас не слишком разбирается в искусстве. Вот что было ему известно до тюрьмы: он мог определить, нравится ли ему то, что он видит. Как выяснилось, он знал, что ему нравится, даже если не видел этого.

В музеях на него нападала икота. И в тюрьме он тоже очень часто икал.

А вот что он узнал об искусстве, пока был в тюрьме.

Великое искусство является последствием великих страданий. А из-за искусства ему пришлось порядочно наглотаться дерьма.

Есть большая разница между искусством, когда ты просто смотришь, и предметами, вроде мыла, которыми ты пользуешься. Даже если мыло пахнет так приятно, что не хочется им мыться, а только нюхать. Вот почему люди так помешаны на искусстве. Потому что его нельзя съесть, на нём нельзя спать, нельзя даже сунуть в него свой нос. Есть много людей, которые любят заявлять: «Это не искусство», когда речь заходит о таких вещах, которые не могут быть ничем иным, как произведениями искусства.

Когда размышлять об искусстве надоедало, Обмылок начинал думать о зомби. Он даже выработал собственный план на случай встречи с зомби. Думать о зомби было не так утомительно, как об искусстве. Вот что он знал о зомби.

- Зомби не занимались сексом.
- Зомби не интересовались искусством.
- Зомби были незатейливыми существами. К примеру, они совсем не похожи на призраков, оборотней или вампиров, занимавших верхние или выше среднего уровня в иерархии сверхъестественного мира. Кое-кто считал вампиров рок-звёздами, но на самом деле они ближе к

Марте Стюарт³³. Вампиры отличаются чопорностью. Они обязаны следовать определённым правилам. Они должны хорошо выглядеть. Для зомби всё это не обязательно. Зомби невозможно изгнать. Нет необходимости в такой роскоши, как серебряные пули, или распятия, или святая вода. Вы должны просто выстрелить зомби в голову, или сжечь их, или хорошенько стукнуть по голове. Некоторые парни в тюрьме знали об этом. В тюрьме были люди, которым было известно всё, о чём ты хотел бы узнать. А были такие, кто знал всё, о чём ты знать не хотел. Как в библиотеке, только совсем по-другому.³⁴

- Зомби непривередливы³⁵. Им все люди одинаковы по вкусу. И каждый мог *стать* зомби. Для этого не требовалось ни особых достижений, ни успехов в спорте, ни привлекательной наружности. Можно не обладать хорошим запахом, не носить стильную одежду, не слушать какую-то особую музыку. Надо только быть медлительным.³⁶

Эта особенность зомби нравилась Обмылку.³⁷

Но в его мыслях присутствовали не только зомби.³⁸

В клоунах было нечто такое, что делало их ещё страшнее зомби. (Или, по крайней мере, такими же страшными.) При виде зомби вам в первый момент становится смешно. А при виде клоуна большинство людей начинают немного нервничать. Наверное, из-за смертельной бледности, аляповато-раскрашенных лиц и всклокоченных париков. Но клоуны отличаются злобностью и быстро передвигаются на своих крошечных велосипедах или маленьких неуклюжих машинках. С зомби же всё иначе. Они не носят с собой музыкальных инструментов, и их не волнует, смеются над ними или нет. Всегда можно понять, чего хочет зомби. Будь у него такая возможность, Обмылок, вероятно, предпочёл бы зомби, а не клоунов. Один белый парень, прежде чем попасть в тюрьму, был клоуном. Никто не догадывался, за что он сидел.³⁹

Как выяснилось, в тюрьме у каждого имелся свой план на случай встречи с зомби, как имелся и свой план побега, только никто не хотел о них рассказывать. Обмылок старался не задерживаться на мыслях о побеге, хотя порой ему снилось, что он сбежал. А потом появлялись зомби. Они всегда присутствовали в снах о побеге. Можно убежать из тюрьмы, но от зомби не убежишь. Так всегда было в снах Обмылка и в фильмах. Больше никаких доказательств ему не требовалось.⁴⁰

По словам приятеля Обмылка, Майка, который тоже сидел в тюрьме, люди слишком беспокоились насчёт зомби и мало внимания обращали на айсберги. Хотя айсберги существовали на самом деле. Майк подчёркивал, что айсберги тоже движутся медленно, как и зомби. Возможно, план спасения от

33 Марта Стюарт — американская ведущая шоу на радио и телевидении, автор множества книг на тему «стиль жизни», владелица многомиллиардного состояния. Осуждена за мошенничество в 2004 г.. (прим. изд. [Азбука-классика](http://Azбука-классика); СПб)

34 В оригинале далее пропущенный (пустой) абзац. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

35 В оригинале «не привередливы» раздельно. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

36 В оригинале далее пропущенный (пустой) абзац. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

37 В оригинале далее пропущенный (пустой) абзац. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

38 В оригинале далее пропущенный (пустой) абзац. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

39 В оригинале далее пропущенный (пустой) абзац. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

40 В оригинале далее пропущенный (пустой) абзац. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

зомби надо немного переработать, и он пригодится для спасения от айсбергов. Майк просил Обмылка подумать об айсбергах. Больше никто не соглашался. Надо же, чтобы и об айсбергах кто-то побеспокоился.⁴¹

Даже после того как Обмылок вышел из тюрьмы и было уже поздно, ему всё ещё снились сны о побеге.

— Так чей это дом? — интересуется Уилл у Карли.

Девчонка поднимается по лестнице впереди него. Если протянуть руку, можно развязать завязки её лифчика, и тогда он просто упадёт.

— Одной девочки, — отвечает Карли и рассказывает довольно длинную историю: — Это моя подруга. Родители взяли её с собой во Францию, в велосипедный тур. Они из компании «Амвей». А поездка — что-то вроде бонуса. Отец продал больше всех водяных фильтров, и теперь все должны ехать во Францию и тащить с собой велосипеды. В Марсель. Разве это не глупость? Она даже не говорит по-французски. Она франкофоб. Она недотёпа. Даже родители её не любят. Если бы они могли, оставили бы её дома. А может быть, они оставят её во Франции. Чёрт, хотела бы я посмотреть, как она попытается прокатиться на велике по Франции. Она упадёт с вершины Альп. Я её ненавижу. Мы собирались вместе устроить эту вечеринку, а потом она заявила, что я должна всё делать одна и обойтись без неё. Она достала меня вместе со своими родителями.

— Это ванная комната? — спрашивает Уилл. — Задержись на минутку.

Он заходит пописать. Потом спускает воду, а когда собирается помыть руки, замечает, что хозяйева дома оставили у раковины кусок необычного мыла. Он нюхает мыло. Затем открывает дверь. Карли стоит напротив и разговаривает с девушкой-азиаткой в платье без бретелек и с маленькими блестящими пластмассовыми цветочками. Платье слишком велико в груди, и девушка придерживает его спереди, словно ждёт, чтобы кто-то подошёл и заглянул туда. Уиллу интересно, чьё это платье и почему девчонка решила надеть такую уродливую одежду.

Он протягивает мыло Карли.

— Понюхай. — Она наклоняется. — Чем оно пахнет?

— Не знаю, — говорит она. — Мармеладом?

— Это лемонграсс.

Уилл возвращается в ванную и открывает окно. Внизу плавательный бассейн, и в нём кто-то плавает. Он бросает мыло в воду, и какой-то парень кричит из бассейна: «Эй!»

— Зачем он это сделал? — спрашивает девушка, а Карли в ответ начинает смеяться.

41 В оригинале далее пропущенный (пустой) абзац. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

У его приятеля Майка была подружка по имени Дженни. Она ни разу не приехала навестить Майка в тюрьме. Обмылку это не понравилось.

Отец Обмылка жил в Новой Зеландии и время от времени присылал оттуда открытки.

Его мать жила в Калифорнии, неподалёку от Манхэттенского пляжа. Она была слишком занята и слишком сердита на него, чтобы навещать в тюрьме. Мать Обмылка не терпела глупости и неудачников.

Из всей семьи в тюрьму приезжала только Бекка, его старшая сестра. Она была актрисой-официанткой и однажды снялась в малобюджетном фильме про зомби. Обмылок разок посмотрел фильм и не мог определить, что его больше всего поразило: вид обнажённой сестры или вид обнажённой сестры, пожираемой зомби. Бекка обладала достаточно привлекательной наружностью, чтобы сниматься в ежедневных реалити-шоу, но была не настолько смешной или грустной, чтобы принимать в них участие. Бекка обожала быть на виду. Тогда мать купила ей билет, чтобы она навестила Обмылка. Он подозревал, что должен был стать для сестры примером: найди хорошую работу и держись за неё, иначе попадёшь в тюрьму, как твой братец.

Для Лос-Анджелеса Бекка выглядела средненько, но в комнате для свиданий федеральной тюрьмы Северной Каролины её появление было равнозначно визиту марсианской королевы. Парни потом замучили Обмылка вопросами, когда его сестру покажут по телевидению.

Мать Обмылка владела маленьким магазинчиком прямо на Манхэттенском пляже. Он назывался «Поплавок».

Бекка и Обмылок называли его «Вымой-Рот». В магазинчике продавались только мыло и шампуни, ничего больше. И мыло, и шампуни должны были иметь запах еды. На самом деле всё это пахло так же, как те свечи, что должны имитировать запах еды, а в действительности пахнут освежителями воздуха, вроде тех, что висят на зеркалах заднего вида в такси и в украденных машинах. Как будто смотреть назад и нюхать клубнику — это одно и то же. Как будто удачный побег пахнет комнатным освежителем воздуха, которым Бекка и Обмылок пользовались перед приходом матери, когда курили марихуану из её запасов.

Когда Бекка и Обмылок ещё учились в средней школе, они однажды купили совершенно чёрствый пирожок. От него пахло мятными лепёшками. Они вынули пирожок из упаковки и переложили в красивую коробочку с упаковочной бумагой и ленточкой. Обмылок завязал бантик и сделал подарок ко Дню матери. Он сказал, что это мыльная пемза для обработки ног. Обмылок предпочитал, чтобы от мыла пахло мылом. А его мать вечно отсылала упаковки с мылом, от которого пахло оливковым маслом, нероли, мятой, коричневым сахаром, огурцом, мартини и поджаренным алтеем.

В тюрьме не разрешалось иметь бруски мыла. Если положить такой брусок в носок, можно ударить кого-нибудь по голове. Можно кого-то покалечить. Но Бекка договорилась с охранниками в комнате для свиданий, а те договорились с охранниками в отделе передач. В тюрьме Обмылок всем раздавал куски мыла, полученные от матери. Всем, кому они нравились. Как выяснилось, каждый хотел получить мыло, от которого пахло едой: и

социальные работники, и тюремные сторожа, и торговцы наркотиками, и убийцы, и даже те, кому были не по карману дорогие адвокаты. Неудивительно, что магазин его матери процветал.

Пока Обмылок сидел в тюрьме, Бекка хранила для него картину. Иногда он просил её привезти, и сестра брала картину на очередную встречу. Она поклялась не отдавать картину матери, не закладывать её в ломбард, хранить под кроватью и не пускать в комнату кошку своей соседки. Бекка пообещала, что в случае пожара или землетрясения картину будет спасать в первую очередь. Даже раньше, чем свою соседку или её кошку.

Карли приводит Обмылка в спальню. На стене висит большая картина с цветущим садом, а под картиной стоит огромная двуспальная кровать с грудой одежды на ней. Часть одежды даже валяется на полу.

— Проходи и звони своему отцу, — предлагает Карли. — Я сейчас вернусь и принесу ещё пива. Тебе тоже принести?

— Почему бы и нет? — отвечает Уилл.

Он дожидается, пока девчонка выйдет из комнаты, а потом набирает номер.

— Привет, па, как дела? — спрашивает он, когда отец поднимает трубку.

— Сынок! — откликается папа. — Как ты там?

— Я тебя не разбудил? Который у вас час?

— Не важно, — говорит ему отец. — Я как раз собираю мозаику. Но в коробке нет картинки. Я думаю, это лемур. Или, может быть, виверра⁴².

— Какая разница, — замечает сын, — Лишь бы не кусался.

— Супер! — восклицает отец. — Это здорово.

— Я подумал о том, что мы обсуждали в прошлый раз. Может, я смогу приехать и навестить тебя? — говорит сын.

— Конечно, — соглашается отец. Он всегда с энтузиазмом поддерживает идеи сына. — Эй, это было бы отлично. Выбирайся из этой треклятой страны, пока можешь. Навести своего старика-отца. Мы могли бы заняться чем-нибудь⁴³ вдвоём. Например, прыгнуть с моста на эластичном шнуре.

В спальне появляется девица в платье с пластмассовыми цветочками. Она снимает платье и бросает его на кровать. Потом проходит в гардеробную и выносит оттуда платье, сделанное из чёрных и красных перьев. Оно выглядит так, словно принадлежит какой-нибудь танцовщице из Лас-Вегаса.

— Ко мне зашла какая-то девчонка и сняла с себя всю одежду, — рассказывает сын отцу.

— Передай ей мои наилучшие пожелания, — отзывается отец и вешает трубку.

42 Viverra (виверры или циветты, англ. paradoxure, true civet, zibeth, zibet) — род хищных млекопитающих, обитающих в Африке, Юго-Восточной Азии и на Малайских островах, железы которых вырабатывают пахучее вещество, используемое в парфюмерии. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

43 В оригинале «чем-ни-будь», т. е. со вторым дефисом. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Мой отец передаёт тебе привет, — говорит сын обнажённой девице. А потом добавляет: — У нас с отцом есть к тебе вопрос. Ты боишься зомби? У тебя есть план спасения на случай встречи с ними?

Девчонка улыбается, будто вопрос ей очень понравился. Она надевает новое платье. И уходит. Уилл звонит своей сестре, но телефон Бекки не отвечает. Тогда Уилл собирает всю одежду и несёт в гардеробную. Там он развешивает платья. Люди убирают за собой. А зомби — нет.

Уилл считает, что пригороды притягивают к себе зомби точно так же, как трейлерные стоянки притягивают торнадо. Возможно, это из-за окон. В загородных домах очень много окон, и это привлекает чокнутых зомби.

Если зомби сегодня появится, Уилл забаррикадирует дверь спальни тяжёлым дубовым комодом. Но сначала он выпустит ту голую девчонку. И Карли тоже. Они втроём свяжут из одежды верёвку и спустят её в окно. А может быть, сумеют сделать крылья из перьев на платье и улетят. Уилл мог бы стать Человеком-Птицей из Пригорода.

Уилл заглядывает под кровать, чтобы проверить, нет ли там зомби, или чемоданов, или подвыпившего парня, которого он видел внизу.

Под кроватью, свернувшись калачиком, спит маленький чернокожий мальчик в пижаме с Суперменом.

В детстве Бекка всегда держала под кроватью чемодан. В чемодане она хранила вещи, которые —⁴⁴ в случае пожара, нападения или землетрясения —⁴⁵ нужно было выносить в первую очередь. Кроме того, чемодан выполнял ещё одну важную функцию — занимал часть опасного, тёмного пространства под кроватью, куда, не будь его, могли забраться чудовища или мертвецы. Чемодан им мешал. Бекка хранила там свечу в форме дракона, ту, что она купила в магазине на подаренные в день рождения деньги и так и не решилась зажечь. Там же лежали фарфоровая собачка, любимые мягкие зверушки, красивый браслет матери, фотоальбом, «Чёрная красавица» и много других книг. Время от времени Бекка вместе с младшим братом вытаскивала чемодан из-под кровати и проводила ревизию. Бекка вынимала оттуда какие-то предметы, а потом укладывала новые. Её брат, помогая ей, чувствовал себя счастливым и уверенным. Когда что-то случится, они спасут, что смогут.⁴⁶

Современное искусство — пустая трата времени. Когда придут зомби, будет не до искусства. Искусство существует для людей, не боящихся зомби. Но Обмылок размышлял не только о зомби и айсбергах. Цунами, землетрясения, дантисты-фашисты, пчёлы-убийцы, муравьи-воины, чёрная чума, старики, адвокаты по семейным делам, женщины-активисты, Джимми Картер, гигантские кальмары, бешеные лисы, бродячие собаки, дети-актёры, ведущие новостных программ, нацисты, самовлюблённые типы, психологи, палачи, безответная любовь, примечания, цеппелины, Святой Дух, католические священники, Джон Леннон, учителя химии, рыжеволосые люди с британским

44 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

45 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

46 В оригинале далее пропущенный (пустой) абзац. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

акцентом, библиотекари, пауки, книги по естествознанию с фотографиями пауков, темнота, преподаватели, плавательные бассейны, хорошенькие девчонки, красивые девчонки, богатые девицы, злые девицы, высокие девицы, гигантские ящерицы, незнакомцы с нарколепсией⁴⁷, злобные обезьяны, продавцы женского белья, комедии о пришельцах, предметы под кроватью, контактные линзы, ниндзя, артисты театра, мумии, самовозгорание. В тот или иной период Обмылок боялся всех этих вещей. Ему оставалось только составлять планы. Надо быть готовым. Вроде как бойскауты, только ещё тщательнее готовиться. Ты должен быть готовым ко всему, к чему тебя не подготовили бойскауты, а это немало.⁴⁸

Шампунь —⁴⁹ тоже пустая трата времени. Какая может быть польза от шампуня при встрече с зомби? Иногда Обмылок воображает, что его застигли в магазине матери. Зомби поднимаются из полосы прибой, мокрые, чудовищно голодные и, как обычно, очень медлительные. Они едва передвигают ноги и уныло бредут по песку Манхэттенского пляжа. Обмылок забаррикадировался в «Поплавке» вместе со своей матерью и какими-то светловолосыми туристами из Японии с досками для сёрфинга. «Сынок, сделай что-нибудь!» — просит его мать. Тогда Сынок разливает по всему полу воду. Под прилавком у него имеются доски для сёрфинга, бейсбольная бита, несколько рулонов упаковочной бумаги, а на стене висит чучело рыбы-меч, но Сынок выбирает для драки кассовый аппарат. Японским туристам он приказывает встать на четвереньки и натереть пол мылом. Когда зомби в конце концов ворвутся в «Поплавок», он с матерью и туристами спрячется за прилавком. Зомби поскользнутся на полу, и тогда Сынок примется бить их кассовым аппаратом по головам. Это будет как в музыкальном шоу Басби Беркли.

— Что происходит? — спрашивает Карли. — Как себя чувствует твой отец?

— Всё отлично, — кивает Уилл. — Если бы не операция на сердце завтра утром. А в остальном всё хорошо. Я только что заглянул под кровать. Там спит маленький мальчик.

— А! — говорит Карли. — Это он. Младший братишка. Моей подруги. *Le bro⁵⁰ de mon⁵¹ ami*. Я за ним присматриваю. Ему нравится спать под кроватью.

— А как его зовут? — интересуется Уилл.

— Лео, — отвечает Карли.

47 Нарколепсия (от греч. νάρκη — оцепенение и от λήξις — приступ) — заболевание, основным признаком которого являются приступы непреодолимой сонливости. Нарколепсия может возникнуть после перенесённых инфекций (эпидемический энцефалит, малярия, etc), черепно-мозговой травмы; причиной заболевания могут быть также некоторые опухоли мозга. В ряде случаев явная причина болезни отсутствует (так называемая врождённая, или генуинная нарколепсия), имеет иные формы (эссенциальная, атипичная). Кроме припадков сна, для заболевания характерны катаплектоидные приступы (аффективно обусловленная утрата мышечного тонуса) и внезапное пробуждение от ночного сна с утратой тонуса мускулатуры. Продолжительность приступов невелика — от 1 до 30 мин. Течение нарколепсии хроническое, с возрастом интенсивность заболевания уменьшается. Лечение: устранение основной причины, медикаментозная терапия. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

48 В оригинале далее пропущенный (пустой) абзац. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

49 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

50 Оставил оригинальный жаргонный американский вариант «bro» (сокращение «brother») вместо положенного французского «frère» (брат). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

51 В оригинале кириллицей «топ» — ошибка сканирования и распознавания. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Она протягивает ему пиво и усаживается рядом на кровать.

— Ну, так расскажи мне про тюрьму. Что ты натворил? Может, я должна тебя бояться?

— Вероятно, нет, — говорит Уилл. — Страх не приведёт ни к чему хорошему.

— Тогда расскажи, что ты сделал.

Карли так громко рыгает, что удивительно, как это ребёнок под кроватью не проснулся. Лео.

— Хорошая была вечеринка, — говорит Уилл. — Спасибо, что позаботилась обо мне.

— Кого-то только что вырвало из окна гостиной. А ещё кого-то чуть не стошнило в бассейн, но я вовремя его оттащила. Если они наблюдают в пианино, у меня будут большие неприятности. Из клавиатуры эту дрянь ничем не вывести.

Уилл подумал, что Карли говорит со знанием дела. Есть девчонки, которые проводят за фортепьянными уроками не один год, а есть и такие, кто не только берёт уроки игры на пианино, но ещё и умеет организовать вечеринку, и знает, как отчистить блевотину. Есть что-то сексуальное в этой девице, которая умеет играть на пианино, и клавишах, которые почему-то залипают. В планах Уилла пианино не предусмотрено, и это ему не нравится. Как же он мог забыть про пианино?

— Я могу помочь тебе прибраться, — предлагает он. — Если ты не против.

— Знаешь, тебе не обязательно так напрягаться, — говорит Карли.

Она уставилась на Уилла, словно у него на лице появился паук или какая-то необычная татуировка, какое-то слово, написанное задом наперёд, да ещё на незнакомом языке, и она пытается понять, что оно означает. У него нет никаких татуировок. Уилл убеждён, что татуировки — это что-то вроде искусства, только хуже.

Уилл тоже смотрит на неё.

— Знаешь, какую историю я услышал на одной вечеринке в пригороде Канзаса? — начинает Уилл. — Один парень воспользовался отсутствием родителей и всё время устраивал в доме вечеринки. Перед возвращением родителей он посмотрел, как загажен дом, и поджёг его.

Уилл всегда смеялся над этой историей. Что за идиот этот парень.

— Ты хочешь помочь мне сжечь дом моей подруги? — спрашивает Карли, а потом улыбается своей шутке. — Какой час? Два? Если это два часа ночи, ты должен рассказать, почему сидел в тюрьме. Это почти закон. Мы знакомы почти целый час, и уже совсем поздно, а я всё ещё не знаю, почему ты сидел в тюрьме, хотя и знаю, как тебе хочется об этом рассказать, иначе ты просто не упомянул бы о том, что побывал в тюрьме. Ты сделал что-то очень плохое?

— Нет, — говорит Уилл. — Скорее, совершил глупость.

— Глупость — это хорошо, — заявляет Карли. — Продолжай. Пожалуйста.

Она откидывает покрывало на кровати и забирается под него, а потом натягивает до самого подбородка. Спокойной нóчи, Карли. Спокойной нóчи, потрясающие сиськи Карли.

Она такая маленькая и далёкая, даже если рассматривать вблизи. Обмылок сказал, что это лес. Деревья. Майк сказал, что там нарисован айсберг.⁵²

Когда Обмылок думает о зомби, он думает о том, что от зомби нигде нельзя спрятаться. Даже в сказках, которые читала ему Бекка. Али-Баба и сорок зомби. Голый зомби. Белоснежка и семь маленьких зомби.⁵³

Стоит ему подумать о каком-то месте, и там рано или поздно появляются зомби. Он представляет себе все эти места в виде картин и развешивает их в галерее, потому что, пока место просто нарисовано на картине, там безопасно. Пейзажи в рамах, не дающих туда проскользнуть. Рама не пускает зомби. Лыжный курорт летом, и эти пустые вагончики подъёмника. Нефтяная вышка в ночном море. Музей естествознания. Особняк плейбоя. Эйфелева башня. Дом Дэвида Леттермана. Букингемский дворец. Кегельбан. Прачечная. Он переносится в цветущий сад с картины над кроватью, где они сидят с Карли, и там тепло, солнечно, красиво и безопасно. Но стоит ему только оказаться в картине, как там, как всегда, появляются зомби. Космическая станция. Новая Зеландия. Уилл уверен, что его отец считает себя в безопасности в Новой Зеландии, потому что это остров. Его отец просто глупец.⁵⁴

Люди всегда рисовали деревья. Всякие деревья. Наверное, всё искусство посвящено таким темам, как деревья. Или айсберги, хотя изображений деревьев гораздо больше, чем изображений айсбергов, так что Майк просто не понимает, о чём говорит.

— Я недолго пробыл в тюрьме, — говорит Обмылок. — Мы с Майком не так уж сильно провинились. Мы никому не причинили большого вреда.

— Ты не похож на плохого парня, — замечает Карли.

А Уилл смотрит на Карли, и она выглядит славным ребёнком. Славная девочка со славными сиськами. Но Обмылок знает, что не стоит судить по внешнему виду.

52 В оригинале далее пропущенный (пустой) абзац. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

53 В оригинале далее пропущенный (пустой) абзац. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

54 В оригинале далее пропущенный (пустой) абзац. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

По окончании колледжа Майк и Обмылок собирались разбогатеть. Они заранее всё просчитали. Как только они узнали, что это такое и как называется, они решили организовать свой собственный веб-сайт. А пока сидели в тюрьме, они договорились, что сайт будет посвящён зомби. Это будет чертовски необычно.

Голодныйзомби.ком, Нагойзомби.ком, Женатназомби.ком, Защитаотзомби.ком, Инеткомпаниязомби.ком⁵⁵ — вот лишь несколько названий, которые они придумали. Уилл был уверен, что люди пойдут куда угодно, если там есть зомби.

Солидные люди заглядывали бы на сайт и становились постоянными посетителями. Они разговаривали бы о старых фильмах ужасов или о своей ужасной временной работе. На сайте были бы комиксы и музыка. У них появились бы спонсоры, реклама и киношники. Обмылок мог бы взять на себя искусство. Он покупал бы картины Пикассо и Вермеера и настоящие книги по искусству с иллюстрациями. Он покупал бы напитки для женщин. Для красивых, бисексуальных, выносливых женщин с непроизносимыми именами и странными привычками в постели.

Только к тому времени, когда Обмылок, Майк и их друзья окончили учёбу, всё было кончено. Собственным сайтом уже никого нельзя было удивить. Личный сайт имелся почти у каждого. И никто не дал бы им денег.

Появилось множество парней, которые знали то, что знали Майк и Обмылок. Так получилось, что родители Обмылка и Майка заплатили кучу денег, чтобы они научились делать то, что уже умели другие.

У Майка была подружка по имени Дженни. Обмылку Дженни нравилась, потому что всегда его поддразнивала, но её роль в этой истории не слишком важна. Она даже не собиралась влюбляться в Обмылка, и он это прекрасно понимал. Важно то, что Дженни работала в музее, и Обмылок с Майком стали посещать разные музейные мероприятия, потому что там можно было поесть крекеров с сыром бри, выпить вина или martinis. Дармовая еда. Всё, что требовалось, — это только надеть костюм и слушать, как люди рассуждают об искусстве, закладных и о своих детях. Там бывало много пожилых женщин, напоминавших Обмылку его мать, а он, в свою очередь, напоминал им их сыновей. Вот только неясно, они на самом деле флиртовали с ним или им был нужен его совет о вещах, в которых они сами не могли разобраться.

Однажды утром, проснувшись в тюрьме, Обмылок понял, что тогда ему представилась великолепная возможность, а он её не рассмотрел. Им с Майком надо было создать сайт для пожилых женщин среднего класса с прекрасным воспитанием и застенчивых обидчивых взрослых детей со степенями бакалавров, но без работы. Это было бы лучше, чем зомби. Они могли бы принести хоть какую-то пользу.

55 Оставил оригинальные «Голодныйзомби.ком, Нагойзомби.ком, Женатназомби.ком, Защитаотзомби.ком, Инеткомпаниязомби.ком», т. е. написанные кириллицей переведённые варианты доменных имён, — только в оригинале между каждым «ком» и точкой был ещё и пробел. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Ладно, — говорит Уилл. — Я расскажу, почему я попал в тюрьму. Но сначала ответь, что бы ты стала делать, если бы сегодня вечером в этот дом забрались зомби?⁵⁶ Я всех спрашиваю об этом. И у каждого есть свой план спасения.

— Это как при поступлении в колледж? Вдруг не пройдёшь конкурс?

Карли приподнимает пальцем веко, пальцем другой руки тычет себе в глаз и достаёт контактную линзу. Она кладёт её на столик у кровати. Вторую линзу она не вынимает. Наверное, второй глаз линза не раздражает.

— Ну вот, на самом деле у меня не зелёные глаза. Но грудь, между прочим, настоящая. Я не слишком часто смотрю фильмы ужасов. От них снятся кошмары. Это Лео любит такую чепуху.

Уилл сидит на кровати с другой стороны и смотрит на неё. Она задумалась. Возможно, ей нравится, как выглядит мир через одну зелёную контактную линзу.

— У моих родителей в холодильнике хранится ружьё. Наверное, надо взять его и застрелить зомби? А может, спрятаться в маминой гардеробной, среди всех её тряпок и туфель? Я бы наверняка расплакалась. Звала бы на помощь. И я позвонила бы в полицию.

— Хорошо, — говорит Уилл. — Я просто поинтересовался. А как же твой брат? Как ты будешь его защищать?

Карли зевает, словно ничуть не удивлена, но Уилл видит, что произвёл на неё впечатление.

— Умница,⁵⁷ Уилл. Ты давно понял, что это мой дом. И что Лео мой брат. Неужели я так плохо вру?

— Да, — кивает Уилл. — Здесь на комодке стоит твоя фотография с родителями и Лео.

— Ладно, — говорит Карли. — Это спальня моих родителей. Они сейчас во Франции, ездят на велосипедах, а меня и Лео оставили здесь. И я устроила вечеринку. Не хватало только, чтобы кто-то поджёг их дом.

— Мне кажется, что я тебя знаю уже целую вечность, — признаётся Уилл. — Хотя мы познакомились совсем недавно. Я, например, знал, что у тебя не зелёные глаза.

— Мы не так уж хорошо друг друга знаем, — возражает Карли, но возражает очень дружелюбно. — И я пытаюсь узнать о тебе побольше. Спорим, ты не знал, что я хочу когда-нибудь стать президентом?⁵⁸

— А ты не знала, что я много думаю об айсбергах, хотя и не так часто, как о зомби, — парирует Уилл.

— Мне бы понравилось жить на айсберге, — говорит Карли. — И президентом быть тоже понравилось бы. Может, я сумею совместить и то,⁵⁹ и другое. Я буду первой темнокожей женщиной-президентом, которая живёт на айсберге.

56 В оригинале точка вместо вопросительного знака. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

57 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

58 В оригинале точка вместо вопросительного знака. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

59 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Я буду за тебя голосовать, — обещает Уилл.

— Уилл, — говорит Карли, — а ты не хочешь забраться вместе со мной под одеяло? Тебя смущает тот факт, что я собираюсь стать президентом? Тебя пугает уверенная и преуспевающая женщина?

— Ты хочешь развлечься или хочешь узнать, почему я оказался в тюрьме? Дверь А или дверь Б. Я отлично целуюсь, но под кроватью спит Лео. Твой брат.

Майк и Дженни нередко уходили куда-то в дальние залы, чтобы целоваться в музее, где работала Дженни, но Обмылок никогда не целовался с Дженни. Однажды в колледже Обмылок поцеловал Майка. Тогда они оба были совершенно пьяны. В тюрьме мужчины тоже иногда целовались. Белый парень жил с темнокожим. Бекка частенько занималась сексом со своим приятелем на пляже, а её брат прятался за дюнами и подглядывал. В фильме ужасов зомби съел губы Бекки. Вряд ли кому-то захочется целоваться с зомби.

— Он крепко спит, — говорит Карли. — Может, ты всё-таки расскажешь, что натворил, а потом мы решим, что делать дальше?⁶⁰

Обмылок, Майк и ещё пара их приятелей пришли на очередной приём в частный музей, где работала Дженни. Они довольно много выпили и почти ничего не ели, кроме нескольких оливок. Дженни была занята, так что Обмылок с Майком и приятелями выбрались из галереи, где подавали вино и сыр, где доценты и богачи знакомились друг с другом, и пошли бродить по всему музею. Они уходили всё дальше и дальше от места проведения вечеринки, но никто не попросил их вернуться, никто не вышел и не спросил, что они здесь делают. В остальных галереях было темно, и кто-то уговорил Майка зайти в одну из них. Они хотели проверить, сработает ли сигнализация. Майк вошёл, но сигнализация молчала.

В следующую галерею вошёл Обмылок. Тогда его ещё не называли Обмылком. Его имя было Артур, но все звали его Арт. Ха, ха. В галерее царилась кромешная тьма. Артуру надоело стоять, он вытянул перед собой руки и пошёл вперёд в темноте, пока пальцы не упёрлись в стену. Не отрывая пальцев от стены, он обошёл весь зал. Время от времени он касался краёв рамы и тогда передвигал руки вверх, вниз и в стороны, чтобы определить размер картины. Вскоре он снова оказался у двери.

Потом ещё кто-то пошёл внутрь, и это был Марксон. Когда Марксон вышел, в его руках была картина. Приблизительно три на три фута. На картине был изображён корабль со множеством мачт и парусов. Все в мелких голубых мазках. Маленькие человечки на палубе, очень встревоженные на вид.

— Дьявол! — воскликнул Майк. — Марксон, что ты наделал?

Надо вам сказать, Марксон был настоящим идиотом. Это все знали. А в тот момент ещё и пьяным идиотом, но они все тогда изрядно напились.

— Я только хотел посмотреть, как она выглядит, — сказал Марксон. — Я не ожидал, что она такая тяжёлая.

Он опустил картину на пол и прислонил к стене.

60 В оригинале точка вместо вопросительного знака. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Сигнализация не сработала и в этот раз. В следующем зале тоже было темно, и они затеяли игру. Все по очереди входили в зал, обходили его вдоль стен и выбирали по картине. А потом выходили и разглядывали, кому что попалось. Одному парню достался Сера. Кто-то вынес Мари Кассат. Ещё кому-то попался Уинслоу Хомер⁶¹. Попадались картины никому из них не известных художников. Это не считалось. Арт вернулся в первый зал. На этот раз он не спешил. На стене галереи уже попадались пустые места. К некоторым картинам он прикладывал ухо. Ему казалось, что он что-то слышит, только вот непонятно, что именно.

Он выбрал очень маленькую картину. Когда Арт вынес её на свет, оказалось, что полотно написано маслом. Сплошная масса голубовато-зелёных мазков могла обозначать и воду, и деревья, и чьё-то лицо. Лес, если на него смотреть издалека. Что-то медленное и далёкое. Он даже не смог разобрать подпись художника.

Майк в это время был в другом зале. Он вышел, и в его руках оказалась картина Пикассо. Какая-то грустная странная женщина со своей грустной странной собачкой. Все единодушно решили, что Майк выиграл. А потом этот идиот Марксон заявил:

— Спорим, что ты не сможешь выйти из музея с этим Пикассо.

Обмылок иногда очень плохо себя чувствует в чужих домах. Он не должен быть здесь. Он не принадлежит какому-то определённом месту. Его никто толком не знает. Если бы знали, он им не понравился бы. Похоже, все вокруг счастливее, чем Обмылок. Им, наверное, известно что-то такое, чего он не знает. Он утешает себя тем, что всё изменится с приходом зомби.

— Вы украли картину Пикассо? — спрашивает Карли.

— Это был сомнительный Пикассо. Возможно, и вовсе не Пикассо. И мы не собирались его красть, — оправдывается Уилл. — Мы подумали, что было бы забавно вытащить его из музея, где работала Дженни, и посмотреть, далеко ли мы сумеем уйти. Мы просто вышли из музея, и нас никто не остановил. Мы положили Пикассо в машину и вернулись к себе домой. А я ещё прихватил ту маленькую картину, чтобы Пикассо не было скучно. И я хотел посмотреть на неё ещё немного. Я положил её под мышку, сверху накинул пальто, а

61 Winslow Homer (Уинслоу Гомер, 24.02.1836 г., Бостон, — 29.09.1910, Праутс-Нек, штат Мэн) — американский живописец и график. С 1854 г. работал как литограф, в 1857-74 гг. журнальный иллюстратор. Во время Гражданской войны 1861-1865 гг. военный корреспондент. С 1862 г. занимался живописью. Посетил Францию (1866-67 гг.) и Англию (1881-82 гг.). Как художник совершенствовался самостоятельно, изучая произведения американской и французской реалистической живописи. Уже картина «Пленные с фронта» (1866 г., Метрополитен-музей, Нью-Йорк), сочетавшая документальную точность с яркой психологической характеристикой представителей обеих армий, показала самобытность реалистического дарования Хомера. Позже писал картины главным образом из жизни простых людей Америки — фермеров, охотников, моряков; многие произведения посвящены жизни негров. Изображая крупнофигурные сцены на фоне написанных сочными красками американских пейзажей, он подчёркивал благородное мужество, естественность, связь с природой, трудолюбие своих героев. От несколько идиллических сельских сцен («Обеденный час», 1873 г., институт искусства, Детройт) Хомер перешёл к драматическому изображению противоборства человека с природой («Охотник и гончая», 1892 г., Национальная галерея искусства, Вашингтон; «Гольфстрим», 1899 г., Метрополитен-музей). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

остальные парни в это время помогали Майку незаметно выбраться с приёма. Дома мы повесили Пикассо в гостиной, а маленькую картину я оставил в спальне. Мы ещё не успели протрезветь, когда пришли полицейские. Дженни лишилась работы. Мы с Майком отправились в тюрьму. Марксон и ещё один парень отделались общественными работами.

Он замолкает. Карли берёт его за руку. Сжимает её.

— Это самая странная история из всех, что я слышала, — признаётся она. — Ну почему, когда напьёшься, всё становится печальнее и смешнее и всё видишь в истинном свете?

— О самом странном я тебе ещё не рассказал, — говорит Уилл.

Он не может решиться рассказать о самом странном, хотя, может быть, сумеет ей это показать.

— Я не говорила тебе, что была членом школьного дискуссионного клуба? — спрашивает Карли, — Это самый странный факт в моей биографии. Я обожаю спорить. Помнишь того парня, что лежал под моим стулом? Я разбила его в пух и прах в споре о марихуане. Я размазала его по стенке.

Уилл больше не употребляет наркотики. Это вроде как снова оказаться в музее. Всё вокруг похоже на произведения искусства, и кажется, что вот-вот появятся зомби.

— В музее заявили, что я не похищал маленькую картину, они сказали, что это не их картина. Даже после того, как я во всём сознался. Я говорил правду, а все считали, что я вру. Полицейские провели опрос в других музеях, на тот случай, если мы с Майком проделали то же самое где-то ещё. Но никто не заявил о пропаже. Никто даже не определил имени художника. Так что в конце концов картину вернули мне. Они решили, что я пытаюсь провернуть какую-то аферу.

— А что с ней стало? — спрашивает Карли.

— Картина до сих пор у меня. Пока я был в тюрьме, её хранила моя сестра, — сообщает Уилл. — Уже два года, с тех пор как я освободился, я подыскиваю для неё подходящее место. Я даже оставлял её пару раз, но потом выяснялось, что я забывал это сделать. Я не могу её оставить. Как бы я ни старался. Она мне не принадлежит, но я не могу от неё избавиться.

— Одна моя подруга так поступает, она называет это «покупка наоборот», — говорит Карли. — Когда кто-нибудь дарит ей на день рождения уродливую ночную сорочку, или она сама покупает книгу, но не хочет её читать, она оставляет рубашку на плечиках, а книгу ставит на полку в магазине. Как-то раз её так достал попугай, что она отнесла его в обувной магазин и засунула там в коробку. А что произошло с твоим приятелем? С Майком?

— Он уехал в Сиэтл. Организовал веб-сайт для бывших заключённых. Он получил огромные пожертвования. В тюрьмах побывало очень много людей. Такой веб-сайт очень нужен.

— Это здорово, — улыбается Карли. — Похоже на хеппи-энд.

— А картина у меня в машине, — продолжает Уилл. — Хочешь на неё посмотреть?

— Мне нравится Ван Гог, — заявляет Карли. — И Джорджия О'Кифф⁶².

— Сейчас я за ней схожу, — говорит Уилл.

Он быстро спускается, не давая Карли возможности его остановить. Парни на диване смотрят теперь видеозапись чьей-то свадьбы. Интересно, что они подумали бы, если бы знали, что Карли ждёт его в кровати наверху. Танцующая девица вместе с подвыпившим парнем сидят на кухне. Девица в платье из перьев стоит на лужайке. Она ничем не занята, разве что созерцанием звёзд. Но она смотрит, как Уилл открывает багажник и достаёт картину. Из-за дома доносятся голоса парней в бассейне. Уилл давно не чувствовал такого умиротворения. Всё как в первой, медленной части фильма ужасов, пока ещё ничего плохого не случилось. Уилл знает, что не надо пытаться предугадывать ужасные события. Иногда стоит просто прислушаться к голосам купальщиков в бассейне. Людей, которых не видно. Ночь, луна и девушка в платье. Уилл с картиной в руке ненадолго задерживается на лужайке. Ему хочется, чтобы рядом оказалась Бекка. Или Майк.

Уилл приносит картину в хозяйскую спальню. Он гасит свет и будит Карли. Она плакала во сне.

— Вот она, — говорит он.

— Уилл? — окликает Карли. — Ты погасил свет. Это океан? Очень похоже на океан. На самом деле я не могу ничего разобрать.

— Можешь, — возражает Уилл. — Здесь светло от луны.

— У меня только одна контактная линза, — напоминает Карли.

Уилл забирается на кровать и снимает картину с цветущим садом. Как могут быть такими тяжёлыми нарисованные цветы? Он ставит её к стене у кровати и вешает на её место картину из машины. Айсберг, зомби, лес. Что-то неопределённое и непостижимое. Как же догадаться, что это такое? Иногда ему из-за этого хочется умереть.

— Вот здесь она будет висеть, — объявляет он, — Она твоя.

— Красивая, — говорит Карли. Уиллу кажется, что она снова плачет. — Уилл? Ты не мог бы просто полежать рядом со мной? Немножко?

62 Джорджия О'Кифф (Georgia O'Keeffe, 1887-1986 гг.) — американская художница, одна из наиболее известных представительниц современной живописи США. Впервые её работы были выставлены в 1916 г. в г. Нью-Йорке будущим мужем художницы, известным фотографом Альфредом Стиглицом (Alfred Stieglitz), испытала большое влияние его фотоискусства. Представительница прецизионизма, писала пейзажи штата Нью-Мексико, где она жила с 1949 г., и огромные цветы, проникнутые обаянием романтической тайны. Автор абстрактных произведений, символика которых навеяна миром природы. Часто изображает кости животных. Эффектны её крупные красочные натюрморты с изображением цветов, например, «Чёрный ирис» («Black Iris», 1926 г.). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Обмылку иногда снится сон. Он не может понять, то ли это сон про тюрьму, или про искусство, или про зомби. Может, про что-то совершенно другое. Ему снится, что он в тёмной комнате. Иногда это очень большая комната, очень длинная и узкая. Иногда в ней присутствуют люди, они молча стоят, прислонившись к стене. Он может только понять, насколько велика эта комната и есть ли в ней люди. А потом вытягивает перед собой руки и идёт вперёд. Он не знает, что здесь делают эти люди. И совершенно не представляет, что он сам должен делать. Иногда эта комната очень маленькая. Там темно. Темно.

— Привет, парень. Привет, Лео. Просыпайся. Нам надо идти.

Обмылок лежит на полу рядом с кроватью и старается не кашлять от пыли. Ему приходится говорить шёпотом. На огромной кровати под одеялом спит Карли.

Лео вытягивается. Он ползёт вперёд, навстречу Уиллу. А потом вдруг пятится. Ему всего шесть или семь лет.

— Ты кто? — спрашивает Лео. — А где Карли?

— Карли послала меня за тобой, Лео, — говорит Обмылок. — Тебе надо вести себя очень-очень тихо и выполнять всё, что я скажу. В дом проникли зомби. Зомби — пожиратели мозгов. Надо быстро перебираться в безопасное место. Надо забрать с собой Карли. Ей без нас не справиться.

Лео протягивает руку. Обмылок вытаскивает его из-под кровати. Поднимает Лео. Лео крепко вцепляется в него. Он не слишком тяжёлый, но удивительно тёплый. У маленьких детей очень быстрый обмен веществ.

— Зомби охотятся за Карли? — спрашивает Лео.

— Верно, — говорит Обмылок. — Мы должны её спасти.

— А можно, я возьму своего робота? — просит Лео.

— Я уже положил его в машину. И твою футболку с динозавром, и баскетбольный мяч.

— А ты росомаха? — спрашивает Лео.

— Правильно, — говорит Росомаха. — Я Росомаха. Давай скорее выбираться отсюда.

— А покажи свои когти, — просит Лео.

— Не сейчас, — возражает Росомаха.

— Сначала мне надо сходить в туалет, — заявляет Лео.

— Хорошо, — говорит Росомаха. — Это прекрасная идея. Я горжусь, что ты мне об этом сказал.

Вот некоторые приёмы, которые вы можете применить при встрече с зомби, но они не помогут:

- Паниковать.
- Не паниковать, сохранять спокойствие.

- Звонить в полицию.
- Приглашать их к обеду. Угощать напитками.
- Просить зайти попозже.
- Игнорировать их.
- Впустить в дом.
- Шутить с ними. Играть в настольные игры.
- Уверять, что вы их любите.
- Спасать их.

Росомаха и Лео взяли рюкзак. Они положили туда коробку крекеров, и несколько бананов, и ружьё родителей Карли и Лео, и несколько батареек, и пакет на молнии, набитый двадцатидолларовыми купюрами, из гардеробной в хозяйской спальне. Телевизор показывал полночный фильм ужасов, но никто его не смотрел. Девушка в платье уже ушла с лужайки. Если в бассейне кто-то и остался, они вели себя тихо.

Росомаха и Лео сели в машину и уехали.

Карли снится, что она стала президентом Соединённых Штатов Америки. Она живёт в Белом доме — оказывается, он построен из льда. Он стал Зеленовато-Белым домом. Все носят длинные меховые шубы, и когда президент Карли обращается к ним с речью, она видит своё дыхание. Все её слова повисают в воздухе. Она общается с рок-звёздами и лауреатами Нобелевской премии. Удивительный сон. Карли намерена спасти мир. Её все любят, даже родители. Её родители гордятся дочерью. Когда она просыпается, она обнаруживает первую пропажу — до того, как обнаружит остальные. Вместо написанной маслом картины, на которой изображён лес, где никто не живёт, картины, которую никто не рисовал и никто не крад, на стене над кроватью в родительской спальне осталось только пустое место.

2005 © Kelly Link

Дейл Бейли «Смерть и право гóлоса»

Перу Дейла Бейли, в соавторстве с Дж. Слаем-младшим, принадлежат такие повести, как «Павшие» («Fallen»), «Дом костей» («House of Bones») и «Спящий полицейский» («Sleeping Policeman»). Его первые рассказы печатались в журналах «F&S⁶³», «Amazing Stories» и «SCI FICTION». Также он является автором документальной книги «Американские кошмары: Дом с привидениями в популярной художественной литературе» («American Nightmares: The Haunted⁶⁴ House Formula in American Popular Fiction»). Бейли дважды выдвигался на премию «Небьюла», а один из его рассказов получил награду Международной гильдии писателей жанра «хоррор».

В своём собрании сочинений «Наследие воскрешённого» («The Resurrection Man's Legacy») Бейли отметил связь сюжета рассказа «Смерть и право гóлоса» с реальными событиями и в очередной раз убедился в верности утверждения, что писатель больше не в силах угнаться за странностями современного мира. «Этот рассказ также является наглядным примером того, насколько сильно может авторский замысел отклониться от курса. Я хотел написать короткую, лёгкую вещь, под стать названию. Но рассказ получился длинным и достаточно мрачным».

Но как же насчёт реальных событий, которые нашли отражение в рассказе? Просто задумайтесь о том, что «Смерть и право гóлоса» был отослан в редакцию в октябре 2000 года, за месяц до президентских выборов.

«Забавно, как устроен мир», — любил говорить мне Бертон. Вот занимаешься ты чем-то настолько мелочным, что зубы от скуки сводит, — подрезаешь ногти на ногах или, например, переворачиваешь диванные подушки в поисках пульта от телевизора, — а мир вокруг тебя меняется с каждой секундой. Ты чистишь перед зеркалом зубы, а на другой стороне планеты поднимается паводок. Каждый день, каждый миг наш мир преобразается самым удивительным образом, а мы сидим в пробке, или гадаем, что приготовить на обед, или просто блаженно палимся в окно. «Пока ты строишь планы, история идёт вперёд», — всегда говорил Бертон.

Теперь я это знаю. Думаю, теперь мы все это знаем.

Что касается меня, то, когда всё началось, я был в Чикаго, на шестом этаже большого офисного здания, составлял резюме. Вокруг творился привычный хаос: разрывались телефоны, бежали люди, по телевизорам

63 В оригинале знак «амперсанд» в формате гипертекста html «&»; (прим. ред. Alex.Rus.UA)

64 В оригинале явная ошибка «Hounted». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

сообщали итоговые результаты голосования, — но во всём чувствовалась наигранность. Кампания закончилась. Наши аналитики сообщили нам всё, что следовало знать: утром, когда открылись избирательные участки, Стоддарт лидировал на семнадцать пунктов. И вот я сидел в предвкушении увольнения, закинув нóги на взятый в аренду стол и придерживая на коленях ноутбук, и ломал голову над синонимами к слову «руководил». Например, «руководил коллективом из пятнадцати человек». Или «руководил связями с общественностью Демократического национального комитета». Или, например, «руководил политической кампанией и доруководился до ручки».

Тут по Си-эн-эн заиграла короткая увертюра, которая означала, что где-то творится история, точь-в-точь как любил говорить Бертон.

Льюис выключил телевизор, и я поднял голову.

— Ну,⁶⁵ и зачем ты это сделал?

В ответ он перегнулся через стол и выключил мой компьютер.

— Сейчас покажу.

Я последовал за ним через офис, мимо струдившихся перед телевизорами людей. Никто не повернул в мою сторону головы. Никто не смотрел мне в глаза с воскресенья. Я попытался прислушаться к передаче, но поверх возбуждённого гомона до меня доносились лишь обрывки репортажей с мёста. Бертон я тоже не заметил — он, скорее всего, заперся где-нибудь и писал поздравительную речь своему сопернику. «Какой смысл откладывать неизбежное», — сказал он мне утром.

— И чего ты хочешь? — спросил я Льюиса, когда мы вышли в коридор, но он только покачал головой.

Льюис — крупный мужчина, ему около пятидесяти, и у него сутулые плечи и выражение лица как у пристыженного подростка. Он стоял в лифте и смотрел на мигающие огоньки, потирая оставшуюся от угревой сыпи оспину. Оспин у него много, они покрывают всё лицо, как напоминание о худшем в истории человечества пубертатном периоде. Он мне никогда не нравился, а в данный момент особенно, но даже я не мог не восхищаться светящимся в его глазах умом. Стань Бертон президентом, Льюис хорошо бы ему послужил. Теперь же ему тоже придётся искать работу.

Двёри лифта открылись, и Льюис вывел меня из вестибюля в типичное ноябрьское утро в Чикаго: с озера дул кусачий, будто пересыпанный алмазной крошкой, ветер, а с потрёпанного неба сыпало нечто, что никак не могло определиться, чем оно хочет стать в жизни — снегом или дождём. Я вырос в Южной Калифорнии (меня растили дедушка с бабушкой) и больше всего на свете ненавижу чикагскую погоду; но тем утром я стоял на улице в рубашке с закатанными по локоть рукавами, мой галстук развевался на ветру, а я ничего не чувствовал.

— Боже мой, — произнёс я, и на мгновение все мои мысли остановились. Я мог думать только о том, что всего два часа назад стоял на том же самом месте и смотрел, как Бертон обрабатывает толпу, а мир ещё не сошёл с ума.

65 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Потóм Бертон дошёл до участка, чтобы отдать свой голос, а когда он вышел из кабинки, его ждали репортёры. Бертон, политик до мозга костей даже после поражения, их очаровал. Нас могли ожидать великие дела́.

Но даже тогда мир ещё не сошёл с ума.

Зато теперь он спятил по полной программе.

Мне потребовалось несколько мгновений, чтобы понять, что происходит; мимо с выпученными глазами проталкивались прохожие, перед гостиницей на углу застыл с раскрытым ртом посыльный. Выше по улице столкнулись три таксиста, из сцепившихся машин валил пар, а в конце квартала выброшенным на берег морским чудовищем возвышался перевёрнутый автобус. Где-то немзыкально кричала женщина — снова, и снова, и снова, перемежая крики стаккато сдавленных всхлипов. Вдали завывали сирены. Телевизионная группа снимала без остановки, и впервые с того момента, как я продул шанс Бертонa занять самый высокий пост страны, ни один журналист не совал мне в лицо микрофон и не спрашивал, что на меня нашло.

Но я был слишком поражён, чтобы наслаждаться неожиданным подарком судьбы.

Мы Льюисом не отрывали глаз от избирательного участка. Там собралось полтора или два десятка мертвецов, и всё время прибывали новые. Даже тогда у меня не возникло сомнения, что все они мертвы. Это становилось очевидным по осанке — деревянной, как у марионеток; по шаркающей походке и нездоровому, призрачному блеску в глазах. Очевидно по зияющим из разрезов кольцам внутренностей, по случайной наготе и неожиданной одежде: больничным халатам, залитым кровью джинсам и безупречным костюмам из только что открытых гробов. По тёмным пятнам разложения, что цвели на их телах. Очевидно с первого взгляда, что они мертвы. Происходящее давало фору любому фильму о зомби, который вам доводилось видеть.

По моим рукам побежали мурашки, но вовсе не от дующего с озера Мичиган вётра.

— Бог ты мой, — произнёс я, когда сумел,⁶⁶ наконец,⁶⁷ заговорить. — И чего они хотят?

— Голосовать, — ответил Льюис.

* * *

«На выборах в Чикаго мёртвые голосовали задолго до того, как Ричард Дейли стал мэром, — написáл один остряк в утреннем выпуске „Триббюн“ на следующий день, — но вчерашние события придали этой традиции совершенно новый смысл».

Да уж.

66 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

67 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Мёртвые проголосовали, и не только в Чикаго. В каждом избирательном округе страны они вставали с больничных носилок и полок в морге, из открытых гробов и с бальзамировочных столов, и в большинстве случаев им удалось отдать свой голос без помех. Да и кто мог их остановить?

Бóльшая часть работников избирательных участков бежала с корабля, стоило первым зомби проковылять в двéри, но даже те, кто остался на посту, предпочитали не вмешиваться. Мертвецы никому не угрожали — если подумать, они не делали ничего зловещего, чего можно было бы ожидать от мертвецов. Но многих людей нервировал их непроницаемый взгляд. Проще дать им проголосовать, чем терпеть на себе знающий блеск этих странных глаз.

А когда гóлосá подсчитали, мы узнали ещё кое-что — они проголосовали за Бертона. Все как один проголосовали за Бертона.

* * *

— Это **твоя** вина, — сказал на следующий день за завтраком Льюис.

Я видел, что с ним согласны все до единого, весь старший руководящий персонал, измотанный и невыспавшийся. Пока Льюис произносил свою тираду, они пристально изучали содержимое своих тарелок, поверхность стола для совещаний или лихорадочно записывали что-то в ежедневники. Что угодно, лишь бы не смотреть мне в глаза́. Даже Бертон, который сидел в одиночестве во главе стола, жевал бублик и смотрел без звука репортаж Си-эн-эн, где ковыляли по своим непостижимым делам зомби. Ближе к рассвету, когда из восточных штатов поступили последние подсчёты, то́лпы мертвецов стали подтягиваться к кладбищам. Зачем, пока что не знал никто.

— **Моя** вина? — переспросил я, но возмущение получилось наигранным.

В пять утра, когда я проснулся от кошмара в тёмном гостиничном номере, я пришёл к тому же выводу, что и все остальные сидящие за столом.

— То чёртово ток-шоу, — заявил Льюис, будто это всё объясняло.

Вполне возможно, что так оно и было.

Чёртово ток-шоу называлось «Перекрёстный огонь», и я попал на него в последнее воскресенье перед выборами. Я нарушил первую заповедь политика — заповедь, которую я безжалостно вбивал в окружающих в течение последнего года. **Не отклоняться от основной мысли, придерживаться тезисов.**

Не говори от сердца своего.

Причиной этой дилетантской ошибки послужила шестилетняя девочка по имени Дана Макгвайр. За три дня до моего выступления в эфире пятилетний мальчик застрелил Дану после занятий в школьном кружке́. Он нашёл пистолет в прикроватной тумбочке своего отца и, как раз когда мать Даны входила в школу, чтобы забрать дочь, вытащил оружие из своей сумки с подником и выстрелил девочке в шею. Дана умерла на руках у матери, а мальчишка рыдал рядом.

Обычный американский денёк, только что-то оборвалось у меня в груди, когда я впервые увидел фотографию Даны в новостях. Я помню тот момент как сейчас: в óкна гостиницы падает тусклый октябрьский свет, тихо бормочет телевизор, а я разговариваю по телефону со своей калифорнийской бабушкой. У меня мало родственников. У меня есть дядя со стороны́ отца, но после смерти родителей мы постепенно перестали видеться, и меня воспитывали родители матери. Дед умер пять лет назад, так что мы остались вдвоём, и даже в разгар предвыборной кампании я старался звонить бабушке каждый день. По большей части она болтает о знакомых стариках — длинный перечень имён и недугов, которые я и в хороший день с трудом могу удержать в голове. А в тот полдень, вполглаза посматривая, как бойкий, накачанный ведущий с Си-эн-эн ведёт репортаж у фасада школы, я совсем потерял нить разговора.

И вдруг я слышу, как она взволнованно повторяет: «Роберт, Роберт!», а я...

Я сижу на гостиничной кровати в Дейтоне, штат Огайо, и рыдаю о смерти маленькой девочки, которую никогда в жизни не видел. Гóре, шок — называйте, как хотите, но за десятилетие общественной деятельности такое со мной случилось впервые. И после я уже не мог думать о её смерти на уровне политических терминов. **Смерть Даны Макгвайр стала моим личным делом.**

Как и следовало ожидать, вопрос поднялся на «Перекрёстном огне». Джо Стерн, руководитель кампании Стоддарда, которого я знаю уже много лет, наклонился к камере и выдал стандартную фразу — о конституционном праве на ношение оружия, будто Джефферсон лично мог предусмотреть появление скорострельного полуавтоматического пистолета с обоймой на шестнадцать патронов. Услышав её из уст мясистого, самодовольного идеолога, которому следовало лучше понимать, о чём он говорит, я разъярился.

Я не сразу узнал ответивший ему голос. Мне казалось, что через меня говорит кто-то другой, будто голос раздаётся из пробитой в груди дыры.

И голос сказал вот что:

— Если Гранта Бертон изберут президентом, он добьётся того, чтобы всё личное огнестрельное оружие переплавили на болванки. Он сделает всё от него зависящее, чтобы спасти следующую Дану Макгвайр.

— Мы говорим вовсе не о Дане Макгвайр... — надулся жабой Джо Стерн. Голос прервал его.

— Если есть в нашем мире справедливость, Дана Макгвайр встанет из могилы и придёт за тобой, — возвестил он. — И если мы говорим не о Дане, то о чём мы тогда говорим?

К концу дня Стоддард уже запустил в оборот новый ролик — фотография Бертон и мой голос: «**Если Бертон изберут президентом, он добьётся того, чтобы всё личное оружие переплавили на болванки.**». К понедельнику наш рейтинг опустился на шесть пунктов, и Льюис перестал со мной разговаривать.

Зато сейчас он не замолкал.

Он перегнулся через стол и ткнул в меня толстым пальцем, заодно опрокинув пластиковый стаканчик с кофе. Пока он кричал, я смотрел, как расплывается по столу чёрное пятно.

— Мы лидировали на пять пунктов, мы выигрывали, пока ты не открыл свой чёртов рот! ...

Нас прервала Анжела Дей, наш главный специалист по общественному мнению.

— Смотрите! — Она показывала на экран телевизора.

Бертон прибавил пультом громкости, но происходящее и так было предельно ясным: кладбище на севере штата Нью-Йорк, причём одно из новомодных, где плиты расположены вровень с землёй, чтобы удобнее было косить траву. Трое или четверо зомби опустились на колени рядом с недавно вырытой могилой.

— Боже мой, — прошептала Дей. — Что они делают?

Ей никто не ответил, и я думаю, что она и не ждала ответа. Она видела происходящее не хуже нас. Мертвецы голыми руками разгребали свежую землю.

В голове у меня всплыла строчка из старой поэмы, которую я прочёл ещё в колледже: «Ах, кто копает на моей могиле?»⁶⁸ Она стучала в голове, и впервые меня посетила истерика, которая со временем не минует ни одного из нас. Могилы отверзлись, мёртвые ходили среди нас. Род людской трепетал.

«Ах, кто копает на моей могиле?»

Льюис откинулся на спинку стула и смерил меня сердитым взглядом.

— Это твоя вина.

— По крайней мере, они голосовали за нас, — ответил я.

* * *

Не могу похвастаться, что мы ворвались в Белый дом во главе триумфального шествия зомби. На самом деле всё произошло совсем наоборот. Как оказалось, право гóлоса мёртвых представляет из себя серьёзный конституционный вопрос, и Стоддарт направил жалобу в Федеральную избирательную комиссию. Он утверждал, что мертвецы не имеют права вмешиваться в дела живых, и к тому же ни один из них не зарегистрировался законным образом. Предчувствуя поражение, Демократический национальный комитет подал встречный иск с заявлением, что одно лишь присутствие мёртвых помешало обычным избирателям прийти на участки.

Пока суды за закрытыми дверями обдумывали эти притязания, мир содрогнулся. Люди повалили в церкви. Президент созвал экспертов и специально подобранные комиссии, в сенате проходили слушания. Центр по

68 «Ah, are you digging on my grave» — ироничное стихотворение Томаса Харди. (прим. изд. [Азбука-классика; СПб](http://Азбука-классика.СПб))

контролю за заболеваниями собирал отряды для поиска биологически опасных веществ. В ООН обсуждались карантинные меры против Соединённых Штатов; фондовая биржа потеряла пятнадцать процентов.

В то же время мёртвые беспрепятственно занимались своими делами. Они ни с кем не разговаривали и не пытались вступить в контакт, но за массовым воскрешением ощущался интеллект, нечеловеческий и отчуждённый. В последующие за выборами недели они разрывали свежие могилы и освобождали товарищей из недавних захоронений. Голыми руками рыли землю, напором рушили бетонные склепы и вскрывали заколоченные гробы. Бродили по улицам, распространяя вокруг себя запахи формалина и разложения, — рúки исцарапаны и изорваны, под ногтями чёрная могильная земля.

Их число росло с каждым днём.

Люди по-прежнему умирали, но они перестали быть покойниками: недавно воскрешённые неустанно трудились у свежих могил. Через неделю после выборов Верховный суд принял решение считать результаты голосования недействительными. Срочная сессия Конгресса назначила повторные выборы на первую неделю января. Неразбериха во Флориде в 2000 году⁶⁹ научила нас ценить проворство.

Вечером ко мне в номер с новостями зашёл Льюис.

— Мы снова в деле, — заявил он.

Я не ответил, и он уселся в кресло напротив. Мы в тишине смотрели на затянутый туманом город. Высоко над озером в небе висели нити дождя. **Сегодня мёртвым повезло с погодой. Рýть будет легче.**

Льюис развернул бутылку на столе, чтобы прочесть ярлык. Я-то знал, что в ней: «Гленфиддик», отличный односолодовый⁷⁰ виски. Я потягивал его из гостиничного стакана почти весь день.

— Почему ты не включишь свет? — спросил Льюис.

— Мне и в темноте неплохо.

Льюис хмыкнул. Повременив, он нашёл ещё один стакан, протёр его платком и налил себе виски.

— Ну,⁷¹ говори.

Льюис отпил из стакана, поморщился.

— Четвёртого января. Двадцать минут назад президент подписал указ. Защитные кордоны в пятидесяти ярдах от избирательных участков. Голосуют только живые. Господи. Не могу поверить, что говорю такое. — Он подпёр голову руками. — Ты с нами?

— А он меня примет?

— Да.

— А как насчёт тебя, Льюис? Ты меня примешь?

Льюис промолчал. Мы сидели, вдыхали лесной аромат скотча и смотрели, как ночь окрашивает небо темнотой.

69 В 2000 году после голосования во Флориде исчезла часть бюллетеней. (прим. изд. [Азбука-классика: СПб](http://Азбука-классика:СПб))

70 В оригинале «одно-солодовый» через дефис. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

71 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— На днях ты отчитал меня на совещании. Ты сделал из меня козла отпущения перед всеми. Мы не сможем работать вместе, если ты всё время будешь выбивать у меня из-под ног почву.

— Да чёрт тебя побери, я же был прав! За десять секунд ты разрушил все наши труды! Выборы были у нас в кармане.

— Ладно тебе, Льюис. Не будь «Перекрёстного огня», ещё неизвестно, какими бы могли оказаться результаты. Пять пунктов — это мелочь. Мы лидировали с крошечным отрывом, и ты сам это знаешь.

— И всё же. Зачем ты это сказал?

Мне вспомнилось то странное чувство, что охватило меня на передаче: будто через меня говорит чужой голос. Рупор мёртвых и всё такое.

— Ты когда-нибудь думаешь о той девочке, Льюис?

— Да. Думаю, — вздохнул он и поднял стакан. — Слушай. Если ты добиваешься извинений...

— Мне не нужны извинения.

— Отлично. — Он помолчал и неохотно добавил: — Роб, ты нам нужен. И сам это знаешь.

— Январь, — произнёс я. — У нас есть почти два месяца.

— На данный момент мы лидируем с большим отрывом.

— Стоддарт тоже сидеть сложа руки не будет, вот увидишь.

— Да. — Льюис коснулся лица — трогал оспины. Даже в темноте я узнал жест, ведь я знал его достаточно долго.

— Хотя не знаю, — добавил он. — Вполне возможно, правые вообще пропустят эти выборы. Они считают, что грядёт Второе пришествие, какое им дело до политики?

— Посмотрим.

Льюис залпом допил скотч и поднялся.

— Да. Посмотрим.

Я не двинулся с места, когда он пошёл к двери, лишь наблюдал за его отражением в большом панорамном окне. Он открыл дверь и обернулся — высокий силуэт на фоне освещённого коридора, чьё лицо терялось в тених.

— Роб?

— Что?

— Ты в порядке?

Я осушил стакан и покатал скотч во рту. Мне хотелось сказать: «В последнее время мне плохо спится. Мне снятся странные сны».

Но вслух я произнёс:

— Я в порядке, Льюис. Я в полном порядке.

* * *

Хотя я вовсе не был в порядке.

Никто из нас не был в порядке, но даже сейчас (а может, особенно сейчас) первое, что приходит в голову о тех первых неделях, — это как незначительно воскрешение мёртвых затронуло нашу повседневную жизнь. Отдельные случаи попадали в новости — я помню сюжет об аресте серийного убийцы, чьи жертвы вылезли из неглубоких могил на заднем дворе, — но в большинстве своём люди жили как раньше. После первого шока рынок успокоился. На прилавках к Дню благодарения появились индейки; на радиостанциях отсчитывали дни до Рождества.

Тем не менее, думаю, под видимым спокойствием и тогда уже пряталась истерия, как омут под гладью невозмутимого озера. Омут, в котором неосторожные могут утонуть. В большинстве своём люди выглядели нормальными, но копни чуть глубже — и все мы тихо сходим с ума тысячей разных способов.

«Ах, кто копает на моей могиле» и всё такое.

Лично я не мог спать. Предвыборный стресс нарастал ещё до провального выступления на «Перекрёстном огне», и в последние перед голосованием дни, особенно с опросами (и милейшими делегатами женского пола) в Калифорнии, я просыпался, зевая во весь рот и с трудом продирая глаза. К тому же меня мучило чувство вины. Три года назад бабушка сломала ногу и оказалась в доме для престарелых «Лонг Бич». Хотя мы созванивались каждый день, я так и не сумел вырваться на денёк-другой и навестить её, несмотря на то что в Калифорнии наша кампания продолжалась довольно долго.

Но воскрешение мёртвых поставило в моей бессоннице новую веху. В ночь выборов я из последних сил добрался до постели, причём в голове у меня кружились воспоминания о разгуливающих по улицам зомби, и заснул тяжёлым, лихорадочным сном. Во сне я бродил по заброшенному городу. Окружающий пейзаж носил отпечаток свойственной снам мрачной многозначительности: каждый выпавший из стены кирпич, парящие в ущельях между высотными зданиями газетные обрывки, сгустки темноты в заброшенных подземных переходах — всё вызывало тревогу. Но сильнее всего меня напугал звук, единственный звук в этом океане тишины — смутно тревожный, далёкий отзвук часов, эхом разносящийся по пустым бульварам и забытым проспектам.

Воздух звенел от этого звука, он преследовал меня и в конце концов загнал в квартал, где дома нависали над узкими, крутыми улочками, а небо виднелось узкой полоской. Впереди чёрным провалом в стене узкого, высокого дома манила открытая дверь. Я толкнул калитку ограды, поднялся по сломанным ступенькам и замер на пороге. Внутри громоздились огромные напольные часы, их стрёлки показывали минуту до полуночи. Я зачарованно наблюдал, как тяжёлый маятник качнулся, принося наступление нового часа.

Массивные стрёлки вытянулись вверх.

Воздух вокруг меня дрогнул. Когда часы начали бить, содрогнулась даже каменная кладка. Я зажал уши руками и собирался бежать, но бежать было некуда. Во дворе, на улице — насколько охватывал взгляд — везде собрались мёртвые. Пока часы отбивали полночь, они стояли и смотрели на меня своими нездешними глазами, и я знал, внезапно и бесповоротно, как обычно знаешь, что должно произойти во сне, что они пришли за мной, что они всегда охотились за мной, за всеми нами, только мы и не подозревали об этом.

И тут, охваченный ледяным страхом, я проснулся.

Сквозь занавески просачивались серые рассветные лучи, но меня не покидало предчувствие, что рассвет не наступит, а если и наступит, то он будет совсем не похож на начало любого другого дня.

* * *

Имея в запасе ещё две недели, Стоддард повёл решительную атаку.

Четырнадцатое декабря, мы в тридцати семи тысячах футов над землёй, в зафрахтованном «Боинге-737», и тут Анжела Дей радуется нас новыми цифрами.

— Господа, — заявила она, — мы попали в зону небольшого волнения.

Теперь я вижу, что это и стало поворотным пунктом. Но в тот момент никто из нас не оценил шутки.

Воскрешение мёртвых заметно оживило предвыборную гонку и где-то на месяц даже значительно подняло наш рейтинг, но в последние недели Стоддард упорно рвался вверх, чествуя нас на чём свет стоит в земледельческих районах из-за пары аграрных законов, где Бертону принадлежал решающий голос, а на юге поминая ваучеры. Конечно, мы знали о его выступлениях, но никто не мог предвидеть, насколько близко он подойдёт к нам на финишной прямой.

— Мы лидируем в Калифорнии на семь пунктов, — сказала Дей. — Нас держат на плаву голоса геев, но цифры достаточно расплывчатые. Стоддард продолжает набирать голоса.

— Боже, — вздохнул Льюис, но Дей уже показывала другой список.

— Дальше хуже, — продолжала она. — Во Флориде у нас два пункта. Статистическое болото. Меньшинства за нас, основное население за Стоддарда. Результаты будут зависеть от явки на избирательные участки.

Либби Диксон, пресс-секретарь Бертона, прочистила горло:

— У нас достаточно крепкие связи с испанской диаспорой...

— Основное население выиграет, — покачала головой Дей.

— Испанцы никогда не ходят голосовать, — добавил Льюис. — Можно просто обвязать Флориду бантиком и отослать Стоддарду в подарок.

Дей раздала следующие листы. Она организовала своё сообщение так, чтобы оно произвело максимальное впечатление, объявляя новости по листу за раз⁷². Льюис сгорбился в своём кресле, трогая оспины, пока она продолжала перечислять: Мичиган, Нью-Йорк, Огайо — все три штата богаты на избирателей, во всех трёх мы идём голова в голову со Стоддардом. Три практически физических удара под дых, как читалось на лицах сидящих за столом.

— Что за чертовщина? — проворчал Льюис, когда Дей передала ему следующий лист, но техасские новости лишили дара речи даже его. Стоддард опережал нас на шесть пунктов.

Я обдумывал пару сравнений с Аламо⁷³, но в конце концов решил благоразумно промолчать.

— Я думал, что наш рейтинг в Техасе растёт, — сказал Льюис.

Дей пожала плечами.

— Я только сообщаю цифры, а не выдумываю их.

— Могло бы быть и хуже, — неуверенно произнесла Либби Диксон.

— Могло, но Робу запретили выступать на «Перекрёстном огне», — заявил Льюис, и среди сидящих пробежал смешок.

Не отрицаю, Льюис знает, что делает. Я и сам почувствовал, как спало напряжение за столом.

— Предложения? — спросил Бертон.

— Опросы в целевых группах показали озабоченность системой образования. Может, выпустить ролик, поясняющий нашу позицию по... — начала Дей.

— Да чёрт с ней, с позицией, — перебил её кто-то. — Нам надо остаться во Флориде. Потягаться со Стоддардом на его поле.

— Может, серию встреч в небольших городах? — предложил Льюис, и некоторое время они перебрасывались идеями.

Я пытался прислушиваться, но шуточка Льюиса напомнила мне о снах. Я помнил, где нахожусь — тридцать семь тысяч футов пустоты под крылом, летим на дебаты в Виргинию, — но в своём сознании я не двинулся с места. В моей голове я стоял на пороге того дома и смотрел в глаза мёртвых.

«Мир изменился, и изменился непоправимо», — внезапно подумал я.

Думаю, что заключение было очевидным, но в тот момент оно озарило меня откровением. Дело в том, что все мы — и я имею в виду не только предвыборную кампанию, но всех, всю нашу культуру — делали вид, будто ничего не произошло. Да, в ООН проходят дебаты, а по Си-эн-эн идут передачи, похожие на вырезки из фильмов Джорджа Ромеро, но последствия — духовные последствия — массового воскрешения мёртвых до нас ещё не дошли. Мы пребывали в счастливом отрицании. И в тот момент, когда под ногами мягко гудел двигатель самолёта, а кто-то из наших — кажется, Тайлер О'Нил, мышинового вида ассистент Либби Диксон, — нудно твердил о негативном

⁷² В оригинале «зараз» слитно (также см. 110), как бы это забавно не звучало. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

⁷³ В 1836 году в Аламо состоялось сражение между техасскими и мексиканскими войсками, в котором техасцы были разбиты. (прим. изд. Азбука-классика; СПб)

подходе, мне вспомнились слова́ одного из профессоров в Нортвестерне: Коперник выдвинул гелиоцентрическую теорию Солнечной системы в середине шестнадцатого века, но у Церкви не доходили руки́ кого-нибудь за неё наказать, пока почти столетие спустя не посадили в темницу Галилея. Церковь сто лет старалась игнорировать тот факт, что кто-то одним взмахом рукí перевернул фундаментальную географию их мира.

И то же самое случилось с нами.

Мертвецы встали из могил.

Четыре слова́, но по сравнению с ними бледнело всё остальное: социальные гарантии, финансовая реформа кампании, образовательные ваучеры. *Всё.*

Я с шумом скомкал один из листов Дей в комок и перебросил его через стол. Тайлер О'Нил поперхнулся и замолчал, и несколько секунд все молча смотрели на ком бумаги. Можно было подумать, будто я кинул ручную гранату, а не два параграфа, подытоживающие идиотизм избирателей штата Техас.

— Я не думаю... — прочистила горло Либби Диксон.

— Замолчи, Либби, — ответил я. — Вы сами себя послушайте. По улицам разгуливают зомби, а вы переживаете о негативном подходе?

— Все эти... — Дей помахала в воздухе рукой, — зомби, они ни на что не влияют. Цифры...

— Людям свойственно лгать, Анжела.

Либби Диксон громко сглотнула.

— Когда дело доходит до денег, смерти и секса, лгут все. Ты думаешь, что если домохозяйке позвонит полнейший незнакомец, она поделится своими переживаниями о полуистлевшем трупе дедушки, который гуляет по соседней улице?

Теперь всё внимание принадлежало мне, без остатка.

Целую минуту самолёт заполнял гул моторов. Люди в салоне не издавали ни звука. А потом Бертон... Бертон улыбнулся.

— Что ты задумал, Роб?

— *Союз личности и момента* — вот что делает президента великим, — ответил я. — Вы сами так говорили. Помните?

— Помню.

— Вот он, *ваш* момент. Перестаньте убегать от него.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Льюис.

Я ответил на вопрос, но даже не взглянул в его сторону. Я не сводил глаз с Гранта Бертона. Будто никого больше не было в салоне самолёта, только я и он, и, несмотря на все дальнейшие события, именно тогда свершился мой вклад в историю.

— Я хочу отыскать Дану Макгвайр, — заявил я.

* * *

Я начал заниматься политикой ещё в Нортвестерне, на втором курсе. Это случилось неожиданно для меня (да и кто отправляется в колледж, собираясь стать помощником сенатора?), но в те годы я отличался идеализмом, к тому же мне нравилась позиция Гранта Бертона, так что осенью я присоединился к его штату в качестве добровольца и сидел на телефоне. Одно за другим: стажировка на Холме⁷⁴, работа референтом после окончания колледжа — и каким-то образом я оказался среди богемы политического мира.

Я часто задумывался о том, а как бы сложилась моя жизнь, выбери я другой путь? На четвёртом курсе я встречался с девушкой по имени Гвен, веснушчатой блондинкой на год младше меня; довольно симпатичная, она чуть-чуть не дотягивала⁷⁵ до красавицы. Уж не помню, по какому предмету нам задали совместную лабораторную работу, но в её процессе мы обнаружили, что выросли в полчасе езды друг от друга. Землячество — двое заброшенных на холодный север калифорнийцев — помогло нам продержаться вместе всю зиму и часть весны. Но после окончания колледжа наши пути разошлись, и последнюю рождественскую открытку я получил от неё пять или шесть лет назад. Помню, как из открытки выпал листок бумаги и медленно спланировал на пол. Телефон и адрес в Лагуна-Бич и приписка: «Позвони мне как-нибудь». Но я так и не позвонил.

Так что вот так.

В тридцать два года я всё ещё жил один, и самые долгие романтические отношения в моей жизни продлились восемь месяцев. Моим самым близким другом оставалась бабушка, и при большой удаче я виделся с ней раза три в год. Я ходил на десятилетнюю встречу выпускников в Эванстоне, и все мои бывшие одноклассники давно уже жили в другом мире. У них были сёмы, дети, религия.

А у меня была моя работа. Двенадцать часов в день, пять дней в неделю. По субботам я проводил в офисе три-четыре часа, чтобы доделать отложенные на неделе дела. По воскресеньям я смотрел ток-шоу, и с понедельника всё начиналось заново. Так я жил уже десять лет, и ни разу мне не пришло в голову задаться вопросом: **как я загнал себя в этот угол?** Мне даже не пришло в голову, что вообще следует задаваться подобными вопросами.

Четыре года назад, во время кампании по переизбранию Бертона в сенат, Льюис сказал мне одну забавную вещь. Мы сидели в баре, пили «Миллер лайт» и закусывали арахисом, и вдруг он поворачивается ко мне и спрашивает:

— У тебя кто-нибудь есть?

— Кто-нибудь?

— Ну, сам понимаешь — девушка, невеста, дорогóй тебе человек?

На миг у меня перед глазами мелькнула Гвен, но только на миг.

74 Имеется в виду Капитолийский холм в Вашингтоне, где находится здание Конгресса. (прим. изд. Азбука-классика; СПб)

75 В оригинале «недотягивала» слитно. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Нет, — ответил я.

— Вот и славно, — кивнул Льюис.

Он всегда выдавал подобные заявления, ехидно, немного зло. Обычно я не обращал внимания, но в ту ночь у меня в крови курсировало уже немало алкоголя, и я решил не давать спуска.

— И что это значит?

Льюис повернулся ко мне.

— Я хотел сказать, что если у тебя есть по-настоящему дорогой человек, с кем ты хочешь прожить вместе всю жизнь, то тебе лучше бросить эту работу.

— С чего бы это?

— Она не оставляет мёста для личной жизни.

Он допил пиво и отодвинул бутылку, не спуская с меня чистого, трезвого взгляда. Полумрак скрадывал оспины на его лице, и в тот момент я увидел его таким, каким он мог быть в лучшем мире. Всего на миг Льюис стал почти красавцем.

И тут миг закончился.

— Спокойной нóчи, — сказал он и отвернулся.

Через несколько месяцев, незадолго до того, как Бертон переизбрали ещё на шесть лет, Либби Диксон рассказала мне, что жена Льюиса подала на развод. Наверное, в ту ночь в баре он уже знал, что его брак рушится.

Но тогда я ничего не подозревал.

Я остался сидеть в баре, снова и снова повторяя про себя его слова: «Эта работа не оставляет мёста для личной жизни», и я понимал, что Льюис пытался предупредить меня. Но я ощущал только бездонное облегчение. Меня полностью устраивало одиночество.

* * *

Бертон присутствовал на каком-то мероприятии в Сант-Луисе, когда мне позвонили из дóма престарелых и сообщили, что бабушка опять упала. В восемьдесят один год кóсти уже очень хрупкие, и в последний мой визит в дом престарелых — как раз после конференции — бабушкин куратор позвала меня в свой кабинет и сообщила, что следующее падение может стать последним.

— Последним? — переспросил я.

Куратор отвела взгляд и принялась переключать бумаги на столе, и тут я понял, что она имела в виду: следующее падение убьёт бабушку.

Наверное, глубоко в душе я и так это понимал, но услышать подобное от другого человека, к тому же в такой формулировке... заявление куратора меня потрясло. С тех пор как мне исполнилось четыре года, бабушка оставалась единственным незыблемым маяком в моей жизни. Я гостил у неё в Лонг-Бич, за полконтинента от родного дóма, когда моя семья — родители и сестра —

погибла в автомобильной аварии. Полиции родного штата Пенсильвания потребовались почти сутки, чтобы разыскать меня. Я хорошо помню тот день: каменное лицо бабушки, когда она положила трубку телефона, её холодные рúки на моих щеках, когда она наклонилась ко мне.

Плакала она совершенно беззвучно. Слёзы стекали по щекам, оставляя грязные дорожки в макияже, но она не издала ни звука.

— Я люблю тебя, Роберт, — сказала она. — Ты должен быть сильным.

И это моё первое настоящее воспоминание.

Я совершенно ничего не помню ни о родителях, ни о сестре. У меня есть фотография, сделанная на пляже, где-то за полгода до моего рождения: отец, стройный, с сигаретой во рту, и улыбающаяся мать с едва заметным животом. На фотографии Алиса (тогда ей было около четырёх) стоит перед ними как образцово-счастливый светловолосый ребёнок, в обнимку с пластмассовой лопаткой. В детстве я часто смотрел на фотографию и недоумевал, как можно скучать по людям, которых толком и не знал никогда. Но тем не менее я скучал по ним, и тоска разливалась где-то глубоко почти ощутимой физической болью, подобно воображаемой боли, которую чувствуют люди с ампутированными конечностями.

И когда куратор сообщила мне о падении бабушки, сердце у меня сжалось призраком той старой боли.

— Нам повезло, — поспешила она успокоить меня. — Ваша бабушка проведёт пару месяцев в инвалидном кресле, но с ней всё будет хорошо.

Потóм я поговорил с бабушкой.

— Роберт, — просила она тонким, дрожащим голосом, невнятно выговаривая слова из-за болеутоляющего. — Я хочу, чтобы ты приехал. Я хочу повидаться с тобой.

— Я тоже хочу повидаться с тобой, — ответил я. — Но я не могу вырваться прямо сейчас. Как только закончатся выборы...

— Я старая женщина, — сердито оборвала она. — Я могу не дожить до конца выборов.

Я сумел выдавить смешок, но и сам слышал, что звучит он натянуто. От её слов в голове у меня начал прокручиваться мрачный отрывок: как холодное тело бабушки с трудом поднимается на нóги, а глаза её сияют тем невозможным замогильным светом. Думаю, многим представлялось что-то подобное в те страшные недели, но меня это потрясло до глубины души. Видéние напомнило о преследующих меня снах. Мне казалось, что я снова смотрю в неумолимые лица мертвецов рядом с тем домом, где, не переставая, бьют огромные часы.

— Роберт, — повторяла бабушка, и я слышал, как поёт в её голосе петидин⁷⁶, — ты слышишь меня, Роберт?

И ни с того ни с сего у меня вырвался вопрос:

— У моих родителей были часы?

— Часы?

76 Петидин — обезболивающее с седативным эффектом. (прим. изд. [Азбука-классика; СПб](http://Азбука-классика.СПб))

— Большие напольные часы с маятником?

Бабушка молчала так долго, что на сей раз я начал думать, что она повесила трубку.

— У твоего дяди были часы, — наконец ответила она низким, чужим тоном.

— У дяди?

— Его звали Дон. Он тебе дядя по отцу.

— Что случилось с теми часами?

— Роберт, я хочу, чтобы ты приехал...

— Что случилось с часами, ба?

— Откуда я знаю? Не мог же он их оставить, правда? Наверное, он их продал.

— Что ты имеешь в виду?

Но она не отвечала.

С минуту я прислушивался к её петидиновому сну, потом в ухе у меня зазвучал голос куратора:

— Она задремала. Если вы хотите, я могу перезвонить позже.

Краем глаза я увидел чью-то тень и поднял взгляд. В дверях стоял Льюис.

— Нет, не стоит. Я позвоню утром.

Я повесил трубку и уставился через стол на Льюиса. По его лицу блуждало странное выражение.

— Что? — спросил я.

— Я насчёт Даны Макгвайр.

— И что насчёт неё?

— Мы её нашли.

* * *

Восемь часов спустя я приземлился в облачную полночь в Логане. Для поиска Даны Макгвайр мы обратились в частное сыскное агентство, и один из сыщиков, мужчина спортивного телосложения, с абсолютно ничего не выражающим лицом, встречал меня в аэропорту.

— Вы договорились со студией? — спросил я в машине, и по его ответу, краткому «да», сразу становилось понятно, что он думал о студийных работниках.

— Команда на месте?

— Устанавливают освещение.

— Как вы её нашли?

Он перевёл взгляд с дороги на меня; свет и тени от уличных фонарей волнами переливались по его лицу.

— У мёртвых мало фантазии. Сто́ит закопать свежего покойника, и они уже там, роют. — Он издал невесёлый смешок. — Пора бы перестать их хоронить.

— Думаю, дело в традиции.

— Возможно. — Он ненадолго замолчал, потóм продолжил: — Нашли так: разослали наших агентов по кладбищам и ждали. Вот и всё.

— А почему тогда так долго?

Какое-то время тишину нарушало только шуршание шин по мостовой да где-то далеко в ночи заливалась сирена. Агент опустил стекло со своей стороны́ и с чувством сплюнул в окно.

— В таком городе, как Бостон, — сказал он, — чёртова туча кладбищ.

Кладбище, к которому мы подъехали, оправдало все мои ожидания: расположенное на дальней окраине, неухоженное, с источенными непогодой готическими памятниками будто с голливудской съёмочной площадки. И когда я выходил из машины, мне подумалось, что было бы гораздо уютнее, будь оно так на сáмом деле: кольцо огоньков на вершине холма всего лишь декорации, а старый добрый мир остался прежним. Но мир изменился, и оборванные фигуры, разрывающие могилу, не были актёрами. Не говоря о том, что унюхал я их ещё издалека — от них исходила тошнотворная вонь разложения. К тому же начал накрапывать дождь, настоящий бостонский дождь, холодный и нескончаемый, как и полагается в конце блеклого, изнурительного декабря.

Режиссёр по имени Энди повернулся, когда услышал мои шаги.

— Всё нормально? — просил я.

— Ага. Им всё равно, чем мы заняты, лишь бы не вмешивались в их дела́.

— Хорошо.

— Вон она, видишь? — указал Энди.

— Вижу.

Дана стояла на коленях в траве, всё ещё в том платье, в котором её похоронили. Она упорно разрывала землю, слой грязи покрывал её рúки до локтя, а в лице не осталось ничего человеческого. Я стоял и смотрел на неё и никак не мог понять, что же я чувствую.

— С тобой всё в порядке? — спросил Энди.

— Что?

— Я говорю, с тобой всё в порядке? Я уж было решил, что ты плачешь.

— Нет, — ответил я. — Со мной всё хорошо. Это просто дождь.

— Как скажешь.

Так что я стоял и слушал, пока Энди вводил меня в курс де́ла. Он вёл съёмку на несколько камер, под различными углами и фильтрами, пытался добиться интересных эффектов с освещением. Его речь не имела для меня никакого смысла. Мне было всё равно, что он делает, лишь бы получить необходимые кадры. До тех пор делать здесь мне было нечего.

Наверное, Энди подумал о том же, потому что, когда я собирался уходить, он окликнул меня:

— Слышь, Роб, тебе совсем не обязательно было приезжать сегодня.

Я оглянулся. От дождя волосы прилипли ко лбу, и капли стекали мне в глаза. Меня пробирала дрожь.

— Я знаю, — сказал я и через несколько секунд добавил: — Просто... я хотел её увидеть.

Но Энди уже отвернулся.

* * *

Я всё ещё прекрасно помню наш ролик — мой персональный кошмар, приодетый в лучшие достижения кинематографии. Мы с Энди состряпали его в тёмной бостонской студии в сочельник, незадолго до полуночи, а по наступлении Рождества отметили конечный просмотр бутылкой бурбона. Стоило на экране появиться первым кадрам, и на меня накатила тошнота. Энди снял чёрно-белый, зернистый фильм с размытым ракурсом и оставил плёнку проявляться чуть дольше, чем следовало, чтобы усилить контраст. **Шестьдесят секунд вольного экспрессионизма**, как позже выразился один из критиков, но даже он признал, что **ролик производит сильное впечатление**.

Думаю, вы тоже его видели.

«Она встанет из могилы и придёт за тобой» — такой надписью начинался ролик, и она висела на экране в полной тишине на полсекунды дольше, чем требовалось для прочтения. Достаточно долго, чтобы внести смятение, по словам Энди, и я представлял себе, как рассеянные телезрители настораживаются, пытаются понять, что случилось со звуком.

Слова на экране растворяются и сменяются кадрами, где бледные, бескровные руки роют чёрную влажную землю. Детские руки, в синяках и ссадинах, перепачканные землёй и могильной порчей, всё роют и роют. Роют беспощадно, без передышки, и ты понимаешь, что **они могут рыть вечно**. И тут, постепенно, ты замечаешь звук: падающий с ночного неба дождь, шорох мокрой земли и что-то ещё, что-то упущенное, практически ощутимое в своей пустоте — **потустороннее молчание мёртвых**. Ролик застывает на картине, достойной кисти Босха и Гойи: семь или восемь полуодетых, разлагающихся зомби без устали трудятся над свежей могилой.

Чернота на экране и другая медленно тающая надпись: «**Возвращение Даны Макгвайр**».

Долгий кадр стоящей на коленях у разрытой могилы девочки. Мокрое платье липнет к её ногам, и сразу видно, что кто-то позаботился о выборе белого кружевного наряда, подходящего для похорон маленькой девочки, но теперь платье безвозвратно испорчено. Вся любовь и сердечная боль, вложенные в выбор платья, полностью испорчены. Платье порвано, испачкано, вымочено. Дождь зачёсывает назад светлые волосы. Камера приближается к скрытому в тени лицу Даны Макгвайр, и когда оно занимает две трети экрана, можно

разглядеть бледную рану на шее. Тёмные розы разложения цветут на её щеках. В глазах горит холодный, тяжкий свет истин, которые ты предпочтёшь никогда больше не видеть, даже во сне.

Кадр замирает на миг немой укоризной и, к облегчению зрителя, пропадает. Три фразы появляются и растворяются на чёрном экране:

«Мёртвые уже проголосовали».

«Теперь ваша очередь».

«Бертон в президенты».

Энди нажал кнопку на пульте. Фильм остановился и начал перематываться. Экран посерел, и только тут я понял, что на время просмотра затаил дыхание. Я отпил из бокала.

Виски обожгло горло, и я снова почувствовал себя живым.

— Что скажешь? — спросил Энди.

— Не знаю. Не знаю, что думать.

Он улыбнулся, вынул из видеомэгнитофона кассету и кинул её мне на колени.

— С Рождеством, — заявил он. — С Рождеством Христовым.

И мы выпили.

Когда я вернулся в гостиницу, от усталости у меня кружилась голова, и я упал на кровать и проспал одиннадцать часов без перерыва. Проснулся я после полудня на Рождество и через час уже садился в самолёт.

* * *

К тому времени, когда я догнал команду в Ричмонде, Льюис рвал и метал, и его оспины яркими красными пятнами выделялись на бледном лице.

— Ты **это** видел? — спросил он и сунул мне стопку бумаг.

Я наскоро их проглядел — снова плохие новости от Дей, рейтинг Бертона опускался всё ниже — и отложил в сторону.

— Может быть, нам поможет **вот это**. — Я протянул ему состряпанную нами кассету.

Мы смотрели её все вместе: я и Льюис, старшие представители предвыборной кампании, сам Бертон. Когда на экране появились первые кадры, его лицо приняло мрачное выражение. Даже при втором просмотре я чувствовал силу ролика. И я видел, что на остальных он тоже произвёл впечатление: Дей замерла с открытым ртом, а Льюис фыркал, будто не мог поверить своим глазам. На экране замер предпоследний кадр — изуродованное разложением лицо Даны Макгвайр, и Либби Диксон отвернулась.

— Мы не можем пустить его в показ, — заявила она.

— У нас... — начал я, но Дей меня перебила.

— Она права. Это не предвыборный ролик, а фильм ужасов. — Она повернулась к Бертону, который в молчании задумчиво барабанил пальцами по столу. — Если показать его избирателям, я вас заверяю, что мы потеряем ещё десять пунктов.

— Льюис? — спросил Бертон.

Льюис задумался на минуту, потирая пальцем изрытую шрамами щёку.

— Согласен, — в конце концов решил он. — Это не ролик, это чёртов кошмар. Это не ответ.

— Ролик омерзительный, — добавила Либби. — Пресса съест нас живьём за использование смерти ребёнка в политических целях.

— Но мы должны её использовать, — возразил я. — Мы не можем просто замять её.

— Роб, если мы запустим этот ролик, — откликнулся Льюис, — вся американская деревенщина тут же вспомнит, что ты собирався отнять у них оружие. Ты хочешь совершить ту же ошибку дважды?

— А разве это ошибка? Посмотри вокруг, Льюис. Мёртвые ходят среди нас. Старые правила больше не работают. Что говорит Стоддard? — Я повернулся к Либби.

— Он не трогал этот вопрос со дня выборов.

— Именно. Он не сказал ни слова ни о Дане Макгвайр, ни о ковыляющих по улицам мертвецах. С того момента, как комитет объявил результаты выборов недействительными, он уклоняется от проблемы...

— Потому что это политическое самоубийство, — вмешалась Дей. — Он уклоняется, потому что это правильное решение.

— Чёрта с два! — отрезал я. — Это неправильное решение. Это потакание⁷⁷ и трусость — моральная трусость, и если мы последуем его примеру, мы заслуживаем поражения.

В воцарившейся мёртвой тишине можно было услышать, как по улице проезжают машины, администратор в соседней комнате говорит по телефону, а пальцы Бертона барабанили по пластмассовой столешнице. Я внимательно смотрел на него, и меня снова посетило ощущение, будто моим голосом говорит кто-то другой.

— Что вы думаете об оружии, сэр? — спросил я. — Что вы на самом деле о нём думаете?

Бертон долго молчал. Думаю, его ответ удивил всех нас:

— Количество смертей от огнестрельного оружия у нас в три раза больше, чем в любой другой развитой стране. Как сказал Роб, мы переплавим его на болванки. Запускайте ролик.

— Сэр! — Дей вскочила с места.

— Я принял решение, — ответил Бертон. Он взял со стола распечатки и пролистал их. — Мы проигрываем в Техасе и Калифорнии и теряем голос в Мичигане и Огайо, — Он с отвращением швырнул распечатки обратно. — Анжела, Стоддарда и так любят на юге. Нам нечего терять.

77 В оригинале «потакательство», что могло бы быть умышленной ошибкой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

* * *

Даже при желании мы бы не смогли выбрать лучшее время.

Ролик вышел в эфир тридцатого декабря, накануне странного наступающего года. По телевизору я его увидел, когда сидел у себя в номере и смотрел последний бейсбольный матч сезона. Меня обдало холодом, будто я смотрел ролик впервые. После рекламы номер снова заполнили звуки игры, но теперь они казались ненастоящими. Крики болельщиков звучали натянуто, стук бит отличался характерной для спецэффектов резкостью. Меня пронзило одиночество: я бы позвонил кому-нибудь, но мне было некому звонить.

Я выключил телевизор и сунул в карман ключ от номера.

Внизу шла та же игра, но там подавали спиртное и в воздухе висели разговоры. Несколько журналистов из пула Бертон сгрудились у бара, но я отговорился от приглашения присоединиться. Я уселся за столиком в углу, уставился невидящим взглядом в телевизор и без особой спешки, но и не следя за количеством, попивал скотч. Не знаю, сколько я тогда выпил, но на ногах я держался с некоторым трудом.

По дороге обратно меня постигла неприятность. Когда дв́ери лифта открылись, я обнаружил, что не могу вспомнить номер своей комнаты. Я даже не мог с уверенностью утверждать, что вышел на нужном этаже. Передо мной тянулся гостиничный коридор, тусклый и невыразительный — ряд запертых дверей, за которыми спали чужие мне люди. На меня накатила усталость от затянувшейся кампании, и внезапно меня затошнило от всего этого: от гостиничных прачечных и бесконечных перелётов, сплошного пятна городов и улыбающихся лиц. Больше всего на свете мне захотелось домой. Но не в тесную квартиру, где я обитал.

Домой. Где бы он ни был, мой дом.

Пальцы без моего разрешения нащупали магнитный ключ-карту⁷⁸. Я вынул его из кармана и хмуро его осмотрел. Как оказалось, я всё же доехал до нужного этажа.

Как был, в одежде, я рухнул на кровать и заснул. Не помню, что мне снилось, но в долгий, холодный предрассветный час меня разбудил телефонный звонок.

— Включи Си-эн-эн, — сказал Льюис.

Под его мерное дыхание в трубке я нашарил пульт и, найдя нужный канал, прибавил громкость.

— ... Неподтверждённые сообщения из Китая касательно недавно восставших из могил мёртвых в отдалённых районах Тибетского плато...

Я проснулся сразу и окончательно. Голова гудела. Во рту пересохло так, что заговорить я сумел не сразу.

— У кого-нибудь есть твёрдые факты? — спросил я.

78 В оригинале «ключ — карту» через тире вместо дефиса. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Я сейчас работаю над этим вместе с одним знакомым из МИДа. Пока что у нас нет ничего, кроме слухов.

— Но если это правда?

— Если это правда, — ответил Льюис, — то ты гений.

* * *

Наутро наш рейтинг выглядел неуверенно, но к полудню дела́ начали улучшаться. Китайцы молчали как партизаны, и никому ещё не удалось заснять тибетских мертвецов, но изо всех уголков мира поползли слухи. Не подтверждённые официально донесения миротворцев из Косово сообщали о женщинах и детях, выкарабкивающихся из доселе неизвестных массовых захоронений.

К новому году слухи сменились доказанными фактами. На телевизионном экране замелькали зернистые кадры из Грозного и Аддис-Абебы. В рассыпанных по всему миру «горячих точках» вставали мёртвые. А на родине рейтинг постепенно, но верно менялся. На каждой встрече с избирателями сторонников Бертона становилось всё больше, и, пока наш самолёт летел сквозь ночь к Питсбургу, я смотрел,⁷⁹ как Стоддард отвечает на вопросы общественно-политической кабельной телесети. Он выглядел усталым, на посеревшем лице поселилось выражение неуверенности. Он опоздал, проблема принадлежала нам с потрохами, и я видел, что он тоже это понимает. Он просто соблюдал формальности, вот и всё.

Когда самолёт опустился на посадочную дорожку, в воздухе витало праздничное настроение. Бертон произнёс небольшую речь в аэропорту, потом служба безопасности плотнее сомкнула ряды, и мы всей компанией двинулись к ожидавшему кортежу. Перед тем как сесть в лимузин, Бертон отпустил своих ассистентов и положил руку мне на плечо.

— Садись со мной, — предложил он.

Сначала мы ехали молча, но, когда в ночи стали видны центральные высотки, Бертон повернулся ко мне:

— Я хотел сказать тебе спасибо.

— Не за что...

Он остановил меня взмахом руки.

— Если бы ты не подтолкнул меня, мне бы не хватило смелости запустить тот ролик. Я много об этом думал. Будто ты знал что-то, знал, что скоро нас ожидают новости.

Я уловил невысказанный вопрос: «Ты знал, Роб? Знал?» — но ответа у меня не было. Только то ощущение, будто моим голосом говорит кто-то другой, издавека, за пределами реальности, и, поскольку такое объяснение казалось бессмысленным, мне не хотелось им делиться.

79 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Когда я только начинал заниматься политикой, — продолжал Бертон, — у меня был знакомый деятель в Чикаго — я бы даже назвал его учителем. Он мне как-то сказал, что можно понять, с каким человеком имеешь дело, если приглядеться к тем, кто его окружает. Когда я вспоминаю его слова, у меня становится легче на душе, Роб, — вздохнул он. — Нет сомнений, что мир сошёл с ума, но мы справимся, если на нашей стороне будут такие люди, как ты. Я просто хотел тебе это сказать.

— Благодарю вас, сэр.

Бертон кивнул. Я отвернулся к окну и чувствовал, как он изучает меня, но вдруг оказалось, что больше мне нечего сказать. Я сидел и смотрел, как пролетает мимо город, а внутри меня накатывало прошлое. Неприятные истины скрывались подводными камнями под самой поверхностью. Но каким-то образом я их чуял.

— Роб, ты в порядке?

— Просто задумался, — ответил я. — С Питсбургом у меня связано много воспоминаний.

— Я думал, что ты вырос в Калифорнии.

— Да. Но родился я здесь. И жил до смерти родителей.

— Сколько тебе было?

— Четыре. Мне было четыре года.

К тому моменту мы уже подъезжали к отелю. Кортёж свернул на подъездную дорожку, и тут слова бабушки: «... *часы твоего дяди, не мог же он их оставить...*» прозвучали у меня в голове. Лимузин подъехал к тротуару, захлопали двери. Агенты службы безопасности выскочили из машин и выстроились кордоном перед входом. Наша дверь открылась, внутрь ворвался холодный январский ветер. Бертон собирал вещи.

— Сэр...

Он обернулся ко мне.

— Могу я завтра взять отгул?

— Даже не знаю, Роб, у нас плотный график, — нахмурился он.

— Нет, я имею в виду на пару часов.

— Что-то случилось?

— Я бы хотел кое-что разузнать. Насчёт родителей. Всего на час-другой, если у меня не будет срочных дел.

Он ещё секунду смотрел мне в глаза, потом кивнул:

— Ладно, Роб, — потянулся и сжал моё плечо. — Приезжай к двум в аэропорт.

* * *

В ту ночь мне снилось место, похожее — и в то же время не похожее, на детский сад Даны Макгвайр. На первый взгляд я бы счёл его детским садиком: полдюжины визжащих детей, крупные пластиковые игрушки, ковёр, которому ничего не страшно... Но некоторые детали не вписывались в общую картину: в углу стояли массивные старинные часы (часы моего дяди), а мои родители танцевали под камерный джаз, причём я не мог понять, откуда исходит музыка.

Я пытался разгадать загадку этого мёста, когда увидел ребёнка, сжимающего в руках бумажный пакет для завтраков. На его лице застыло загнанное, убитое выражение, но я слишком поздно понял, **что** должно́ произойти. Когда он вытащил из пакета пистолет, я попытался сдвинуться с мёста, крикнуть, сделать хоть что-нибудь. Но губы будто склеились, а глянув вниз, я обнаружил, что прирос к полу. В буквальном смысле. На моих босых ногах выросли длинные скрюченные корни. Там, где они вросли в пол, нити ковра распустились и перекрутились узлами.

Родители кружились в энергичном фокстроте, их лица искажал безумный смех. Музыка нарастала ужасающим крещендо, ударные слились единым всплеском: безупречный ритм барабана, гулкий бой часов, резкая отдача выстрела.

Я увидел, как отлетела назад девочка, как она дёргалась на полу и скребла руками шею. Меня окатило фонтаном бьющей из артерии крови — кожу обожгло её теплом, — и пятилетний мальчик обернулся ко мне. По его щекам текли слёзы, и у этого ребёнка — и я мог думать только о том, что это *«всего лишь ребёнок, всего лишь ребёнок»*, — было моё лицо.

С трудом сдержав крик, я проснулся. Комнату, коридор за дверью и город за коридором сжала в объятиях тишина. Мне казалось, будто мир утонул и лежит кораблём-призраком в укромной тишине могилы.

Я подошёл к окну и отодвинул занавеску. За стеклом, внизу, непонятным иероглифом сияла сетка электрических огоньков и пульсировала с загадочной многозначительностью. Глядя на неё, меня внезапно охватило понимание, насколько всё хрупко в нашем мире, насколько тонок барьер, что отделяет нас от пропасти. Я отпрянул от окнá, настолько меня ужаснуло осознание, что мир стал неизмеримо более вместительным и странным по сравнению со вчерашним днём — осознание огромных, бесформенных сил, ворочающихся там, в темноте.

* * *

Утро я провёл в библиотеке Карнеги в Окленде, проглядывая архивные выпуски газеты «Пост». Статью о несчастном случае я обнаружил довольно быстро, поскольку хорошо помнил дату, но я оказался не готов к её содержанию. Бабушка всегда неохотно говорила об аварии, да и в целом о моей жизни в Питсбурге, но я никогда об этом не задумывался. В конце концов, она тоже потеряла семью — внуку, зятя, единственную дочь; и даже в детстве я понимал, почему она не хочет говорить о них.

Но мелькнувший на аппарате для чтения микрофильмов заголовок едва не сбил меня с ног. «Супружеская пара погибла в аварии», и, прежде чем в голове оформился вопрос: «Их же было трое?» — я уже проглядывал статью. Газетные колонки расплывались несвязными фразами: опора моста, превышение скорости, алкоголь в крови, и вдруг в глаза бросился абзац из середины статьи:

«Друзья семьи предполагают, что авария могла быть задумана в качестве согласованного парой самоубийства. По их словам, супруги были раздавлены горем после смерти девятилетней дочери Алисы, которая три недели назад погибла от огнестрельного ранения в результате несчастного случая».

Меня внезапно замутило, и я вскочил, испугавшись читать дальше.

— Мистер, вы плохо себя чувствуете? — подошла ко мне библиотекарьша.

Но я отмахнулся и выскочил на улицу.

Машины с трудом продирались сквозь слякоть на авеню Форбса. Я присел на скамью и, спрятав лицо в ладонях, некоторое время боролся с тошнотой. Начинался снегопад, и, когда мне стало лучше, я поднял лицо к небу в надежде на обжигающий холод снежных хлопьев. Где-то в этом же городе давал интервью Грант Бертон. Где-то ожившие мертвецы скребли смёрзшуюся землю могил.

Мир ковылял вперёд.

Я встал, завязал пояс пальто. Меня ожидал самолёт.

* * *

Ещё два дня, в течение которых мы прошлись последним, запланированным на третье января туром по западным штатам, и во время последовавших выборов я держал себя в руках, но уже тогда я признавал, что решение принято. Думаю, что о нём догадывались все старшие члены команды. Меня поздравляли с настойчивостью, с которой я уговорил Бертон запустить ролик, но в последние перед выборами часы они уже почти не обращались ко мне за советом. Казалось, что меня отделили от команды, изолировали, как заразного больного.

Когда мы досмотрели результаты выборов, Льюис хлопнул меня по плечу:

— Бог ты мой, Роб. Ты должен быть счастлив.

— А ты, Льюис?

Я смотрел на его ссутуленную спину, воинственную россыпь оспин на лице.

— Чем тебе пришлось пожертвовать, чтобы поднять нас на эту вершину? — спросил я, но он не ответил. Я и не ждал ответа.

Выборы прошли без сучка без задоринки. Мёртвые прервали свою работу на кладбищах и собрались у избирательных участков, но даже они понимали, что на сей раз что-то изменилось. Теперь они не пытались голосовать. Просто молча и неподвижно стояли за возведённым национальной гвардией ограждением и рассматривали происходящее пустыми, беспощадными глазами. Торопясь мимо них, избиратели опускали голову и зажимали от запаха тления носы. В программе «Найтлайн» Тед Коппел заметил, что явка избирателей, что-то около девяноста трёх процентов, побила все рекорды в истории Соединённых Штатов.

— Как вы считаете, почему сегодня на участки пришло так много избирателей? — спросил он гостей передачи.

— Возможно, они боялись не прийти, — ответил Куки Робертс, и его слова отозвались во мне правдой.

Уж кто-кто, а Куки знал толк в людях.

После закрытия избирательных участков в западных штатах Стоддард признал поражение. К тому времени исход выборов стал очевиден. В победной речи Бертон говорил о необходимости перемен. «Народ сказал своё слово», — заявил он, и, хотя так и было, я не переставал гадать, что говорило через людей и что именно оно пыталось до нас донести. Многие журналисты считали, что после выборов всё должно закончиться: мёртвые улягутся обратно в могилы и мир вернётся на круги своя.

Но получилось по-другому.

Пятого января мертвецы всё ещё продолжали копать, их число по-прежнему увеличивалось. По Си-эн-эн как раз показывали один из таких сюжетов, когда я протянул Бертону заявление об увольнении. Он медленно его прочёл и поднял на меня взгляд.

— Роб, я не могу его принять. Ты нам очень нужен. Самая трудная работа только начинается.

— Простите, сэр. У меня нет выбора.

— Наверняка мы сумеем прийти к какому-то соглашению.

— Боюсь, что нет.

Мы прошли ещё через несколько вариаций этого разговора, прежде чем он неохотно кивнул.

— Нам будет тебя не хватать, — сказал Бертон. — Возвращайся, когда почувствуешь, что готов снова включиться в игру.

У двери он остановил меня вопросом:

— Роб, я могу тебе как-то помочь?

— Нет, сэр, — ответил я. — Я должен разобраться сам.

* * *

Ещё неделю я провёл в Питсбурге, ходил по крутым улочкам моего детства, которые помнил только во снах. Потратил целое утро, чтобы разыскать дом, где жили мои родители, а одним холодным, ясным днём остановился на обочине Семьдесят шестой магистрали, в сотне ярдов от моста, где они погибли. Поднимая сверкающие всплески воды, мимо с грохотом проносились огромные грузовики, и меня окружали запахи дороги: бензин и железо. Как я и ожидал, место гибели родителей не отличалось ничем примечательным — безликий блок бетона, только и всего.

От нас не остаётся никакого следа.

По вечерам я в одиночестве ужинал в кафе и разговаривал по телефону с бабушкой. В основном разговоры состояли из безмятежных сплетен об обитателях дома престарелых, ничего существенного. Потом я пил коктейль «Железный город» и смотрел кино по кабельному, пока не напивался настолько, чтобы уснуть. По мере возможностей я избегал новостей, хотя мне всё же попадались отрывки, пока я переключал каналы. Мёртвые вставали по всему миру.

Они также вставали в моих снах, пробуждая воспоминания, которые я бы предпочёл не будоражить. По утрам я просыпался с ощущением невнятного ужаса и думал о Галилее, о Церкви. Я уговаривал Бертон не прятаться от изменившегося уклада мира, но в то же время одна лишь мысль о принятии собственного прошлого, о вытекающем из заметки в «Пост» и ночных видений логическом заключении приводила меня в ужас. Думаю, что на тот момент мне оставалось лишь подтвердить свои подозрения и страхи, и я уже подозревал, какой будет результат. Но драгоценная неизвестность, возможность ошибки была для меня желанным прибежищем, и я отчаянно цеплялся за неё ещё несколько дней.

В конце концов я больше не мог откладывать.

Я сел в машину и поехал к старому архиву на улице Гранта. Седая женщина-архивист принесла мне нужную папку. В ней, изложенное косноязычным бюрократическим слогом, я нашёл всё, что искал. С блестящими чёрно-белыми фотографиями. Больше всего на свете мне не хотелось глядеть на них, но тем не менее я считал, что обязан это сделать.

Через некоторое время кто-то тронул меня за плечо. Это оказалась архивист; на её круглом лице читалась тревога. Она наклонилась надо мной, и её очки раскачивались перед глазами на короткой серебряной цепочке.

— Вы плохо себя чувствуете? — спросила она.

— Нет, со мной всё в порядке.

Я встал, закрыл папку и поблагодарил её за потраченное время.

* * *

На следующий день я покинул Питсбург. Самолёт вынырнул над тяжёлым покровом облаков, и я оставил позади промозглый холод. В аэропорту Лос-Анджелеса я пересел на рейс 405 до Лонг-Бич. В машине я опустил стекло, с благодарностью ощущая на руке тёплый ветерок, поглядывая на качающиеся на фоне неба пальмы. В воздухе пахло цветущим миром и свежестью, ещё не определившимся будущим, а пейзаж выглядел менее изуродованным историей, чем отравленные городские улицы, которые я оставил позади.

Но даже здесь ощущалось прошлое. Ведь именно оно привело меня сюда.

Дом престарелых представлял собой живописный парк с раскиданными по нему приземистыми отштукатуренными домиками в испанском стиле. Я нашёл бабушку в садике с видом на океан, в беседке,⁸⁰ и некоторое время разглядывал её с порога, прежде чем она меня заметила. На коленях у неё лежала книга, но она не читала её, а задумчиво смотрела на вóлны. Солёный бриз играл её седыми волосами, и на мгновение, вглядываясь в худое лицо с ясными глазами, я снова увидел перед собой ту женщину, какой я помнил её из детства.

Но годы, как обычно, оставили свой след. Я не мог не заметить, как она усохла, и кресла-каталки, в котором она сидела, выставив вперёд сломанную ногу.

Должно́ быть, я вздохнул, потому что она развернула кресло и воскликнула:

— Роберт!

— Бабушка.

Я присел рядом на каменную скамью. Затянувшие с утра облака таяли, и на гребнях волн играли отблески солнца.

— Я думала, что ты будешь слишком занят для поездок, — сказала она. — Особенно теперь, когда твой сенатор выиграл выборы.

— Я сейчас не очень занят. Я больше не работаю на него.

— Что ты имеешь в виду...

— Я уволился.

— Почему? — спросила она.

— Я был в Питсбурге. Я искал там кое-что.

— Искал? Что там можно найти, Роберт? — Бабушка трясущимися руками разгладила на коленях плед.

Я накрыл её руку своей, но она отдёргнула её.

— Бабушка, нам надо поговорить.

— Поговорить? — с натянутым смешком переспросила она. — Мы и так разговариваем каждый день.

80 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Посмотри на меня, — сказал я, и не сразу, но она послушалась. В её глазах плескался страх, и я не знал, как долго он там жил и почему я раньше никогда его не замечал. — Нам нужно поговорить о прошлом.

— Прошрое мертво, Роберт.

Пришёл мой черёд засмеяться.

— Нет, ба. Включи телевизор и увидишь. Ничто больше не остаётся мёртвым. Ничто.

— Я не хочу об этом говорить.

— Тогда о чём ты хочешь говорить? — Я махнул рукой в сторону здания с пропахшими нашатырём коридорами и бесчисленными дверьми, за которыми обитали выцветшие старики — призраки мертвецов, которыми они вскоре станут. — Ты хочешь поговорить о Коре из двести третьей палаты, которую сын никогда не навещает, или о Джерри из сто сорок седьмой, у которого опять обострилась эмфизема, или...

— Или о чём? — отрезала бабушка.

— О той ерунде, о которой мы обычно болтаем!

— Не смей так со мной разговаривать! Я тебя вырастила, это благодаря мне ты стал таким, как сейчас!

— Я знаю, — ответил я. И повторил ещё раз, уже тише: — Я знаю.

Бабушка стиснула рúки на коленях.

— Докторá заверяли меня, что ты забудешь, что такое часто случается при сильных потрясениях. Ты был так мал. Дать тебе забыть казалось лучшим выходом.

— Но ты лгала мне.

— Не по своему выбору. После несчастного случая твои родители отослали тебя ко мне. Ненадолго, как они говорили. Им требовалось время, чтобы смириться со случившимся.

Она замолчала, уставившись на прибор внизу. Над нами раскалённым добела шаром палило с далёкого неба солнце.

— Я даже не предполагала, что они это сделают, — произнесла бабушка. — А потом было уже поздно. И как я могла сказать тебе? — Она стиснула мою руку. — Ты выглядел нормальным, здоровым ребёнком, Роберт. Мне казалось, что у тебя всё хорошо.

Я встал и отнял свою руку.

— Откуда ты могла знать?

— Роберт...

В дверях я обернулся. Бабушка развернула кресло ко мне. Нога в гипсе торчала вперед, как бушприт корабля. По лицу бабушки текли слёзы.

— Зачем, Роберт? Почему ты просто не можешь оставить всё в покое?

— Не знаю, — ответил я, но я думал о Льюисе, о его привычке поглаживать оспины, будто однажды он снова обнаружит при прикосновении гладкую кожу. Думаю, что к этому всё и сводилось — **все мы искалечены, все до последнего.**

И мы не можем не берeditь шрамы.

* * *

Ещё пару дней я провёл в безделье — я жил в гостиницах и бродил по местам моего детства. Они изменились, как и всё вокруг нас, когда мир торопится вперёд, но я не знал, что мне делать, куда идти. Я не мог покинуть Лонг-Бич, пока не помирюсь с бабушкой, но что-то удерживало меня.

Я чувствовал неловкость, беспокойство. И в одном из баров, когда я копался в бумажнике, оттуда выпал крохотный обрывок бумаги. Конечно, я знал, что на нём написано, но всё равно поднял его с пола. Трясущимися руками я развернул его и уставился на слова «Позвони мне как-нибудь» с аккуратно приписанным внизу адресом и номером телефона.

За пятьдесят минут я добрался до Лагуна-Бич. Адрес привёл меня к вылизанному двухквартирному дому на углу, в миле от побережья. Наверняка она уже переехала — пять лет прошло, — а если нет, то, без сомнения, успела выйти замуж. И всё равно я припарковался у тротуара и подошёл к двери. Сквозь открытое окно я слышал звонок, приближающиеся шаги, негромкую музыку в глубине дома. Открылась дверь, и на пороге, вытирая руки полотенцем, стояла она.

— Гвен, — сказал я.

Она не улыбнулась мне, но и не захлопнула дверь.

Это можно было считать хорошим началом.

* * *

Дом оказался небольшим, но светлым; высокие окна кухни выходили на ухоженную лужайку. Через сетку влетал лёгкий ветер и наполнял кухню запахом свежескошенной травы и далёкого океана.

— Я не вовремя?

— В любом случае неожиданно, — ответила Гвен, с сомнением приподнимая одну бровь, и в этом жесте я узнал студентку из Нортвестерна: немного печальную, ироничную и всегда готовую посмеяться.

Я изучал её, пока она готовила кофе, — Гвен всё ещё немного походила на усыпанного веснушками сорванца, но и она изменилась. В глазах появилась настороженность, а от тонкой верхней губы пролегли складки. Она села за стол напротив меня, вертя в руках чашку с кофе, и я заметил тонкую полоску незагорелой кожи на пальце — след от кольца.

Наверное, я тоже постарел, и когда Гвен глянула на меня из-под светлой чёлки, на губах у неё появилась улыбка.

— По телевизору ты выглядишь моложе, — заметила она, и её замечания оказалось достаточно для того, чтобы разговориться.

Гвен знала достаточно много о моей биографии (участие в предвыборной кампании Бертона принесло мне некоторую известность), и её собственная звучала похоже. Юриспруденция в университете Лос-Анджелеса, пять или шесть лет в крупной юридической фирме, прежде чем беспощадность нашей культуры стала невыносимой, и она уволилась, перейдя в Американский союз гражданских свобод и променяв длинный рабочий день и увесистую зарплату на ещё более долгие часы и мизерное жалованье. Примерно в тот же период развалился её брак.

— Не то чтобы мы начали испытывать взаимную неприязнь, — сказала она, — скорее, мы просто потеряли интерес друг к другу.

— А сейчас? Ты с кем-нибудь встречаешься?

Вопрос получился неожиданно серьёзным.

Гвен замешкалась.

— Нет, у меня нет никого особенно близкого. — Она снова приподняла бровь. — Привычка со времён разбора тяжб. Избегание риска.

К тому времени небо за окном смягчилось сумерками, а наш кофе давно остыл. В маленькой кухне залегли тени, и я заметил, что Гвен поглядывает на часы.

У неё были какие-то планы.

Я поднялся.

— Пора идти.

— Да, наверное.

У двери она подала мне руку, и, хотя это было обычное рукопожатие, я почувствовал, как между нами, будто искра, пробежало воспоминание о прежней близости. А может, ничего и не было, просто мечтательные домыслы (судя по всему, Гвен не возражала против того, чтобы я снова исчез из её жизни), но меня охватило беспшашное отчаяние.

Назовите это ностальгией или одиночеством. Как вам будет угодно. Но внезапно перед глазами возник её насмешливый взгляд из-под чёлки.

Я хотел увидеться с ней снова.

— Слушай, — сказал я, — знаю, что предложение неожиданное, но может, поужинаем вместе?

Гвен ответила не сразу. Тень от открытой двери скрывала её лицо. Она неуверенно засмеялась и ответила чуть хриплым, запинаящимся голосом:

— Даже не знаю, Роб. Это было давно. Как я уже говорила, я больше не люблю рисковать.

— Ладно. Ну, приятно было повидаться.

Я кивнул на прощание и пошёл по лужайке. Я уже открыл дверцу машины, когда Гвен окликнула меня.

— Да в конце-то концов, — сказала она, — мне только нужно позвонить. Ведь это обычный ужин, верно?

* * *

На церемонию вступления Бертона в должность я вернулся в Вашингтон.

Мы с Льюисом стояли рядом, в ожидании начала церемонии глядя на мертвецов. Уже несколько дней толпы зомби стекались в город, и сейчас они заполняли всю площадь. Небольшую кучку живых, не больше двухсот человек, согнали на лужайку перед помостом как ширму из тёплых тел перед камерами, но я понимал, что истинные избиратели Бертона ожидали за кордонами, безмолвные, неподвижные и несказанно терпеливые — плавильный котёл во плоти: люди разных национальностей, цвета кожи, убеждений и возраста, в разных степенях разложения. Где-то среди них могла стоять и Дана Макгвайр. Скорее всего, она там была.

Запах сбивал с ног.

Льюис по секрету рассказал мне, что мёртвые начали собираться по всему миру. Наблюдение со спутников это подтвердило. На Кубе и в Северной Корее, в Югославии и Руанде мёртвые куда-то шли, с неизвестной, а может, и недоступной для нашего понимания целью.

— Роб, ты нам нужен, — сказал он. — Больше, чем когда бы то ни было.

— Я ещё не готов, — ответил я.

Он повернулся ко мне, и его длинное, изрытое оспинами лицо погрузнело.

— Что с тобой произошло, Роб?

И я рассказал.

Впервые я рассказывал об этом вслух, и с каждым словом ноша на моих плечах становилась легче. Я рассказал ему всё: об увёртках бабушки и моей реакции на новости о Дана Макгвайр, об ощущении во время «Перекрёстного огня» будто через меня говорит что-то далёкое, безличное и громадное и зовёт их всех из могил. Я рассказал ему о старом, почти тридцатилетней давности, полицейском деле, и как за исцарапанным столом на меня нахлынули воспоминания.

— Была вечеринка, — рассказывал я. — Мой дядя пригласил гостей, а у нашей няни в последнюю минуту оказались дела, и Дон посоветовал родителям взять нас с собой. Он жил холостяком. У него не было детей, и он никогда не думал об их безопасности в доме.

— И он не запер пистолет?

— Нет. Было уже поздно, около полуночи. Гости выпивали, музыка становилась всё громче, а Алиса совсем не хотела играть со мной. Я сидел в спальне дяди, развлекал себя как мог, а пистолет лежал в тумбочке у кровати.

Я замолчал, на меня снова нахлынули воспоминания, и внезапно я превратился в того мальчика. Внизу играл джазовый оркестр. Я знал, что взрослые танцуют, отец целует мамину шею, и когда он поцелует меня на ночь,

я учую экзотические запахи сигар и бурбона, пронизанные лёгким цветочным ароматом маминых духов. И тут мой взгляд упал на пистолет. В свете коридорной лампы иссиня-чёрное дуло обрело загадочную глубину.

Я взял в рúки холодное, тяжёлое оружие.

Я только хотел показать его Алисе. Я просто хотел показать ей. Я не хотел никого убивать. Я не хотел убивать её.

— Я не хотел убивать её, — сказал я Льюису, и он отвернулся, не в силах смотреть мне в глаза.

Я помню, как спустился с пистолетом в руках по лестнице в прихожую, как папа и мама танцевали за открытой дверью в комнату, а Алиса стояла и смотрела на них.

— Я всё помню, — сказал я Льюису, — всё, кроме того, как нажал на курок. Я помню, как с визгом оборвалась музыка, как проехала по пластинке игла, как кричала мама. Я помню, как Алиса лежит на полу, и вес пистолета в руке. Но самое странное, лучше всего я помню свои мысли в тот момент.

— Твои мысли, — повторил Льюис.

— Да. Пуля разбила стекло на часах — такие массивные напольные часы, они стояли у дяди в прихожей, — и они били и били, будто пуля повредила механизм. Вот что я помню лучше всего. Часы. Я боялся, что дядя сильно рассердится из-за часов.

Тут Льюис сделал что-то странное. Он сжал моё плечо — впервые в жизни он дотронулся до меня, — и я осознал, что этот человек, ожесточённый, покрытый оспинами человек стал моим единственным другом. И я понял кое-что ещё: как редко я чувствовал прикосновения людей и как я по ним изголодался.

— Ты был ребёнком, Роб.

— Я знаю. Я ни в чём не виноват.

— Но это не причина уходить, особенно сейчас, когда ты нам нужен. Бертон возьмёт тебя обратно, сто́ит только намекнуть. Он знает, что обязан своим избранием тебе. Возвращайся.

— Пока не могу, — ответил я. — Я ещё не готов.

Но сейчас, глядя на поднятые лица мертвецов, слыша, как свистит по площади холодный январский ветер, я ощущал неодолимое притяжение прежней жизни. Бертон называл её игрой, да политика и была игрой, самой большой в мире «Монополией», и я любил её и впервые понял за что. Но впервые в жизни я также понял кое-то ещё: почему мне потребовались годы, чтобы позвонить в дверь Гвен, почему даже тогда только усилием воли я удержал себя на пороге. По той же сáмой причине: это игра, игра с явными победителями и проигравшими, с правилами древними и сложными, как правила кадрили, но главное — эта игра так далека от беспорядочных перипетий обычной жизни. Ставки выглядели высокими, но на деле обстояло не так. Ведь эта игра представляла из себя всего лишь ритуал, движение без решительных действий, танец по кругу; стратегию, где всё сводилось к поддержанию статус-кво. Я влюбился в политику потому, что ничем в ней не рисковал. Мы так увлеклись

передвижением фишек по доске, что позабыли идеалы, из-за которых уселись играть. Мы забыли говорить от сердца. Может, когда-нибудь, в силу правильных причин, я вернусь. Но пока — нет.

Должно́ быть, я произнёс последнюю мысль вслух, потому что Льюис глянул на меня и переспросил:

— Что?

Я покачал головой и посмотрел на кучку живых, задвигавшуюся с началом церемонии. За их спинами ожидали мертвецы, ряд за рядом, с могильной землёй под ногтями и холодным светом в глазах.

Я повернулся к Льюису.

— Как ты думаешь, чего они хотят?

— Думаю, что **справедливости**, — вздохнул он.

— И когда они её получают? ...

— Возможно, тогда они будут покоиться с миром.

* * *

Прошёл год, и его слова́ «**думаю, что справедливости**» всё ещё не дают мне покоя. Осенью, когда над Потомаком начали желтеть листья, я вернулся в округ Колумбия. Гвен переехала со мной, и порой, когда я лежу ночью в её тёплых объятиях, я возвращаюсь в прошлое.

Я вернулся из-за бабушки. Гипс сняли в феврале, и однажды в марте мы с Гвен заехали к ней, с удивлением застав её на ногах. Она выглядела очень хрупкой, но шагала по коридору при помощи ходунков с решимостью в глазах.

— Давай присядем и передохнём, — предложил я, когда она устала, но бабушка покачала головой и продолжала двигаться.

— Кóсти срастаются, Роб, — сказала она. — И раны заживают, если дать им возможность.

Её слова́ тоже не дают мне покоя.

Она умерла в августе и перед смертью успела сменить ходунки на трость. Её куратор с восхищением говорила, что через месяц-другой бабушка сумела бы обходиться и без неё. Мы похоронили её рядом с дедом, но после похорон я больше не возвращался на могилу. Я знал, **что** увижу там.

Мёртвые не спят.

Они молча ковыляют по городам нашего мира, их тела́ обмякли и разят могилкой, глаза́ горят. В сентябре пал Багдад — его снесли батальоны революционеров, выступающие за авангардом мёртвых. МИД кишит похожими докладами, и Си-эн-эн расследует один слух за другим. Беспорядки в Пхеньяне, волнения в Белграде.

Некоторые считают, что администрация Бертона заслуживает признания как самая успешная в истории Америки. По всему миру наши враги терпят поражение. И всё же я всё чаще ловлю президента на том, что он

тревожно смотрит на кишасшие мертвецами улицы Вашингтона. Он начал звать их нашей совестью, но я не согласен. Ведь они ничего от нас не требуют. Мы не в состоянии понять, чего они ищут в нашем мире. Возможно, они — всего лишь то, во что мы сами их превратим или во что превратимся с их помощью. И мы продолжаем жить, не более чем квартиранты в мире незанятых могил, всегда под бдительным, беспощадным наблюдением мёртвых.

February 2002 © Dale Bailey

Дэвид Дж. Шоу «Расцвет»

Дэвид Дж. Шоу — легендарное имя в летописи о зомби. Он автор знаменитого рассказа «Дети Джерри и Червь» («Jerry's Kids Meet Wormboy»), а также целого ряда других рассказов, составивших сборник «Избранное о зомби» («Zombie Jam»). Ему принадлежат романы «Смертельный риф» («The Kill Riff»), «Ствол» («The Shaft»), «Свинцовый дождь» («Bullets of Rain») и «Камень, ножницы, бумага» («Rocks, Breaks, Scissors»). Скоро выйдет его самый свежий роман «Стрельба» («Gun Work») — жёсткий детектив. Шоу является соавтором сценария к фильму «Ворон» («The Crow»), который написан им совместно с Джоном Шерли, а также автором сценариев телепостановок для шоу «Мастера ужаса» («Masters of Horror»). Он отметился и в нехудожественном жанре, написав «Внешние границы: официальный путеводитель» («The Outer Limits: The Official Companion») и собрание эссе «Дикае волосы» («Wild Hairs»).

В комментариях к «Избранному о зомби» Шоу поясняет: «Расцвет — это простой рассказ, написанный за один день. Отправной точкой послужил образ прекрасной обнажённой женщины, поедающей цветы, а затем мысль работала в обратном направлении от образа. По ходу дела я решил, что эта история произойдёт за два дня до того, как распространение вируса зомби поставит под вопрос выживание человечества, и эта идея незримо присутствует на заднем плане повествования».

—⁸¹ У каждого человека в жизни бывает такой особенный миг, — говорил ей Квинн, — момент, который возносит его на вершину. Мгновение, когда он сияет, как звезда. И у каждого есть какое-нибудь отклонение... Какая-нибудь маленькая тайна. Иногда её называют извращением, но это чересчур сильно сказано. Грубо, неопределённо. Разве можно считать извращением то, что возносит человека на вершину и позволяет насладиться его индивидуальным, уникальным мигом?

Амелия едва заметно кивнула, наблюдая за стариком сквозь бокал «Совиньон блан». Сейчас он сам ответит на свой тупой вопрос, и ответом, который он уже давно для себя выбрал, будет: нет, нельзя. Весь этот трёп на самом деле является прелюдией к совсем другому вопросу: даст она ему сегодня или нет? Амелия была уверена, что ответ у него в голове уже готов. Он выложил девяносто пять баксов только за обед, не считая вина и чаевых. Он заказал дорожный десерт, калорийный, шоколадный, изысканный. Он брал такси и дарил подарки.

Она девять месяцев проработала секретарём приёмной в отделе кредитов Сберегательного банка округа Колумбия. Пожилые клиенты довольно часто приглашали её на свидания. Когда Квинн предложил составить ему компанию за обедом в выходные, она отыскала его данные, посмотрела на цифры и согласилась. Абсолютно все девушки в офисе поступали так же. Ведь он ездил на «Ягуаре XJS» и занимался строительством жилых домов.

Обеденная часть свидания закончилась два часа назад. Сейчас они находились у него дома. Когда доход вашего визави представляет собой шестизначное число, то понятие «изнасилование на свидании» к вам не применяется. У Амелии был герпес, в настоящее время в пассивной форме. Но лучше держать рот на замке. Пусть это будет её компенсацией. Насколько ей было известно, она никогда не спала с бисексуалами и наркоманами и боялась заразиться СПИДом так же сильно, как попасть под автобус на пешеходном переходе. Это могло произойти. А могло и не произойти. Пока не придумали презерватив, который можно было бы натянуть на рот, то теоретическая вероятность всегда есть, не так ли?

Поблескивая своими бледно-серыми глазками, Квинн продолжал распространяться на тему отклонений и особенных моментов. Вино брало своё. Амелия почувствовала, что пьяна, около получаса назад. Окутанная мягким облаком винных паров, она отключила звук у Квинна, смотрела сквозь него, периодически кивала и тихо поддакивала, создавая впечатление, будто внимательно слушает. На самом деле она давно не следила за разговором и чувствовала себя превосходно. Глубоко и равнодушно вздохнув, она посмотрела на него сквозь бокал с вином и едва сдержала смех. Такое приятное ощущение, будто голову накачали воздухом и мозг поплыл. Она собиралась точно так же смотреть сквозь него тогда, когда он, сопя и потея, залезет на неё в полной уверенности, что соблазнил... Точно так же, как сейчас он верит, что она его слушает.

Она отмотала назад до последней запомнившейся ей фразы и сыграла на этом.

— И у меня есть отклонение, — произнесла она, добавив к словам ослепительную улыбку и играя своим длинным медным локоном. **Само очарование.**

Это вызвало невероятно бурный интерес с его стороны.

— Серьёзно? Правда? — Он поставил свой бокал на прозрачную акриловую столешницу и подался вперёд, чтобы выслушать её **откровение.**

А она играла с ним, как кошка с мышью.

— Ну... на самом деле это так, глупости, — сказала она, скомандовав про себя: **«Смотри на мои ноги».**

Сквозь прозрачную столешницу он проследил, как она кладёт ногу на ногу. Его бросило в жар от звука трения капрона о капрон. Мысли унеслись далеко вперёд, к предстоящему им сексу.

— Расскажи, пожалуйста, — вежливо попросил он заботливым голосом.

Она тонко чувствовала, что он уже теряет контроль. Своей очаровательной улыбкой она стабильно удерживала рыбку на крючке.

— Ну,⁸² хорошо.

Она поднялась с места, стройная, изящная женщина тридцати четырёх лет, старавшаяся изо всех сил удержаться в жизни на плаву, но добившаяся лишь места в приёмной банка, работы, которая годилась и для пустоголовых девиц. Он понятия не имел, сколько горечи скрывалось за маской накрашенной кокетки.

На антикварном столике возле камина стояла высокая ваза с ирисами. Свет от огня смягчал блики на всех стеклянных и хромированных предметах, находившихся в комнате, и танцевал на стекле громадных окон, занимавших всё пространство от пола до потолка и открывавших из логова Квинна панорамный вид на город.

Квинн не отрывал от неё взгляда. Язычки пламени отражались у него в глазах.

Неисправимая кокетка Амелия откусила нежный лепесток у одного из ирисов, прожевала его, проглотила... И улыбнулась.

Лицо Квинна напряглось от удовольствия. Взгляд старика прояснился.

— Это у меня ещё с детства, — объяснила Амелия. — Может, из-за моего кота Стерлинга: я наблюдала за тем, как он ел траву. Не знаю, мне нравится этот вкус. А раньше я считала, что жизнь цветка прибавляется к моей.

— Это и есть твоё... — Квинн кашлянул, прочищая горло, — **отклонение**. Понятно.

Он встал и приблизился к ней. Стало видно, что эрекция мешает ему передвигаться.

Амелия на секунду опустила взгляд и, достаточно впечатлившись, сжевала ещё один цветок. Она делала намёки раньше, что любит цветы, и его золотая кредитка сделала всё, чтобы доставить ей удовольствие. По всему пентхаусу стояли розы на длинных стеблях, букеты гвоздик, букетики весенних цветов и хризантем.

У Квинна перехватило дух от созерцания Амелии, жующей цветы, — настолько эротичным ему казалось это зрелище. Хриплым голосом он повторял её имя. Настал момент для хищного прыжка.

— Моя дорогая Амелия... Позволь теперь я покажу тебе свою изюминку. Своё отклонение...

Её и раньше связывали. Ничего особенного, по крайней мере пока. Полосками шёлка Квинн привязал её за запястья и щиколотки к столбикам кровати из красного дерева. Затем длинным ножом с изогнутым лезвием и эбеновой рукоятью он разрезал посередине её платье. Уткнувшись в белые мягкие полушария её груди, он бормотал, что купит ей другую, по-настоящему дорогую одежду. Его прикосновения постепенно потеряли изысканность и стали грубыми. В похотливой спешке он разодрал на ней колготки и схватил за промежность, проверяя, что она действительно течёт так же сильно, как он воображает. И всадил ей. Сотрясаясь от толчков, Амелия имитировала оргазм. Значит, всё пройдёт быстро и в спешке. Подумаешь.

Он вышел из неё всё ещё в сильном возбуждении и сказал:

— Не бойся.

А Амелия потихоньку засыпала.

Она предположила, что он опять возьмёт нож и начнёт гладить её лезвием соски или станет щекотать нервы фальшивыми угрозами. Но вместо этого из ящика над изголовьем кровати он достал резиновую маску с кожаными вставками, какими-то пряжками и молниями. Амелии стало смешно, и она пыталась протестовать. Изделие обтянуло ей лицо, как толстая, тугая перчатка. Амелии пришло в голову сравнение с узкой горловиной свитера, с той разницей, что материал маски не пропускал воздух. На мгновение она поддалась панике, почувствовав трудности с дыханием, но успокоилась, когда маска была надета и она смогла глотнуть воздуха через полагающиеся отверстия.

Квинн снова ей вставил и на этот раз стал делать более резкие толчки. Он выходил из ритма только для того, чтобы одну за другой застёгивать молнии на отверстиях в маске.

Страх зародился в душе Амелии и постепенно разрастался, пока не запылал, как огонь. Она едва успела глубоко вдохнуть перед тем, как Квинн покончил с последней открытой молнией носового отверстия, и только зря потом потратила этот воздух на невнятное⁸³ мычание, пытаясь говорить через плотно застёгнутую ротовую щель маски. Теперь она не могла рассказать ему о том, что у неё с рождения нездоровые лёгкие и что иногда просто дышать для неё — тяжёлая работа. В определённую погоду ей даже приходилось пить лекарства. В течение свидания болезнь ни разу не проявила себя. Они слишком увлеклись поеданием цветов и разговорами об отклонениях, возносящих на вершины...

Сейчас она чувствовала только медленно набирающий силу взрыв в лёгких и ритмичные толчки во влагалище. Туда-сюда. Пытаясь освободиться, она стала брыкаться и извиваться. Но Квинн получил от этого ещё более острое удовольствие, с вождением вколачивая в неё свой член, несмотря на то,⁸⁴ что вся смазка уже высохла, пока он возился внутри неё.

Запыхавшись, он слез с неё и, тяжело переступая, поплёлся в ванную. Вернувшись через некоторое время, он нашёл Амелию всё в той же позе и,⁸⁵ наконец,⁸⁶ заметил, что она больше не дышит.

Да, иногда всё заканчивалось именно так. Нужно платить цену настоящей страсти, каким бы извращением она ни казалась. Но в Амелии ещё осталась влага, и лежала женщина в позе готовности, поэтому Квинн решил проделать упражнение ещё раз.

Когда она вдруг стала снова извиваться под ним, он даже разозлился. Со стоном он увеличил частоту движений. Значит, она просто потеряла сознание. Такое иногда происходило: оргазм начисто отшибал у них мозги. Вот она пришла в себя, всё ещё находясь под кайфом, и сейчас слетит с катушек от восторга.

83 В оригинале «невнятное» без «н». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

84 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

85 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

86 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Неожиданно её челюсть вывернулась под странным углом и, вцепившись в кожаный намордник изнутри, прокусила его. Капля пота Квинна упала ей в рот, смешавшись с кровью у неё на зубах и рвотной массой, забившей горло. Квинн ещё не успел осознать происходящего, как она приподнялась и откусила ему нос.

За секунду до того, как нахлынула боль, в голове Квинна мелькнула мысль о бредовых сообщениях в новостях. Нападения каннибалов на Восточном побережье. Какой-то ублюдочный спец по тарелочкам вопил, что трупы ходят по улицам и поедают живых людей. Всё это смахивало на городские легенды Нью-Йорка. Но всё же мысль возникла у Квинна, потому что Амелия только что откусила ему нос и сейчас жевала и глотала откушенное.

Он почти захлебнулся вспенившейся кровью. Булькая, он попытался отступить, выйти из неё, убраться подальше от этой чокнутой сучки, — но она крепко вцепилась в него там, ниже пояса.

Потом Квинн открыл для себя, что ещё может кричать, и в панике заорал, потому что почувствовал, как кольцо вагинальной мышцы усиливает давление, закрываясь у основания его члена. Чем отчаяннее он пытался высвободиться, тем твёрже становилась эрекция. Ему приходилось слышать истории, как мужчины, занимавшиеся самоудовлетворением, застревали подобным образом в бутылках. Невозможно сдавить жидкость. Кровь — это жидкость. У него не было выбора: паника подхлестнула возбуждение. Он яростно бился на кровати, истекая кровью, хлеставшей из дыры у него на лице. Он бил Амелию обоими кулаками, но она была за гранью ощущения боли.

Когда он почувствовал, что мышечное кольцо отрезает ему член, как проволочная петля, то хрипло заверещал. Но никто из соседей не обратит на это внимания: рискованные игры и извращения всегда входили в меню Квинна. Неожиданно освободившись, старик опрокинулся навзничь. Кровь, выплёскивавшаяся из раны, лилась на ковёр. Падая, он успел увидеть, как всё ещё твёрдый обрубок его достоинства исчезает в скользкой красной щели между ног Амелии, и ужаснулся от вида того, как член целиком заглатывает откусившая его вагина.

Квинн рухнул на пол, заходясь криком, и визжал, пока не потерял сознание.

У Амелии ушло примерно полчаса на то, чтобы перегрызть путы, державшие её. Следующие полтора часа она ела Квинна. Пока она его глодала, он умер, и паранормальные излучения, о которых упоминали в новостях, возымели своё действие. Но к этому времени от Квинна осталось уже совсем мало, и он не мог подняться, чтобы сожрать кого-нибудь другого. Оставшиеся от него куски дёргались на полу в приступе неведомого раньше голода, нечеловеческого и неуголимого.

Растерзанное платье соскользнуло с её тела. Пошатываясь, Амелия нашла вход в комнату, в которой они обедали, когда были живы. Прежде чем исчезнуть навсегда, прежняя модель поведения в последний раз встрепенулась в умирающем мозгу. Амелия начала объедать головки стоявших в вазах цветов, не спеша пускаться в ночное путешествие по улицам.

Каждую минуту умирал один цветок. Их жизнь могла бы стать её жизнью... Она остановилась только тогда, когда обезглавила все букеты до одного.

Затем она нашла входную дверь и вышла в мир, чтобы присоединиться к себе подобным.

Она словно расцвела. Никогда больше она не будет так прекрасна. Как сказал бы Квинн, она достигла своей вершины. Очертания её фигуры постепенно растворялись в ночной мгле. Она шла, удивительно красивая обнажённая женщина, с приоткрытых губ которой опадали цветочные лепестки, красные, лиловые, бордовые, и летели вслед за ней, словно шлейф.

1989 © David J. Schow

Нина Кирики Хоффман «Третье тело»

Нина Кирики Хоффман — автор нескольких романов: «Нить, связующая кости» («The Thread That Binds the Bones», удостоен премии Брэма Стокера), «Пригоршня небес» («A⁸⁷ Fistful of Sky»), «Шевеление костей» («A⁸⁸ Stir of Bones»), «Духи, бродящие во тьме» («Spirits That Walk in Shadow») и «Катализатор» («Catalyst», финалист премии Филиппа К. Дика).

Рассказы писательницы выходили в таких журналах, как «Weird Tales», «Realms of Fantasy», «F&S⁸⁹», а также в антологиях «Firebirds», «The Coyote Road», «Redshift». Четыре раза её произведения становились номинантами Всемирной премии фэнтези и премии «Небьюла».

В девяностых годах прошлого столетия Хоффман целое лето предавалась чтению биографий серийных убийц. «Меня снедало жуткое любопытство: где та грань, до которой может дойти человек, — говорит автор. — Тем летом меня больше всего интересовали „Поиски убийцы из Грин Ривера“, принадлежащие перу Карлтона Смита и Томаса Гуиллена. В рассказе „Третье тело“ я хотела наделить жертву правом голоса. А жертв было так много. В этом случае, где серийный убийца оказывается знаменитостью — как часто случается, — мне хотелось сфокусироваться на чём-то другом».

Ричи я даже не знала и, уж конечно, вовсе не собиралась влюбляться в него. Но после того как он меня убил, я сочла его неотразимым.

Я открыла глаза, в них попали соринки. Я всегда ужасно боялась того, что в глаза может что-то попасть, но теперь просто моргнула и потрясла головой. Сор выпал, и я почувствовала себя вполне нормально. Итак, я поняла, что со мной случилось нечто действительно из ряда вон выходящее.

Закрыв глаза, я стёрла с лица грязь. И тут поняла, что во рту у меня что-то не так. Я стала водить языком, весьма натренированным и искусным, и вскоре обнаружила, что вместо ровных зубов торчат лишь корявые пеньки. Удивительно: ни остатки зубов, ни глаза, раздражённые попавшей в них землёй, ни капельки не болели. Беспокоили меня — да, но боли не было.

Нахмурившись, я попыталась выяснить, что же всё-таки чувствую. Не так уж и много. В моих ощущениях не было места ни страху, ни злости, ни жаре или холоду. Это тоже показалось мне непривычным. Крайне непривычным.

87 В оригинале «А» кириллицей. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

88 В оригинале «А» кириллицей. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

89 В оригинале знак «амперсанд» в формате гипертекста html «&»;». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Обыкновенно меня пробирал страх, пока я стояла на углу в ожидании позарившегося на меня незнакомца, и ещё холод, поскольку одежда годилась лишь для того, чтобы выставлять напоказ мои прелести.

Сейчас же ничего подобного я не ощущала.

Я села; с моего тела посыпались земля и листья, а голова упёрлась в ветви, закрывавшие мне обзор. Они оказались увядшими и явно не росли на дереве или кусте. Я принялась руками расчищать себе путь и тут обратила внимание на то, что кончики пальцев темнее обычного цвета моей кожи — цвета какао. Я принялась разглядывать свои пальцы, силясь припомнить, что же такое произошло, до того как я заснула. Или что там ещё со мной приключилось? ... Макала ли я пальцы в чернила? Вовсе нет. Кожа была явно выжжена. У меня теперь не было отпечатков пальцев, которые смогли бы рассказать полицейским, что перед ними тело Таванды Фути — так меня звали на улицах.

По зубам полицейские могли бы признать во мне Мэри Джефферсон, но с тех пор как два года назад я покинула родительский дом в возрасте пятнадцати лет, этим именем я не пользовалась.

Ещё меня звали Шейлой. Этим могущественным именем я сама себя нарекла. Никому не дано было узнать его ни из каких источников.

Ни зубов, ни кожи на пальцах... Чтобы меня не опознали, Ричи постарался на славу. Впрочем, искать меня всё равно было некому.

Ричи.

Обожжёнными пальцами я попыталась нащупать пульс, но отыскать вену среди следов, оставленных на запястьях верёвкой, оказалось нелегко. Взгляд скользнул по голой груди. Там, где Ричи касался меня тлеющей сигаретой, остались обугленные язвы. Пульс нащупать мне так и не удалось. Может, оттого, что пальцы лишились нервов. К тому же я не дышала. Простого объяснения этому феномену я не нашла, поэтому пришлось довольствоваться весьма необычным.

Мертва.

Я умерла.

Убрав накинанные на тело ветви, мешавшие созерцать деревья и небо над головой, я уселась в своей земляной могиле и попыталась разобраться во всём этом.

Моя бабушка назвала бы землю вокруг меня могильной землёй; любая земля, попавшая на гроб или прямо на труп, превращается в могильную. Бабушка говорила, что земля подле мертвеца обладает удивительной силой.

Чего только мне не рассказывала бабушка! Даже о ходящих мертвецах. Правда, они были, по её словам, всего лишь большими страшными куклами, подчиняющимися приказам. Когда я допоздна зачитывалась книгами, спрятавшись с фонариком под одеялом, бабушка заходила в мою комнату и говорила: «Может, ты знаешь кого-нибудь, кто умеет повелевать мертвецами-сомнамбулами? Может, стоит позвать их сюда, чтобы помогли выключить свет?»

Она учила меня распознавать травы и собирать компоненты всевозможных снадобий. Всё это было до того, как я рассказала пастору правду о бабушке, после чего у неё случились неприятности с Церковью, затем с прихожанами. Кузенов у меня было предостаточно, и кое-кто принялся судачить о бабушке, но заварила-то кашу я. Полицейские забрали бабушку, и она призвала проклятие на мою голову: «Ты полюбишь то, что причинит тебе боль, и будешь любить, после того как оно тебя убьёт!» Она скрепила слова кровью девственницы, воском чёрных свечей и тремя пауками.

Я подумала, что если уеду из Луизианы, то смогу избавиться от проклятия. Но я не знала никого, кто сумел бы мне помочь, поэтому проклятие вместе со мной оказалось в Сиэтле.

Я сидела посреди того, что называлось могильной землёй, а рядом находилось что-то ещё. Протянув руку, я коснулась этого неведомого. Оно оказалось ещё одним трупом.

— Очнись, — позвала я лежавшую в одной могиле со мной женщину.

Но та двигаться не хотела.

Итак: ни зубов, ни отпечатков пальцев. Я мертва, причём оказалась в одной могиле среди неведомых лесов с кем-то ещё более мёртвым. Я оценила собственное тело, как делала всякий раз, выходя из состояния оцепенения, в котором проводила большую часть жизни. Обнаружила, что мне не хочется ни есть, ни пить. Меня вовсе не беспокоили увечья, что нанёс мне последний клиент — Ричи, перед тем как затянуть у меня на шее петлю нейлонового шнура, с которым ему так нравилось забавляться. Зато в промежности у меня бушевал настоящий огонь желания, перед глазами словно плясали плавающие буквы, вопиющие: «Вставай же, и вперёд! Мы знаем, куда тебе идти!»

Я огляделась по сторонам. Позади меня косогор уходил вверх, на его вершине сквозь сплетение ветвей пробивалось солнце. Впереди же простиралась тёмная чаща. По обе стороны — ещё деревья и кусты, незнакомые травы, о которых мне никогда не доводилось слышать от бабушки, неведомые, словно чужой язык...

Я пошевелила ногами, вытянула их из могильной земли. Одежды на мне вовсе не было, кудрявые волосы испачкались в земле. Я поднялась на ноги, и что-то вывалилось из «денежного мешка», как называл мою промежность сутенёр Блейк. Я взглянула на выпавший из меня предмет. Это оказался камень в форме клинка, размером с ладонь; он поблескивал в лучах заходящего солнца. Тёмный, влажный от моих собственных выделений — и, наверное, от спермы Ричи тоже.

Пуще прежнего разгорелся жар в моём чреве, но больно мне не было. Нарастало желание.

Я провела руками по шее и ощупала глубокие следы от верёвки. Жар пульсировал в голове и сердце. Я жаждала отыскать руки, что обвязали верёвку вокруг моей шеи, запястий, коленей... Мечтала заглянуть в глаза, созерцавшие, как поцелуй сигареты заставляет шипеть мою кожу. Стремилась отыскать разум, решивший вогнать в меня грубый каменный нож. Позвонки свело от непреодолимого желания, струя адреналина ударила в мышцы. Я выпрямилась

и окинула окрестности взглядом. Мне необходимо отыскать Ричи. Я знала, в какую сторону следует обернуться: что-то в голове дразнило, подталкивало меня, перед глазами плясали огоньки, манившие назад, в город.

подавив стремление немедленно двинуться в путь, я решила немного расчистить место, где только что лежала. Если мне предстоит оказаться в Сизтле, то следует позаботиться об одежде. Вряд ли кто-нибудь остановится и подвезёт меня в таком виде. Я уже поняла, что Ричи потрудился на славу и избавился от всех улик, способных навести на догадку о том, кем я была на самом деле, но вдруг у лежащего рядом трупа осталось хоть что-то? Я разбросала скрывавшие её ветви и землю и обнаружила, что она там не одна. Кроме меня, в могиле лежало два абсолютно голых тела без каких-либо признаков жизни после смерти. На мысль о жизни наводили разве что опарыши... Одна из покойниц была даже более тёмной, чем я, кожа её пострадала меньше моего, но на шее виднелся такой же след от верёвки. Кожа второй оказалась светлей: возможно, женщина была даже белой. Она буквально разваливалась на части. Глядя на них, я понимала, что смердеть они должны ужасно, но запаха разложения не чувствовала. Впрочем, как и всех прочих запахов тоже. Я могла видеть и слышать, мышцы работали должным образом, но я ничего не чувствовала, кроме нараставшего во мне огня, вопиющего о Ричи.

Я закидала тела женщин землёй и прикрыла ветками.

Чем ниже по склону, тем гуще росли деревья, под их ветвями царил полумрак. Вверху же деревья расступались, оттуда проникали солнечные лучи. Возможно, там проходила дорога. Я стала карабкаться вверх, к свету.

Огонь в моей голове, в сердце и животе разгорался с каждой минутой. Я одолела горный откос и вышла на солнце.

Передо мной простиралось двухрядное шоссе; на солнце ярко отсвечивала прерывистая жёлтая разделительная полоса посередине. Обочины были посыпаны гравием. В придорожных кустах валялись мятые бумажные пакеты, банки из-под пива и кока-колы, блестел целлофан. Я перешла дорогу и осмотрела лесистый холм, потом поискала в канаве. Никакой одежды. Не нашлось даже достаточно большого целлофанового пакета, которым можно было хоть как-то прикрыться.

Поселившийся во мне жар возбуждения напоминал крикливого толстяка-пьяницу, что уже набрался, но требует ещё и ещё пива. Я тронулась в путь, даже не задумываясь, в какой стороне находится город, — просто знала это, и всё.

Немного погода меня стал нагонять автомобиль. Думаю, что сзади я выглядела лучше всего. Множество тонких косичек скрывало неприглядные отметины на шее, и, насколько я помнила, Ричи не вывел никаких граффити сигаретой у меня на спине. Не раз клиенты говорили, что моя попка хороша и ноги тоже. Даже мой сутенёр подтверждал это, а он никогда не делал комплименты, если они не были правдой или же если он с помощью лести не намеревался урвать что-то себе. От меня же он и так в любой момент мог получить всё, что хотел.

Я слышала, что машина притормозила, но оглянуться боялась. Знала, что мой беззубый рот выглядит весьма забавно⁹⁰, а на что похоже лицо — оставалось только гадать... Боли я не чувствовала, а значит, произойти со мной могло всё, что угодно. Я склонила голову так, чтобы солнце не светило в лицо.

— Мисс? Боже мой, мисс! — Из машины донёсся то ли низкий голос немолодой женщины, то ли высокий мужской.

Мотор работал вхолостую: автомобиль остановился рядом со мной. Это оказался красный «фольксваген»-«кролик».

Я скрестила на груди́ руки, прикрыв ожоги и спрятав под стигами локтей отметины от верёвки, похожие на браслеты.

— Мисс?

— Да? — Я попыталась заставить голос звучать дружелюбно, но вовсе не была уверена в том, что у меня он вообще был.

— Мисс, вы попали в беду?

Я кивнула, косички скользнули по плечам и скрыли лицо.

— Могу я вам чем-то помочь, мисс?

Я откашлялась и вздохнула.

— Да. Вы в центр? — удалось мне выдавить из себя весьма нечленораздельно.

— Что?

— Туда. — Я махнула рукой вперёд. — В Шиэтл.

— Ах. Да. Вас подвезти?

— Мм... — промямлила я. — Далеко дотуда?

На этот раз я заглянула в салон, чтобы узнать, кто сидел за рулём: мужчина или женщина. Мужчина мог бы одолжить мне свою рубашку, а вот женщине, скорее всего, нечего было бы мне предложить, если она, конечно, не везла с собой чемодан.

— Ах ты, бедняжка, что же с тобой приключилось?

Автомобиль припарковался чуть впереди меня, водитель вышел и оказался высокой, тучной белой женщиной в джинсах и клетчатой фланелевой рубашке. Дама деловито, большими шагами подошла ко мне: тёмные волосы коротко подстрижены, на голове — мужская шляпа цвета хаки, украшенная тесьмой.

— Что за...

Одной рукой я прикрыла рот.

— Что случилось? — еле слышно шепнула женщина, остановившись, так и не дойдя до меня.

— Мой бойфренд шкверно шо мной поштупил, — прошепелявила я из-под ладони. Язык по привычке пытался нащупать зубы, которых уже не было. Вырвавшееся изо рта неясное бормотание ужасно меня расстроило. Я подумала, что смогу произносить слова более внятно, если стану касаться языком нёба.

90 В оригинале «весьма-забавно» почему-то через дефис. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Мой бойфренд, — ещё раз попыталась я, — поступил со мной скверно.
— Бедняжка, ах, бедняжка, — прошептала женщина.

Потом вернулась к машине, порвалась на заднем сиденье и достала коротенькую курточку фирмы «Ливайз»⁹¹, которую и протянула мне.

Я кивнула в знак благодарности и взяла куртку. Женщина чуть не задохнулась, когда я убрала руки от груди. Куртка оказалась весьма свободной, но прикрывала меня лишь до пояса. Впрочем, моё тело ниже пояса выглядело весьма недурно. Я подняла воротник, чтобы закрыть шею и нижнюю часть лица.

— Спасибо, — поблагодарила я.

Её глаза были распахнуты, широкое лицо — очень бледно, несмотря на загар.

— Тебе нужна помощь, — заключила она. — Отвезти в больницу? Или в полицию?

— В Сиэтл, — ответила я.

— Но медицинская помощь?

— Сейчас она мне не нужна... — Я пожала плечами.

— Вдруг начнётся воспаление, тогда ты можешь умереть от сепсиса! У меня есть автомобильная аптечка. Дай я хотя бы обработаю...

— Зеркало, — сказала я. Вот что мне действительно было нужно на данный момент.

Она вздохнула и понурилась. Обошла вокруг машины и открыла дверцу со стороны пассажирского сиденья. Я двинулась следом. Заглянула в распахнутую дверцу. Сиденье оказалось таким чистым, меня же по-прежнему покрывала могильная земля.

— Я всё тут испачкаю, — предупредила я.

— Боже мой, вот об этом сейчас я думаю меньше всего! — воскликнула она. — Садись. Опустит козырёк от солнца, там зеркало.

Я забралась внутрь и опустила козырёк. Увидела своё отражение и вздохнула с облегчением. Ничего особенного, разве только подбородок оказался ближе к носу, чем полагалось, да губы — слишком пухлыми и тёмными. Кожа вокруг глаз не почернела, нос не сломан. Сойдёт. Потом я немножко опустила воротник куртки и содрогнулась при виде жутких тёмных отметин, оставленных верёвкой. Скорей подняла и запахнула воротник.

Женщина устроилась за рулём.

— Меня зовут Марти, — сообщила она и протянула руку.

Всё ещё придерживая воротник левой рукой, я подала ей правую, и Марти пожала её.

— Шейла, — сказала я.

91 В оригинале «Левис», хотя, очевидно, подразумевается Levi's (и лучше было бы так и написать, а не безграмотно искажать транскрипцию слова) — название американской компании по производству одежды, которая особенно известна джинсовой продукцией. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Впервые я произнесла это имя вслух. Шей-ла. Я улыбнулась и тут же быстро кинула взгляд на зеркало: так и есть, улыбка оказалась весьма скверной, как я и опасалась. Рот напоминал кладбище изломанных зубов с запёкшимися островками крови. Я скорей вновь прикрыла рот рукой.

— Господи! — ахнула Марти. — Как зовут твоего бой-френда?

— Не важно.

— Если он сотворил **такое** с тобой, значит, ещё кого-нибудь может искалечить. Моя дочь живёт в Рентоне. Необходимо заявить в полицию. Кто он? Где живёт?

— Неподалёку от Си-Така⁹². От аэропорта.

Марти глубоко вздохнула. Перевела дух.

— Ведь ты понимаешь, что полиция обязательно должна заняться этим делом?

Я покачала головой. В груди всё нарастал жар, понуждавший меня скорей тронуться в путь.

— Мне нужно в город, — твёрдо сказала я и закрыла дверцу.

— Пристегнись.

Марти хлопнула своей дверцей и завела мотор.

Стоило нам только тронуться, как стало ясно, что Марти — адская гонимая. Ей даже удалось напугать меня — хотя я при всём старании не смогла выдумать что-либо, способное причинить мне боль.

— И где же мы сейчас? — спросила я, когда привыкла к дикому визгу, с которым мы вписывались в каждый поворот.

— Я еду из Канаската в Рентой, чтобы увидеться с дочерью. Сегодня вечером она выступает с сольным концертом, занимается танцем живота, и... — Марти уставилась на меня, затем покачала головой и сосредоточилась на дороге.

Холмистая местность сменилась равниной. Мы добрались до автомагистрали, трассы Сто шестьдесят девять, и Марти повернула на север.

Пылавший в груди жар разбушевался с неистовой силой и устремился прямо в горло.

— Нет! — вскрикнула я и схватила её за руку, лежавшую на руле.

— Что — **нет**?

— Нет. Нам **туда**. — Я кивнула на дорогу, по которой мы ехали раньше.

На самом деле интуиция не могла подсказать мне наверняка, какой путь избрать из двух возможных, но прежняя узкая дорога скорее соответствовала нужному направлению.

— Эта дорога ведёт в Мапл-Вэлли, — сказала Марти, не собираясь подчиняться мне. — Там мы обратимся в полицию и найдём врача.

— Нет.

Она взглянула на меня и заключила:

— В твоём состоянии невозможно принимать правильные решения.

92 Си-Так — аэропорт Сиэтл-Такома. (прим. изд. Азбука-классика; СПб)

Тогда я вцепилась в её запястье и сжала. Она вскрикнула. Выпустила руль и попыталась стряхнуть мои пальцы. Я в упор смотрела на неё и не отпускала, вспоминая бабушкины сказки о сверхъестественной силе мертвецов.

— Остановись, — приказала я.

Я чувствовала себя странно, очень странно, помыкая женщиной так, как сделал бы на моём месте сутенёр. К тому же я знала, что причиняю ей боль. Знала, что могу стиснуть пальцы ещё сильнее и сломать ей кости рук, и к этому я была готова, но тут Марти съехала на обочину и остановилась.

— Мне нужно в Си-Так. — Я отпустила её руку, открыла дверь и вылезла из машины. — Благодарю, что подкинула. Вернуть куртку? — Двумя пальцами я приподняла краешек джинсовой материи.

— Господи, детка, оставь её себе. — Марти потирала запястье. Она глубоко вздохнула. — Залезай. Я отвезу тебя туда, куда тебе угодно. Не могу бросить тебя здесь.

— А как же выступление твоей дочки? — спросила я.

— Я позвоню ей. Ведь мы когда-нибудь доберёмся до телефона, верно?

Я не могла сказать наверняка, где закончится наш путь. Узнаю об этом лишь тогда, когда окажусь на месте...

Как было дома у Ричи, я помнила. Но не его дом оказался первым пунктом программы. Сперва Ричи притормозил там, где я стояла на хайвее, опустил со стороны пассажирского сиденья стекло своего громадного золотистого четырёхдверного «бьюика» и сказал, что ему хочется поразвлечься и он знает отличное местечко. Всё как обычно, с той только разницей, что я привыкла сама указывать клиентам место: через одну из боковых улочек можно было проехать на подъездную аллею за заброшенным домом. Я спросила Ричи, насколько далеко он желает зайти. Мой сутенёр частенько предлагал мне кокаин, но я до сих пор не пристрастилась к наркотику, поэтому мне не было совершенно безразлично, кто окажется клиентом. Ричи выглядел симпатичным и опрятным, машина — дорогой, хоть и не новой. Я решила, что деньги у него водятся.

— Мне хочется получить от тебя всё, — ответил Ричи. — Плачу сто баксов.

И я села в машину.

Он съехал с ведущего к Си-Таку хайвея и отвёз меня в местечко, схожее с тем, куда я обычно привозила своих клиентов. Мы оказались возле одного из заброшенных домов неподалёку от аэропорта — все их непременно когда-нибудь снесут. В окрестностях найдётся два-три подобных строения. Я спросила про деньги, получила обещанную стошку и следом за Ричи вошла в дом. Тут-то всё и пошло наперекосяк. Именно здесь я впервые увидела и почувствовала на себе верёвку, услышала в свой адрес страшную брань, отведала его потных носков — если не самое отвратительное, что мне доводилось пробовать в жизни, то близко к тому.

Потом он вставил мне в рот кляп, связал и швырнул в машину на пол у заднего сиденья. Мы снова поехали куда-то. Не могу точно сказать, сколько времени прошло в пути. Мне показалось, что не меньше двух часов, но на

самом деле вполне возможно, что мы ехали пятнадцать или двадцать минут. Звуки изменились, и я поняла, что автомобиль въехал в подземный гараж. Мне на голову Ричи надел хозяйственную сумку, втащил в лифт (опять я поняла это по ощущениям), потом провёл через холл к своей квартире. Именно там я узнала о нём столько, сколько не хотела бы знать ни о ком...

Адреса я не знала, зато чувствовала, где находится Ричи. Если он сейчас в квартире, я бы указала Марти путь и без карты. Жар во мне стремился к Ричи, подобно тому, как магнит притягивается к железу.

Тщательно подбирая слова, я сказала:

— Поехали к Си-Так-хайвею. Там сколько угодно телефонных будок.

— Точно, — согласилась Марти.

— Только по другой дороге. — Я показала назад.

— Садись, — вздохнула она.

Я опять устроилась на переднем сиденье. Марти подождала, пока нас обгонит автофургон, затем отъехала и развернулась.

Теперь мы двигались в нужном направлении, и пожар во мне слегка поостыл. Я откинулась на спинку сиденья и расслабилась.

— Почему мы едем к... к тому хайвею? — поинтересовалась Марти. — И что ты собираешься сделать, когда мы там окажемся?

— Пока не знаю, — ответила я.

Мы ехали прямо к заходящему солнцу. При жизни меня ужасно раздражал яркий свет, бьющий в глаза, но теперь он причинял столь же мало беспокойства, как и песчинки. Я моргнула несколько раз, обдумывая этот феномен, но вскоре перестала обращать внимание на бьющее в глаза солнце.

— Ты не скажешь мне даже имени своего бойфренда? — спросила Марти.

— Ричи.

— У Ричи есть фамилия?

— Не знаю.

— Ты собираешься вернуться к нему?

Жар подступил к моему горлу, словно рвота. Я хотела выдохнуть его: казалось, сразу станет легче и лучше. Но в животе уже разлилось приятное чувство. Я упивалась им.

— О, да⁹³.

— Да как ты можешь! — вскричала Марти. И затрясла головой. — Я просто не могу отвезти тебя к тому, кто так издевается над женщиной!

Но она не остановила машину.

— Я должна вернуться, — сказала я.

— Вовсе нет. Ты можешь избрать другой путь. В конце концов, для несчастных женщин существуют приюты. Ты будешь под защитой властей. Полиция...

— Ты не понимаешь, — прервала я.

93 В оригинале «Ода» слитно и, естественно, без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Понимаю. — Марти заговорила спокойнее. — Я знаю, каково жить с тем, кто тебя не уважает. Знаю, насколько тяжело вырваться из замкнутого круга. Но ты-то *уже* вырвалась, Шейла! И можешь начать жизнь заново.

— Нет. Не могу.

— Можешь. Я помогу тебе. Можешь пожить у меня в Канаскате, там негодяй тебя не найдёт. Или если захочешь вернуться домой, где бы ни был твой дом, я тоже помогу купить билет на автобус.

— Ты не понимаешь, — повторила я.

Довольно долго Марти хранила молчание. Затем попросила:

— Так помоги мне понять.

Я откинула косички назад и опустила воротник, развела в стороны отвороты куртки и показала ей голую шею. Впивалась в Марти взглядом до тех пор, пока она не посмотрела на меня.

Пронзительно закричав, она вылетела за двойную разделительную чёрту. Хорошо ещё, что встречных машин не было. Продолжая вопить, Марти всё же совладала с рулём и выровняла машину. Быстро съехала на обочину, выскочила из автомобиля и унеслась прочь.

Я заглушила двигатель и выбралась на дорогу.

— Марти! — крикнула ей вслед. — Я ухожу. Машина в твоём полном распоряжении. Ты в безопасности. Спасибо за куртку. Счастливо!

Я застегнула куртку, подняла воротник, сунула руки в карманы и пошла по дороге вперёд, к Ричи.

Я прошла около четверти мили, когда она нагнала меня. Солнце село, и сумерки постепенно сгущались в ночь. Мимо проехало шесть машин, но я не голосовала, и ни одна из них не остановилась. Какой-то подросток прокричал что-то в окно; кто-то сигналил и вилял, заглядевшись на меня...

До встречи с Ричи ловить машины было так просто. Теперь почему-то не получалось.

Я слышала за спиной пыхтение «кролика», но продолжала свой путь, не оборачиваясь, не глядя на Марти. Но она притормозила и ехала рядом.

— Шейла, — окликнула она меня хриплым голосом. — Шейла!

Я остановилась и посмотрела на неё. Она боялась меня, я знала это. Марти звала меня выдуманном мною самой именем, и от этого я чувствовала себя необычно. Я становилась сильной, словно у меня был шанс распоряжаться своей жизнью, а не подстраиваться под свалившиеся обстоятельства. Впрочем, я не знала, как это может пригодиться мне сейчас, когда я жила лишь затем, чтобы повиноваться горящему внутри пламени.

Марти заморгала и отвернулась, потом опять взглянула на меня.

— Садись, — предложила она.

— Тебе не обязательно подвозить меня, — сказала я. — Рано или поздно я доберусь туда, куда мне надо. Не важно, когда это произойдёт.

— Садись.

Я вновь оказалась в машине.

Полчаса мы ехали молча. Она пересекла межштатную Пятую автомагистраль и притормозила, когда мы добрались до трассы Девяносто девять, хайвея Си-Так.

— Куда?

Я указала направо. Огонь внутри меня пылал столь жарко, что я бы не удивилась, если бы из кончиков пальцев повалил дым.

Марти свернула направо, и мы помчались на север, к аэропорту Си-Так, мимо моих постоянных рабочих мест. Мы проезжали мимо дорогих гостиниц и дешёвых мотелей, магазинчиков самообслуживания и модных ресторанов. Ярко освещённые здания чередовались с тёмными провалами дворов. Мы быстро привыкли к рёву взлетающих и заходивших на посадку самолётов, к огням, что металась в небесах прямо перед нами. Мы миновали мотель «Златовласка», где я и Блейк снимали комнату. Я ничего не почувствовала. Но когда мы проезжали перекрёсток, где на углу Сто восемьдесят восьмой улицы и Тихоокеанского хайвея растянулся «Красный лев», под каждой клеточкой моей кожи заполохал дикий пожар.

— Теперь помедленней, — сказала я Марти.

Она взглянула на меня и слегка притормозила. Где-то через милю влево уходила маленькая дорожка. Я указала на неё.

Марти перестроилась в левый ряд, повернула, заехала на бензоколонку прямо у поворота и припарковалась возле туалетов.

— Теперь объясни мне, — сказала она, — что мы здесь делаем?

— Ричи, — шепнула я.

Я чувствовала его присутствие совсем рядом. Все мои раны теперь резонировали, его близостью были исполнены все части тела, куда он впечатался с помощью верёвки, сигареты, носка, каменного ножа и полового члена, сделав меня своей собственностью. Так же как нож врезается в кору дерева, Ричи заклеил меня собою.

— Ах,⁹⁴ да, — хмыкнула Марти, — Ричи. Ты уже придумала, что будешь делать, когда разыщешь его?

Я вытянула руки ладонями вверх. Жар был настолько силён, что мне казалось: стоит тронуть какой-либо предмет — и он запылает.

— Что ты собираешься сделать, задушить его? У тебя есть что-то с собой? — Её голос звучал весьма саркастично.

Я с трудом внимала Марти. Всё внимание сконцентрировала на дороге. Знала: там находится машина Ричи, а в ней — он сам. Именно сюда он меня привёз, чтобы связать. В любую секунду он мог проехать мимо. Но я больше не намеревалась откладывать наше воссоединение, хотя знала точно: нет места, где он смог бы от меня спрятаться, где бы я его не нашла. Ведь сейчас мною движет всепоглощающая любовь к нему.

— Задушить? — переспросила я, качая головой. И вышла из машины.

— Шейла! — окликнула Марти.

Я позволила звуку имени, данного самой себе, наполнить меня силой. На секунду застыла недвижимой, пытаюсь унять внутренний пожар. Затем вышла на улицу и остановилась посередине, чтобы пропустить вынырнувшую из тьмы машину. Двинулась вперёд, в темноту, прочь от огней и шума хайвея. Собственные ноги казались мне спичечными головками, готовыми вот-вот полыхнуть огнём.

Вот закончился асфальт, уступив место рытвинам и гравию. Я прошла мимо стоявших по обе стороны от дороги трёх тёмных домов — неясных теней в ночном мраке, пронизанном прожекторами самолётов. Ночь выдалась беззвёздной. Я свернула налево к четвёртому дому, такому же тёмному, как и все остальные, но пылавшему изнутри светом, невидимым для моих глаз, но ощущаемым каждой косточкой. Внутри меня пульсировал и плясал жар.

Я прошла мимо буйных зарослей сирени и шагнула на широкую подъездную аллею. Как я и думала, там стоял автомобиль. Тёмный, безмолвный. С закрытыми дверьми.

Послышался сдавленный крик, и в салоне зажёгся свет. На заднем сиденье, спиной ко мне, сидел Ричи.

Ричи.

Глядя на его темноволосую голову, я шла по хрустящему гравию. На Ричи была белая рубашка. Он сосредоточенно смотрел вниз, его руки двигались. Когда я подошла ближе к машине, то поняла, что он сидит на женщине. Она всё ещё была в одежде (до тех пор, пока я не оказалась в квартире Ричи, он меня тоже не раздевал). Рот женщины был заклеен скотчем, голова моталась из стороны в сторону; кисти рук судорожно подёргивались, в то время как Ричи связывал её запястья тонким нейлоновым шнуром, ноги дрыгались. На мгновение я замерла у окна автомобиля. Женщина увидела меня и вытаращила глаза. Рот с клеем из носка Ричи, заклеенный скотчем, издал булькающий, глотающий звук.

Я подумала: она ему не нужна. Ведь у него есть я.

Я помнила, как лихорадочно бился мой мозг, в то время как боролось моё тело; как я вскрикивала беззвучно: о,⁹⁵ нет! Нет! Блейк, где же ты? Никто мне не поможет, как никто и никогда не помогал, а я не в состоянии спастись сама. Больно, о,⁹⁶ как больно! Может... если я буду вести себя хорошо, очень послушно, тогда он поиграет со мной и отпустит? Боже мой! Что же ты хочешь от меня? Скажи, и я сделаю всё, что нужно. Не делай мне больно! Хорошо же, выпори меня, не ты первый, только не делай мне больно!

Делай мне больно...

Я люблю тебя! Я так тебя люблю.

Через стекло я пожирала его глазами. Женщина затихла под Ричи, она не отрываясь глядела на меня. Наконец это заметил он и обернулся.

Я улыбнулась, обнажив пеньки зубов, и голубые глаза Ричи распахнулись от изумления... или страха.

95 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

96 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Я взялась за ручку и открыла дверцу, прежде чем он смог её заблокировать.

— Ричи, — позвала я.

— Нет! — вскрикнул он и что есть силы замотал головой, словно пёс, выбравшийся из воды на берег. Медленно, очень медленно поднял руку и протёр глаза. В другой руке Ричи зажал нож для хлеба: им он отрезал верёвку, после чего хлестнул ею по женской щеке, оставив тёмный след. Он снова взглянул на меня. Желваки на скулах ходили ходуном.

— Ричи.

— Нет! Не... не мешай мне.

Я протянула к нему руки. Обгоревшие дочерна кончики пальцев казались специально выкрашенными или расписанными татуировкой, из-под рукавов выглядывали запястья с тёмными следами верёвки.

— Ричи, — вновь нежно позвала я. Пылавший внутри огонь фейерверками взмывал ввысь, сиял ярче звёзд. — Я ведь твоя.

— Нет, — отрезал он.

— Ты сделал меня своей!

Я глядела на него. Таванду он сделал своей, а потом убил её. Мэри он тоже сделал своей и тоже убил. Хотя он уничтожил и Таванду, и Мэри, но во мне жили чувства Таванды: *мною станет управлять тот, кто причинит мне боль*; и Мэри: *однажды я заговорила, и теперь надо мной тяготеет проклятие, от которого не избавиться. Если буду вести себя тихо, может, всё обойдётся*.

Но Шейла? Шейлу Ричи не убивал. Он даже никогда с ней не встречался.

Ведь говорила-то Таванда.

— Ты убил меня и сделал своей, — так она сказала. Я расстегнула куртку, сбросила её с себя. — Я всецело принадлежу тебе. Только благодаря тебе я сейчас такая, какая есть.

— Я... — начал было он, но закашлялся. — Нет.

Вблизи послышалось урчание автомобильных двигателей, причём доносилось оно явно не с хайвея, где движение гудело ровным мерным звуком, а прямо из-за моей спины.

Я нагнулась, схватила Ричи за руку. И вытащила его из машины, несмотря на то,⁹⁷ что он сопротивлялся и цеплялся за дверь свободной рукой. Мои пальцы крепко вцепились ему в мускулы, я чувствовала кость в его предплечье.

— Ричи, — шепнула я, обвила руками его шею и положила голову на плечо.

На какое-то время он напряжённо замер, словно окостенел в моих объятиях. Потом по телу его пробежала дрожь и он расслабился. Обхватил меня руками.

— Так ты моя? — переспросил он.

— Твоя, — отвечала Таванда.

— Значит, ты будешь делать то, что я скажу? — спросил он голосом маленького мальчика.

— Всё, что захочешь.

— Опустит рúки по швам, — приказал он.

Я повиновалась.

— Замри, — последовала новая команда.

Он отошёл назад и принялся меня изучать. Обошёл вокруг, разглядывая моё тело со всех сторон.

— Подожди-ка секундочку, возьму фонарик. — Ричи, открыв багажник, вынул оттуда длинный фонарь и включил. Яркий луч скользил по моей груди, по шее. — Я тебя сотворил, — кивнул он. — Я сотворил тебя. Ты была хороша. Почти столь же хороша, как и первая. Теперь ещё разок покажи мне рúки.

Я протянула ему рúки, и он внимательно рассмотрел мои почерневшие пальцы. Улыбнулся, поднял глаза и встретился со мной взглядом.

— А ведь я собирался тебя навестить, — сообщил он. — Когда бы покончил с этой. Мне хотелось взглянуть на тебя.

— Я не могла ждать, — ответила Таванда.

— Не разговаривай, — мягко приказал Ричи.

Не разговаривай! Таванда и Мэри восприняли эти слова как должное, но мне, Шейле, надоело, что все велит мне замолчать. Что мне было терять?

С другой стороны, что я могла сказать? Я даже не знала, чего хочу. Сложно было противостоять Тавандиной любви к Ричи. Она пылала внутри меня, ярко горела под кожей: ведь это было всё, что у меня осталось от жизни.

— Ты закричишь, когда я скажу? — голосом маленького мальчика спросил Ричи.

— Да, — согласилась Таванда.

Но внезапно всё вокруг нас вспыхнуло ярким светом, а из темноты за его пределами донеслись голоса, усиленные мегафоном:

— Не двигайся, приятель! Рúки за голову!

Ричи заморгал и медленно поднял рúки: в одной поблескивал нож, в другой — фонарь.

— Отойдите от него, мисс, — велел другой голос.

Я не мигая огляделась вокруг: слепящий, резкий свет был мне нипочём. Но я не могла заглянуть за освещённый круг. И не знала, кто говорит.

— Мисс, отодвиньтесь от него, — донёсся из темноты уже другой голос.

— Подойди ко мне, — шепнул Ричи, и я шагнула к нему. Выпустив из рук фонарь, он схватил меня, приставил нож к шее и заорал: — Ни с мёста!

— Шейла! — На сей раз подала голос Марти, мегафона у неё не было.

Я посмотрела туда, откуда донёсся её голос.

— Шейла, отойди же от него! — вопила Марти. — Ты что, хочешь, чтобы он убежал?

Таванда хотела этого. И Мэри тоже. Ведь они,⁹⁸ наконец,⁹⁹ отыскали то, к чему стремились, попали туда, где должны были быть. В кольцо рук Ричи моё тело пылало, но жар был спокойный и ровный.

Он приставил лезвие ещё ближе к моей вывернутой шее. Я едва ли не чувствовала остриё ножа. Я вновь положила голову ему на плечо и украдкой любовалась лицом Ричи. От яркого света его глазá выглядели более синими. Рот был приоткрыт; поблескивала влажная изнутри нижняя губа. Он заглянул мне в лицо, и уголки губ искривила лёгкая усмешка.

— Отлично, — шепнул он мне. — Теперь нам надо забраться в машину.

Ричи повысил голос, обращаясь к темноте:

— Делайте, что я приказываю, и не приближайтесь!

Загородившись мною как ширмой, он пинком закрыл заднюю дверцу, обошёл машину и добрался до водительского места. Двигаясь тандемом, мы оказались за рулём, и рúки Ричи отпустили мою шею.

— Оставайся ближе ко мне, — сказал он. — Переберись чуть пониже. Так, чтобы я смог переключать передачи, но будь ближе ко мне.

— Шейла! — крикнула Марти.

Окно со стороны водителя было опущено.

Ричи завёл машину.

— Шейла! На заднем сиденье живая женщина!

Таванде было всё равно, и Мэри тоже, и я вовсе не была уверена в том, что это интересно мне. Ричи переключил передачу с нейтральной на первую и перенёс ногу с педали тормоза на газ. Я чувствовала, как движутся его нóги под моим левым плечом. С заднего сиденья донёсся приглушённый стон. Я взглянула в лицо Ричи. Он улыбался.

Когда он собрался дать полный газ, я потянулась вверх — туда, где на рулевой колонке была корóбка передач, — и перевела механизм на парковку. Затем сломала рычаг переключения передач.

— Ты обещала слушаться меня, — упрекнул он, вглядываясь в моё лицо.

Ричи выглядел так, словно его предали: глазá широко распахнуты, брови нахмурены, линия рта обмякла... Двигатель рычал, но машина не трогалась с места.

Во мне полыхнул огонь. На этот раз он причинил мне немалую боль в наказание за то, что я сделала больно Ричи. Мука скрутила меня. Я закашлялась, подавилась собственным языком, горло распухло и запылало, как в огне; запястья и лодыжки тоже горели, и грудь жгло неимоверно, а между ног бушевал целый столб пламени, устремлявшийся вверх, в меня... Я хотела попросить прощения, но лишилась гóлоса.

— Ты же обещала, — голосом маленького обиженного мальчика повторил Ричи, глядя вниз, на меня.

98 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

99 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Я кашляла. И чувствовала, как силы покидают меня, рúки и нóги коченеют, как, впрочем, и полагается трупу. Я с мольбой подняла парализованные рúки ладонями вверх так высоко, как только смогла, но теперь я могла лишь сгибать локти. Таким был последний жест Таванды.

— Не двигайся, — слышался голос. — Рúки на руль.

Мы обернулись на голос. Рядом с машиной стоял человек и через открытое окно целился в Ричи.

Рука Ричи, минуя руль, незаметно потянулась ко мне.

— Ещё одно движение, и я стреляю, — предупредил мужчина. Рядом с ним возник ещё один человек; первый немного подвинулся, всё так же держа голову Ричи под прицелом, а второй надел на Ричи наручники.

— Вот и всё, — проговорил первый, и оба они — первый и второй — вздохнули с облегчением.

Скрючившись, я лежала на сиденье: рúки согнуты в локтях, нóги — в коленях. Когда они вытащили Ричи из машины, я соскользнула с его коленей и так и осталась лежать окоченевшей. Шея изогнулась под неестественным углом, голова откинулась на сторону.

— Ей нужна медицинская помощь! — крикнул кто-то.

Я слышала, как с заднего сиденья вытаскивают женщину, и размышляла о смерти Таванды и Мэри.

Таванда подняла меня из могилы и унесла за столько миль от неё. Мэри, должно быть, умерла в тот час, когда бабушка прокляла меня и выгнала из дóма. Но Шейла? Можно сказать, что я была годами беременна Шейлой, и родилась она в могиле. Она всё ещё смотрела на мир моими глазами и слышала моими ушами, пусть даже остальная часть меня умерла. Шейла бодрствовала во мне и всё чувствовала в то самое мгновение, когда смертная боль уступила место ясным воспоминаниям о том, что вытворял со мной Ричи, пока в последний раз не накинул мне на шею петлю.

— Да она в стадии трупного окоченения! — воскликнул кто-то.

Я почувствовала на руке манжетку аппарата, измеряющего давление. Моё тело соскользнуло с сиденья, съехало к двери.

— погоди, — сказал кто-то ещё, — мне надо сфотографировать.

— О чём вы говорите? — слышался ещё один голос. — Всего десять минут назад она ходила и говорила!

Вспышки сверкали у меня под носом, но я не мигала.

— Ты что, с ума сошёл? — снова заговорил первый. — Даже скоротечное трупное окоченение не наступает так быстро.

— Спроси кого хочешь, Тони. Мы все её видели.

— Попытайся нащупать пульс. Может, он просто поддерживал её и передвигался с ней как с куклой? Но это не объясняет...

— Ты закончил со снимками, Крейн? — спросил один из полицейских. Потом он же весело обратился ко мне: — Давай-ка, подружка, вставай скорее. Что ты лежишь здесь и позволяешь ему фотографировать тебя, словно какой-нибудь труп? Ты же не знаешь, что он потом сделает с твоими фотографиями.

— Подожди, когда здесь не останется гражданских, а потом уж шутки шути, — сказал кто-то другой. — Может, она просто в шоке.

— Шейла? — со стороны пассажирской дверцы раздался голос Марти.

— Марти, — слабо шепнула я.

Я задыхалась.

— Шейла, ты сделала это. Ты смогла.

Что сделала? Позволила ему меня убить, а потом убить во второй раз? Внезапно я так разозлилась, что просто не смогла лежать недвижимой. Гнев напоминал прежде живший во мне огонь, но не такой сильный и явственный. Я вздрогнула и села.

Кажется, теперь воздух с трудом ловил мужчину со стороны водительского сиденья.

— Вот видите! — торжествующе воскликнул тот, кто ратовал за теорию шокового состояния.

У одного из них в руках оказался фонарик, и он направил луч на меня. Я вздёрнула подбородок и посмотрела ему прямо в глаза, тоненькие косички рассыпались по плечам.

— Господи!

— Боже мой!

Они попятились.

С трудом пропустив воздух в распухшее горло, я сказала:

— Мне нужно прокатиться. Вы хотите пощупать мне пульс? Думаю, не стоит этого делать, сами здоровее будете.

Марти вновь подала мне свою куртку. Мы вместе ехали в «кролике», за нами следовали машины полицейских и фургончик судебно-медицинских экспертов. Марти лучше меня самой знала, где нашла меня.

— Как тебя зовут на самом деле? — спросила она по дороге. — Могу ли я с кем-нибудь связаться и рассказать о тебе?

— Нет. Для них я уже несколько лет как мертва.

— Ты уверена в этом? Ты хоть созванивалась с ними?

Я призадумалась, а потом спросила:

— Если бы твоя дочь стала проституткой, а потом умерла, ты бы хотела узнать о таком?

— Да, — тут же ответила Марти. — Всегда лучше знать горькую правду, чем пребывать в неведении.

Я опять немного помолчала, а потом назвала имена родителей и их телефон. По правде говоря, меня не заботило, расстроит их новость или нет.

Марти подала мне маленький блокнотик и попросила записать, даже включила в салоне свет, чтобы было лучше видно. Вновь из моих пальцев ушла обжигающая боль. Держать ручку было ужасно неудобно, и всё же я умудрилась написать то, что хотела Марти. Покончив с этим, я сунула блокнотик в её сумочку и выключила свет.

— Где-то здесь, — сказала она через полчаса. — Тебе не кажется? Ты ничего не чувствуешь?

— Нет, — ответила я. Моя могила не давала о себе знать так, как звал меня Ричи. Фары «кролика» осветили три банки из-под кока-колы, лежавшие рядом у обочины, и я вспомнила, что уже видела эту гроздь жестянок, когда забралась по склону и вышла на дорогу. — *Здесь*, — сказала я.

Марти остановилась, следом за ней встали три полицейские машины. Кто-то дал мне фонарь, и я пошла по краю обочины, отыскивая собственные следы или что-то знакомое. Сломанный куст ежевики, раздавленный папоротник, дерево с причудливо изогнувшимися ветвями — всё это осталось в моей памяти с полудня.

— Вон *там*. — Я показала вниз по склону.

— Хорошо. Не трогайте ничего, — отозвался полицейский по имени Джо. Другой коп принялся натягивать вдоль дороги жёлтую ленту.

— Но...

Сейчас меня посетило странное чувство. Я подумала, что Шейла прожила ровно столько, сколько хотела. Мне ничего не было нужно — только одеяло из могильной земли, под которым я вновь забудусь вечным сном. Когда Джо пошёл за чем-то к своей машине, я ступила на склон и направилась домой.

Я отбросила ветки с двух других женщин и легла рядом с их телами, думая о своей короткой жизни. Кому-то я помогла, кому-то — причинила боль, и столько же я успела сделать за свои две первые жизни.

Я посыпала своё тело землёй, даже на лицо насыпала и не моргала, когда земля попала в глаза. Но потом подумала, что рано или поздно меня увидит Марти, которой, наверное, лучше видеть меня с закрытыми глазами. И я их закрыла.

1993 © Nina Kiriki Hoffman

Майкл Суэнвик «Мёртвый»

Майкл Суэнвик является автором романов «Кóсти земли» («Bones of the Earth»), «Яйцо грифона» («Griffin's Egg»), «В зоне выброса» («In the Drift»), «Дочь железного дракона» («The Iron Dragon's Daughter»), «Джек Фауст» («Jack Faust»), «Путь прилива» («Stations of the Tide»), «Вакуумные цветы» («Vacuum Flowers») и «Драконы Вавилона» («The Dragons of Babel»). Его рассказы печатались в «Azimov's», «Analog» «F&¹⁰⁰SA», выходили в сборниках «Фауст из табакерки» («Cigar-Box Faust»), «География неведомых земель» («A¹⁰¹ Geography of Unknown Lands»), «Ангелы гравитации» («Gravity's Angels»), «Лунные гончие» («Moon Dogs»), «Азбука Пака Эйлшира» («Puck Aleshire's Abecedary»), «Сказки старой Земли» («Tales of Old Earth») и «Пёс сказал гав-гав» («The Dog Said Bow-Wow»). Он является лауреатом многочисленных премий, в том числе «Хьюго», «Небьюла», премии Старджона¹⁰², журнала «Локус» и Всемирной премии фэнтези.

Рассказ «Мёртвый» впервые увидел свет в издании «Starlight 1» и был финалистом премий «Небьюла» и «Хьюго». В нём вы найдёте и зомби, и безжалостных бизнесменов — трудно сказать, кого надо бояться больше. Но на этот раз зомби никому не угрожают — они являются товаром, предметом роскоши, который можно приобрести в свободной продаже.

Наш столик обслуживали три мальчика-зомби в одинаковых красных куртках: приносили воду, зажигали свечи, смахивали крошки между переменами. Их тёмные, внимательные, безжизненные глаза резко выделялись на фоне бледной кожи, настолько белой, что в приглушённом свете казалось, будто она светится. Я бы отнёс их присутствие на счёт дурного вкуса, но как сказала Кортни:

— Это Манхэттен. Лёгкий, продуманный вызов вкусу здесь в моде.

Один из мальчиков, блондин, принёс меню и ожидал нашего заказа.

Мы оба заказали фазана.

— Прекрасный выбор, — откликнулся мальчик чистым, бесстрастным голосом.

Он удалился, но вскоре вернулся, держа в руке связку только что задушенных птиц, и предложил нам сделать выбор. На момент смерти ему было не больше одиннадцати, а его кожа отличалась тем редким цветом, который знатоки называют «матовое стекло» — гладкая, без единого пятнышка и почти прозрачная. Я не сомневался, что он стоил целое состояние.

100 В оригинале знак «амперсанд» в формате гипертекста html «&»; (прим. ред. Alex.Rus.UA)

101 В оригинале «А» кириллицей. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

102 В оригинале «Стар-джона» через дефис (см. 12). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Мальчик собирался уходить, но, повинувшись неожиданному импульсу, я тронул его за плечо. Он повернулся ко мне.

— Как тебя зовут, сынок? — спросил я.

— Тимоти.

С такой же интонацией он мог перечислять фирменные блюда. Он подождал ещё секунду — убедиться, что дальнейших распоряжений не последует, — и покинул нас.

Кортни проводила его взглядом.

— Он бы чудесно выглядел обнажённым, — мечтательно произнесла она. — В лунном свете, у обрыва. Определённо у обрыва. Возможно, того самого, где встретил свою смерть.

— Вряд ли он бы так хорошо выглядел, если бы в своё время упал с обрыва.

— О, не будь таким занудой.

Официант принёс наше вино.

— «Шато Латур 17»? — Я поднял брови.

Лицо официанта отличалось сложностью черт — такие любил писать Рембрандт. С беззвучной лёгкостью он разлил вино по бокалам и исчез в полумраке ресторана.

— Бог мой, Кортни, ты соблазнила меня при помощи более дешёвой марки.

Она покраснела, но без удовольствия. Карьера Кортни продвигалась успешнее моей. Если подумать, она продвигалась успешнее меня во всём. Мы оба понимали, кто умнее, обладает лучшими связями и имеет большую вероятность получить уголовный кабинет с дорогим антикварным столом. Единственным моим преимуществом на рынке брачных предложений оставалась принадлежность к мужскому полу. Чего было вполне достаточно.

— Это деловой ужин, Дональд, — ответила она. — Ничего больше.

Я придал лицу выражение вежливого сомнения, поскольку по опыту знал, что оно приведёт Кортни в ярость. И, приступая к фазану, пробормотал:

— Несомненно.

Мы не затрагивали важные темы до десерта, но наконец я спросил:

— Как идут дела у Лозб-Соффнер?

— Планируем расширение компании. Джим готовит финансовую часть предложения, а я занимаюсь персоналом. Мы думали о тебе, Дональд. — Она одарила меня хищным блеском зубов, который означал, что Кортни положила глаз на желаемое.

Кортни даже с натяжкой нельзя было назвать красивой женщиной. Но от неё исходила некая свирепая аура, будто что-то первобытное удерживается в тугой и ненадёжной узде, и эта аура заставляла меня неудержимо её желать.

— Ты талантлив, склонен к авантюрам и не слишком крепко держишься за своё место. Нам как раз требуются люди с подобными качествами.

Она поставила на стол сумку и достала из неё сложенный лист бумаги.

— Вот наши условия.

Кортни подвинула лист к моей тарелке и с наслаждением принялась за свой торт.

Я развернул бумагу.

— Но ведь это перевод без повышения.

— Зато неограниченные возможности для продвижения, — ответила она с полным ртом. — Если ты хорошо себя покажешь.

— Хм...

Я проверил обещаемый социальный пакет — он полностью соответствовал тому, что я имел сейчас. И моя теперешняя зарплата, с точностью до доллара; не иначе как мисс Соффнер хотела показать свою осведомлённость. Предложение также включало право на приобретение акций компании.

— Странные условия для перевода.

И снова эта улыбка, словно акулий плавник в мутных водах.

— Я знала, что тебе понравится. Мы составили предложение по максимуму, потому что нам нужно получить твой ответ в короткие сроки, лучше всего сегодня. В крайнем случае завтра. И без торгов. Нам необходимо оформить договор как можно скорее. Когда дело станет достоянием общественности, разразится буря. Мы собираемся поставить фундаменталистов и либералов перед свершившимся фактом.

— Господи, Кортни, что за чудовище ты собираешься запустить в мир на этот раз?

— Огромное. Больше, чем «Эппл». Больше, чем «Хоум Виртуал». Больше, чем «Хай-Вак-IV», — с наслаждением произнесла Кортни. — Ты когда-нибудь слышал о биологических лабораториях Кестлера?

Я отложил вилку.

— Лаборатории Кестлера? Вы решили торговать трупами в розницу?

— Я тебя умоляю. Посмертными биологическими человеческими ресурсами. — В её лёгком тоне слышалась должная ирония. И всё же мне показалось, что я также уловил небольшую неловкость касательно природы товара.

— Вы на них много не заработаете. — Я махнул рукой в сторону наших заботливых официантов. — Они составляют от силы два процента от годового дохода. Зомби — это предмет роскоши: прислуга, обслуживающий персонал реакторов, голливудские каскадёры, экзотические услуги, — (мы оба знали, что я имею в виду), — максимум несколько сотен в год. На них нет спроса. Слишком велико отвращение.

— Недавно произошёл прорыв в технологиях. — Кортни подалась вперёд. — Они научились устанавливать инфрасистемы и чипы управления и готовы предложить новый продукт по заводской цене не дороже новой малолитражки. Что намного выше рентабельности производственных рабочих. Посмотри на предложение с точки зрения обычного фабриканта. Он и так урезает все затраты, а оплата труда выжимает из него последние соки. Как ещё

ему конкурировать на сокращающемся потребительском рынке? А теперь представь, что он покупает наш пакет. — Она достала перьевую ручку и начала выписывать пункты на скатерти. — Никаких компенсаций. Никаких страховых обязательств. Никакой оплаты больничных. Никакого хищения. Мы говорим о возможности сократить затраты на персонал на две трети. Как минимум! От такого предложения невозможно отказаться, и мне наплевать на отвращение. По предварительным подсчётам, уже за первый год мы продадим пятьсот тысяч единиц.

— Пятьсот тысяч, — повторил я. — Это безумие. И где вы возьмёте материал?

— В Африке.

— Боже мой, Кортни!

Я потерял дар речи от цинизма, который требовался для того, чтобы просто задуматься об извлечении прибыли из сахарской трагедии, о беззастенчивом перекачивании денег в карманы местных гитлеров, охраняющих тамошние лагеря. Кортни улыбнулась и слегка наклонила голову, что означало, что она украдкой проверяет время.

По её знаку мальчишки-зомби установили вокруг нас лампы, настроили проектор и включили его. Затрещали и замелькали помехи, вокруг нас поднялись стены темноты. Кортни достала плоский пульт управления и положила перед собой на стол. Три движения ухоженных ногтей, и на экране возникло лицо Марвина Кестлера.

— Кортни! — радостно воскликнул он. — Ты в Нью-Йорке, верно? В Сан-Морице. С Дональдом. — Крохотная пауза после каждого утверждения. — Вы пробовали медальоны из антилопы? — В ответ на наше отрицание он чмокнул кончики пальцев. — Они восхитительны! Слегка подвялены, а потом залиты моцареллой. Нигде больше их не умеют так готовить. Недавно я пробовал это же блюдо во Флоренции, но его даже сравнивать нельзя.

Я прочистил горло.

— Значит, вы в Италии?

— Давайте не думать, где я. — Кестлер пренебрежительно махнул рукой, отметая мелочи. Но лицо Кортни помрачнело. Индустрия похищения видных бизнесменов неудержимо развивалась, так что я сел в лужу. — Вопрос в другом — что вы думаете о моём предложении?

— Оно довольно... интересно. Для перехода.

— Это для начала. У нас полно кредитов. В долгосрочной перспективе ты выиграешь.

Внезапно он одарил меня широкой лихой улыбкой. Этаким деловой корсар. Потом наклонился вперёд, понизил голос, заглянул мне в глаза. Классические приёмы обращения с людьми.

— Тебя не надуют. Ты же знаешь, что Кортни тщательно проверила финансовую сторону. И,¹⁰³ тем не менее,¹⁰⁴ ты думаешь, что план не сработает. Чтобы получать прибыль, товар должен быть притягателен, а наш просто не может таким быть.

— Да, сэр, — ответил я. — Верно подмечено.

— Давай-ка заинтересуем молодого человека, — кивнул он Кортни. И добавил, обращаясь ко мне: — Мой лиму вниз.

Экран погас.

* * *

Кестлер ждал нас в лимузине, присутствуя¹⁰⁵ в виде призрачного розоватого изображения. Голограмма — или, скорее, зернистый призрак, парящий в золотистом свете. Он обвёл гостеприимным иллюзорным жестом салон машины и предложил:

— Будьте как дома.

Водитель надел военные фотоувеличительные очки. Они придавали ему сходство с насекомым, и я не мог бы сказать с уверенностью, мёртв он или нет.

— Отвези нас в «Небеса», — приказал Кестлер.

Швейцар отошёл от дверцы, оглядел улицу и кивнул водителю. Автоматические камеры-пушки следили за нашим продвижением по кварталу.

— Кортни сказала мне, что вы получаете сырьё из Африки.

— Несколько неприятно, но необходимо. Для начала. Прежде всего нам необходимо продать идею, так что не стоит усложнять себе жизнь. Но не вижу причин, почему бы позже нам не использовать национальные ресурсы. Что-то в духе обратной закладной¹⁰⁶ — возможно, своего рода страховка, которая выплачивается при жизни. В любом случае,¹⁰⁷ таким образом мы избавимся от малообеспеченных семей. К чёртовой матери. Слишком долго они получали всё задаром; пришла пора платить по счетам — пусть умирают и становятся нашими слугами.

Я был почти уверен, что Кестлер шутит. Но на всякий случай улыбнулся и наклонил голову.

— Что такое «Небеса»? — спросил я, чтобы перевести разговор на более безопасную территорию.

— Место испытания будущего, — с удовлетворением пояснил Кестлер. — Вы когда-нибудь видели кулачные бои?

— Нет.

103 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

104 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

105 В оригинале «присутствия». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

106 Обратная закладная — закладная, по которой банк предоставляет заём на сумму, составляющую определённый процент от оценочной стоимости дома. Заём выплачивается домовладельцу в виде ренты. (прим. изд. [Азбука-классика: СПб](http://Азбука-классика.СПб))

107 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— О, это спорт джентльменов! Самая сладкая наука. Без раундов, без правил, без судей. Только там можно узнать истинную цену человека, не только его силу, но и характер. Как он себя держит, умеет ли сохранять хладнокровие, как терпит боль. Служба безопасности не разрешает мне посещать клубы лично, но я принял меры.

* * *

«Небеса» оказались перестроенным кинотеатром в захудалом квартале Куинса¹⁰⁸. Водитель вышел из машины, ненадолго скрылся позади неё и вернулся с двумя телохранителями-зомби. Как фокусник.

— Вы держите их в багажнике? — спросил я, когда он открыл нам дверь.

— Это новый мир, — ответила Кортни. — Привыкай.

Клуб оказался переполнен. Две, а может, три сотни мест, причём только стоячие. Смешанная клиентура, в основном чёрные, ирландцы и корейцы, но среди них встречались и люди более высокого класса. Не только бедным требуется периодический всплеск адреналина. Никто не обратил на нас внимания. Мы подросли как раз к представлению бойцов.

— Вес двести пятьдесят фунтов, чёрные шорты с красной полосой, — надрылся рефери, — страшный гангстер, задира, человек с...

Мы с Кортни поднялись по чёрным грязным ступенькам. Начинили и замыкали нашу процессию телохранители, будто мы шли в патруле по джунглям во время какой-нибудь войны двадцатого столетия. Тощий, с пивным животом старикашка с влажной сигарой во рту отпер нашу ложу. Липкий пол, плохие сиденья, отличный вид на ринг внизу. Серые пластиковые маты, клубы дыма.

Кестлер уже ждал нас в виде новенькой, с иголки голограммы. Он напомнил мне пластмассовых Мадонн в раскрашенных ванночках, которых католики выставляют у себя во дворах.

— Ваша постоянная ложа? — спросил я.

— Всё это ради вас, Дональд, ради вас и других избранных. Мы выставляем наш товар против одного из местных талантов. По договорённости с администрацией. То, что вы сейчас увидите, навсегда развеет все сомнения.

— Тебе понравится, — добавила Кортни. — Я хожу сюда уже пять дней подряд. Включая сегодняшний.

Зазвенел колокол, схватка началась. Кортни жадно наклонилась вперёд, облокотившись на перила.

Зомби с серой кожей выглядел умеренно мускулистым, особенно для бойца. Но он держал руки в боевой готовности, отличался подвижностью и удивительно спокойным и знающим взглядом.

108 Куинс — район Нью-Йорка. (прим. изд. [Азбука-классика](http://Azбука-классика); СПб)

Его оппонент был настоящим амбалом: высокий чёрный парень с типичными африканскими чертами, слегка скособоченными, так что его рот постоянно кривился в ухмылке. На груди красовались бандитские шрамы, но ещё более уродливые отметины украшали спину, причём они не выглядели искусственными, он явно заработал их на улицах. Его глаза горели напряжением на грани безумия.

Он двинулся вперёд осторожно, но без страха,¹⁰⁹ и сделал несколько быстрых ударов, чтобы примериться к противнику. Удары были отражены, контрудары нанесены.

Бойцы обходили друг друга по кругу, выискивая слабое место.

Примерно с минуту ничего не происходило. И тут гангстер нанёс обманный удар в голову зомби, заставив того поднять защиту, нырнул в открывшуюся брешь и ударил его ниже пояса так сильно, что я поморщился.

Никакой реакции.

Мёртвый боец ответил серией ударов и сумел вскользь задеть бандита по щеке. Бойцы отскочили в стороны и снова закружили по рингу.

Потом амбал ринулся в атаку, нанося сокрушительные удары, — казалось, он должен переломать противнику все рёбра. Толпа вскочила на ноги, рёвом выказывая одобрение.

Зомби даже не пошатнулся.

Он перешёл в контратаку, тесня гангстера к канатам, и в глазах того появилось странное выражение. Я с трудом мог себе представить, каково это — всю жизнь полагаться на свою силу и способность терпеть боль и вдруг встретить противника, для которого боль ничего не значит. Схватку можно выиграть или проиграть, если не вовремя дёрнуться или замешкаться. Если соблюдать хладнокровие, ты выиграл. Если позволить себя смутить, ты проиграл.

Несмотря на самые сильные удары, зомби сражался спокойно, методично, без усталости. Как ему и полагалось.

Должно быть, на гангстера это действовало уничтожающе.

Схватка всё продолжалась. На меня она производила странное и отвратное впечатление. Спустя некоторое время я уже не мог смотреть на ринг и принялся изучать линию подбородка Кортни, думая о сегодняшней ночи. Ей всегда нравился секс на грани нездоровых фантазий. Когда я находился с ней в постели, меня не покидало чувство, что она очень хочет попробовать что-то по-настоящему грязное, но никак не наберётся смелости предложить.

Поэтому меня постоянно подстёгивало желание заставить её переступить через себя и попробовать что-то, ей неприятное. Кортни обычно отличалась упрямством; я никогда не решался предложить более одного эксперимента за раз¹¹⁰. Но я всегда мог уговорить её на этот один эксперимент. Потому что в возбуждении она становилась податливой. Её можно было уговорить на что угодно. Её можно было заставить просить об этом.

109 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

110 В оригинале «зараз» вновь (см. 72) слитно, как бы это забавно не звучало. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Наверное, узнай Кортни, что я вовсе не гордился тем, что с ней делал, — скорее, наоборот, — она бы очень удивилась. Но я был одержим ею, так же как она была одержима чем-то своим.

Вдруг Кортни с криком вскочила на ноги. Голограмма показывала, что Кестлер тоже поднялся. Амбал висел на канатах, и зомби избивал его. С каждым ударом изо рта гангстера летели слюна и кровь. Потом он упал; с самого начала у него не было шансов. Должно быть, он и сам понимал, что схватка безнадежна, что ему не выиграть, но он отказался признать поражение. Для этого его пришлось избить до смерти. Он проиграл, но проиграл яростно, гордо и без жалоб. Я не мог не восхищаться им.

Тем не менее он всё равно проиграл.

Я понимал, что **послание предназначалось мне**. Рекламировалась не¹¹¹ только конкурентоспособность товара, но и тот факт, что выиграют лишь те, кто его поддержит. В отличие от зрителей клуба я понимал, что наблюдаю конец эпохи. Человеческое тело больше ничего не стоило. Технология могла всё сделать лучше. Число неудачников во всём мире только что удвоилось, утроилось, достигло максимума. Дураки вокруг ринга болели за гибель своего будущего.

Я поднялся и присоединился к радостному рёву.

* * *

— Ты увидел свет. Теперь ты веришь, — заявил Кестлер потом, в лимузине.

— Я ещё не решил.

— Хватит валять дурака. Я хорошо подготовился, мистер Николс. Ваша теперешняя должность не особо надёжна. «Мортон-Вестерн» летит в трубу. Весь сектор обслуживания летит в трубу. Придётся признать, что старый экономический порядок практически мёртв. Конечно же, вы примете моё предложение. У вас нет другого выбора.

Факс выплюнул пачку листов контракта. Тут и там мелькали слова «**наш продукт**». Трупы нигде не упоминались.

Но когда я полез в куртку за ручкой, Кестлер меня остановил.

— У меня есть производство. Три тысячи подчинённых. Очень сознательных подчинённых. Чтобы сохранить свою работу, они пройдут сквозь огонь и воду. Хищения на нуле. Больничные тоже. Приведите мне одно преимущество, которое ваш товар имеет перед моими рабочими. Продай мне его. Я даю тебе тридцать секунд.

Я никогда не занимался маркетингом, да и работу мне уже пообещали. Но стоило мне потянуться за ручкой, как я показал, что хочу её. И мы все знали, кто держит в руках кнут.

— Им можно вставить катетеры, — сказал я. — Не придётся отпускать в туалет.

111 В оригинале без «не». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Долгое время Кестлер тупо смотрел на меня. Потом он взорвался смехом.

— Бог ты мой, впервые такое слышу! У вас большое будущее, Дональд. Добро пожаловать в команду.

Голограмма погасла.

Какое-то время мы ехали молча, без определённой цели. Потом Кортни наклонилась вперёд и постучала по плечу шофёра.

— Отвези меня домой, — приказала она.

* * *

Когда мы проезжали по Манхэттену, меня терзали видения, что мы едем по городу трупов. Серые лица, безжизненные движения. В свете фар и тусклых натриевых фонарей все вокруг выглядели мёртвыми. Проезжая мимо Детского музея, через стеклянные двери я увидел женщину с коляской и двумя маленькими детьми. Все трое стояли неподвижно и глядели в никуда пустыми глазами. Мы проехали магазинчик, и на тротуаре около него стояли зомби и попивали из спрятанных в бумажные пакеты бутылок. Через окна верхнего этажа я видел грустную радугу виртуальных каналов, мелькающую перед пустыми глазами. Зомби гуляли в парке, зомби курили сигареты, зомби вели такси, сидели на ступеньках и болтались на углах улиц, и все они ждали, пока пройдут годы и плоть опадёт с их костей.

Я чувствовал себя последним живым человеком.

* * *

После схватки Кортни всё ещё была потной и возбуждённой. Когда я шёл за ней по коридору к её квартире, феромоны расходились от неё волнами. Она воняла страстью. Я невольно вспоминал её перед оргазмом: доведённой до грани, такой желанной. После она становилась другой, её накрывала волна спокойной уверенности, схожей с той, что она демонстрировала в деловой жизни, — тот апломб, который она отчаянно и безуспешно искала во время самого акта.

И когда отчаяние покидало её, вместе с ним уходил и я. Потому что даже я понимал, что меня влекло к ней только это отчаяние, именно оно заставляло меня проделывать всё то, что ей требовалось. За все годы, что я её знал, мы ни разу не завтракали вместе.

Я мечтал найти способ вычеркнуть её из уравнения. Мне хотелось, чтобы её отчаяние превратилось в жидкость, и тогда я бы выпил её до дна. Бросил её в винный пресс и выжал досуха.

Кортни отперла дверь квартиры, одним замысловатым движением протиснулась внутрь и повернулась лицом ко мне.

— Ну, — сказала она. — Очень продуктивный вечер. До свидания, Дональд.

— «До свидания»? Разве ты не собираешься меня пригласить?

— Нет.

— Как это «нет»? — Я начинал злиться. Даже слепой с другого конца улицы мог увидеть, что ей не терпится. Любой шимпанзе без проблем залез бы ей под юбку. — Что за идиотскую игру ты затеяла?

— Дональд, ты знаешь, что означает слово «нет». Ты не дурак.

— Это точно, и ты тоже не дура. Мы оба прекрасно знаем ставки. А теперьпусти меня.

— Надеюсь, тебе понравится подарок, — сказала она и захлопнула дверь.

* * *

Подарок Кортни я обнаружил в своём номере. Меня всё ещё распирало от злости, когда я вошёл в номер и хлопнул дверью. Я оказался практически в полной темноте. Единственный свет проникал через задёрнутые занавески на окне в дальнем конце комнаты. Я потянулся к выключателю, и тут в темноте комнаты кто-то шевельнулся.

«Воры!» — промелькнуло в голове, и я в панике рванул к выключателю, сам не зная, чего собираюсь этим добиться. Кредитные воры всегда работают втроём: один выбивает пароли, другой по телефону переводит деньги с вашего счёта, а третий стоит на стрёме. Может, я надеялся, что если включить свет, то они разбегутся, как тараканы? Так или иначе, я едва не споткнулся, торопясь добраться до выключателя. Но меня ожидало совсем не то зрелище, которого я опасался.

Меня ждала женщина.

Она стояла у окна в белом шёлковом платье, которое не умаляло её воздушной красоты, не затмевало фарфоровой кожи. Когда зажёгся свет, она повернулась ко мне: глаза распахнулись, губы приоткрылись. Она грациозно подняла обнажённую руку — полные груди слегка качнулись — и протянула мне лилию.

— Здравствуй, Дональд, — с придыханием сказала она. — Сегодня я буду твоей.

Она была само совершенство.

И конечно, она была мертва.

* * *

Двадцати минут не прошло, как я уже ломился в квартиру Кортни. Она открыла дверь в пеньюаре от Пьера Кардена, и по тому, как она придерживала пояс, и беспорядку, в котором пребывали её волосы, я сразу понял, что меня не ждали.

— Я не одна, — сразу заявила Кортни.

— Я пришёл сюда вовсе не за сомнительными дарами твоей белоснежной плоти.

Я протиснулся в квартиру. Но поневоле мне вспомнилось её красивое тело — пусть не настолько совершенное, как у мёртвой проститутки, — и тут мысли неумолимо перепутались у меня в голове: **смерть и Кортни, секс и трупы...** Гордиев узел, и я не знал, сумею ли его распутать.

— Тебе не понравился мой подарок? — Кортни открыто улыбалась.

— К чертям собачьим твой подарок!

Я шагнул к ней. Меня трясло, руки сами собой сжимались в кулаки и разжимались.

Она отступила на шаг. Но самоуверенное, странно выжидающее выражение не покидало её лица.

— Бруно, — негромко позвала она. — Выйди к нам.

Краем глаза я уловил движение. Из затемнённой спальни вышел Бруно. Мускулистый бык, накачанный, с перекатывающимися мускулами и иссиня-чёрной кожей, как боец, чьё поражение я видел сегодня вечером. Он встал за спиной Кортни, не стесняясь своей наготы: узкие бедра, широкие плечи и такая гладкая чистая кожа, какой я сроду не видел.

Мёртвый.

В одно мгновение меня озарило.

— О господи, Кортни! — с отвращением воскликнул я. — Не могу поверить, что ты... Ведь это всего лишь послушное тело. В нём ничего нет — ни страсти, ни близости, одно только тело.

Кортни, не переставая улыбаться, дёрнула губами, будто обдумывала последствия того, что собиралась сказать. И всё же не сдержалась:

— Теперь мы на равных.

И тут я сорвался. Я шагнул к ней, занося руку, и клянусь, я всерьёз собирался стукнуть эту сучку головой о стену. Но она даже не дёрнулась — она даже не испугалась. Она просто отступила в сторону и сказала:

— По корпусу, Бруно. Он должен безупречно смотреться в костюме.

Мёртвый кулак ударил меня в рёбра с такой силой, что на секунду мне показалось, будто сердце вот-вот остановится. Потом Бруно ударил меня в живот, и я согнулся пополам, хватая ртом воздух. Два, три, четыре удара. Я уже не мог стоять и катался по полу, беспомощно рыдая от злости.

— Хватит, детка. Теперь выброси мусор.

Бруно выкинул меня в коридор.

Сквозь слёзы я прожигал Кортни взглядом. Сейчас она вовсе не казалась мне красивой. Совсем не казалась. Мне хотелось сказать ей, что она стареет. Но вместо этого я выдавил:

— Ты, сволочь... да у тебя некрофилия!

— Привыкай, — ответила Кортни. О, она откровенно мурлыкала! Сомневаюсь, что ей когда-нибудь снова удастся пережить такой же триумф. — Полмиллиона таких, как Бруно, скоро попадут на рынок. И тебе придётся потрудиться, чтобы снять *живую* женщину.

* * *

Я отослал домой мёртвую проститутку. Потом принял душ, но не почувствовал себя лучше. Не одеваясь, я вышел из дýша в тёмный номер и отдёрнул занавеску. Долгое время я смотрел на тёмное величие Манхэттена.

Я боялся сильнее, чем когда-либо в жизни.

Трущобы внизу простирались до бесконечности. Огромный некрополь, нескончаемый город мёртвых. Я думал о миллионах людей, которые вскоре навсегда лишатся работы. Я думал о том, как сильно они должны ненавидеть меня — меня и мне подобных — и как они беспомощны перед нами. И всё же. Их так много, а нас так мало. Если они поднимутся разом, все вместе, как цунами, их будет не остановить. И если в них осталась хоть крохотная искра жизни, именно так они и поступят.

Так выглядел один из вероятных путей будущего. Но оставался и другой, а именно — ничего не случится. Абсолютно ничего.

И я не знал, чего бояться больше.

1996 © Michael Swanwick

Даррелл Швейцер «Мёртвый мальчик»

Даррелл Швейцер — автор романов «Расколота богиня» («The Shattered Goddess») и «Колдовская маска» («The Mask of the Sorcerer»), а также многочисленных коротких рассказов, вышедших в таких сборниках, как «Мимолётное» («Transients»), «Пейзажи нóчи» («Nightscapes»), «Беглецы из страны воображения», («Refugees»¹¹² From an Imaginary Country») а также «Некромантия и адские миры» («Necromancies and Netherworlds»). Широко известный в качестве редактора и критика, Швейцер в течение нескольких лет участвовал в издании журнала «Weird Tales», а в данный момент, совместно с редактором Мартином Х.¹¹³ Гринбергом, — антологий для «DAW Books», таких как, например, «Секретная история вампиров» («The Secret History of Vampires»).

Как говорит сам Швейцер, вдохновение для рассказа «Мёртвый мальчик» он черпал, помимо прочего, в реальной истории «Мальчика-из-Корóбки», чьё тело было найдено в лесах Северо-Восточной Филадельфии в 1957 году. Это происшествие так и не было раскрыто, хотя некоторые из полицейских следователей буквально помешались на нём, не оставляя расследования на протяжении всей своей службы и даже после выхода на пенсию. «Они не узнали даже его имени, — замечает Швейцер. — Абсолютная загадка».

Швейцер однажды сказал, что, учитывая всю таинственность, окружающую этот случай, рассказ про зомби был бы не худшим объяснением, чем любое другое. Из одного — весьма ненадёжного — источника мы узнали, что мальчика звали Джонатан, как и в этом рассказе.¹¹⁴

Так что, возможно, это и есть настоящее объяснение.

С тех пор прошло немало лет, но, кажется, страх перед Люком Брэдли — и перед тем, что он тогда показал, — всё ещё не оставил меня.

Я знал Люка с первого класса. Уже в то время Брэдли был крутым парнем — таким, который будет сидеть на канцелярской кнопке и утверждать, что ему совершенно не больно, а потом заставит тебя сесть на ту же кнопку, и ты послушаешься как миленький (как бы вправду больно это ни было) —¹¹⁵ из страха, что, если откажешься, он сделает с тобой нечто ещё похуже. Однажды он нашёл на дереве гнездо пятнистых ос, отломал его вместе с веткой и, размахивая ею и завывая, бежал по улице, пока гнездо не развалилось и осы не высыпали из него, подобно жужжащему облаку. Никто не знал, что случилось дальше, потому что все мы, остальные, к тому времени разбежались кто куда.

112 В оригинале явная ошибка «Refugess». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

113 В оригинале латиницей «Х». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

114 В оригинале далее пропущенный (пустой) абзац. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

115 В оригинале без тире после скобки. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Несколько дней мы не видели Люка в школе: полагаю, его всё-таки здорово покусали. Объявился он, впрочем, ничуть не изменившимся и в первое же утро побил троих других мальчишек. Двоим из них пришлось накладывать швы.

Когда мне было около восьми, по округе пронёсся слух, что Люка Брэдли сожрал волк-оборотень.

— Идёмте, — сказал Томми Хитченс, подпевала Люка на тот момент. — Я покажу вам, **что** от него осталось. Там, на дереве.

Сам я не верил, что какой-то оборотень мог бы справиться с Люком Брэдли, но всё равно пошёл. Когда Томми показал нам то, что должно было изображать человеческие останки высоко в ветвях, я уже издали понял, что это всего лишь футболка и джинсы, набитые газетами.

О чём я и заявил, а в ответ Томми сбил меня с ног своим коронным ударом справа, сломав мне кулаком нос и очки.

Нос мой оказался в гипсе, а Люк на следующий день,¹¹⁶ как ни в чём не бывало,¹¹⁷ появился в школе, обозвал меня «девчонкой» и врезал по яйцам.

Уже тогда он был огромным — и, вероятно, старше на пару лет всех остальных детей в классе. Хотя он ни за что не признался бы в этом, каждому было известно, что Люк оставался на второй год даже в детском саду.

Однако же он не был глуп. Он был **безумен**. Именно в этом состояла вся прелесть того, чтобы ошиваться вокруг Брэдли, хотя в его компании было проще простого обеспечить себе различные телесные повреждения. Он вытворял дичайшие вещи — такие, о которых никто другой и помыслить не мог. Например, та выходка с осиным гнездом или ещё случай, когда Люк голыми руками собирал свежее собачье говно и утверждал, что съест его прямо на наших глазах, пока всех не затошнило и мы не разбежались, боясь, что он и нас заставит есть. Возможно, сам он и сожрал дерьмо. Люк был таким человеком, для которого правила, все правила, были не писаны. То, что его регулярно оставляли после уроков и пару раз даже задерживала полиция, только добавляло ему мистического ореола.

И вот тем летом, когда мне исполнилось двенадцать, Люк Брэдли показал мне мёртвого мальчика.

Похождения Люка к тому времени становились всё удивительнее. Никто не верил всему, что о нём рассказывали, хоть он и готов был выколотить дурь из любого, кто посмел бы высказать сомнения ему в лицо. Действительно ли он угонял машину? Висел ли он на подножке электропоезда Западно-Филадельфийской железной дороги до самой Филадельфии и не попался?

Никто не знал этого доподлинно, но когда Люк подошёл ко мне и моему десятилетнему брату Альберту со следующими словами, нам вовсе не хотелось ни о чём его расспрашивать.

— Эй, вы, двое придурков! — Слово **«придурок»** было у Брэдли в то время излюбленным. — В лесу у Воровского ручья есть мёртвый мальчик. Хотите глянуть?

116 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

117 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Альберт повернулся и был уже готов бежать.

— Дэвид, не надо этого делать, — сказал он.

Но я-то знал, что было лучше для нас обоих.

— Конечно, — ответил я Люку. — Точно, мы хотим глянуть.

Люк на тот момент был выше на голову любого из нас и на пятьдесят фунтов тяжелее. Он уже тогда изображал из себя «настоящего хулигана», опираясь на побитый моллю образ то ли Джеймса Дина, то ли Элвиса: зачёсывал волосы сальным вихром, надевал чёрную кожаную куртку и не снимал её даже в самые жаркие дни, вместо этого расстёгивая рубашу — заодно показать, что у него уже растут волосы на груди.

На губах у него болталась сигарета, и теперь он выдохнул дым прямо мне в лицо. Я постарался не закашляться.

— Ну, тогда двинули, — отвечивал он. — Будет реально круто.

И мы с ним пошли впереди, а за нами потянулись двое ребят Люка, одного из которых все звали Зверь, а второго — Шип. Эти парни, как утверждал Брэдли, были его самой настоящей бандой, вместе с которой он однажды прославится и будет знаменитым на весь мир. Мой младший братик потащился следом за всеми: сперва с неохотой, но потом, зачарованный возможностью быть посвящённым в тайну из разряда самых глубоких, запретных, наиболее взрослых и страшных, даже увлёкся.

Люк обладал немалой способностью обставать всё, что вытворял, по-настоящему зрелищно. Он вёл нас через кусты, пролезал по естественным туннелям под лозами и мёртвыми деревьями, где мы, когда были младше, устраивали свои тайные убежища — как, я полагаю, делают все дети. Люк и его компания стали уже великоваты для подобного рода забав и просто ломились через подрост, подобно медведям. Я был достаточно мелким и тощим, Альберт — ещё маленьким по своему возрасту. Поэтому мы не отставали от старших.

Играя на публику, Люк картинно приподнял покров из лоз, и мы вышли к наполовину заброшенному Рандорскому полю для гольфа. Было раннее субботнее утро, скверно ухоженная трава всё ещё дышала туманом. Вдали я увидел только одного игрока. В остальном мир целиком принадлежал нам.

Мы перебежали поле и железную дорогу на Ланкастер, затем устремились вверх по склону холма и снова углубились в лес на другой его стороне.

Я лишь на минуту задумался: «Подождите-ка, мы собираемся поглядеть на труп, на парня вроде нас, только мёртвого...» Но, как уже было сказано, для Люка Брэдли и любого, кто увязался за ним, все правила временно отменялись. Так что мне определённо не хотелось спрашивать, отчего умер тот парень, тем более что вскоре я и сам должен был всё увидеть.

И снова мы шли по лесу, скрытыми извилистыми дорожками пробираясь к старому форту — собственности многих поколений мальчишек до нас. В то время он, конечно, находился в полной власти банды Люка Брэдли.

Не знаю, кто соорудил этот форт и для чего. Представлял он собой квадратное строение с наполовину земляными, наполовину сложенными из камня стенами и дощатой крышей. Всё это настолько густо поросло лозами, что

издалека было похоже на старый отвал земли или просто небольшой холм. Это составляло часть тайны: нужно было знать, что форт находится там, чтобы найти его.

И только Люк мог дать разрешение войти внутрь.

Он приподнял ещё одно покрывало из лоз и, с поклоном взмахнув рукой, произнёс.

— Добро пожаловать в моё поместье, козлы.

Шип и Зверь загоготали, а мы с Альбертом опустили на четвереньки и проползли внутрь.

И сразу же я едва не подавился ужасным зловонием, похожим на запах гниющего мусора, только гораздо хуже. Альберт закашлялся. Я подумал, что меня вот-вот вырвет. Но, прежде чем мне удалось что-то сказать или сделать, Люк и двое его подпевал залезли следом за нами, и всем нам пришлось сгрудиться вокруг ямы в земляном полу — раньше её здесь не было. Теперь там зияла почти квадратная дыра футов четырёх в глубину, и на дне её стояла картонная коробка. Она, похоже, и была источником невообразимого зловония.

Люк достал карманный фонарик, затем дотянулся и открыл коробку.

— Это мёртвый мальчик. Я его в лесу нашёл, в этой коробке. Теперь он мой.

Я не мог удержаться от того, чтобы посмотреть. И правда, внутри лежал мёртвый ребёнок — истощённое бледное существо, нагое, если не считать того, что, вероятно, было остатками нечистых подштанников. Ребёнок лежал на боку, скорчившись в позе эмбриона и сжав под подбородком руки, похожие на клешни.

— Мёртвый мальчик, — повторил Люк. — Реально круто.

В это мгновение Альберта взаправду начало тошнить.

Он закричал и закопошился, стараясь выбраться наружу, но Зверь и Шип поймали его за рубашку, словно котёнка за шкурку, и передали обратно Люку. Тот принялся тыкать головой Альберта вниз, в яму, приговаривая:

— Смотри, смотри, ты, долбаная девчонка, ты, пидор. Видишь, это реально круто!

Альберт уже не пытался бежать, только всхлипывал и давился соплями, когда Люк его отпустил. И я тоже остался на месте, даже когда Люк взял в руки ветку и начал тыкать ею в мёртвого ребёнка.

— Вот теперь будет самое интересное, — заявил он.

Да, я остался на месте. Я не мог не смотреть дальше — хотя бы для того, чтобы убедиться, что не сошёл с ума из-за увиденного.

Люк ткнул мёртвого мальчика, и тот пошевелился — сначала конвульсивно, затем слабо ухватился за ветку в руках Люка и,¹¹⁸ наконец,¹¹⁹ принялся ползать внутри коробки, подобно сонному, неуклюжему зверьку, цепляясь за картон кончиками иссохших пальцев.

— Что он такое? — не мог не проговорить я.

118 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

119 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Зомби, — ответил Люк.

— А зомби не должен быть чёрным?

— Ты имеешь в виду — ниггером? — Это было ещё одно из любимых словечек Люка в тот год. Впрочем, так он называл всех подряд, вне зависимости от цвета кожи.

— Ну, сам понимаешь. Вуду... Гаити и всё такое.

Пока мы говорили, мёртвый мальчик приподнялся и едва не вылез из коробки. Люк толкнул его в лоб своей палкой и опрокинул назад.

— Думаю, если мы оставим его погнить ещё какое-то время, он станет достаточно чёрным, чтобы даже тебе понравилось.

Мёртвый мальчик теперь неотрывно глядел на нас, издавая блеющий звук. Самое ужасное заключалось в том, что у него не было глаз — только огромные впадины, заполненные грязной слизью.

Альберт к тому времени мог уже только хныкать и звать маму, а Люк и его приятели, ещё немного потыкав и погоняв мёртвого мальчика палкой, вскоре утомились этой забавой. Люк обернулся ко мне и сказал:

— Теперь можете идти. Но сам знаешь, если ты или твой ссыкун-братец расскажете кому-нибудь об этом, я вас убью обоих и принесу сюда, чтобы мёртвый мальчик мог поесть.

Я не очень хорошо помню, что мы с Альбертом делали в продолжение того дня. Мы бежали сквозь лес — это точно, падали, окунались лицами в ручей... Потом бродили вдоль старой железнодорожной насыпи, переворачивая устилавшие её плиты в поисках притаившихся там змей, и всё это время Альберт не переставая говорил о мёртвом мальчике и о том, что мы не можем просто так это оставить. Я позволил ему выговориться, затем мы отправились домой ужинать и сидели тихо-тихо, пока мама и отчим Стив пытались выяснить, чем мы занимались весь день.

— Просто играли, — отвечал я. — В лесу.

— Им полезно гулять и играть на природе, — сказал Стив маме. — В наше время слишком много детей проводят всё время перед телевизором и впитывают оттуда всякие нездоровые вещи. Я так рад, что уж наши-то дети нормальные.

Но Альберту, как оказалось, ещё долгие недели предстояло кричать во сне и мочиться в постель. В результате все события, что происходили тем летом, были как никогда далеки от нормальных. Проблемы брата с головой оказались слишком очевидны, так что именно ему из нас двоих предстояло в конце концов пережить визиты к специалисту. Но что бы Альберт ни наговорил в ходе терапевтических сеансов, ему не поверили. Никакая полиция не перевернула лес около Воровского ручья вверх дном, Люк Брэдли и его неандертальцы не были арестованы; про меня же все более или менее забыли.

Вышло так, что у меня оказалось гораздо больше свободного времени, чем было прежде. Я использовал это время для того, чтобы размышлять над своей собственной жизнью: например, над тем, как ненавистны мне школа и отчим Стив, невыносимый ханжа и педант. Со всей мудростью двенадцати лет

и нескольких месяцев я принял решение, что если хочу выжить в этом грубом, жёстком, злом мире, то и сам должен стать грубым, плохим и, скорее всего, злым.

И я решил, что Люк Брэдли сможет ответить на все мои вопросы.

Теперь уже я сам искал встречи с ним, и найти её было не сложно. Люк обладал удивительной способностью оказываться в нужном месте именно в то мгновение, когда ты собирался продать ему душу. Короче, прямо как у дьявола.

Мы встретились в городе, перед витриной «Города игрушек» Уэйна, где я обычно покупал сборные модели. Мне нравилось строить эти модели¹²⁰ и ещё собирать научные головоломки, но в этом я никогда бы не признался Люку Брэдли.

Так что мне оставалось лишь застыть на месте, увидев его там.

— Вот так вот, — произнёс Люк. — Не маленького ли трусливого козла я вижу?

Ондохнул дымом своей неизменной сигареты.

— Привет, Люк, — отозвался я.

Затем кивнул его свите, состоявшей из Шипа, Зверя и почти лысого, бледного, похожего сложением на гориллу парня, который носил неожиданную для него кликуху Весельчак. Здороваясь, я успел сунуть в рюкзак свою последнюю покупку из магазина игрушек, надеясь, что никто не обратит на неё внимания.

Весельчак сграбастал меня за загривок и спросил:

— Чего мне с ним сотворить?

Прежде чем Люк успел ответить, я обратился к нему:

— Эй, а мёртвый мальчик всё ещё у тебя в форту?

Вся компания помедлила. Этого они не ожидали.

— Ну, просто он такой клёвый, — продолжал я. — Хочу ещё раз на него поглядеть.

— Хорошо, — отозвался Люк.

Поскольку никак иначе добраться до форта было невозможно, мы отправились пешком и почти час шли до леса возле Воровского ручья. На этот раз Люк не стал размениваться на церемонии. Мы просто залезли внутрь форта и сгрудились вокруг ямы.

Запах там, если это только возможно, был ещё хуже.

И мёртвый мальчик — на этот раз уже сам по себе — двигался внутри коробки. Когда Люк отогнул картонную крышку, зомби поднялся и уставился на нас ужасающими, заполненными гноем глазными впадинами. Он снова издавал этот блеющий, жалобный звук и хватался пальцами за край коробки.

— По-настоящему клёво, — выдавил я из себя и тяжело сглотнул слюну.

— Он у меня умеет выделять трюки, — сказал Люк. — Гляди.

120 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

И мне ничего не оставалось, как **смотреть**. Люк продел палец сквозь кожу на подбородке мёртвого ребёнка и вытянул его из ямы, как попавшуюся на крючок рыбу. Мёртвый мальчик вскарабкался на край коробки, затем, уставясь в никуда, припал к краю земляного пола.

Люк медленно провёл рукой перед лицом мёртвого мальчика. Щёлкнул пальцами. Ребёнок никак не отреагировал. Тогда Люк ударил его по щеке. Мёртвый мальчик тихонько захныкал и вновь издал тот же блеющий звук.

— Всё, выходим, — скомандовал Люк.

Все мы выползли наружу, а затем Люк потянулся назад какой-то палкой, ткнул ею мёртвого мальчика, и тот выбрался следом за нами. Он цеплялся за палку, пытался грызть дерево, но движения были неловкими, и по большей части зомби просто щёлкал зубами в воздухе и обдирал о палку лицо.

Теперь он был передо мной как на ладони. И он действительно гнил — так, что кости торчали из коленей и локтей, на голове остались лишь жалкие островки тёмных волос, все рёбра до единого выдавались на голой спине зловещим рельефом, а между ними в коже зияли настоящие дыры.

— Глянь сюда! — произнёс Люк. — Смотри, как он танцует!

Он принялся вертеть палкой — ещё и ещё раз по кругу, — и мёртвый мальчик, цеплявшийся за неё, спотыкаясь, кружился вместе с ней.

Подавал голос Весельчак:

— Прикиньте, если у него голова закружится, его, думаете, вырвет?

Люк выдернул палку из рук мёртвого мальчика и с отчётливым шмякающим звуком ударил его по спине. Ребёнок упал на четвереньки и так застыл, свесив голову.

— Не может его вырвать. У него внутренностей не осталось!

На это все они рассмеялись. Мне было не очень понятно, что тут смешного.

Но, несмотря на своё отвращение, я старался,¹²¹ как мог,¹²² уловить, понять, что же во всём этом есть **привлекательного**. Хотелось мне этого или нет, но я всё ещё был более или менее нормальным ребёнком, у которого в школьном ранце лежала несобранная пластиковая модель триплана марки «Фоккер»... И всё же я хотел встать наравне с Люком Брэдли, несмотря на то,¹²³ что боялся его сильнее, чем когда-либо. Я решил для себя, что и необходимо бояться того, что ты делаешь, и тех, с кем водишься, для того чтобы быть по-настоящему плохим парнем. Нужно поступать так, как поступает Люк. В этом и состояла вся суть моего бунта.

Так что я расстегнул ширинку и помочился на мёртвого мальчика. Он лишь снова заблеял. Остальные парни нервно захихикали, но Люк довольно ухмыльнулся:

— Круто, Дэви, **очень** круто, мой мальчик. **Реально** круто.

С этого момента Люк взял себе роль умудрённого старшего брата. Он положил мне руку на плечи, отвёл в сторону от остальных и проговорил:

121 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

122 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

123 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Ты мне нравишься. Кажется, у тебя есть в котелке что-то такое особенное.

Он постучал мне костяшками по голове, и больно, но я не поморщился и не отодвинулся.

Затем он отвёл меня обратно к остальным и произнёс:

— Думаю, надо взять Дэвида, вот этого парня, в нашу банду.

После чего мы все расселись на полянке, окружив мёртвого мальчика, будто и он тоже был членом нашей компании. Люк вытащил из форта старый портфель, а из него — чрезвычайно помятые журналы с обнажёнными моделями, и мы принялись передавать их по кругу, разглядывая картинки. Наш предводитель даже не забыл с большой показухой продемонстрировать один из разворотов мёртвому мальчику, чтобы он тоже насладился зрелищем. И это было **весьма забавно**.

Люк курил и передал по сигарете остальным. Я никогда не пробовал курить, так что мне стало плохо, но Люк научил меня, как задерживать дым в лёгких, а затем медленно выдыхать.

Я был ошеломлён, шокирован, когда на виду у всех он расстегнул ширинку и принялся **мастурбировать**. Остальные парни поступили так же, не забывая целиться в мёртвого мальчика.

Люк глянул на меня.

— Ну же, присоединяйся к остальным джентльменам.

«Джентльмены» заржали как ослы.

Я не мог даже пошевелиться. По-настоящему желая стать таким, как они, я понял, что не смогу. Всё, на что я мог теперь надеяться, — это сделать хорошую мину при плохой игре. Тогда, возможно, они бы не решили, что я девчонка, и, лишь немного потузив, отпустили восвояси.

Но у Люка были другие планы. Он снова положил руку мне на плечи. Этот жест казался почти дружелюбным, но если бы Люк вздумал сжать руку покрепче, он преспокойно сломал бы мне шею. И я ничего не смог бы поделать.

— Ну же, Дэвид, — произнёс Люк. — Мне наплевать, есть ли у тебя вообще мужское достоинство, у тебя или вот у него, — он ткнул большим пальцем в мёртвого мальчика, — но если ты хочешь присоединиться к нашей банде, если хочешь быть клёвым, то должен соответствовать определённым стандартам.

Он раскрыл лезвие выкидного ножа прямо у меня перед лицом. Я подумал, что он мне нос отрежет; но Люк внезапным движением отхватил эту часть тела мёртвому мальчику. Отрезанный нос ребёнка подлетел в воздух. Весельчак поймал его и тут же отбросил в рефлекторном отвращении.

Мёртвый мальчик захныкал. Лицо его представляло собой чёрную, сочащуюся слизью массу.

Затем Люк взял мою правую руку и резанул прямо по ней. Я вскрикнул и попытался зажать рану другой рукой.

— Нет, — произнёс Люк. — Позволь ему слизать кровь. Ему нужно немного, время от времени, чтобы оставаться таким, как сейчас.

Тогда я закричал и заплакал, и хныкал ровно так, как Альберт в тот первый раз, но Люк держал меня крепко. Настала моя очередь дёргаться, подобно пойманной на крючок рыбе, в то время как он протягивал мою разрезанную руку мёртвому мальчику.

У меня не было сил смотреть, но что-то мягкое и влажное коснулось руки. Мне только и оставалось, что думать про себя о том, какую, ради Господа Бога, **инфекцию** я могу подхватить таким образом!

— Ну хорошо, Дэвид, — сказал,¹²⁴ наконец,¹²⁵ Люк. — Ты нормально держишься, но есть ещё один тест. Ты должен провести всю ночь в форте с мёртвым ребёнком. Мы все это делали. Теперь **твой** черёд.

Они даже не стали ждать ответа — просто затолкали меня, смеясь, обратно внутрь форта. Затем Люк снова сцапал мёртвого мальчика под подбородок и спустил в его яму и коробку.

Остальные выбрались наружу. Прежде чем последовать за ними, Люк обернулся ко мне:

— Ты здесь должен пробыть до завтрашнего утра. Сам знаешь, **что** я с тобой сделаю, если окажешься девчонкой и засышь.

Так что я провёл остаток дня и вечер внутри форта, вместе с мёртвым мальчиком, который безостановочно скрёбся внутри своей коробки. В форт уже было совершенно темно. Я не мог сказать, сколько прошло времени. Вообще не мог связно думать. Мне было интересно, ищет ли меня кто-нибудь¹²⁶. Но я лежал очень тихо. Не хотел, чтобы меня нашли — и в особенности чтобы меня нашёл мёртвый мальчик. Мне было ясно, что он мог спокойно выбраться из своей коробки и ямы, если бы только захотел... А дальше — наверное, он разорвал бы мне горло и выпил кровь.

Рука болела ужасающе. Казалось, она распухла. Я был уверен, что она уже начала гнить. Воздух вокруг меня был густым и зловонным.

Но я оставался на месте, потому что боялся, и был слаб, и меня тошнило, но, что удивительно, ещё и потому, что отчего-то где-то в глубине до сих пор чувствовал желание показать, как я крут; стать таким же клёвым и сумасшедшим, как сам Люк Брэдли. Я знал, что слеплен не из того теста, но именно поэтому так хотел быть плохим. Чтобы никто больше никогда не побил меня. Чтобы, ненавидя отчима или своих учителей, я мог бы послать их катиться к чёрту, как это делал Люк.

Шли часы, а мёртвый ребёнок всё кружил и кружил внутри картонной коробки, с шуршанием касаясь её краёв. Он издавал всё тот же BLEЮЩИЙ, кашляющий звук, как будто пытался говорить, но не мог, ибо у него не осталось языка. Некоторое время мне казалось, что я почти готов понять заложенный в этих звуках смысл, уловить некую последовательность. Затем он заверещал, как сверчок. И продолжал так долгие часы. Возможно, я даже заснул на какое-то время, провалился в некое подобие сновидения, где медленно тонул в зловонной жиже и где были тысячи вьющихся надо мной пятнистых ос, и у каждой из них было маленькое лицо Люка Брэдли. И все они повторяли: «**Круто... очень**

124 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

125 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

126 В оригинале «кто-ни-будь» со вторым дефисом, по слогам. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

круто...», пока их голоса не слились воедино и не превратились в жужжание, ставшее затем ветром в ветвях деревьев, а затем — рёвом электропоезда Западно-Филадельфийской железной дороги, уносившегося к Филадельфии; мёртвый мальчик и я сам болтались снаружи вагона, безумно раскачиваясь. Моя рука ударилась о придорожный столб, оторвалась, и из плеча принялась хлестать чёрная жижа, а осы облепили меня всем роем, понемногу съедая живьём...

По меньшей мере один раз, я уверен, мёртвый мальчик всё-таки выбрался из своей коробки и прикоснулся ко мне, очень нежно провёл кончиками сухих, острых пальцев вниз по щеке. Он царапнул её и отступил, унося, чтобы выпить, немножко крови и слёз.

Но, что самое странное, я не боялся его тогда. Именно в тот миг мне удалось осознать, что у нас больше общего, чем различий. Мы оба боялись, оба страдали и вместе были затеряны во тьме.

Потом, каким-то чудом, наступило утро. Солнечный свет ослепил меня, когда Люк откинул покрывало из лоз со входа.

— Эгей. Ты был по-настоящему храбрым. Произвёл на меня впечатление, Дэйви.

Я позволил ему вывести меня из форта, находя утешение в его приятельской манере, его игре в старшего брата.

Потрясение моё было слишком велико, чтобы я мог что-либо сказать.

— Ты прошёл испытание. Ты —¹²⁷ один из нас, — произнёс Люк. — Добро пожаловать в банду. Теперь осталась ещё одна вещь, которую надо сделать. Не испытание. Ты уже прошёл их все. Это просто кое-что, чем мы отметим наш праздник.

Его громилы снова собрались все вместе на поляне перед фортом.

У одного из них была с собой канистра с бензином.

Я стоял там, покачиваясь, едва не теряя сознание, неспособный сообразить, зачем бы им понадобился бензин.

Люк вытащил мёртвого мальчика наружу.

Весельчак выплеснул горячее прямо на мёртвого мальчика, который лишь слегка заблеял и замахал руками в воздухе.

Люк протянул мне зажигалку. Пощёлкал ею, пока не появился огонь.

— Ну, вперёд, — произнёс он. — Это будет клёво.

Нет, я не мог. Слишком испуган был, слишком больным себя ощущал. Вместо того чтобы сделать, как сказано, я упал на колени, затем на четвереньки, и меня начало рвать.

Так что Люк сам поджёл мёртвого мальчика, в то время как остальные завывали и хлопали в ладоши. Мёртвый ребёнок поднялся, подобно факелу, и принялся, спотыкаясь и кружа, метаться по поляне. Он оставлял за собой след чёрного, жирного дыма, а затем упал и сжался, превратился в горку почерневших, обугленных палочек.

127 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Люк подтащил меня к тому месту, где упал мёртвый мальчик, и заставил коснуться того, что от него осталось, моей распухшей со вчерашнего рукой.

И тогда мёртвый мальчик пошевелился. Снова издал тот же блеющий звук. Захныкал.

— Видишь? Его не убить, потому что он уже и так мёртвый.

И все они рассмеялись; меня же лишь снова вырвало. Наконец Люк поднял меня за плечи, развернул и подтолкнул, спотыкавшегося, в лес.

— Возвращайся, когда закончишь блевать, — напутствовал он.

Каким-то образом я добрался домой. Когда я появился на пороге, мама уставилась на меня в совершенном ужасе, спросив лишь:

— Господи, что это за ужасный запах?

Отчим же Стив встряхнул меня и потребовал, чтобы я сказал ему, где был и чем занимался. Знаю ли я, что меня ищет полиция? Волнует ли это меня вообще? (Нет, и ещё раз нет.) Он отвёл меня в ванную, промыл и перевязал руку, а затем взял так, чтобы я не мог отвернуться, и произнёс:

— Ты принимаешь наркотики?

Это было настолько глупо, что я начал смеяться, и тогда он дал мне пощёчину. До этого отчим редко доходил, но в тот раз, полагаю, он был твёрдо намерен выбить из меня правду. И мамочка, моя дорогая мамочка пальцем не пошевелила, чтобы остановить его, пока он лупил меня сначала рукой, а затем и ремнём, и мне оставалось лишь заходиться диким визгом.

Всё, чего они от меня добились, — это признание того, что я был с Люком Брэдли и его друзьями.

— Я не желаю, чтобы ты впредь водился с этими парнями. Они плохо на тебя влияют.

Он, конечно, не представлял и на одну десятую, насколько плохо, так что я вновь принялся смеяться, как будто и вправду был пьян или обкурился. Стив готов был уже снова меня ударить, когда мама всё-таки заставила его остановиться.

Она приказала мне принять ванну, переодеться и отправляться в мою комнату. Мне не позволялось выходить, кроме как к еде и в уборную.

По мне, так это было именно то, что нужно. Я и не хотел выходить. Всё, чего я желал, — это похоронить себя там, стать тихим и мёртвым, подобным несчастному мальчику в его коробке.

Но когда мне удалось заснуть, я кричал и проснулся от этого крика в полной темноте, потому что снова наступила ночь.

Мама заглянула мельком в комнату, но ничего не сказала. Лицо её выражало скорее отвращение, чем заботу. Как будто она с трудом удерживалась, чтобы не заявить: «Ну и поделом ему, но, боже ж мой, ещё один сумасшедший ребёнок на мою голову, которого надо вести к психотерапевту, а это так дорого, ну так дорого, и лучше бы я потратила деньги на соболью шубу, или машину, или ещё что-нибудь...»

Зато младшенький брат, Альберт, пробрался ко мне в кровать и прошептал:

— Это ведь мёртвый мальчик, правда?

— Чего?

— Мёртвый мальчик. Он говорит со мной во сне. Всё о себе рассказал. Он потерялся. Его отец колдун, и он до сих пор ищет своего сына. Была война между колдунами или что-то вроде этого, и именно тогда он потерялся.

— Чего, ещё раз? Это ты в комиксах вычитал?

— Да нет же! Мёртвый мальчик. Ты знаешь, что мы должны сделать. Мы должны пойти туда и спасти его.

Отдаю должное своему брату: именно он таким вот образом преподнёс мне шанс на моральное искупление. Он словно бы протянул мне потерянное душевное здоровье на серебряном блюде и сказал: «Ну же, не будь девчонкой, бери».

Потому что он был прав. Мы должны были спасти мёртвого мальчика.

И пускай мёртвый ребёнок говорил не со мной, а с Альбертом в его снах, я всё-таки понял, чего он ждёт от меня.

И в ту же ночь, очень поздно, Альберт и я оделись и выскользнули из окна нашей комнаты на газон возле дома. Младший братик совсем не боялся, ни капельки. Он вёл меня нашей ритуальной тропой, под нависающими арками кустов, сквозь туннели из лоз, ко всем нашим потайным местам, как будто мы должны были оказаться там, чтобы обрести некую особенную силу, которая позволила бы справиться со стоящей перед нами задачей.

Под кустами в темноте мы остановились, чтобы нацарапать в пыли наши тайные знаки. И затем поспешили через поле для гольфа, через шоссе, в лес Воровского ручья.

К форту мы пришли при свете полной луны, что пятнами сеялся на траву сквозь колебавшиеся ветви. Ночь была ветреная. Лес полнился скрипом и потрескиванием деревьев, голосами перекликавшихся животных и хрипылыми криками ночных птиц. Где-то очень близко ухала сова.

Альберт опустился на четвереньки перед дверью форта, просунул голову внутрь и позвал:

— Эй, мёртвый мальчик! Ты здесь?

Он отодвинулся и подождал. Слышался шуршащий звук, но мёртвый ребёнок не появлялся. Тогда мы оба заползли внутрь и увидели,¹²⁸ почему. От него уже не так много осталось. Теперь он был просто сооружением из чёрных палочек, а голова напоминала обгоревшую тыкву, ненадёжно водружённую сверху. Всё, что он мог, — это неуверенно сидеть, глядя поверх края коробки.

Нам пришлось самим вытаскивать из ямы мёртвого ребёнка вместе с его картонным прибежищем.

— Пошли, — обратился к нему Альберт. — Мы хотим тебе кое-что показать.

---

128 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Вместе мы понесли мёртвого мальчика назад — через поле для гольфа, под кустами, в наши потайные места. Показали ему наши секретные знаки. Затем мы взяли его с собой в город, пронесли мимо торговых рядов и «Города игрушек» Уэйна, где я покупал сборные модели и где всегда были выставлены в витринах красивые миниатюры, поля сражений и монстры. Мы показали ему, где находится магазин «Всё для домашних любимцев» и мороженица и где можно купить книжки комиксов.

Потом Альберт присел на карусели, осторожно придерживая коробку с мёртвым мальчиком возле себя. Я медленно закружил их. Скрипнул металл.

Мы постояли немного напротив здания нашей школы. Альберт с мёртвым мальчиком держались за руки, и это казалось естественным, как ничто другое.

Затем мы отправились прочь — пустынными улицами, под ярким светом луны. Никто не произносил ни звука: ведь всё, что мог сказать или услышать мёртвый мальчик, не могло быть облечённым в слова. Я до сих пор не мог слышать его. Альберт слышал.

В конце концов мёртвый мальчик вылез из коробки. Каким-то образом он набрался сил, достаточных, чтобы идти самому. Непонятно как, но он начал исцеляться. В конце концов я понял, что уже не мы ему, а он нам хочет что-то показать.

Он повёл нас через то же самое поле для гольфа, но теперь прочь от леса Воровского ручья. Мы пересекли футбольное поле средней школы Рэднора, затем — большую улицу. Потом свернули и прошли задворками зданий лабораторий Вайет к высокому мосту, переброшенному через железнодорожную ветку. Я боялся, что мёртвый мальчик поскользнётся на металлических ступеньках и упадёт, но он продвигался вперёд даже увереннее, чем мы (Альберт и я —¹²⁹ оба немного боялись высоты).

Он повёл нас через ещё одно поле и снова в лес; затем — через открытое пространство, где холодный ручей уходил под насыпь Пенсильванской железной дороги. Мы брели по щиколотку в ледяной воде и добрались,¹³⁰ наконец,¹³¹ до старого поместья Грантов — обширных руин викторианского дома. Как знал любой парень, там обитали привидения. Родители запрещали нам приближаться к поместью: там было опасно, и много историй ходило о ребятах, что погибли под завалами или провалились сквозь этажи... Но теперь это были совсем не руины: ни разбитых стёкол, ни дыр в потолке. Ярко освещённые оконные проёмы сверкали в ночи.

Из высокого окна в башне на нас смотрел, не сводя глаз, мужчина в чёрном.

Мёртвый мальчик бросил на него ответный взгляд и побежал.

129 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

130 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

131 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Я поспешил за ним; Альберт оказался разумнее или, может быть, заробел... Так или иначе, он приотстал. Мне же удалось схватить мёртвого мальчика за руку и ненадолго задержать. На мгновение мною овладело чувство собственника, словно у меня, подобно Люку Брэдли (как он считал), были на ребёнка свои права.

— Эгей, мёртвый мальчик, — спросил я, — куда это ты?

Он обернулся, и благодаря какому-то фокусу лунного света мне показалось, что у него снова есть лицо — бледное, округлое, с тёмными глазами. И он ответил мне блеющим, хриплым голосом, но теперь звуки сложились в разборчивые слова:

— Меня зовут Джонатан.

Это было единственное, что я от него когда-либо услышал. Ведь он ни разу не говорил со мной в снах.

Он дошёл до подъезда дома. Отворилась дверь. Свет, пролившийся изнутри, казалось, поглотил его. Мальчик обернулся на краткое мгновение и поглядел на нас. Как помнится мне, он уже не был тем мешком с костями, который мы привыкли видеть.

Затем он исчез, и все огни, мигнув, погасли. Наступил рассвет. Мы с братом стояли перед руинами поместья в утреннем полумраке. Не умолкая, почти до хрипоты, пели птицы.

— Поскорее бы добраться домой, — произнёс Альберт. — А то будут неприятности.

— Ага, — отозвался я.

В ту осень я пошёл в среднюю школу. Поскольку у меня не очень-то получилось стать плохим парнем, мои оценки были довольно высоки, и я не попал ни в один из классов, которые посещал Люк Брэдли. Но он всё равно нашёл меня в раздевалке после уроков, когда уже прошло несколько недель занятий. «Я знаю, что это ты сделал», — только и сказал он, а затем избил меня так жестоко, что сломал несколько рёбер и руку, расквасил половину лица и сделал трещину в правой глазнице. Он засунул меня в ящик для одежды и оставил там умирать, так что я провёл целую ночь в темноте и жестокой боли, среди ужасных запахов. Я всю ночь звал на помощь мёртвого мальчика, чтобы он пришёл и спас меня, как я спас его самого. Из горла вырывались блеющие, верещащие звуки...

Но он не пришёл. На следующее утро меня нашёл уборщик. Запах же был просто оттого, что я наложил в штаны.

Несколько недель я провёл в больнице, а потом отчим Стив и мама решили переехать в другой штат. И меня, и Альберта они отправили в подготовительную школу колледжа.

Лишь закончив его, я снова приехал в город Рэднор, штат Пенсильвания, где вырос. Тут всё поменялось. На месте поля для гольфа находилась штаб-квартира компании «Сирс». Большая часть леса Воровского ручья была сведена, чтобы освободить место под универмаг «Альтман»; и поместье Грантов исчезло, а взамен появился офисный центр.

Я не стал отправляться в остатки лесов, чтобы проверить, уцелел ли старый форт. Полагаю, он всё ещё там. И теперь им владеют совершенно другие ребята.

Позже кто-то рассказал мне, что Люка Брэдли (который действительно оказался на три года старше меня) выгнали из средней школы. Вскоре после этого он совершил со своими тремя мордоворотами несколько ограблений, и вся банда была убита в перестрелке с полицией.

Сам того не зная, Люк Брэдли ещё раз сказал мне: «**Это было круто, мой мальчик. По-настоящему круто**». Да, я мог бы быть с ним и с его бандой до самого их жестокого и бессмысленного конца, если бы Альберт и мёртвый мальчик, имя которого было Джонатан, вместе не спасли меня.

2002 © Darrell Schweitzer

Джеффри Форд «Зомби дóктора Мальтузиана»

Джеффри Форд — автор нескольких романов, в числе которых «Физиогномика» (*The Physiognomy*), «Портрет миссис Шарбук» (*The Portrait of Mrs. Charbuque*), «Девушка в стекле» (*The Girl in the Glass*) и «Год тэни» (*The Shadow Year*). Форд четырежды получал Всемирную премию фэнтези, а также стал лауреатом премий «Небьюла» и «Эдгар». Он автор множества коротких произведений, которые печатались в журналах «F&¹³²SF», «SCI FICTION», а также в многочисленных антологиях. Вышли в свет два сборника его рассказов и повестей — «Ассистент писателя-фантаста и другие истории» (*The Fantasy Writer's Assistant and Other Stories*) и «Империя мороженого» (*The Empire of Ice Cream*), готовится к печати третий — «Нарисованная жизнь» (*The Drowned Life*).

Идея этого рассказа пришла Форду в голову, когда он читал монографию Джулиана Джейнса «Сознание как следствие развития двуполушарного мозга». «В этой книге утверждается, что глас Божий, который слышали представители древних культур, на самом деле результат общения полушарий между собой посредством мозолистого тэла, через зону Вернике», — говорит Форд.

Кроме того, во время написания «Зомби дóктора Мальтузиана» Форд, как и сейчас, изучал творчество Эдгара По. Автор утверждает, что рассказ построен по образцу произведений По: «Берём некую спекулятивную научную гипотезу, неподтверждённую теорию, идею, о которой знают лишь немногие, и на её основе создаём жутковатый, вычурный сюжет».

1

Не знаю, к какому народу принадлежал Мальтузиан, но говорил он со странным акцентом, напевно бормоча и запинаясь, так что лишь несколько месяцев спустя стало понятно, что изъясняется он по-английски. У него было больше морщин, чем у старой колдуньи, и пышная шевелюра гуще и белоснежнее, чем шерсть самоедской лайки. Так и вижу, как он стоит на тротуаре у моего дóма, сгорбившись и опираясь на трость с рукоятью в виде женской головки с завязанными глазами. Костюм был ему велик на полтора размера — как и глаза, смотревшие из-за очков такой толщины, что весь мир, должно быть, казался старику исполинским. Однако я бросил сгребать листья и не ограничился простым добрососедским кивком — из-за двух мелочей: галстука-шнурка и лукавой усмешки, какую я до сих пор видел только у моей шестилетней дочурки, когда она принималась рисовать очередное чудовище.

— Мальтузиан, — представился старик с тротуара.

Я поприветствовал его и тоже назвался.

Он что-то пробормотал, я подошёл поближе и извинился, что не расслышал. Тогда он повернулся и показал в сторону дóма на углу. Я знал, что дом недавно продали, и решил, будто это его новый хозяин.

— Будем соседями, — сказал я.

Он протянул мне руку. Рукопожатие у него было очень сильное, и отпускать меня он не спешил. Но как только понял, что мне неприятно, усмешка превратилась в широкую улыбку, и он разжал пальцы. И медленно двинулся прочь.

— Рад был познакомиться, — произнёс я ему в спину.

Старик обернулся, помахал мне и произнёс что-то похожее на стихотворный пассаж. Что-то о плодах и листьях и в рифму. Только когда он скрылся в лесу за границей квартала, я понял, что это была цитата из Поупа:

*Словá как листьѧ; где обильѧ слов,
Там зрѧлых мыслей не найдѧшь плодов.*¹³³

Я профессор литературоведения, и такая эрудиция удивила меня, вот почему я и решил присмотреться к Мальтузиану внимательнее.

В тот год я был в творческом отпуске — предполагалось, что я пишу книгу о структуре рассказов По: по моей мысли, их сюжеты строились не на энергичной кривой от завязки через кульминацию к финалу, а держались исключительно на развязке. Эти сюжеты были похожи на дом Ашеров: читатель приходит к финалу, как в страшном сне, не располагая никакими логическими подсказками, и узнаёт истину в тот самый миг, как всё кругом начинает рушиться. На деле же я предавался блаженному ничегонеделанию, проще говоря, сачковал — под весьма интеллигентным предлогом. Я целовал жену, когда она уходила на работу, провожал дочку в школу, а затем возвращался

133 Из поэмы «Опыт о критике». Пер. А. Субботина. (прим. переводчика)

домой и смотрел по телевизору записи передач, которые мы с братом обожали в детстве. Ежедневный моцион Мальтузиана был прекрасной возможностью убить время, и стоило мне заметить, как старик проходит мимо дома, как я выходил и завязывал с ним разговор.

Поначалу мы сближались медленно, так как мне не удавалось привыкнуть к его странной манере речи. Ко Дню благодарения я уже мог полноценно с ним разговаривать, и мы стали вести длинные беседы о литературе. Как ни странно, его интересы были куда современнее моих. Он оказался поклонником Томаса Пинчона¹³⁴ и западноафриканского писателя Амоса Тутуолы¹³⁵. Я пришёл к мысли, что слишком много времени посвящал канонам колониального стиля, и углубился в некоторые романы, которые упоминал мой новый друг. Как-то раз я спросил его, чем он занимался до пенсии. Старик усмехнулся и произнёс что-то вроде «трахал мозги». Я был уверен, что плохо его расслышал. Неловко засмеялся и переспросил:

— Что, простите?

— Мозги трахал, — повторил он. — Был психологом.

— Интересное описание профессии, — заметил я.

Старик пожал плечами, улыбка его растаяла. Он перевёл разговор на политику.

Всю зиму, невзирая на погоду, Мальтузиан совершал свой моцион. Вспоминаю, как он однажды днём продирался сквозь метель — в чёрном пальто и чёрной тирольской шляпе, согбенный скорее под тяжестью какого-то невидимого бремени, нежели из-за слабости сложения. Мне пришло в голову, что я никогда не видел, как он возвращается. Тропинки в лесу вились на целые мили, и я не задумывался о том, что одна из них могла вывести старика прямо к дому в обход квартала.

134 Thomas Pynchon (Томас Пинчон, родился в 1937 г.) — американский писатель-постмодернист. Приобрёл известность благодаря своим четырём романам модернистской ориентации, усложнённых по литературной технике (в них он трагикомически изобразил попытку разгадать «вселенский заговор» таинственных сил, воспринятую на фоне всеобщей «энтропии» как смысла жизни): «V» (1963) — William Faulkner Foundation Award (премия Фонда Уильяма Фолкнера), «The Crying of Lot 49» (1966, «Продаётся участок 49», в дословном переводе «Плач Лота 49») — премия National Institute of Arts and Letters (Национального института искусств и литературы), «Gravity's Rainbow» (1973, «Радуга земного притяжения») — сравнивалась критиками с «Моби Диком» и «Улиссом», получила National Book Award (Национальную книжную премию) и «Vineland» (1990, «Земля виноградной лозы») — сатирическое изображение движения протеста 1960-х. О самом писателе известно мало, т. к. он отказывается давать интервью и встречаться с журналистами. Его романы свидетельствуют о богатой исторической и культурной эрудиции писателя, весьма сложны для литературоведческого анализа. Основная тема его произведений — дегуманизирующие последствия т. н. современного «порядка» и «стабильности», проявляющиеся в развитии бюрократизма, систем формализованных знаний и манипуляции историческими фактами. В оригинальном тексте издания присутствует сноска (см. 135) примечания переводчика с ошибками. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

135 Томас Питон (р. 1937) — известный американский писатель-пост-модернист. Амос Тутуола (1920-1997) — нигерийский писатель, чьи произведения основаны на народных сказках. (прим. переводчика) — к сожалению, с ошибками (см. 134), потому ещё дополнительная информация. Tutuola, Amos (Амос Тутуола, родился в июне 1920 г., Абеокута) — нигерийский писатель, пишет на английском языке. Автор книг «Пьяница» (1952), «Моя жизнь в лесу духов» (1954), «Симби и сатир мрачных джунглей» (1955, рус. пер. «Приключения Симби», 1968), «Пернатая ведьма» (1962, рус. пер. 1968), «Аджайи и бедность, которую он получил в наследство» (1967), etc. В основе их старинные устные предания и фольклорные мотивы народа йоруба. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Я познакомил Мальтузиана с моей женой Сьюзен и дочерью Лидой. Он поцеловал им руки прямо на улице — по крайней мере,¹³⁶ попытался. Когда Лида испуганно отдёрнула руку, он хохотал так, что я испугался, как бы он не лопнул. Сьюзен сочла его очаровательным, но потом, уже вечером, спросила:

— Что за абракадабру он нёс?

На следующий день он принёс ей букетик фиалок, а Лиде, которая успела показать ему свой альбом для рисования, он передал рисунок, свёрнутый в трубочку и перевязанный зелёной лентой. После обеда Лида развернула подарок и просияла:

— Чудище!

Это был великолепно выполненный карандашный портрет человека средних лет, в общем-то нормального, если бы на лице его и в позе не было устрашающего выражения полной пустоты. Глаза, прикрытые тяжёлыми веками, остекленели, фигура обмякла, и рисунок был настолько реалистичен, что источал осязаемое ощущение вакуума. Внизу листа стояла каллиграфическая подпись: «Мальтузиан-зомби».

— Я ему говорила, что **люблю** чудищ, — сказала Лида.

— А разве **это** —¹³⁷ чудище? — спросила Сьюзен, несколько обескураженная жутковатым рисунком. — Скорее уж профессор в творческом отпуске.

— Он совсем ничего не думает, — сказала Лида и ткнула мизинцем зомби в голову.

Она упростила меня повесить рисунок с внутренней стороны двери в её комнате — тогда получалось, что, если она не хочет смотреть на портрет, он обращён к стене. Целый месяц после этого она увлечённо рисовала зомби. Одни были в канотье, другие — в старомодных галстуках-бабочках, но все они, какими бы круглыми и пустыми ни были их глаза, лукаво усмехались.

Ранней весной Мальтузиан пригласил меня вечером сыграть партию в шахматы. Вечерний воздух был ещё совсем холодным, но ветерок уже приносил аромат пробуждающейся зелени. Дом Мальтузиана, стоявший на угловом участке, был огромен — много больше всех остальных окрестных домов. Его окружали три акра леса, а дальняя граница участка примыкала к озеру, принадлежавшему соседнему городку.

Очевидно, Мальтузиан не любил работать в саду и по хозяйству — главная добродетель жителей этой части света. Зимой одно дерево сломалось и рухнуло,¹³⁸ да так и лежало, перегородив подъездную дорожку. Трёхэтажное здание с четырьмя высокими колоннами портика нуждалось в покраске, доски крыльца подточила сухая гниль, а многочисленные окна были грязны и кое-где побиты. То, что Мальтузиан не предпринимал никаких шагов, чтобы это исправить, вызвало у меня ещё больше симпатии к соседу.

Старик встретил меня у дверей и провёл в дом. Я представлял себе такую пыльную, полутёмную кунсткамеру, такую же старомодную, как её владелец, освещённую едва ли не свечами, и надеялся, что по выставленным в

136 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

137 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

138 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

ней экспонатам, как в детективе, расшифрую подлинную натуру Мальтузиана. Ничего подобного. Дом был прекрасно освещён и обставлен скромно, но с большим вкусом.

— Надеюсь, вы любите мерло, — сказал хозяин, ведя меня в кухню по коридору, обшитому дубовыми панелями.

— Да, — ответил я.

— Полезно для сердца, — заметил он и рассмеялся.

Стёны коридора были увешаны фотографиями Мальтузиана с разными людьми. Он шёл быстро, а я из вежливости не стал задерживаться, но, кажется, успел разглядеть один портрет хозяина в детстве и довольно много его снимков с различными военными чинами. Если не ошибаюсь, на одном из них мелькнуло лицо экс-президента.

Обширная кухня была застелена старым линолеумом в чёрно-белую клетку и ярко освещена флуоресцентными лампами. На столе посередине была разложена шахматная доска, большая бутылка тёмного вина, два изящных хрустальных бокала и плоская серебряная коробочка. Хозяин уселся по одну сторону и жестом указал мне на стул напротив. Он наполнил оба бокала, открыл коробочку, достал сигарету, зажгёт её, затянулся и затем сделал первый ход конём.

— В шахматах я слабоват, — промямлил я и тоже сделал ход конём.

Мальтузиан махнул рукой, сбросил пепел на пол и ответил:

— Пусть это не мешает нам насладиться игрой.

Некоторое время мы играли молча, а затем я задал вопрос, который интересовал меня с тех самых пор, как я узнал о профессии хозяина дома.

— К какой же психологической школе вы принадлежали? К юнгианцам? Или к фрейдистам?

— Ни к тем ни к другим, — был ответ. — Это всё детские забавы. Я глушил крыс током. И заставлял собак пускать слюни.

— Так вы бихевиорист? — догадался я.

— Извините, если я вас разочаровал, — засмеялся Мальтузиан.

— Я пользуюсь теми же методами, когда учу добропорядочных пуритан, — сказал я, отчего хозяин засмеялся ещё громче. Он ослабил свой вечный галстук-шнурок и поправил очки, а затем пробил мою жалкую пешечную защиту своим слоном.

— Я не мог не заметить фотографий на стене, — сказал я. — Вы служили в армии?

— Обижаете! — ответил Мальтузиан. — Я был на правительственной службе США.

— В каком подразделении?

— В одном из довольно секретных. Иначе я не мог бы перевезти сюда мать, отца и сестру.

— Откуда?

— С родины.

— А где ваша родина?

— Её больше нет. Знаете, как в волшебной сказке: целая страна исчезла по мановению геополитической волшебной палочки. — С этими словами Мальтузиан поставил мне шах комбинацией пешки и ладьи.

— А что ваша сестра? — спросил я.

— Она была очень похожа на вашу девочку, на Лиду. Красивая, умная, а какая художница!

С этой минуты он завладел беседой, как и шахматной партией, и мало-помалу вынудил меня подробно рассказать всю свою биографию: где я учился, как познакомился с женой, как родилась моя дочь, как мы ведём семейную жизнь.

Это был допрос, но вполне тактичный, а вино сделало меня сентиментальным. Я рассказал ему всё, и это, похоже, доставило Мальтузиану величайшее удовольствие. Он кивал, когда я клялся в любви к жене, и смеялся всем забавным шалостям Лиды, какие я только мог вспомнить, а помнил я все до единой. Я сам не заметил, как сыграл с ним три партии и был уже изрядно навеселе. Хозяин проводил меня по коридору к парадной двери. Слово из воздуха появилась коробочка шоколадных конфет для моей жены.

— Это для леди.

Затем Мальтузиан вручил мне ещё одну коробку, побольше. Затуманенным взглядом я различил изображение Рэт-Финка — отвратительной толстобрюхой крысы, талисмана лихих автогонщиков конца шестидесятых.

— Это конструктор, — сказал старик. — Помогите дочке его собрать, и чудище ей очень понравится.

Я улыбнулся, узнав картинку, которую видел только подростком.

— Папаша Рот¹³⁹, — сказал хозяин, деликатно подвёл меня к двери и тихо закрыл её за мной.

Хотя моей задачей было разрешить загадку Мальтузиана, визит сделал его образ лишь более таинственным. Я играл с ним в шахматы ещё дважды, и оба раза всё шло по тому же сценарию. Только раз я был близок к разгадке — когда мы с Лидой уже собрали Рэт-Финка и раскрашивали его. «Глушил крыс током», — вспомнились мне слова Мальтузиана. Перед глазами на миг возникла картина: звенит звонок, и у меня течёт слюна.

В день, когда Лида принесла мне первый весенний крокус, бледно-лиловый с оранжевой сердцевинкой, Мальтузиана увезла «скорая помощь». Я очень волновался и попросил Сьюзен, дипломированную медсестру, использовать её связи в больницах и выяснить, где он и что с ним. Сьюзен почти всю пятницу провела у телефона, но так ничего и не разузнала.

---

139 Эд Рот по прозвищу Папаша (1932-2001) — американский художник и карикатурист, создатель образа Рэт-Финка. (прим. переводчика)

2

Шли дни, и я стал думать, что Мальтузиан, наверное, умер. Затем, спустя неделю после того, как его увезли на «скорой», я обнаружил в почтовом ящике записку. В ней было всего два слова: «Вечером шахматы».

Я дождался назначенного часа и, получив от Сьюзен список вопросов, которые необходимо было задать старику о его здоровье, а от Лиды — открытку с пожеланиями здоровья и изображением пляшущего зомби, отправился в дом на углу.

На звонок Мальтузиан не ответил, поэтому я открыл дверь и крикнул:

— Эй! Добрый вечер!

— Входите! — отозвался хозяин из кухни.

Я прошёл по коридору и обнаружил, что Мальтузиан уже сидит за столом. На столе были и вино, и портсигар, но шахматная доска отсутствовала.

— Что с вами случилось? — спросил я, увидев его.

Мальтузиан стал ещё сутулее и морщинистее, он обмяк в кресле, словно мешок тряпья. Белоснежная шевелюра заметно поредела и приобрела желтоватый оттенок. В руках старик сжимал трость, с которой я раньше видел его только на улице, а детская лукавая усмешка, смесь невинности и злорадства, сменилась нездоровой, натужной ухмылкой Рэт-Финка.

— Шахмат не будет? — спросил я, чтобы скрыть потрясение и жалость.

— Сегодня поиграем в другие игры, — вздохнул хозяин в ответ.

Я хотел снова спросить его, что с ним случилось, но старик сказал:

— Сначала выпейте бокал вина, а потом вы всё услышите.

Мы молчали, пока я наливал себе вина и пил его. Раньше я не замечал, что повязка на костяной женской головке не полностью закрывает ей левый глаз. Пока я делал, что велел хозяин, она глядела на меня. Когда же стакан опустел и я налил себе ещё, Мальтузиан поднял глаза и проговорил:

— А теперь слушайте меня внимательно. Я исповедуюсь вам и сообщу последнюю волю умирающего.

Я собрался было возразить, но старик прижал к губам набалдашник трости, давая мне знак молчать.

— В сентябре тысяча девятьсот шестьдесят девятого года я был на конференции Американской психологической ассоциации в Вашингтоне. С докладом выступал один принстонский профессор, некто Джулиан Джейнс. Вы о нём слышали?

Я помотал головой.

— Значит, услышите. Его скандальный доклад был озаглавлен: «Сознание как следствие развития двуполушарного мозга». Одно название подействовало на многих присутствовавших как красная тряпка на быка. Когда мистер Джейнс принялся излагать свою теорию, все были уверены, что он сущий еретик. Он заявил, что индивидуальное сознание в том виде, в каком мы знаем его сейчас, появилось лишь на самом последнем этапе истории

человечества. До этого люди, словно шизофреники, слышали голоса в голове и руководствовались их повелениями. Собирателям и охотникам, жившим уже после ледникового периода, было важно обладать одним разумом на всех. Они слышали голос уважаемого старейшины их племени, который, вероятно, уже отошёл в мир иной. Это и был хвалёный «глас Божий». Индивидуального «я» тогда, по всей видимости, не существовало.

— Вы хотите сказать, — проговорил я, — что, когда древние говорят о слове Божьем, это следует понимать буквально?

— Да, вы уловили мою мысль. — Мальтузиан улыбнулся и дрожащей рукой поднёс к губам бокал. — Пожалуй, этот феномен имеет отношение к речевому центру в правом полушарии и к особому участку, который называется «зона Вернике». Когда в ходе современных лабораторных экспериментов испытуемым раздражали эту зону, они зачастую слышали властные голоса, которые либо убеждали их в чём-то, либо отдавали приказы. Но эти голоса были очень слабые и далёкие. По мнению Джейнса, это объясняется тем, что подобные слуховые галлюцинации поступают из правого полушария в левое не через мозолистое тело — так сказать, мост между полушариями, — а по другому пути, через переднюю спайку.

— Ну, теперь-то мне всё понятно, — усмехнулся я.

Мальтузиан не оценил моего остроумия, а закрыл на миг глаза и заговорил быстрее и настойчивее, словно скоро всё должно было проясниться.

— Джейнс предлагал много объяснений тому, что глас Божий становился всё слабее: геноцид, природные катаклизмы, естественный отбор, изменения окружающей среды, для приспособления к которым требовалась вся чудесная пластичность человеческого мозга, однако мы с коллегами считали, что ослабление голоса стало результатом быстрого сокращения передней спайки до её нынешних размеров — всего около одной восьмой дюйма в поперечнике. Мы полагали, что именно эта физиологическая перемена и разбила групповое сознание на индивидуальные разумы. «Боже мой, Боже мой! Для чего Ты меня оставил?» Понимаете? Тут всё гораздо сложнее, но это главное.

— От этой перемены зависело выживание человечества как вида? — спросил я.

— Развитие цивилизации потребовало разнообразия.

— Интересно, — только и выдавил я.

— Как я уже сказал, — продолжил Мальтузиан, — лишь немногие отнеслись к Джейнсу серьёзно, но я с ним согласился. Его идеи были революционными, но не безосновательными.

Он достал из серебряного портсигара сигарету и закурил.

— Может быть, не стоит? — Я кивнул на сигарету. — Ведь вы плохо себя чувствуете.

— Условный рефлекс, который выработала у меня фирма «Филипп»¹⁴⁰ Моррис, — улыбнулся старик.

— Надо полагать, эта теория — только начало, — сказал я.

140 В оригинале «Филипп» с одним «п». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Отлично, профессор, — прошелестел Мальтузиан. — Как мог бы написать Фарид Ад-дин Аттар¹⁴¹, если бы историю, которую я собираюсь вам поведать, написали иглой в уголке глаза, она всё равно послужила бы уроком осмотрительному слушателю. — Он взял бутылку и налил мне ещё бокал вина, — Начнём с того, что если вы кому-то расскажете о том, что расскажу вам я, то навлечёте и на себя, и на свою семью нешуточные беды. Ясно?

Я тут же вспомнил все фотографии Мальтузиана с военными и его слова о том, что он служил в секретных правительственных подразделениях. Комнату залила мрачная тишина, и я замер под пристальным взглядом его огромных глаз. Я подумал, что надо встать и уйти, но вместо этого медленно кивнул.

— Я участвовал в секретном правительственном проекте под названием «Каруселька». Дурацкое название — если не думать о том, какой чудовищной была наша работа. Нам как психологам дали задание создать преданных своему делу наёмных убийц, лишённых личной воли, которые делали бы всё — **буквально всё**, — что им прикажут. Иногда это называют «**контроль над сознанием**». Некоторое время ЦРУ полагало, будто для этой цели годится наркотик ЛСД, но он порождал не биороботов, а субъектов с беспредельно расширенным сознанием. Потерпев эту неудачу, правительство обратилось к бихевиористам. Моя лаборатория находилась в просторном старинном викторианском особняке в глухом лесу. Никто не заподозрил бы, что в подвале особняка идёт кошмарный эксперимент, связанный с «холодной войной». У меня было двое коллег, и мы, руководствуясь теорией Джейнса, расширяли и укрепляли внешнюю спайку в мозге испытуемого, чтобы усилить слуховые галлюцинации, для чего вживляли ему свиные артерии и обезьяньи нейроны. Я выработал у испытуемого условные рефлексы, благодаря которым стал для него гласом Божиим. Мои слова неумолчно звучали в его голове. Стоило мне один раз отдать ему команду — и он слышал её, пока не выполнял приказ.

Как мне было не подумать, что Мальтузиан меня дурачит?

— Неужели я кажусь вам таким легковверным? — спросил я и расхохотался, да так, что пролил вино на стол.

Старик даже не улыбнулся.

— Мы создали **зомби**, — продолжал он. — Вот вы смеётесь, а должны бы смеяться над собой. Вы не понимаете, как невероятно внушаем человеческий разум — даже без нашего вмешательства. В десятке языков слова «**слушать**» и «**слушаться**» — однокоренные. В итоге нашего эксперимента тот человек делал всё, что ему говорили. Результаты поразили даже нас самих. Я приказал ему за неделю выучиться бегло говорить по-французски. Он выучился. Я приказал ему сыграть ноктюрн Шопена, прослушав его всего один раз. Он сыграл. Я приказал

141 Аттар Фарид Ад-дин Мохаммед бен Ибрагим (1150-1230) — персидский поэт-мистик. Его поэмы считаются памятниками суфийской литературы. (прим. переводчика) — Фарид-ад-дин Мохаммед бен Ибрагим Аттар (родился около 1119 г. — год смерти точно неизвестен, примерно 1230-е гг.) — персидско-таджикский поэт-мистик, утверждавший в стихах идеи дервишской, суфийской морали. Широко образованный человек, он собрал в своих произведениях множество интересных рассказов, почерпнутых из восточного фольклора. Основное произведение — поэма «Беседа птиц» (написана около 1175 г.), в которой отразилось влияние «Трактата о птицах» Газали. Один из крупнейших литературных памятников суфизма, поэма пользовалась огромной популярностью и вдохновляла многих поэтов, в том числе Навои. Аттару принадлежат также: «Мухтар-наме», «Книга назидания», «Книга восхождения», антология «Жизнеописание шейхов», etc. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

ему выработать у себя фотографическую память. Я приказал ему перестать стареть. Для определённых заданий я даже приказывал ему становиться толще, тоньше, даже ниже ростом.

— Это невозможно, — сказал я.

— Чушь! — отрезал Мальтузиан. — Уже давно известно, что мысль способна изменить физиологическую структуру мозга, если она достаточно глубока. Если бы мы с коллегами имели возможность опубликовать наши открытия, люди узнали бы, что длительные и весьма сосредоточенные размышления способны изменить физиологическую структуру — не только мозга.

Мне было очевидно, что из-за болезни Мальтузиан повредился в уме. Я сделал серьёзное лицо и со смешанными чувствами интереса и горечи сделал вид, что внимательно слежу за его рассуждениями.

— Зачем вы мне всё это рассказываете? — спросил я.

— Зачем? Да-да, **зачем?** — повторил он, и на глаза́ его набежали слёзы, что поразило меня даже больше, чем рассказ. — Зомби оказался **полезным**. Только, пожалуйста, не спрашивайте, **чем** именно, — скажем так, его деятельность привела к снижению выступлений против демократии. Но затем, когда «холодная война» закончилась, наш проект закрыли. Нам приказали уничтожить зомби и сжечь лабораторию и вручили крупные суммы наличными, чтобы мы могли возобновить нормальную жизнь, пригрозив, что, сто́ит нам лишь намекнуть о «Карусельке» кому угодно, нас убьют.

— Уничтожить зомби? — спросил я.

Старик кивнул.

— Но меня замучила совесть. Во мне заговорил мой собственный бог. Ведь этого человека, которого мы создали и набили моими командами, — этого человека похитили. Простого среднего гражданина, у которого были жена и маленький ребёнок, среди бела дня увезли прямо с улицы в длинном чёрном автомобиле. Его близкие так и не узнали, что с ним стало. А ведь и я, согласившись работать на «Карусельку», подписал договор, по которому был обязан больше никогда не видеться с родными. Я исчез уже после того, как родители и сестра переехали в эту страну. И прекрасно знал, что, сто́ит мне подать им хоть какую-то весточку, они погибнут. Все эти годы я невыносимо тосковал по ним, особенно по сестре, с которой нас очень сблизило ужасное прошлое на родине. Поэтому уничтожить зомби я не мог.

— Это было бы убийство, — сказал я и тут же пожалел о сказанном.

— Это в любом случае было бы убийство, — поморщился Мальтузиан. — Либо я убил бы зомби, либо нас всех убили бы вместе с зомби. Так вот, я воспользовался случаем и бросил в огонь труп, который несколько лет хранился у нас в морге. Мы надеялись, что никто ни о чём не догадается и что, если на пепелище найдут человеческие останки, этого будет довольно. Не забывайте, мы говорим о правительстве. Мы имели возможность изучить его методы и поняли, что для него главное — молчание.

Мальтузиан и сам умолк и уронил голову на грудь. Мне подумалось, что он уснул. Я вежливо кашлянул, и он протянул руку за вином, но передумал. То же самое повторилось с портсигаром. Затем он поднял глаза́ на меня.

— Я умираю, — проговорил он.

— Прямо сейчас? — спросил я.

— Скоро, очень скоро.

— Вам об этом сказали в больнице?

— Я сам врач. И понимаю, что происходит.

— Вы хотите, чтобы я что-то для вас сделал? Может быть, я должен найти вашу сестру?

— Нет, об этом даже не упоминайте. Но у меня к вам есть одна просьба, — произнёс старик.

— Вызвать «скорую»?

— Я хочу, чтобы вы позаботились о зомби, пока не завершилась трансформация.

— Я вас не понимаю, — улыбнулся я.

— Он здесь, у меня в доме. Он жил у меня с тех самых пор, как мы сожгли лабораторию.

Мальтузиан уронил на пол трость, перегнулся через стол и протянул ко мне левую руку. Я поспешно отодвинул стул и встал, чтобы старик не схватил меня.

— Я работал с ним, пытался изгладить последствия эксперимента. Он начал меняться, но для этого нужно больше времени, чем мне осталось. Помогите мне вернуть этого несчастного в семью, чтобы он успел насладиться последними годами жизни. Он уже кое-что вспомнил, и в нём понемногу начинается процесс старения, который вернёт ему сообразный возраст. Я лишь прошу вас, чтобы, если я умру, зомби пожил у вас, пока не вспомнит, откуда он. Осталось совсем недолго.

— Доктор Мальтузиан, — отчеканил я, — вам нужно отдохнуть. Вы городите чушь.

Старик медленно поднялся.

— Не смейте уходить! — закричал он на меня, подняв палец. — Я вам его покажу!

Я промолчал, глядя, как Мальтузиан с трудом нагибается за тростью. Он заковылял из кухни, бормоча что-то себе под нос. Дождавшись, когда он благополучно поднимется на второй этаж, я на цыпочках прокрался по коридору к парадной двери и выскользнул на крыльцо. На улице я пустился бежать, словно десятилетний мальчишка.

Уже ночью, тщательно заперев все окна и двери и улёгшись,¹⁴² наконец,¹⁴³ в постель, я разбудил Сьюзен и передал ей весь рассказ Мальтузиана. Стоило мне упомянуть о зомби, как жена рассмеялась.

— Он хочет, чтобы ты нянчил его зомби? — спросила она.

— Не смешно! — вспыхнул я. — Он работал над секретным правительственным проектом!

142 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

143 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Да-да, таким секретным-секретным, куда набирали только двинутых, — отозвалась жена. — Знаешь, по-моему, тебе просто нечем заняться.

— Он говорил **очень** убедительно, — сказал я, не сдержав улыбки.

— А если я тебе скажу, что мы в подвале больницы собираем из кусочков монстра Франкенштейна? Если он в своём уме, то наверняка попытается тобой манипулировать. По-моему, он тот ещё пройдоха. Этот его галстук-шнурок — верный признак жулика.

Мои сомнения рассеялись не полностью, однако Сьюзен сумела отместить все страхи настолько, что я задремал. В мои сны то и дело вторгались огромные глаза, которые пристально на меня смотрели, и слышалась фортепианная музыка.

Я заставил себя поверить, что Сьюзен права и что мне следует выкинуть Мальтузиана из головы и заняться книгой. Стремительно приближалось лето, а осень должна была снова отправить меня преподавать. Было бы крайне неловко вернуться в сентябре на службу, так ничего и не сделав. Я вернулся к рукописи, которую забросил несколько месяцев назад, к главе, посвящённой рассказу «Правда о том, что случилось с мсье Вальдемаром». Работа послужила мне якорем в бурных водах мальтузиановского безумия, но именно в этом рассказе великого американского мошенника, сравнимого разве что с Ф. Т. Барнумом¹⁴⁴, на каждой странице громадными буквами было написано «зомби».

Однажды днём, когда я собирался отправиться в местный книжный магазинчик, я выглянул из окна гостиной и увидел старика, плетущегося по улице. Я не видел и не слышал Мальтузиана уже две недели, с того вечера, когда сбежал от него, став свидетелем приступа умопомешательства. Было бы проще простого уйти из гостиной в кухню, но я зачем-то присел и спрятался под подоконник. Скорчившись, я сам дивился тому, какой страх напустил на меня сосед.

144 Финеас Тейлор Барнум (1810-1891) — создатель американского цирка, готовый на всё, лишь бы завлечь публику. (прим. переводчика) — Barnum, Phineas Taylor (P. T.) (1810-1891, Финеас Тейлор Барнум) — американский импресарио, «отец рекламы», крупнейший владелец и создатель новых видов цирка. В юности сменил много занятий, от издания аболиционистской (abolition) газеты до продажи театральных билетов. В возрасте 25 лет встретил на ярмарке старую негритянку, которую выдавали за 160-летнюю няньку Дж. Вашингтона, перекупил её и создал с ней целый спектакль. Его железнодорожный цирк передвигался по железной дороге и обслуживал окрестных жителей. В 1841 г. создал Barnum's American Museum («Американский музей») — соединил цирк с паноптикумом и различными аттракционами, где демонстрировал «русалок с о. Фиджи», бородатых женщин, etc; над задрапированным входом в одно из помещений была надпись EGRESS, т. е. «ИСХОД» (посетители шли в эту дверь валом и... оказывались на улице). Устроил гастроль знаменитой шведской певицы Дженни Линд — «шведского соловья», привёз в г. Нью-Йорк первого живого гиппопотама. Выдвинул «теорию» о том, что американцы жаждут «отвлекающего от жизненных проблем» обмана, что в каждом из них живёт «олух». Создал первый в мире three ring circus (трёхманежный цирк, «сверхцирк» — 1873 г., где представление проходило одновременно на трёх манежах), а уже в 1881 г. совместно со своим бывшим конкурентом Бейли [James A. Bailey] создал цирк «Barnum and Bailey Circus» — «The greatest show on earth» (Величайшее представление на земле), в котором артисты выступали на нескольких аренах сразу. Через год приобрёл огромного слона по имени Jumbo («Джамбо» — Гигант) и выдавал его за последнего оставшегося в живых мастодонта. Заработал огромные деньги и создал развлечения для миллионов американцев. В 1865 г. опубликовал откровенную книгу «Humbugs of the World» (Пройдохи мира). Ему принадлежит знаменитая фраза «There is a sucker born every minute» (На наш век простаков хватит). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Прошло пять минут, и я, решив, что он уже дошёл до лёса в конце квартала, поднял голову над подоконником. Старик стоял на прежнем месте у ограды, сгорбившись и глядя прямо на меня, словно утрюмая, омерзительная доисторическая птица. Я сдавленно ахнул от испуга, а он, словно услышав меня, поднял трость и дважды легонько постучал рукоятью по полям тирольской шляпы. Затем он повернулся и двинулся прочь. Эта сценка повергла меня в панику. Ни в какой книжный магазин я не пошёл, а когда у Лиды закончились уроки, поехал в школу на машине, чтобы ей не пришлось возвращаться на школьном автобусе, который высадил бы её на углу. Паника моя продолжалась недолго — тем же вечером, за обедом, когда я как раз собрался рассказать о случившемся Сьюзен, мы услышали сирену «скорой помощи».

Мне стыдно признаться, но смерть Мальтузиана стала для меня облегчением. Мы с Лидой смотрели с почтительного расстояния, как его вывозят из дóма на каталке. Сьюзен, которая не боялась ничего на свете, особенно смерти, дошла до сáмого дóма на углу и поговорила с врачами. Она пробыла там недолго, и вскоре мы увидели, как она возвращается.

— Обширный инфаркт, — сказала она, подойдя поближе и качая головой.

— Как жаль, — ответил я.

Лида обняла меня за ногу.

На следующее утро, когда я бродил по дому в поисках вдохновения — мне было никак не сеть за своего По, — оказалось, что Лида вытащила из букета, которым Сьюзен украсила стол в гостиной, лиловый искусственный цветок и повесила его на шею Рат-Финку. При виде этого трогательного знака я улыбнулся и протянул руку, чтобы коснуться иллюзорных шёлковых лепестков, и тут в дверь постучали. Я вышел из комнаты дочери и направился вниз. Открыв парадную дверь, я никого там не обнаружил. Я растерянно глядел на улицу, и тут стук раздался снова. Несколько долгих секунд ушло на то, чтобы понять: стучали в заднюю дверь.

«Кто бы это мог быть?» — спросил я себя, шагая через кухню.

3

Глаза́ у него были овальные и плоские, как у персонажей японских мультфильмов, остекленелые, переполненные пустотой. В них, словно в белизне мелвилловского¹⁴⁵ кита, можно было прочесть всё,¹⁴⁶ что угодно, и пока мы с Лидой сидели и смотрели, как он глядит в стену, я стремился увидеть в этих зеркалах отражения всех своих желаний и разочарований — причём с таким рвением, на какое капитан Ахав едва ли был способен.

— Пустая скорлупа, — нарушила молчание Лида.

В конце концов оказалось, что она права. От него веяло утончённой пустотой. У него были измождённое лицо и худые, но очень мускулистые руки и ноги. Такой человек мог бы работать автомехаником или курьером по доставке экспресс-почты. Мне показалось, что лет ему около сорока, однако со слов Мальтузиана я знал, что его молодость — результат повиновения приказу. Интересно, на сколько он состарится теперь, когда заклятие с него снято?¹⁴⁷ «Быть может, он, как Вальдемар из рассказа По, превратится в полужидкую, отвратительную, гниющую массу», — подумал я.

Мы просидели с зомби больше часа, когда с работы вернулась Сьюзен. Лида вскочила со стула и побежала в гостиную сказать матери, что у нас гость.

— Угадай, кто у нас? — слышался её голос.

Она за руку ввела Сьюзен в кухню. Первое слово, которое вырвалось у моей жены, когда она увидела, кто к нам пожаловал, было «нет». Это был не визг прелестной героини фильма ужасов, на которую напало кровожадное чудовище. Таким «нет» пресекают поползновения подвыпившего поклонника на затянувшейся вечеринке или отвечают на Лидины просьбы не ложиться до одиннадцати, когда завтра в школу.

— Давай рассуждать логически, — предложил я. — Как нам поступить?

— Вызвать полицию, — отозвалась Сьюзен.

— Ты с ума сошла! — возмутился я. — То, что он здесь, доказывает, что Мальтузиан рассказал мне правду. Нас могут убить!

145 Herman Melville (Герман Мелвилл, 01.08.1819 — 28.09.1891) — американский писатель, родился в купеческой семье. В 1839-44 гг. служил матросом на китобойцах и кораблях американского флота, плавал по всем океанам, бил китов в Южных морях, побывал в плену у людоедов, попал в тюрьму за участие в матросском мятеже. Уже в своих ранних произведениях романтическое повествование о захватывающих приключениях и экзотических странах он сочетает с философскими обобщениями. Дружба с Н. Хоторном (Nathaniel Hawthorne) способствовала углублению философского начала в его творчестве, и в 1851 г. он создал эпический социально-философский роман «Моби Дик, или Белый Кит» («Moby Dick, or the White Whale»), в центре которого полуфантастическая погоня (олицетворяющая титаническую борьбу Добра и Зла) демонического капитана Ахава (Capitan Ahab) и его фантасмагорической команды за зловещим и загадочным Белым китом, который символизирует мощь стихийных сил. Романтическая символика сочетается в «Моби Дике» с эпическими морскими картинами и пронизана глубоко содержательными реальными мотивами, сюжет служит автору для глубоких философских и религиозных рассуждений, изложенных очень сложной прозой, полной библейских и литературных ассоциаций. После неудачного выхода в свет последней серии прозаических работ, до конца жизни он публиковал только стихи. Умер Мелвилл в бедности и забвении, неоценённый и забытый современниками, но в 1920-х был признан классиком литературы США. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

146 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

147 В оригинале точка вместо вопросительного знака. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Иди поиграй, — велела Сьюзен Лиде.

— А зомби умеет играть? — спросила она.

— **Зомби останется здесь**, — отчеканил я и кивнул в сторону двери.

Когда Лида ушла, Сьюзен села за стол, и мы с ней ещё немного поглядели на зомби. Дыхание у него было очень слабое, и, если не считать легчайших движений груды, он совсем не шевелился. Почему-то его присутствие действовало на нас умиротворяюще.

— Ерунда какая-то, — сказала жена. — Как нам с ним поступить?

— Мальтузиан говорил, он скоро вспомнит, откуда он, и, когда его память прояснится, мы должны доставить его домой.

— А нельзя завезти его подальше от дома и выпустить из машины? — спросила Сьюзен. — Оставим его на парковке у торгового центра...

— Ты бы и с кошкой так не поступила. **Разве можно взять и бросить живого человека?!**

Сьюзен раздражённо трянула головой.

— Ну скажи, вот чем он занят? По-моему, ничего у него не проясняется, — сказала она.

Я повернулся к зомби:

— Как вас зовут?

Он не шелохнулся.

Сьюзен протянула руку и щёлкнула пальцами у него перед глазами:

— Эй, мистер Зомби, как прикажете вас называть?

— погоди, — сказал я, — он не отвечает на вопросы, только исполняет приказы.

— Скажите, как вас зовут, — велела Сьюзен.

Зомби чуть повернул к ней голову и медленно задвигал губами.

— Том, — произнёс он, и слово как будто бы вывалилось у него изо рта, плоское и тусклое, как старинная монетка.

Сьюзен прижала руку к губам, сдерживая смех.

— Томми-зомби, — фыркнула она.

— Глупости, — сказал я и тоже не смог сдержать смеха, хотя сильные мира сего были, наверное, уже готовы организовать наше устранение.

Такого нетребовательного гостя у нас ещё никогда не было. Том был словно веник, который стоит в кухонной кладовке, пока не понадобится. Послушание его скоро перестало быть нам в новинку. Конечно, поначалу мы сполна насладились фокусами гипнотизера-иллюзиониста — **«залайте, как собака»**, **«попрыгайте, как цыплёнок»**. Я понимаю, мы вели себя жестоко, словно невоспитанные дети, но мне кажется, это происходило просто потому, что иначе мы не могли — нами двигала примерно та же сила, что и правительством, которое в своё время так обошлось с этим беднягой. Конец этим дурачествам положила Лида. Она сурово прочитала нам целую лекцию о том, что мы должны **уважать** нашего зомби. Её слова нас пристыдили, но в то

же время нам было приятно, что мы вырастили такую чуткую девочку. Как выяснилось, она по-настоящему привязалась к зомби. Для Лиды он был словно щенок, которого мы ей не разрешали заводить.

Было нетрудно запомнить, что **нужно приказать** ему сходить в туалет дважды в день, поесть, принять душ. Гораздо сложнее оказалось **сохранить тайну**. Мы принесли друг другу страшную клятву, что никому о нём не расскажем. Мы с женой боялись, что Лида, очарованная своим новым другом, проболтается о нём, не сдержавшись, в школе. Только представьте себе, какой популярности можно добиться в третьем классе, если сказать, что у тебя дома живёт настоящий зомби. Однако в пору испытаний именно Лида оказалась самой практичной, самой заботливой, самой мудрой из нас троих.

Лишь на следующую ночь, когда я с пересохшим ртом очнулся от дурного сна, до меня дошла вся странность нашего положения. В полудремоте я выбрался из постели и спустился в кухню налить себе воды. Взяв стакан, я присел на диванчик в гостиной. Почему-то я стал думать о рассказе По «Падение дома Ашеров» и о том, почему Д. Г. Лоренс¹⁴⁸ назвал его историей о вампирах. Я проследил за нитью этого затейливого сюжета до того эпизода, когда эфемерная и летаргичная прежде Мэдилайн вскакивает из гроба и бросается на Родерика. Тут я случайно покосился влево и сам вскочил от неожиданности, обнаружив, что всё это время зомби сидел рядом со мной.

Том восхитительно варил кофе. Пылесосил, как заслуженная горничная. Сьюзен показала ему, как по-больничному аккуратно застилать постели. Когда ему было нечего делать, он просто сидел на диване в гостиной и глядел на противоположную стену, на циферблат напольных часов. Было ясно, что он имеет представление о времени, поскольку его можно было запрограммировать, словно видеоманитофон. Уходя из дома, можно было сказать ему: «**В час дня приготовьте и съешьте сандвич с „болонской“ колбасой, в три часа сходите в туалет**».

К середине второй недели, которые он провёл в нашем доме, я заметил, что мои приказы становятся изобретательнее. Я вспомнил, что рассказывал Мальтузиан — что-де наш зомби способен сыграть Шопена, единожды услышав пьесу. Мои же приказания ломаного гроша не стоили. Я поднял ставки и велел зомби перепечатывать мои рукописные заметки к книге о По. Он безупречно скопировал всё, что я написал. Восхищённый этим достижением, я велел ему прочитать справочник по грамматике и выправить ошибки. Вуаля!

148 Дэвид Герберт Лоренс (1885-1930) — выдающийся английский писатель, поэт и философ. (прим. переводчика) — David Herbert Lawrence (Дейвид Герберт Лоуренс, 11.09.1885, Иствуд, — 02.03.1930, м. Ванс, департамент Приморские Альпы, Франция) — английский писатель. Родился в семье шахтёра. Получил образование учителя. В 1919 г. покинул Англию, путешествовал по Европе, Америке, Австралии. В реалистических романах «Белый павлин» (1911 г.), «Сыновья и любовники» (1913 г., русский перевод 1927 г.), «Радуга» (1915 г., русский перевод под названием «Семья Брэнгуэнов», 1925 г.) причиной социальных бедствий Лоуренс объявляет механическую цивилизацию, разорвавшую союз человека с природой. Для него характерен интерес к «частному бытию» индивида, однако психологический анализ в духе фрейдизма приглушает социальную проблематику романов «Влюблённые женщины» (1920 г.), «Флейта Аарона» (1922 г., русский перевод 1925 г.), «Кенгуру» (1923 г.), «Пернатый змий» (1926 г.). В романе «Любовник леди Чаттерли» (1928 г.) Лоуренс возвращается к критико-реалистическому изображению действительности. Автор литературно-критических эссе, сборников рассказов, стихотворений и очерков путешествий. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Скоро стало понятно, что нужно раздобыть Тому новую одежду, так как он день за днём носил одну и ту же серую униформу — рубашку с короткими рукавами и штаны фирмы «Сирз». Мы не сомневались, что он будет носить их, пока они не рассыплются в прах. Как-то вечером по дороге с работы Сьюзен зашла в магазин и купила ему обновы. На следующий день мы в порядке эксперимента велели ему переодеться, самостоятельно выбрав одежду из груды, которую мы перед ним разложили. Том вышел из гостевой спальни в мешковатых камуфляжных брюках и в чёрной футболке, на которой белыми печатными буквами было написано: «Кто тут дурак? Я с вами». Мы не упустили случая позабавиться.

— Смейся, Том! — велела Лида.

Зомби широко открыл рот, и откуда-то из глубины его глотки донеслось писклявое «Ха... ха...».

От ужаса улыбка застыла у меня на лице, и я задумался, так ли уж случаен его выбор футболки. Именно тогда я и заметил, что на его подбородке и впалых щеках проступает щетина.

«Господи, — подумал я, — он стареет». Сьюзен и Лиде я ничего не сказал.

Если Том не слонялся бесцельно по дому, то Лида обычно привлекала его к играм. Они играли в мяч, в карты, в Барби, а если они в чём-то соревновались, Лида говорила Тому, когда наставала его очередь выигрывать, и он выигрывал. Однако по большей части они рисовали. Сидели за кухонным столом с карандашами в руках и придумывали чудищ. Лиде нужно было говорить Тому, что именно рисовать.

— Теперь нарисуй вервольфа в платье и в шляпке. Госпожу Вервольф, — велела она.

Это зомби умел. У него получился ошеломляюще точный, великолепно прорисованный, с изумительной светотенью и штриховкой портрет Лона Чейни в женском платье, этаким оволосевшей Минни Перл¹⁴⁹. Сьюзен прикрепила рисунок магнитом на холодильник.

— Поклонись, — сказала Лида, и Том изящно изогнулся в талии под углом ровно сорок пять градусов.

Жена и дочь не замечали, что Том изменился, но я заметил. Всего за несколько дней волосы его ощутимо поредели, в уголках глаз наметились «гусиные лапки».

Преобразование, первые стадии которого я наблюдал, меня ошеломило. Я задумался, что же такого сделал Мальтузиан, чтобы заглазить следы хирургических операций. Должно быть, это была серия команд, своего рода суровая бихевиористская тренировка. Мне не хотелось думать, что старик копался у Тома в голове в шахматной кухне, при свете флуоресцентных ламп. Кроме того, я не понимал, как Мальтузиан передал нам — то есть мне и моим близким — способность командовать зомби. Я стал присматриваться к Тому внимательнее прежнего, чтобы не упустить признаки пробуждающейся памяти.

149 Лон Чейни (1883-1930) — американский мим и актёр немого кино. Минни Перл (1912-1996) — американская эстрадная комедийная актриса и певица. (прим. переводчика)

4

Я показал рисунок Лиде и спросил:

— Кто **это** нарисовал?

Она взяла его у меня и, увидев картинку, улыбнулась:

— Это Том. Я вчера сказала ему нарисовать, что он **хочет**.

— Хорошо нарисовано, правда? — спросил я.

— Просто отлично, — ответила Лида и снова уставилась в телевизор, где шла её любимая передача.

Рисунок, который я держал в руке, был портретом молодой женщины с длинными тёмными волосами. Она была отнюдь не чудищем. Рисунок был сделан с тем же тщанием, какое было уделено госпоже Вервольф, но эта девушка была настоящей красавицей — прекрасной незнакомкой. В особенности моё внимание приковали глаза — светящиеся, полные несказанной теплоты. Лицо её выражало удивление — еле заметная улыбка и словно бы нарочитый излом бровей. Я направился в кухню и позвал из гостиной Тома.

Я велел ему сесть на то место, где он обычно рисовал, и вручил ему портрет.

— Сейчас вы мне расскажете, кто **это**, — приказал я.

Он посмотрел на портрет застывшим взглядом, и тут **это** произошло: по лицу его пробежала мгновенная судорога боли. Рука чуть задрожала.

— Вы **должны** мне сказать.

— Марта, — произнёс он, и хотя это было всего лишь слово, я готов был поклясться, что за ним стоит чувство.

— Если это ваша жена, **скажите** мне, — велел я.

Он медленно поднёс ко рту левую руку, словно робот, которого запрограммировали, чтобы он изобразил, как человек выражает благоговение.

— Расскажите мне **всё**, — велел я.

— **Моя любовь**, — прошептал он, не отнимая пальцев от губ.

Глупости, конечно, но я заплодировал. А Том, как будто звуки хлопков погасили в нём пробудившееся сознание, уронил руку и снова стал прежним зомби.

Я сел и внимательно посмотрел на него. Волосы начали сесть на висках и затылке, а щетина стала очень заметной. Морщинки, первые признаки которых я разглядел несколькими днями раньше, стали глубже, а кожа на подбородке начала заметно обвисать. Выражение абсолютной пустоты сменилось смутным ощущением усталости. Я знаю, что это невозможно, но мне почудилось, что он даже стал ниже ростом на сантиметр-другой.

— **Моя любовь**, — повторил я вслух.

Как восхитительно, что именно эти слова стали тем клочком человечности, который вырвался на поверхность первым, — не только из-за их драматизма, а, скорее, потому, что Том **не** исполнил моего приказа и **не** ответил на прямо поставленный вопрос.

На время я оставил его в покое, так как увидел, что первое воспоминание его всерьёз опечалило, однако позже, когда Сьюзен пришла с работы, после обеда мы расчистили кухонный стол и попытались продолжить эксперимент. Лиду мы посвятили в наш замысел, так как именно по её просьбе Том нарисовал портрет Марты.

— Скажи ему, чтобы он нарисовал **свой дом**, — шепнул я.

Лида кивнула, и мы со Сьюзен ушли из кухни и отправились ждать в гостиную.

— Он ужасно выглядит, — сказала мне Сьюзен.

— Чары понемногу рассеиваются, — ответил я. — Он становится таким, каким **должен** быть.

— Страшная штука — человеческий разум.

— Дом с привидениями, — согласился я.

Спустя двадцать минут Лида, сияя, выбежала к нам с рисунком.

— Поглядите, **что** он нарисовал! — рассмеялась она.

Это был автопортрет в полный рост. Ниже Том нацарапал: «**Зомби Томми**».

Показав на подпись, я заметил:

— Получилось не то, что я планировал, но результат интересный.

— Чувство юмора? — предположила Сьюзен.

— Нет, — замотала головой Лида. — Это грустная картинка!

— Может быть, не сто́ит слишком уж на него наседать? — сказал я.

— Погодите! — Сьюзен подалась вперёд, — А теперь **прикажи** ему нарисовать свой дом!

Лида кивнула и убежала.

Прошёл час; мы со Сьюзен молча ждали результатов. Из кухни доносился Лидин голос. Она рассказывала Тому про своего одноклассника, который вечно грызёт ногти.

— Миссис Браун спросила Гарри, почему он грызёт ногти, и знаешь, что он ответил? — спросила Лида.

Настала тишина, а потóм мы услышали, как глухой, невыразительный голос отозвался:

— Что?

Мы с женой переглянулись.

— Гарри сказал, — продолжала Лида, — что кусает ногти, потому что тогда его папа не умрёт, а папа у него очень старенький.

Прошло несколько минут — и раздался невыносимый, душераздирающий стон, словно в страшном сне. Мы с женой вскочили и бросились в кухню. Лида сидела, разинув рот, и глядела, как Том дрожащей рукой нажимает на карандаш с такой силой, как будто пытается процарапать свои инициалы на древесном стволе. На его лбу проступил пот, в глазах стояли

слёзы. Я зашёл сзади и посмотрел ему через плечо. На рисунке был домик вроде ранчо с покосившимся навесом для автомобилей слева. В окне виднелись чёрный кот и женское лицо. Под рисунком Том выводил цифры и буквы.

— Грисуолд-плейс, двадцать четыре, — вслух прочитал я. А когда Том закончил писать и в изнеможении откинулся на спинку стула, я увидел и произнёс название города: — Фоллс-Парк.

— Всего в часе езды к северу, — заметила Сьюзен.

Я похлопал Тома по спине и сказал ему:

— Мы отвезём вас домой.

Но сознание в нём снова угасло.

Наутро я встал затемно и велел Тому пойти по коридору в гостевую спальню и переодеться. Он отправился выполнять задание — послушно, как зомби, но словно бы неохотно; он стремительно старел и начал шаркать и слегка сутулиться при ходьбе. Буквально за одну ночь его волосы почти совсем поседели, и от него повеяло пугающей хрупкостью. Пока он одевался, я поднялся в спальню, поцеловал на прощание Сьюзен и сказал, что я увезу Тома, как мы и планировали.

— Удачи, — сказала жена.

— Хочешь на него посмотреть? — спросил я.

— Нет, хочу ещё немного поспать — так что, когда проснусь, смогу считать всю эту историю скверным сном.

— Надеюсь, что успею довезти его до места прежде, чем он отдаст концы, — сказал я. — Он уже совсем старик.

Я устроил Тома на заднем сиденье машины и велел пристегнуться. Потом сел за руль и поехал. Когда я свернул на дорогу, ведущую из города, было ещё темно.

Конечно, я делал слишком большую ставку на то, что по адресу, который написал Том, до сих пор живут его близкие или хотя бы знакомые. С тех пор как его похитили, прошло несколько десятков лет, но мне было всё равно. Можете считать меня безумцем, но вспомните юриста из мелвилловского «Писца Бартаби», который в конце концов бросил переписчика на произвол судьбы, — однако кто из вас смог бы столько для него сделать? Наплевать мне на сильных мира сего — пора положить этому конец.

— Я везу вас домой, — бросил я через плечо.

— Да-да, домой, — отозвался Том, и я решил, что это хороший признак.

Я взглянул в зеркало заднего вида, но разглядел только макушку Тома. Кажется, он съёжился ещё больше. Я стал готовиться к наихудшему варианту развития событий и представил себе, сколько с меня возьмут за химчистку салона, в котором разлилась полужидкая, отвратительная, гниющая масса.

Примерно на полпути Том начал издавать очень странные звуки — кашлять и придушенно хрипеть. За этим последовали длинные, затянувшиеся на несколько миль тирады на каком-то рокоющем гортанном языке. Я не мог разобрать, что он говорит, и в конце концов включил радио, чтобы его не слышать.

Хотя у меня были карта, адрес и рисунок, на поиски дома ушло час сорок пять минут. Солнце только-только показалось на горизонте, когда я притормозил у дома номер 24 по Грисуолд-плейс. Рисунок оказался просто великолепным.

— Идите и постучитесь вон в ту дверь, — показал я.

Я собирался выйти из машины и помочь ему, но не успел отстегнуть ремень, как услышал хлопок задней дверцы. Я обернулся и увидел, что зомби бредёт прочь от машины. Он стал самым настоящим стариком, согбённым под бременем лет, которое навалилось на него и одолело всего лишь за время пути. Оставалось лишь надеяться, что трансформация подошла к концу.

Меня захлестнула волна печали, и я не мог отпустить нашего зомби, не попрощавшись. Я нажал кнопку на окне с его стороны. Когда стекло опустилось, я крикнул:

— Всего доброго!

Он остановился, медленно повернулся ко мне, и тогда я понял: да, трансформация совершилась. Волосы старика стали белоснежными, а лицо было покрыто сетью морщин. Это был Мальтузиан. Он стоял и смотрел на меня, и глаза у него были огромные даже без очков.

Меня затрясло от гнева — я почувствовал себя предателем и преданным одновременно.

— Мерзавец! — закричал я.

— Пусть это не помешает нам насладиться игрой, — ответил он с сильным акцентом, повернулся и поднялся по ступенькам.

Я остолебенел. Он постучал в дверь. Почти сразу же ему открыла женщина — такая же древняя старушка. Я услышал, как она ахнула, а потом обняла его.

— Ты вернулся! — воскликнула она с тем же акцентом, увела гостя в дом, и дверь захлопнулась.

— Марта Мальтузиан, его сестра, — пробормотал я и ударил кулаком по рулю.

Не знаю, сколько я просидел, глядя в никуда и пытаясь разобраться в хитросплетениях любви и предательства, во всём том, что заставило этого безумца превратить зомби в зомби себя самого. Но в конце концов я завёл машину, вытер ладонью подбородок и поехал домой.

May 2000 © Jeffrey Ford

Сьюзан Палвик «Прекрасные вещи»

Сьюзан Палвик — автор романов «Полёт в пространстве» (*Flying in Place*), «Необходимый бедняк» (*The Necessary Beggar*) и «Приют» (*Shelter*). Большая часть её коротких рассказов, которые публиковались в *Azimov's*, *Amazing Story*, *F&SF*¹⁵⁰ и в других изданиях, недавно были собраны в одном томе «Предназначение мышей» (*The Fate of Mice*). Палвик лауреат Всемирной премии фэнтези, премии журнала *Locus*, Мифопоэтической премии, а её первый роман *Flying in Place* получил премию Кроуфорда как лучший дебютный роман фэнтези. Сьюзан Палвик — адъюнкт-профессор английского языка в Университете Невады, Рино. Она живёт в предгорье Сьерра-Невады с мужем и тремя кошками.

Рассказ «Прекрасные вещи» вдохновлён гневом, который вызывают у Палвик разного рода политики, пытающиеся использовать трагедию одиннадцатого сентября как подпитку для своих кампаний или для разжигания войны. «Я начала задаваться вопросом: если бы все эти мёртвые люди вернулись, о чём бы они нас попросили?» — говорит она. Судя по этой истории, автор не думает, что у мёртвых были бы те же планы, что у живых.

Расти Керфаффл стоял на брезенте в роскошном офисе в деловой части города. Брезент был расстелен на чудесном шерстяном ковре, стены офиса оклеены спокойными однотонными обоями, стол перед Расти сработан из полированной древесины лиственных пород. На столе стояло пресс-папье — хрустальный шар с пурпурным цветком внутри. Шар сверкал в струившемся из окна солнечном свете, а цветок светился, будто горел. Расти желал это пресс-папье; любовь к хрустальному шару была сравнима с голодом. Но мужчина, который сидел за столом, не дал бы Расти пресс-папье.

Мужчина, сидевший за столом, был в дорогом костюме и имел напряжённое выражение лица. Рядом с ним помощник блевал в ведро для бумаг.

— Сэр, — сказал помощник, подняв голову над ведром ровно настолько, чтобы успеть выдохнуть своё замечание. — Сэр, я думаю, это будет пиар-катастрофа.

— Заткнись, — сказал мужчина за столом, и помощник возобновил своё занятие. — Ты. Ты понимаешь, что мне от тебя надо?

— Конечно, — отвечал Расти, стараясь не глазеть на пресс-папье. Он знал, каким гладким и тяжёлым будет оно в его руках, он жаждал обладать им. В этой драгоценной сфере был свет, была жизнь — маленький мир.

150 В оригинале знак «амперсанд» в формате гипертекста html «&». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Наряд Расти когда-то был костюмом, теперь он превратился в сплетение сгнивших волокон. У Расти зудело ухо, но, если бы он его почесал, оно бы отвалилось. Он был мёртв уже три месяца. Если ухо упадёт на пол в этом роскошном офисе, мужчина за столом может и не разрешить Расти прикоснуться к пресс-папье.

Мужчина выдохнул, издав звук, напоминающий храп лошади.

— Хорошо. Ты сделаешь то, что мне от тебя надо, и получишь право на ещё одну дневную прогулку. Всё понял?

— Конечно, — сказал Расти.

И ещё он понял, что прогулка будет первой частью. Мужчина за столом должен будет переоживить Расти и остальных, прежде чем они сделают то, о чём их просят. При оживлении они получают право на однодневную прогулку вне зависимости от того, выполняют они приказы или нет.

— Теперь я могу поддержать пресс-папье?

Мужчина улыбнулся. Улыбка его не была дружеской.

— Нет, пока нет. Ты был не очень симпатичным человеком, когда был жив, Расти?

— Это правда. — Расти старался не обращать внимания на зудящее ухо. Пальцы его тоже покалывало от желания прикоснуться к пресс-папье. — Не был.

— Я всё о тебе знаю. Я знаю, что ты обманывал жену. Мне известно о твоих инсайдерских операциях. Ты был моральным уродом,¹⁵¹ Расти. Но сейчас ты герой, не так ли? Потому что ты мёртв. Твоя жена считает, что ты был **святым**.

«**Это маловероятно**», — подумал Расти. Линда умела наставлять рога не хуже его самого, а может, даже и лучше. Если она извлечёт из его смерти выгоду, он не станет её винить. Он бы так же поступил, если бы умерла она. Расти был рад, что для него всё это в прошлом. Жизнь была слишком сложной и запутанной штукой.

Расти невозмутимо смотрел на мужчину за столом; галстук мужчины отражал искры от пресс-папье. Помощник продолжал блевать. Мужчина за столом выдал ещё одну фальшивую улыбку и сказал:

— Это твой шанс стать **настоящим** героем, Расти. Ты это понимаешь?

— Конечно, — ответил Расти, потому что именно это хотел услышать мужчина.

Солнце скрылось за облаком, и пресс-папье сверкало не так ярко. Оно было столь же соблазнительно, как и прежде, но не таким мучительным образом.

— Хорошо. Потому что, если ты не справишься, если скажешь не то, что надо, я расскажу твоей жене, чем ты в действительности занимался при жизни, Расти. Я расскажу ей, каким ничтожеством, каким дерьмом ты был. Ты больше не будешь героем, Расти.

151 В оригинале точка вместо запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Помощник снова поднял голову от ведра. Вид у него был изумлённый. Он открыл было рот, чтобы что-то сказать, но тут же захлопнул его вновь. Расти улыбнулся бедолаге. «Может, я и был дерьмом и ничтожеством, — подумал он, — но я никогда не шантажировал трупы. Даже твой подхалим помощник понимает, какой ты моральный урод».

Солнце вышло из-за облака, и пресс-папье снова засверкало.

— Договорились, — сказал ошастливленный Расти.

Мужчина за столом,¹⁵² наконец,¹⁵³ немного расслабился. Он откинулся в кресле. Он стал снисходительным и откровенным.

— Хорошо, Расти. Превосходно. В виде исключения ты совершишь один правильный поступок, так? Ты поможешь мне убедить всех этих трусов, что пора оторвать задницы от насиженных мест и заняться делом.

— Да, — сказал Расти. — Я совершу правильный поступок. Спасибо за предоставленную возможность, сэр. — На этот раз он был серьёзен.

— Не за что, Расти.

Расти чувствовал, что вот-вот начнёт ёрзать, как щенок.

— Теперь я могу взять пресс-папье?

— Да, Расти. Подойди и возьми.

Расти осторожно, чтобы не сойти с брезента, шагнул вперёд и схватил пресс-папье. Оно было таким же гладким, таким же тяжёлым и восхитительным, как он и предполагал. Расти прижал пресс-папье к груди. Хрустальный шар приятно холодил пальцы, и Расти начал укачивать его, как младенца.

Расти никогда не понимал тонкости науки оживления мёртвых, но полагал, что это и не важно. Вот результат — он воскрешён. Но Расти знал, что технология оживления жутко дорогая. Когда её только придумали, горюющие родственники умерших раскошеливались на страховки, перезакладывали имущество, залезали в страшные долги только ради того, чтобы провести ещё один день с любимыми, которых они потеряли.

Эта тенденция не продлилась долго. Мёртвые не были приятны в общении. Технология работала только с теми, кто не был забальзамирован или кремирован, потому что оживлять следовало более или менее целые и более или менее не изменившиеся химически трупы. Таким образом, чаще всего оживляли жертвы несчастных случаев и самоубийц — внезапно умерших, неожиданно умерших, тех, кто умер не попрощавшись. Нелюбимых, искалеченных, израненных.

Мёртвые пахли, они на глазах разлагались — быстрее или медленнее, в зависимости от того, сколько времени прошло между смертью и тем мгновением, когда их оживили. Они теряли пальцы и носы. Они оставляли после себя собственные частички, будто сувениры на память. И оживлённых очень мало интересовали хитросплетения мира живущих. Их притягивали другие вещи. Они любили цветы и животных. Они любили играть с едой.

152 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

153 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Открытые краны приводили их в восторг. Первый из оживлённых, мистер Отис Мэгрудер, погиб, врезавшись в дерево, когда катался на лыжах. Все двадцать четыре часа своей второй жизни он просидел на подъездной дорожке к своему дому и лепил пирожки из земли, пока его жена и дети рассказывали ему, как сильно они его любят. Всякий раз, когда кто-либо из родственников мистера Мэгрудера страстно признавался ему в любви и преданности, он кивал и произносил: «Угу». Потом Отис в очередной раз запускал пальцы в землю и улыбался. На восемнадцатом часу, когда его жена, отчаявшись, спросила, что ещё ему рассказать и может ли она ему что-нибудь дать, он поднял голову и спросил: «У тебя есть пластмассовое ведёрко?»

Шестью часами позже, когда мистер Мэгрудер благополучно вновь ушёл из жизни, его жена сказала журналистам: «Ну, Отис всегда витал в облаках. Думаю, поэтому он и врезался в то дерево». Однако оказалось, что следующие оживлённые мёртвые — промышленные магнаты, учёные, гангстеры — тоже были со странностями. Мёртвых не привлекали вещи, которые интересовали живых.

В те времена мёртвых оживляли крайне редко: большей частью для дачи свидетельских показаний по делу об их собственной смерти или по гражданским делам, касавшимся их финансового состояния. Они были плохими свидетелями. Их отвлекали яркие галстуки, блики ламп на полированном дереве скамеек в зале суда, тихое щёлканье машинки секретаря. Было очень сложно удерживать их внимание, напоминать, о чём они должны думать. С другой стороны, когда их удавалось отвлечь от предметов, которые были в данный момент перед ними, мёртвые демонстрировали поразительную память. Отлично срабатывали взятки в виде воздушных шаров и маленьких, ярко раскрашенных игрушек. Присяжные привыкли к виду безутешно рыдающего оживлённого мёртвого, пока склочные адвокаты вертели в руках, вне досягаемости свидетеля, разноцветные игрушки и машинки из спичечных коробков. Но если мёртвые давали информацию, которая была необходима живым, это всегда была правда. Никто и никогда не поймал ни одного мёртвого на лжи — и не важно, насколько лживым он был при жизни.

Мужчине за столом было крайне трудно пробиться сквозь влюблённость Расти в пресс-папье. Потребовалось немало усилий, чтобы привлечь внимание Расти. Грязные подробности об изменах и инсайдерских сделках не подействовали. Всё это уже не имело значения. Это был набор внешних деталей, далёких, как луна, и абстрактных, как мораль, которая также не имела влияния на Расти.

Его чувства, его привязанности были теперь гораздо предметнее.

Расти стоял в роскошном офисе, укачивал пресс-папье, как младенца, напевал ему вполголоса, временами держал хрустальный шар перед собой на вытянутой руке, любовался им и снова нежно прижимал к груди. У него оставалось ещё два часа существования. Через месяц мужчина за столом оживит его и других на следующие двадцать четыре часа. Расти твёрдо намеревался посвятить каждую минуту из своих нынешних двух часов созерцанию пресс-папье. Когда его оживят снова, он влюбится во что-нибудь другое.

— Ты идиот, — сказал мужчина из офиса.

В данный момент он не сидел за столом. Прошёл месяц после встречи с Расти, и мужчина был на рефрижераторном складе. Он орал на своего помощника. Вокруг него стояли оживлённые мёртвые, ожидавшие посадки в грузовики-рефрижераторы для поездки на митинг. Стоял чудесный тёплый весенний день, и от них пахло бы гораздо меньше, если бы их как можно дольше держали в холоде.

— Эти мне не нужны. — Мужчина махнул рукой в сторону двух мёртвых, которые были искалечены больше других: обугленные и изодранные тела едва походили на человеческие. Один играл со скрепкой, которую нашёл на полу, второй сжимал и разжимал ладонь, пытаясь поймать пылинки в лучах света, проникавших из окна.

Помощник вспотел, несмотря на прохладу, царившую в помещении.

— Сэр, вы говорили...

— Я знаю, что я говорил, недоумок!

— Вы сказали, все, кто собран здесь...

— Идиот. — На этот раз голос звучал тихо и очень угрожающе. — Идиот. Ты знаешь, зачем мы здесь? Ты отдаёшь себе отчёт?

— Д-да, — запинаясь, отвечал помощник. — Да, сэр.

— О, что ты говоришь? Если ты отдаёшь себе отчёт, они не должны быть здесь!

— Но...

— Докажи мне, что ты понял задачу. — Голос был таким же тихим и угрожающим. — Скажи мне, зачем мы здесь?

Помощник нервно сглотнул.

— Чтобы напомнить людям, что значит верность и преданность. Сэр.

— Верно. И кому же они верны и преданны? Или должны быть верны и преданны?

— Безвинным жертвам, сэр.

— Да. Именно. И эти, эти существа здесь. — Рука нервно махнула в сторону двух искалеченных трупов. — Это — безвинные жертвы?

— Нет, сэр.

— Нет. Это не жертвы. Это монстры, которые несут ответственность за все эти другие невинные жертвы! Это они виновны, не так ли?

— Да, сэр.

— Они мертвы, и они это заслужили, так?

— Так, сэр. — Помощник нервно ломал руки.

— Всё, ради чего собрали этот митинг, — это чтобы продемонстрировать, что некоторые люди заслужили быть мёртвыми, верно?

— Да, сэр!

— Верно. Так почему же, ради всего святого, этих монстров оживили?

Помощник закашлялся.

— Мы использовали новую технологию, сэр. Ковровое оживление. Оно охватывает заданное географическое пространство. Эти смешались с остальными. Мы не могли соблюсти точность.

— Насрать, — отрезал тихий голос.

— Было бы слишком дорого оживить каждого из них по одному, — сказал помощник. — Благодаря новой технологии мы смогли сэкономить...

— Да я знаю, сколько мы смогли сэкономить! И я знаю, сколько мы потеряем, если наш план не сработает! Избавьтесь от них! Их не должно быть в грузовике! Их не должно быть на митинге!

— Сэр! Да, сэр!

Помощник, как только его босс ушёл, принялся исправлять ситуацию. Он сказал двум нежелательным оживлённым трупам, что в них не нуждаются. Он старался быть вежливым. Было трудно отвлечь их от скрепки и пылинок, пришлось использовать для этого фонарик и мячик. Подействовало; вот только на некоторых других оживлённых это подействовало тоже, и они начали собираться вокруг помощника, курлыкая и протягивая руки к мячику. Их было около двадцати — тех, кто подобрался ближе. Другие, слава богу, оставались в своих маленьких мирах. Но эти двадцать хотели заполучить мячик. Помощнику казалось, что он угодил в детсад в преисподней или на голубятню с изуродованными и обезумевшими птицами.

— Послушайте! — Помощник возвысил голос, стараясь перекрыть воркование оживлённых. — Послушайте меня! Вы двое! Вы со скрепкой и пылинками! Вы нам не нужны, понимаете? Все остальные нужны! Вы двое, не забирайтесь в грузовик! Вы поняли? Да? Вы кивнули, я не ошибся? Это значит — да?

— Ага, — сказал труп со скрепкой, а тот, который был в восторге от пылинок, закивал.

— Тогда хорошо, — сказал помощник и закинул мячик через их головы в угол склада.

Оживлённые хором заверещали и гурьбой бросились в угол. Помощник воспользовался случаем, чтобы ускользнуть со склада на свежий воздух. Его противорвотное перестало действовать. Он не знал, дошло ли до нежелательных оживлённых то, что он им сказал, да и насрать — вся эта затея грозила превратиться в пиар-катастрофу, не важно, кто из них заберётся в рефрижератор. Помощника больше не волновало, уволят его или нет. На самом деле он надеялся, что его уволят, потому что тогда он смог бы получать пособие. Как только закончится митинг, он отправится домой и начнёт работать над своим резюме.

А на складе тем временем Расти крепко схватил мячик. Он намеренно держался в задних рядах толпы. Он знал, что ему надо сделать, и ему пришлось сильно напрячься, чтобы сконцентрироваться, ведь было очень тяжело не обращать внимания на все эти прекрасные вещи вокруг: галстук помощника, клочок газеты на полу, блестящие колпаки на колёсах грузовика... Мозг Расти работал не так хорошо, как во время первого оживления, потребовалась вся его энергия, чтобы сосредоточиться. Он стоял в задних рядах толпы и не сводил глаз с мячика, и когда помощник бросил его в угол склада, Расти первым

оказался у цели. Мяч был у него. Расти схватил его и, трепеща от прикосновения к резиновым ворсинкам, сделал самую тяжёлую вещь из всех, что ему приходилось делать: он пожертвовал наслаждением от обладания мячиком. Расти заставил себя отказаться от него ради большего блага. Он забросил мячик вглубь ближайшего грузовика и наблюдал за тем, как двадцать оживлённых собратьев радостно кинулись по пандусу в рефрижератор. Была среди них неудобная парочка или нет? Да, они были там! От возбуждения они забыли о своём обещании помощнику.

Расти подбежал к грузовику. Он забрался в рефрижератор и боролся с желанием присоединиться к общей свалке за обладание мячиком. Вместо этого Расти Керфаффл, который не был героем и не был симпатичным человеком, достал что-то из кармана. У него был карман, потому что мужчина с тихим голосом дал ему новый синий блейзер, чтобы Расти выглядел более презентабельно, а в кармане блейзера лежало хрустальное пресс-папье с пурпурным цветком внутри. В прошлый раз Расти позволили оставить пресс-папье у себя, потому что до него больше никто не хотел дотрагиваться. «Оно теперь всё в грёбанных трупных микробах», — сказал мужчина с тихим голосом, и Расти задрожал от радости. Ему не придётся влюбляться во что-то другое, он может остаться с этой любовью.

И теперь Расти использовал пресс-папье, чтобы отвлечь от мячика двоих нежелательных трупов и ещё нескольких, что были ближе к нему. А потом он стал с ними разговаривать, хотя было очень и очень трудно говорить связно.

Всё, чего Расти на самом деле хотел, — это ласкать пресс-папье.

Он ждал, когда закроются двери фургона.

За стенами склада была весна — благоуханное, цветущее время. Рефрижератор ехал мимо клумб, усаженных яркими цветами, мимо пешеходов, которые шли по тротуарам, подняв лица к солнцу, мимо парков, где дети в восторге взлетали на качелях к небу. Конвой грузовиков въехал в центральный городской парк и по трёхполосной дороге проследовал к открытой эстраде в глубине этого парка. На сцене стоял мужчина с тихим голосом, рядом — его помощник. Одна часть собравшейся публики размахивала плакатами в поддержку мужчины с тихим голосом, вторая — осуждавшими его плакатами. И там, и там были вкрапления репортёров с камерами и микрофонами. Мужчина с тихим голосом без выражения смотрел в проход, разделявший публику на две части, и читал приготовленную помощником речь.

— Четыре месяца назад, — говорил он, — этот город пострадал от разрушительного, чудовищного нападения. Сотни невинных людей были убиты. Эти люди были вашими мужьями и жёнами, вашими детьми, вашими братьями и сёстрами, вашими друзьями. Эти люди погибли в расцвете лет. Их жизни отобрали враги, которым они не причинили никакого вреда. Враги, которые хотели только одного — уничтожить их, которые и теперь хотят только одного — уничтожить нас. Этих людей уничтожило абсолютное зло.

Мужчина с тихим голосом выдержал паузу, ожидая, что толпа зашевелится. Но движения не последовало. Толпа наблюдала за ним и ждала. Только листья дрожали на лёгком весеннем ветру. Мужчина на сцене откашлялся и продолжил:

— В результате этого неслыханного акта разрушения мужественные лидеры нашей великой нации решили, что мы должны нанести ответный удар. Мы не можем оставить зло безнаказанным. И мы посылаем наших храбрых солдат на битву со злом, они уничтожат зло, уничтожат силы, которые забрали у нас наших любимых.

И снова пауза. На этот раз публика зашевелилась... немного. Кто-то с одной стороны собравшихся махнул плакатом «**МЫ НИКОГДА НЕ ЗАБУДЕМ!**». Кто-то на другой стороне махнул плакатом «**ГЛАЗ ЗА ГЛАЗ — ВЕСЬ МИР БЕЗ ГЛАЗ!**». Застрекотали камеры. Защебетали птицы. Рефрижераторы подъехали к навесу для оркестра, и мужчина на сцене улыбнулся.

— Я поддержал мужественное решение наших отважных лидеров, — сказал он. Голос его зазвучал чуть громче, — Существует только один способ среагировать на это ужасное зло, на насилие, жертвами которого стали те, кого мы любили, и то, что для нас свято. Эту принципиальную позицию поддерживают миллионы людей нашего великого народа. Но есть среди нас, среди вас, — тут мужчина свирепо глянул на человека, который размахивал вторым плакатом, — и те, кто заявляет, что эта позиция делает меня недостойным моего положения в кабинете, недостойным продолжать быть вашим лидером. Если это правда, тогда **многие лидеры этой страны тоже недостойны.**

Голос мужчины звучал всё громче. Женщина, стоявшая рядом с мужчиной, который размахивал вторым плакатом, поднесла ладони рупором ко рту и бодро крикнула:

— Нет возражений, босс!

Кто-то в толпе засмеялся, кто-то загудел; камеры жужжали. Мужчина на сцене сверкнул глазами и продолжил уже совсем не тихим голосом:

— Но это ложь! Лидеры этого города, этого штата, этой нации должны быть мужественными! Должны быть принципиальными! Должны быть готовы дать бой злу, где бы оно ни находилось!

— Должны быть готовы послать одних невинных молодых людей убивать других невинных молодых людей! — крикнула та же женщина из толпы.

Толпа загудела ещё громче.

Мужчина на сцене мрачно улыбнулся.

— Давайте вспомним, **кто действительно невинен.** Вспомним, кто был невинен четыре месяца назад. Если бы они могли говорить с нами, что бы они нам сказали? Что ж, скоро вы это узнаете. Сегодня я привёл их сюда, наших мёртвых возлюбленных, чтобы они поговорили с нами. Чтобы сами сказали, чего они от нас ждут.

Мужчина подал сигнал. Двери грузовика открылись. Трупы заковыляли из рефрижератора: они моргали от великолепного солнечного света, они глазели, разинув рты, на цветы и деревья, на складные стулья и стрекочущие

кинокамеры. Толпа ахнула, некоторые начали рыдать. Остальных затошнило. Дополнительная команда помощников, хорошо подготовленных ко всякого рода случайностям, приступила к раздаче платков и пакетов; и на тех и на других были напечатаны слоганы компании.

Расти Керфаффл упрямо не обращал внимания на деревья и цветы, на складные стулья и камеры репортёров. Он упрямо отказывался думать о любимом пресс-папье, которое лежало у него в кармане. Он продвигался к сцене и тащил за собой нежелательных мёртвых. В рефрижераторе Расти удалось решить сложную задачу: он снял с других трупов кое-какую одежду и обрядил в неё нежелательных. Так у него был шанс, что мужчина с тихим голосом не поймёт, что Расти задумал, и не попытается его остановить. Пока всё шло гладко.

Мужчина с тихим голосом говорил что-то о любви, о потерях и о насилии. Его помощники пытались организовать разбредавшихся мёртвых. Большинство людей в толпе у сцены рвало. Расти прикрыл глаза, чтобы не видеть окружавшие его привлекательные вещи, и взял каждого из нежелательных за руку. Так они, как трое маленьких детей, переходили через дорогу. Сосредоточься, Расти. Иди к сцене...

Он добрался до сцены. Три ступеньки — и он стоит наверху, и два нежелательных трупа рядом с ним. Мужчина с тихим голосом повернулся к Расти и улыбнулся.

— А теперь, леди и джентльмены, перед вами Расти Керфаффл, героический муж Линды Керфаффл, которого вы видели по телевизору. Линда, ты с нами?

— Дорогой! — воскликнула женщина в толпе.

Она побежала к сцене, но на полпути её остановил позыв к рвоте. Расти попробовал догадаться, сколько ей заплатили.

Один из помощников похлопал Линду по спине и передал ей пакет. Помощник на сцене пробормотал: «Пиар-катастрофа», — но слишком тихо для микрофонов. Мужчина с тихим голосом кашлянул, прочищая горло, и толкнул Расти в спину.

Расти догадался, что это —¹⁵⁴ сигнал к действию.

— Привет, Линда, — сказал он.

Он не мог понять, уловили ли микрофоны его слова, и поэтому помахал рукой. Линда махнула ему в ответ, сделала несколько шагов к сцене, и её снова одолела рвота.

Помощник на сцене застонал, мужчина с тихим голосом вышел вперёд и мрачно сказал:

— Я вернул Расти и этих мужественных граждан, этих патриотов, любимых, которых вы потеряли, чтобы они рассказали вам о том, какой ужасной и бессмысленной была их смерть и насколько важно бороться со злом. Чтобы вы слышали их мольбы совершить правильный поступок, так как некоторые из вас стали жертвой пропаганды.

154 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Расти краем глаза увидел бабочку. Ему потребовалось зажать в кулак всю свою волю, чтобы не побежать за ней, а подойти к микрофону. Но он выполнит свой долг.

Он подошёл к микрофону и подтащил за собой компаньонов.

— Привет, — сказал он. — Меня зовут Расти. Да вы это знаете.

Толпа не сводила с него глаз, многие продолжали блевать. Линда вытирала рот. Люди начали расходиться.

— Подождите! — окликнул их Расти. — Это действительно важно. Действительно.

Некоторые остановились и повернулись к сцене, скрестив руки на груди, остальные продолжали растекаться. Расти должен был сказать что-то, чтобы остановить их.

— Подождите, — сказал он. — Этот парень ошибается. Я не был храбрецом. Я не был патриотом. Я изменял жене. Линда, я изменял тебе, но, думаю, ты знала об этом. Я думаю, ты тоже мне изменяла. Это ничего, это сейчас не важно. Я многих обманывал. Я обманывал налоговых инспекторов. Я виновен в инсайдерских операциях. Я был моральным уродом. — Расти указал на мужчину с тихим голосом. — Это его слова, не мои, но я таким и был.

Ну вот, теперь его нельзя шантажировать.

Большинство из тех, кто уходил, остановились. Хорошо. Мужчина с тихим голосом зашипел:

— Расти, что ты делаешь?

— Я делаю то, о чём он меня попросил, — сказал Расти в микрофоны. — Я, как он там говорил, умоляю вас совершить правильный поступок.

Расти запнулся. У него не хватало слов, он изо всех сил сконцентрировался на том, что собирался сказать дальше. Слева от него мелькнуло что-то фиолетовое. Ещё одна бабочка? Расти повернулся. Нет, это был великолепный фиолетовый платок. Помощник на сцене махал им Расти. Сердце Расти растаяло. Он влюбился в этот платок. Этот платок был самой совершенной вещью из всех, что Расти видел в своей жизни. Кто не жаждет обладать носовым платком? И действительно, один из компаньонов Расти, тот, что слева, вцепился в платок.

Расти шагнул в направлении платка, но заставил себя остановиться. Нет. Помощник пытается отвлечь его. Помощник играет нечестно. Платок — это трюк. У Расти всё ещё есть пресс-папье. Ему не нужен платок.

Расстроенный, едва не плача, Расти вернулся к микрофонам и подтащил за собой нежелательные трупы. Трупы хныкали, но Расти оказался сильнее. Он знал, что это очень важно. Это было так же важно, как пресс-папье у него в кармане. Он уже не мог вспомнить, почему так, но он помнил, что когда-то это знал.

— Дорогой! — закричала Линда и рванулась к нему. — Дорогой! Я прощаю тебя! Я люблю тебя! Дорогой мой Расти!

На ней была шляпка. Она никогда не носила шляпки. Это ещё один трюк. Расти затрясло.

— Линда, — сказал он в микрофон. — Заткнись. Закрой рот и уходи, Линда. Я должен кое-что сказать.

Один из компаньонов Расти, тот, что справа, тихонько взвизгнул и попытался пойти за Линдой, за её шляпкой.

— Нет. — Расти крепко держал нежелательного. — Ты останешься здесь. Линда, сними эту блестящую шляпку! Спрячь её, Линда!

— Дорогой! — сказала она, и правый труп вырвался от Расти и спрыгнул со сцены.

Линда закричала и бросилась прочь, мертвец потрусил следом. Расти вздохнул; помощник снова застонал; мужчина с тихим голосом тихо выругался.

— Ладно, — сказал Расти. — Вот что я должен вам сказать.

Некоторые из тех, кто провожал взглядом убежавшую Линду и её преследователя, снова посмотрели на Расти, но не все. Что ж, здесь он ничего не может поделать. Он должен сказать это. Он смог вспомнить, что должен сказать, но не смог вспомнить почему. Ничего страшного. Он скажет это, а потом, может быть, и вспомнит.

— Я должен сказать вам вот что: умирать больно, — сказал Расти. Толпа приглушённо загудела. — Умирать очень больно. Это больно... больно всем. — Расти мучительно пытался вспомнить, почему это имеет значение. Он смутно припоминал, как умирал сам, как умирали вокруг него другие. — Всем больно. Всем одинаково. Этому парню и тому, который убежал, им тоже больно. Это Ари. А тот — Ахмет. Они были из тех, кто устанавливал бомбы. Они не успели уйти вовремя. Они тоже погибли.

Толпа ахнула, загудела громче, ругательства мужчины с тихим голосом тоже стали громче. Теперь Расти определённо завладел вниманием всех и каждого.

Он подтолкнул Ари.

— Это больно, — сказал Ари.

— И? ... — спросил Расти.

— Нам жаль, — сказал Ари.

— Ахмету тоже жаль, — сказал Расти. — Он говорил мне. Он бы и вам сказал, если бы не побежал за блестящей шляпкой.

— Если бы мы знали, мы бы этого не сделали, — сказал Ари.

— Почему? — спокойно спросил Расти.

— Мы сделали это по неправильной причине, — сказал Ари. — Мы ждали, что случится то, чего не случилось. Рай и, ну, там девственницы. — Ари смутился и посмотрел вниз на свои разлагающиеся ступни. — Нам жаль.

— Ещё, — сказал ему Расти. — Расскажи им ещё.

— Умирать больно, — сказал Ари. — Это не делает счастливым. Это никого не делает счастливым.

— И поэтому, пожалуйста, совершите правильный поступок, — сказал Расти. — Не убивайте больше никого.

Мужчина с тихим голосом взвыл и подскочил к Расти. Он схватил его за правую руку и потянул от микрофона. Рука оторвалась от туловища, и мужчина начал дубасить ею Расти по голове.

— Ты грёбаная развалина! Предатель! Ты говорил, что расскажешь им...

— Я говорил, что совершу правильный поступок, — сказал Расти. — Я никогда не говорил, что моя версия правильного поступка совпадает с вашей.

— Ты солгал!

— Нет, не солгал. Я ввёл вас в заблуждение, но я сказал правду. Что вы собираетесь сделать? — Расти оглядел толпу. — Убить меня? Мы и есть мёртвые. Кого-то из нас вы любили. Кого-то ненавидели. Мы — мертвецы. Мы здесь, чтобы сказать вам: пожалуйста, не убивайте больше никого. Все когда-нибудь умрут, убьёте вы их или нет. Это больно.

Толпа смотрела на Расти. Работали камеры. Никому из живых, собравшихся на тот митинг, никогда не приходилось слышать такую длинную речь от мёртвого. Это действительно был исторический момент. Группе помощников удалось оттащить подальше мужчину с тихим голосом, который продолжал размахивать оторванной рукой. Расти, с одной оставшейся рукой, стоял на сцене, и рядом с ним — Ари.

— Посмотрите, — сказал Расти. Он отпустил Ари и достал из кармана пресс-папье. Он поднял пресс-папье над толпой. Ари закурлыкал и как замороженный потянулся к хрустальному шару, но Расти держал его высоко над головой. — Посмотрите на это! Посмотрите на сверкающий шар. Посмотрите на цветок. Он прекрасен. В вашей жизни есть все эти вещи, все эти прекрасные вещи. Солнечный свет и трава, и бабочки. Шляпки. Носовые платки. У вас не будет этого, когда вы умрёте. Поэтому умирать больно.

Расти содрогнулся и вспомнил. Он вспомнил, что такое умирать, — умирать, понимая, что никогда больше не увидишь деревьев, никогда не выпьешь чашечку кофе, никогда не почувствуешь запах цветов, не увидишь отражения в окнах домов. Он вспомнил эту боль — боль осознания того, что ты теряешь, — приходящую, когда уже слишком поздно. И он знал, что живые не поймут его, не смогут понять.

Или, может быть, кто-то поймёт, но другие только посмеются над ними. Расти, запинаясь, нескладно закончил свою речь. Он понимал, что любой сочтёт его слова штампом.

— Радуйтесь прекрасным вещам, пока они у вас есть.

Женщина, которая перебивала мужчину с тихим голосом, нахмурилась.

— Вы пропагандируете алчность! Вот что убивает людей. Люди убивают друг друга из-за вещей!

— Нет, — сказал Расти. Он выдохся. Она не поняла. Вероятно, она никогда не поймёт, пока не умрёт и её не оживят. — Просто радуйтесь им. Смотрите на них. Не деритесь из-за них. Вы не понимаете, да?

— Нет, — сказала женщина, — не понимаю.

Расти пожал плечами. Он слишком устал, у него не осталось сил, чтобы сосредоточиться. Его больше не волновало, поняла его эта женщина или нет. Мужчину с тихим голосом куда-то увели, Расти сделал то, что хотел сделать,

хотя теперь это уже казалось не таким важным, как месяц назад, когда его оживили в первый раз. Он смутно припомнил: никому не удавалось толком чему-нибудь научить живых. Едва ли кто-то из них способен понять. Но Расти сделал то, что мог. Он рассказал им о том, что важно.

Женщина больше не привлекала внимание Расти, толпа тоже. Он прижал пресс-папье к груди и присел на край сцены, Ари устроился рядом. Они сидели на солнышке, любуясь хрустальным шаром, трогали его и мычали от счастья.

Живые понаблюдали за ними некоторое время, а потом начали расходиться. Другие трупы тоже разошлись кто куда. Они слонялись по манящему парку, и **каждый из них был влюблён**. Кто-то в воробья на тропинке, кто-то в шёлковый шарф, подаренный женщиной из публики на митинге, кто-то — в смятый пакет из-под молока, который она бросила в урну. Мёртвые были влюблены: они ходили и сидели, носили с собой предмет своей любви или не сводили с него глаз, застыв на месте. Они любили свои прекрасные вещи весь оставшийся день, пока солнце не опустилось за горизонт, и тогда люди тоже опустились на землю, и сокровища лежали рядом с ними. Они вновь уснули, но больше уже не просыпались.

August 2004 © Susan Palwick

Дэвид Таллерман «Стокгольмский синдром»

Рассказы Дэвида Таллермана печатались в ряде журналов, таких как «Flash Fiction Online», «Andromeda Spaceways Inflight Magazine» и «Pseudopod». Его работы также выходили в антологиях и сборниках. Дэвид окончил Йоркский университет, где специализировался в истории литературы.

В «Стокгольмском синдроме» повествование ведётся от лица безымянного персонажа, который пережил начало апокалипсиса, но это стоило ему дома, семьи, привычного образа жизни. «Его трудно назвать плохим, — говорит Дэвид, — но и хорошим его тоже не назовёшь. Он остался один-одинёшенек, ему не с кем поговорить и нечего делать, причём он сталкивается с такой ситуацией впервые в жизни. Он понимает, что в чём-то до ужаса похож на расхаживающих по улице мертвецов, а такое неприятное открытие будет встряской для любого человека».

Таллерман считает, что встречу с единичным зомби обычно можно представить в забавном свете, но сотни, тысячи зомби уже не кажутся смешными. С другой стороны, Таллерман говорит: «Очень легко забыть об угрозе, которую представляет один зомби. По крайней мере, до тех пор, пока он не решит закусить вашими внутренностями».

Один из них — я назвал его Билли, — он выглядел более... как бы это сказать? Более живым, чем все остальные. Обычно они просто бредут себе незнамо куда. Порой поднимут что-то с земли, но находка быстро им надоедает, так что они бросают её и снова бредут без цели. Шума от них немного. Наверное, они догадываются, что тут есть люди; несколько дней в самом начале они колотили по заколоченным досками окнам и толкались в двери. Они не умеют лазить и не слишком сильны, так что со временем они оставили эту затею. А теперь они ковыляют по улицам или просто лежат на земле.

Забавно, что иногда они очень похожи на людей, а иногда нет. Самые первые — те, что вылезли из земли, или я уж не знаю откуда, можно назвать их первым поколением, — те выглядят вполне прилично. Их можно отличить по походке, они ковыляют, будто только учатся ходить, и всё время смотрят под ноги. Конечно, другие — те, до которых добралось первое поколение, — вот им здорово досталось. С их тел свисают ошметки, зияют глубокие раны, а у некоторых недостаёт половины лица. Они как раз похожи на восставших из могил мертвецов. На них даже легче смотреть, хотя всё равно дрожь пробирает. Но по крайней мере, ты знаешь, с кем имеешь дело.

Но я говорил о Билли. Вот уж кто был представителем первого поколения до мозга костей! Не знаю, что уж с ним произошло, но, когда он появился в наших местах недели две назад, на нём был костюм, очень хороший костюм, и даже с гвоздикой в петлице. Не знаю, может, его как раз хоронили, когда всё произошло. Остаётся только догадываться, что подумали родственники, когда он взял да и встал во время похорон.

В общем, при первом появлении он прошёлся по главной улице тем ещё щёголем. Вернее, не столько прошёлся, сколько прошаркал, как и все они, но каким-то образом он ухитрился выглядеть смышлённее остальных, более проворным. И костюм напомнил мне о моём мальчишке, когда мы его хоронили. Поэтому я и назвал его Билли.

Билли быстро освоился. Он сразу сообразил, что люди остались только в двух домах: в моём и доме через дорогу. Оба забаррикадированы до чердаков. Надо сказать, мне тут особенно нечем гордиться — когда моя машина встала на шоссе милях в трёх отсюда, я нашёл этот дом уже в таком состоянии. Они забрались в него через окно (оно так и стояло открытым); вернее, двое забрались через окно, а двое других, наверное, как раз и были хозяевами дома. В ближнем бою с четырьмя ещё можно справиться, к тому же у меня был револьвер. Думаю, мне повезло, что я сумел разделаться с ними прежде, чем они разделились со мной. Могло выйти совсем наоборот.

Я выкинул тела в окно и поспешил заколотить его, прежде чем остальные зомби догадались, что произошло. Мне действительно крупно повезло: в доме нашлись винтовка с оптическим прицелом, консервы и куча других полезных вещей. Хозяева запаслись всем необходимым, чтобы переждать напасть, а потом потеряли бдительность. Случается. Нелегко постоянно быть начеку, особенно когда вокруг такое творится. Я старался не портить их вещи, это было бы нехорошо. Мне хватает винтовки и еды.

Но я снова отвлёкся — я ведь рассказываю о Билли, а не о себе. И что интересно — стоило ему появиться в городе, сразу стало понятно, что он не такой, как все. Надо было догадаться, что от него будут неприятности, но скучно сидеть целый день без дела, особенно когда по телевизору и радио передают одни помехи. Следовало пристрелить его сразу. Знаете, поначалу палишь по всему, что движется, но потом начинаешь понимать, что пуль на всех не хватит. *Сколько бы у тебя ни было пуль, зомби всё равно больше.*

Может, я поэтому и не пристрелил Билли при первой встрече. Или потому, что, когда он шёл по главной улице, он так походил на моего парня. Или потому, что мне было чертовски скучно и вдруг произошло что-то необычное. В общем, это неважно.

В любом случае с первого взгляда было заметно, что он умнее остальных и не станет просто бродить по улицам. Для начала он обошёл вокруг дома через дорогу, время от времени постукивая по доскам, будто проверяя на прочность. Потом он проделал то же самое с моим убежищем, и я слышал, как он скребётся в окно, через которое я попал в дом. Должен сказать, я исполнился уважения. Обычно они ведут себя как тупые, ленивые дети, и это довольно быстро начинает действовать на нервы. Мне понравилось, что один из них решил проявить инициативу, хотя я понимал, что он ещё доставит хлопот.

О себе я не волновался: каждое утро я проверял доски и периодически забивал новые — скорее для того, чтобы чем-то заняться, поскольку, как я говорил, зомби давно перестали ко мне ломиться. Но я не знал, как обстоят дела у семьи через дорогу; не знал, принимают они меры предосторожности или нет. Снаружи их жилище выглядело неплохо. Звучит это сейчас глупо, но я не люблю лезть в чужие дела. Я знал, что их четверо, вроде как муж, жена и двое детей, но больше мне было ничего не известно. Улица широкая, и без оптики я бы ничего не увидел, а подглядывать за ними в прицел — ну не знаю, мне бы казалось, что я извращенец какой-то. Даже при нашем плачевном состоянии дел у людей должно оставаться право на личную жизнь, разве не так?

Переговариваться мы никак не могли; работай телефонная линия, я бы нашёл их в телефонной книге. Или вывесил знак, но я не знал, смогут ли они его прочесть. Поэтому я просто оставил их в покое.

Судя по всему, Билли решил, что они представляют собой более лёгкую добычу, потому что после первого дня он больше меня не трогал. Но я всё равно наблюдал за ним: во-первых, он вёл себя интереснее остальных, да к тому же зомби были повсюду и смотреть было больше не на что. И зомби тоже интересовались им в меру своих способностей: кто это ходит по району так, будто что-то замыслил?

А Билли нашёл себе занятие: на второй день своего появления в городе он выбрал единственное окно на правой стене того дома, как раз где заканчивалась веранда. Даже через прицел я с трудом мог разглядеть его. Мешала и веранда и раскидистое старое дерево, и я плохо видел, как он там двигается. Конечно, и так было понятно, что он задумал: нашёл уязвимое место и решил, что если постарается, то сможет пробраться в дом. Я бы на это не рассчитывал. Наверняка семья внутри его услышала (не могла не услышать), и если они считали, что у него есть хоть малейший шанс забраться внутрь, то взамен каждой оторванной им доски они бы прибавляли две. По крайней мере, я бы поступил именно так.

Я считал, что через пару дней ему надоест и он начнёт бродить вокруг, как остальные. От этой мысли мне почему-то становилось грустно. Бог свидетель, я вовсе не желал ему успеха, но мне не хотелось смотреть, как он сдастся. Чёрт, может, я просто не хотел, чтобы он пошёл по той же дорожке, что и мой Билли. Звучит глупо, я знаю. Сам не знаю, о чём я думал, — но мне было бы жаль.

На следующий день, когда я проснулся, он всё ещё трудился над окном. Более того, он собрал вокруг себя зрителей. Огромная толпа зомби — сотня, а может, и больше — собралась на лужайке. Некоторые стояли, но большинство расселись на траве, будто пришли на представление. Я всё никак не мог разглядеть, что же делает Билли. Меня снедало любопытство — что же такое он делает, что сумел привлечь внимание своих братьев? Я начал выискивать лучшую точку обзора и вдруг вспомнил о лестнице на чердак — и точно, когда я туда забрался, обнаружил большое окно с видом на улицу. Чердак в своё время переделали, он выглядел так, будто когда-то там жил ребёнок, но потом он вырос и уехал, а родители не захотели ничего менять. Окно оказалось настолько большим, что мне удалось устроиться на подоконнике. И оттуда я сумел чётко разглядеть Билли. Меня как током стукнуло. Я никогда не видел, чтобы зомби

так на что-то набрасывались: он дёргал и дёргал доски. Пальцы у него были все в крови, и через прицел было видно, что некоторые ободраны до костей. Но Билли это не останавливало; думаю, он даже не чувствовал ран. Две доски он успел оторвать — они лежали рядом на траве. И всё же я сомневался, что у него получится. Та семья просто приколотит другие доски изнутри, а если он доберётся и до тех, они приколотят ещё. Несмотря на то что Билли выглядел сильнее и смышлённее остальных зомби, с людьми ему не сравниться.

Тем не менее я не мог глаз оторвать от его стараний. Не считая небольшого перерыва на обед, я наблюдал за Билли весь день, до темноты. К концу дня он сорвал половину внешних досок, и на этом я его оставил — думаю, темнота ему не мешала.

Наутро я проснулся рано и перенёс все свои припасы на чердак, вместе с найденной в доме газовой плиткой. Ни с того ни с сего Билли стал центром моей жизни — я ещё подумал, что ничем не отличаюсь от тупиц, которые сидят на лужайке и смотрят на него как на лучший аттракцион в паноптикуме.

Только когда я взгромоздился на свой насест у окна, они больше не сидели. Они сгрудились вокруг Билли в его приличном костюме и все до единого рвались в это окно. Не менее двадцати отрывали доски, и я сразу понял — что бы там ни предпринимали изнутри люди, это бесполезно. Они возьмут массой.

И точно, прошло не более минуты, как я занял свой наблюдательный пункт, и баррикада рухнула — доски и тела посыпались внутрь. У меня ещё мелькнула сумасшедшая мысль, что не иначе как Билли дожидался меня, что ему нравилось работать на зрителей.

Я не стал ничего предпринимать — а какой смысл? Если та семья находилась у окна, а я уверен, что так и было, они умерли в тот момент, когда сдали доски. Я почти ничего не чувствовал, как при шоке. Зомби всё лезли и лезли в окно, отпихивая друг друга, словно им больше ничего не надо. Даже когда комната заполнилась до предела, они всё равно продолжали лезть, пока на лужайке их не осталось всего ничего, да и те толкались у окна.

Стояла тишина — странная тишина, учитывая, что только что произошло, — но я даже не замечал её, пока не раздался крик. И тогда, наоборот, странным показался звук, потому что я привык к тишине. Мне пришлось отложить винтовку, чтобы понять, откуда доносится крик. Кричали со второго этажа, с другой стороны дома — кричала дочка, девочка лет двенадцати. Должно быть, родители заперли её в надежде, что там будет безопаснее. Она высунулась из окна и кричала; она не смотрела в мою сторону, и я даже не знал, догадывается ли она о моём присутствии, просит ли о помощи или просто кричит. Я ничего не мог для неё сделать. Если бы она спрыгнула на крышу веранды, а с неё на дорогу, то я мог бы ей помочь, но как дать ей знать? Я снова поднял винтовку. Не знаю зачем — может, я хотел пристрелить несколько зомби, прежде чем они доберутся до неё, или облегчить судьбу девочки. Думаю, так мне и следовало поступить; не знаю, пришло мне тогда это в голову или нет. Это трудное решение.

И, знаете, я сразу догадался, что первым до неё доберётся Билли, поэтому я совсем не удивился, когда он появился в окне. Девочка даже не заметила его, поглощённая своим криком. Двойное окно было длинным, и между ними ещё оставалась пара футов. Билли ковылял не спеша, и я бы без труда разнёс ему голову.

Я положил палец на курок — и остановился. Я думал только о том, что стал счастливее с тех пор, как Билли появился на главной улице, о том, как он походил на моего парня. Пусть он зомби, но он сообразительный, и разве есть у меня право убивать его? И ещё в голове вертелось: «Всё равно всех не перестреляешь, пуль не хватит, один из них до неё доберётся, и почему бы не Билли?» Я знаю, что был неправ, — если бы мне удалось выиграть время, девочка могла бы опомниться и прыгнуть на веранду.

Я снова вскинул винтовку, но стало уже поздно.

Билли качнулся вперёд, обхватил её голову окровавленными обрубками пальцев и впился зубами в щеку девочки. Так он и остался стоять, и можно было подумать, что он её целует, если бы не хлещущая кровь. Она заливала его красивый костюм. Через прицел я видел, как двигаются его челюсти. И тут он перестал походить на моего парня; он походил на чудовище. Я нажал на курок; на пару секунд его голова превратилась в кровавое облако, и кровь дождём осыпала на всё вокруг. Когда облако рассеялось, он всё ещё стоял, и хотя голову его больше ничто не держало, она продолжала висеть на лице девочки. Я выстрелил ещё раз, и они оба упали. Я знал, что девочка всё равно мертва, но лучше мне от этого не стало.

Вот так закончилась история Билли. И думаю, что моей тоже пора заканчиваться. Вчера я нашёл этот старый диктофон, и, наверное, мне захотелось выговориться. Вполне возможно, что никто не услышит мою запись. Но вдруг придёт день, когда эта беда закончится, и сдаётся мне, что все мы можем чему-нибудь научиться из моего рассказа. Или же люди постараются как можно скорее забыть то, о чём лучше помнить. Потому как вот что я думаю: то, что они нас убивают, это не самое страшное. Самое страшное, что они превращают нас в себе подобных, отнимают у нас способность чувствовать. Даже если они до тебя не добрались, каждый день ты теряешь частичку своей человечности, и каждый день ты потихоньку умираешь.

А может, я всегда был таким. Я даже ни разу не плакал по Барбаре и моей малышке, хотя я до боли по ним скучаю. Но плакать не могу. Если подумать, по Билли я тоже не плакал. Когда его закапывали, я был зол и никак не мог понять, зачем он решился на такой глупый, эгоистичный поступок. Чёрт, я знаю, что был плохим отцом, но, если бы он попытался со мной поговорить, я бы нашёл, что ему сказать.

И всё же сейчас я лучше понимаю Билли — ах, если бы он был здесь, я бы сказал это лично ему, а не этой глупой машине. Один из полицейских сказал мне, что Билли сам толком не знал, что делает, потому что никто не стреляется в грудь. Лучший способ — в рот, немного приподняв дуло.

С винтовкой это трудно проделать, но мне повезло, и в револьвере осталось несколько патронов — а мне понадобится только один.

Что я пытался сказать раньше, чему они научили нас, так это тому, что быть живым вовсе не означает жить. И я думаю, что я уже мёртв.

По крайней мере, при данном раскладе я останусь мёртвым.

June 2007 © David Tallerman

Джо Хилл «Воскрешение Мои Конроя»

Джо Хилл — популярный писатель, автор романа «Коробка в форме сердца» («Heart-Shaped Box») и сборника рассказов «Призраки двадцатого века» («20th Century Ghost») — книг, которые были удостоены премии Брэма Стокера. За свою новеллу «Добровольное заключение» («Voluntary Committal») он получил Всемирную премию фэнтези, а за рассказ «Лучший новый ужас» («Best New Horror») — Британскую премию фэнтези и премию Брэма Стокера. В данный момент Хилл совместно с художником Габриелем Родригесом работает над созданием мини-серии комиксов «Замок и ключ» («Locke &¹⁵⁵ Key¹⁵⁶»), Почти в то же время, что и данная антология, выходит включающее в себя все выпуски издание «Замка и ключа» в твёрдом переплёте.

О «Воскрешении Бобби Конроя» Хилл говорит, что этот рассказ представляет собой историю о мужчине и женщине, в прошлом испытывавших друг к другу романтические чувства, которые случайно встречаются в массовке на съёмках фильма «Рассвет мертвецов» в 1977 году. «Теоретически, это рассказ о любви, — комментирует Хилл. — Но на самом деле это рассказ о моей двадцатилетней любви к фильмам о зомби, снятым Джорджем Ромеро».

Бобби узнал её не сразу. Она тоже была изувечена. У всех тридцати человек, прибывших первыми, были раны.

Грим накладывал Том Савини собственной персоной.

Лицо этой женщины имело серебристо-голубой оттенок. Под ввалившимися глазами залегли тёмные круги. На месте правого уха зияла глубокая рваная рана, можно сказать, дыра в коже, и была видна мокрая красная кость. Они сели рядом на каменный парапет вокруг не работавшего сейчас фонтана. Она положила на колени свою часть сценария — всего-то три страницы, скреплённые степлером, — и просматривала её, сосредоточенно хмураясь. Бобби уже прочитал свою часть, пока стоял в очереди на грим.

155 В оригинале знак «амперсанд» в формате гипертекста html «&»; (прим. ред. Alex.Rus.UA)

156 В оригинале «Key» кириллицей — ошибка распознавания после сканирования. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

О Гарриет Резерфорд ему напомнили её джинсы. На них было большое количество заплаток, похожих на кусочки платков: красные и синие квадратики ткани с набивным рисунком-пейсли¹⁵⁷. Гарриет всегда носила такие джинсы. Подобные заплатки на затянутых в джинсы женских попках мгновенно заводили Бобби.

Он провёл взглядом вдоль её согнутых ног, вниз по джинсовому клешу до голых ступней. Она сидела, скинув сандалии, и массировала пальцами одной ноги пальцы другой. Когда он это увидел, то почувствовал, как сердце подпрыгнуло в каком-то болезненно-радостном возбуждении.

— Гарриет? — позвал он. — Неужели передо мной малышка Гарриет, которой я в школе посвящал любовные стихи?

Она посмотрела на него через плечо, скосив взгляд. Она могла не отвечать, потому что он уже точно её узнал. Смотрела она долго, основательно, и через некоторое время её глаза будто расширились от удивления. Они были совершенно живого, ярко-зелёного цвета, и ему показалось, что в них на секунду промелькнуло волнение, означавшее, что она тоже его узнала. Но потом она отвернулась, снова уставившись в страницы.

— Никто мне никаких стихов не посвящал, — сказала она. — Я бы запомнила. И умерла бы от счастья.

— Когда нас оставляли после уроков отбывать наказание. Помнишь, как мы получили две недели за пародию на шоу поваров? Ты вырезала из огурца член. Потом сказала, что его нужно тушить в течение часа и засунула себе в штаны. Это же самая лучшая шутка в истории школьного комедийного кружка!

— Не знаю. У меня хорошая память, но что-то я не припомню никакого школьного комедийного кружка. — Она продолжала смотреть в листы бумаги, лежавшие на коленях. — Может, ты помнишь что-нибудь конкретное из этих воображаемых стихов?

— В смысле?

— Хотя бы строчку. Если ты процитируешь что-нибудь из этих стихов, — хоть одну душераздирающую строчку, — то, вероятно, я сразу всё вспомню.

Сначала он не был уверен, что сможет. Он посмотрел на неё пустым взглядом и, уперев язык в нижнюю губу, судорожно попытался восстановить в памяти хоть самую малость, но голова отказалась работать.

Но затем его рот раскрылся, и он стал говорить, одно за другим вспоминая слова:

— Обожаю смотреть, как ты моешься в душе. Нет для меня зрелища лучше. Когда ты моешь свою грудь...

— ... Мне сразу сильно джинсы жмут! — закончила Гарриет, поворачиваясь к нему всем корпусом. — Чёрт побери, Бобби Конрой, иди скорее сюда обниматься, только смотри не испорти мне грим!

157 Узор в стиле Пейсли (Paisley) — шотландского города на р. Уайт-Карт, притоке р. Клайд, административного центра графства Ренфру, промышленного центра конурбации Клайдсайд, Великобритания. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Он наклонился и обнял её худенькую фигурку. Потом закрыл глаза и сжал её крепче, чувствуя себя нелепо счастливым, наверное, самым счастливым после переезда назад к родителям. И дня не проходило здесь, в Монровилле, чтобы он не вспоминал о ней. Он страдал от депрессии и мечтал об этой встрече, причём его мысли начинались именно с такой сцены. Хотя нет, не совсем с такой, так как он не предполагал, что когда они встретятся, то будут загримированы под полуразложившиеся трупы. Но в целом примерно с такой.

Просыпаясь по утрам в спальне, расположенной над родительским гаражом, он ощущал себя подавленным и вялым. Подолгу не вставая со старого слежавшегося матраса, он смотрел сквозь окна в крыше. Они были серыми от пыли, и через них небо всегда выглядело матово-белым и плоским. Ему не хотелось вставать вообще. Он ещё помнил, как когда-то просыпался в этой самой постели с верой в безграничность собственных возможностей, так свойственной подросткам, и с полным зарядом энтузиазма на день. Эта память только усугубляла его состояние. Мысли о новой встрече с Гарриет, о возвращении к их старой дружбе, которые зачастую перетекали у него в мысли о сексе, потому что он не забыл, как бывал с ней в гараже её отца, как она лежала на спине на заляпанном бетонном полу, широко раскинув худенькие ноги в носках, хоть как-то разгоняли его кровь, заставляя двигаться дальше. Все другие мысли были шипастые. Разбирая их, он получал очень болезненные уколы.

Они так и стояли обнявшись, пока их не привёл в чувство детский голос поблизости:

— Мам, кто это?

Бобби Конрой открыл глаза и перевёл взгляд направо, откуда слышался голос. На них пристально смотрел маленький синелицый мальчик-зомби с мягкими чёрными волосами и в фуфайке с капюшоном, который он натянул на голову. Бобби почувствовал, что объятия Гарриет становятся слабее. Медленно она опустила и убрала руки. Бобби ещё некоторое время смотрел на мальчика, — он дал бы ему лет шесть, не больше, — а потом перевёл взгляд на руку Гарриет и увидел на безымянном пальце обручальное кольцо. Бобби снова посмотрел на малыша и заставил себя улыбнуться. В течение этого года он побывал на более чем семиста прослушиваниях в Нью-Йорке, и у него был в запасе целый каталог фальшивых улыбок.

— Здорово, приятель. Я Бобби Конрой. Твоя мама и я знаем друг друга очень, очень давно, с первобытных времён, когда по земле бродили мастодонты!

— И меня тоже зовут Бобби, — отозвался мальчик. — А ты много знаешь про динозавров? Я очень люблю динозавров!

Бобби почувствовал, что у него сжимается сердце. Он бросил взгляд на Гарриет, хотя не хотел смотреть на неё в данный момент. Но не удержался и обнаружил, что Гарриет наблюдает за ним, улыбаясь. Натянуто, неестественно.

— Имя выбрал мой муж, — объяснила она, неизвестно почему похлопав его по ноге. — В честь кого-то из «Янкиз»¹⁵⁸. Он сам из Олбани.

158 Видимо, имеется в виду знаменитая бейсбольная команда «Нью-Йорк Янкиз». (прим. изд. [Азбука-классика; СПб](http://Азбука-классика.СПб))

— Ну,¹⁵⁹ я знаю только про мастодонтов, — ответил Бобби малышу, удивившись при этом, что его голос даже не дрогнул. — Это такие огромные мохнатые слоны высотой со школьный автобус. Давным-давно они паслись по всему Пенсильванскому плато и везде оставляли какашки размером с маленькую гору. На одной из таких гор люди позже построили Питсбург.

Малыш хихикнул и исподтишка посмотрел на мать, вероятно, чтобы увидеть, как она отреагирует на слово «**какашки**», произнесённое так запросто. Но она не возражала и только улыбалась.

Тут Бобби заметил руку мальчика и отпрянул.

— Фу-у! Это самая клёвая рана из всех, которые я сегодня видел. Это что, накладная рука?

У малыша не хватало трёх пальцев на левой руке. Бобби дёрнул её, ожидая, что протез снимется. Но под слоем синего грима была тёплая детская ручка, и мальчик отобрал её у Бобби.

— Нет, — сказал он. — Это моя. Она просто **такая**.

Бобби залился краской стыда так, что у него запылали уши, и он обрадовался, что загримирован. Гарриет легко прикоснулась к его руке.

— У него на самом деле нет трёх пальчиков, — сказала она.

Бобби посмотрел на неё, пытаясь сформулировать извинение. Её улыбка сейчас была несколько напряжённой, но вроде она не злилась, и то, что её рука касалась его, было хорошим зна́ком.

— Я сунул её в настольную пилу, но ничего не помню, потому что был маленький, — объяснил малыш.

— Дин занимается пиломатериалами, — сказала Гарриет.

— Дин тоже где-то здесь бродит? — спросил Бобби и стал озираться по сторонам, театрально вытянув шею, хотя, конечно, понятия не имел, как выглядит Дин.

Два этажа торгового центра, выходявшие в основной зал, были наводнены людьми, загримированными, как и они, под недавно убиенных. Зомби сидели на скамейках, стояли группками, разговаривали, подшучивали на уродством друг друга или читали розданные им напечатанные страницы сценария. Торговый комплекс был закрыт, а стальные решётки у входных дверей опущены. В здании находились только зомби и съёмочная группа.

— Нет, он привёз нас сюда и уехал на работу.

— В воскресенье?

— У него своё собственное дело.

Нельзя было желать лучшего момента для какого-ни-будь убойного каламбура, и Бобби задумался, подыскивая нужные слова. Но потом ему пришло в голову, что изобретать шутки на тему воскресных занятий Дина в присутствии его жены и малолетнего сына скорее всего неправильно, даже несмотря на то, что они с Гарриет когда-то были закадычными друзьями и звёздами школьного комедийного кружка. Бобби ограничился только простым:

159 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Вот как? Ну,¹⁶⁰ ладно.

— Мне нравится этот большой страшный порез у тебя на лице, — сказал малыш, показывая на лоб Бобби, украшенный жуткой раной. Кожа была разодрана до костей. — Правда ведь, человек, который нам это сделал, крутой?

Бобби действительно поражался тому, что вытворял Том Савини. Гримируя Бобби, он то и дело заглядывал в книгу с разными фотографиями со вскрытий: люди с несчастными изувеченными лицами были по-настоящему мертвы и никогда не восстанут из могил, чтобы насладиться чашечкой кофе за столиком кафе, обслуживающего съёмки. Савини изучал раны как настоящий ценитель и знаток, как художник, созерцающий источник своего вдохновения.

Однако Бобби понял, что именно малыш имел в виду. Савини, в чёрной кожаной косухе, байкерских ботинках, при чёрной бороде и знаменательных бровях, густых, чёрных и загнутых вверх, как у Мистера Спока или Белы Лутоши¹⁶¹, был похож на кумира поклонников дет-металла.

Кто-то захлопал в ладоши. Бобби огляделся. Режиссёр Джордж Ромеро, человек-медведь, более шести футов ростом, с густой коричневой бородой, стоял недалеко от входа на эскалатор. Бобби отметил, что многие члены съёмочной группы носили бороды и длинные волосы. Одеты они были в воинственно-неформальном стиле и обуты в берцы, как у Савини, так что они все сильно смахивали на диссидентствующих¹⁶² революционеров.

Бобби, Гарриет и маленький Боб подошли к другим статистам, собравшимся послушать, что скажет Ромеро. Говорил он уверенным басом, а когда ухмылялся, то у него на щеках появлялись ямочки, которые были видны даже сквозь бороду. Он спросил, знает ли кто-нибудь из присутствующих что-либо о кинематографе. Несколько человек, включая Бобби, подняли руки. Ромеро вознёс за это хвалу Богу, и все засмеялись. Он сказал, что рад всех их приветствовать в мире крупнобюджетных голливудских картин, и все снова захохотали, потому что Ромеро снимал только в Пенсильвании, и все знали, что у «Рассвета мертвецов» бюджет ниже плинтуса, практически нулевой. Ромеро поблагодарил их за то, что они пришли, и сообщил, что за десять часов изматывающей работы, которая потребует от них огромного напряжения, им заплатят наличными сумму столь огромную, что он стесняется произнести её вслух. Он поднял руку с зажатой в ней долларовой купюрой, и его слушатели опять загоготали. На этом Том Савини, который был на втором этаже, перегнулся через перила и крикнул:

— Чего смеётесь, это больше, чем мы сами получим за работу над этой фигнёй!

— Для многих из нас всё это — работа ради любимой работы, — сказал Джордж Ромеро. — Вот, например, Том здесь именно потому, что обожает размазывать по физиономиям гной.

Кто-то в толпе, окружавшей Ромеро, простонал:

— Гной-то ненастоящий, искусственный!

160 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

161 Мистер Спок — герой сериала «Звёздный путь». Бела Лутоши — актёр, создавший классический типаж графа Дракулы. (прим. изд. Азбука-классика; СПб)

162 В оригинале «диссидентствующих» без «т». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Ждите, **ненастоящий**, — откуда-то сверху отозвался Савини, которого уже не было видно у перил.

Снова раздался смех. Бобби было кое-что известно о комической разрядке на съёмках, и у него возникло подозрение, что этот маленький диалог был отрепетирован и повторялся уже не один раз.

Ромеро стал рассказывать сюжет. **Мертвецы возвращались к жизни, им нравилось пожирать людей, и правительство потеряло контроль над этой кризисной ситуацией. Четверо главных героев укрылись в торговом центре.** Здесь Бобби отвлёкся и обнаружил, что смотрит на другого Бобби, сына Гарриет. У малыша было длинное серьёзное лицо, глаза цвета тёмного шоколада и спутанные прямые чёрные волосы. Откровенно говоря, ребёнок был немного похож на самого Бобби, у которого тоже были карие глаза, худое лицо и густая чёрная шевелюра.

Бобби подумалось, что, может быть, они и с Дином похожи. От этой мысли его бросило в жар. Что, если Дин заедет проведать Гарриет и Боба и окажется, что внешне это его близнец? Эта мысль настолько его растревожила, что он почувствовал слабость, но потом опомнился. Он был загримирован под ходячий труп, синелицый, со страшной раной на голове. Даже если они с Дином и были похожи, то сходства никто не заметит.

Ромеро заканчивал давать указания насчёт походки зомби. Он изобразил, как надо ходить, закатив глаза и ослабив мышцы лица, и потом объявил, что съёмка первых сцен начнётся уже через несколько минут.

Гарриет резко развернулась к нему, уперев руки в бока и часто театрально моргая. Но он повернулся к ней в тот же самый момент, и они практически врезались друг в друга. Она было открыла рот, чтобы заговорить, но не нашла подходящих слов. Они стояли совсем рядом, и эта физическая близость неожиданно её напугала. Бобби тоже не знал, что сказать, все мысли разом будто исчезли. Гарриет засмеялась и помотала головой. Её реакция показалась ему ненатуральной: она была скорее выражением беспокойства и нервного возбуждения, но никак не радости.

— Ну что, вперёд, товарищ, — сказала она.

Бобби вспомнил, что когда не ладилась сценка и Гарриет это раздражало, то она начинала изображать персонаж в стиле Джона Уэйна¹⁶³. Нервная привычка, которую он в своё время просто ненавидел, сейчас удачно разрядила атмосферу между ними.

— Скоро уже мы будем что-нибудь делать? — спросил маленький Боб.

— Скоро, — ответила Гарриет. — Давай-ка, потренируйся ходить, как зомби. Пошастай тут немножко.

Бобби и Гарриет снова присели на край фонтана. Сжав руки в маленькие костлявые кулачки, Гарриет положила их на колени. Станным взглядом, обращённым внутрь себя, она уставилась на руки на коленях. И снова принялась массировать пальцами одной ноги пальцы другой. Бобби нарушил молчание. В конце концов, кто-то из них должен был заговорить первым.

163 Джон Уэйн — актёр, «король» американского вестерна. (прим. изд. Азбука-классика; СПб)

— Не могу поверить, что ты замужем и у тебя ребёнок, — начал он весёлым и удивлённым тоном, который всегда использовал, когда друзья в очередной раз сообщали ему, что получили роль, на которую он только что прослушивался. — Мне нравится твой пацан. Симпатяга. Хотя как может не понравиться этакий полуразложившийся малец?

Она вернулась к нему из мира своих размышлений и робко улыбнулась.

— Давай-ка,¹⁶⁴ выкладывай всё про твоего Дина, — продолжал Бобби.

— Он заедет чуть позже. Отвезёт нас пообедать. Поедешь с нами?

— Ну,¹⁶⁵ конечно! — воскликнул Бобби, отметив про себя, что надо бы постараться демонстрировать поменьше энтузиазма.

— Дин всегда стесняется, когда его знакомят с новыми людьми, так что не жди от него многого.

— Да ладно. — Бобби снисходительно помахал рукой, давая Гарриет понять, что всё будет нормально. — Мы найдём,¹⁶⁶ о чём потрепаться. Я всегда был равнодушен к темам деревообработки и производства фанеры.

Подтрунивая над её мужем, которого совсем не знал, Бобби шёл наугад. Но Гарриет только усмехнулась и сказала:

— Да, пожалуйста, можешь выпросить у него всё про размеры досок. Задавай любые неприличные вопросы, даже те, которые ты всегда стеснялся задать.

Какое-то время они оба немного глупо улыбались, сидя рядом и практически соприкасаясь коленями. Они так и не научились разговаривать друг с другом. Они ощущали себя наполовину на сцене, стараясь использовать слова друг друга в качестве отправной точки для какой-нибудь хохмы. **Совсем ничего не изменилось.**

— Мне никак не верится, что мы с тобой встретились тут, — сказала Гарриет. — Мне было очень интересно, что с тобой происходит. Вообще я много о тебе думала.

— Правда?

— Я думала, что ты уже знаменит.

— Ха, теперь нас таких двое, **думавших**, — сказал Бобби и подмигнул ей. И тут же раскаялся. Это были фальшивые эмоции, а он не хотел фальшивить с Гарриет. Он поспешно заговорил, отвечая на вопрос, который она не задавала: — Я собираюсь осесть. Вернулся сюда месяца три назад. Живу пока с родителями, повторно адаптируюсь к Монровиллю.

Она кивнула, не отводя от него взгляда, серьёзного настолько, что Бобби стало не по себе.

— Ну и как, получается?

— Потихоньку, понемногу, — солгал Бобби.

164 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

165 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

166 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

В перерывах между сценами Бобби, Гарриет и маленький Боб сочиняли истории о том, как они покинули этот мир.

— Я работал комедийным актёром в городе Нью-Йорке, — рассказывал Бобби, ощупывая рану у себя на голове. — И один раз, когда я был занят в спектакле, произошло ужасное.

— Ага, — встряла Гарриет. — Объявили твой выход.

— Произошло то, чего раньше никогда не случалось.

— Что? Неужели кто-то в зале засмеялся?

— Нет, я в тот день был в ударе. Зрители катались по полу от смеха.

— Они просто бились в агонии.

— И вот когда я вышел на поклон, произошло несчастье. Работник сцены, который находился наверху под потолком, уронил мне на голову сорокафунтовый мешок с песком. И я умер под гром аплодисментов!

— Просто зал аплодировал этому монтеру, — сказала Гарриет.

Малыш Боб серьёзно посмотрел на Бобби и взял его за руку:

— Мне очень жаль, что тебя стукнули по голове. — Он прикоснулся сухими губами к костяшкам Бобби.

Бобби уставился на него сверху вниз. Его руку слегка щекотало в том месте, где малыш её поцеловал.

— Он всегда был самым ласковым, самым жалостливым ребёнком на свете, — объяснила Гарриет. — В нём столько сочувствия ко всем. При любом крошечном проявлении слабости он готов кинуться человеку на шею, чтобы пожалеть. — Она потрепала сына по волосам. — А тебя что прикончило, малявка?

Малыш поднял руку и пошевелил обрубками пальцев:

— У меня пальцы попали в папину пилу, и я умер от потери крови.

Гарриет улыбнулась, но её взгляд слегка затуманился. Она засунула руку в карман и выудила монетку.

— Иди купи себе жвачку, детка.

Мальчик схватил деньги и убежал.

— Мы, наверное, кажемся безответственными родителями, — сказала Гарриет, провожая сына отсутствующим взглядом. — Но в этой истории с пальцами никто не виноват.

— Я и не подумал, что вы виноваты.

— Пила была выключена, да ему и не было ещё двух лет! До этого он никогда ничего не включал в розетку. Мы не думали, что он умеет. И Дин был с ним. Всё случилось очень быстро. Ты представляешь себе, сколько разных обстоятельств должно было совпасть, чтобы это произошло? Дин думает, что его напугал звук заработавшей пилы и он протянул руку, чтобы её остановить, потому что боялся, что ему влетит. — Она замолчала на минуту, наблюдая за тем, как её сын покупает в автомате жвачку, а затем продолжила: — До этого я считала, что ребёнок — это та часть моей жизни, в которой я всё сделаю правильно. Не допущу никаких проколов. Ничего не испорчу. Я думала о том,

как ему исполнится пятнадцать и в него влюбится самая красивая девчонка в школе. О том, как он у меня будет играть на пяти инструментах и как все обалдеют от его талантов. О том, что у него будет шикарное чувство юмора и все будут его знать. — Она немного помолчала и добавила: — Теперь ему точно придётся научиться шутить. С шутниками всегда что-то не так. Поэтому им приходится шутить и смещать внимание людей с себя на другие вещи.

Во время паузы, которая последовала за этим утверждением, Бобби посетили одна за другой три мысли. Первая была о том, что он сам всегда шутил и слыл хохмачом в школе. Думала ли Гарриет, что с ним что-то не так и что он компенсирует это шутками? Потом он подумал, что и Гарриет тоже всё время хохмила, и спросил себя, что не так с ними обоими? Наверное, что-то в этом было, а иначе они были бы сейчас вместе, а малыш, стоящий у автомата со жвачкой, был бы их сыном. Следующая мысль была о том, что если бы маленький Боб был их маленьким Бобом, то у него были бы все десять пальчиков.

У Бобби вдруг появилось настоящее отвращение к Дину-дровосеку, невежественному тупице, который думает, что проводить время с ребёнком означает таскать его по ярмаркам и смотреть, как грузовики тягают бульдозер.

На этой мысли помощница режиссёра захлопала в ладоши и громко призвала зомби занять свои места. Маленький Боб вернулся к ним.

— Мам, ты ещё не рассказала нам, как умерла, — сказал он, жуя жвачку и глядя прямо на её оторванное ухо.

— А я знаю, — сказал Бобби. — В одном торговом центре она столкнулась со своим старым приятелем, и они заболтались. Заболтались, что надо, стояли несколько часов и трепались о том,¹⁶⁷ о сём.¹⁶⁸ Ну, потом её приятель и говорит, слушай, у тебя от моей болтовни, наверное, уже уши вянут. А твоя мама и говорит...

— Один тип как-то попросил меня выслушать его, — перебила его Гарриет, — и я подставила ему ухо. Зря, зря я это сделала!

Единственным сходством между ним и Дином был чёрный цвет волос. На этом сходство заканчивалось. Дин был невысок. Бобби даже не ожидал, что он будет таким коротышкой. Он был ниже Гарриет, в которой было примерно пять с половиной футов росту. Когда Гарриет и Дин целовались, то Дину приходилось вытягивать шею. Он был плотно сложен, кряжист, широкоплеч, широкогруд и узок в бёдрах. Он носил очки с толстыми стёклами в серой пластмассовой оправе. Глаза у него были цвета олова. Это были глаза застенчивого человека: он посмотрел в глаза Бобби, когда Гарриет представляла их друг другу, потом резко отвёл взгляд, потом снова посмотрел в глаза и снова отвёл взгляд.

Ещё он был стар: в уголках глаз кожа была покрыта паутинкой мимических морщинок. Он был лет на десять старше Гарриет.

Едва они познакомились, как Дин воскликнул:

167 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

168 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— А, ты —¹⁶⁹ тот самый Бобби, который шутник! Представляешь, мы чуть было не назвали сына в твою честь. Но я обязательно должен тебе объяснить, — извини, но мне чётко вбили в голову, что должен, если тебя встречу, — что назвать сынишку Бобби было полностью моей идеей. В честь Бобби Мерсера. Как только я повзрослел настолько, что стал задумываться о том, что у меня когда-нибудь будут дети, я хотел...

— А я смешной! — перебил его малыш.

Дин поднял его, взяв под мышки, и подбросил в воздух:

— Без всякого сомнения!

Бобби не был уверен, что хочет идти с ними обедать, но Гарриет взяла его под руку и повела на выход, на парковку, и её плечо, такое тёплое, касалось его плеча. У Бобби просто не осталось выбора.

Он не замечал, как другие посетители кафе смотрят на них, и вообще не помнил, что они в гриме, до того момента, как подошла официантка. Совсем молоденькая, лет двадцати —¹⁷⁰ самое большее, с гривой белокурых кудряшек, которые пружинисто подпрыгивали при ходьбе.

— А мы —¹⁷¹ зомби, — объявил маленький Боб.

— Ясно, — сказала девушка, кивая и указывая на них шариковой ручкой. — Я так думаю, вы либо снимаетесь в ужастике, либо уже попробовали наше специальное блюдо.

Дин засмеялся сухим, клокочущим смехом. Бобби ещё не встречал человека, которого настолько легко было рассмешить. Дин хохотал практически над всем, что говорила Гарриет, и над большей частью того, что произнёс Бобби. Иногда он так заходилась смехом, что люди за соседними столиками начинали в беспокойстве оглядываться. Как только ему удавалось овладеть собой, он сразу начинал извиняться со всей серьёзностью, краснея и поблескивая увлажнившимися глазами. И Бобби вдруг смог ответить на вопрос, который не давал ему покоя с той минуты, как он узнал, что Гарриет замужем за Дином: почему этот Дин? Потому что Дин был благодарной аудиторией.

— Если честно, я думал, что ты работаешь в Нью-Йорке, — наконец сказал Дин. — Что заставило тебя вернуться?

— Провал, — сказал Бобби.

— А... Извини. И сейчас чем занимаешься? Где-то здесь играешь в комедиях?

— Можно и так сказать. Только здесь это называется «внештатный учитель».

— Да ты что? Ты —¹⁷² учитель! И как тебе?

— Супер. Я всегда мечтал работать либо в кино, либо в средней школе. И сейчас я —¹⁷³ внештатная звезда у восьмых классов школы. Так что мечта сбылась!

169 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

170 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

171 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

172 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

173 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Дин заржал, и кусочки пережёванной куры вылетели у него изо рта.

— Извините. Ужас какой, — сказал он. — Наплевал везде, свинья несчастная.

— Да ладно, не страшно. Попросить официантку принести тебе стаканчик воды? Или удобнее корыто?

Дин захохотал, громко и прерывисто вдыхая воздух, будто в приступе астмы, и согнулся так, что почти попал лбом в тарелку.

— Слушай, перестань.

Бобби перестал, но не потому, что просил Дин. Он только что почувствовал, что Гарриет под столом толкает его коленом. Ему стало интересно, специально она или нет. Как только представилась возможность, он откинулся на спинку стула и заглянул под стол. Нет, она не специально. Она сбросила сандалии и вдавливала пальцы одной ноги в пальцы другой с такой силой, что иногда её правая нога, раскачиваясь, задевала ногу Бобби.

— Здорово, я бы хотел учиться у такого учителя, как ты, — сказал Дин. — С которым весело.

Бобби что-то жевал, не разбирая вкуса. Казалось, что у еды вкуса нет.

Дин сделал длинный шумный выдох и промокнул уголки глаз.

— А вот я не умею шутить. Я не помню даже бородатых анекдотов. Ни на что, кроме работы, не гожусь. Вот Гарриет здорово умеет хохмить. Иногда она устраивает представления для нас с Бобом, знаешь, надевает грязные носки на руки —¹⁷⁴ и вперёд. Мы смеёмся просто до потери пульса. У неё это называется «Кукольное шоу из грузовика, спонсор — пивоварня „Пабст Блу Риббон“¹⁷⁵».

Дин загоготал, стуча кулаком по столу. Гарриет сосредоточенно смотрела на свои колени. Дин сказал:

— Было бы здорово, если бы она показала что-нибудь в этом духе на шоу у Карсона¹⁷⁶. Эту, как ты их называешь? Ну, **сценку**. Какую-нибудь из твоих **проверенных сценок**.

— Звучит великолепно, — отозвался Бобби. — Странно, что его кореш Эд Макмахон¹⁷⁷ тянет время и не звонит ей с предложением.

174 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

175 «Пабст Блу Риббон» — популярный сорт пива. (прим. изд. Азбука-классика; СПб)

176 Карсон — американский шоумен, ведущий знаменитого «Шоу Джонни Карсона» (также см. 177). (прим. изд. Азбука-классика; СПб)

177 Эд Макмахон — друг и коллега Джонни Карсона (см. 176). (прим. изд. Азбука-классика; СПб)

После того как Дин забросил их обратно в торговый центр и укатил на свою лесопилку, настроение изменилось. Гарриет казалась отстранённой, и было сложно вовлечь её в разговор, но Бобби особо и не старался. Он сам был раздражён. Всё удовольствие от перевоплощения в ходячий труп куда-то испарилось. Осталось только ожидание: момента, когда рабочие настроят освещение; момента, когда Савини подправит рану, переставшую выглядеть натурально и приобретающую вид скорее латексной нащёпки, чем порванной плоти. Бобби от всего этого вдруг стало тошно. Его бесило то, что другим было весело. Несколько зомби стояли группой, играли в сокс¹⁷⁸ дрожащей красной селезёнкой и хохотали. Каждый раз, когда селезёнка падала на пол, получался сочный шлепок. Бобби захотелось зарычать на них за то, что они так веселятся. Они что, вообще не слышали о методах актёрского мастерства? О методе Станиславского, например? Они сейчас все должны сидеть на почтительном расстоянии друг от друга, печально стеная и почёсывая яйца. Уйдя в раздражение, он вдруг застонал вслух, выдал этакий сердитый стон с трудом сдерживаемого разочарования, и маленький Бобби даже спросил, что случилось. Бобби солгал, что репетирует. Маленький Боб пошёл посмотреть, как играют в сокс.

Не поднимая глаз на Бобби, Гарриет заговорила:

— Неплохой получился обед, правда?

— Обалдеть просто, — сказал Бобби, тут же подумав, что надо быть осторожнее. Он был обеспокоен, заряжен энергией, которую не знал, к чему приложить. — По-моему, мы с Дином отлично ладили. Он напомнил мне деда. Знаешь, у меня был прадед, который умел шевелить ушами и всегда думал, что меня зовут Эван. Он давал мне четвертаки за то, что я складывал ему поленицы. И даже по полдоллара, если я при этом снимал рубашку. Сколько лет Дину?

До этого они медленно брели вместе по залу. После слов Бобби Гарриет остановилась, напряглась. Она резко повернула к нему голову, но ей на глаза упали волосы, и он не смог прочесть её взгляд.

— Он старше меня на девять лет. И что? ...

— Ничего. Я рад, что ты счастлива.

— Я счастлива, — сообщила Гарриет голосом, который был на октаву выше, чем обычно.

— Когда он делал тебе предложение, то стоял на коленях?

Гарриет кивнула, сжав губы, почувствовав подвох.

— И потом ты помогала ему подняться? — спросил Бобби тоже не своим голосом и подумал, что пора остановиться.

Ему представилась сцена из мультфильма: Вайл И. Койот¹⁷⁹ пристёгнут ремнём к локомотиву поезда, он вонзает пятки в железнодорожное полотно, пытаясь затормозить поезд, подошвы его дымятся, багровеют, раздуваются...

— Ну ты и гад, — сказала Гарриет.

178 Сокс (хаки-сак, футбэг) — игра, в которой используется маленький тряпичный или вязаный мячик. Площадка для игры — круг 2-3 м диаметром. (прим. изд. [Азбука-классика; СПб](http://Азбука-классика.СПб))

179 Вайл И. Койот — герой мультсериала «Луни Тюнз» («Looney Tunes»). (прим. изд. [Азбука-классика; СПб](http://Азбука-классика.СПб))

— Извини, извини, — усмехнулся он, разводя руками. — Шутка. Я же шутник Бобби. Ничего не могу с собой поделать.

Гарриет колебалась: она вроде хотела от него отвернуться, но пребывала в сомнении, доверять ему или нет. Бобби вытер рот ладонью.

— Итак, мы знаем, как рассмешить Дина. А как Дин смешит тебя? Что он делает, чтобы у тебя забилося сердце? Ну,¹⁸⁰ кроме как целует тебя, вытаскивая зубной протез?

— Отвали, Боб, — отрезала Гарриет.

Она отвернулась, чтобы уйти, но он обошёл её и встал на пути, не пропуская.

— Не отвалю.

— Перестань.

— Не могу, — сказал он, вдруг осознав, что зол на неё. — Дин не умеет шутить, но он же должен хоть что-то из себя представлять. Я хочу знать, что!

— У него есть терпение.

— Вот как, терпение, — повторил Бобби, шокированный таким ответом.

— Он терпелив со мной.

— С тобой.

— Да, и с Робертом.

— Терпелив, — сказал Бобби.

На некоторое время он потерял дар речи, потому что ему перестало хватать воздуха. Лицо вдруг зачесалось под слоем грима. Лучше было бы, чтобы, как только он начал давить на неё, она повернулась и ушла, или послала его подальше, или влепила пощёчину, но только не говорила бы, что Дин «терпелив». Бобби сглотнул.

— Этого недостаточно. — Его уже несло. Поезд устремляется под откос, и у Вайл И. Койота глаза от ужаса выскочили из орбит метра на три. — Я хотел увидеть твоего мужа и умереть от ревности, но меня просто тошнит. Я думал, ты влюбилась в какого-нибудь красивого, умного и творческого человека, писателя, драматурга, человека с чувством юмора и четырнадцатидюймовым инструментом. А никак не в парня с ёжиком на голове и лесопилкой в кармане, который считает, что эротический массаж делают не иначе как со спортивным бальзамом!

Гарриет размазывала по щекам слёзы.

— Я знала, что он тебе не понравится, но не ожидала, что ты будешь язвой.

— Он мне не то чтобы не нравится. При чём здесь «нравится» или «не нравится»? Он делает то, что будет делать любой другой человек в его положении. Если бы я имел два фута роста плюс старческие болезни, то я прыгал бы от счастья, если бы у меня получилось заарканить такую офигенную женщину, как ты. Конечно, он очень, очень терпелив. Ещё бы. Он вообще должен, стоя на коленях, ежедневно умащивать твои ноги священными маслами и бальзамами за то, что ты посмотрела в его сторону.

180 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— У тебя тоже был шанс, — сказала Гарриет, стараясь изо всех сил, чтобы не брызнули слёзы. Её лицо, подёргивавшееся от усилия сдержать рыдания, превратилось в гримасу.

— Да я не про свои шансы, а про твои!

На этот раз она бросила его и ушла, закрыв лицо руками. Её плечи тряслись, и она уже не могла скрыть, что плачет навзрыд. Бобби проводил её взглядом. Она обошла фонтан, у которого они встретились, и встала у стены. Бобби вспомнил про малыша и стал осматриваться по сторонам. Его сердце тревожно забилося: он боялся, что маленький Боб мог что-то увидеть или услышать. Но ребёнок носился по широкому проходу, гоняя ногами селезёнку, которая уже собрала на себя всю возможную грязь. Два других мальчика-зомби бежали рядом, пытаясь отобрать у него игрушку.

Некоторое время Бобби наблюдал за игрой. Кто-то из них пнул селезёнку слишком сильно, и она полетела по направлению к Бобби. Он остановил её ногой. Под ботинком она неприятно пружинила. Мальчишки подбежали и остановились метрах в трёх от него, запыхавшиеся, с нетерпением ожидающие паса. Бобби поднял селезёнку на ногу.

— Лови! — крикнул он и сделал высокую передачу на Бобби, который поймал «мяч» ладонями и, прижав к груди и низко опустив голову, прорвался через заслон своих приятелей и умчался, преследуемый ими.

Когда он повернулся, чтобы взглянуть на Гарриет, то увидел, что она сидит, прижав руки к коленям ладонями вниз и смотрит на него. Он думал, что она отведёт взгляд, но она не стала этого делать, и он понял это как приглашение подойти.

Он перебрался к фонтану и сел рядом с ней. Он ещё не решил, с чего начать извиняться, но она заговорила первая.

— Я же тебе писала. А ты перестал мне отвечать, — сказала она, снова сражаясь пальцами одной ноги с пальцами другой.

— Вообще странно, что твоя правая нога так обижает левую, — сказал Бобби. — Почему она не даёт ей покоя?

Гарриет его не слушала.

— Но это не имело значения, — продолжила она глухим, хриловатым от слёз голосом. Грим был на масляной основе и поэтому не потёк от слёз. — Я не злилась. Я знала, что у нас не могло быть отношений, если бы мы стали встречаться раз в год на Рождество. — Гарриет слотнула. — Я думала, что ты обязательно попадёшь в какой-нибудь телесериал. Каждый раз, когда я думала об этом, — как тебя покажут по телику и как все будут смеяться над твоими шутками, — я сразу начинала глупо улыбаться. Я не представляю, что могло заставить тебя вернуться обратно в Монровилль.

Но он уже говорил, что привело его обратно в родительский дом, в его комнату над гаражом. Дин тоже спрашивал, и Бобби ответил очень честно.

Однажды в четверг вечером, прошлой весной, он работал в клубе в Гринвич-Виллидж¹⁸¹. Он выступил с двадцатиминутной программой и получил в награду довольно приличный смех, хотя и не из ряда вон выходящий, и даже услышал жиденькие аплодисменты, когда сходил со сцены. Потом он занял место за барной стойкой, чтобы послушать выступления других артистов. Он почти уже соскочил с табурета, чтобы отправиться домой, как на сцену запрыгнул Робин Уильямс¹⁸². Он был в городе для съёмок «Субботнего вечера в прямом эфире» и бороздил клубные просторы, отрабатывая репертуар. Бобби быстро взгромоздился обратно на табурет и стал слушать, чувствуя, как от волнения где-то в горле стучит пульс.

Он не мог объяснить Гарриет важность того, **чему** стал свидетелем. А увидел он, как какой-то человек сидел, вцепившись одной рукой в столешницу, а другой в свою спутницу¹⁸³, и сжимал и то,¹⁸⁴ и другое настолько сильно, что у него побелели костяшки пальцев. Он сгибался пополам, слёзы текли у него из глаз, а смех был таким резким и даже истеричным, что больше походил на звуки, издаваемые животным, на лай собаки динго, чем на что-то человеческое. Он мотал головой из стороны в сторону, как бы умоляя: «**Перестань, прекрати делать это со мной, пожалуйста**». Это было веселье, граничившее с катастрофой.

Робин Уильямс¹⁸⁵ заметил беднягу и, прервав монолог о мастурбации, показал на него и крикнул:

— Ты! Да, ты, человек бешеная гиена! Ты получаешь бесплатный пропуск на все шоу до конца моей долбаной жизни!

А потом среди слушателей поднялся шум — не просто смех или аплодисменты, а именно шум, который включал в себя и то и другое. Это был низкий, подобный далёким грозovým раскатам звук наслаждения, не поддающегося контролю, настолько сильный, что не просто был слышен, но ощущаем всем телом, и у Бобби даже занули рёбра.

Сам он ни разу не засмеялся, а когда уходил, у него от переживаний скрутило живот. В ногах появилось странное ощущение тяжести, они еле поднимались над асфальтом. Некоторое время он не понимал, куда шёл. Оказавшись у себя дома, он сел на край кровати, стащил подтяжки, расстегнул рубашку и впервые за всё время осознал, что всё безнадежно.

Он вдруг заметил, как что-то блестит в руке Гарриет. Она подбрасывала на ладони несколько монет.

— Собираешься звонить? — спросил он.

181 Гринвич-Виллидж — район Нью-Йорка, считающийся богемным. (прим. изд. [Азбука-классика: СПб](http://Alex.Rus.UA)) — Название образовано от Greenwich-village, т. е. деревня, селение, село, посёлок, городок в Америке под названием Гринвич (в отличие от города Гринвич в Великобритании, в конурбации Большой Лондон — группе близко расположенных и тесно связанных друг с другом городков). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

182 В оригинале «Уильяме», т. е. явно ошибка распознавания при сканировании (фамилия известного комедийного актёра, причём в именительном падеже, а не некое имя после имени в каком-либо ином, etc). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

183 В оригинале «в своей спутницы», хотя, возможно, пропущено слово вроде «рука» или «плечо». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

184 В оригинале без запятой (прим. ред. Alex.Rus.UA)

185 В оригинале «Уильяме», т. е. явно ошибка распознавания при сканировании (фамилия известного комедийного актёра, причём в именительном падеже, а не некое имя после имени в каком-либо ином, etc). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Да, Дину. Чтобы заехал за нами.

— Не уезжай.

— Я не останусь. **Не могу.**

Он посмотрел на её замученные друг дру́гом но́ги, всё ещё занятые борьбой, и кивнул. Они поднялись с ме́ста одновременно. И снова оказались в неуютной близости.

— Ну,¹⁸⁶ пока, — сказала Гарриет.

— Ну,¹⁸⁷ давай.

Бобби хотел взять её за руку, но не стал делать этого. Он хотел сказать что-нибудь, но не смог придумать,¹⁸⁸ **что**.

— Здесь найдётся пара добровольцев получить порцию свинца? — вдруг раздался голос Джорджа Ромеро всего лишь в метре от них. — Это гарантирует вам крупный план в смонтированном фильме!

Бобби и Гарриет одновременно поднимали ру́ки.

— Я! — выкрикнул Бобби.

— Я! — отозвалась Гарриет и, наступив Бобби на ногу, вышла вперёд, чтобы привлечь внимание Ромеро. — Я!

— Фильм будет отличный, мистер Ромеро, — говорил Бобби.

Они стояли плечом к плечу, ведя светскую беседу в ожидании того момента, когда Савини закончит обвязывать проводами Гарриет. Проводка делалась для хлопушки — презерватива, заполненного частично сахарным сиропом и частично пищевым красителем, — которая должна будет взорваться и создать при этом видимость пулевого ранения. Бобби был уже готов и на взводе.

— Когда-нибудь все в Питсбурге будут гордиться тем, что изображали в этом фильме ходячие трупы.

— Вы профессионально лижете зад, — отвечивал Ромеро. — У вас есть опыт работы в шоу-бизнесе?

— Шесть лет Бродвея. Плюс ещё я выступал чуть ли не во всех комедийных клубах.

— Вон что, а теперь, значит, вернулись в великий Питсбург. Просто невероятный взлёт карьеры, парень. Оставайся здесь, и ты в мгновение ока станешь звездой.

К ним подскочила Гарриет, да так, что у неё вверх-вниз подпрыгнули волосы.

— Мне отстрелят грудь! — сообщила она.

— Очаровательно, — отозвался Бобби. — Надо просто жить и радоваться, потому что никто не знает, в какой момент с нами может приключиться что-то удивительное.

186 В оригинале без запятой (прим. ред. Alex.Rus.UA)

187 В оригинале без запятой (прим. ред. Alex.Rus.UA)

188 В оригинале без запятой (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Джордж Ромеро отвёл их на места и объяснил, что от них хочет. Осветительные лампы были направлены в ярко-серебристые зонты, которые создавали ровный белый свет и сухое тепло в радиусе трёх метров. Бугристый полосатый матрас покоился на плиточном полу, прижавшись к одной стороне квадратной колонны.

Сначала выстрелят в грудь Гарриет. Ей нужно будет шарахнуться назад, прогнуться, но потом продолжить наступление, по возможности не показывая никакой реакции на ранение. Следующая пуля предназначалась для головы Бобби и должна была его уложить.

Хлопушка скрывалась под одной из латексных складок раны, а провода прятались у него под волосами.¹⁸⁹

— Вы рухнете вниз, свалитесь на бок и исчезнете из кадра, — инструктировал Ромеро. — Если хотите, то перед тем, как убираться из кадра, упадите на одно колено. Если вы в хорошей физической форме, можете попробовать упасть назад на спину, но постарайтесь попасть на матрас. Главное — обойтись без травм.

В сцене участвовали только Бобби и Гарриет, и их снимали крупным планом по пояс. Остальные участники массовки выстроились вдоль стен коридора, наблюдая за происходящим. Их внимание и обсуждения вполголоса вызвали в крови Бобби выброс адреналина. Том Савини встал на колени, как раз на границе кадра, держа в руке металлическую коробку, из которой по полу ползли провода, заканчивавшиеся на Бобби и Гарриет. Рядом с ним устроился маленький Боб, положив подбородок на ладошки, в которых он всё ещё сжимал селезёнку. В его глазах светилось нетерпение. Савини рассказал ему всё, что должно произойти, подготовив ребёнка к виду того, как из груди его матери хлынет кровь, но малыш совершенно не беспокоился:

— Я сегодня целый день вижу всякую гадость. И ничего, не страшно. Мне нравится.

Савини разрешил ему оставить себе селезёнку в качестве сувенира.

— Поехали, — сказал Ромеро.

Бобби вздрогнул: что, уже начинают? Он же только-только закончил объяснять им задачу. Кошмар, Ромеро стоит перед камерой! На секунду Бобби схватил Гарриет за руку. Она сжала его пальцы в ответ.

Ромеро отступил в сторону:

— Мотор!

Бобби закатил глаза и перестал видеть, куда идёт. Он ослабил мышцы лица и сделал тяжеловесный шаг вперёд.

— Стреляйте в женщину, — скомандовал Ромеро.

Бобби не видел, как разорвалась её хлопушка, потому что был на шаг впереди Гарриет. Но он слышал громкий, звенящий хлопок, который даже создал эхо. А ещё он почувствовал, как в нос ударил едкий запах пороха. Гарриет негромко охнула.

— Та-а-ак, теперь второго, — сказал Ромеро.

189 В оригинале запятая вместо точки. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Бобби показалось, что где-то рядом с его ухом выстрелил пистолет. Звук хлопушки был настолько громким, что на мгновение даже оглушил его. Он дёрнулся назад, резко повернувшись на каблуках, и налетел на что-то плечом. Он не видел, на что. Затуманенным взглядом ему удалось поймать вблизи от себя часть колонны, рядом с которой лежал матрас, и в этот миг его посетило **вдохновение**. Падая, он впечатался лбом в колонну и, отвалившись от неё, оставил после себя на белой штукатурке размазанное алое пятно.

Он свалился на матрас, который оказался достаточно упругим и смягчил падение. Он моргнул. Глаза слезились, искажая обзор, визуальнo деформируя предметы. Воздух над ним был наполнен синеватым дымом. Где-то в области макушки болела голова. Лицо было залито прохладной липкой жидкостью. Звон в ушах постепенно проходил, и он в один и тот же момент осознал две вещи. Первое — что слышен далёкий, густой звук аплодисментов. Этот звук наполнил его, словно воздух. К нему двигался Джордж Ромеро, улыбаясь и демонстрируя ямочки на заросших бородой щеках. И второе: он заметил, что рядом с ним лежит Гарриет, обнимая его, и её рука находится у него на груди.

— Я сбил тебя с ног? — спросил он.

— Ага.

— Я знал, что **затащить тебя в постель — это всего лишь вопрос времени**.

Гарриет улыбнулась лёгкой, довольной улыбкой, которую в этот день он видел в первый раз. Он чувствовал боком, как поднимается и опускается её пропитанная кровью грудь.

Малыш Боб подбежал к матрасу и запрыгнул на него, присоединившись к ним. Гарриет взяла его под мышки и закатила в узкое пространство между собой и Бобби. Малыш хихикнул и засунул в рот большой палец. Его голова была рядом с головой Бобби, и он неожиданно учуял запах детского шампуня: он пах дыней.

Через малыша Гарриет наблюдала за Бобби, всё так же легко улыбаясь. Бобби перевёл взгляд на потолок, на окна в нём и ясное, синее небо за ними. Ему совершенно не хотелось вставать и двигаться дальше, к следующим мгновениям жизни. Он задался вопросом, чем занималась Гарриет, когда Дин был на работе, а малыш Бобби в школе. Завтра понедельник, он ещё не знает, будут у него уроки или нет. Он надеялся, что нет. Ему предстояла рабочая неделя, не заполненная ничем важным и ответственным, представлявшая из себя сплошную неограниченную возможность. Они лежали на матрасе втроём, совсем рядом, и единственными движениями их тел были те, которые необходимы, чтобы дышать.

К ним подошёл Джордж Ромеро, качая головой.

— Мне понравилось, как вы врезались в колонну и оставили этот кровавый отпечаток. Давайте повторим. На этот раз мы размажем по колонне немного мозгов. Что скажете, ребята? Будем переснимать?

— Да, — сказал Бобби.

— Да, — отозвалась Гарриет. — Да.

— Переснимите, пожалуйста, — разрешил малыш Боб, посасывая большой палец.

— Значит, единогласно, — подытожил Бобби. — Давайте переснимем.

December 2005 © Joe Hill

Лорел К. Гамильтон «Алчущие прощения»

Лорел К. Гамильтон — знаменитая писательница, автор вампирской саги об Аните Блейк, открывшейся романом «Запретный плод» («Guilty Pleasures»); совсем недавно вышел в свет очередной роман этой серии — «Чёрная кровь» («Blood Noir»). Ещё один известный цикл писательницы — сериал о Мереди Джентри, первая книга которого называется «Поцелуй теней» («A¹⁹⁰ Kiss of Shadows»), и в¹⁹¹ этом году планируется выход в свет ещё одного романа — «Ласка сумрака» («Swallowing Darkness»). Первый роман писательницы был написан в жанре эпического фэнтези и назывался «Повелитель тьмы» («Nightseer»), также она принимала участие в новеллизациях по вселенным «Ravenloft» и «Star Trek». Рассказы писательницы выходили в журналах «Dragon» и «Marion Zimmer Bradley Fantasy Magazine», а также в антологиях «Sword and Sorceress».

«Алчущие прощения» — первый рассказ Лорел Гамильтон о культовом персонаже Аните Блейк. В предисловии к сборнику, в котором он вышел, автор пишет, что прототипом кладбища из рассказа «Алчущие прощения» стало кладбище, где похоронена её мать. «Это место я знаю как свои пять пальцев, потому что мы очень часто приходили туда вместе с бабушкой, которая растила меня, — вспоминает писательница. — Думаю, изначально было предрешено, что я стану писать о мертвецах: детство моё прошло в тени мёртвых. Не настоящих воплощённых призраков, конечно, а призраков воспоминаний и утраты».

— Не сто́ит недооценивать смерть, миссис Фиске. Люди, которые прошли через это, уже никогда не станут прежними.

Женщина качнулась вперёд и спрятала лицо в ладонях. Несколько минут худенькие плечи сотрясались от беззвучных рыданий. Я подвинула к ней ещё одну упаковку бумажных носовых платков. Не глядя, она взяла их, затем подняла голову и посмотрела на меня:

— Знаю, вы не сможете его вернуть, само собой.

Она промокнула две слезинки, скатившиеся по скулам безукоризненной формы. В руках дама сжимала сумочку из крокодильей кожи, стоившую как минимум двести долларов. Все аксессуары — брошь, туфли на высоких каблуках, шляпа и перчатки — были чёрными,¹⁹² в тон сумочке, костюм же был серым. Оба цвета не шли ей, зато подчёркивали бледность кожи и ввалившиеся глаза. Она принадлежала к тому сорту дам, глядя на которых, я чувствовала себя слишком маленькой, смуглой и темноволосой; к тому же в их присутствии

190 В оригинале «А» кириллицей. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

191 В оригинале «ив» вдруг слитно. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

192 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

меня обуревало странное желание похудеть фунтов на десять. В обычной ситуации женщина не пришлась бы мне по душе, но сейчас она была искренне убита горем.

— Мне нужно поговорить с Артуром. Это мой муж... был... — Она глубоко вздохнула и продолжала: — Артур умер внезапно. Обширный инфаркт. — Она вновь прервала речь и на этот раз деликатно высморкалась в платок. — В его роду не раз случались инфаркты, но муж всегда так заботился о своём здоровье. — Теперь она икнула. — Мисс Блейк, мне обязательно надо попрощаться с ним.

Я ободряюще улыбнулась:

— Когда смерть приходит внезапно, так часто случается. Многие не успевают сказать что-то очень важное близкому человеку. Но это вовсе не значит, что надо срочно вызывать покойника с того света и навёрстывать упущенное.

Голубые глаза сидевшей напротив женщины пристально глядели на меня сквозь завесу слёз. Я собиралась отбить у неё охоту к выполнению задуманного — точно так же, как для начала разубеждала каждого своего клиента. Но с этой номер точно не пройдёт. Взгляд женщины сказал мне, что она непоколебима и настроена очень серьёзно.

— Всё не так просто, в этом деле есть свои недостатки, — начала я объяснять.

Шеф не разрешал нам в красках живописать зомби и тем более показывать клиентам слайды или фотографии, что и немудрено: взглянув на изображение разлагающегося зомби, большинство клиентов заревели бы белухой от ужаса. Но всё же сказать правду аниматоры были обязаны.

— Недостатки? — переспросила она.

— Да, его можно воскресить. Вы обратились по адресу. И хорошо, что не стали тянуть. Вашего мужа похоронили всего три дня назад. Но, встав из могилы в облике зомби, он сможет лишь частично пользоваться своим разумом и телом. И чем дальше, тем хуже.

Она поднялась, встала очень прямо, слёзы высохли:

— Я-то думала, вы сможете оживить его вампиром.

Моё лицо было бесстрастно, когда я ответила:

— Миссис Фиске, вампиры незаконны.

— Но мне сказали, что... Что вы всё-таки **могли бы!** — выпалила она, вглядываясь мне в лицо.

Я улыбнулась ей самой лучезарной из своих профессиональных улыбок:

— Вампирами мы не занимаемся. Но даже если бы это было в нашей компетенции, далеко не каждый обычный труп можно превратить в вампира.

— **Не каждый обычный труп?** ... — в замешательстве повторила клиентка.

Можно по пальцам перечесть посетителей нашей конторы, которые хотя бы отдалённо представляли себе, насколько редки вампиры и почему. Поэтому мне пришлось разъяснить:

— Чтобы превратиться в вампира, необходимо несколько условий. При жизни усопшего обязательно должен был укусить оборотень, вампир или другое сверхъестественное существо. Также хорошо похоронить его на неосвящённой земле. Кусал ли вашего мужа —¹⁹³ Артура —¹⁹⁴ вампир?

— Нет, — По лицу миссис Фиске скользнула тень улыбки. — Разве что однажды его укусил йоркширский терьер.

Я улыбнулась, одобряя смену её душевного состояния:

— Не думаю, что это нам поможет. Если вашего мужа можно воскресить, то только в облике зомби.

— Я согласна, — ответила она серьёзно и очень тихо.

— Хочу предупредить вас, что большинство семей через некоторое время решают вновь отправить зомби на покой.

— Почему? — Она вновь села.

Почему? Я видела счастливые семьи, обнимавшие вернувшихся к ним близких. Видела и мрачных, измученных людей, что отправляли разлагавшиеся трупы восвояси. Оживший, улыбающийся родственник со временем превращается в ходячий кошмар.

— Чего вы ждёте от Артура, когда он воскреснет?

Она опустила глаза и нервно скомкала очередной платок.

— Мне бы хотелось попрощаться с ним.

— Конечно, миссис Фиске. Но ведь вы хотите, чтобы он что-нибудь **сделал**?

Несколько минут она не произносила ни слова. Я решила подсказать, натолкнуть её на мысль:

— Например, к нам обращалась одна женщина, которая хотела воскресить мужа, чтобы тот получил страховку. Я сказала ей, что большинство страховых компаний вряд ли захотят иметь дело с ходячими мертвецами. — На это миссис Фиске ухмыльнулась. — Именно таким Артур вернётся в наш мир — **ходячим трупом**.

Её улыбка потухла, и вновь хлынули слёзы.

— Я хочу, чтобы **Артур простил меня**. — Она закрыла лицо руками и зарыдала. — На протяжении нескольких месяцев у меня была любовная связь. Муж узнал об этом, у него случился инфаркт, и он умер. — Похоже было на то, что в словах женщина почерпнула некую силу. Слёзы её осушились. — Вы же видите, мне необходимо поговорить с ним в последний раз, — продолжала миссис Фиске. — Я бы сказала, что люблю Артура, только его одного! Как я хочу получить его прощение! Может ли он простить меня, если он... зомби?

— Я замечала, что умершие своей смертью покойники легко прощают живых. Умственных способностей вашего мужа окажется вполне достаточно для разговора. Сначала он будет как бы самим собой. Затем, с течением времени, потеряет память. Начнёт разлагаться. Сначала психически, потом физически.

193 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

194 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Разлагаться?

— Да. Медленно. Ведь он всё-таки мёртв.

Родственники свежего зомби не могут до конца поверить, что он на самом деле мёртв. Одно дело — умом понимать, что вот это существо, способное разговаривать и улыбаться, на самом деле всего лишь движущийся покойник. Принять это душой — задача куда сложнее.

Лишь с течением времени, когда он или она действительно начинает выглядеть ходячим трупом, всё встаёт на свои места.

— Значит... как зомби он оживёт лишь на некоторое время? — спросила женщина.

— Не совсем так. — Я встала со своего места, обошла стол и села рядом с ней. — Возможно, он останется зомби навсегда. Но его психическое и физическое состояние будет ухудшаться. До тех пор, пока он не превратится в человекоподобного робота в лохмотьях истлевшей плоти.

— Истлевшей... плоти, — эхом повторила она.

Я коснулась её руки:

— Знаю, выбор не из лёгких, но именно так обстоят дела.

Словами «**истлевшая плоть**» невозможно в красках передать вид белесых костей, просвечивающих сквозь прогнившие мышцы, зато это словосочетание позволялось начальством.

Миссис Фiske схватила мою руку и улыбнулась:

— Благодарю вас за то, что сказали мне **правду**. Я всё же хочу вернуть Артура. Пускай даже затем, чтобы сказать ему несколько слов.

Выходит, она всё же решилась. Я и не сомневалась, что будет именно так.

— Значит, он вам нужен для разговора, а не на протяжении недель или дней?

— Думаю, так.

— Мне никоим образом не хочется торопить вас с решением, миссис Фiske. Но мне нужно знать его, прежде чем мы назначим время обряда. Видите ли, для того чтобы поднять зомби и вскоре вернуть его в могилу, требуется больше времени и энергии.

Зато, если проделать всё это в короткий промежуток времени, миссис Фiske запомнит Артура с наилучшей стороны.

— О да, я понимаю. Если можно, я бы хотела поговорить с ним несколько часов.

— Тогда будет лучше, если вы на вечер заберёте его домой. Назначим его упокоевание на завтрашний вечер.

Я решила ратовать за скорейшее возвращение Артура в могилу. Вряд ли миссис Фiske сможет спокойно созерцать разложение собственного мужа.

— Хорошо. — Она глубоко вздохнула. Я наперёд знала, что она сейчас скажет. — Я бы хотела присутствовать на обряде его воскрешения.

— Миссис Фiske, ваше присутствие необходимо. Видите ли, зомби лишены собственной воли. Вначале ваш муж сможет думать, но с течением времени для зомби становится всё труднее и труднее принимать решения. За ним должны присматривать те, кто его воскресил.

— Вы и я?

— Да.

Она ещё больше побледнела и крепче сжала мне руку.

— Миссис Фiske, пожалуйста, выпейте медленно. — Я протянула ей стакан воды. Когда она стала выглядеть чуть лучше, я спросила: — Вы уверены, что действительно хотите назначить обряд на сегодняшний вечер?

— Что мне принести?

— Хорошо было бы взять с собой костюм вашего мужа. Какую-нибудь любимую вещь, например,¹⁹⁵ шляпу или памятный подарок, — это поможет ему сориентироваться. Остальное принесу я. — Я запнулась, не решаясь продолжать. Выглядела миссис Фiske не очень, но я всё-таки должна была подготовить её к тому, что вскоре произойдёт. — На церемонии будет кровь.

— Кровь, — хриплым шёпотом повторила она.

— Кровь курицы, которую принесу я. Ещё нам нужно будет нанести на лицо и руки мазь, которая слабо светится в темноте и пахнет весьма странно, но не отталкивающе.

Следующий вопрос миссис Фiske нетрудно было предугадать, его задавали все мои клиенты:

— Что мы сделаем с кровью?

— Мы обрызгаем ею могилу и себя тоже, — как обычно, ответила я.

Она судорожно сглотнула и посерела ещё больше.

— Можете отказаться сейчас, но не позже. Внесённый задаток не возвращается. Останавливать начатый обряд очень и очень опасно.

Она размышляла, опустив глаза. Мне это понравилось. Обычно тот, кто соглашался сразу, потом впадал в панику. Смелые же обдумывали ответ.

— Да, — уверенно кивнула миссис Фiske. — Я готова пойти на это, чтобы примириться с Артуром.

— Отлично. Значит, сегодня вечером.

— В полночь, — торжественно добавила она.

Я улыбнулась. Все считали, что мертвецов воскрешают именно в полночь. На самом же деле необходимым условием была темнота. Некоторые аниматоры придавали большое значение определённым фазам Луны, но связь с Луной мне никогда не казалась важной.

— Нет, давайте лучше в девять вечера, — предложила я.

— В девять?

— Если вам подходит это время. У меня на сегодня запланированы ещё две встречи, а на девять пока свободно.

— Хорошо.

195 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Всё же рука миссис Фиске дрогнула, когда она подписывала чек на половину стоимости церемонии. Вторая половина оплачивалась после воскрешения.

Мы пожали друг другу руки, и вдова предложила:

— Зовите меня просто Карла.

— Меня зовут Анита.

— Значит, увидимся в девять на Веллингтонском кладбище.

— Между двумя высокими деревьями по ту стону единственного холма, — закончила я.

— Да. И спасибо вам. — Она вымученно улыбнулась и ушла.

Я позвонила секретарю:

— Мэри, на эту неделю у меня всё расписано. Пожалуйста, не присылай ко мне клиентов,¹⁹⁶ по крайней мере,¹⁹⁷ до следующего вторника.

— Хорошо, Анита.

Я откинулась в кресле и погрузилась в тишину. За ночь я могла поднять не более трёх мертвецов. Сегодня ничего интересного не предвиделось, обычная рутинная работа. Мне предстояло вернуть в мир живых учёного-исследователя. Трое коллег никак не могли разобрать его записи, сроки поджимали, под угрозой оказался грант, на который они так рассчитывали. Дражайший мистер Ричард Норрис восстанет из мёртвых, чтобы им помочь. Им было назначено на полночь.

В три часа утра мне предстоит встретиться с миссис Стейнер, вдовой. Ей хотелось, чтобы муж уточнил некоторые скользкие моменты относительно завещания.

Работа аниматором предполагала практически полное отсутствие ночной жизни. (Прошу заметить: никакого каламбура в моих словах нет!) Во второй половине дня надо встречаться с клиентами, а вечером и ночью поднимать мертвецов. Впрочем, мы с коллегами пользовались изрядным успехом на некоторых вечеринках — там, где хозяевам нравилось хвастаться дружбой со знаменитостями. Или, того хуже, просто хотелось поглазеть на нас. Я не люблю выставлять себя напоказ и по возможности избегаю выходов в свет. Но босс настаивает на том, чтобы мы показывались на людях, дабы рассеять слухи о том, что все аниматоры — ведьмы и хобгоблины.

Вечеринки с нашим участием представляют собой жалкое зрелище. Все мои коллеги держатся вместе и разговаривают между собой, как это обычно делают врачи. Только докторов никто не называет ведьмами, монстрами и повелительницами зомби. К сожалению, мало кому приходит в голову называть нас просто аниматорами. Более того, мы становимся объектами тёмных шуточек: «Познакомьтесь, это Анита. Она делает зомби, причём я имею в виду **вовсе не коктейль**». Все закатываются хохотом, а мне остаётся только вежливо улыбаться и лелеять мысль, что скоро я уеду домой.

196 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

197 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Сегодня никакой вечеринки не намечалось, беспокоиться было не о чем, мне предстояло только работать. Работа — это власть, магия, удивительный тёмный импульс, что гораздо важнее денег. Сегодняшняя ночь, я в этом не сомневалась, обещала быть безоблачной, лунной и звёздной. Особенность аниматоров в том, что мы любим ночь и не боимся смерти во всех её проявлениях, ибо сочувствуем ей.

Сегодня ночью я стану поднимать мертвецов.

Веллингтонское кладбище было новым. Все надгробия примерно одного размера, квадратные или прямоугольные; они белели в ночи безупречно ровными рядами. Вдоль гравийной дороги выстроились молодые деревца и тщательно подстриженный вечнозелёный кустарник. Высоко в небе ярко светила луна, заливая всё мистическим светом, расцветивая кладбище в серебристо-чёрные тона. Несколько высоких деревьев сразу бросалось в глаза. Среди кладбищенской новизны они выглядели как-то неуместно. Карла говорила, что только два дерева-великана росли близко друг к другу.

Аллея вела к холму и опоясывала его. Покрытый густой травой холм был явно творением рук человеческих: такой округлый, низкий и куполообразный. На нём сходились три другие дорожки. Чуть дальше по западной аллее высилось два огромных дерева. Под шинами моего автомобиля похрустывал гравий, и вот я уже смогла различить фигуру в белом. Спичка вспыхнула оранжевым огоньком, красноватой точкой затеплилась сигарета.

Я остановилась, ведь нечасто добропорядочные граждане разгуливают ночами по кладбищу. Странно, что Карла пришла раньше меня. Почти все клиенты, когда наступит темнота, предпочитают находиться вблизи могил как можно меньше.

Я не стала выгружать привезённое с собой, для начала пошла к женщине.

Вокруг было полно окурков, белыми червяками они усеивали землю под ногами Карлы. Должно быть, она провела здесь не один час в ожидании момента, когда зомби восстанет из могилы. Либо она решила наказать себя, либо ей понравилась идея побыть на кладбище в ночи. Но я не стала спрашивать об этом.

Белыми были платье, туфли и даже чулки Карлы. Она стояла, прислонившись к дереву; на фоне чёрного ствола белизна женской фигуры казалась ослепительной. Карла не шагнула мне навстречу, лишь повернула голову. В лунном свете блеснули серые глаза и серебряные серьги. Я не поняла выражение её лица, но назвать его печальным не смогла бы.

— Не правда ли, ночь прекрасна?

Тут я с ней согласилась. Но всё же спросила:

— Карла, вы в порядке?

Она с ужасающим спокойствием глядела на меня.

— Сейчас я чувствую себя гораздо лучше, чем днём, — ответила она.

— Рада за вас. Вы не забыли принести одежду и памятную вещьцу мужа?

Карла показала на тёмный сверток у дерева.

— Отлично, пойду разгружу машину.

Помощь мне, как обычно, не предложили. Я понимала клиентов. Они не догадывались мне помочь, ведь их страхи при моём появлении разгорались с новой силой.

Вдруг я поняла, что моя «омега» была единственной машиной в поле зрения.

— Как вы добрались сюда? Машины вашей не вижу, — тихо спросила я, но все звуки летней ночью звучали особенно громко и отчётливо.

— Я приехала на такси, оно ждёт у ворот.

Такси. Хотела бы я видеть лицо водителя, когда он высаживал дамочку у ворот кладбища...

Три чёрные курицы кудахтали в клетке на заднем сиденье. Совсем не обязательно брать для церемонии именно чёрных птиц, но сегодня почему-то мне попались только такие. Наш поставщик домашней птицы явно не был обделён чувством юмора.

Артур Фиске умер совсем недавно, так что я достала из багажника лишь мазь и мачете. Я сама изготавливала притирание белого цвета с зеленоватым отливом. Сверкающие частицы в ней — могильная плесень, которую здесь не сыщешь: она растёт только на старых кладбищах, насчитывающих более ста лет. В состав мази обязательно входят паутина и всякие зловонные ингредиенты, а также травы и специи, для того чтобы отбить мерзкий запах и содействовать магии. Если, конечно, таковая имеет место быть.

Я смазала надгробие притиранием, затем окликнула Карлу:

— Теперь ваша очередь.

Она потушила сигарету и подошла ко мне. На руки и лицо клиентки я тоже нанесла мазь и сказала:

— Во время воскрешения вы должны просто стоять за могилой.

Карла молча обошла могилу и встала на указанном месте, пока я обмазывала себя мазью. Казалось, кожа мгновенно наполняется хвойным ароматом розмарина — для памяти, нотами корицы и гвоздики — для охранения, шалфеем — для мудрости, запахом тимьяна, чтобы связать все ароматы воедино.

Карла стояла не шевелясь, взгляд её был прикован к могиле. Я вытащила из клетки самого крупного цыплёнка и сунула под мышку. Можно запросто обезглавить курицу двумя руками, если знать как.

Я встала в ногах могилы и приготовилась убить цыплёнка. Его голова упала на землю, артериальная кровь хлынула на надгробие, окрасила увядающие хризантемы, розы, гвоздики ярко-алым цветом. Потемнела белоснежная стрёлка гладиолуса. Я двинулась вокруг могилы, кропя землю и очерчивая круг окровавленным мачете. Карла закрыла глаза, когда на неё попала тёплая кровь.

Я размазала кровь и по себе, а затем положила всё ещё подёргивающуюся куриную тушку среди цветов на могиле. Вновь встала на прежнее место. Теперь мы были отрезаны от прочего мира кровавым кругом, наедине с ночью и нашими мыслями. Когда я начала ритуальные песнопения, глаза Карлы вспыхнули белым.

— Услышь меня, Артур Фиске! Я вызываю тебя из могилы. Кровью, сталью и магией заклинаю и призываю тебя. Восстань, Артур, приди к нам, приди ко мне, Артур Фиске.

Голос Карлы присоединился к моему, как и следовало:

— Приди к нам, Артур, приди к нам, Артур. Артур, восстань. — Мы звали его по имени, и наши голоса звучали всё громче и громче.

Дрогнули венки. Земля вспучилась, и цыплёнок съехал в сторону. Высунулась одна рука, бледная, как сама смерть. Потом показалась вторая, и тут голос изменил Карле. Она обошла вокруг могильного камня, чтобы преклонить колени слева от разверзшейся земли. Я продолжала взывать к Артуру Фиске. Лицо моей клиентки выражало безмерное изумление, даже благоговейный страх.

Теперь освободились обе руки. За ними показалась темноволосая макушка, и это было практически всё, что осталось от головы Артура Фиске. Гримёр¹⁹⁸, несомненно, постарался на славу, но всё же Артура пришлось похоронить с закрытой крышкой гроба.

Правой части лица вообще не было, её словно оторвало. Там, где полагалось находиться челюстям и щеке, сияли белые кости и соединявшие их серебристые скобы. Вместо носа зияли две беловатые дыры. Чтобы покойник выглядел хоть немного опрятнее, лохмотья оставшейся кожи обрезают. В левой глазнице дико вращался уцелевший глаз. Я видела, как среди переломанных зубов шевелится язык. Артур Фиске старался выбраться из могилы.

Надо попытаться сохранить спокойствие. **Надо.**

— Это Артур? — спросила я. Ведь могла произойти ошибка.

— Да, — долетел до меня хриплый шёпот Карлы.

— Но ведь это **не инфаркт**.

— Нет. — Теперь её голос стал спокойным, неправдоподобно спокойным. — **Я выстрелила в него. В упор.**

— Ты убила его, а потом попросила вернуть?!

Артур никак не мог совладать с ногами, и я подбежала к Карле, попыталась поднять её с земли. Но она не двигалась.

— Вставай, вставай же, чёрт бы тебя побрал! Он убьёт тебя!

Её ответ прозвучал с удивительным смирением:

— Если он этого хочет...

— Господи, да это же **самоубийство!**

Я заставила её посмотреть мне в лицо, а не пялиться на копошащееся в могиле существо. Попыталась заставить осознать мои слова:

198 В оригинале сомнительное «Гримировщик». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Карла, умерший не своей смертью зомби всегда первым делом расправляется с убийцей. Всегда! Прощения быть не может, таковы правила. Я не смогу его контролировать до тех пор, пока он тебя не убьёт. Надо бежать, сейчас же!

Женщина смотрела на меня. Казалось, она понимает смысл моих слов. Но всё же Карла промолвила:

— Существует лишь один способ освободиться от вины. Если он простит меня, я очишусь.

— Ты умрёшь!

Артур выбрался наружу и уселся на помятых, усыпанных землёй цветах. Пройдёт немного времени, и он соберётся с мыслями. Совсем скоро.

— Карла, он убьёт тебя. В его взгляде тебе нет прощения. — Взгляд женщины вновь был прикован к зомби, и я дважды сильно хлестнула её по щеке. — Карла, ты здесь умрёшь, и ради чего? Артур мёртв, на самом деле мёртв. А тебе умирать пока не стоит.

Артур соскользнул с цветов и замер в нерешительности. Глаз вращался в глазнице, но вот он остановился на нас. С мимикой у Артура нынче были нелады, но всё же на изуродованном лице явственно читалась радость. Он неуклюже двинулся к нам, на останках лица подёргивалось подобие улыбки, и я начала оттаскивать Карлу. Она не сопротивлялась, застыла мёртвым грузом. Очень непросто тащить кого-то, кто не хочет двигаться.

Я отпустила Карлу, и она вновь села на землю. Поглядев на неуклюжего, но полного решимости зомби, я всё же решила попробовать. Встала перед ним, загородив собой Карлу. Призвала на помощь всю свою силу и заговорила:

— Артур Фиске, услышь меня и слушайся только меня.

Он остановился и посмотрел на меня в упор. Подействовало! Вопреки всему — подействовало!

Но Карла всё испортила. Она окликнула его:

— Артур, Артур! Прости меня!

Зомби отвлёкся и дёрнулся в сторону голоса. Я остановила его, упёршись рукой ему в грудь:

— Артур, приказываю тебе: не двигайся! Я тебя подняла, мне тебе и приказывать.

Но Карла вновь позвала его. И теперь уж его было не остановить. Артур небрежным движением руки отбросил меня в сторону и едва ли даже заметил, как я упала и ударилась головой о надгробие. Крови было немного — куда меньше, нежели бывает от удара головой в фильмах, — но всё же на минуту я потеряла сознание. Я лежала среди погребальных цветов, и мне казалось чрезвычайно важным слушать собственное дыхание.

Артур потянулся к ней. Очень медленно потянулся. Остатки лица дрогнули, он издавал звуки, в которых слышалось «Карла».

Неуклюжие руки погладили волосы женщины. Зомби то ли упал, то ли преклонил перед ней колени, и она испуганно отпрянула.

Я поползла к ним по цветам: нет, она не совершит самоубийство с моей помощью! ...

Зомби коснулся лица Карлы, и она снова подалась назад, всего на несколько дюймов. Мертвец последовал за ней. Она ещё быстрее попятилась, но зомби нагнал её на удивление ловко. Артур подмял её под себя, и женщина закричала.

Тут и я подроспела и навалилась на спину зомби.

Его рúки шарили по телу Карлы, ощупывали плечи.

Несчастлиная впиалась в меня взглядом:

— Помоги!

Я пыталась. Вцепилась в зомби и попробовала оторвать его от Карлы. Что бы ни болтали профаны, зомби не обладают никакой сверхъестественной силой, но Артур был крупным мускулистым мужчиной. Если бы зомби чувствовали боль, у меня был бы шанс оттащить его от жертвы, но сейчас отвлечь его мне было просто нечем.

— Анита, пожалуйста!

Рúки зомби сжали её шею.

Я схватила мачете. Оно было острым и запросто могло изувечить человека, но ведь Артур ничего не почувствует. Я рубанула зомби по голове и спине: безрезультатно, ему всё равно. Даже обезглавленный, он бы продолжал начатое. Надо как-то справиться с руками. Я опустилась на колени и примерилась ударить по предплечью. Размахивать мачете ближе к лицу Карлы я не решалась. На лезвии плясали серебристые блики. Изо всех сил я опустила клинок на предплечье зомби, но кость сломалась только после пятого удара.

Отрубленная рука продолжала сжимать горло жертвы. Я отбросила мачете и принялась по одному оттирать пальцы от шеи. Они поддавались с трудом, время шло. Карла перестала биться. Я взвыла от бешенства и беспомощности, но продолжала и продолжала разгибать пальцы. Сильные рúки сдавливали горло до тех пор, пока не затрещали кóсти. В летней но́чи прозвучал не тот острый звук треснувшего карандашного грифеля, с которым ломается рука или нога, а мягкий и сочный хруст. Теперь Артур удовлетворён. Оторвавшись от тéла жертвы, он распрямился. Лицо уже ничего не выражало. Он был опустошён и ждал команды.

Я села в цветы, совершенно не понимая, что же теперь делать: то ли рыдать, то ли кричать, то ли просто удрать поскорей. Но ведь надо было что-то сделать с зомби. Не могла же я оставить его тут одного, чтобы он бродил повсюду.

Для начала я решила сказать, чтобы он стоял смирно, но голос не повиновался. Взгляд зомби был прикован ко мне, пока я, спотыкаясь, брела к машине. Вернулась я с пригоршней соли. В другую руку собрала земли с новой могилы и остановилась по внешнюю сторону крúга. Без всякого выражения на лице Артур следил за моими действиями.

— Отправляйся обратно в землю, из которой вышел, — приказала я и бросила в него землю.

Он повернулся ко мне лицом.

— Солью повелеваю возвратиться в могилу. — Крупинки соли снежинками легли на чёрный костюм Артура. Я осенила его крестом, сотворённым мачете: — Сталью повелеваю вернуться обратно.

И тут я поняла, что совсем забыла о курице и начала ритуал без неё. Тогда я нагнулась, взяла мёртвого цыплёнка и распорола ему брюхо. Вытащила ещё тёплые окровавленные внутренности, которые влажно поблескивали в лунном свете.

— Плотью и кровью повелеваю тебе, Артур, вернуться в могилу и больше не вставать из неё.

Зомби лёг в могилу. Она поглотила его, словно зыбучий песок или трясина. Земля сомкнулась над ним, и всё стало почти таким же, как прежде.

Бросив выпотрошенного цыплёнка на землю, я опустилась на колени подле тела женщины. Шея Карлы изогнулась под невозможным для живого человека углом.

Я встала, подошла к машине и захлопнула багажник. Звук прозвучал слишком громко и повторился эхом. Казалось, что в кронах высоких деревьев гудит ветер. Листья шелестели, перешёптываясь. Деревья выглядели плоскими чёрными тенями. Ни в одной сущности не было глубины. Все звуки казались слишком громкими. Мир сделался одномерным и будто бы картонным. Я была в шоке. И какое-то время ещё проживу словно в оцепенении. Приснится ли мне ночью Карла? Стану ли я пытаться спасти её вновь и вновь? Надеюсь, обойдётся.

Где-то в ночной вышине реяли козодои. Их высоким, жутким голосам громко вторило эхо. Я посмотрела на тело у могилы. Недавно сверкавшее белизной, теперь оно было выпачкано в грязи. Слишком высока оказалась цена второй половины причитавшейся мне суммы...

Я села в машину, вымазав кровью руль и ключ, — мне было всё равно. Надо позвонить боссу и в полицию. И отменить два ночных обряда. Хватит на сегодня мертвецов. Ещё нужно отпустить такси. Интересно, сколько денег набежало на счётчике?¹⁹⁹

Мысли кружили по унылой, оторопелой, замкнутой орбите. Меня затрясло, задрожали руки... Ручьями полились горячие, неистовые слёзы. Я рыдала и выла, отгородившись в своей машине от всего остального мира. Когда я перестала всхлипывать, а руки — дрожать, я повернула ключ зажигания. Без сомнения, сегодня ночью я увижу во сне Карлу. И Артура. Какие ещё кошмары явятся мне?

Я оставила Карлу в одиночестве, но зато с прощением мужа. Одна её нога утонула в цветах на его могиле.

2006 © Laurell K. Hamilton

199 В оригинале точка вместо вопросительного знака. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Норман Партридж «Во всей красе»

Норман Партридж — автор романов «Кактусовая река» («Saguaro Riptide»), «Сiesta за девять унций» («The Ten Ounce Siesta»), «Падение во тьму» («Slippin' Into Darkness»), «Безумные мечты» («Wildest Dreams») и «Тёмная жатва» («Dark Harvest»), последний роман вошёл в список ста лучших книг 2006 года, по версии журнала «Publishers Weekly». Партридж также написал роман по мотивам сериала «Ворон: Молитва грешника» («The Crow: Wicked Prayer»), на основе которого создана четвёртая серия фильма «Ворон».

Рассказы Партриджа, публиковавшиеся в журналах «Amazing Stories» и «Cemetery Dance», а также в антологиях (например, «Dark Voices 6», «Love in Vein» и «Retro Pulp Tales»), вышли в трёх сборниках: «Мистер Фокс и другие жуткие истории» («Mr. Fox and Other Feral Tales»), «Дурные намерения» («Bad Intentions») и «Человек из колючей проволоки» («The Man with the Barbed-Wire Fists»).

В предисловии к последнему сборнику Партридж подробно описывает, как он впервые увидел в местном кинотеатре для автомобилистов «Ночь живых мертвецов». «Рядом с кинотеатром в моём родном городке находится не одно, не два, а целых три кладбища. Когда я вспомнил об этом, где-то в недрах моего воображения зашевелилась смутная, но жуткая идея. Я не мог отогнать от себя мысль: а вдруг мертвецы с этих кладбищ выберутся из могил и, покачиваясь, перейдут через дорогу, чтобы нанести нам небольшой визит?»

Мне кажется, такова предыстория написания многих рассказов о зомби.

Пляж был пуст.

Каким-то образом они поняли, что следует держаться в тени.

Натан Граймз поставил локти на балконные перила и поднёс к глазам бинокль. Пока он наводил на резкость, округлые, женственных форм холмы, окружавшие пляж, превратились в переплетение вьюнка и портулака, а зеленоватая мгла, лежавшая за ними, рассеялась, открыв лоскутное одеяло кричащей расцветки. Здесь были изумрудный, угольно-чёрный, отблески алого — это тянулись до самого горизонта тёмные заросли манцинелловых деревьев²⁰⁰, морского винограда и кокосовых пальм.

Натан шарил по теням, пока не обнаружил золотисто-бронзовую фигурку. Обнажённая, она прислонилась к слегка изогнутому стволу кокосовой пальмы, вне досягаемости солнечных лучей, и обмотала локон опалённых светлых волос вокруг единственного пальца, оставшегося на левой руке. Кончик

200 Более правильно было бы перевести как «заросли деревьев манцинеллы». Ведь *Hippomane mancinella* (манцинелла, маншинелла) — тропическое растение семейства молочайных (а не неких «манцинелловых»), которое растёт в Мексике, на Антильских островах и в Колумбии. Небольшое дерево с овально-ланцетными листьями и костянковидными плодами. В листьях и коре содержится ядовитый млечный сок. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

пальца отсвечивал алым, но это была не кровь, а лак для ногтей. Она сунула палец в рот и принялась лизать волосы. В конце концов она выпустила мокрую прядь, которая мгновение развевалась на карибском бризе, затем беспомощно повисла.

Кара Норт, Мисс Декабрь.

Натан вспомнил свою первую встречу с Карой; это произошло в новоорлеанской студии, прошлым летом. Она позировала перед щедро разукрашенной рождественской ёлкой; Тедди Чинг собирался сделать её фото на целый разворот. Натан только что сошёл с самолёта, прилетел из лос-анджелесского офиса «Граймзгёрлз». Он появился как раз во время съёмки и пошутил, что праздничные украшения заставляют его почувствовать себя каким-то небесным Рип-Ван-Винклем.

При этом воспоминании Натан улыбнулся. В тот августовский день под ёлкой лежало несколько корёбок в красивых упаковках, но корёбки —²⁰¹ бутафория для фотосессии Тедди —²⁰² были пусты. Кара почти сразу обнаружила сей печальный факт, и все немало посмеялись над её меркантильностью, пока Тедди снимал её в маленькой красной шапке Санта-Клауса и эротичных красных чулках. Кроме этого, на Каре ничего не было — лишь золотисто-бронзовая кожа.

Пустые корёбки. Натан покачал головой. Когда съёмки закончились, он увидел в глазах Кары алчность. Она сразу смекнула, в чём дело. Тут же поняла, что только он одним щелчком пальца может наполнить эти корёбки.

А теперь она смекнула, что следует держаться подальше от солнечных лучей. Все они так делали. Натан наблюдал за ними уже два дня, с утра после катастрофы. Он не боялся, что они вломятся в дом. Его карибское убежище представляло собой мавританский дворец, надёжно защищённый от назойливых папарацци и фанатичных противников порнографии: его окружали высокие стёны, утыканные битым стеклом. Нет, в мёртвых «Граймзгёрлз» Натана волновало то, что они вели себя не так, как зомби, которых он видел по телевизору.

Большинство тех жалких мешков с костями выползли из могил и передвигались плохо. По правде говоря, Натан не помнил, чтобы по телевизору показывали зомби, хотя бы отдалённо напоминавших их «живых» собратьев. Хотя, вообще-то, журналисты склонны демонстрировать самых устрашающих членов вражеского лагеря. Это был старый трюк. Точно так же в шестидесятых они сосредоточивали внимание на слишком ретивых членах левых студенческих организаций и «Чёрных Пантер»²⁰³, чтобы обратить против них общественное мнение. И вот теперь средства массовой информации фокусировались на наиболее отвратительных представителях нового движения.

Движение. Он выбрал странное слово — поколению Натана оно несло надежду. Но почему-то сейчас оно казалось ему подходящим, вызывало в воображении картины не демонстраций, а **воскрешения**. Кладбища с

201 В оригинале запятая вместо тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

202 В оригинале запятая вместо тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

203 «Чёрные Пантеры» — афроамериканская организация, ставившая своей целью продвижение прав чернокожего населения (1960-1970-е годы). (прим. изд. Азбука-классика; СПб)

открытыми могилами, саваны, летающие над пустыми бульварами... полуночные видения армии теней, которую ведёт вперёд жажда человеческой плоти.

Натан представил себе, как репортёры обыграли бы Кару Норт. Он хорошо знал телевизионную кухню и сомневался, что, помимо прошлогодней Мисс Декабрь, существует много загорелых зомби. Если бы катастрофа, подобная той, что случилась у острова Граймза, произошла у американского побережья, то жертвы её были бы съедены хищниками-зомби, не успев воскреснуть. Но этого не произошло, потому что на острове не было зомби, когда Кара и прочие погибли. Итак, здесь имело место нечто иное, возможно, то, что никогда нигде прежде не случалось.

Кара подняла уцелевшую руку и сделала слабый жест — словно помахала ему.

— Жалкие дурочки, — прошептал Натан, и на лице его невольно возникла характерная кривая усмешка. — Зомби-дурочки.

Он отложил бинокль — дорогой, немецкий: Натан предпочитал всё самое лучшее, — и взял пистолет, «Heckler&²⁰⁴Koch P7M13²⁰⁵», тоже немецкий и тоже дорогой.

Солнце склонялось к горизонту. Волны превратились в серебряные зеркала, слепящие Натану глаза. Он надел солнечные очки, и яростное сияние сменилось мягким жемчужным светом. Пока на горизонте плавилось синее небо, а под кокосовыми пальмами сгушались тени, Кара Норт, Мисс Декабрь, покачиваясь, приблизилась к усаженной стёклами стене приморского дворца Натана. И снова она обвила палец прядью светлых волос. И снова принялась обсасывать опалённые локоны.

«Странно, она сосредоточилась на волосах и не замечает изуродованную руку», — подумал Натан, заряжая пистолет. Нутром он чувствовал, что ею руководит не просто инстинкт, и размышлял, насколько сохранился её интеллект. Знает ли она, что мертва? Способна ли она задать себе подобный вопрос? Способна ли она думать?

Прядь упала, распрямившись, и Кара снова начала сосать её. Натан вспомнил Рождество, праздничные запахи горячего рома и калифорнийской сосны, гул кондиционера, включённого на полную мощность, и треск сухих дубовых поленьев в камине. Он вспомнил, как спала Кара, вспомнил, как она целовала его, как её красные ногти разрывали обёртку подарков, купленных им для Ронни. А потом, когда он почти полностью отдался воспоминаниям, переменчивый июльский ветер пролетел над островом Граймза, принеся с собой реальность — вонь искорёженного металла и обугленной резины.

Запахи разрушения.

Натан зажал нос и поднял пистолет.

204 В оригинале знак «амперсанд» в формате гипертекста html «&»; (прим. ред. Alex.Rus.UA)

205 В оригинале «P7M13» кириллицей — ошибка распознавания после сканирования. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Два дня назад Натан держал ситуацию под контролем. Разумеется, при таких обстоятельствах подготовка к бегству «Граймзгёрлз» из США чуть не свела его с ума. И разумеется, подобная эвакуация была бы совершенно невыполнима, не имей Натан в своём распоряжении такую роскошь, как спутниковая связь, но подобными привилегиями обладают все медиамагнаты.

Два дня назад он был, коротко говоря, полностью доволен жизнью. В конце концов, его предусмотрительность, многими называемая паранойей, окупилась, и случайно возникший план покончить со всеми случайностями обрёл форму. У него была собственная крепость на собственном острове, достаточный запас провизии и план пересидеть текущие неприятности в компании двенадцати красивых девушек, снимавшихся исключительно для фотографий на разворотах.

Итак, два дня назад Натан не волновался, когда стрёлки его «Ролекса» миновали назначенный для прибытия «Граймзгёрлз» час, — ведь самая опасная часть спасательной операции уже была выполнена с военной точностью. Три вертолёт «Белл» один за другим приземлились на крыше принадлежавшего Натану особняка в Новом Орлеане, и «Граймзгёрлз» были без происшествий переправлены на лётное поле в пригороде, где частная охранная служба сторожила «Гольфстрим» Натана.²⁰⁶ Излишне упоминать, что самолёт взлетел немедленно.

Разумеется, операция стоила немалых денег, но Натан счёл это выгодным вложением. К тому времени, когда правительство возьмёт ситуацию под контроль, он ожидал наступления серьёзного дефицита привлекательной женской плоти. Публика, как обычно, немедленно ощутит нужду в его услугах. Натан рассчитывал, что люди, которых он насмешливо называл своими «читателями», не станут возражать против прошлогодних моделей, по крайней мере, пока не начнётся конкуренция.

Если вообще остался кто-нибудь, способный вступить в конкуренцию. Натан налил себе текилы, вполуха слушая в ожидании рёва самолёта, краем глаза глядя на новости о зомби, передававшиеся по Си-эн-эн. Вскоре его главные конкуренты уже мерещились ему в виде живых мертвецов, один — с золотыми цепями на сломанной шее, в дорогом парике, прикрывающем изгрызенный череп, другой — со своей фирменной закопчённой трубкой, зажатой в гнилых губах, сияющий вдохнуть достаточно кислорода, чтобы зажечь в ней огонёк.

Натан ухмыльнулся, уверенный, что его-то никогда не постигнет подобный унижительный конец. Он выжил. У него есть планы. И он приступит к их выполнению прямо сейчас, пока ждёт самолёт.

Он отыскал блокнот с жёлтой линованной бумагой и начал сочинять заголовки. «„ГРАЙМЗГЁРЛЗ“: ГОД НА ОСТРОВЕ». Нет, слишком иронично. «„ГРАЙМЗГЁРЛЗ“: ИЗ АДА В РАЙ». Уже лучше. Надо будет поискать верный тон, чтобы заткнуть тех, кто станет обвинять его в эксплуатации. И фото Тедди Чинга наверняка будут к месту. Он надеялся, что во время эвакуации Тедди наснимает кучу занятных картинок — разлагающиеся лица, прижатые к

206 В оригинале без точки. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

стёклам новоорлеанского особняка, улицы Французского квартала, забитые зомби, — снимки, от которых веет опасностью. Такие фотографии составят превосходный контраст с большими снимками, которые они сделают на острове.

«„ГРАЙМЗГЁРЛЗ“: НАЦИОНАЛЬНОЕ СОКРОВИЩЕ СПАСЕНО». Натан уставился на написанные стрóки и улыбнулся. Патриотично. Гордо. Буквы сияли, словно символы доллара.

Ветер, ворвавшийся в открытое окно, подхватил бумажку, и Натан хлопнул по столу, чтобы удержать её. Он вдруг заметил темноту, удушающую серую мглу, которая пришла задолго до заката. Самолёт сильно опаздывал. Натан так углубился в планирование будущего журнала, что потерял счёт времени. Господи. Возможно,²⁰⁷ самолёт попал в шторм и теперь сражается с бурей, а топливо заканчивается...

Шторм пронёсся по верхушкам кокосовых пальм, с шумом, подобным звуку гигантской метлы, метущей остров. С черепичной крыши капала вода. Было всего пять вёчера, но темнота казалась непроницаемой. Натан отправил на взлётно-посадочную полосу Бака и Пабло, вооружённых фонарями. Сам он надел пальто и шагал по балкону своих апартаментов до тех пор, пока рёв приближавшегося «Гольфстрима» не загнал его внутрь. Натан уставился в темноту. Она казалась ему плотной, словно пудинг, и он по-настоящему испугался, когда увидел в отдалении пламя взрыва. Ронни (Мисс Октябрь трёхлетней давности) попыталась обнять его, но он оттолкнул её и выбежал из комнаты. Прошло немало времени и ливень успел смениться морозящим дождиком, прежде чем Натан вышел на улицу и впервые вдохнул запах крушения.

Бак и Пабло не возвращались. Прошла ночь, наступило утро. Натан не пошёл искать парней. Он боялся, что они, возможно, ищут его. Он спрятал пистолет и ключи от своего джипа и ударил Ронни, когда та назвала его трусом. После этого она замолчала, и молчала долго, тогда он поиграл в великодушие. Он открыл стенной сейф, выдал ей в знак примирения приличную дозу и ушёл.

Спустившись, Натан спрятал жёлтый блокнот в тот ящик стола, который открывал реже всего. Затем закрыл ящик тщательно, медленно, беззвучно.

Так это началось два дня назад на острове Граймза, и теперь живые передвигались бесшумно, прислушиваясь к шагам мёртвых.

Пистолет был тёплым, и Натан, перезаряжая его, пожалел, что как стрелóк он недостоин этого прекрасного оружия. Он положил пистолет на туалетный столик и спустился вниз, пытаясь отогнать воспоминание об иссиня-красной массе, в которую превратился лоб Кары, когда один из его выстрелов — пятый или шестой — достиг цели.

Он не хотел помнить её такой. Он хотел помнить Мисс Декабрь. Никаких выстрелов, лишь щёлканье камеры Тедди. Никакой крови, лишь красная шапочка Санты. Эротичные красные чулки. И золотисто-бронзовая плоть.

207 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Натан достал из-за стойки бара бутылку золотой текилы «Куэрво». Из всех сортов текилы владелец «Граймзгёрлз» предпочитал «Чинако», но в ночь катастрофы он прикончил последнюю бутылку, так что теперь пришлось довольствоваться более дешёвой маркой.

— Я видела, **что** ты сделал. — Ронни встала перед ним, как детектив из бульварных книжонок, и швырнула на стойку пистолет. На красном дереве появилась длинная уродливая царапина. — Ты бы лучше пригласил Кару выпить, облегчил бы жизнь бедной девочке. Это было чертовски грубое прощание, Нат.

Натан насыпал в бокал льда, избегая встречаться глазами с Ронни, чтобы не видеть её фирменного испепеляющего взгляда. Но это её не остановило.

— Она так соблазнительно выглядела, когда обожала тебя на расстоянии, с этими своими огромными голубыми глазами. Ты заметил, что она пыталась завивать волосы? — Ронни прищёлкнула языком. — Поразительно, как небольшая сырость может испортить прекрасную причёску.

Натан ничего не ответил, он нарезал лайм, и Ронни хихикнула.

— Сильный и молчаливый, а? Ну давай, Нат, ведь это ты снёс ей полголовы. Расскажи, **что при этом чувствуешь?**²⁰⁸

Натан уставился на кончик носа Ронни, чтобы не смотреть ей в глаза. Когда-то она была осенним видением с волосами цвета опавшей листвы. Мисс Октябрь. У неё были тщательно отработанные раскованные манеры, кожа цвета бренди и огромные шоколадные глаза, которые заставляли каждого мужчину в Америке мечтать о холодных ночах. Но Натан слишком хорошо знал могущество этих осенних глаз — одним-единственным ледяным взглядом они могли заморозить человека.

Он сунул пистолет в карман. Нужно быть более осторожным и не оставлять оружие там, где она может добраться до него. Бывает, у кокаиновых наркоманов сносит крышу. Он налил в бокал «Куэрво» и опрокинул его, сделав вид, что во всём мире его заботит лишь качество выпивки. Затем рискнул и бросил быстрый взгляд в шоколадные глаза, уже подёрнутые желтоватой плёнкой, которую даже Тедди Чинг не мог убрать с фотографий.

Ронни взяла салфетку и принялась обрывать уголки.

— Почему именно она? Почему ты пристрелил Кару, а не кого-нибудь ещё?

— Потому что она первой подошла на расстояние выстрела. — Натан поболтал в бокале вилочкой для коктейлей в виде стилизованной «Граймзгёрлз» — такие штучки были приклеены на последней странице каждого выпуска. — Это было отвратительно. Когда я взглянул Каре в глаза, у меня появилось ощущение, что **она рада видеть меня. Рада!** Тогда я поднял пистолет, и мне показалось, что **она внезапно поняла...**

Ронни разорвала салфетку на две, затем на четыре части.

— Они ничего не понимают, Нат. **Они не могут думать.**

208 В оригинале точка вместо вопросительного знака. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Они не похожи на тех чучел, которых показывают по телевизору, Ронни. Ты заметила, как она на меня смотрела? Иисусе, она на самом деле помахала мне сегодня. Я не говорю, что у них есть душа, но что-то такое там есть, и это мне не нравится.

Клочки пурпурной бумаги усеяли стойку из красного дерева. Ронни брала обрывки один за другим и лениво складывала из них салфетку. Натан чувствовал её неодобрение. Он знал, чего она от него хочет: чтобы он пристегнул к поясу пистолет и отправился отстреливать «Граймзгёрлз», словно Ли ван Клиф²⁰⁹ в дешёвом вестерне.

— Послушай, Ронни, они ведут себя ненормально, не ломятся к нам в дом, как те существа по ящику. Нам просто надо быть немного поосторожнее, вот и всё. Теперь их осталось одиннадцать, и рано или поздно все они приползут к воротам —²¹⁰ так же,²¹¹ как и Кара. Тогда я легко расправлюсь с ними. И мы снова сможем выходить, здесь станет безопасно.

— Откуда такая уверенность? — Он сделал ошибку — вздохнул, и в голосе женщины появились сердитые нотки. — Ты же знаешь, они не одни сюда прилетели. Там был пилот, второй пилот... может, даже несколько охранников. И Тедди. Значит, по крайней мере ещё пять-шесть человек. — Теперь настала её очередь вздыхать. — Не говоря уже о Баке и Пабло.

— Возможно, ты и права. Но, кто знает, может быть, их так покалечило, что они не сразу смогли добраться до берега или не добрались вообще. Или сгорели во время взрыва. Наверное, это случилось с Баком и Пабло.

Натан взглянул на неё, он не хотел говорить, что парни скорее всего послужили кому-то обедом, и она поджала губы, что далось ей не без труда — губы были большими и пухлыми.

— Дьявол, да они могли и уехать отсюда, — продолжал Натан, понимая, что хватается за соломинку. — Взяли лодку или ещё что-нибудь. Мне отсюда не видно причала, я не могу быть уверен. А может быть, они договорились с девушками, как-то обманули их...

— Ты и вправду считаешь, что зомби могут думать? С ума сошёл! Если они мертвы, они голодны. Вот и всё — так говорят по телевизору. И Кара Норт, облизывающая слюнявую прядь, не убеждает меня в обратном.

Натан отрезал ещё ломтик лайма и начал сосать его, наслаждаясь резким привкусом. Это был последний лайм на острове, и он решил получить удовольствие от его поедания.

— Может быть, всё это как-то связано с катастрофой, — начал он, заходя с другой стороны. — Я не пойму, в чём тут дело. Я видел взрыв, но все девушки, насколько я могу судить, в неплохой форме. У Кары не хватало несколько пальцев и обгорели волосы, другие тоже немного пострадали, но ни у кого нет сильных ожогов, как можно было ожидать.

209 Ли ван Клиф (1925-1989) — американский актёр, снимавшийся в вестернах в ролях «плохих» парней. (прим. изд. Азбука-классика; СПб) — не только и не таких уж и плохих (с Клинтом Иствудом, например, охотился на банду, мстя за убитую дочь). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

210 В оригинале запятая вместо тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

211 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Мы могли бы поехать к самолёту и сами посмотреть, что там случилось, — предложила Ронни. — Джип они не догонят. — Она прикоснулась к его руке, легко, нерешительно. — Мы могли бы спасти кое-какие вещи с самолёта. У кого-то, возможно, было ружьё, может быть, даже с оптическим прицелом, а это гораздо лучше твоего пистолета.

Натан поразмыслил над её предложением и, сообразив, что за ним скрывается, отдёргнул руку.

— Кто вёз его? Ну, Ронни, ты же понимаешь, о чём я. Кто был твоим курьером на этот раз?

Она попыталась изобразить обиду. Приложила огромные усилия.

— Думаешь, ты сыщик, а? Ну, давай, кто у тебя подозреваемые? Ронни — наркоманка, ожидающая курьера. Бак и Пабло испарились, а может быть, у них тусовка с Карой и прочими первыми интеллектуальными трупами в мире. Давай, Нат, сочиняй, только заканчивай прежде, чем у этих тварей испортится настроение и они придут за нами. — Она схватила остатки салфетки и швырнула пурпурное конфетти ему в лицо. — Проснись, босс. Вечеринка окончена. Меня ты купил, но их... Они мертвы, и они голодны, вот и всё.

Ронни подождала минуту, давая ему возможность обдумать эти слова. Затем поднялась и направилась к лестнице, изящная, как струя бренди, льющаяся в бокал. «С мягкой грацией», — иронически подумал Натан. Он смотрел, как двигаются её ноги, любовался покачивавшимися для него бёдрами. Он возбуждённо провёл большим пальцем по маленьким пластиковым грудям мультяшной девушки на коктейльной вилочке.

«Меня ты купил». Она разыграла свой коронный взгляд через плечо, который три года назад появился на развороте журнала, затем повернулась и обхватила длинными пальцами обнажённые груди и маленькие соски. Палец Натана впился в зад пластиковой девицы; он бессознательно нажал на него, и пластик раскололся.

Ронни рассмеялась и, не оглядываясь, взбежала вверх по ступеням.

Натан кончил, отбросил шёлковую простыню и открыл сейф. Он насыпал на зеркальце три полоски порошка и протянул его Ронни, затем сбежал вниз — он ненавидел звук, который она издавала, когда нюхала. В кухне он откупорил банку пепси и достал из холодильника замороженного жареного цыплёнка. Выбрал две грудки и три бедра, положил их на кусок фольги и включил печь.

Дожидаясь, пока курица разогреется, Натан включил телевизор и пощёлкал кнопками, пока не наткнулся на какое-то изображение. Он сразу же узнал купол Капитолия, расположенный в правом верхнем углу экрана, как раз под логотипом Си-эн-эн. Это любимая точка вашингтонских корреспондентов, но сейчас репортёра на экране не было. Не было слышно и голоса за кадром.

Показался прихрамывающий зомби в больничном халате, он прошёл мимо и исчез. За ним последовал другой, на этот раз без одежды, даже без плоти на костях. Натан смотрел как замороженный. Скоро зомби снесут камеру и разобьют софиты. Почему камера ещё работает? Он не мог понять, в чём дело.

А может, он поймал изображение с какой-то стационарной камеры. Которая была установлена здесь для наблюдения за зомби. Привинчена. Защищена. Что-то в этом роде.

Но посылать изображение на спутник? Нет смысла. Затем Натан вспомнил, что спутниковые картинки не предназначались для публичного просмотра. Наверное, он поймал прямую передачу для Си-эн-эн, а не передачу самой Си-эн-эн. Когда-то он развлекался, ловя подобные трансляции с помощью спутниковой антенны. Во время съёмки можно было послушаться злобных замечаний репортёров о неудобоваримой белиберде, которой политики потчуют американский народ, и узнать, что на самом деле происходит во время рекламных пауз, когда передача ведётся в прямом эфире.

Натан уставился на логотип Си-эн-эн в углу экрана. Где его накладывают на картинку — во время обработки видео или прямо на месте? Он пожалел, что недостаточно знаком с технической стороной телевидения. Натан принялся переключать каналы в поисках других передач. Убедившись, что эфир пуст, он попытался снова поймать канал Си-эн-эн.

Но не смог его найти.

Его больше не было.

Комнату наполнило ровное шипение. Натан надавил кнопку выключения звука. Прошло несколько минут, прежде чем он заметил, что курица горит, но не смог заставить себя подняться и сделать что-нибудь, он был сейчас не в силах даже смотреть на еду. В его мозгу клубились какие-то образы, подобные рассерженным змеям, готовым броситься на него и ужалить. Взрыв, зомби-скелет, изуродованная рука Кары Норт.

Змеи ужалили; Натан скрючился над раковиной, и его вырвало пепси-колой.

Сначала, услышав её крики, Натан вскочил с дивана и уже начал было подниматься по лестнице, когда вспомнил, что оставил пистолет на кухне. Он развернулся слишком быстро, потерял равновесие, прислонился к стене и затем побежал за оружием. В ушах его звенели непрекращающиеся вопли Ронни.

Он вернулся к подножию лестницы как раз в тот момент, когда женщина начала спускаться.

— Он звал меня, — произнесла она, обезумевшими глазами глядя в пространство. — Снаружи. Я слышала его. Я вышла на балкон, но не видела его... Но я говорила с ним, и он мне ответил! Господи, мы должны впустить его!

— Ты говоришь, что там,²¹² снаружи кто-то живой?

---

212 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Ронни кивнула, она была без одежды, дрожала, взмокшие от пота волосы спутались. Её вид понравился Натану ещё меньше, чем её рассказ. Может быть, она просто под кайфом. Может быть, ей что-то приснилось. Наверняка.

Один из мешков с костями стучал в ворота, а остальное она придумала.

А может быть, кто-то и в самом деле выжил во время катастрофы.

— Мы никому не откроем, пока я всё не проверю, — объявил Натан. — Ты оставайся здесь. Никуда не уходи. — Он стиснул плечи Ронни, чтобы до неё дошёл приказ.

Поднявшись наверх, он нажал несколько кнопок на стене спальни, затем вышел на балкон. Мертвенно-белый свет заливал участок, злое поскрипывало на усаженных стеклом стенах и освещал пляж. У ворот стоял человек в синей форме. Пилот или его помощник. При искусственном освещении цвет его лица казался землистым, на подбородке виднелся багровый синяк. Человек взглянул вверх, и на лбу его появились морщины, словно он не ожидал увидеть здесь Натана.

Рот пилота открылся.

Где-то далеко на пляж обрушивались волны.

— Ронни... я пришёл встретиться с... Ронни...

— Господи! — Натан опустил пистолет. — Что там произошло? Взрыв... как вы...

— Ронни... Ронни... Я пришёл встретиться с... Рон... *ниииии*. Я пришёл...

Мышцы рук Натана напряглись, не давая ему сделать то, что он хотел. Он заставил себя поднять пистолет и прицелиться.

Он выстрелил. И промахнулся.

Грязно-серые глаза уставились в холодную ночь. Дикие, свирепые. Тварь замахала руками, неистово приказывая Натану остановиться. Он выстрелил снова, но пуля просвистела над плечом зомби. Тот поспешно отпрянул, разрывая китель и покрытую пятнами пота рубашку.

Третий выстрел Натана срезал ухо зомби, как раз когда тот разорвал на себе одежду.

— Меня ждут, — проскрежетал он. — Ждут, я пришёл увидеть...

Натан выругался, ошеломлённый зрелищем полудюжины пластиковых мешочков с кокаином, прикрепленных к груди зомби лентами пластыря.

Курьер Ронни. Два дня как умер, но всё ещё пытается завершить сделку.

Тварь двинулась вперёд. Теперь она улыбалась, уверенная, что Натан,²¹³ наконец,²¹⁴ понял.

Натан прицелился — «Натан, стой!» — но, прежде чем он смог нажать на курок, в его мозгу сверкнули огни. «Ты сумасшедший, Натан!» Он рухнул на пол балкона, поранив левую бровь о неровно положенную плитку. Мозг его едва

213 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

214 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

успел обработать информацию и распознать голос Ронни, когда он понял, что у него вырывают пистолет. «Он живой, а ты пытался убить его!» Он попробовал подняться, но тут заметил, что в него летит тяжёлый немецкий бинокль.

Натан едва успел прикрыть глаза, и бинокль врезался в его окровавленный лоб.

Кричит. Боже, как она кричит.

Должно быть, поняла, что ошиблась.

Натан с трудом поднялся на ноги, в этот момент крики Ронни были прерваны выстрелами. Он прислонился к перилам балкона и постарался сфокусировать взгляд на пляже.

Но они были не на пляже. Огромные ворота стояли открытые, и мёртвый пилот шёл по двору, а Ронни пятилась от него по стриженному газону. Она выстрелила, и облачко кокаина вырвалось из пакета, приклеенного к груди мертвеца. Она выстрелила ещё три раза и разнесла левое плечо зомби. Левая рука его повисла, скользнула вниз по рукаву и беззвучно упала на траву. Тварь уставилась на отделённую от тела конечность, озадаченная этой неожиданной ампутацией.

Ронни отступила под балкон.

Зомби вошёл в дом вслед за ней.

Натан, спотыкаясь, побежал обратно в комнату. Ронни больше не кричала. Крики сменились тихими, но не менее ужасными звуками: щёлканьем разряженного пистолета, шёпотом зомби, произносящего имя Ронни. Двигаясь словно в тумане, Натан добрался до лестницы как раз в тот момент, когда Ронни начала подниматься по ступенькам. Он попытался схватить её, но пилот дотянулся до женщины первым и потащил её к себе.

Какое-то мгновение зомби смотрел на свою жертву с просительным выражением, словно желая лишь отдать ей посылку, но по мере того, как он подтаскивал её ближе, выражение его лица менялось. Ноздри его раздулись.

Он бросил Ронни на ступени и прижал коленом.

Рот его открылся, но слов больше не было.

Его глаза внезапно вспыхнули безумным огнём.

Голодным огнём.

Торчащие зубы впились в левую грудь Ронни. Она взвыла и попыталась уползти, но мертвец крепко вцепился ей в ногу, придавив к лестнице. Желание его было разбужено, и внезапно зомби почувствовал ненасытный голод. Он рвал зубами плоть Ронни; глотал, не жуя, словно акула, наконец поймавшая добычу.

Натан отступил назад, не сводя взгляда с зомби, и мельком увидел на полу холла разряженный пистолет. Со стороны тёмного бара, пошатываясь, возник второй мертвец. У этого что-то было в руке, мачете, и Натан неожиданно обрадовался, что скоро умрёт, потому что он не мог вынести жизни в мире, где нельзя отличить живого от мёртвого, где проклятые трупы могут говорить, помнят что-то, могут обманывать тебя до того момента, когда начнут кусать, рвать и глотать...

Ржавый мачете отсёк пилоту голову; труп рухнул на тело Ронни.

Хозяин мачете взглянул вверх, и Натан прирос к месту, словно олень, оказавшийся в свете фар.

— Господи, босс, да не волнуйтесь вы. Я жив, — произнёс Бак Тейлор и отправился закрывать ворота.

Бак сказал, что не может ни пить, ни есть — он только что убрал останки Ронни и мёртвого пилота. Вместо этого он говорил. Натан старался не пить слишком много текилы, старался слушать, но мысли его неизбежно возвращались к загадке поведения пилота.

— Дождь лил как из ведра, вся чёртова земля промокла насквозь. Пабло пил кофе, а я уже так этим кофе напился, что мне понадобилось отлить, но дождь хлестал просто жутко...

Перед Баком на дубовой столешнице лежал ржавый мачете; пока охранник говорил, пальцы его плясали по лезвию. Когда-то он был центральным нападающим «Рейдерс»²¹⁵ — Старый Добрый Номер 66 семь сезонов подряд не пропустил ни одной игры, — но Натану казалось, что никогда Бак так жутко не выглядел, даже после самого тяжёлого матча. Лысая голова была сплошь покрыта синяками; время от времени охранник с тоскливым видом дотрагивался до неё, как будто жалел, что не надел шлем.

— ... и я пошёл в лес и спрятался под какое-то дерево, с такими листьями, вроде больших блинов. Начал мочиться. И только тут услышал шум двигателей. Боже правый, я быстро застегнулся и...

Две шестёрки на футбольной куртке Бака были запачканы чем-то чёрным, скользким на вид. Левую руку его поддерживала примитивная пина, привязанная чёрной с серебром банданой. Массивные бицепсы нехорошего, гораздо хуже сине-зелёного цвета обычного синяка выступали между сырыми деревяшками. Этот отвратительный серый цвет напомнил Натану гниющую дыню. И запах, исходящий с того конца стола...

— ... Обмочил всю левую ногу. Мне не стыдно говорить об этом — как раз в тот момент оторвалось левое крыло, и я подумал, что мне крышка, самолёт летел прямо на меня. Я нырнул...

Быстро. Пилот мог соображать быстро. Он разорвал рубашку, чтобы показать Натану кокаин. Он уговорил Ронни открыть ворота. И, несмотря на то что Ронни отстрелила ему руку, он вёл себя как живой, пока не приблизился к ней, первому настоящему человеку, которого встретил с тех пор, как воскрес. Эта встреча дала толчок его ужасному...

— ... подумал я задним числом, но времени не было. Отломавшееся крыло кружилось в воздухе, как бревно. Никто не мог сказать, где оно упадёт. Затем самолёт швырнуло в сторону, на большúю рощу пальм, а оттуда он отлетел прямо на посадочную полосу. Покатился по земле, отломалось второе крыло. А то, первое, ещё летело...

215 «Окленд Рейдерс» — профессиональная футбольная команда из г. Окленд, штат Калифорния. (прим. изд. [Азбука-классика](http://Azбука-классика); СПб)

Пальцы Бака сомкнулись на рукоятке мачете. Натан, наблюдавший за ними, выскользнул из-за стола, подальше от Номера 66.

— Я видел Пабло в грузовике. Несмотря на бурю. Я видел, как он пытался найти место для чашки с кофе. А потом крыло рухнуло на фургон, и эта чёртова штука взорвалась.

Значит, это взорвался фургон. Вот почему зомби не были обожжены. Самолёт даже не загорелся — скорее всего, его баки опустели после борьбы со штормом. Но в машине было полно бензина.

— Мне стыдно, но я действительно ничего не мог поделать. Огонь был очень сильным. Даже зомби не подходили к нему, а к тому времени, как он погас, от машины и Пабло ничего не осталось.

Пальцы Натана сомкнулись на пистолете. Он вспомнил пилота, разрывающего свою рубашку. Вспомнил, как тот схватил Ронни, вспомнил мгновенное замешательство в его мутных глазах, возбуждённый блеск, появившийся после того, как он поддался жажде плоти. Конечно, сейчас Бак себя контролирует. Но что случится, если он окажется близко к своему боссу?

Натан поднял пистолет. Бак ухмыльнулся, не понимая. Натан взглянул на раны Бака, на нетронутую кружку пива, стоявшую перед ним. Старый Добрый Номер 66 не пил, не хотел жареного цыплёнка. Возможно, он больше никогда не захочет жареного цыплёнка. Возможно, он сам пока ещё не понял этого, как не помнит, отчего умер.

— Бак, я хочу, чтобы ты вернулся обратно, к ним, — произнёс Натан таким тоном, словно обращался к ребёнку. — Понимаешь, соблазн — рискованная штука. Ты можешь потерять остатки разума.

— Босс, с вами всё в порядке? Может, вам пойти прилечь, чтобы какое-то время не думать о Ронни? Может быть...

О, они неглупы. С каждой минутой становятся всё хитрее.

— Тебе меня не одурачить, Бак. Можешь обманывать сам себя, но меня тебе не обмануть.

Натан прицелился, и Бак, подавшись назад, рухнул вместе со стулом. Первая пуля разнесла в клочья левое предплечье и расколола самодельную шину, но Бака это не остановило — спортсмен так просто не теряет свои инстинкты. Он вскочил на ноги, наклонил голову и понёсся вперёд через кухню.

Глаза́ его сверкали, но Натан был уверен, что это блеск смерти, а не жизни. Бак сделал Натану подножку, и они оба повалились на пол. Натан взмахнул пистолетом, и Бак не смог оттолкнуть его — левая рука была слишком серьёзно повреждена. Он стал защищаться единственным доступным ему способом — впился в плечо Натана, сомкнул челюсти и рванул.

Натан завопил. Перед глазами замелькали белые точки.

Палец его нажал на курок.

Пуля разнесла череп Старого Доброго Номера 66.

Натан представлял это так.

В катастрофе все погибли мгновенно. Все. Открыв глаза, они обнаружили, что находятся на острове Граймза, там, где и должны были находиться, и решили, что выжили. Они пробирались сквозь девственный лес, через пляжи с коралловым песком, не встретив ничего, что искусило бы их, разбудило бы кошмарный голод.

Находясь на границе между смертью и воскресением, они в разной степени сохранили рассудок, но ими всё-таки управляли инстинкты. Инстинктивно они не выходили на солнечный свет. Это было просто самосохранение — тропическое солнце могло ускорить разложение трупов. У всех зомби также был силён инстинкт пожирания живых людей, но лишь когда жертва появлялась непосредственно перед ними. Натан убедился в этом после встречи с пилотом и Баком. Он был уверен, что до тех пор, пока «пища» не показывалась и инстинкт утоления голода не брал верх, смерть на острове Граймза ещё существовала как граница, отделяющая их от остальных зомби. О, они функционировали на разных уровнях, как он видел это на примере Кары Норт, пилота и Бака, но в некоторых случаях они вели себя точь-в-точь как живые.

Возможно, что-то такое в человеческой плоти, поглощённое ими, определяло перемену в поведении. Может быть, кровь. Или сам акт каннибализма. Натан не знал причины, да его это и не волновало.

Его укушенное плечо приобрело красно-пурпурный цвет и раздулось. С момента нападения Бака прошло пять дней, и Натан сам не знал, лучше ему или хуже. Просто на всякий случай он сделал себе укол антибиотиков, но не мог понять, помогло ли это.

Он не знал, жив ли он, мёртв или находится где-то посередине.

Чтобы не запутаться, Натан записывал симптомы в жёлтом блокноте, который спрятал в ящике стола после крушения самолёта. Многие его озадачивало. Сначала он хотел проконсультироваться у учёных или врачей, но его первая попытка связаться с материком оказалась неудачной, а потом он уже боялся звонить кому-либо. Его не привлекала мысль окончить свои дни в качестве подопытного кролика в какой-нибудь лаборатории и тем более не радовала перспектива зачистки острова Граймза отрядом спецназа.

Больше всего его беспокоило то, что сердце его всё ещё билось. Он не понимал, как это возможно, пока не вспомнил, что у Бака тоже билось сердце, когда он в него выстрелил. Натан чувствовал толчки в груди мертвеца, когда они катались по полу, и всё же был уверен, что Бак — зомби. Глядя на своё укушенное плечо, вспоминая огонь, вспыхнувший в глазах охранника, когда тот напал, Натан всё больше убеждался в этом. Были и другие симптомы.

Он не мог есть. Каждый вечер он готовил себе немного жареной курицы, несмотря на то что от запаха еды его тошнило, а от прикосновения к жирному мясу пробирала дрожь. Вчера вечером он заставил себя съесть две грудки и бедро и следующие пять часов провёл на кухонном полу, съёжившись в комок, пока,²¹⁶ наконец,²¹⁷ не поддался рвотным позывам. И он не мог пить — ни

216 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

217 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

пепси, ни текилу. Текила была особенно отвратительна; она обжигала горло, отчего он долгое время чувствовал себя ужасно. Натан сосал кубики льда, но только затем, чтобы уменьшить боль в горле. И начал нюхать кокаин, привезённый для Ронни, но лишь потому, что боялся ложиться спать.

Кокаин. Может быть, дело в этом. Говорят, что кокаин отбивает аппетит, верно? И он начал вдыхать его примерно в то же время, как перестал есть. Но пять дней без пищи... Боже, это долго. Так что это не просто кокаин. Так?

Он закрыл глаза́ и представил себе голод, пищу. Попытался вообразить самый соблазнительный пир, какой только мог.

Долгое время ничего не шло ему на ум. Затем он увидел изувеченную ладонь Кары Норт. Отрезанную руку пилота. Голову Бака, покрытую синяками.

В животе у него заурчало.

Он открыл глаза́.

Факты казались неопровержимыми, но Натан почему-то не мог заставить себя покинуть поместье или, наоборот, впустить к себе «Граймзгёрлз». Каждый вечер они выходили на пляж, наслаждаясь жизнью, искушая его. Мисс Ноябрь и Мисс Февраль пели любовные песни, серенады для Натана, которые он слушал из-за утыканной стёклами стены́. Он наблюдал за ними изнутри, улыбался своей кривой усмешкой, презирая себя за трусость.

Ему было скучно, но он не решался включить телевизор. Если сеть снова заработала, ему наверняка придётся взглянуть в глаза́ живым людям, дышащим воздухом. Хотя он серьёзно сомневался, что подобная картина разожжёт в нём жажду каннибализма, он не хотел пробовать, даже для того, чтобы убедиться в обратном.

Он не хотел терять то, что имел.

И он целыми днями нюхал кокаин и писал. Ночью наблюдал за ними. Теперь на пляж пришли все, даже Тедди Чинг. У фотографа не было ног, вот почему ему потребовалось столько времени на дорогу. Но Тедди это не остановило. Он подтягивался на руках, резво преследуя «Граймзгёрлз», и его оголённый позвоночник весело болтался сам по себе, как щенячий хвост. На шее у него висели три камеры, и часто он, прислонившись к стволу манцинеллового дерева, фотографировал девушек, резвившихся внизу, на пляже.

Больше всего Натан сожалел, что не может опубликовать эти фотографии в своём журнале. Его «Граймзгёрлз» были по-прежнему прекрасны. Мисс Июль, с её плоским упругим животом над аккуратным сердечком волос. Мисс Май, закрывшая содранную кожу на лбу венком из цветов бугенвиллеи и орхидей. Округлые груди Мисс Апрель, тёмные от синяков, с набухшими сосками́. Жёлтые ямы под глазами Мисс Август, горячие, сухие круги, два огонька, сиявшие с её лица, как солнце этого чудного месяца.

Два солнца среди нóчи.

Она идёт во всей красе, светла, как ночь её страны... во всей красе... как ночь... вся глубь небес и звёзды все... звёзды все... в её очах заключены...

*Вся глубь небес и звёзды все...*²¹⁸

Натан не помнил, как дальше. Он снова и снова писал эти слова в своём жёлтом блокноте, но не мог вспомнить продолжения. Он закрыл глаза и, открыв их, увидел, что море озарилось тусклым светом наступающего утра.

Пока лучи солнца не успели коснуться балкона, он поспешил внутрь.

Пляж был пуст.

1992 © Norman Partridge

---

218 Искажённая цитата из стихотворения Дж. Г. Байрона «Она идёт во всей красе...» — Пер. С. Маршака. (прим. изд. [Азбука-классика](#); СПб)

Брайан Эвенсон «Прерия»

Брайан Эвенсон — автор книг «Язык Олتمانна» («Altmann's Tongue»), «Инфекция» («Contagion») и «Отец лжи» («Father of Lies»). В 2005 году его сборник рассказов «Колеблющийся нож» («The Wavering Knife») завоевал премию Международной гильдии писателей жанра «хоррор». Два года спустя роман «Открытый занавес» («The Open Curtain») также вошёл в список финалистов и претендовал на премию «Эдгар». Вдобавок к собственному творчеству, Эвенсон перевёл несколько романов на английский язык, включая произведение Кларо «Электрическая плоть» («Electric Flesh», с французского). В июле 2008 года у писателя вышел роман «Чужие: нет выхода» («Aliens: No Exit») в межавторской серии, а в 2009 году автор выпускает новый сборник рассказов «Состояние аффекта» («Fugue State»).

Эта история, впервые появившаяся в журнале «The Silver Web», была написана под впечатлением отчёта Альваро Нуньеса Кавеса де Вака²¹⁹, испанского конкистадора XVI века, который после кораблекрушения пересёк южную часть Северной Америки, а также фильма Вернера Херцога «Агирре, гнев Божий», который, по словам Эвенсона, имеет невероятную, безумную концовку. Писатель говорит, что ему был интересен феномен мест, которые имеют одновременно мрачную, но волшебную атмосферу. Правда, то, каким образом в прерии попали зомби, остаётся тайной.

219 В оригинале «Нуньеса» через твёрдый знак. Cabeza de Vaca (Альваро Нуньес Кавеса де Вака, 1490-1564 гг., по др. данным, 1507-1559 гг.) — испанский конкистадор. В 1528 г. на одном из судов завоевательной экспедиции Нарваэса прошёл от западной Флориды до Техаса, у берега которого потерпел крушение. В 1529-36 гг., переходя от одного индейского племени к другому, впервые пересёк Великие равнины и бассейн р. Рио-Гранде и добрался до Мексики (открыл южный участок Великих равнин и Скалистых гор, бассейн р. Рио-Гранде и северную часть Мексиканского нагорья). В 1541-42 гг. Кавеса де Вака, назначенный губернатором Лаплатской колонии, высадился на бразильский берег у 27° ю. ш., пересёк южную часть Бразильского плоскогорья, открыв р. Игуасу (левый приток Параны), по её долине спустился до устья, прошёл оттуда на запад до Парагвая и в поисках серебра поднялся по этой реке до 18° ю. ш. (за 1541-43 открыл большую часть течения р. Парагвай и плато Мату-Гросу). В 1544 г. Кавеса де Вака был арестован соперником и в 1545 г. выслан в Испанию. Описал свои путешествия в «Повести о неудачах» (1555 г.). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

I

Ранним вечером, ещё не добравшись до прерии, мы повстречали человека, чья кожа на спине была наполовину содрана и свисала плащом. Он позволил осмотреть себя, и нашим глазам предстал подкожный жир, пурпурный и покрытый складками, своими извилинами напоминая человеческий мозг.

Полосу содранной кожи незнакомец выдубил и перекрутил, превратив в нечто вроде пояса. Капитан безуспешно попытался выкупить сей предмет гардероба. Когда наш лекарь поинтересовался о приметах мучителя, человек ответил на это, раскрыв свой рюкзак и выудив оттуда колеблющийся на ветру кусок кожи с загрубевшей, мозолистой поверхностью. Осмотрев его, с одной стороны мы увидели пустое жёлтое лицо.

II

Наш пастор вознамерился крестить всех существ, встреченных нами на пути, записывая их приметы на свитках, прежде чем мы убивали дикарей. Мы шли, а он перечислял имена, громко оглашал прошения, которые доставит Церкви, ибо, всё более расширяя лист новообращённых, сам священник страстно желал стать святым.

III

Воздух дымный, влажный, удушающий. Где-то в середине дня нас приветствовал человек, заявивший, что может воскрешать мёртвых. Капитан обнажил оружие и срубил голову Раску, с которым у него случилась размолвка, после чего приказал незнакомцу продемонстрировать своё искусство. Самозванный Иисус пришил голову матроса обратно к туловищу, а потом произнёс свои пустые заклинания. Руки его тряслись. После напрасного ожидания капитан распорядился обезглавить обманщика.

Мы нанизали трофеи на пики и пошли вперёд. Около прерии убитые принялись бормотать, после чего мы воткнули древки в песок и оставили их.

IV

Добрались до прерии, мертвецы ходят тут стадами, пробираясь сквозь цепляющуюся колышущуюся траву. Мы поймали одного и потащили за собой, хотя он немного сопротивлялся. Плоть у него оказалась тёмного цвета, от неё шёл омерзительный запах. Мы осмотрели каркас существа, то, как был заново сшит его рот, сделаны мандибулы²²⁰. Подняв мембрану, прикрывающую грудь, мы выяснили, что внутренние органы пойманного аккуратно удалены, а нижние отверстия заткнуты. Ловким движением руки лекарь отбросил прочь остатки кожи с головы трупа, потом с помощью крупнозубой пилы вскрыл верхнюю часть черепной коробки. Мозг отсутствовал, пустой череп был покрыт изнутри пятнами.

Лекарь всё тщательно записал, а потом попросил ради эксперимента отпустить тело. Мы положили мертвеца на землю, после чего стали свидетелями того, как тот встал и, спотыкаясь, ушёл прочь.

V

Ночью Латур воспользовался мёртвой женщиной, ибо мы уже слишком долго находились в пути. Лишённая устойчивости и эластичности, она быстро развалилась на куски под ударами его бёдер. Даже плотно зажмурившись, моряк так и не смог достичь удовлетворения. Пастор отказал ему в покаянии.

VI

Иногда мы находим живых, прячущихся среди трупов, их можно различить по цвету плоти и разумности взгляда. Они всегда отползают к центру стада, позволяя мертвецам нести их,²²¹ куда придётся.

Одного мы сумели поймать. Когда он притворился бездушным телом, лекарь принялся пронзать его своими инструментами, пока человек не зарычал и не стал кровоточить.

Мы отрубили ему конечности, запаковали их в соль. Его глаза закрылись, а потом открылись вновь, торс снова принялся вяло двигаться. Мы наблюдали, как тело старается убраться подальше от нас. Помещённые в ящик ноги и руки глухо бились о крышку, скрипя солью.

220 Мандибулы (mandibula дословно «челюсть») — первая пара челюстей у насекомых и ракообразных (жвалы). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

221 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

VII

Закончилась провизия. Мы едим живых, когда удаётся их поймать, уже съели лошадей. Прерии не видно конца.

Мертвецы слишком разложившиеся, полны гноя или, напротив, иссушены солнцем. В пищу они не годятся. Вместо этого мы используем ходячие трупы в качестве скакунов. Связываем по двое, грудью к спине, и срубаем головы. Потом, сидя на плечах, мы заставляем их двигаться, дёргая за торчащие из шеи позвонки.

VIII

Теперь в прерии правят бал пыль и песок, почти невозможно нормально стоять. Мертвецов стало меньше, они всё чаще забальзамированы, их тела заботливо выделаны и кажутся совсем свежими. По-прежнему нет никаких следов тех, кто же совершил с ними всё это.

Этим утром мы увидели, как в отдалении к нам приближается одинокая фигура с решительностью, выдавшей в ней живого. Когда она подошла поближе, стало видно, что это мужчина, согнувшийся под тяжестью огромного мешка, висящего у него на плече.

Он попытался сбежать, но мы оседлали мертвецов и вскоре нагнали его. Незнакомец бросил поклажу на землю и убил Латура и Брока, прежде чем погиб сам.

Мы разожгли огонь и съели свежего покойника полностью, потом разрезали мешок. Внутри оказались две серые, свернувшиеся клубком женщины, которые, покачиваясь и запинаясь, попытались уйти, когда выбрались наружу. Мы их быстро настигли, а затем каждый участник похода совокупился с ними. Какое-то время мы ещё тащили пленниц за собой, накинув им на шеи верёвочные петли, но потом просто съели их мясистые части.

IX

Здесь нет воды, как глубоко ни зарывайся в землю. Провизии больше тоже нет, мёртвые плюются ядом, а если их съесть, умираешь сам. Пастор сошёл с ума и не находит себе места. Лекарь умер, как и все остальные. Нас осталось пятеро.

Лекарь преследует нас с разумностью, ранее не виданной нами в живых трупах. Мы проснулись прошлым утром и увидели, что он оседлал капитана и убил его, сожрав лицо несчастного. Мы оттащили душегуба прочь, сломали ему ноги, вырезали глаза, чтобы он не смог идти за нами. Так же поступили и с капитаном.

Среди оставшихся царит уныние. Тем не менее я убедил их идти вперёд, и через какое-то время они подчинились.

Х

В середине этого дня в отдалении что-то блеснуло, а потом показались какие-тодвигающиеся фигуры, бегающие, словно вши. Мы поехали вперёд и нашли там нечто, что, как мне кажется, походило на лекало для приготовления трупа. Место было оставлено в спешке, лежащие кучкой органы были всё ещё губчатыми от крови.

Я довольно долго изучал приспособление, но ничего в нём не понял, не выяснил, как оно работает, хотя по неосторожности умудрился содрать с рукí мясо до костí. Остальные, увидев произошедшее со мной, уничтожили устройство, прежде чем я смог осмотреть его дальше.

XI

Раненая рука распухла. Я остался без воды и еды. Спасай себя сам. Остатки экспедиции повернули обратно, надеясь достичь конца прерии, прежде чем умрут. Я решил идти дальше, думая добраться до центра и того, что там может быть, если, конечно, центр вообще существует.

Здесь нет радости. Нигде. Я скитаюсь среди мертвецов, ожидая момента, когда, совершенно незаметно, спотыкающийся, еле плетущийся живой человек превратится в такого же спотыкающегося, еле плетущегося мертвеца.

Прочь! Надо идти вперёд.

1997 © Brian Evenson

Ханна Вольф Боуэн «С зомби веселее»

Произведения Ханны Вольф Боуэн опубликованы в журналах «Lady Churchill's Rosebud Wristlet», «Polyphony 6», «Fantasy Magazine», «Strange Horizons», «Abyss &²²² Apex», «Ideomancer», «The Fortean Bureau» и «Alchemy». В настоящее время она также является редактором «Chiaroscuro», интернет-журнала, посвящённого «ужастикам».

Рассказ «С зомби веселее» начался с шутки. «У меня был список вещей, с которыми веселее жить, — рассказывает Боуэн. — Среди них — обезьяны. А также пираты. Однажды, летом 2004 года, я болтала в интернет-чате с несколькими друзьями-писателями и заметила (в связи с чем, сейчас не помню): „С зомби жить лучше“, а затем подумала: „Хм-м“. Кто-то из друзей, по-моему, предложил мне сочинить историю, подтверждающую это, и я так и поступила».

В рассказе автор размышляет о дружбе и ставит перед своей героиней выбор: поступить правильно в общепринятом смысле слова или остаться верной другу. Что касается поиска фактов для написания рассказов, Боуэн просто нашла кое-что в Интернете и волю наигралась в «Resident Evil».

С зомби всё должно стать лучше. Возьмите церемонию окончания школы. Всё прошло бы веселее, если бы под звуки марша в спортзал ввалились зомби, оторвали бы директору голову, сожрали бы его мозги и уползли прочь.

Но на выпуске не было зомби. Мы вошли шеренгой. Заняли свои места. Живые мертвецы.

Я давно подозревала, что я, вероятно, зомби. Если я и на самом деле зомби, как мне это узнать? Я изучаю фильмы ужасов и просто фильмы. Я читаю книги. Я играю в соответствующие видеоигры, пока у меня не начинают болеть большие пальцы рук и не появляется жжение в глазах.

Мой лучший друг Лайон заявляет, что он это понял бы. «Ты бы ходила вот так», — говорит он и демонстрирует, как именно, шаркая ногами и расставив в стороны руки. Его покачивает влево, отчего походка зомби выглядит настоящей, но Лайон вообще-то с некоторых пор плохо ходит. Он делает это не нарочно. «И ты бы кричала: „Мо-о-озги!“, и все бы разбегались в разные стороны».

Лайон хмурится и садится рядом со мной на крошащуюся ступеньку. Срывает травинки, пробивающиеся сквозь щели. Если дело дойдёт до бегства от зомби, то ему несдобровать.

А кроме того, под такое описание подходит полгорода. Если бы я была зомби, то, думаю, Лайон не догадался бы об этом.

Существует множество способов превращения людей в зомби. Вы можете начать с мертвеца, а можете превратить живого человека в ходячий труп. Именно это усложняет проблему. Я знаю, на что, как принято думать, похожи зомби, но могу и ошибаться.

Я целые дни провожу в библиотеке, вместо того чтобы упаковывать свои вещи. Вечером я еду на велосипеде, проскакиваю на красный свет и приезжаю к компьютерному магазину, где работает Лайон. Он приносит из аллеи свой велик, и мы молча катим по улицам, пересекаем шоссе и выезжаем из города.

Если бы мы жили в каком-нибудь другом месте, возможно, мы могли бы экспериментировать. Повернуть налево, а не направо. Проехать немного дальше, чем вчера. Или продолжать ехать через кукурузное поле, мимо высоких кустов, шуршащих вокруг нас на ветру, словно море.

Но мы живём там, где живём, и жизнь наша течёт однообразно, а противоположная сторона кукурузного поля выглядит точно так же, как эта. И мы, приподнявшись на педалях, со скрипом въезжаем на Солёный холм, затем через разрисованный граффити мост — на гравийную Клубничную дорогу, которая резко поворачивает на юг и идёт вниз; здесь надо быть осторожнее, иначе можно слететь вниз и оказаться в ручье. Сначала я несколько раз чуть не угодила туда, потом считала, что уже знаю, как здесь ездить, но ошибалась.

Теперь я знаю точно. Я наклоняюсь вперёд, и велосипед подо мной уходит влево, Лайон что-то кричит, но ветер рвёт его слова на клочки. Я еду вниз, до самого кладбища, и здесь останавливаюсь.

Человек может превратиться в зомби в результате болезни. Или под воздействием волшебного снадобья. Мертвеца оживляют с помощью нужных заклинаний и колдовства вуду. Наверное, можно превратить мертвеца в зомби и другими способами. Трудно сказать.

Мы можем быть уверены лишь в том, что некоторые могилы на кладбище выглядят не так аккуратно, как следовало бы. Городок наш не слишком велик. Вы предположите, что все знают всех, и будете правы. Но иногда мы находим здесь незнакомые могильные камни, и Лайон останавливается перед ними, чтобы снова и снова перечитывать надписи.

Я направляюсь вниз, к ручью, потому что кладбище очень похоже на город, и, за исключением неожиданно попадающихся надгробий, я знаю его как свои пять пальцев. И я сижу на грязном берегу, на камне или на бревне и слушаю журчание бегущего мимо ручья.

Я вижу отпечаток ног. Я всё ещё рассматриваю его, когда подходит Лайон, негромко бормоча:

— Эмили Фицхью, восемьдесят седьмой — что это?

Он сразу замечает след. Его трудно не заметить. Ручей окаймлён полосой грязи, испещрённой лапами енотов. Но человеческий след находится на чистом, ровном участке, он такой чёткий, как будто я сама только что оставила его.

Отпечаток левой ноги, слегка углублённый на пятке и пальцах, словно женщина сошла с поросшего травой берега, затенённого листвой, подошла к ручью, оттолкнулась от мягкой грязи и ступила правой ногой в воду или на какой-то камень.

— Не мой, — отвечаю я. — Думаешь, это Эмили?

Кстати, меня тоже зовут Эмили.

Лайон помогает мне встать, его длинные холодные пальцы обхватывают моё запястье. Я сбрасываю кроссовки и иду по прохладной, усеянной камешками грязи к берегу. Я приседаю и наклоняюсь вперёд в поисках других следов. Есть ещё один отпечаток, нечёткий, как оттиск печати, когда чернила почти закончились. И на том берегу, на траве — пятно грязи на примятом одуванчике. Я поднимаюсь и зову Лайона.

— Она пошла туда.

— Ты же не знаешь, зомби это или нет, — говорит Лайон, когда мы поднимаемся на Солёный холм и тащим за собой велосипеды. Склон, ведущий к кладбищу, крутой, и нам не разогнаться, чтобы подняться туда на велосипедах. Мы вынуждены идти пешком до вершины холма и садиться в седло наверху. — Может быть, она вампирша, или призрак, или скелет. А может быть, нам это показалось.

— Ты видел след, — напоминаю я ему. — Это нам не показалось. — Мы прошли по тропинке до шоссе. Мы бродили вдоль насыпи, разыскивая место, где она сошла с дороги, но ничего не нашли. Однако даже Лайон согласился, что отпечаток у ручья был удивительно чётким. — И если она скелет, то мы бы просто нашли кость. А призраки вообще не оставляют следов.

— Могут и оставлять, — возражает Лайон. — Если они притворяются мертвецами.

Я пожимаю плечами.

— Но вампир...

— Ты не можешь знать, что это зомби. Ты вообще не знаешь, что она мертва.

Я моргаю, глядя на Лайона, затем на солнце. Оно заходит за холм, но будет светить на нас на обратном пути. Лайон никогда не перебивает собеседника, он хмурится, глядя прямо перед собой, и я сдаюсь.

— Ну,²²³ ладно, — соглашаюсь я наконец. — Но какие придурки ходят босиком по кладбищу?

Лайон искоса бросает взгляд на мои кроссовки, привязанные шнурками к рулю. Я снова пожимаю плечами, и он смеётся.

---

223 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Шутки с зомби, наверное, не самая удачная вещь. Проблема с шутками насчёт зомби в том, что суть у них у всех одинакова. Всё сводится к мозгам.

Иногда я хочу, чтобы моя остальная жизнь была больше похожа на шутки о зомби. Но, возможно, она и так на них похожа. Сегодня Лайон уехал в город к врачу, и я не пошла на вечеринку Аманды по случаю окончания летних каникул. Я сижу на веранде, считаю светячков и притворяюсь, будто не слышу отца, говорящего мне, что нам нужно побыстрее уехать, чтобы успеть устроиться на новом месте, прежде чем начнутся занятия в школе. И вот я слышу шорох шин по асфальту. Лайон, тяжело дыша, останавливается в круге света от фонаря. Я предлагаю ему свой лимонад и спрашиваю:

— А почему зомби пожирают мозги?

— Может быть, они нам завидуют. — Он отвечает шутливо, словно не придаёт моим словам значения; я заключаю, что день у него выдался нелёгкий.

— Когда ты превращаешься в зомби, — начинает он, — ты помнишь, кем был раньше?

Я забираю у него стакан и со стуком ставлю его на ступеньку веранды. Я привожу из-за угла свой велосипед и сумку. Мы медленно едем по улице, сумка лежит прямо у меня за спиной, и, как я ни стараюсь отодвинуться, моя рубашка намокает от пота. Через шоссе, из города, вверх, на холм. Мы не разгоняемся сильно. Лайон выглядит усталым. Мы слезаем и идём наверх пешком.

— Что ты молчишь? — спрашивает он.

— Ты сам молчишь.

— Ну да, но я всегда молчу.

— Я думаю, — говорю я, — что, если бы я была зомби, я бы не хотела вспоминать, кем была прежде. Ведь маловероятно, что я смогу вернуться.

Я украдкой бросаю на Лайона взгляд, но сейчас новолуние, и здесь темно, так темно, как никогда не бывает в городе. Он с трудом тащится вверх.

— А если я превращусь в зомби, ты захочешь меня видеть? — бросает он на ходу.

— Лайон, — начинаю я, но в этот момент мы добираемся до вершины холма, снова садимся на велосипеды, и я забываю, что хотела сказать.

Зомби всех убивают. Они съедают у людей мозги. Не важно, кому принадлежат мозги — отцу зомби, его дочери или его лучшему другу. Не знаю, значит ли это, что они ничего не помнят? И если мы найдём эту Эмили, мы ничего не докажем. Но я никогда не видела зомби, как ни старалась. Возможно, лучше начать с человека, которого я не знаю.

Лайон первым приезжает к подножию холма. Он редко так делает, но сегодня он старается изо всех сил, а кроме того, я жму на тормоза. Догнав его, я слезаю на землю, бросаю на траву сумку и копаюсь там в поисках фонарика, но Лайон говорит:

— Не надо.

На дороге темнеют лужи. Журчит ручей, трещит сверчок, и я пугаюсь, роняю фонарь, затем понимаю, что это всего лишь Лайон схватил меня за руку.

— Не делай так.

Он не слушает. Он пристально вглядывается во тьму, в тени под деревьями. Если бы не облака, видны были бы все звёзды, но здесь, в Иллинойсе, облака всегда появляются как раз в тех случаях, когда так не помешало бы немного света. Ночь смывает краски с лица Лайона, с его тёмных волос и красной рубашки. Он похож на мертвеца.

А вдруг Лайон — зомби? Как мне узнать это?

Кто-то закрывает на ночь ворота кладбища. Не знаю,²²⁴ кто. Это не имеет значения: изгородь едва доходит мне до талии, и мы перепрыгиваем её; потные ладони скользят по железным прутьям. Лайон ловко лавирует между надгробными камнями, которые я даже не вижу. Я дважды ударяюсь коленом о камень, отстаю, но продолжаю идти за ним.

Трава разрослась; её косят, но не везде, и она скрывает камни, ямы и прочие препятствия, попадающиеся мне на пути. Я одним глазом слежу за Лайоном, другим — смотрю под ноги. Мы обходим какую-то могилу, и я вытягиваю вперёд руки: серая трава сменяется серым цветом рыхлой земли, и я прикасаюсь кончиками пальцев к вырезанной на камне букве «Э».

— Лайон, — окликаю я. — Как ты думаешь, она напугана?

Он резко останавливается, и мы едва не сталкиваемся.

Я отступаю в сторону, и ноги мои погружаются в мягкую, вязкую землю на могиле Эмили. Я представляю себе шевелящееся внизу тело, сильные тонкие пальцы, хватающие меня за ногу. Почва здесь уже разрыхлена, и это не только работа червей.

— Когда ты превратишься в зомби, — отвечает Лайон, — тебе нечего будет бояться.

Я не представляю себе Лайона испуганным. Он слишком основательный, слишком серьёзный, мой друг Лайон. Он боится мертвецов меньше, чем кто-либо из моих знакомых. И думаю, неспроста.

Убегать от зомби необязательно. Просто нужно быстро идти, иногда, может быть, зигзагами. Чтобы поймать зомби, тоже не нужно бежать. Они не так уж быстро передвигаются. Но Лайон не ждёт — он уже даже не идёт. Я никогда не видела его таким.

Мы не впервые гонимся за зомби. В записной книжке, хранящейся в моём рюкзаке, я веду список, а Лайон держит этот список в голове. Мы не уверены, что из каждой потревоженной могилы вышел зомби. Возможно, там были вурдалаки, призраки и скелеты, как сказал мой друг. А может быть, вампиры. Возможно, даже мумии. Чтобы сделать мумию, нужно в лепёшку расшибиться, но это не значит, что такое невозможно.

224 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Но большинство обитателей могил, если они есть, — это зомби. Это можно определить по следам, по нетвёрдой походке. Можно догадаться, глядя на обитателей города. Если бы по соседству от нас обитали вампиры, мы были бы бледными, холодными и одинокими. Мы же передвигаемся медленно и стараемся ни о чём не думать.

Я никогда не думала, что Лайон тоже озабочен поиском зомби. Он умный парень, много читает и мог бы пропустить один год в школе, если бы посещал все занятия. Мне всегда казалось, что ему нет дела до обитателей города и безразлично, где жить. Он считает, что зомби — редкостное явление, однако охотится за ними только потому, что мне этого хочется.

Но сегодня я не охочусь, а скорее ковыляю за ним следом, а он несётся вперёд, как гончая. Мы с плеском пересекаем ручей, у нас нет времени, чтобы переходить его по камням или снимать обувь. Берег на противоположной стороне круто уходит вверх. За ним — ещё более крутой холм. Я хватаюсь за молодые деревца, чтобы не упасть, и подтягиваюсь. Резко бросаюсь вперёд, и намокший правый шнурок развязывается, прилипает к ноге.

Мы на вершине холма; здесь ровное место, отсюда открывается вид на поле. Вон канава, усыпанная светляками, за ней — пустое шоссе, лишь время от времени мимо проезжает трейлер, проглатывая милю за милей и изрыгая дым. Говорят, шоссе так и идёт прямо до Колорадо, по две полосы в каждом направлении, огороженное заборчиком с отражателями. Я ездила по нему в город несколько раз — вместе с Лайоном, в кино и на концерт, ездила посмотреть мамин новый дом в городе, рядом со школой, в которую я теперь буду ходить. Я ездила по ней и возвращалась обратно.

Именно здесь мы в прошлый раз потеряли след женщины-зомби. Сегодня Лайон не медлит. Он перебегает шоссе, врывается в заросли кукурузы, и я теряю его из виду, слышу лишь шуршание ветра среди стволов, они наклоняются, ломаются, и я теряюсь среди них.

Я останавливаюсь. Я вижу тропу — стебли кукурузы раздвинуты, здесь прошёл Лайон, или женщина-зомби, или олень. Я слышу шелест листьев; затем наступает зловещая тишина, не нарушаемая треском цикад, а затем снова поднимается ветер. Я углубляюсь в поле, и лежащие на земле стебли хрустят у меня под ногами, словно кости. Я оставила рюкзак на кладбище, не ожидая, что мы вот так сорвёмся с места. Что мне делать, если я найду зомби или зомби найдёт меня? Думаю, мне стоит просто медленно, осторожно возвращаться обратно в город.

Но нужно быть уверенной, что меня не схватят. В поле, в темноте, я не могу понять, где она, и здесь ли она вообще. Что-то шевелится слева от меня, это не ветер, и я шепчу: «Лайон?» Сама не знаю,²²⁵ зачем. Если это зомби, она, наверное, уже знает, где я. Я придерживаю дыхание.

И кричу, издаю дикий вопль; потому что кричит Лайон, скорее визжит, резко, отрывисто. Я слепо бросаюсь в заросли, продираюсь к просеке, оставленной трактором, и ору: «Лайон!» Ещё одна канава, какая-то дорожка, в темноте не различить цветов, но вот я вижу движение. Я бегу. Останавливаюсь на краю канавы, Лайон неподвижно лежит внизу, а за спиной у меня слышны

225 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

тяжёлая, неуклюжая поступь и хруст ломающейся кукурузы. Я собираюсь с силами, чтобы развернуться и бежать за зомби, но останавливаюсь. Я не могу оставить Лайона.

Конец истории с зомби бывает не очень-то весёлым. Нельзя совместить зомби и хеппи-энд. Даже если главная героиня остаётся в живых. Даже если остаются в живых её друзья, хотя давайте взглянем правде в глаза: такое редко случается. Я спускаюсь в канаву, скользя по камням и сырой земле, хватаюсь за какое-то дерево, чтобы не упасть. Здесь, внизу, холоднее — тёплый воздух поднимается вверх. В низких местах собирается туман. Лайон дрожит, обхватив вывихнутую щиколотку, лицо его измазано грязью. Но он не сдаётся, не плачет. Я рада, что это так. Но я знаю, что нельзя спрашивать: «С тобой всё в порядке?»²²⁶ — и вместо этого говорю:

— Ты видел её?

Он не отвечает. По-моему, он не слышит. А видела ли она его? Она прошаркала мимо и оставила нас здесь. Не знаю, что бы это значило. Может быть, не только он шёл по следам. Может быть, и эта девушка-зомби ищет кого-то. Тогда всё будет по-другому. Будут беспорядки. Военное положение. Заколоченные двери и бейсбольные биты. Мне придётся остаться. Я здесь понадоблюсь.

В этом заключается другая проблема с концовками в историях про зомби: победить можно, лишь обманув них. Вы можете убежать, если зомби один. Можете увернуться от двух или разmozжить им головы дубиной. Но зомби никогда не выходят по одному или по двое. Нет, их трое, или четверо, или ещё больше, они, покачиваясь, бредут по кукурузным полям или по улицам, и попытки спрятаться и забаррикадироваться от них бессмысленны. Я никогда не поставлю против зомби. Никогда в жизни.

До дома далеко, щиколотка — место болезненное, и даже если мы доберёмся до шоссе, Лайон не сможет ехать на велосипеде.

— Она тебя укусила? — спрашиваю я, и он качает головой:

— Пока нет.

Слёз нет, в глазах его — решимость. Я глотаю комок в горле. Поднимаю Лайона на ноги и обнимаю, неистово, и говорю, уткнувшись ему в грудь:

— Мне будет не хватать тебя.

Есть мнение, что стать зомби — хуже смерти. Это неверно. Зомби находятся в положении между жизнью и смертью, из которого всегда есть выход. По-моему, **стать зомби — это хуже жизни.**

Лайон выше меня и тяжелее, но он повисает у меня на плече и хромот сильнее обычного, пока мы снова не выходим на шоссе. Мы знаем, куда идти, у нас есть цель и есть мозги. Думаю, здесь мы обгоним зомби. Я отламываю ветку

226 В оригинале запятая между тире и закрывающими кавычками, хотя перед последними уже стоит знак вопроса. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

с дерева, растущего на краю поля, и Лайон берёт её у меня. Это лучшее, что мы можем сделать. Он пытается замахнуться. Наверное, бейсболисты тоже это знают: нельзя бросать биты, если не собираешься бежать.

Но в конце концов бежать приходится. Именно так спасаются от зомби. Ты отступаешь на пару шагов. Прощаешься. Затем разворачиваешься. Бежишь. Ты не оглядываешься. Ты не делаешь зигзагов, потому что это задержит тебя.

Нужно бежать, потому что зомби медлительны, но упорны, и ещё потому, что они правы. Существуют вещи худшие, чем жизнь, и зомби — лучшая из них.

2006 © Hannah Wolf Bowen

Лиза Мортон

«Искры устремляется вверх»

Лиза Мортон — писатель и сценарист. Её короткие рассказы издавались во множестве антологий («Mondo Zombie», «Dark Delicacies», «Dark Terrors 6», «The Museum of Horrors», «Horrors! 365 Scary Stories» и других) и публиковались в журналах (например, в «Cemetery Dance»).

Мортон считает, что многие авторы, решившие писать о зомби, попали в ловушку, пытаясь перещеголять друг друга в раскрытии табуированных тем и используя при этом максимально красочные описания экстремального секса. Поэтому, когда Мортон сама собралась писать рассказ про зомби, она сначала спросила себя, какие табу ещё остались незатронутыми в историях о зомби. «Ответ был — социальные, — рассказывает Мортон. — Очень трудно представить себе более горячую социальную тему, чем аборт, и когда я подумала, что можно объединить её с рассказом о выживших, ограничивающих и тщательно распределяющих свои ресурсы, всё встало на свои места».

**Дыхание моё ослабело; дни мои
угасают; гробы предо мною.
Книга Иова, 17:1**

**Блажен и свят имеющий участие в
воскресении первом...
Откровение Иоанна Богослова, 20:6**

Июнь, 16

Завтра ровно год, как здесь основали Колонию, и сейчас все заняты подготовкой к большому празднику. Две недели назад мы собрали свой первый настоящий урожай, поэтому у нас есть много вкусной еды, а что до выпивки... ну,²²⁷ продукция Джорджа большинству всё ещё кажется несколько чрезмерной, поэтому Том и несколько мальчиков вчера устроили вылазку, чтобы добыть настоящего спиртного²²⁸. Разумеется, меня не обрадовало, когда Том сказал мне, что пойдёт (да ещё не за чем-то жизненно важным, а просто за бухлом), но он говорит, **всё прошло не так уж плохо**. Первые пять миль после того, как они вышли из Колонии, дорога была совершенно пустой, и даже бо́льшая часть Филипсвилля, крошечного городишки, где они ограбили винную лавку, тоже давно опустела. Том говорит, он застрелил одного в погребе винного магазина, когда спустился туда в поисках хорошего вина, — старуху, может,²²⁹ бывшую когда-то женой хозяина лавки. К несчастью, она похватила почти все хорошие бутылки и разбила их об пол. Том пошарил среди того, что осталось, и обнаружил ящик хорошего бургундского. В Колонии сто тридцать один взрослый, и он сосчитал, что получится бутылка на двоих на День годовщины.

Прошло уже две недели с тех пор, как у стен Колонии видели мертвяка. Педро Квинтеро, наш лучший стрелок, снял его выстрелом в голову с восточной башни. Проще всего дурачить самих себя, думая, что положение,²³⁰ наконец-то,²³¹ выправляется... Проще и опаснее, потому что всё вовсе не так. То, что в последнее время мертвяков рядом почти нет, говорит только об одном: Док Фриман правильно выбрал для нас место, подальше от городов и скоростных шоссе. Конечно, Док Фриман был прав — он вообще всегда прав. Он сказал, что мы должны уйти так далеко на север, потому что на юге становится всё жарче, и точно — вот уже неделя, как у нас больше 80 градусов²³². Даже думать не хочу, что там сейчас в Лос-Анджелесе — может, все 120²³³ в тени.

227 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

228 В оригинале «спирт ного» раздельно. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

229 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

230 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

231 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

232 По Фаренгейту. Соответствует 26,5 градусам по Цельсию. (прим. изд. Азбука-классика; СПб)

233 49 градусов по Цельсию. (прим. изд. Азбука-классика; СПб)

Завтра мы будем не только праздновать Годовщину, но ещё и чествовать Дока Фримана. Если бы не он, полагаю, Том, малышка Джессика и я бродили бы сейчас там вместе со всеми остальными — мёртвые уже год, но всё ещё голодные. **Всегда голодные.**

Забавно. Пока всё это дерьмо не началось, Док Фриман был просто эксцентричным старым профессором, преподавал аграрные науки в колледже и проповедовал выживание. Том всегда думал, что Фриман в любом случае собирался свалить, ещё до того, как началась вся эта свистопляска с зомби, из-за потепления. Он говорил студентам, что в большей части США сельское хозяйство — уже дело прошлого и что всем придётся вскоре перебираться в Канаду.

С приходом мертвяков (Док Фриман, как и многие другие специалисты по проблемам окружающей среды, не соглашался с тем, что их появление вызвано дырами в озоновом слое) для него самым естественным решением было собрать группу последователей и направиться на север. Он выбрал место для Колонии, назначил полицию и правительство, разработал планировку полей, домов и изгородей и даже определил для каждого из нас ту работу, которую мы могли выполнять лучше всего. Конечно, сначала мне было очень страшно, особенно с трёхлетней Джесси, но потихоньку всё встало на свои места. Выяснилось даже, что я талантливый садовод — Док сказал, что первый после него, и кое в чём новая жизнь оказалась даже лучше старой.

Конечно, нам очень многого не хватало — мороженого, рук без мозолей, телевидения. Дэйл до сих пор проверяет радио на коротких волнах, всё надеется что-нибудь услышать. За весь год ему это удалось лишь однажды, и передача закончилась выстрелами. Так что мы смирились со своим местом в мире — и с фактом, что оно может оказаться последним. Завтра мы не просто с этим смиримся, мы будем это праздновать.

Хотелось бы мне знать, как себя при этом чувствовать.

Июнь, 17

Ну что ж, великий день пришёл и прошёл.

Том рядом со мной, храпит в безмятежном пьяном забытии. Завтра он снова выйдет на поле, так что он это заслужил.

Джесси спит в своей комнате, устав от всех игр и съеденных сладостей. Сегодня Том даже разрешил мне потратить драгоценную видеоплёнку, чтобы заснять её.

Да только не одна я плакала, когда Док Фриман встал и произнёс свою речь. Сказал, что, по его прогнозам, мы сумеем расширить Колонию в течение трёх лет, если и дальше будем придерживаться такого же превосходного темпа, как сейчас. Но расширяться нужно осторожно, добавил он, имея в виду, что в течение этих трёх лет сорок или пятьдесят пар — таких, как мы с Томом, — будут, возможно, просить разрешения на драгоценное право увеличить свою семью.

Я знаю, что Док прав, что мы не должны забывать уроки старого мира, что надо придерживаться нашей способности производить, ограничивать природу, но мне почему-то кажется, что неправильно отказывать новой жизни сейчас, когда мы окружены смертью.

В особенности когда эта новая жизнь зреет во мне.

Июнь, 24

Пропущены уже две, поэтому я была почти уверена и пошла к Дэйлу Олдфилду. Он обследовал меня, как мог (он замечательный терапевт, но оборудования всё ещё не хватает), и пришёл к выводу, что мои догадки верны.

Я беременна.

Мы с ним решили, что срок где-то около шести недель. Дэйл поблагодарил меня за то, что я не стала ничего скрывать, и сказал, что ему придётся сообщить Доку Фриману. Я попросила только, чтобы он разрешил нам с Томом присутствовать при этом. Он согласился, и мы договорились на завтра, после обеда.

Я пошла домой и сказала Тому. Сначала он пришёл в восторг, но потом вспомнил, где мы.

Я сказала Тому и о завтрашней встрече с Доком Фриманом, и им завладела мысль, что он каким-то образом сумеет убедить Дока позволить нам оставить этого ребёнка. Я не могла смотреть, как он терзается, поэтому почтала Джесси и обнимала её до тех пор, пока мы с ней вместе не уснули на её узкой детской кровати.

Июнь, 25

Сегодня мы встречались с Доком Фриманом. Дэйл Олдфилд обрисовал положение, после чего извинился и ушёл, сказав, что если он потребуется, то будет в своей хижине, совмещённой с кабинетом.

Док Фриман налил нам виски «Джим Бим» из своего личного запаса и приступил к извинениям. Том попытался переубедить его, сказав, что рождение ребёнка улучшит моральное состояние Колонии и, уж конечно, мы в состоянии прокормить ещё один рот, но Док мягко ответил, что у нас, в отличие от многих других молодых пар, уже есть ребёнок и мы не можем рассчитывать на особое к себе отношение. В конце концов Том сдался, признав, что Док прав, и никогда я не любила мужа сильнее, чем в тот момент, видя, как ему больно и горько.

Он пошёл вместе со мной к Дэйлу сказать, что на следующей неделе нам потребуются его услуги. Дэйл просто кивнул, низко опустив голову и не встречаясь с нами взглядом.

Позже, в нашем бунгало, мы с Томом долго спорили. Мы оба как будто рехнулись, обсуждая, как покинем Колонию, построим где-нибудь свою собственную маленькую крепость, даже свергнем Дока Фримана, но, думаю, мы оба понимали, что всё это только фантазии. Док Фриман опять был прав — у нас и в самом деле есть Джесси и, может быть, через несколько лет наступит подходящее время для второго ребёнка.

Но не сейчас.

Июль, 2

Завтра — день, назначенный, чтобы сделать это.

Господи, как я хочу найти другой выход! К сожалению, даже после трёх выскабливаний в прошлом году Дэйл так и не привёз в Колонию нужного медицинского оборудования. Какая ирония — мы можем послать экспедицию за выпивкой, но не за медицинским оборудованием. Док Фриман говорит, это потому, что выпивка компактнее, чем оборудование, а единственный грузовик Колонии дышит на ладан практически с того момента, как мы здесь обосновались.

Так что завтра Тому, Дэйлу и мне придётся проехать восемнадцать миль до Сильвер-Крика, ближайшего города, достаточно большого, чтобы иметь клинику по планированию семьи. Дэйл, у которого есть ключи от клиники, заверяет, что опасен только промежуток от грузовика до дверей клиники. Внутрь они попасть не могут, сказал он, так что нам ничего не угрожает — до тех пор, конечно, пока не придётся выходить наружу.

Забавно, говоря об опасности, он имеет в виду только мертвяков.

Об аборте он даже не упоминает.

Июль, 3

Ночью я почти не спала. Том обнимал меня, но всё же время от времени задрёмывал. Сейчас, когда я это пишу, уже утро и Джесси как раз просыпается. Я помогу ей встать и одеться, а потом попытаюсь объяснить, что мама и папа должны ненадолго уехать, а за ней присмотрит милая миссис Олдфилд. Джесси, конечно, заплачет. Надеюсь, не потому, что поймёт, что на самом деле происходит.

Позже. Джесси увели, и Дэйл заводит джип. Мы с Томом ещё раз проверили снаряжение: автоматический калибр 38 с полной обоймой, «Узи» с дополнительными обоймами, охотничье ружьё с оптическим прицелом, много патронов, три мачете и маленькая деревянная шкатулка. Дэйл ещё взял свой дробовик и «вальтер». Он говорит, что с ним чувствует себя Джеймсом Бондом. Все его этим дразнят, говорят, разница в том, что негодяи для Бонда были живыми. Дэйл ужасно злится.

Пора ехать.

Мы сели в джип. Том спросил, зачем я взяла с собой дневник. Я объяснила, что это мой амулет, он даёт мне чувство безопасности. Том замолчал, и Дэйл завёл мотор. Выезжая из Колонии, мы трижды остановились, чтобы обняться и обменяться добрыми пожеланиями с людьми, отрывавшимися ради этого от работы в поле.

Мы проехали уже около пятнадцати миль. Всё так, как и говорил Том, — спокойно. После того как ворота распахнулись и мы выехали на пыльную дорогу, то первого мертвяка увидели только минут через десять. Он медленно ковылял по заброшенному полю и не дошёл до дороги добрых пятидесяти ярдов, когда мы пронеслись мимо.

Ещё через несколько миль мы увидели на дороге группу из троих, но они стояли далеко друг от друга. Двоих Дэйл просто объехал; они попытались вцепиться в джип, но тщетно — мы мчались со скоростью 60 миль, и они только проскребли по машине пальцами. Объехать третьего оказалось сложнее — по обеим сторонам от него шли глубокие колеи, поэтому Дэйл просто наехал на него. Он отлетел от приваренного к джипу отбойника и приземлился где-то на обочине. Мы это едва ощутили.

Мы уже добрались до пригорода Сильвер-Крика, как вдруг Дэйл замедлил ход и прокашлялся, а потом произнёс:

— Сара, слушай, ты должна кое-что знать об этой клинике. — И спросил меня, не интересовалась ли я у тех, кого он уже возил сюда.

Конечно, я интересовалась, но все они лишь заверили меня, что Дэйл очень искусен и не причиняет боли и что они всегда будут к моим услугам, если я захочу об этом поговорить. Ни одна не сказала ни слова о самой клинике.

Это я и сообщила Дэйлу, и тогда он задал мне весьма странный вопрос.

Он спросил, **религиозна ли я**.

Мы с Томом переглянулись, и Том поинтересовался у Дэйла, к чему тот клонит.

Дэйл, запинаясь, начал бормотать что-то о мертвяках, стремящихся вернуться к тем местам, которые были для них важны, — к собственным домам, или магазинам, или школам.

Мы кивнули — об этом знают все, и тогда Дэйл спросил, слышала ли я когда-нибудь про движение «Спаси душу».

Клянусь, я буквально ощутила во рту какой-то гадкий привкус. Как я могла забыть? Фундаменталисты, окружавшие клиники, где делали аборт, и оравшие оскорбления и угрозы входившим туда людям! Однажды я была с подругой — очень юной подругой, — когда с ней это случилось.

И тут я **поняла**, о чём он говорит, но не хотела верить своим ушам. Я попыталась переспросить его, но не смогла произнести ни слова. Он кивнул и рассказал.

Они всё ещё здесь.

Почти весь Сильвер-Крик был пустым. Мы заметили нескольких мертвяков в пыльных витринах. Они тупо глазели на нас, когда мы проезжали мимо, но, наверное, они толком ничего не ели год, а то и больше, и поэтому едва шевелились. А может быть, они и при жизни были такими же — смотрели, разинув рот, как жизнь проходит мимо.

Однако группа у клиники была совсем другой.

Должно быть, около двадцати мертвяков столпилось у входа, блокировав запертую дверь. Мы подъезжали всё ближе, и я разглядела их одежду, когда-то аккуратную и накрахмаленную, а сейчас заляпанную всеми теми жидкостями, которых они в те давние времена боялись, к которым питали отвращение. Один всё ещё держал плакат (через несколько секунд я сообразила, что, умерев, он приклеил его к запястью скотчем) с надписью: «ДВИЖЕНИЕ „СПАСИ ДУШУ“ — СПАСИ ДУШУ РАДИ ИИСУСА!» На некоторых были обязательные футболки с надписью «АБОРТ — ЭТО УБИЙСТВО», теперь полинявшие и превратившиеся в лохмотья. Предводителем у них был священник. Я помнила его по прежним временам — тогда он, призывая проклятия на головы грешников, выступал по всем программам на фоне своей скандирующей паствы. Конечно, сейчас он выглядел по-другому: кто-то подзакусил его трапециевидной мышцей, так что пасторский воротничок был заляпан засохшей кровью и сбился набок, а голова (на ней с той же стороны не хватало приличного куска скальпа) наклонилась под странным углом.

Я заметила, что Дэйл рассматривает их, бормоча что-то себе под нос, и переспросила его. Мне захотелось записать это в дневник: «Но человек рождается на страдание, как искры, чтоб устремляться вверх»²³⁴. Я удивилась — не думала, что Дэйл читает Библию.

Том ответил ему цитатой одного из наших современных пророков: «Раньше мне всё было отвратительно, теперь я пытаюсь забавляться»²³⁵. А потом спросил Дэйла, что мы будем делать. Дэйл, уже имевший неплохой опыт, ответил, что он объедет здание вокруг. Это отвлечёт большую часть мертвяков на достаточное время, чтобы мы могли попасть внутрь. Они не тронут джип, пока нас в нём не будет.

Дэйл поехал к следующему углу. Том вытащил тридцать восьмой калибр, а я вспоминала. Я думала о том случае, когда мне пришлось пойти в другую клинику с подружкой Джулией. Это было ещё до того, как я начала вести дневник; собственно, я начала его вести как раз тогда, когда Джулия исчезла вместе с почти всем остальным миром, поэтому и не писала об этом раньше.

Джулия забеременела от своего дружка Шона, а тот смылся, когда она ему об этом сказала. В те времена (очень, очень давно) аборт был легальными, но довольно дорогими, а у Джулии, учащейся колледжа, денег не было. Она обратилась к родителям, но те вышвырнули её из дому. Она уже подумывала, чтобы родить ребёнка и отдать его на усыновление, но у неё не было медицинской страховки, она не могла обеспечить себе нормальные роды и

234 Книга Иова, 5:7. (прим. изд. Азбука-классика; СПб)

235 Цитата из песни «Красные башмаки» (1977 г.) английского певца и композитора Элвиса Костелло. (прим. изд. Азбука-классика; СПб)

считала перенаселение лучшим способом приблизить конец света. Понятное дело, всё это произошло до того, как появились мертвяки и решили *эту* проблему.

И тогда я одолжила ей денег и согласилась пойти вместе с ней в клинику. Джулии назначили время, но она так волновалась, что почти не спала ночью и дважды чуть не пошла на попятный, пока мы ехали туда. А потом столкнулась с добрыми христианами из движения «Спаси душу».

Они расселись по обеим сторонам дорожки, ведущей в клинику. Несмотря на то что это был другой штат и другое время, они вырядились в точно такие же футболки и держали точно такие же плакаты. В основном там были мужчины, а женщины почему-то всегда в такой тесной одежде, что она буквально угрожала их здоровью. Все они бессмысленно улыбались, но улыбки тут же сменялись злобными гримасами, и оскорбительные выкрики встречали каждого, кто шёл в клинику или выходил из неё.

Джулия бросила на них один-единственный взгляд и отказалась выходить из машины. Я напомнила ей, что мы опоздаем, но она сказала, что это не важно.

Мы с ней уже разговаривали о моральной стороне аборт и пришли к выводу: совершенно очевидно, что несформировавшийся плод на раннем сроке — всего лишь продолжение тела матери и что каждая женщина имеет право сама принимать решение. Пока Джулия сидела и дрожала в машине, я напомнила ей всё это, но она ответила, что не хочет идти мимо них вовсе не потому, что испытывает угрызения совести.

Она их боялась. Она сказала, они кажутся ей безмозглой толпой, способной на любое насилие.

Джулия понятия не имела, *насколько была права*.

Мы медленно завернули за угол. Понятное дело, они поковыляли за нами. Дэйл переключил на четвёртую скорость, и мы с рёвом промчались весь оставшийся путь вокруг квартала.

Когда мы вернулись к главному входу, там их оставалось всего пять или шесть, не считая того, который²³⁶ подтягивался на своих наполовину обглоданных ногах. Том протянул мне «Узи», а сам взял тридцать восьмой калибр и шкатулку. Дэйл выбрал мачете (мне совсем не хотелось видеть, как он будет орудовать им за несколько минут до того, как начнёт оперировать *меня*).

Мы помчались от машины к двери. Том выстрелил двоим прямо между глаз. Я подняла «Узи», совсем забыв про его скорострельность, и разнесла одного буквально на части. Желудок перевернулся, когда я увидела какую-то дрянь серого цвета, заляпавшую дверь. Дэйл просто бежал, оттолкнув в сторону двоих последних. Один всё-таки подскочил и схватил его за левую руку. Дэйл извернулся, опустил мачете, отсекая вцепившуюся в него конечность, и пинком откинул мертвяка в сторону. Потом отодрал от себя мёртвую кисть, отшвырнул её и велел нам прикрывать его, пока он отпирает дверь.

236 В оригинале малопригодное «что». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Пока Дэйл возился с ключами, Том застрелил тех двоих, которых Дэйл просто оттолкнул. И тут тридцать восьмой калибр заело. Том возился с ним, а я нервно оглядывалась — те, которых мы обманули, уже ковыляли обратно; отвратительный священник впереди. Внезапно что-то тронуло мою щиколотку. Я посмотрела вниз и увидела, что безногий как-то заполз вверх по ступенькам и теперь тянулся своей разъявленной пастью к моей ноге. Я чуть не заорала в полный голос, выхватила «вальтер» из кобуры Дэйла и, наверное, громко визжала, всаживая пули в шелудивую башку зомби. Он сдох и отпустил меня. На его футболку «СПАСИ ДУШУ — ЗАКРОЙ КЛИНИКУ» сочилась густая коричневая жидкость.

Тут Дэйл отпер дверь, и мы оказались внутри.

Позже Том рассказывал, как пытался вытащить пистолет из моих пальцев, пока Дэйл включал генератор и готовился к операции.

Вскоре он уже стоял передо мной в перчатках и маске.

Саму операцию я толком не помню, кроме того, что попросила Тома подождать за дверью, — и грохот. Ужасный грохот, не прекращавшийся всё то время, пока мы находились внутри, — они колотили в дверь. Медленные, тяжёлые удары, неослабевающие, безжалостные.

Дэйл, как я уже писала раньше, превосходный доктор, и скоро всё закончилось. Он сделал так, чтобы я не увидела, что он положил в маленькую деревянную шкатулку, которую принёс с собой Том, а я не спрашивала. Шкатулку, так красиво сделанную Руди В., отвезут обратно в Колонию и там похоронят.

Но я должна была спросить об одной вещи, хотя мысль эта казалась мне отвратительной. Я должна была знать... должна была убедиться, что Дэйл... Господи, я даже написать этого не могу. Но он понял, о чём я спрашиваю, и, снимая перчатки, сказал, что мне не о чем волноваться. Ни один из вычищенных никогда не возвращался. А вот нас, всех остальных, после смерти кремировали или уничтожали мозг, иначе мы воскресали.

Какая ирония, подумала я, что именно таким образом мы завершили Великую Полемику. Они недостаточно люди, чтобы вернуться. Аборт — это не убийство.

Выйти из клиники было труднее, чем войти, но Дэйл всё продумал. Том вылезет из бокового окна и отвлечёт их от нас. Дэйл запрет входную дверь, пока мы с Томом прикрываем его, а потом все мы направимся к джипу. Конечно, я ещё чувствовала слабость, и Том не хотел оставлять меня одну, но Дэйл сказал, что это самый безопасный способ и что он за мной проследит. Том неохотно согласился.

Всё прошло без проблем. Они медлительны, их легко сбить с толку, и когда они увидели нас двоих на крыльце, а третьего около джипа, то не могли решить, куда идти. Том застрелил двоих, заступивших ему дорогу. Едва Дэйл запер двери и сунул ключи в карман, он забрал у меня «Узи», и к джипу я бежала только с маленьким гробиком.

Как только мы забрались в машину, Дэйл завёл мотор, и мы поехали. Они уже колотили в дверцы, цеплялись за приваренный отбойник, истекали жёлтой желчью. Один никак не отпускал машину, и мы проволокали его по дороге футов пятьдесят, пока у него не оторвались пальцы. Том что-то громко выкрикнул при этом.

Дэйл уже собирался прибавить газу и выехать из города, как я попросила его остановиться и вернуться обратно. Он остановился, и они с Томом оба повернулись и уставились на меня, разинув рты, как мертвяки. Они начали спрашивать **зачем**, но я просто протянула Тому шкатулку, взяла ружьё, вышла из машины и пошла назад.

Мужчины рванули за мной, Том кричал, что я ещё в бреду после операции, Дэйл доказывал, что у меня может начаться сильное кровотечение, но я не обращала на них внимания. Мертвяки уже показались в конце улицы. Они ковыляли в нашу сторону.

Мне пришлось вытереть слёзы — я и не замечала, что плачу; а потом я подняла ружьё и прицелилась в первого. Я выстрелила и увидела, как он отлетел назад и упал посреди улицы, наконец-то по-настоящему мёртвый. Том и Дэйл пытались отнять у меня ружьё, но я их оттолкнула и снова выстрелила. Том доказывал, что все наши дела здесь закончены, что нет смысла тратить патроны на этих уродов, но я сказала ему, что **должна это сделать**. И сказала ему — сказала им обоим — **почему**.

Тогда они оставили меня в покое до тех пор, пока все мертвяки не сдохли, кроме одного — священника. Руки у меня тряслись так сильно, что я с трудом удерживала ружьё, но он подошёл уже близко — оставалось футов тридцать, и промахнуться я не могла. Первым выстрелом я вырвала ему кусок шеи — и то, что оставалось от воротничка, а последним разнесла череп.

Я бросила ружьё, и Тому с Дэйлом пришлось нести меня в джип.

А теперь я дома, в постели, и Дэйл говорит, что физически со мной всё в порядке. Я тоскую по ребёнку, которого так и не увидела, и эта боль куда сильнее физического недомогания, но Джесси здесь, рядом, и она долго обнимала меня, пока Том не отправил её спать.

Теперь, думая про ту улицу, я улыбаюсь, когда пишу это. Потому что знаю, что ни одной из тех женщин, что придут туда после меня, не придётся **переживать ничего страшнее того ужаса, когда расстаёшься с частью самой себя**.

2005 © Lisa Morton

Джордж Р. Р. Мартин «Завсегдатай мясной лавки»

Джордж Р. Р. Мартин — автор многих бестселлеров, например, фантастической эпопеи «Песнь льда и огня» («Song of Ice and Fire»), а также серии романов, в числе которых «Грёзы Февра» («Fevre Dream»), «Шум Армагеддона» («The Armageddon Rag»), «Умиравший свет» («Dying of the Light») и «Бегство охотника» («Hunter's Run»), написанный совместно с Дэниелом Эйбрехемом и Гарднером Дозуа. Кроме того, он написал множество рассказов, многие из которых были номинированы на крупнейшие фантастические премии и завоевали ряд наград, в числе которых «Хьюго», «Небьюла», премия Брэма Стокера и Всемирная премия фэнтези.

Недавно его произведения малой формы были собраны в большом двухтомнике «Песни снов» («Dreamsongs»), где писатель, в частности, вспоминает о том, как был написан рассказ «Завсегдатай мясной лавки». Впервые его напечатали в сборнике «Орбита 18» («Orbit 18») под редакцией Дэмона Найта, хотя написан он был изначально для «Последних опасных видений» («The Last Dangerous Visions») под редакцией Харлана Эллисона. Однако Эллисон рассказ не принял, сказав Мартину, что из него (рассказа) нужно «вырвать кишки и переписать всё»,²³⁷ начиная с первой страницы.

Что Мартин и сделал, «а заодно вскрыл себе вены». Во время создания «Завсегдатая мясной лавки» писатель переживал серьёзную эмоциональную травму и излил на страницы рукописи всю свою боль. И даже теперь, почти тридцать лет спустя, ему тяжело перечитывать этот рассказ.

237 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

I В мясной лавке

Тогда, в первый раз, они заявили туда прямо с рудных полей, Трегер и другие ребята, постарше него, уже почти взрослые мужчины, их трупы работали рядом с его бригадой. Из всей компании Кокс был самый старший, и он чаще других бывал в этом заведении, и он же сказал, что Трегеру придётся идти вместе со всеми, хочет он того или нет. Тогда один из парней захихикал и сказал, что Трегер не поймёт даже, что нужно делать, но Кокс, который был вроде как главный, так двинул ему, что насмешник затих. И когда пришёл день зарплаты, Трегер поплёлся вслед за остальными в мясную лавку — со страхом, но отчасти и с нетерпением, и он заплатил мужчине, который встретил их на первом этаже, и получил ключ от номера.

Входя в комнату, окутанную полумраком, он дрожал, он нервничал. Остальные тоже разошлись по своим номерам, оставили его с ней одного (то есть с ним, с неживым предметом, напомнил он себе, но сразу же снова забыл). В небольшом, обшарпанном помещении, с единственной мутной лампой.

От него воняло потом и серой, как и от всех, кто ходил по улицам Скрэкки, но с этим было ничего не поделать. Конечно, он бы лучше вымылся сперва, но ванны в номере не оказалось. Только раковина,²³⁸ да двуспальная кровать, простыни на которой даже в полумраке казались засаленными, да ещё труп.

Она лежала совершенно голая, глядя в пустоту, еле заметно дыша. Ноги у неё были расставлены: в полной боевой готовности. Интересно, подумал Трегер, всегда она так лежит или предыдущий мужчина просто устроил её поудобнее? Спросить было не у кого. Он знал, как это делается (да-да, он знал, ведь он прочёл книги, которые дал ему Кокс, и фильмы об этом бывают, и много ещё всякого), но вообще о жизни он знал ещё очень мало. Зато умел управлять трупами. Это у него получалось отлично, он был самый юный погонщик трупов во всём Скрэкки, хотя и не по своей воле. Когда его мать умерла, его насильно отдали в школу погонщиков, его заставляли учиться — вот он и учился. Но такого он ещё никогда не делал (хотя знал, как это делается, да-да, он знал): это было с ним в первый раз.

Он медленно подошёл к постели и сел; старые пружины дружно заскрипели. Трегер коснулся её, и плоть оказалась тёплой. Ну конечно же. Ведь она всё-таки не труп, то есть не совсем труп, нет; её тело было вполне живым, под тяжёлыми белыми грудями билось сердце, она дышала. Вот только мозга не было: его извлекли из черепной коробки и заменили на искусственный, мёртвый мозг. И вот она превратилась в кусок мяса — безвольное тело, которое подчиняется погонщику трупов, — как тела из рабочей бригады, с которой Трегер вкалывает каждый день под сернисто-жёлтыми небесами. Значит, перед ним не женщина. И нет ничего страшного, что он, Трегер, всего лишь

238 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

мальчишка, юнец с отвисшим подбородком, с лягушачьим лицом, впитавший в себя запахи Скрэки. Она (нет — оно: забыл, что ли?) этого не заметит — не может заметить.

Расхрабрившись — и возбудившись, — парень стянул с себя форменную одежду погонщика трупов и взобрался на кровать, где лежала женская туша. Он был сильно взволнован: его руки дрожали, когда он гладил её, изучал изгибы её тела. Кожа у неё была ослепительно-белая, волосы чёрные и длинные, но даже у восторженного юноши не повернулся бы язык назвать её красавицей. Лицо слишком широкое и плоское, рот безвольно разинут, а руки и ноги, чересчур уж расслабленные, едва не растекались от жира.

На её огромных грудях вокруг жирных тёмных сосков предыдущий клиент оставил следы зубов — там, где они впивались в её тело. Трегер осторожно прикоснулся к отметинам, провёл по ним пальцем. Затем, устыдившись своей нерешительности, он грубо схватил одну грудь, стиснул её и надавил на сосок так сильно, что настоящая девушка, должно быть, взвыла бы от боли. Но труп не пошевелился. Продолжая стискивать одну грудь, он перекатился на труп и, оказавшись сверху, взял другую грудь в рот.

И тут женское тело начало двигаться. Оно рванулось к нему, обхватив его спину мясистыми руками, с силой прижимая к себе. Трегер застонал и потянулся вниз, к её промежности. Там было жарко и влажно; горячая плоть трепетала. Он задрожал. Как они добиваются такого? Неужели тело, не имеющее сознания, способно возбуждаться? Или, может быть, в неё вживили тюбики со смазкой?

Но вдруг ему стало всё равно. Пошарив дрожащей рукой, он нащупал свой член, вставил в неё, с силой толкнул. Труп обхватил его ногами и сделал ответное движение. И Трегеру стало хорошо, очень хорошо — гораздо лучше, чем когда он сам доставлял себе удовольствие, и вопреки разуму он даже испытывал смутную гордость за то, что она такая влажная, такая возбуждённая.

Два сильных толчка — и всё, на большее Трегера не хватило: уж слишком он был юн, слишком свеж и полон желания. Пары толчков ему хватило вполне — но и ей этого хватило. Они кончили одновременно: её кожу омыла розовая волна, всё тело выгнулось и бесшумно забилося мелкой дрожью.

А затем она снова застыла без движения, как настоящий труп.

Удовлетворённый, обессиленный, Трегер, в распоряжении которого ещё оставалось достаточно времени, решил в полной мере использовать все возможности, за которые заплатил свои кровные деньги. Он исследовал женское тело в мельчайших подробностях, пощупал везде, куда можно было засунуть палец, всюду потрогал, перевернул на живот, всё рассмотрел. Труп реагировал на его прикосновения, как обыкновенный кусок мяса.

Уходя, Трегер оставил её в том положении, в котором нашёл: лицом вверх, с разведёнными в стороны ногами. Раз уж таков этикет мясной лавки.

* * *

Весь горизонт загораживали заводы, заводы и заводы — гигантские заводы, изрыгающие пламя и копоть, бросающие на тёмные сернистые небеса багровые зарницы. Юноша всё это видел, но едва ли замечал. Пристёгнутый к креслу, он сидел в кабине на самом верху своего аппарата — чудовищной машины высотой с двухэтажный дом, покрытой ржавчиной и жёлтой краской, с беспощадными зубами из алмазов и дюраллоя, и перед его затуманенным взглядом накладывались друг на друга сразу три изображения. Сосредоточенный, собранный, сильный — он отчётливо видел прямо перед собой приборную панель, руль, кнопку подачи топлива, яркий рычаг управления ковшами для добычи руды, панель сигнальных огней, которые предупредят его, если что-то случится в перерабатывающем отсеке, расположенном у него под ногами, рычаги основного и запасного тормозов. Но видел он и кое-что ещё. Два смутных, туманных отражения; два накладывающихся друг на друга изображения ещё двух почти точно таких же кабин, где над приборной панелью неуклюже двигались руки мертвецов.

Медленно и осторожно Трегер управлял этими руками, пока другая часть его сознания контролировала его настоящие, его собственные руки, удерживая их неподвижными. На поясе у него тонко гудел трупоконтроллер.

По бокам от него двигались две другие рудоперерабатывающие машины. Руки трупов нажали на тормоза; машины с грохотом остановились. Все три аппарата замерли на краю глубокой впадины; они выстроились в ряд, словно три потёртые и побитые джаггернаутовы колесницы, готовые устремиться вниз, во тьму. Каждый день яма неотступно росла вширь: ежедневно из неё извлекали всё новые слои руды и камня.

Когда-то на этом месте возвышалась горная цепь, но Трегер её уже не застал.

Теперь всё было проще простого. Машины выстроены в ряд. Заставить их двигаться в унисон совсем не трудно, с этим справится любой мало-мальски грамотный погонщик трупов. Сложно приходилось, когда нужно было заставить несколько трупов выполнять несколько разных заданий. Но хороший погонщик и с этим справлялся. У ветеранов бывало и по восемь мертвецов в бригаде: восемью телами, подключёнными к одному трупоконтроллеру, управляло сознание одного человека при помощи восьми искусственных мозгов. Все мертвецы были настроены на один-единственный контроллер; надев этот прибор, погонщик, находясь поблизости от соответствующих трупов, начинал думать за них и управлять ими, как своими дополнительными телами. Или даже как своим собственным телом. В зависимости от мастерства погонщика.

Трегер быстро проверил свою защитную маску и беруши, затем коснулся кнопки подачи топлива, завёл двигатель, затем щёлкнул рычажками управления лазерными резами и бурами. Трупы, словно эхо, дружно повторяли его движения, и пульсирующие вспышки света озарили сумрачный пейзаж Скрэки. Даже сквозь беруши прорывался чудовищный вой, когда ковши для добычи руды с рёвом вгрызались в скалы. Утроба аппарата, куда уходила добытая руда и где она перерабатывалась, в ширину даже превышала общую его высоту.

Со скрипом и грохотом, сохраняя боевой порядок, Трегер и его бригада стали спускаться в яму. К тому времени, как они, уже в сумерках, добирались до заводов, расположенных на другом конце равнины, тонны металла уже бывали вырваны из недр планеты, переплавлены, очищены и переработаны; пустая порода размалывалась в пыль и выбрасывалась в воздух, и без того уже непригодный для дыхания. На закате юноша доставлял к зданиям, маячившим теперь на горизонте, уже готовую сталь.

Когда машины устремились вниз по склону карьера, Трегеру вдруг подумалось, что он очень неплохой погонщик трупов. Но та, кто управляет мертвецами в мясной лавке, — о, она настоящий гений своего ремесла. Он представил себе, как эта женщина сидит где-нибудь в подвале, внимательно следя за своими трупами через систему голограмм и психопепей, заставляя их трахаться с клиентами, удовлетворять их желания. Значит, Трегеру просто повезло, что его первый секс был таким потрясающим? Или, может быть, эта погонщица всегда так хорошо справляется? Но как же, **как**? Разве это возможно? Управлять дюжиной трупов, даже не находясь поблизости, и удерживать их всех в возбуждённом состоянии, и к тому же так чутко угадывать желания и потребности каждого клиента?

Воздух у него за спиной был чёрен и удушлив от каменной пыли, в уши рвались крики и грохот, горизонт вдалеке вставал грозной алой стеной, под которой ползали жёлтые муравьи, пожирающие камень. Но у Трегера встал и стоял всё то время, пока он двигался через равнину, и под ним трясся аппарат, добывающий и перерабатывающий руду.

* * *

Трупы принадлежали компании; они содержались в специальном мертвецком хранилище. Но у Трегера была комната, кусок его собственного пространства в этом огромном складе из бетона и металла, поделённом ещё на тысячу мелких кусков. Знаком Трегер был лишь с небольшой горсткой соседей, но все, с кем здесь можно было познакомиться, — это погонщики трупов. В остальном же окружающий мир состоял из безмолвных сумрачных коридоров и бесконечной вереницы запертых дверей. Общая комната отдыха, просторное помещение, обшитое пластиком, была вся покрыта слоем пыли, и жильцы ею никогда не пользовались.

Долгие вечера, бесконечные ночи. Трегер докупил себе в комнату ещё несколько световых панелей, и когда все они бывали включены, то сияние становилось до того ярким, что нечастые посетители усиленно моргали и жаловались на свет. Но неизменно наставало такое время, когда он не мог уже больше читать; тогда он выключал освещение, и тьма возвращалась.

Покойный отец Трегера, которого тот едва помнил, оставил обширную библиотеку и коллекцию аудиозаписей. Юноша бережно хранил это богатство. Книжки и плёнки стояли всюду по стенам комнаты, ещё кое-что было сложено стопками возле изножья кровати и с обеих сторон двери в ванную. Изредка Трегер присоединялся к компании Кокса и прочих; они выпивали, острили и шатались по округе в поисках настоящих женщин. Он подражал своим

товарищам, насколько мог, но всегда чувствовал себя не в своей тарелке. Поэтому большинство вечеров он проводил дома: читал или слушал музыку, предавался воспоминаниям или размышлениям.

Всю эту неделю он впадал в задумчивость задолго до того, как гасил свои световые панели, и в мыслях его царили смятение и хаос. Скоро опять день зарплаты, и Кокс снова потащит его в мясную лавку, и он — да, да, он **хочет** туда пойти. Это было так здорово, потрясающе; в кои-то веки он почувствовал себя уверенно — ощутил, что он **настоящий** мужчина. Но это было так доступно, дешево, грязно. Должно же существовать что-то большее, разве нет? Любовь, например, — что бы это слово ни значило. С настоящей женщиной должно быть гораздо лучше — должно непременно, а в мясной лавке он настоящую женщину не встретит. Впрочем, он ещё нигде не встречал настоящих, но ведь, по правде говоря, до сих пор у него не хватало даже смелости попытаться. Но он должен попытаться, просто обязан — иначе что же это будет за жизнь?

Бездумно, почти механически мастурбируя под одеялом, он решил не ходить больше в мясную лавку.

* * *

Но прошла пара дней, и, когда Кокс поднял его на смех, Трегер согласился пойти туда. Почему-то ему показалось, что этим он что-то кому-то докажет.

На сей раз другая комната, и труп тоже другой. Чёрный и жирный, с ярко-оранжевыми волосами, ещё менее привлекательный, чем тот, первый, если такое вообще возможно. Но теперь Трегер был подготовлен и полон желания, и ему удалось продержаться дольше. И опять всё получилось просто потрясающе. Она двигалась в одном ритме с ним, чётко в такт, и кончили они вместе, и казалось, она точно знает, чего ему хочется.

Последовали и другие посещения: второе, четвёртое, шестое. Трегер стал уже завсегдатаем мясной лавки — таким же, как другие, и это его уже даже не беспокоило. Кокс и компания стали держать его почти что за своего, зато самому Трегеру эти люди, напротив, нравились всё меньше. Он считал, что он лучше их. В мясной лавке ему удалось сохранить своё лучшее, сокровенное; он управлялся со своими трупами и рудоперерабатывающим аппаратом ничуть не хуже, чем любой из погонщиков, но при этом не разучился задумываться и мечтать. Однажды все они останутся в его далёком прошлом, он покинет Скрэкки, он выйдет в люди. Они всю свою жизнь будут оставаться завсегдатаями мясной лавки; он же способен на большее. Он верил. Он **обязательно обретёт любовь**.

В мясной лавке любви Трегер не обрёл, зато секс с каждым разом становился всё лучше и лучше, при том что и в первый раз всё было великолепно. В постели с трупами Трегер всегда получал всё, чего хотел; он испробовал всё, о чём прежде читал, о чём слышал, о чём мечтал. Трупы угадывали его желания прежде, чем он сам успевал отдать себе в них отчёт. Когда ему хотелось помедленней, они двигались медленно. Когда же ему хотелось, чтобы всё было жёстко, и быстро, и даже жестоко — трупы и в этом

ему не отказывали и справлялись прекрасно. И он пользовался всеми отверстиями, которые у них имелись в наличии: трупы всегда знали, какое подставить ему в очередной раз.

За несколько месяцев восхищение, которое испытывал Трегер перед погонщицей трупов из мясной лавки, выросло многократно и обратилось почти что в **благоговение**. Наконец ему пришло в голову, что, возможно, ему удастся с ней встретиться. Ведь он всё ещё оставался совсем юным мальчиком, безнадёжно наивным, и он был уверен, что **полюбит** эту женщину. И тогда он заберёт её из мясной лавки и отвезёт в какой-нибудь чистый мир, где нет трупов, где они смогли бы вместе обрести счастье.

Однажды, в минуту слабости, он поделился своими мечтами с Коксом и остальными. Кокс внимательно посмотрел на него, покачал головой и усмехнулся. Кто-то хихикнул. А потом все дружно загоготали.

— Ну и осёл же ты, Трегер, — наконец сказал Кокс. — Нету там погонщицы ни хрена! Может, скажешь ещё, что никогда не слышал про цепь обратной связи?

Под общий смех он объяснил Трегеру, **как** это работает; он объяснил, что каждый из трупов подключён к контроллеру, встроенному в кровать; объяснил, что каждый клиент сам управляет доставшимся ему трупом; объяснил, почему все, кроме погонщиков, видят в мясной лавке только мёртвые неподвижные тела. И тут юноша понял, **почему** каждый раз секс получался таким умопомрачительным. Оказывается, **он отличный погонщик — до того хороший, что и сам представить не мог.**

Тем вечером, оставшись один в своей комнате, включив весь свет, так что стало даже жарко, Трегер внимательно вгляделся в себя. И с отвращением отвернулся. Он прекрасно справлялся со своим ремеслом и, конечно, гордился этим, но зато в остальном...

Во всём виновата мясная лавка, решил он. Мясная лавка — это ловушка, западня, которая может его погубить, разрушить и жизнь, и мечту, и надежду. Решено: ногй его там больше не будет; слишком уж просто всё получается. Он ещё покажет Коксу, он всем им покажет. Он готов выбрать самый тернистый путь, готов рисковать, испытывать боль, если придётся. А может, и радость, и даже любовь. Слишком уж долго он шёл по другому пути.

И Трегер действительно не пошёл больше в мясную лавку. Чувствуя силу, уверенность и превосходство, он возвратился к себе в комнату. И там, год за годом, он **продолжал читать и мечтать, дожидаясь, когда же начнётся,**²³⁹ **наконец,**²⁴⁰ **настоящая жизнь.**

239 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

240 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

1

Когда мне был двадцать один год

Первой была Джози.

Истинная красавица, всегда была хороша собой и знала, что красива; сознание этого сформировало её личность, сделало её тем, чем она стала. То есть женщиной свободной, как дух. Агрессивной, уверенной в себе. Победительницей. Когда они познакомились, ей было двадцать, как и Трегеру, но за это время она успела прожить и испытать гораздо больше, чем он: казалось, она знает ответы на все мучившие его вопросы. И он сразу же полюбил её.

А Трегер? Каким был Трегер до встречи с Джози, но уже годы спустя после последнего посещения мясной лавки? Он стал выше ростом и шире в плечах, прибавил в весе — за счёт мускулатуры и жира, часто бывал мрачен, замкнут и молчалив. На рудных полях он теперь управлялся сразу с пятью трупам: его бригада теперь была больше, чем у Кокса, больше, чем у любого из погонщиков. По вечерам он читал книги — иногда у себя, а иногда в комнате отдыха. Он уже давным-давно позабыл, что прежде приходил сюда в надежде встретить кого-нибудь. Крепко сложенный, решительный и бесстрастный — вот каким стал Трегер. Он никого не трогал, и его тоже не трогали. И даже мучения его прекратились, хотя глубоко внутри остались шрамы. Впрочем, сам Трегер едва помнил об их существовании и старался их вовсе не замечать.

Теперь он отлично чувствовал себя в общей компании. В компании своих трупов.

Хотя не совсем. Внутри у него продолжала жить мечта. Что-то в нём продолжало верить, жаждать, желать. И это нечто имело достаточно власти, чтобы не допускать его до мясной лавки, до той растительной жизни, которую выбрали все остальные. И порой во мраке холодных, одиноких ночей оно вдруг обретало огромную силу. В таких случаях Трегер поднимался с постели, одевался и часами бродил по коридорам, глубоко засунув руки в карманы, пока в нутре у него что-то беспокойно вертелось, хныкало и скреблось. И всякий раз во время таких вот прогулок он принимал решение найти какой-нибудь выход, что-нибудь сделать, **завтра же изменить свою жизнь**.

Но когда завтра наступало, безмолвные серые коридоры блекли в памяти, и жестокие демоны отступали, и нужно было думать совсем о другом: как провести через карьер шесть ревущих, трясущихся рудоперерабатывающих машин. Трегер отдавался во власть повседневной рутине, и проходили долгие месяцы, прежде чем те же чувства накатывали на него с новой силой.

И вдруг — Джози. А встретились они вот как.

Случилось это на новом поле, очень богатом и совсем не разработанном, на широком просторе, усеянном валунами и обломками скал. Пару недель назад здесь тянулись невысокие холмы, но бульдозеры, принадлежащие компании, в которой работал Трегер, выровняли ландшафт с помощью серии ядерных взрывов, и теперь настал черёд рудоперерабатывающих машин. Бригада из

пяти единиц под управлением Трегера прибыла на место одной из первых, и при виде нового месторождения у него захватило дух. Старый карьер был уже практически выработан; здесь же предстояло вступить в схватку с совершенно новой территорией, вооружённой валунами и острыми осколками скал, каменными кулаками размером с бейсбольные мячи, которые злобно скрежетали на пыльном ветру. Всё кругом казалось необыкновенным, полным опасностей. Трегер, в кожаной куртке, в защитной маске и очках, с затычками в ушах, вёл свои шесть машин, управляя сразу шестью телами, со свирепой гордостью, обращая валуны в прах, расчищая путь тем машинам, что придут вслед за ним, сражаясь за каждый новый ярд земли и стараясь вырвать у неё всю руду, какую только сможет найти.

И вот однажды, совершенно внезапно, один из наложенных друг на друга образов неожиданно привлёк его внимание. На панели приборов одной из машин, управляемых трупами, загорелся красный сигнал. Трегер потянулся своими, живыми руками — и мысленно потянулся к приборам пятью парами мёртвых рук. Все шесть машин остановились, но теперь красным зажёгся другой сигнал. Потом ещё один и ещё. А потом и вся панель, все двенадцать индикаторов. Одна из машин сломалась. Выругавшись, Трегер бросил взгляд через каменное поле в сторону злополучной машины и как следует пнул её — разумеется, с помощью трупа. Но индикаторы остались красными. Он подал сигнал о вызове технической поддержки.

Когда она подросла — на одноместном экскаваторе, похожем на каплю чёрного, испещрённого вмятинами металла, — Трегер уже отстегнул ремни, спустился по металлическим дугам, укреплённым на одном из бортов машины, и подошёл по каменистому полю к вышедшей из строя машине. Когда Джози подъехала, он как раз начал взбираться вверх, к кабине; они встретились у подножия горы из жёлтого металла, в тени её гусениц.

Трегер сразу понял, что она эксперт в своём деле. На ней была спецодежда, какую носили погонщики трупов, в ушах затычки, глаза защищали громоздкие очки, а лицо было смазано жиром — для защиты от едкой пыли. И всё равно она была красива. У неё были короткие светло-каштановые волосы, клочковатую копну которых трепал ветер; когда она подняла защитные очки на лоб, оказалось, что глаза у неё ярко-зелёные. Она тут же взяла командование в свои руки.

Держась совершенно официально, для начала она представилась, задала Трегеру пару вопросов, затем открыла ремонтный отсек и заползла внутрь машины, в утробу двигателя, и в отделение для выплавки руды, и в отсек для её очистки. Времени это заняло совсем немного, около десяти минут, и Джози вновь вылезла наружу.

— Не ходите туда, — сказала она, движением головы отбросив со лба прядь волос, которая выбилась поверх защитных очков. — Заслонка треснула. Утечка радиации.

— М-да, — пробормотал Трегер. В этот момент ему было трудно думать о машине, но приходилось притворяться, нужно было срочно сказать что-нибудь умное. — Как вы думаете, взорвётся? — спросил он, а спросив, тут же осознал,

что ничего умного не произнёс. Ну разумеется, никакого взрыва не будет и быть не может; ядерные реакторы, когда выходят из-под контроля, ведут себя совсем иначе, и Трегер это отлично знал.

Но Джози его вопрос, казалось, позабавил. Она улыбнулась — впервые Трегер увидел эту её особенную, ослепительную усмешку, — и, похоже, она увидела,²⁴¹ наконец,²⁴² его — лично его, Трегера, а не просто какого-то там погонщика трупов.

— Нет, — ответила она. — Он просто расплавится. Здесь даже жарко не станет, потому что в стены машины встроены специальные защитные панели. Но внутрь не ходите.

— Ладно. — Пауза. Что бы такое теперь сказать? — Что же мне делать?

— Наверное, продолжать работу с оставшейся частью бригады. А эту машину придётся пустить на лом. Её давно нужно было отправить на капитальный ремонт. Судя по виду, её уже много раз штопали и латали. Глупо. Машина ломается, ломается, ломается, а её используют снова и снова. Хотя можно было уже понять, что в ней что-то не в порядке. Сколько можно водить самих себя за нос, надеясь, что после стольких поломок она,²⁴³ наконец,²⁴⁴ заработает нормально?²⁴⁵

— Наверное, так, — согласился Трегер.

Джози опять ему улыбнулась, запечатала люк и собралась уходить.

— Подождите, — остановил её Трегер.

Это слово вырвалось у него изо рта прежде, чем он успел сдержать свой порыв, и почти вопреки его воле. Джози обернулась, вскинула голову и вопросительно взглянула на Трегера. И он вдруг ощутил в себе силу стали, и камня, и ветра; под сернисто-жёлтыми небесами его мечты не казались такими уж несбыточными. Кто знает, подумал он. Кто знает.

— Хм. Меня зовут Грег Трегер. Может, встретимся как-нибудь?

Джози усмехнулась:

— Конечно. Приходи сегодня вечером.

И дала ему адрес.

Когда она ушла, Трегер вновь забрался в кабину своей машины, и все его шесть сильных тел были полны торжества, жизни и огня, и он едва ли не с радостью вновь стал вгрызаться в камень. И тёмно-багровое зарево вдали напоминало едва ли не восход солнца.

241 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

242 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

243 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

244 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

245 В оригинале точка вместо вопросительного знака. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

* * *

Когда он пришёл к Джози, в гостях у неё было ещё четыре человека, её друзья. Это было что-то вроде вечеринки. Джози очень часто устраивала вечеринки, и Трегер —²⁴⁶ начиная с того самого вечера —²⁴⁷ появлялся на каждой. Джози разговаривала с ним, смеялась, он ей нравился — и внезапно Трегер осознал, что вся жизнь его переменялась.

Вместе с Джози он посетил такие закоулки Скрэки, в которых никогда прежде не бывал, и стал делать такие вещи, каких никогда прежде не делал:

- он стоял вместе с нею в толпе, которая собиралась на улице поздно вечером, стоял на пыльном ветру, при чахлом желтоватом свете, среди бетонных зданий, в которых не было ни единого окна, стоял и делал ставки, и орал до хрипоты, болея сам за себя, пока перепачканные смазкой механики гоняли туда-сюда и снова обратно на жёлтых громыхающих тягачах с прицепами;
- он ходил вместе с нею по тихим, белым и чистым до странности служебным помещениям, скрытым под землёй, и по герметизированным коридорам с кондиционированным воздухом, где работали и жили всякие затворники и бумагомаратели, и руководители компаний;
- вместе с ней он посещал торговые центры, эти низкие, но огромные по площади здания, с виду похожие на склады, в которых, однако, всюду сияли разноцветные огни, и помещалось множество игровых залов, и закусочных, и музыкальных магазинчиков, и баров, где просиживали свободное время погонщики;
- они побывали в тренировочных залах, где погонщики, куда менее умелые, чем сам Трегер, заставляли своих мертвецов колотить друг друга, неуклюже размахивая кулаками;
- он проводил время вместе с её друзьями, и все вместе они нарушали безмолвие тихих таверн своими весёлыми разговорами, своим смехом, и однажды Трегер приметил, что из дальнего конца зала на него глазаест некто, очень похожий на Кокса, и тогда он улыбнулся ещё шире и поближе придвинулся к Джози.

Трегер почти не замечал остальных людей — все эти толпы, которыми Джози себя окружала; когда они общей компанией отправлялись на какую-нибудь очередную немыслимую прогулку — вшестером, ввосьмером, а то и вдесятером, — Трегер представлял себе, будто у них с Джози было назначено свидание, а все остальные просто решили составить им компанию.

Рано или поздно обстоятельства непременно сложатся так, что они окажутся где-нибудь только вдвоём — он и она, либо у неё, либо у него. И тогда они обо всём поговорят. О далёких мирах, о политике, о трупах и о жизни в Скрэки, о тех книгах, которые оба прочли, о спорте, об играх или о друзьях — о том, что есть у них общего. А общего было много. Трегер часто разговаривал с Джози. Но до сих пор не сказал ей ни слова.

246 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

247 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Конечно же, он любил её. Он заподозрил это уже в первый месяц их знакомства, и очень скоро подозрение переросло в уверенность. Он любил её. Вот оно, настоящее, — то, чего он так долго ждал, во что верил всем сердцем, — и оно пришло.

Но любовь его была мукой. Он не мог ей признаться. Раз двенадцать он хотел это сделать, но не мог найти нужных слов. А что если она не ответит ему взаимностью?

Ночи его по-прежнему были одиноки — в маленькой комнате, среди ярко горящих ламп, среди книг и мучений. Именно теперь он был так одинок, как никогда прежде; мирный порядок его повседневной жизни, этого полусуществования рядом с трупами, был разрушен, отнят у него. Днём он по-прежнему управлял гигантскими рудоперерабатывающими агрегатами, управлял своими трупами, дробил скалы, плавил руду и мысленно подбирал те слова, которые он скажет Джози. И слышал в своём воображении те, которые она произнесёт в ответ. Ведь ей тоже несладко, размышлял он. Конечно, у неё были мужчины, но ведь она не любила их, потому что она любит его, Трегера. Но ведь ей ещё труднее признаться в своих чувствах, чем ему. Как только он переборет себя, найдёт подходящие слова, найдёт силы — всё тут же встанет на свои места. Каждый день он повторял себе это, ловко и глубоко вгрызаясь в землю.

Но стоило ему вернуться домой, как уверенность покидала его. С глубочайшим отчаянием он вдруг осознавал, что обманывает себя. Для неё он лишь друг, и не более, и глупо рассчитывать, что когда-нибудь её отношение изменится. Зачем же лгать себе? Её поведение по отношению к нему явно свидетельствовало обо всём. Они никогда не были вместе и никогда не будут; несколько раз он уже набирался достаточно смелости, чтобы прикоснуться к ней, и всякий раз она улыбалась и отстранялась под тем или иным предлогом — таким естественным, что Трегер неизменно оставался в замешательстве, не понимая, отвергают его или нет. Но опасения закрались в его душу и с наступлением темноты начинали рвать её на части. Теперь он чаще стал скитаться по коридорам — раз в неделю он бродил по бесконечным переходам, угрюмый, доведённый до отчаяния, думая лишь о том, как бы поговорить хоть с кем-то, но как это сделать, он не знал. Все старые раны открылись и кровоточили.

Так продолжалось до утра. Утром он возвращался к своим машинам, а к нему возвращалась надежда. Нужно верить в себя, он понимал это, он сам кричал себе эти слова. И хватит жалеть себя. Нужно что-нибудь сделать. Нужно открыться Джози. Да, так он и сделает.

И она будет с ним, ликовал день.

И она посмеётся над ним, дразнила ночь.

Так Трегер бегал за ней целый год — год, полный страданий и надежды, первый год, когда он жил по-настоящему. На этот счёт его ночные страхи и полдневные ликующие голоса были согласны; он ожил. И он уже никогда не вернётся к тому пустому существованию, которым была его жизнь до встречи с Джози; и уж точно никогда не вернётся в мясную лавку. В этом, по крайней мере, он был твёрдо уверен. Возможно, он изменится и ещё кое в чём, и наступит день, когда он найдёт в себе силы поговорить с Джози.

* * *

В тот вечер Джози и зашла к нему в гости с парой друзей, но друзьям пришлось рано уйти. И вот около часа они просидели наедине, болтая ни о чём. Наконец ей настало время уходить. Трегер сказал, что проводит её до дома.

Пока они шли по длинным коридорам, он слегка обнимал её за талию и наблюдал за выражением её лица, за игрой тени и света на её скулах, когда они проходили от фонаря к фонарю.

— Джози, — начал он. На душе у него было так хорошо, так легко, так тепло, и слова сами собой сорвались у него с языка: — Я люблю тебя.

Она сразу же остановилась, высвободилась из его объятий, отступила назад. Рот у неё приоткрылся, совсем чуть-чуть, и что-то вспыхнуло и погасло в её глазах.

— Ой, Грег, — проговорила она. Ласково. Мягко. Печально. — Нет, Грег, нет, не надо, не надо. — И замотала головой.

Немного дрожа, беззвучно что-то бормоча, Трегер протянул руку. Но Джози не взяла её. Он нежно коснулся её щеки, но она, не произнеся ни слова, увернулась от его прикосновения.

И вот тогда, впервые в жизни, Трегер по-настоящему задрожал. Из глаз у него полились слёзы.

Джози провела его к себе в комнату. Там, сидя друг против друга на полу, не прикасаясь друг к другу, они,²⁴⁸ наконец,²⁴⁹ поговорили.

* * *

Д.: ... я уже давно знала... пыталась дать тебе понять, Грег, просто мне не хотелось действовать напрямик и... Я не хотела делать тебе больно... такой хороший человек... не сомневайся...

Т.: ... с самого начала знал... что никогда... обманывал себя... хотелось верить во что бы то ни стало... Прости, Джози, прости, прости, простипростипрости...

Д.: ... боялась, что ты снова вернёшься в той жизни... не надо, Грег, пообещай мне... нельзя сдаваться... нужно верить...

Т.: Зачем?

Д.: ... у человека, который не верит, нет ничего... мёртвый... ты способен на большее... отличный погонщик... уезжай из Скрэжки, найди что-нибудь... это не жизнь... кого-нибудь... у тебя получится, получится, вот увидишь, только не оставляй надежды, продолжай верить...

248 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

249 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Т.: ... ты... всегда любить тебя, Джози... всегда... как же я найду кого-нибудь... никогда никого, похожего на тебя, никогда... особенная...

Д.: ... ох, Грег... столько людей... оглянись вокруг... откройся...

Т. (смех): открыться?., впервые в жизни говорю с другим человеком...

Д.: ... если нужно, мы ещё поговорим... я буду говорить с тобой... было столько любовников, все хотят уложить меня в койку, быть друзьями гораздо лучше...

Т.: ... друзьями... (смех)... (слёзы)...

II

Надежды на будущее

Костёр уже давно догорел, и Стивенс с лесником отправились спать, а Трегер с Донелли всё ещё сидели у остывающих углей, возле границы чистых земель. Они тихонько беседовали, стараясь не разбудить остальных, и слова их надолго повисали в беспокойном ночном воздухе. Не вырубленный ещё лес, стеной возвышавшийся у них за спинами, был неподвижен и тих, как мертвец: вся вендалийская фауна разбежалась от звуков, которые в течение дня производила флотилия лесопильных машин.

— ... полная бригада на шести лесопильных машинах — представляю, как это непросто, — говорил Донелли. Это был бледный, робкий юноша, весьма привлекательной внешности, но слишком застенчивый и оттого неловкий. В косноязычии Донелли Трегер узнавал отголоски собственной юности. — На арене ты бы многого добился.

Трегер кивнул, задумчиво глядя на угли, которые ворошил палкой.

— Ради этого я и приехал в Вендалию. И однажды пришёл на гладиаторский бой — только **однажды**. И этого раза хватило, чтобы я передумал. Полагаю, у меня бы отлично получилось, но само это зрелище оказалось совершенно **тошнотворным**. Те деньги, которые мне платят здесь, смешно даже сравнить с тем, что я получал в Скрэкки, зато эта работа... как тебе сказать... **чистая**. Понимаешь?

— Вроде да, — ответил Донелли. — Но всё-таки это ведь не то что бы живые люди, ну там, на арене. Так, **мясо**... Ты просто делаешь так, что тела становятся такими же мёртвыми, как их сознание. По-моему, **так рассуждать логичнее**.

Трегер усмехнулся:

— Знаешь, Дон, ты слишком уж увлечён логикой. Надо бы тебе **научиться чувствовать**. Слушай, когда в следующий раз будешь в Гидионе, сходи-ка на гладиаторский бой и посмотри, на что это похоже. Ты увидишь, как это отвратительно. **Отвратительно!** Трупы, спотыкаясь, неуклюже шатаются по арене, вооружённые топорами, мечами и кистенями, и рубят и режут друг друга. Это **бойня**, и больше ничего. А публика? Как они орут при каждом ударе! И смеются. Они смеются, Дон! Нет. — Он решительно покачал головой. — Ни за что.

Затеяв спор, Донелли никогда не сдавался.

— Но почему? Грег, я не понимаю. У тебя бы получилось отлично — лучше, чем у других. Я же видел, как ты управляешься со своей бригадой.

Трегер поднял на юношу взгляд и внимательно посмотрел на него. Тот сидел молча и ждал ответа. Вспомнились слова Джози: *откройся, будь искренним*. Прежнего Трегера, нелюдимого Трегера, который вёл одинокое существование в своей комнатухе, в одном из спальных корпусов Скрэкки, уже не было. Он вырос, он изменился.

— Я знал одну девушку, — начал он медленно, тщательно взвешивая каждое слово. И с каждым словом открываясь. — Там, в Скрэкки, была одна девушка, Дон, которую я любил. Но у нас, как сказать, в общем, не сложилось. Наверное, потому я и оказался здесь. Я ищу чего-то другого, чего-то лучшего. Понимаешь, *в этой жизни всё связано*. — Трегер замолчал, задумался, стараясь подобрать нужные слова. — Эта девушка... её звали Джози... Мне хотелось, чтобы она полюбила меня. Понимаешь? — Слова приходили с трудом. — Чтобы она восхищалась мной и так далее. Так вот. Да, конечно, я бы отлично управился с трупами на арене. Но Джози бы никогда не полюбила человека, который занимается подобными вещами. Конечно, она уже осталась в прошлом, но всё равно... *Управляя трупами на арене, я никогда не встречу человека, которого хотел бы встретить*. — Он резко встал. — Не знаю. По-моему, это самое важное, для меня, по крайней мере. Оказаться достойным Джози — кого-нибудь вроде неё, когда-нибудь. Надеюсь, что скоро.

Донелли не ответил ни слова; он безмолвно сидел в лунном свете, кусая губу и не глядя на Трегера; его логика здесь оказалась бессильна. А тем временем Трегер, для которого длинные коридоры остались уже далеко позади, в одиночестве отправился в лес.

* * *

У них сложилась дружная, хорошо сработавшаяся бригада: трое погонщиков, лесник, тринадцать трупов. Каждый день они теснили лес всё дальше, и Трегер шёл впереди, вступая в бой с дикой природой Вендалии, с зарослями колючего кустарника, с крепкими серыми деревьями, которые щетинились железными шипами, с хлещущими резиновыми ветвями, враждебными лесными зарослями, навстречу которым он посылал свои шесть лесопильных машин. Машины эти были куда меньше, чем рудоперерабатывающие, которыми он командовал в Скрэкки, к тому же гораздо быстрее, манёвреннее, сложнее в устройстве и в управлении. Шестью такими агрегатами Трегер управлял с помощью трупов и седьмым — собственными руками. Стена диких зарослей каждый день падала под его воющими топорами и лазерными ножами. За ним следовал Донелли, который вёл три лесоперерабатывающие машины, каждая размером с гору, — они превращали спиленный лес в брёвна, готовые к дальнейшему использованию для нужд Гидиона и других городов Вендалии. Далее шёл Стивенс, третий погонщик, который с помощью огневой пушки выжигал пни и плавил камни, а также вёл грунтовые насосы, которые подготавливали почву для земледелия. Замыкал процессию лесник. Всё это было очень непростым делом, за которым стояла целая наука.

Чистая, тяжёлая, ответственная работа; днём Трегер с рвением выполнял свои обязанности. Он стал стройным, едва ли не атлетом; черты его лица стали строже, обветренная кожа продолжала темнеть под жарким и ярким вендалийским солнцем. Трупы стали едва ли не частью его самого — с такой лёгкостью он управлял ими и их машинами. Так обычный человек управляется с собственными руками и ногами. Порой он чувствовал себя так уверенно, связь становилась такой отчётливой и сильной, что Трегеру казалось, будто он не погонщик, управляющий своей бригадой, а просто человек, у которого сразу семь тел. Семь сильных тел, которым покорились знойные лесные ветра. Он ликовал, обливаясь их потом.

И вечера, после окончания работы, тоже были хороши. Трегер обрёл здесь хоть немного покоя, у него возникло чувство связи со своей бригадой, с людьми, чего в Скрэкки не бывало никогда. Вендалийские лесники, которых переводили то в Гидион, то ещё куда-нибудь, были славные ребята и хорошие товарищи. Стивенс был сердечный парень, который так долго уже шутил не переставая, что, казалось, потерял способность говорить о чём-то всерьёз. Трегеру было весело с ним. А Донелли — этот нескладный, неловкий юноша с тихим голосом, который так любил логически рассуждать, — стал Трегеру другом. Он умел слушать и сопереживать, умел сочувствовать, а новый Трегер, искренний и открытый миру, умел говорить. Когда Трегер рассказывал о Джози, изливая перед Донелли свою душу, тот слушал едва не с завистью. И Трегер знал или думал, что знает: Донелли — это он сам, прежний Трегер, до встречи с Джози, когда он не умел ещё найти нужные слова.

Но время шло, и спустя недели и месяцы, полные долгих бесед, Донелли научился подбирать слова. Тогда слушать стал Трегер — и сопереживать чужой боли. И ему это нравилось. Ведь он помогал другу; он делился своей силой; он был нужен.

Каждый вечер возле остывших углей двое мужчин делились друг с другом своими мечтами. Сплетали яркий узор из надежды, обещаний и лжи.

Но вслед за вечерами по-прежнему приходили ночи.

Как и всегда, для Трегера это было самое тяжёлое время — долгие часы одиноких прогулок. Да, Джози многое дала Трегеру, но и взяла взамен немало; она забрала у него странную мертвенность сознания, свойственную ему в прошлом, — умение не задумываться, открыла в его сознании тот ящик, куда он прятал всю свою боль. В Скрэки он редко бродил по коридорам; вендалийский лес гораздо чаще становился свидетелем его одиноких прогулок.

Это случалось, когда прекращались вечерние разговоры и Донелли уходил спать — тогда в одинокой палатке Трегера вдруг появлялась Джози. Тысячу ночей он провёл там, подложив скрещённые руки под голову и глядя в пластиковый потолок палатки, снова и снова переживая ту ночь, когда он признался ей в своих чувствах. Тысячу раз он прикасался к щеке Джози, но она уворачивалась от его прикосновения.

Он думал об этом снова и снова, старался отогнать навязчивый образ — и всякий раз терпел поражение. Тогда, не в силах преодолеть тревогу, он поднимался и выходил на воздух. Он направлялся через полосу расчищенной земли прямо в сумрачный лес, окутанный дымкой, он разводил руками ветви деревьев и перепрыгивал через кусты; он шёл до тех пор, пока не находил воду. Тогда он присаживался на берегу подёрнутого пеной озера или бормочущего ручья, быстро стремящего свою маслянистую влагу, бурлящую в свете луны. И принимался кидать в воду камешки — с силой, плашмя, и темноту ночи разрывали громкие всплески.

Так Трегер просиживал часами — бросая камешки и размышляя, до тех пор, пока ему не удавалось,²⁵⁰ наконец,²⁵¹ убедить себя, что солнце рано или поздно взойдёт.

* * *

Гидио, главный город, сердце Вендалии, а значит, и Слэгга, и Скрэки, и Нового Питсбурга, и всех прочих уродливых, жестоких миров, что живут за счёт трупов; где живые не работают, зато вкалывают мертвецы. Огромные башни из чёрного и серебристого металла, парящие, воздушные статуи, сияющие в дневном свете и мягко светящиеся в ночи, большой, многолюдный космопорт, где грузовые корабли то поднимались, то опускались на невидимых столпах раскалённого газа, аллеи, где мостовые отполированы до блеска, железное дерево, мягко отливающее серым... Гидион.

Прогнивший город. Город-труп. Мясной рынок.

250 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

251 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Ибо грузовые корабли несли в своих чревах людей — преступников, отщепенцев и смутьянов из дюжины миров. Они были куплены за звонкую вендалийскую монету (ходили, впрочем, и более зловещие слухи — о лайнерах, которые таинственно исчезали во время обычных туристических рейсов). Устремлённые в небеса башни были не что иное, как больницы и морги, где умирали люди — мужчины и женщины, а потом мертвецы обретали новую жизнь. И во всю длину тротуаров, вымощенных досками из железного дерева, выстроились магазины, где торговали трупами, и мясные лавки.

Прославленные мясные лавки Вендалии. Все трупы здесь были без исключения красавицы.

Трегер сидел как раз напротив одного из таких заведений, на другой стороне широкой серой улицы, под зонтиком уличного кафе. Он потягивал сладко-горькое вино, размышляя о том, как же быстро всё-таки закончился отпуск, и стараясь не смотреть через улицу. Тёплое вино приятно щекотало язык, и взгляд непрерывно блуждал по сторонам.

Улица в обе стороны от кафе и прямо перед ним кишела прохожими. То были темнолицые погонщики трупов из Вендалии, Скрэкки, Слэгга; низенькие и толстые торговцы, незадачливые туристы из Чистых Миров, таких как Старая Земля или Зефир, и ещё дюжина вопросительных знаков, о которых Трегер никогда и ничего не узнает — ни их имён, ни чем они занимаются, ни зачем приехали. Сидя так под своим зонтиком, потягивая вино и глядя по сторонам, Трегер чувствовал себя посторонним, отчаянно одиноким. Он не мог прикоснуться к этим людям, не мог достучаться до них; он понятия не имел, как это сделать. Нет, это невозможно, ничего не получится. Даже если он встанет, выйдет на середину улицы и попытается схватить кого-нибудь из них, то не сможет его даже коснуться. Незнакомец попросту вырвется и убежит. Все выходные прошли в тщетных попытках подобного рода: Трегер обошёл все бары Гидиона, тысячу раз пытался завести знакомства с разными людьми — и ничего не получалось.

Вино закончилось. Трегер вяло посмотрел на бокал, прищурился, повертел его в руках. Затем резко встал и заплатил по счёту. Руки его дрожали.

Столько лет уже прошло, подумал он, переходя улицу. И ещё: прости меня, Джози.

Трегер возвратился в свой лесной лагерь, и его трупы принялись рубить лес словно бешеные. Но вечером, возле общего костра, он был непривычно молчалив, и не было обычной ночной беседы с Донелли. В конце концов юноша, озадаченный и обиженный, пошёл следом за своим старшим другом в лес. И нашёл его подле медлительного ручья, чёрного, как смерть. Трегер сидел на берегу; возле его ног лежала кучка камней, приготовленных для метания.

* * *

Т.: ... пошёл туда... после всех слов, всех обещаний... я всё равно туда пошёл...

Д.: ... не за что себя винить... вспомни, что ты говорил мне... главное — верить...

Т.: ... верил же, ВЕРИЛ... никаких сложностей... Джози...

Д.: ... сам говоришь, чтобы я не сдавался, так и не надо... вспомни всё, о чём говорил мне, о чём говорила тебе Джози... все кого-нибудь находят... если не перестают искать... сдаётся — умирает... нужно только... искренность... смелость искать... перестать себя жалеть... сто раз мне говорил...

Т.: ... чертовски просто говорить тебе... не то что самому сделать...

Д.: ... Грег... не завсегдатай мясной лавки... мечтатель... лучше, чем они все...

Т. (со вздохом): да уж... но так тяжело... зачем я так над собой измываюсь? ...

Д.: ... скорее уж снова стать тем, кем ты был?, не чувствуя боли и не живя?., как я? ...

Т.: ... нет... ну что ты... ты прав...

2

Скиталец, туда и обратно

Её звали Лорел. У неё не было ничего общего с Джози, кроме одного: Трегер любил её.

Была ли она хороша собой? Трегер так не считал — по крайней мере,²⁵² в первое время. Она была чересчур рослой, на полфута выше, чем он, к тому же слегка тяжеловата и вовсе не слегка неуклюжа. Но у неё были очень красивые волосы, красно-коричневые зимой, сияюще-белокурые летом; ниспадая по её плечам и спине, они невероятно красиво развевались по ветру. Но красавицей она не была — не в том смысле, как Джози, по крайней мере. Хотя, как ни странно, со временем она всё хорошела — возможно, потому, что худела, а может быть, потому, что Трегер всё больше влюблялся и смотрел на неё всё менее критически, а может быть, и потому, что он говорил ей, будто она красива, и, слушая его, она действительно становилась красивой. Точно так же, как он становился мудрее оттого, что Лорел говорила ему, будто он мудр. Как бы то ни было, через некоторое время после их знакомства Лорел стала настоящей красавицей.

Пятью годами моложе Трегера, чистенькая и невинная, она была крайне застенчива в тех ситуациях, когда Джози вела себя самоуверенно. Лорел была умна, романтична, мечтательна; удивительно свежа и энергична; так незащитна, что нельзя было смотреть на неё без боли, и полна жажды жизни.

252 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

В Гидион она попала совсем недавно, приехала откуда-то с малонаселённой вендалийской окраины, изучала лесное дело. Как-то во время очередного отпуска Трегер заглянул в лесной колледж, чтобы увидеться с преподавателем, с которым работал когда-то в одной бригаде. В кабинете этого преподавателя и произошла встреча. У Трегера впереди было ещё целых две недели, которые предстояло провести в городе, полном незнакомцев и мясных лавок; Лорел же оказалась свободна. Трегер показал ей Гидион во всём его блистательном упадке, он чувствовал себя потёртым и умудрённым жизнью, чему способствовало и сильное впечатление, которое произвели эти открытия на девушку.

Две недели пролетели незаметно. Настал последний вечер. Неожиданно оробевший Трегер повёл её гулять в парк на берегу реки, на которой стоял Гидион. Там они вместе присели на низкую каменную ограду у самого края воды. Они сидели совсем рядом, но не касаясь друг друга.

— Время летит слишком быстро, — заметил Трегер. В руке он держал камешек. Он метнул его в воду — параллельно поверхности, сильно закрутив. Задумчиво он проследил за тем, как камень, несколько раз шлёпнув по воде, ушёл ко дну. Трегер поднял глаза на Лорел. — Что-то я нервничаю, — сказал он с усмешкой. — Я... Лорел. Я не хочу уезжать.

Трудно было понять, что выражает её лицо. Настороженность?

— Да, симпатичный город, — согласилась она.

Но Трегер решительно замотал головой:

— Нет. Нет! Я не об этом. Я о тебе! Лорел, по-моему, я... то есть...

Лорел улыбнулась ему. Глаза её ярко сияли, в них светилось счастье.

— Я знаю, — ответила она.

Трегер не верил собственным ушам. Он протянул руку, коснулся её щеки. Она повернула голову и поцеловала его ладонь. Они улыбнулись друг другу.

* * *

Он словно на крыльях летел обратно в лесной лагерь, чтобы покинуть его навсегда.

— Дон, Дон, ты обязательно должен с ней познакомиться, — кричал он. — Вот видишь, у тебя тоже получится, у меня ведь получилось, главное верить, пытаться снова и снова! Я счастлив прямо до неприличия!

Донелли, как всегда сдержанный и рассудительный, только улыбнулся, не представляя, как обращаться с таким количеством счастья.

— Что будешь делать теперь? — спросил он несколько неловко. — Пойдёшь на арену?

Трегер рассмеялся:

— Едва ли. Ты знаешь, как я на это смотрю. Но что-то вроде того. Возле космопорта есть театр, они ставят пантомимы с участием трупов. Туда-то я и устроился. Конечно, это тоже грязные деньги, зато я буду рядом с Лорел. Всё остальное не важно.

* * *

Ночами они почти не спали. Они всё болтали, обнимались и занимались любовью. Секс оказался невероятной радостью, игрой, счастливым открытием. Технически он никогда не бывал так хорош, как в мясной лавке, но Трегера это не беспокоило. Он учил Лорел раскрываться перед ним. Быть искренней. Сам он раскрыл перед ней все свои секреты и жалел ещё, что у него их так мало.

— Бедняжка Джози, — повторяла по ночам Лорел, тесно прижав к Трегеру своё тёплое тело. — Она даже не знает, чего лишилась. А мне вот повезло. Таких, как ты, на всём свете не сыщешь!

— Нет, — отвечал Трегер. — Это мне повезло.

И они, смеясь, принимались спорить.

* * *

Донелли переехал в Гидион и тоже поступил в театр. Он сказал, что без Трегера работать в лесу стало неинтересно. Они проводили втроём много времени, и Трегер сиял от счастья. Ему хотелось, чтобы его друзья стали друзьями и для Лорел, и он уже много рассказывал ей про Донелли. И ещё ему хотелось, чтобы Донелли увидел, как он счастлив теперь, убедился в том, что **вера приносит свои плоды**.

— Она мне нравится, — сказал Донелли с улыбкой в первый же вечер, когда Лорел ушла.

— Я рад, — кивнув, ответил Трегер.

— Грег, ты не понял, — возразил Донелли. — **Она мне действительно нравится**.

* * *

Они проводили втроём много времени.

* * *

— Грег, — сказала Лорел однажды ночью, когда они лежали в постели, — мне кажется, что Дон... ну... запал на меня. Понимаешь?

Трегер перекатился на живот и подпёр голову кулаком.

— Господи, — только и сказал он. В его голосе слышалась озабоченность.

— И я не знаю, как себя вести.

— Осторожно, — ответил Трегер. — Он очень ранимый. Возможно, ты первая женщина, которая вызвала у него интерес. Постарайся быть с ним помягче. Я бы не хотел, чтобы он прошёл через те же муки, что и я, понимаешь?

* * *

Секс у них никогда не бывал таким же хорошим, как в мясной лавке. И Лорел стала замыкаться в себе. Всё чаще и чаще сразу же после секса она засыпала; те нóчи, когда они болтали до самой зари, остались в прошлом. Возможно, им уже нечего было друг другу сказать. Трегер заметил даже, что она стала сама заканчивать истории, которые он ей рассказывал. И ему редко удавалось вспомнить что-то, чем он ещё не успел с нею поделиться.

* * *

— Он так и сказал? — Трегер вылез из-под одеяла, зажёл свет и, нахмурившись, сел на кровати. Лорел же натянула простыню до самого подбородка. — Ну,²⁵³ а ты что? ...

Она неуверенно помолчала, затем ответила:

— Я не могу рассказать тебе. Это касается только Дона и меня. Он сказал, это несправедливо, что я прихожу и подробно рассказываю тебе обо всём, что между нами с ним происходит. И он прав.

— Прав?! Но ведь я-то рассказываю тебе обо всём! Не забывай, ведь мы с тобой...

— Да, я знаю, но...

Трегер помотал головой. Гнев в его голосе поутих.

— Лорел, объясни мне, пожалуйста, что происходит? Мне вдруг стало страшно. Не забывай, ведь я люблю тебя. Почему же всё изменилось так скоро?

Черты её лица смягчились. Она села в кровати, протянула к нему рúки, и простыня упала, обнажив её полные мягкие гúдúи.

— Ах, Грег, — сказала она. — Не беспокойся. Я люблю тебя и всегда буду любить, но дело в том, что, кажется, **его я тоже люблю**. Понимаешь?

Трегер, успокоенный, устремился в её объятия и страстно поцеловал её. Но вдруг снова всполошился.

— Погоди-ка! — воскликнул он, стараясь за шутливой строгостью скрыть дрожь в голосе. — **А кого ты любишь больше?**

— Тебя, конечно, а как же иначе?

Улыбаясь, он вернулся к прерванному поцелую.

---

253 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

* * *

— Я знаю, что ты знаешь, — сказал Донелли. — Наверное, нам нужно поговорить.

Трегер кивнул. Они встретились за кулисами театра. Три его трупа стояли у него за спиной, скрестив руки на груди, словно телохранители.

— Ладно, давай.

Он посмотрел на Донелли в упор, и лицо его, на котором до этих слов собеседника играла улыбка, стало вдруг непривычно суровым.

— Лорел просила, чтобы я сделал вид, будто ничего не знаю. Она сказала, что ты чувствуешь себя виноватым. Но знаешь, Дон, притворяться было нелегко. Наверное, пора нам поговорить обо всём начистоту.

Донелли опустил взгляд своих бледно-голубых глаз в пол и засунул руки в карманы.

— Я не хочу делать тебе больно, — сказал он.

— Так не делай.

— Но притворяться мертвецом я тоже не хочу. Я живой человек. И я тоже люблю её.

— Мне казалось, что ты мне друг, Дон. Полюби кого-нибудь другого. А так ты только сам себе сделаешь больно.

— У меня с ней больше общего, чем у тебя.

Трегер молча смотрел на него.

Донелли поднял на Трегера взгляд. Потом, сконфузившись, вновь стал смотреть в пол.

— Сам не знаю. Ох, Грег. В любом случае она сказала, что тебя любит больше. Я и не должен был надеяться ни на что другое. У меня такое чувство, будто я ударил тебя ножом в спину. Я...

Трегер молча смотрел и слушал. Наконец он тихонько рассмеялся.

— Вот чёрт, я не могу это слышать. Послушай, Дон, вовсе ты меня не ударил, брось, не говори ты таких вещей. Наверное, раз ты полюбил её — значит, так должно было случиться. Я только надеюсь, что всё сложится хорошо.

Той ночью, лёжа в постели рядом с Лорел, он ей сказал:

— Я беспокоюсь за Дона.

* * *

Его лицо, некогда загорелое, приняло пепельный оттенок.

— Лорел? — переспросил он, не в силах поверить.

— Я не люблю тебя больше. Прости. Но это так. Когда-то всё было по-настоящему, но теперь прошло, как сон. Теперь я даже не уверена, любила ли я тебя вообще.

— Дон, — произнёс он одеревеневшим голосом.

Лорел вспыхнула:

— Не смей говорить ничего дурного о Доне. Я устала слушать, с каким пренебрежением ты о нём говоришь. Он всегда говорит о тебе только хорошее.

— Но, Лорел, неужели же ты забыла? Вспомни, **что** мы говорили друг другу, **что** чувствовали! Ведь я тот же самый, это мне ты говорила все эти слова.

— Зато я повзрослела, — возразила Лорел жёстко, без слёз и откинула за спину свои красновато-золотые волосы. — Я отлично всё помню, но **мои чувства с тех пор изменились**.

— Не надо, — сказал он и протянул к ней руку.

Она сделала шаг назад.

— Не прикасайся ко мне. Я же сказала, Грег, всё кончено. Теперь ступай. Скоро Дон придёт.

* * *

Это было хуже, чем с Джози. В тысячу раз хуже.

III Скитания

Он пытался остаться в театре: ему нравилась эта работа, у него появились друзья. Но это оказалось невозможно. Донелли появлялся там каждый день, улыбчивый и приветливый, а иногда после дневного спектакля за ним заходила и Лорел, и они отправлялись куда-то вместе, рука в руке. Трегер стоял в стороне и наблюдал за ними, стараясь думать о другом. Но какое-то искалеченное существо у него внутри кричало и царапалось от боли.

И он ушёл из театра. Чтобы больше не видеть их. Чтобы сохранить гордость.

Небо было ярким от огней Гидиона, всё кругом светилось от смеха, но в парке было темно и тихо.

Трегер застыл, опершись спиной о ствол дерева, остановив взгляд на речной воде, напряжённо скрестив руки на груди. Словно статуя. Казалось, он даже не дышит. Даже взгляд его оставался неподвижен.

Опустившись на колени возле низкой каменной ограды, мертвец принялся с силой колотить по ней и продолжал до тех пор, пока камень не стал скользким от крови, а руки не превратились в изувеченные куски рваного мяса. При каждом ударе раздавались однообразные, шмякающие звуки, изредка сопровождаемые скрипом костей по поверхности камня.

* * *

Его заставили заплатить перед входом в кабину. Ещё битый час он проторчал там, дожидаясь, пока её разыщут и соединят. Ну вот, наконец-то:

— Джози.

— Грег, — отозвалась она, улыбаясь своей особенной улыбкой. — Могла бы и догадаться. Кто бы ещё стал звонить из Вендалии в такую даль. Как у тебя дела?

Он рассказал ей.

Улыбка исчезла с её лица.

— Ой, Грег, — сказала она. — Мне так жаль. Постарайся не принимать это слишком близко к сердцу. Продолжай идти дорогой, которую ты выбрал. В следующий раз всё будет гораздо лучше. Так всегда бывает.

Но эти слова его не успокоили.

— Джози, — сказал он, — а как там дела у вас? Ты скучаешь по мне?

— Ну конечно. А дела идут неплохо. Хотя Скрэки есть Скрэки. Оставайся лучше там, не стоит сюда приезжать. — Она посмотрела в сторону от экрана, потом обратно. — Мне нужно идти. А не то ты совсем разоришься. Я очень рада, милый, что ты позвонил.

— Джози, — начал было Трегер.

Но экран уже погас.

Иногда, по ночам, он был не в силах справиться с собой. Он подходил к своему домашнему экрану и звонил Лорел. Когда она видела, кто это, то неизменно щурилась и тут же прерывала связь.

И Трегеру оставалось только сидеть в тёмной комнате, вспоминая о том, как некогда от звука его голоса её лицо начинало светиться невыразимым счастьем.

* * *

Улицы Гидиона не лучшее место для ночных одиноких прогулок. Они ярко освещены даже в самое тёмное время суток и полны людей и трупов. И повсюду мясные лавки — они выстроились длинными рядами вдоль бульваров и уличных тротуаров из железного дерева.

Речи Джози потеряли свою власть над Трегером. В мясных лавках он забывал свои мечты и находил утешение — по сходной цене. И полные страсти вечера, проведённые с Лорел, и неловкий мальчишеский секс — всё это осталось далеко позади; теперь он брал своих мёртвых подружек быстро и яростно, почти что жестоко, он трахал их с дикой, неистовой силой, зная наверняка, что оргазм будет великолепен. Иногда, вспоминая свою работу в театре, он заставлял их разыграть какую-нибудь небольшую сценку, чтобы привести его в нужное настроение.

* * *

Но по ночам... это была агония.

Он опять бродил по коридорам, по мрачным, низким коридорам спального корпуса Скрэкки, в котором жили погонщики, но теперь коридоры эти запутались, превратились в мучительный лабиринт, где Трегер уже давным-давно заблудился. Он задыхался в этом воздухе, в котором повисла гнилая туманная дымка, становившаяся всё плотнее и плотнее. Он боялся, что ещё немного — и попросту ослепнет.

Он шёл и шёл, дальше и дальше, снова возвращался обратно, но за каждым коридором начинался следующий, который опять вёл в никуда. По сторонам чёрными, мрачными прямоугольниками мелькали дв́ери без ручек, и для Трегера они все были заперты навсегда; поэтому он не задумываясь проходил мимо них — мимо большинства из них. Правда, раз или два он всё же останавливался возле дверей, по периметру которых пробивался горящий внутри свет. Он прислушивался, слышал звуки по ту сторону дв́ерí и тогда начинал бешено колотить в неё. Но на стук никто не отзывался.

И тогда он шёл дальше, продолжая пробираться сквозь туманную дымку, которая становилась всё гуще и гуще и, казалось, начинала уже жечь ему кожу; он шёл мимо новых дверей — одной, другой, третьей, и в конце концов начинал рыдать, а его усталые нóги — кровоточить. И вдруг вдалеке, в сáмом конце длинного-длинного коридора, только что возникшего прямо перед ним, Трегер замечал открытую дверь. Из неё рвался свет, такой яркий и жаркий, что становилось больно глазам, и музыка оттуда лилась такая весёлая и радостная, и раздавался смех. И тогда Трегер бегом устремлялся к открытой дв́ерí — несмотря на то,²⁵⁴ что его кровоточащие нóги подкашивались от боли, а лёгкие горели, вдыхая ядовитый туман. Он всё бежал и бежал — до тех пор, пока не оказывался возле распахнутой дв́ерí.

Но, заглянув внутрь, он обнаруживал, что стоит на пороге собственной комнаты, и она совершенно пуста.

* * *

Однажды за всё время их недолгих отношений они отправились вдвоём на природу, и там, под сенью звёздного неба, они занимались любовью. Затем она лежала, крепко прижавшись к нему, а он нежно поглаживал её тело.

— О чём задумалась? — спросил он.

— О нас с тобой, — отвечала Лорел. Она поёжилась. Подул резкий, холодный ветер. — Знаешь, Грег, иногда мне становится страшно. Я очень боюсь, что с нами что-нибудь может случиться — что-то такое, что всё разрушит. Я очень не хочу, чтобы ты меня бросил.

— Не волнуйся, — возразил он. — Я никогда этого не сделаю.

254 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

И вот теперь, с наступлением нóчи, он всякий раз мучил себя, вспоминая её слова́. Хорошие воспоминания оставляли ему только слёзы да золу от костра, а дурные — невыразимую ярость.

И засыпáл он рядом с призраком, со сверхъестественно прекрасным призраком, с милой тенью погибшей мечты.

И рядом с нею же он просыпался каждое утро.

* * *

Он их возненавидел. И возненавидел себя за эту ненависть.

3 Мечта Дювалье²⁵⁵

Как её звали — не имеет значения. И как она выглядела — тоже не важно. Главное — она существовала, Трегер предпринял новую попытку, он заставил себя вновь поверить в будущее, он не опустил рúки. Да, он продолжал пытаться.

Но на сей раз чего-то уже не хватало. Волшебства, быть может?

Слова́ произносились те же самые.

«Сколько же можно повторять одно и то же, — размышлял Трегер, — повторять те же слова́ и снова верить в них, точно так же, как верил, произнося их впервые? Один раз? Или дважды? Или, может быть, три раза? Или сотню? И разве люди, произносящие эти слова́ по сотне раз, так уж лучше умеют любить? Или, скорее, обманывать самих себя? Что если на са́мом деле эти люди давным-давно изменили своей мечте и только растрепали её священное имя, называя им совсем другое?»

И он произносил те же слова́, сжимая её в объятиях, баюкая на грудí, целуя её. Он повторял эти слова́, но сознание было вернее, и тяжелее, и мертвее, чем прежняя вера. Он произносил эти слова́ и старался изо всех сил, но не мог уже вкладывать в них прежний смысл.

А она — она говорила ему то же самое, но Трегер сознавал, что её слова́ ничего для него не значат. Снова и снова они повторяли слова́, которые другой хотел услышать, — но оба понимали, что это фальшь.

Но они очень старались. И когда он протянул руку, словно актёр, вынужденный играть одну роль, про́клятый вновь и вновь повторять одно и то же, — когда он протянул руку и коснулся её щеки — кожа оказалась гладкой, и мягкой, и нежной. И влажной от слёз.

255 «Мечта Дювалье» (Duvalier's Dream) — название одной из песен Криса Кристофферсона, американского писателя, певца, актёра, музыканта. Песня представляет собой балладу в стиле кантри, где рассказывается о нелёгкой судьбе мужчины, который, несмотря на постоянные измены и коварство возлюбленных, не оставляет надежды на счастье. (прим. изд. [Азбука-классика](http://Azбука-классика); СПб)

IV Отголоски

— Я не хочу делать тебе больно, — сказал Донелли с виноватым видом, явно что-то скрывая, и Трегеру стало вдруг стыдно, что он причинил другу боль.

Он коснулся её щеки, но она увернулась от его прикосновения.

— Я не хотела делать тебе больно, — сказала Джози, и Трегеру вдруг стало грустно. Ведь она столько для него сделала, а он заставил её чувствовать себя виноватой. Да, ему было больно, но сильный мужчина сумел бы скрыть свою боль.

Он коснулся её щеки, и она поцеловала его в ладонь.

— Прости. Я тебя больше не люблю, — сказала Лорел.

И Трегер совсем потерялся. Что такого он сделал, в чём его вина, как он умудрился всё разрушить? Ведь она с такой уверенностью говорила о своей любви. И они были так счастливы.

Он коснулся её щеки, и оказалось, что она плачет.

«Сколько же раз можно повторять одни и те же слова, — его голос разносится раскатистым эхо, — повторять и снова верить в них, как верил, произнося их впервые?»

Тёмный ветер нёс тучи пыли, небо болезненно содрогалось, озаряемое мерцающим алым пламенем. В полутьме шахты стояла молодая женщина в защитных очках и маске, с короткими каштановыми волосами и ответами на все вопросы. «Машина ломается, ломается, ломается, а её используют снова и снова, — говорит она. — Хотя можно было уже понять, что в ней что-то не в порядке. Сколько можно водить самих себя за нос, надеясь, что после стольких поломок она,²⁵⁶ наконец,²⁵⁷ заработает нормально».

Труп противника — чернокожий верзила, под кожей у которого перекачиваются мускулы — результат многомесячных тренировок. С таким крупным соперником Трегеру сталкиваться ещё не приходилось. Он идёт по арене, посыпанной опилками, неуклюже раскорячившись на мощных ногах, зажав в руке сияющий палаш. Трегер спокойно наблюдает за тем, как это чудище приближается, сидя в своём кресле, расположенном на специальной трибуне на другом конце арены. Другой труповод очень осторожен, внимателен.

Труп самого Трегера, жилистый блондин, стоит и ждёт, а на пропитанных кровью опилках возле его ног лежит гиря кистеня. Когда придёт время, Трегер заставит его двигаться ловко и быстро. Противник знает об этом. И зрители тоже.

256 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

257 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Вдруг чернокожий труп поднимает палаш и бежит на противника, понадеявшись на скорость атаки и длину своего оружия. Но когда точно рассчитанный смертоносный удар обрушивается туда, где только что стоял труп Трегера, того уже и след простыл.

Удобно развалясь в своём кресле над площадкой для боя, внизу,²⁵⁸ на арене, с ногами, перепачканными опилками и кровью, Трегер — труп подаёт команду — замахивается кистенём, и огромный, покрытый шипами шар взмывает вверх, описывает дугу с эдакой ленцой, едва ли не с грацией. И ударяет прямо в затылок врагу — в тот самый момент, когда он пытается восстановить равновесие и обернуться. Быстро, в мгновение ока из пробитого черепа вырывается фонтан крови вперемешку с мозгом — и толпа ревёт от восторга.

Трегер уводит свой труп с арены, а затем встаёт, чтобы собрать заслуженный урожай аплодисментов. На его счету уже десятое убийство. Ещё немного — и он станет чемпионом. Он уже близок к рекордному результату, и скоро уже ему будет не найти достойного противника.

* * *

Она красавица, его женщина, его возлюбленная. У неё короткие белокурые волосы, очень стройное тело, грациозное, почти атлетически сложенное, с великолепными ногами и маленькими упругими грудями. Взгляд её ярко-зелёных глаз всегда загорается от радости при его появлении. И в её улыбке — какая-то особая, эротичная невинность.

Она дожидается его, лёжа в постели: ждёт, когда он вернётся с арены; она полна желания, озорства и любви. Когда Трегер входит, она садится, улыбается ему, простыня обвита вокруг её талии. В дверях он замирает, любуясь её сосками.

Почувствовав его взгляд, она стыдливо прикрывает грудь, на её щеках вспыхивает румянец. Но Трегер знает, что **этот стыд — всего лишь игра, притворство**. Он подходит к кровати, садится на край, протягивает руку, чтобы погладить девушку по щеке. У неё очень мягкая кожа; его рука ласкает её, и она трётся носом о его пальцы. Затем Трегер берёт её за руки, разводит их и запечатлевает на её грудях два нежных поцелуя, а потом — уже менее нежно — целует её в губы. Она с жаром отвечает на поцелуй; их языки сплетаются.

Они занимаются любовью, он и она, медленно и чувственно, сливаясь в любовных объятиях, которые длятся бесконечно. Их тела двигаются совершенно синхронно, в одном ритме, и каждое из них безошибочно угадывает желания другого. Трегер толкает, затем снова, и его собственное тело испытывает ответные толчки. Он протягивает руку — и встречается с её рукой. Они кончают одновременно (всегда, **всегда**, ведь **оба оргазма контролирует один мозг — погонщика**), и тогда на её грудях и мочках ушей вспыхивают алые пятна. Они снова сливаются в поцелуе.

258 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Затем он разговаривает с ней, со своей возлюбленной, с дамой своего сердца. После этого всегда нужно разговаривать; он уже давно это понял.

— Тебе повезло, — говорит он ей иногда, и она уютно прижимается к нему и покрывает всю его грудь нежными короткими поцелуями. — Очень повезло. Знаешь, любимая, все они врут. Они навязывают нам глупые сияющие мечты, твердят, что главное — верить, что нужно стремиться, что нужно искать. Они говорят, будто и для тебя, и для меня, и для каждого обязательно найдётся кто-нибудь. Но это неправда. Ведь вселенная устроена несправедливо, она никогда не была справедливой, так зачем же они всё это говорят? И вот ты бежишь за призраком и упускаешь его, и тогда они говорят, будто в следующий раз всё получится, но это чушь, полная ерунда. Мечты не сбываются никогда, а кто думает иначе — только обманывает себя, водит сам себя за нос — для того, чтобы не потерять надежду. Это губительная ложь, которой отчаявшиеся люди утешают друг друга.

Но он больше не может говорить, потому что её поцелуи опускаются всё ниже и ниже, и вот она начинает ласкать его ртом. И Трегер улыбается, любуясь своею возлюбленной, и нежно гладит её по волосам.

* * *

Из всех жестоких и сладких обманов, которыми пичкают нас окружающие, самый жестокий — тот, что зовётся любовью.

2004 © George R. R. Martin (1976 © Damon Knight)

Джо Лансдейл «Дорога мертвеца»

Джо Лансдейл пишет во многих жанрах: детективы, вестерн, ужасы — и во многих форматах: романы, короткие рассказы, телеспектакли, комиксы. Известные работы на телевидении включают в себя мультипликационный сериал «Бэтмен», а из комиксов можно выделить вестерн «Джон Хекс». Недавно увидел свет его новый роман «Кожаная дева» («Leather Maiden»), и сейчас Джо Лансдейл работает над очередным произведением под названием «Ванильная езда» («Vanilla ride»). Лансдейл также является опытным редактором. На его счету несколько опубликованных антологий, таких как «Подрезанные подпруги» («Razored saddles») и «Криминальные рассказы в стиле ретро» («Retro Pulp Tales»). Его семь раз награждали премией Брэма Стокера, а Международная гильдия писателей в жанре «хоррор» присвоила Джо Лансдейлу титул Мастера.

Помимо «Дороги мертвеца» перу Лансдейла принадлежат и другие произведения о зомби, включая роман — лауреат премии Брэма Стокера «По ту сторону пустыни Кадиллак с мертвецами» («On the far Side of the Cadillac Desert with Dead Folks») и культовый роман «Смерть на Западе» («Dead in the West»). Лансдейл говорит, что в «Дороге мертвеца» немало оскаленных зубов и полыхающих револьверов, и он абсолютно прав. Идея этого рассказа, в котором главная роль отведена не расстающемуся с пистолетом святому отцу из «Смерти на Западе», родилась у автора во время одного из путешествий при виде дорожного указателя «Дорога мертвеца».

Вечернее солнце скатилось за горизонт кровавым комком, и белая полная луна поднялась на небо огромным клубком туго смотанной бечёвки. Покачиваясь в седле, преподобный Джебидия Рейнс смотрел, как ярко она светит над верхушками высоких сосен. А ещё выше на мертвенно-чёрных небесах горели добела раскалённые звёзды.

Тропа оказалась очень узкой, и деревья по сторонам наступали на неё, будто собирались перекрыть путь и сомкнуться за спиной преподобного отца. Лошадь шагала с опущенной головой, и Джебидия, устав её понукать, опустил поводья и дал ей полную волю. Он настолько вымотался, что почти ничего не понимал, но точно знал одно: он принадлежит своему владыке, и он ненавидит Бога, ненавидит сукина сына от всей души.

И он знал, что Бог знает и ему наплевать, поскольку он считает Джебидию своим посланником. Посланником не Нового Завета, но Ветхого: грубым, злым и уверенным в себе, мстительным и не признающим компромиссов; человеком, который прострелил бы Моисею ногу, плюнул в лицо Святому Духу и снял с него горний скальп, чтобы потом зашвырнуть его куда подальше.

Джебидия предпочёл бы другую, нежели злого посланника Божьего, судьбу, но ему досталась именно эта участь, он заслужил её своими грехами, и как он ни старался сойти с проторенной дорожки, ему не удавалось. Он знал, что если покинет предначертанный Богом путь, ему придётся вечно гореть в ад²⁵⁹, и что он должен продолжать нести волю владыки независимо от своих чувств по отношению к господину. Его владыка не отличался всепрощением, и ему было безразлично, любят его или нет. Его интересовали лишь повиновение, принуждение и унижение. Именно поэтому Бог создал человеческий род. Для развлечения.

Пока преподобный отец размышлял над этими вопросами, тропа повернула и стала шире, а с одной стороны показалась просторная поляна, посреди которой в окружении пней стояли небольшой бревенчатый дом и более просторный сарай. За сшитыми из мешковины занавесками в маленьком окне дома горел оранжевый свет. Джебидия, усталый, голодный, мучимый жаждой и душевными сомнениями, повернул лошадь к дому.

Он остановился на некотором расстоянии от него, наклонился вперёд и позвал:

— Эй, избушка!

Немного подождал, потом позвал ещё раз, но не успел договорить, как дверь открылась и из неё высунулся мужчина ростом не более пяти футов и двух дюймов²⁶⁰, в шляпе с широкими обвисшими полями и с винтовкой в руках.

— Кто здесь? У тебя голос как у жабы.

— Преподобный отец Джебидия Рейнс.

— Ты чего, проповедовать собрался?

— Нет, мистер. Я давно понял, что от проповедей никакого толка. Я хочу попросить у вас ночлега, можно и в сарае. Что-нибудь съедобное для лошади, что-нибудь для меня. Привередничать не буду, особенно если дадите попить.

— Ну, — сказал мужчина, — вроде как у меня сегодня все,²⁶¹ кому не лень,²⁶² собрались. Тут ещё двое проезжих, так мы только за стол сели. Еды на всех хватит, если нос воротить не станете. Варёные бобы и старый хлеб.

— Буду премного благодарен, мистер, — ответил Джебидия.

— Благодарю сколько влезет. А пока слезай с этой клячи, отведи её в сарай и иди жрать. Меня зовут Дедом, но я не так стар. Просто у меня все зубы выпали, да и лошадь мне однажды ногу отдала, с тех пор хромаю. В сарае есть фонарь. Не забудь потушить, когда поставишь лошадь, и приходи в дом.

259 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

260 В метрической системе это не более 157,5 см. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

261 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

262 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

* * *

Когда Джебидия закончил чистить лошадь, накормил её найденным в сарае зерном, напоил и направился в дом, он постарался откинуть полы своего длинного чёрного плаща так, чтобы все видели отделанные слоновой костью рукояти 44-калиберных револьверов. Он носил их на плотно прилегающей к бёдрам портупее, так что кобуры и рукояти чуть выдавались вперёд. В отличие от юнцов, у которых портупея свисала чуть ли не до коленей, Джебидия предпочитал, чтобы рукоять всегда была под рукой. Он мог выхватить оружие одним движением, быстрым, как взмах крыла колибри, взвести затвор толчком большого пальца, и он всегда попадал в цель с завидной меткостью. Он много тренировался и мог вбить пробку в бутылку с расстояния в сотню шагов²⁶³, в полумраке. Сейчас он демонстрировал пистолеты, чтобы показать готовность к обороне в случае необходимости. Входя в дом, Джебидия сдвинул чёрную широкополую шляпу со лба, открыв тёмные, с проседью волосы. Он считал, что сдвинутая на затылок шляпа придаёт ему непринуждённый вид, но на деле всё обстояло совсем не так. На его зло нахмуренном лице глаза всегда горели гневным огнём.

Внутри дом освещала яркая лампа, в воздухе пахло керосином и плавали чёрные клубы; они мешались с дымом от трубки Деда и папиросы молодого человека с шерифской бляхой на рубашке. Недалеко от них, у очага, в котором горело слишком жаркое для тёплого времени года пламя и подогревались бобы, на бревне сидел мужчина средних лет, с небольшим брюшком и лицом, которое казалось созданным для метания в него различных предметов. Он тоже сдвинул шляпу на затылок, и к его лбу липла прядь соломенных потных волос. Во рту он держал прогоревшую до половины папиросу. Мужчина немного повернулся на бревне, и Джебидия увидел, что у него скованы руки.

— Слышал, что ты проповедник, — сказал скованный, выплёвывая папиросу в очаг. — Здесь у нас уж точно не божья земля.

— Всё гораздо хуже, — ответил Джебидия. — Это именно божья земля. Скованный фыркнул и заулыбался.

— Проповедник, — вмешался молодой. — Меня зовут Джим Тейлор. Я помощник шерифа Спрадли, из Накогдочеса²⁶⁴. Я везу его туда для суда, и, скорее всего, его повесят. За лошадь и ружьё он убил другого парня. Я вижу, что ты носишь оружие, старое, но добротное. И по тому, как ты его носишь, могу предположить, что ты знаешь, как им пользоваться.

263 В метрической системе это около 30,5 м. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

264 В оригинале всюду по тексту (также см. 267, 268, 269, 270, 271, 275, 280) вариации на тему некоего «Накогдочеса», хотя явно подразумевается Nacogdoches, т. е. Накогдочес — город на востоке штата Техас (29,9 тыс. жителей в 2000 г.), который основан в 1716 г. испанцами после посещения этих мест экспедицией Ласалля (Robert Cavalier Sieur de La Salle), через будущий город проходила старая испанская дорога, проложенная ещё в 1691 г.. Более столетия служил «восточными воротами» Техаса. Здесь издавалась первая на территории штата газета — Gaceta de Tejas. Университет Стивена Остина (Stephen F. Austin State University). Среди достопримечательностей: Северная улица (La Calle del Norte) — одна из старейших улиц в США; кладбище Оук-гроув (Oak Grove Cemetery), на котором похоронены многие борцы за независимость Техаса; Старая Северная церковь (Old North Church) — первая протестантская церковь в штате (1852 г.); испанская торговая фактория «Старый каменный форт» (Old Stone Fort, 1779 г.). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Обычно я попадаю туда, куда целюсь, — заявил Джебидия, усаживаясь в шаткое кресло у такого же шаткого стола.

Дед выставил на стол жестяные тарелки, почесал зад деревянной ложкой на длинной ручке, потом при помощи грязной тряпки снял с огня кастрюлю с бобами. Ложкой, которой только что чесался, разложил по тарелкам бобы и разлил по деревянным кружкам воду из кувшина.

— Дело в том, — продолжал помощник шерифа, — что мне потребуется помощь. Мне ещё добираться с этим парнем обратно, а я и так пару дней спал вполглаза. Я вот подумал, может, вы с Дедом покараулите его до утра. И я бы не отказался завтра выехать вместе. Мне может пригодиться вооружённый спутник. А шериф даст тебе доллар.

Дед не обращал никакого внимания на разговор. Он поставил на стол миску с плесневелыми лепёшками.

— Сделал их ещё на прошлой неделе. Немного попортились, но плесень можно отскрести, и дело с концом. Хотя сразу предупреждаю, они такие чёрствые, что²⁶⁵, если метнуть хорошенько, можно курицу на бегу убить. Так что берегите зубы.

— Ты и своих, что ли, так лишился? — спросил скованный.

— Может, и так, — согласился Дед.

— Так что скажешь, проповедник? — настаивал помощник шерифа. — Дашь мне выпасться?

— Я вижу затруднение в том, что мне тоже необходим сон, — ответил Джебидия. — Я был очень занят, и сейчас я в том состоянии, которое обычно называют изнеможением.

— Видно, только я тут свеж,²⁶⁶ как огурчик, — заявил скованный.

— Нет, — не согласился Дед. — Я тоже бодрый.

— Значит, остаёмся только мы с тобой, — ухмыльнулся скованный, будто делился шуткой.

— Ты мне только повод дай, парень, и я проделаю в тебе дыру, а Богу скажу, что ты упал в термитник.

Скованный снова фыркнул со смеху. Видимо, он хорошо проводил время.

— Мы с Дедом можем караулить по очереди, — предложил Джебидия. — Дед, ты согласен?

— Отлично, — откликнулся Дед, взял со стола ещё одну тарелку, положил в неё бобов и дал арестованному.

Тот поднял руки в наручниках и спросил:

— И чем мне есть?

— Ртом. У меня больше нет ложек. А нож я тебе не дам.

Скованный немного подумал, потом поднёс тарелку ко рту и наклонил так, чтобы бобы потекли ему в рот. Опустил тарелку и пожевал.

— Думаю, они будут подгоревшими что с ложкой, что без.

265 В оригинале «Что», т. е. с заглавной буквы в середине предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

266 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Джебидия вытащил из кармана плаща перочинный нож, наколол на него лепёшку и подцепил ею бобы.

— Садись за стол, парень, — обратился Дед к помощнику шерифа. — Я сейчас возьму обрез, и, если он сделает хоть одно лишнее движение, я отправлю его вместе с бобами в очаг.

* * *

Дед сидел с двустольным обрезом на коленях; дуло обреза целилось в скованного. Помощник шерифа за ужином рассказал о его преступлениях. Он убивал женщин и детей, застрелил собаку и лошадь, для забавы убил сидящую на заборе кошку и поджёг флигель с находящейся там женщиной. Он также насильвовал женщин, засунул шерифу кол в задний проход и убил его, и это только из известного. В целом он не щадил ни людей, ни домашний скот.

— Не люблю животных, — откликнулся скованный. — У них блохи. А та женщина во флигеле воняла на всю округу. Ей нужно было лучше питаться. И вообще, её стоило сжечь.

— Заткнись, — сказал помощник шерифа. — Этого парня, — он кивнул в сторону пленника, — зовут Билл Баретт, и он один из самых страшных преступников. Дело в том, что я не только устал, я ещё и ранен. Если бы мне не удалось напасть на него незамеченным, я бы здесь не сидел. У нас вышла стычка, пуля царапнула меня по бедру. Та ещё драка получилась. Я сумел его скрутить, только когда несколько раз приложил прикладом ему по яйцам. Рана не тяжёлая, но я потерял много крови. Ослаб. Я бы предпочёл, чтобы ты поехал со мной, преподобный.

— Я подумаю, — ответил Джебидия. — Но у меня есть свои дела.

— Перед кем ты собираешься здесь проповедовать? — спросил помощник шерифа.

— Даже не думай об этом, — заявил Дед. — От одних только мыслей об этой глупости с Иисусом у меня задница устаёт. Когда я слышу проповеди, мне хочется убить проповедника, а потом перерезать себе глотку. Сидеть в церкви — это как будто тебя связали и бросили в муравейник.

— На данном этапе моего жизненного пути, — сказал Джебидия, — я вынужден полностью с вами согласиться.

Его слова встретила тишина. Её нарушил помощник шерифа, когда повернулся к Деду:

— Как быстрее добраться до Накогдочеса²⁶⁷?

267 В оригинале снова «Накогдочеса» (детальнее см. 264, а также см. 268, 269, 270, 271, 275, 280).
(прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Если подумать, то можешь ехать, как ехал, по той дороге. Милях в тридцати отсюда будет перекрёсток, свернёшь налево. Оттуда до Накогдочеса²⁶⁸ останется ещё миль десять, но дорога тебя выведет, хотя в самом конце надо будет свернуть, а вот куда — так сразу и не вспомню. Если не гнать лошадей, на весь путь уйдёт два дня.

— Можешь поехать с нами? — спросил помощник шерифа. — Покажешь тот поворот?

— Могу, но не хочу. Я в последнее время плохо сижу в седле. От долгой езды у меня **яйца** болят. Вот в последний раз вернулся с дальней дороги, потом пришлось час сидеть в тазу с тёплой солёной водой, чтобы **яйца** в штаны поместились.

— У меня **яйца** болят от твоей болтовни, — вмешался пленник. — Готов поспорить, когда они у тебя опухли, ты в первый раз в жизни увидел, какого размера они бывают у настоящего мужика. Надо было так и оставить.

Дед щёлкнул затвором.

— Сейчас пальну.

Билл только ухмыльнулся, прислонился к стенке очага, но тут же отпрянул. На секунду показалось, что Дед спустит курок, но он вовремя понял, что случилось.

— Ага, — сказал Дед. — Там же горячо, дурень. Поэтому и называется «очаг».

Билл устроился так, чтобы не сидеть спиной к огню, и сказал:

— Я отрежу этому помощнику его клювик, приеду сюда, заставлю тебя его зажарить и съем.

— Сейчас договоришься. Целиком в очаг попадёшь, — ответил Дед.

Когда ругань немного утихла, помощник шерифа снова обратился к Деду:

— Разве нет более короткой дороги?

— Есть, но ты сам по ней не поедешь, — после короткого раздумья ответил Дед.

— Что это значит?

Не отрывая глаз от Билла, Дед медленно спустил затворы на обресе. Потом повернулся к помощнику шерифа.

— Есть ещё Дорога мертвеца.

— И что с ней не так?

— Да всё. Раньше её называли Кладбищенской. Пару лет назад название поменялось.

— Расскажи нам о ней, — заинтересовался Джебидия.

— Я обычно не верю в пустую болтовню, но мне рассказывал человек, который видел всё своими глазами...

— Небось обычные рассказы о призраках, — сказал Билл.

268 В оригинале снова «Накогдочеса» (детальнее см. 264, а также см. 267, 269, 270, 271, 275, 280). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Насколько эта дорога сократит путь до Накогдочеса²⁶⁹? — спросил помощник шерифа.

— Почти на день.

— Чёрт. Тогда придётся ехать по ней.

— Поворот недалеко отсюда, но я бы не советовал, — сказал Дед. — Я не очень верю в Иисуса, но я верю в духов и тому подобное. Когда живёшь в такой глуши, видишь много странных вещей. Есть боги, которые слыхом не слыхивали об Иисусе и Моисее. А есть боги ещё более старые. Индейцы о них рассказывают.

— Я не боюсь индейских богов, — заявил помощник шерифа.

— Может, и так. Но даже индейцы не особо их любят. Это не их боги. Они старше, чем индейское племя. Индейцы стараются их не трогать, они поклоняются своим богам.

— И чем же эта дорога отличается от других? — спросил Джебидия. — Какое отношение имеют к ней древние боги?

— Тебе просто не терпится бросить ей вызов, да, преподобный? — усмехнулся Дед. — Доказать, что твой Бог сильнее всех? Сдаётся мне, что никакой ты не проповедник, а самый настоящий задира. А может, и так — проповедующий задира.

— Я не очень восторгаюсь своим Богом, — ответил Джебидия. — Но у меня есть обязанность. Изгнать зло. Зло в понимании моего Бога. Если те боги несут зло и они на моём пути, то я должен сразиться с ними.

— Уж насчёт зла не сомневайся, — ответил Дед.

— Расскажи нам о них, — попросил Джебидия.

* * *

— Джил Джимет был пасечником, — начал Дед. — Он держал пчёл и жил рядом с Дорогой мертвеца. Тогда её называли Кладбищенской дорогой, потому что она вела на кладбище. Там были какие-то испанские могилы; люди поговаривали, что там лежат конкистадоры, которые заехали сюда, да так и не выехали. Кажется, там ещё хоронили индейцев, которые приняли христианство. По крайней мере, там стояли кресты с индейскими именами. Или это были метисы, их тут хватает. Так или иначе, там было много людей похоронено. Когда тебя закапывают, кладбищенской земле всё равно, какого ты цвета, потому что в конце концов все мы будем одинаковыми — цвета грязи.

— Чёрт тебя побери, — сказал Билл. — Ты и так цвета грязи. И пахнешь, будто сто лет не мылся.

269 В оригинале снова «Накогдочеса» (детальнее см. 264, а также см. 267, 268, 270, 271, 275, 280).
(прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Будешь и дальше встречать в разговор, мистер, — Дед снова взвёл курки на обрезе, — и гробовщик будет пришивать тебе задницу. Ружьё может выстрелить, и кто будет докапываться, случайно оно выстрелило или нет?

— Я не буду, — заявил помощник шерифа. — Мне гораздо проще везти тебя мёртвым, Билл.

Билл глянул на священника.

— Да, но преподобному отцу это не понравится, правда?

— На самом деле мне всё равно. Я не считаю себя миролюбивым человеком, и я не прощаю, даже если твои деяния не нанесли вреда лично мне. Я думаю, что все мы погрязли во грехе. Может быть, **никто из нас не заслуживает прощения.**

Билл ссутулился на своём бревне. **Никто не хотел принимать его сторону.** Дед продолжал рассказ:

— Того пасечника, Джимета, не любили. Его считали злонравным. Я его знал, и мне он тоже не нравился. Я видел, как он однажды для забавы отрубил щенку хвост. Мальчишка, хозяин щенка, пытался отобрать собачонку, и Джимет порезал ему руку. Никто и слова не сказал. Закона в наших краях нет, и никто не осмелился вступить. Я в том числе. И Джимет совершил ещё много плохих дел, даже убил пару человек и утверждал, что защищался. Может, и так, но все затеи Джимета оборачивались тем, что кто-то оказывался мёртв, или ранен, или унижен.

— Звучит так, будто Джимет вполне мог быть родным братом нашего Билла, — заметил помощник шерифа.

— Нет, — покачал головой Дед. — Наш подлец и в подмётки не годится старому Джимету. Джимет жил в небольшой хижине у Кладбищенской дороги. Он держал пчёл и продавал мёд на ярмарке в посёлке выше по дороге. При желании можно даже назвать его городом. Поселение известно под названием Чоу, потому что там в своё время жил парень по имени Чоу. Он умер, и его съели свиньи. Умер прямо в своём свинарнике, пока наполнял их кормушки, а потом они его и съели. На том месте, где он умер, построили лавку, и её тоже называли Чоу. Джимет возил свой мёд в ту лавку, и, хотя он был порядочным дерьмом, мёд у него был такой, что пальчики оближешь. Эх, сейчас бы того медку! Густой, тёмный и слаще любого сахара. Наверное, Джимета ещё и поэтому не трогали. **Люди не любят убийц, зато очень любят мёд.**

— Ты когда-нибудь доберёшься до сути? — спросил Билл.

— Если тебе не нравится, как я рассказываю, — ответил Дед, — подумай о том, как тебе пойдёт петля на шее. Будет чем заняться.

Билл хмыкнул и отвернулся, сделав вид, будто рассказ его совсем не интересует.

— Ну, мёд там или не мёд, а всему настанет конец. А дело в том, что Джимету приглянулась девчонка, Мэри Линн Тушу. Она была наполовину индианка, и такая красотка! Волосы чёрные, как дно колодца, такие же глаза, а лицом походила на актрис на картинках. Росту в ней было от силы пять футов, и волосы доходили до коленей. Отец её умер от оспы. Да и мать всё время

болела. Старуха делала мётлы из веток и соломы, продавала их понемногу, а ещё держала маленький огород и кабанчика. Когда всё это произошло, дочке было лет тринадцать-четырнадцать, не больше.

— Если вызвался рассказывать, — сказал Билл, — не перескакивай с одного на другое.

— Так тебе интересно? — спросил Дед.

— А что мне ещё делать?

— Расскажи нам про Мэри Линн, — напомнил Джебидия.

— Джимет её украл, — закивал Дед. — Как-то увидел её, когда она понесла в лавку сделанные матерью мётлы, дождался, пока она выйдет, схватил и перекинул поперёк седла, будто мешок с мукой. Девчонка кричала и отбивалась. Мак Коллинз, владелец лавки, пытался остановить Джимета. По крайней мере, что-то ему сказал, вроде «не надо так делать». Насколько я слышал. Особо он не напирал, и я его не виню. Всё равно ничего хорошего из этого не вышло бы. В общем, Джимет сказал Маку, чтобы тот передал мамаше большую банку мёда, что, мол, это за дочку. А если та окажется такой сладкой, как он надеется, то он пришлёт матери ещё пару банок. Потом хлопнул Мэри Линн по заднице и уехал с ней.

— Мне нравится этот парень, — заявил Билл.

— Теперь ты начинаешь меня раздражать, — сказал Джебидия. — Я предлагаю тебе заткнуться, или я тебя ударю.

Билл зло уставился на него, но преподобный смотрел на него глазами пустыми и мёртвыми, как ноздри двустволки.

— Конец истории довольно мрачный, — продолжал Дед. — Джимет отвёз её к себе домой и там с ней позабавился. Развлекался так долго, что едва её не убил, а потом отпустил или напился, и она сумела сбежать. Джимет был с ней так груб, что к тому времени, как она добралась до города, она сильно кровоточила и упала прямо на улице. Прожила ещё день и умерла от потери крови. Её больная мать встала с постели, села на мула и поехала на кладбище, к которому вела Кладбищенская дорога. Я же говорил, что она была индианка и знала о старых богах — пусть её народ не считал их своими богами, но она о них знала.

Она знала, какие знаки нарисовать на кладбище. Я толком всего не ведаю, но она что-то сделала на одной из старых могил, а потом перерезала себе горло и умерла прямо на могиле, а её кровь залила нарисованные знаки.

— Непонятно, чего она этим добилась, — сказал помощник шерифа.

— Люди думают, что добилась. Всем уже надоел Джимет, и народ собрался, чтобы пойти и расправиться с ним. Они добрались до его хижины и нашли его мёртвым во дворе. Кто-то вырвал ему глаза — вернее, казалось, будто они взорвались. С его головы сняли кожу, оставив только голый череп и немного волос. Грудь была взрезана, а внутренности исчезли, остались только рёбра. И его пчёлы устроили в грудной клетке гнездо и делали мёд. Они вылетали из груды, изо рта, глазниц и дыры на месте носа. Если бы тот, кто это сделал, перевернул его на живот и снял с него штаны, то пчёлы вылетали бы из задницы.

— А почему ты с ними не поехал? — спросил Билл. — Почему ты знаешь об этом только понаслышке?

— Когда дело доходило до Джимета, я всегда трусил, — сказал Дед. — Вот почему. Я себе пообещал, что больше не буду трусить, никогда. Я должен был поехать с ними. Да теперь всё равно. Джимет умер, и в нём жужжали пчёлы. Да и толпа тогда немного чокнулась: они сорвали с него одежду, привязали за нóги к лошади и протащили его через ежевичные заросли. Нельзя так поступать с мёртвыми, но, будь я там, после всего, что он сделал, я бы тоже с цепí сорвался. Потóм они отвезли его на кладбище и оставили там гнить, а тело матери Мэри Линн забрали с собой, чтобы похоронить в месте получше. И вот не прошло и несколько дней, как люди стали видеть Джимета. Говорили, что он выходит по ночам, когда луна хотя бы наполовину полная, но особенно в полнолуние, как сейчас. Его видало много людей, и они рассказывали, что он бежал за ними по дороге и хватал лошадей за хвост, хотел то ли сбить вместе со всадником, то ли запрыгнуть коню на спину. И пчёлы всё ещё живут в нём. Чёрные как мухи, и зло жужжат, и вылетают из него. А что ещё хуже, были люди, которые поехали по той дороге, и больше их никто не видел. Говорят, что Джимет их забрал.

— Чуть собачья, — сказал помощник шерифа. — Не обижайся, Дед. Ты хорошо меня принял, придраться не к чему. Но призрак, который гоняется за путниками? Я на такое не куплюсь.

— Ну и не покупайся, — ответил Дед. — Я тебе ничего не продаю. Можешь не верить. А всё равно я не верю, что это призрак. Я думаю, что мать девчонки выпустила на время старых богов и натравила их на подлеца Джимета, а себя принесла в жертву. Вот что я думаю. И те боги разорвали его на части. И пчёлы тоже оттуда. Это тебе не обычные пчёлы, это **какие-то другие пчёлы**. Их выбрали как подходящую для пасечника смерть.

— Глупости, — сказал помощник шерифа.

— Не знаю, что сказать, — произнёс Джебидия. — Мать-индианка сумела убить его только в этой жизни. Возможно, она сама не знала, что творит. Не знала, что даёт ему возможность жить после смерти... Или это такое проклятие. Хотя по его вине страдают другие.

— Те, кто сидел сложа рúки, пока Джимет был жив, — перебил Дед. — Те, кто позволял ему чинить зло.

— Возможно, — кивнул Джебидия.

Помощник шерифа перевёл взгляд на него.

— Ну хоть ты его не поощряй, святой отец. Ты же должен понимать. Истинный Бог один, а все эти шаманские рассказы — ерунда.

— Там, где есть один бог, найдутся и другие, — ответил Джебидия. — Я думаю, что они враждуют друг с дру́гом. Я многое повидал, и моя вера в единого Бога пошатнулась, хотя я и служу ему. И чем наш Бог не шаман? Все они шаманы, мой друг.

— Ладно. И что же ты повидал, преподобный отец? — спросил помощник шерифа.

— Нет смысла рассказывать, молодой человек. Вы всё равно мне не поверите. Но я недавно побывал на Грязном ручье. Там случилось настоящее нашествие. Город сгорел, и я тоже приложил руку к его гибели.

— Грязный ручей, — протянул Дед. — Я там был.

— Теперь от него остались лишь головешки.

— Да он уже не в первый раз горит. И всегда находится дурак, чтобы застроить его заново, и всегда там творится какая-нибудь мерзость. Скажу тебе прямо, преподобный, я в твоих словах не сомневаюсь.

— Дело в том, — заявил помощник шерифа, — что я не верю в духов. Если это короткая дорога, то по ней я и поеду.

— Я бы не советовал, — сказал Дед.

— Спасибо за совет. Но если я еду один, то лучше выбрать дорогу, которая сэкономит мне день пути.

— Я поеду с тобой, — сказал Джебидия. — Моя работа — сражаться со злом, а не убегать от него.

— Днём я бы ещё поехал, — сказал Дед. — Никто не видел Джимета днём или в новолуние. Но сегодня и завтра луна полная. Если уж вам так не терпится поехать по Дороге мертвеца, гоните изо всех сил, чтобы одолеть её до темноты.

— Я и сам не против поскорее добраться до Накогдочеса²⁷⁰ и запереть этого мерзавца в камере, — согласился помощник шерифа.

— Я поеду с тобой, — заявил Джебидия. — Но я поеду ночью. Я хочу увидеть Дорогу мертвеца в полнолуние. Хочу увидеть, ходит ли по ней Джимет. И если он там, я убью его окончательно. Назло тем тёмным богам, которых призвала мать девочки. Вам следует отдохнуть, молодой человек. Мы с Дедом покараулим по очереди. Таким образом мы все сможем отдохнуть. Придётся приковать этого парня к дереву во дворе. Нам надо хорошо выспаться, плотно пообедать и выехать отсюда после полудня, чтобы к ночи оказаться на Дороге мертвеца.

— Ладно, — согласился Дед. — Когда доедете до развилки, сворачивайте направо. Никто ещё не встречал Джимета до неё, и никто не видел его на другом конце дороги. Насколько я слышал, он привязан к одному месту.

— Согласен, — сказал помощник шерифа. — Я считаю все это глупостями, но если мне удастся отдохнуть и преподобный отец поедет со мной, то я согласен. И меня не пугает ночная дорога.

270 В оригинале снова «Накогдочеса» (детальнее см. 264, а также см. 267, 268, 269, 271, 275, 280).
(прим. ред. Alex.Rus.UA)

* * *

На следующее утро они встали поздно и пообедали чёрствыми лепёшками, бобами и тушёной белкой. Её подстрелил Дед, пока Джебидия следил за Биллом — тот сидел на траве, а его руки были прикованы к стволу дерева. Помощник шерифа проспал всё утро.

Но сейчас все они сидели возле хижины и ели, за исключением Билла.

— А как насчёт меня? — спросил тот, дёргая наручники.

— Поешь после нас, — ответил Дед. — Не знаю только, достанется ли тебе мясо, но у нас полно лепёшек. Я тебе обязательно оставлю парочку. Я даже разрешу тебе собрать на неё соус из моей тарелки.

— Твои лепёшки просто ужасны, — сказал Билл.

— Точно, — согласился Дед.

Билл повернулся к Джебидии.

— Знаешь, проповедник, тебе лучше уехать и оставить нас с сопляком наедине. Лучше бы тебе с нами не ездить, потому как я сбегу, и тогда достанется не только мальчишке. Я и с тобой поквитаюсь.

— После того, что я повидал в этой жизни, **ты для меня ничто**, — ответил Джебидия. — **Насекомое...**

— Давайте его накормим, — сказал помощник шерифа, — и пора собираться. Я отдохнул, и мне не терпится в дорогу.

* * *

Когда они подъехали к развилке, луна только начинала вставать на небе. На обочине стоял белый крест — указатель. Он зарос кустарником и молодыми побегами деревьев, и коряво написанные слова едва проглядывали сквозь ветви. Поднимался ветер; он подхватывал с земли и кружил листья, срывал их с деревьев и швырял на узкую утоптанную дорогу с таким звуком, будто мышь скреблась в соломе.

— Осенью мне всегда становится грустно, — сказал помощник шерифа.

Он придержал лошадь и отхлебнул из фляжки.

— **Жизнь — это замкнутый круг**, — ответил Джебидия. — **Ты родился, страдаешь, а потом тебя ждёт наказание.**

Помощник шерифа повернулся в седле в его сторону.

— А ты не слишком веришь в воскрешение и награду после смерти.

— Нет, не верю.

— Не знаю как ты, но я бы предпочёл добраться сюда пораньше, — сказал молодой человек. — Лучше бы мы проехали здесь днём.

— А ты же говорил, что не веришь в привидения? — фыркнул Билл. — Что тебе всё равно, когда ехать.

— Тогда я не стоял на этой развилке, — ответил помощник шерифа, не поворачивая головы. — Эта дорога мне не нравится. И я не люблю играть с огнём. Даже если не верю в призраков.

— Отродясь такой глупости не слыхивал, — сказал Билл.

— Ты хотел, чтобы я поехал с вами, — заметил Джебидия. — Поэтому пришлось подождать до вечера.

— Ты хочешь что-то увидеть, ведь так? — спросил Билл.

— Если тут есть на что посмотреть.

— Ты веришь рассказу Деда? — удивился помощник шерифа. — Правда?

— Возможно.

Джебидия причмокнул, трогая лошадь, и первым въехал на дорогу.

* * *

Когда их кони зашагали по Дороге мертвеца, Джебидия вынул из седельной сумки маленькую, пухлую Библию.

Помощник шерифа притормозил, заставив остановиться и Билла.

— А ты не такой своенравный, как я думал, — заметил он. — Тебе тоже необходимо умиротворение, которое несёт Библия.

— В Библии нет никакого умиротворения, — ответил Джебидия. — В ней сплошное недоразумение. Библия — это книга ужаса, и Бог тоже ужасен. Но у этой книги есть сила, и она может нам понадобиться.

— Даже не знаю, что о тебе и думать, преподобный, — сказал помощник шерифа.

— А что тут думать о чокнутом? — заявил Билл. — Я не хочу ехать вместе с сумасшедшим.

— Если тебе придёт в голову сбежать, — ответил помощник шерифа, — я выстрелом сниму тебя с лошади. Вблизи из пистолета, вдалеке из ружья. Лучше не пытайся.

— До Накогдочеса²⁷¹ ещё далеко, — сказал Билл.

271 В оригинале снова «Накогдочеса» (детальнее см. 264, а также см. 267, 268, 269, 270, 275, 280).
(прим. ред. Alex.Rus.UA)

* * *

Красная глина узкой дороги тянулась впереди, как кровавая лента, и резко заворачивала вправо у лесистой опушки, тёмной, как чрево кита Ионы. Слетающие листья падали на дорогу, шуршали под копытами и парили в воздухе, подобно огромным шершням. Плотнo обступившие дорогу деревья качались на ветру. Трое путников держались левой стороны дороги.

Чем дальше они ехали, тем темнее становилось вокруг. Когда они подъехали к опушке, лес стал так дремуч, а грозовые небеса настолько потемнели, что луна едва проглядывала сквозь тучи и кроны деревьев; её свет затухал, как жизнь больного младенца.

Они уже проехали изрядное расстояние, и помощник шерифа с облегчением сказал:

— Здесь нет ничего опасного. Может, опоссум в кустах. Ветер.

— Значит, тебе повезло, — откликнулся Джебидия. — Нам всем повезло.

— Ты выглядишь разочарованным.

— Моя работа не намного отличается от твоей. Я тоже ищу плохих парней и стараюсь отправить их в ад. В некоторых случаях — обратно в ад.

И тут, практически одновременно с проблеском лунного света, что-то метнулось перед ними через дорогу.

— Что за чертовщина? — спросил Билл, выходя из оцепенения.

— Похоже на человека, — сказал помощник шерифа.

— Может быть, — произнёс Джебидия. — Может быть.

— А ты как думаешь, преподобный, что это было?

— Тебе лучше не знать.

— Нет уж, скажи.

— Джимет.

* * *

Тучи на время расступились, и луна залила светом дорогу и деревья по краям. И в этом свете стали видны насекомые, целый рой, жужжащий в воздухе.

— Пчёлы, — сказал Билл. — Чёрт меня дери, если это не пчёлы. Ночью. Это неправильно.

— Ты знаток пчёл? — спросил помощник шерифа.

— Он прав, — сказал Джебидия. — И посмотри, их уже нет.

— Улетели.

— Нет... не улетели, — возразил Билл. — Я с них глаз не сводил, и они никуда не улетали. Просто исчезли. Только что были, и вот их уже нет. Как призраки.

— Да ты спятил, — сказал помощник шерифа.

— Это не земные насекомые, — объяснил Джебидия. — Фамильяры.

— Что? — переспросил Билл.

— Они помогают злу и нечисти, — сказал Джебидия. — В нашем случае Джимету. У ведьм в фамильярах обычно чёрные кошки, но они могут принимать обличье других животных и насекомых.

— Глупость какая, — сказал помощник шерифа. — Полная бессмыслица.

— Как скажешь. Но я буду держать глаза́ открытыми. И тебе не помешает держать руку на револьвере. Он может тебе понадобится. Хотя, с другой стороны, от твоих револьверов толку будет немного.

— И что ты хочешь этим сказать? — спросил Билл.

Джебидия не ответил. Он подгонял лошадь, но чем дальше они продвигались вперёд, тем труднее становилось сдвинуть её с места. Кони фыркали и трясли головами, грызли удила и прядали ушами.

— Чёрт возьми! — сказал Билл. — Что это?

Джебидия и помощник шерифа повернулись к нему. Билл развернулся в седле и смотрел назад. Они проследили за его взглядом и заметили, как бледное, голубоватое в лунном свете существо прянуло в кусты на другой стороне дороги. За ним последовали жужжащие чёрные точки.

— Что это было? — спросил помощник шерифа.

— Я тебе уже говорил, — ответил Джебидия.

— Это же не человек.

— Неужели не понимаешь? — вмешался Билл. — Именно это тебе проповедник и говорит. Там Джимет, и он не человек. У него синяя кожа. И он весь изуродованный. Я видел его лучше, чем вы. Я хорошо его разглядел. И пчёл тоже. Нам надо гнать изо всех сил.²⁷²

— Поступайте,²⁷³ как хотите, — ответил Джебидия. — Я не собираюсь убегать.

— И почему нет? — спросил Билл.

— Убегать — не моя работа.

— Ну,²⁷⁴ а у меня нет никакой работы. Эй, шериф, ведь ты должен доставить меня в Накогдочес²⁷⁵, где меня повесят! Разве это не твоя работа?

— Моя.

— Тогда поехали и не будем ждать этого дурака. Если ему хочется подраться с выползком из могилы, пусть дерётся. А нам до него дела нету.

— Мы договорились ехать вместе, — ответил помощник шерифа. — Так и поступим.

— Я не договаривался, — сказал Билл.

— Твои слова́ и желания ничего для меня не значат.

272 В оригинале следом пустой (пропущенный) абзац. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

273 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

274 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

275 В оригинале снова «Накогдочес» (детальнее см. 264, а также см. 267, 268, 269, 270, 271, 280). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

И тут в зарослях с левой стороны дороги что-то задвигалось. Что-то тяжёлое и быстрое, не стремящееся скрыть своё присутствие. Джебидия глянул туда, откуда доносились звуки, и увидел, как кто-то или что-то пробирается через заросли, ломая ветки. Он слышал громкое, озлобленное жужжание пчёл. Против своего желания он пустил лошадь рысью. Помощник шерифа и Билл тут же подстегнули своих коней и нагнали преподобного отца.

Они доехали до той части дороги, где заросли редели и вдали показались какие-то белые гребни, будто замершие в темноте волны. Но вскоре путники поняли, что видят могильные камни. И кресты. Перед ними лежало кладбище. То кладбище, о котором рассказывал Дед. Тучи на небе разошлись, ветер стих. На глазах всадников следовавшее за ними по кустам существо поднялось на пологий холм, вскарабкалось на один из памятников и уселось на нём. Над его головой вилось чёрное облако, и жужжание было слышно даже с дороги. Существо сидело на памятнике, как король на троне. Даже издалека было прекрасно видно, что оно голое, мужского пола, с серой кожей (которая голубела в лунном свете), а его голова выглядит несколько деформированной. Свет луны просачивался через трещины на задней стенке черепа и сиял из пустых глазниц. Рой пчёл гнезился в пустой груди, между рёбрами. Он пульсировал желтоватым, как мёд, сиянием. Время от времени из сияния вылетали чёрные точки и зависали в лунном свете над головой создания.

— Бог ты мой, — сказал помощник шерифа.

— Бог тебе ничем не поможет, — ответил Джебидия.

— Это Джимет, да? И он... оно... неживое.

— Нежить, — подтвердил Джебидия. — Я думаю, он играет с нами. Ждёт подходящего момента, чтобы напасть.

— Напасть? Зачем? — спросил Билл.

— Потому что это его цель. А моя цель — ответное нападение. Пора препоясать чресла, мужи, скоро начнётся битва не на жизнь, а на смерть.

— Может, лучше пришпорим лошадей и поскачем что есть мочи? — поинтересовался Билл.

Но в этот миг пророчество Джебидии сбылось. Существо исчезло с могильного камня. На краю леса собрались тени, уплотнились, и когда они отделились от ещё более густых теней деревьев, то приобрели уже знакомые очертания: голубая в лунном свете кожа, изуродованное лицо, зубы... Длинные и острые зубы. Джимет прыгнул, оттолкнулся ногой от крупы лошади преподобного, перескочил через помощника шерифа и приземлился на лошадь Билла. Билл издал крик и вылетел из седла. Он покатился по дороге, шляпа слетела с его головы, и тогда Джимет ухватил его за соломенные волосы и потащил за собой, как котёнка. Они исчезли в лесу. Джимет будто растворился в темноте. Билл закричал, поднял скованные руки (на наручниках серебром блеснул лунный свет), потом зашуршали листья, затрещали ветки, и Билл пропал.

— Боже мой, — сказал помощник шерифа. — Боже мой. Ты это видел?

Джебидия спешился и двинулся к обочине, ведя лошадь в поводу и доставая из кобуры пистолет. Молодой человек остался в седле, но вынул дрожащей рукой револьвер.

— Ты **это** видел? — повторял он снова и снова.

— Мои глаза не хуже твоих, — ответил Джебидия. — Я его видел. Мы должны пойти в лес и найти его.

— **Найти?** Ради всего святого, **зачем?** **Зачем** нам его **искать?** Скорее всего, он уже сделал то, что хотел. Чёрт возьми, преподобный отец, Билл — убийца. Туда ему и дорога. Лучше воспользоваться случаем, и пока старикан расправляется с этим мерзавцем, помчимся что есть мочи до развилки. Ведь Джимет может появляться только на этом участке, правда?

— Дед говорил именно так. Ты поступай,²⁷⁶ как хочешь. А я отправляюсь за ним.

— Зачем? Ты его даже не знаешь.

— К Биллу это не имеет никакого отношения.

— А, дьявол! Не хочу потом стыдиться. — Помощник шерифа соскочил с лошади и указал на то место, где скрылся в зарослях со своей добычей Джимет. — Лошади там пройдут?

— Думаю, нам придётся на время спешиться. Я вижу вон там тропу.

— Видишь?

— Более-менее. Пошли, время не ждёт.

* * *

Они немного вернулись назад по дороге и нашли ведущую в лес тропу. Ярко светила луна: скрывавшие её облака разлетелись, как пыльца на ветру. Воздух пах свежестью, но, когда они углубились в лес, запах изменился. К свежести примешивался гнилостный, кисло-сладкий запах — он поднимался откуда-то снизу.

— Кто-то умер, — сказал помощник шерифа.

— Кто-то **давно** умер, — ответил Джебидия.

В конце концов заросли стали настолько густыми, что им пришлось спешиться и привязать лошадей и уже пешком продираться через колючки и ветки.

— Здесь нет дороги, — сказал помощник шерифа. — Откуда ты знаешь, что он шёл этим путём?

Джебидия снял с сучка кусок ткани и поднял его кверху, в свет лунного луча.

— Это лоскут от рубахи Билла, так?

Помощник шерифа кивнул.

— Но как Джимет смог здесь пройти? Как он протащил Билла?

— Того, за кем мы гонимся, не смущают обычные преграды. Ветки, колючки — для живого мертвеца это ерунда.

---

276 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Некоторое время они шли молча. На пути стали попадаться лóзы. Мокрые лóзы. Длинные толстые плети, причём липкие, и в конце концов путники поняли, что это не лóзы, а кишки, развешанные по деревьям, как гирлянды.

— Свежие, — сказал помощник шерифа. — Я думаю, это Билла.

— Правильно думаешь, — ответил Джебидия.

Вскоре идти стало легче. По дороге они находили части Билла. Желудок. Пальцы. Штаны с одной ногой внутри. Сердце — оно выглядело так, будто его надкусили и высосали. Джебидия из любопытства поднял его и рассмотрел. Потóм бросил его в грязь, вытер рúки о штанину с ногой Билла внутри и сказал:

— Джимет избавил тебя от кучи хлопот, а штат Техас от затрат на виселицу.

— Боже мой, — сказал помощник шерифа, глядя как Джебидия вытирает кровь о штаны убитого.

Джебидия посмотрел на него.

— Ничего, что я испачкаю его штаны кровью. Ему следует волноваться о более важных вещах, например,²⁷⁷ об адском пламени. Кстати, вон его голова, — указал Джебидия.

Помощник шерифа посмотрел туда, куда указывал палец проповедника. Голова Билла была насажена на обломанную палку, из левого гла́за торчал острый сучок. Снизу, подобно языку кóлокола с верёвкой, свисал позвоночник.

Помощника шерифа стошнило в кусты.

— Господи, хватит уже!

— Возвращайся. Я не стану хуже о тебе думать, в основном потому, что я с сáмого начала был не слишком высокого мнения о тебе. Забирай голову в качестве доказательства и езжай, только оставь мою лошадь.

Помощник шерифа поправил шляпу.

— Мне не нужна голова... И когда дойдёт до дéла, ты ещё порадуешься, что я здесь. Я тебе не маменькин сынок.

— Не надо мне зубы заговаривать. Лучше покажи, на что способен, мальчишка.

Дальше путь был скользким от крови Билла. С пистолетами в руках мужчины взобрались на небольшой холм. Оттуда они увидели заросшее поле, а на его краю — покосившуюся хижину с упавшей трубой.

Проповедник и помощник шерифа направились к ней и остановились у двери. Джебидия пнул её носком сапога, и дверь приоткрылась. Он вошёл и зажёл спичку. Ничего, кроме пыли и паутины.

— Должно быть, это жилище Джимета, — сказал Джебидия.

Он водил спичкой, пока не нашёл заправленную керосином лампу. Зажёл её и поставил на стол.

— Может, не следует зажигать огонь? — спросил помощник шерифа. — Так ему будет легче нас найти.

277 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— На случай, если ты забыл, этого мы и добиваемся.

Сквозь окно, с которого давно слетела промасленная бумага, виднелись в отдалении кресты и памятники.

— Ещё один вид на кладбище, — сказал Джебидия. — Наверное, там убила себя мать девочки.

Не успел он договорить, как на холме между крестами показался укутанный в тени силуэт. Силуэт двигался быстро, но неуклюже.

— Выйди на середину комнаты, — приказал Джебидия.

Помощник шерифа послушался, и священник передвинул туда же и лампу, поставив её на пол. Потом придвинул к лампе скамью и достал из кармана Библию. Опустился на одно колено, поднёс Библию к огню и вырвал из неё несколько страниц. Скомкал их и начал раскладывать вокруг скамьи, выкладывая круг радиусом футов шесть и располагая страницы в двух футах друг от друга.

Помощник шерифа ничего не говорил. Он сидел на скамье и наблюдал за странными действиями преподобного. Тот присел рядом на скамью и положил на колено один из своих пистолетов.

— У тебя сорок четвёртый?

— Да. У меня такой же ствол.

— Дай мне свой револьвер.

Помощник шерифа повиновался.

Джебидия открыл барабан и высыпал патроны на пол.

— Какого чёрта ты делаешь?

Джебидия не ответил. Он порылся в поясном ремне, вытащил шесть патронов с серебряными наконечниками, зарядил револьвер и протянул его помощнику шерифа.

— Серебро, — сказал он. — Иногда оно помогает отогнать нечисть.

— Иногда?

— Помолчи. И жди.

— Я чувствую себя подсадной уткой, — сказал помощник шерифа.

Вскоре Джебидия поднялся со скамьи и выглянул в окно. Затем сразу же сел обратно и задул фонарь.

* * *

Вдалеке кричала ночная птица. Вовсю пиликали сверчки, где-то скрипела лягушка. Джебидия и помощник шерифа сидели на скамье спиной друг к другу, держали на коленях заряженные серебряными пулями револьверы и молчали.

Вдруг птица замолчала, сверчки стихли и лягушка перестала подавать голос.

— Он идёт, — прошептал Джебидия.

Помощник шерифа поёжился, набрал воздуха. Джебидия понял, что тоже начал глубоко дышать.

— Молчи и будь начеку, — сказал он.

— Хорошо, — ответил помощник шерифа и уставился на выходящее на задний двор окно.

Джебидия сидел лицом к полуоткрытой, провисшей на ржавых петлях двери.

Довольно долго ничего не происходило. Не было слышно ни звука. Потом Джебидия заметил, как в дверном проёме зашевелились тени, и услышал, как скрипнула дверь. Он увидел, как неестественно длинная рука ухватилась за край двери. Некоторое время она не двигалась и вдруг исчезла, а вместе с ней и тени.

Время медленно ползло.

— Он у окна, — прошептал помощник шерифа так тихо, что Джебидия едва его расслышал. Он осторожно повернулся к окну.

Джимет сидел на подоконнике, сгорбившись, как хищная птица. Над головой его вились пчёлы. Рой сиял и пульсировал в дыре в груди, и в его тусклом свете масса пчёл казалась жужжащим дымом. С черепа, подобно пробивающейся сквозь камни жухлой траве, свисало несколько прядей волос. При лёгком повороте головы лунный свет пробился через трещины в задней стенке черепа и засиял из пустых глазниц. Потом Джимет снова повернулся, и его лицо пропало в тених. Тишину в комнате наполняло жужжание пчёл.

— Крепись, — прошептал Джебидия на ухо помощнику шерифа. — Не двигайся.

Как падающий с ветки паук, Джимет спрыгнул в комнату, прижался к полу и укутался плащом темноты.

Джебидия развернулся на скамье, чтобы оказаться лицом к окну. С пола донёсся шорох. Преподобный прищурился и увидел тень — Джимет пробирался под столом.

Рядом с ним помощник напрягся, собираясь вскочить. Джебидия поймал его за руку.

— Крепись.

Джимет полз. В трёх²⁷⁸ футах от выложенного из страниц круга он остановился.

Полоса лунного света на полу придавала Джимету и кружащим вокруг него пчёлам жутко реальный вид. За один миг Джебидия разглядел его полностью, до мельчайших деталей. Пустые глазницы, острые влажные зубы, длинные обломанные ногти, чёрные от грязи и щёлкающие по полу. Джимет попытался пересечь круг между двумя скомканными страницами, но они вспыхнули, и от них побежала дорожка голубого пламени, замыкая круг и превращаясь в подобие полыхающего колеса пророка Иезекииля.

278 В оригинале неуместное «грех». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

С хриплым воплем Джимет отшатнулся, стуча по полу ногтями и коленями. Его движения были настолько быстрыми, что глаз их не улавливал, а жужжание пчёл становилось всё более яростным.

Джебидия подхватил фонарь, чиркнул спичкой и запалил его. Джимет тараканом бежал по стене, направляясь к окну.

Джебидия прыжком вскочил со скамьи и швырнул горящий фонарь в спину монстру, когда тот нырял в оконный проём. Пламя расплескалось по спине Джимета; оно охватило его с головы до пояса и опалило пчёл — они попадали на пол чёрной дробью.

Джебидия поднял револьвер и выстрелил. Раздался крик боли, и Джимет исчез.

Джебидия выскочил из защитного круга, и помощник шерифа последовал за ним. Они встали у открытого окна и смотрели, как охваченный огнём Джимет убегает по направлению к кладбищу.

— Я немного испугался, — признался Джебидия. — Нужно было действовать более решительно. А теперь он сбежал.

— Я даже не успел выстрелить, — сказал помощник шерифа. — Ты быстр, преподобный отец. Что за чертовщина!

— Слушай, оставайся здесь, если хочешь. Но должен сказать, что круг больше тебе не поможет.

Помощник шерифа глянул вниз. Страницы прогорели, и на полу остался лишь чёрный круг.

— А почему они вообще загорелись?

— От зла. Когда Джимет подошёл слишком близко, страницы вспыхнули. Бог дал нам защиту. К несчастью, как и во всех случаях божьей благодати, она скоро заканчивается.

— Если я останусь, тебе придётся выложить новый круг.

— Я забираю Библию с собой. Она мне пригодится.

— Тогда мне не из чего выбирать. Я иду с тобой.

* * *

Они вылезли из окна и начали подниматься на холм. В воздухе пахло огнём и гнилой плотью. Ночь стояла такая же холодная и тихая, как и могилы на холме.

Они пробирались между памятниками и крестами, пока не подошли к длинной широкой яме. Один край могилы заканчивался норой.

Джебидия остановился на краю.

— Он сделал эту старую могилу своим логовом. Разрыл её и углубил.

— Откуда ты знаешь? — спросил помощник шерифа.

— По опыту... К тому же здесь пахнет огнём и палёной кожей. Он спрятался там. Думаю, мы его немного удивили.

Джебидия глянул на небо. На востоке появилась едва различимая розовая полоса.

— Он не высунется при дневном свете, а луна скоро скроется, да и полнолуние подходит к концу.

— Меня он точно удивил. Почему бы нам не оставить его там? Ты можешь вернуться, когда закончится полнолуние, а ещё лучше, когда луна будет новой. И поймашь его при дневном свете.

— Я уже здесь. И это моя работа.

— Поганая у тебя работа, мистер.

— Я спущусь и осмотрюсь.

— Как пожелаешь.

Джебидия зажёл спичку, прыгнул в могилу, поводил огоньком у входа в нору, а потом встал на четвереньки и засунул руку со спичкой и голову в проход.

— Довольно просторная, — сказал он. — И я чую его запах. Я полезу за ним.

— А мне что делать?

— Карауль наверху. У него может быть другое укрытие, и он может подобраться к тебе сзади. Если подумать, он мог уже вылезти из этой норы, пока мы болтаем.

— Чудесно.

Джебидия уронил погасшую спичку на землю.

— Вот что я тебе скажу. Я не могу обещать, что у нас получится. Если я проиграю, то готов поспорить, что он придёт за тобой, и тогда тебе лучше стрелять так же метко, как стрелял Вильгельм Телль.

— Я не настолько хороший стрелок.

— Очень жаль.

— Тебе нужен свет, — сказал помощник шерифа, — Спички — это чепуха.

— У меня есть свет, — ответил Джебидия.

Он достал из кармана томик Библии, разломил пополам по корешку, положил одну половину в карман, а другую засунул в темноту прохода. В тот же миг бумага вспыхнула.

— А в кармане она у тебя не загорится? — спросил молодой человек.

— Она не принесёт мне вреда, пока я держу её в руках или в кармане. Но стоит мне её выпустить, страницы загорятся, если их коснётся аура зла. Мне нужно торопиться.

И Джебидия начал протискиваться в нору.

* * *

Под землёй Джебидия рукоятью пистолета протолкнул пылающие страницы вперёд. Горели они ярко, но он знал, что долго на их свет рассчитывать не приходится. Они будут гореть дольше, чем обычная бумага, но не слишком.

Через какое-то время Джебидия обнаружил, что земляной пол идёт под уклон и нора превращается в просторную пещеру. Он слышал шорох летучих мышей и чувствовал запах их помёта, причём помёт сделал его продвижение более гладким. Джебидия поднялся на ноги и огляделся. Со звуком, похожим на предсмертный вздох старика, страницы Библии догорели в последней вспышке синего пламени.

Какое-то время Джебидия прислушивался к темноте. Он слышал, как пищат и передвигаются летучие мыши. Их возвращение в пещеру говорило о том, что рассвет уже близко.

Тут до его ушей донёсся новый звук — по полу перекатывались мелкие камешки. *Что-то двигалось в темноте*, и Джебидия был уверен, что *это вовсе не летучие мыши*. Судя по звуку, кто-то подкрадывался к нему. Волоски на затылке преподобного отца встали дыбом, как иглы ежа. По коже поползли мурашки. В воздухе повис душный запах горелой гниющей плоти. У Джебидии задрожали колени. Он осторожно сунул руку в карман, достал спичку, чиркнул о штанину и вытянул перед собой.

В тот же миг Джимет поднялся на ноги и встал перед ним, освещённый огнём спички. Монстр зарычал и ринулся на врага. Джебидия почувствовал, как обломанные ногти зацепили рубашку, и выстрелил. Пуля породила яркую вспышку, которая тут же погасла. Джимет выбил из его руки спичку и опрокинул проповедника на пол, на спину, добираясь до горла. Пчёлы жалили Джебидию, будто жгли раскалённым железом. Преподобный сунул револьвер в дыру в груди Джимета и выстрелил три раза подряд, потом ещё раз.

И тут курок щёлкнул вхолостую. Джебидия вспомнил, что потратил один выстрел в хижине. Барабан пуст, а Джимет держит его за горло.

Преподобный попытался вытащить второй револьвер, но тут Джимет отпустил его, и Джебидия услышал, как он поспешно отползает в темноту. Летучие мыши хлопали крыльями и пищали.

В недоумении Джебидия встал на ноги и прислушался, направив заряженный револьвер в темноту. Потом нашёл ещё одну спичку и зажгёт её.

Джимет лежал на спине, распростёршись на камне. Джебидия сделал несколько осторожных шагов. Серебряные пули попали в рой в груди монстра. Оттуда вытекала тёмная, зловонная жидкость, пахнущая смертью и мёдом. Пчёлы начали падать на пол пещеры. Рой пульсировал и шипел большим чёрным узлом. Джимет открыл рот, зарычал, но не двинулся с места.

Не мог двинуться.

В угасающем свете спички Джебидия поднял пистолет, приставил его вплотную к чёрному узлу и нажал на курок. Узел взорвался. Джимет завизжал так громко, что летучие мыши сорвались с потолка и вылетели из пещеры через нору в уходящую ночь.

Когтистые рúки Джимета вцепились в камень под ним, и он затих, а спичка в руках преподобного погасла.

* * *

Джебидия нащупал в кармане остатки Библии, бросил их на землю, и страницы загорелись. При помощи пистолетов он поднял пылающую бумагу и бросил её в дыру в груди Джимета. Тело моментально загорелось, затрещало, как сухое дерево, и вскоре его полностью охватил огонь. В пещере стало светло,²⁷⁹ как днём.

Джебидия немного посмотрел, как библейский огонь пожирает тело, потом вернулся ко входу в нору, пролез по ней и добрался до разрытой могилы.

Он огляделся, но нигде не увидел помощника шерифа. Не нашёл он его и после того, как вылез из могилы. Преподобный улыбнулся. Даже если молодой человек поначалу дожидался его возвращения, то появление стаи летучих мышей наверняка стало последней каплей.

Джебидия перевёл взгляд на разрытую могилу. Из норы выползал дым и поднимался в небо. Луна бледнела, а розовая полоса на горизонте разгоралась всё ярче.

Джимет умер окончательно. Дорога снова стала безопасной. Работа сделана.

По крайней мере, на время.

Джебидия спустился с холма и нашёл свою лошадь в кустах у дороги, где и оставил её. Второй лошади там, конечно же, не было, поскольку помощник шерифа, скорее всего, галопом мчался к Накогдочесу²⁸⁰, чтобы пропустить стакан-другой виски и сдать свою шерифскую бляху.

February/March 2007 © Joe Lansdale

279 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

280 В оригинале снова «Накогдочесу» (детальнее см. 264, а также см. 267, 268, 269, 270, 271, 275). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Дэвид Барр Киртли «Череп»

Дэвид Барр Киртли — автор множества коротких рассказов, опубликованных в таких журналах, как «Realms of Fantasy», «Weird Tales», «Intergalactic Medicine Show», а также на подкастах «Escape Pod» и «Pseudopod», выходили они и в антологиях «Новые голоса научной фантастики» и «Это сделал дракон». Рассказ Киртли «Пожалуйста, спаси меня» был включён в антологию «Лучшие рассказы года в жанре фэнтези» за 2008 год.

Предлагаемый вниманию читателя рассказ был написан летом 2000 года, когда Киртли заинтересовался хоррором и решил попробовать создать историю о зомби.

«Я часто идентифицирую себя с людьми, которых окружающие сторонятся и презирают только потому, что они чем-то отличаются от других, — говорит писатель. — Так что я стал подумывать о том, чтобы написать рассказ, где события рассматриваются с точки зрения зомби».

Другим источником вдохновения стала ссора Киртли с одним из его лучших друзей, произошедшая за несколько месяцев до написания рассказа. «Я видел, что он ужасно обращается со своей девушкой и вообще ведёт себя как полный придурок, — вспоминает писатель. — А наши друзья не осмеливались возразить ему, что бы он ни сделал, и бездумно повторяли за ним, что бы он ни сказал». Как зомби из этого рассказа.

Уже²⁸¹ за полночь Джек и Дастин ехали по извилистой лесной дороге. Джек был за рулём. Они спорили из-за Эшли.

Джек всегда считал, что у неё очень милое лицо — тонкие, как будто приподнятые брови, чуть курносый нос, нежный подбородок. В колледже она встречалась с Дастином где-то с полгода, пока тот не начал обращаться с ней как со своей собственностью, не давая ей ни минуты покоя.

Она порвала с ним, и Джек надеялся, что теперь девушка обратит внимание на него.

Но Дастин настаивал:

— Она даст мне ещё один шанс. Когда-нибудь.

— Сама она так не думает, — произнёс Джек, посмотрев Дастину прямо в глаза.

Когда он снова взглянул на дорогу, яркий свет фар очертил фигуру человека прямо перед капотом. Не успев ни о чём подумать, Джек вывернул руль. Машину резко тряхнуло, и она врезалась в дерево. Вся сила удара

281 В оригинале «У же» раздельно. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

пришлась на левую сторону. Приборная панель выгнулась, как морская волна, и рулевая колонка раздавила живот Джека. Дастин не был пристёгнут. Он пробил лобовое стекло головой, скатился с капота и рухнул на землю.

Джек очнулся, не понимая, где он и что произошло.

Какой-то человек топтался возле машины, с водительской стороны, но сквозь потрескавшееся боковое стекло невозможно было что-либо разглядеть. Джек толкнул дверь, которая со скрипом приоткрылась ровно настолько, чтобы он смог увидеть лицо человека. Тот уставился на Джека ничего не выражающим взглядом, потом развернулся и пошёл куда-то.

Джек закричал:

— Позовите на помощь!

Но незнакомец, не отвечая, плёлся в сторону леса.

— Эй! — завопил Джек.

Он стряхнул с себя битое стекло и отстегнул ремень безопасности, затем отодвинул сиденье назад, отлепая свой кровоточащий живот от рулевой колонки. Он вывалился из двери и пополз за человеком, который продолжал идти, не обращая ни на что внимания.

В конце концов Джек нашёл в себе силы встать на ноги. Пошатываясь, он догнал незнакомца, ухватил его за рукав и закричал:

— Да что с вами такое? Нам нужна помощь! — Он растерянно посмотрел по сторонам и добавил: — Мне нужно найти моего друга.

В ответ человек издал только нечленораздельный стон. Джек уставился на него. Незнакомец был очень бледен, с растрёпанными волосами, лицо покрыто коркой грязи, зубы кривые и гнилые, глаза сочатся гноем...

— Он мёртв, — услышал Джек голос приятеля у себя за спиной.

Он обернулся. У Дастина не было ни щёк, ни носа. Только гигантские глазные яблоки жутко таращились из глазниц голого черепа. С нижней челюсти свисала борода из лоскутов содранной кожи. Джек закричал.

Дастин добрался до разбитой машины, отломал наполовину оторванное боковое зеркало и уставился на своё отражение. Долгое время он стоял неподвижно, не говоря ни слова.

Наконец произнёс:

— Этот человек восстал из мёртвых. Посмотри на него, Джек. Он мёртв, как и я.

Джек вздрогнул и отшатнулся от человека.

Глазные яблоки Дастина таращились на его живот.

Догадываясь, что значит этот взгляд, Джек посмотрел вниз, задрал пропитанную кровью рубашку, обнажая изуродованную плоть.

— Как и ты, — добавил Дастин.

Они отправились в путь пешком. Взобрались на высокий утёс и увидели, как толпы оживших мертвецов бредут по полям далеко внизу. Дастин сел на землю и отвернулся, пряча в тени изуродованное лицо. Тихо сказал:

— Все. Все мёртвые вернулись.

Тот мертвец, из-за которого произошла авария, увязался за ними. Он натёкался на деревья и безучастно рассматривал Джека.

Джек подошёл к нему и спросил:

— Вы можете говорить?

На секунду человек замешкался, как будто пытаясь сосредоточиться, затем издал очередной нечленораздельный стон и пошёл прочь.

Джек сказал Дастину:

— Почему мы не в таком же виде, как он?

— Успел полежать в могиле. Он мёртв уже долгое время — тело гниёт, и мозги тоже.

— Есть ли другие, такие же, как мы? — спросил Джек.

— Не знаю. — Дастин вскочил на ноги и крикнул в долину: — Эй! Вы слышите меня? Понимаете, что я говорю?

В ответ порыв тёплого вётра донёс до них только волну зловония и стоны. Дастин вздрогнул.

Они с Джеком продолжали идти по дороге, пока не увидели свет в окнах маленького домика.

— Можно попросить о помощи, — предложил Джек.

— О какой помощи? Нам уже ничего не поможет, — возразил Дастин.

Но он пошёл вслед за Джеком по направлению к домику, дверь которого была распахнута настежь. Они остановились на пороге. Через окно кухни они увидели женщину, сжимавшую в руках бейсбольную биту. Мёртвый ребёнок загнал её в угол и медленно приближался к ней, вяло волоча ноги по жёлтому линолеуму. Засохшая грязь осыпалась с его рукавов, оставляя за ним извилистый след.

Он тихо произнёс:

— Мама... помоги мне.

— Не приближайся, — предупредила она срывающимся голосом. — Не подходи. Ты мёртв. Я знаю, что ты мёртв.

Джек хотел было броситься на помощь, но Дастин остановил его.

— Мамочка, — сказал мальчик. — Что с тобой? Не делай мне больно.

— Прекрати! — закричала женщина, но её руки дрогнули, и бита упала на пол.

Женщина сползла по стене, всхлипывая. И тут мальчик обрушился на неё, вцепившись ей в волосы. Она пыталась отбиваться, но он стал срывать с неё скальп зубами.

Сжавшись в комок от ужаса и отвращения, Джек зажмурился. Женщина вопила, потом раздался булькающий звук, и стало тихо. Когда Джек отважился открыть глаза, он увидел, что Дастин как зачарованный смотрит в окно, на омерзительную сцену.

— Какого чёрта? Мы могли это остановить, — просипел Джек.

— Мы тоже мертвы. Мы не на их стороне. — Дастин махнул рукой, указывая на женщину.

— Ты с ума сошёл, — сказал Джек.

Дастин оставил эти его слова без ответа, но произнёс:

— Я хочу это видеть.

— Да ты... — начал было Джек, но запнулся, когда женщина с обезображенной окровавленной головой начала подниматься с пола. Она неуклюже шагнула вперёд. Застонала.

— И ты сейчас был бы таким, — прошептал Дастин. — Ничего не соображающий, голодный. Если бы тот, первый, добрался до тебя в машине и сожрал твой мозг до того, как ты очнёшься.

Джек вошёл в дом и, стараясь держаться как можно дальше от женщины и от мальчика и не наступать на пятна крови на полу, добрался до телефона.

— Я звоню домой, — сказал он, снимая трубку. — Надо позвонить отцу. Скажу ему, что я...

— Что? Что ты в порядке? — произнёс Дастин, усмехнувшись.

Джек помедлил.

Дастин продолжал:

— Джек, ты мёртв. Для него ты больше не существуешь. Он никогда тебя не примет.

Джек ещё мгновение колебался, а затем стал набирать номер. Дастин развернулся и ушёл куда-то в темноту. На том конце линии сразу же сняли трубку.

— Джек? — Голос принадлежал его отцу.

— Я возвращаюсь домой, — произнёс Джек. — Я... я не могу сейчас говорить.

Он повесил трубку, взял со стойки какие-то ключи и вышел из дома. Вдалеке он увидел Дастина, который направлялся к толпе мертвецов и кричал:

— Вы меня понимаете? Те, кто слышат меня, сделайте шаг вперёд. Если вы хоть что-то понимаете.

Джек обогнул дом, подошёл к припаркованной за ним машине, сел в неё и поехал на север по Девяностопятому²⁸² шоссе в сторону Уотервилля. Он ехал больше часа, поглядывая на своё отражение в зеркале заднего вида. Кожа была желтоватой, а прочие краски как будто стёрлись с его лица. Выглядел он очень болезненно, но, если закрыть зияющую рану на животе, вполне мог сойти за живого при неярком освещении.

282 В оригинале «Девяносто пятому» раздельно. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Припарковавшись возле своего дома, он вышел из машины. На лужайке лежал труп с простреленной головой. Джек вздрогнул и решил подойти к дому с другой стороны. Старые деревянные ступеньки закрипели, когда он поднялся на заднее крыльцо и постучался, стараясь оставаться в тени. Занавеска отдернулась, и несколько пар глаз уставились на него.

— Джек! Это Джек!

Дверь распахнулась. На пороге стоял его отец с винтовкой в руках. Он присмотрелся, охнул и попятился назад, поднимая винтовку.

Джек весь сжался и торопливо пробормотал:

— Папа, выслушай меня. Пожалуйста. Я не такой, как другие.

Теперь ружьё было нацелено Джеку прямо в лоб. Из дула на него смотрела сама темнота. Потом ружьё медленно опустилось.

Наконец отец сказал:

— Ну заходи, сынок.

Джек переступил порог.

Отец приковал его к трубе, которая тянулась от стены гаража и уходила под землю.

— Прости меня. Это только на ночь. Иначе они не позволят тебе здесь остаться.

В доме прятались девять человек. Отец принимал у себя всех беглецов.

— Я понимаю, — прошептал Джек.

Отец ушёл обратно в дом.

Луна светила ярко, но гараж отбрасывал на Джека густую тень. По всем окрестностям раздавался истошный собачий лай. Ночь, казалось, будет длиться вечно. Джек не сомкнул глаз. Он подозревал, что **больше никогда не сможет заснуть**.

Шли дни.

Люди — беженцы — всё прибывали. Джек старался не попадаться им на глаза, и большинство уходило дальше на юг. Те, кто оставался, иногда впускали его в дом, но старались не приближаться к нему и всегда держали оружие наготове.

Днём люди выходили из дома, бродили по округе в поисках еды и боеприпасов, а по ночам рассказывали друг другу истории об уничтоженных ими зомби. Потом кто-нибудь смотрел на Джека, и все тут же умолкали.

Каждую ночь на протяжении многих недель его сажали на цепь.

Как-то на закате, когда Джек сидел на диване в гостиной, снаружи раздались выстрелы. Кто-то громко постучал в дверь. Сорванный голос прокричал:

— Впустите нас! Ради бога, впустите! **Они идут!**

Отец, держа винтовку наготове, бросился к двери и распахнул её. Двое высоких мужчин с охотничьим снаряжением вбежали в дом. У каждого было по несколько ружей. Отец захлопнул за ними дверь.

Один из новоприбывших выдохнул:

— Нам рассказали об **этом** доме. Говорили, что вы не откажете в помощи. У нас почти не осталось патронов.

Отец Джека начал говорить:

— Это мой дом, и вы...

Но тут один из мужчин заметил Джека и отскочил к стене, вскидывая дробовик.

Отец встал перед ним:

— Не стреляйте! Это мой сын. Он вам ничего не сделает.

Дуло описывало небольшие круги, пока новоприбывший прицеливался.

Джек подал голос:

— Пожалуйста! Всё в порядке!

Мужчина бросил взгляд на своего компаньона, который забился в угол, всхлипывая:

— Вот дерьмо. Дерьмо какое, **это** с нами в одном доме!

— Вы можете уйти, — резко сказал отец.

Воцарилось долгое, напряжённое молчание. В конце концов прищелец опустил ружьё и произнёс:

— Ну хорошо. Мы оставим его в покое. — Пристально посмотрел на Джека и добавил: — Но **ты** чтоб ко мне не приближался.

Новоприбывших звали Сэм и Тодд. Сэм был выше, энергичнее, и Тодд его слушался. Когда все немного успокоились, Тодд начал рассказывать:

— Мы присоединились к ополчению, пытались отстоять Портленд. Но мёртвые, они... — Он запнулся и уставился в пол.

Сэм без всякого выражения произнёс:

— Там нехорошо. **Очень** нехорошо.

— Откуда вы узнали об **этом** доме? — спросил отец.

— Во Фрипорте, — ответил Тодд. — Там скрываются некоторые выжившие. Среди них была одна девушка, и она передала записку для вашего сына. — Он бросил на Джека нервный взгляд и выдавил: — То есть, видимо, **для него**.

— Мне кажется, это плохая идея, — проворчал Сэм.

Отец нахмурился и сказал:

— Отдай ему записку.

Тодд пожал плечами и бросил записку на стол. Джек взял её и развернул.

Она была от Эшли. Девушка писала, что у неё всё в порядке и что он может присоединиться к ней, если не чувствует себя в безопасности. Она объясняла, как её найти. Джек положил записку в карман.

Сэм заговорил, не в силах справиться с дрожью в голосе:

— К югу отсюда есть этот парень без лица. Люди зовут его Череп. Он соображает и может говорить, как и этот. — Сэм кивнул на Джека.

Джек пробормотал:

— Дастин.

— Что?! — резко переспросил Тодд.

— Это он. У него было изуродовано лицо, я видел.

— Ты его знаешь? — Сэм смотрел на него с ужасом.

Джек понял, что сказал что-то не то.

— Дастин был школьным другом Джека, — объяснил отец. — Они были вместе в ту ночь, когда... когда всё это началось.

— Сэм! Это безумие. Он один из них! — В голосе Тодда слышались визгливые истерические нотки. — Это Череп прислал его сюда, он...

— Заткнись! — взревел Сэм. — Просто заткнись!

Воцарилось молчание.

Отец сказал:

— Вставай, сынок. Пошли на улицу.

Он опять был прикован к трубе. Сжавшись на земле в тени гаража, он прислушивался к голосам, доносящимся из дома сквозь щели между досками, которыми были заколочены окна.

Первым заговорил отец:

— Так в чём дело?

Раздался взволнованный голос Тодда:

— Мы потеряли Портленд из-за Чёрепа. К югу отсюда он собрал что-то вроде армии из мертвецов.

— Он выдрессировал их. Они приходят к людям, которые знали их, любили, — родные, друзья. Мёртвые ведут себя так, будто у них сохранились чувства. Люди мешкают, не стреляют сразу. А потом уже слишком поздно.

— И какое отношение это имеет к моему сыну?

— Вы что, не понимаете? — Джек снова слышал голос Тодда. — Он —²⁸³ часть этого. Он был другом Чёрепа. Он притворяется безобидным и выжидает момент, чтобы напасть.

— Он опасен, — добавил Сэм. — Он знает об этом доме, а теперь ещё и про убежище во Фрипорте. Что ещё ему известно? Его нужно уничтожить.

— Нет, — отрезал отец.

— Это уже не ваш сын, — продолжил убеждать его Тодд. — Ваш сын мёртв, его нет больше. Теперь это просто нечто, вселившееся в его тело. И оно использует против вас вашу собственную любовь.

Сэм добавил:

— Люди имеют право на самозащиту. Если кто-нибудь из ребят однажды ночью выйдет во двор и пристрелит эту тварь, я не буду его винить.

Один из жильцов прошипел:

— Эй, потише. Он может услышать нас.

После этого голоса стихли. До Джека доносился только слабый шёпот, в котором он не мог различить ни слова.

Долгие часы он провёл в ожидании. Потом увидел, как отворилась задняя дверь. Тёмная фигура с ружьём в руке двинулась через двор к нему.

Сэм? Тодд? Кто-то из жильцов? Джек не мог разглядеть.

Это был отец. Он вышел на свет, потом склонился над Джеком, разомкнул замок на цепи и сказал:

— Тебе нельзя здесь больше оставаться. Тебя могут убить. Мне очень жаль.

— Мне тоже, — прошептал Джек, поднимаясь на ноги.

Он обнял отца и ушёл во тьму.

Армия Дастина расположилась на огромном поле к северу от Портленда. Тысячи мертвецов бродили по долине и бросали на Джека свои тусклые взгляды. Он шёл сквозь мёртвую толпу, выкрикивая:

— Дастин! Я ищу Дастина!

Наконец ему ответили:

— Эй, ты! Чего тебе нужно?

Джек обернулся на голос и увидел приближающегося к нему мертвеца — лысеющего мужчину в выцветшей солдатской униформе.

— Я ищу Чёрепа.

— Главнокомандующего, ты хотел сказать, — ответил мертвец. — Он тоже захочет тебя увидеть. Ты можешь нам пригодиться.

Мертвец повёл Джека обратно сквозь толпу, вверх по пологому склону холма, на вершине которого небольшая группа мертвецов переговаривалась приглушёнными голосами. Дастин стоял спиной к Джеку. Так он казался нормальным, знакомым.

Джек окликнул его по имени.

Дастин повернул голову, так что Джек мог увидеть одно выпученное глазное яблоко и жуткий безносый профиль. На Дастине был потрёпанный армейский мундир. Он произнёс:

— Так ты вернулся? — Потом он снова посмотрел в другую сторону, так что Джек мог видеть только его затылок, и продолжил: — Где ты был?

— Там, на севере, — ответил Джек.

— Сталкивался с живыми? С вооружёнными отрядами?

— Нет, — солгал Джек.

— Мы скоро туда отправимся, — продолжил Дастин. — На север. По Девяностопятому²⁸⁴. В Уотервилль. Твой родной городишко. — Теперь он развернулся к Джеку, глядя на него в упор и следя за реакцией.

Джек не произнёс ни слова.

---

284 В оригинале «Девяносто пятому» раздельно. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

После непродолжительного молчания Дастин сказал:

— Как бы то ни было, настало время дрессировки.

Он подошёл к самому краю обрыва, взглянул на кишачие внизу орды и закричал:

— Не стреляй!

Зомби провыли в ответ:

— Не... стреляй...

— Это я! — надрывался Дастин. — Ты меня знаешь!

Нестройный хор тысяч тусклых голосов взметнулся к самому небу:

— Это... я... Ты меня... знаешь...

— Прощу тебя, помоги мне! — проорал Дастин.

И мёртвые взвыли в ответ:

— Прощу... тебя... Помоги... мне...

Дастин удовлетворённо кивнул и отвернулся от толпы.

— Такова наша стратегия, Джек. Единственное, что есть у моих солдат, — это упорство. То, что живым они напоминают тех, кого они когда-то любили и потеряли, — одно из немногих наших преимуществ.

— Чего ты добиваешься? — спросил Джек. — Чего ты хочешь достичь?

— Мира, — произнёс Дастин. — Живые хотят уничтожить нас. Всех нас. Наш единственный шанс — обратить их, сделать их такими же, как мы.

Джек смотрел на толпу воющих мертвецов. Они разбрелись по равнине до самого горизонта.

— И благодаря моему плану, — добавил Дастин, — мы выигрываем эту войну. Идею мне подал тот мальчик, который обратил свою мать. Помнишь, мы видели его в ту первую ночь.

— К чёрту твой план, — зло сказал Джек. — Из-за твоего плана я лишился дома и семьи.

Дастин быстро повернулся к нему:

— Так ты всё-таки был дома. — Голый череп угрожающе приблизился к самому лицу Джека. — Там прячутся люди?

Джек отвернулся.

— В твоём доме? — допытывался Дастин. — Там они прячутся? Моя армия слаба, Джек. Они медленные, тупые и неуклюжие. Любой очаг вооружённого сопротивления может всё погубить. Я должен знать о таких вещах.

— Оставь их в покое. Оставь в покое моего отца.

— Мы направляемся на север, Джек, — ответил Дастин. — Приводим мой план в исполнение.

— Не надо, — попросил Джек. — Оставь их в покое. По крайней мере,²⁸⁵ пока. Двигайся на восток. К Фрипорту.

---

285 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Фрипорт? — рассеянно переспросил Дастин. — А что там, во Фрипорте?

Джек полез в карман, достал записку и тихо произнёс:

— Эшли.

Тем же вечером Дастин сказал Джеку:

— Придётся обратить её. Это единственный способ.

— То есть **убить**, — проговорил Джек.

— Я хочу, чтобы она была с нами, — сказал Дастин. — Сейчас она постоянно подвергается риску. Если до неё доберётся обычный мертвец, он повредит её сознание. Уничтожит то, что делает её **особенной**. А так она будет в безопасности.

Джек не мог понять, **зачем** он это сделал. Зачем предал Эшли. Чтобы защитить отца? Да, но на самом деле... Он хотел увидеть её. Может быть, если она тоже будет мертва, она примет его.

— Это будет непросто, — произнёс он вслух.

— Да, непросто, — согласился Дастин, — Для этого мне понадобится ты. Мои солдаты подчиняются приказам. Я говорю им, на кого нападать, куда идти и что говорить. Но они слишком прожорливы, я не могу остановить их. Поэтому большинство моих новобранцев поступает ко мне в уже подпорченном виде. Мне почти некого произвести в офицеры.

— И ты собираешься сделать офицером меня? — скептически усмехнулся Джек.

— Я не могу использовать для этого дела моих рядовых. Слишком велика опасность для Эшли. Придётся использовать офицеров, я должен быть уверен, что они не причинят ей вреда. А их у меня слишком мало.

Несколько тупых, бессловесных зомби прошли мимо, и Джек представил, как они рвут зубами нежное личико Эшли.

— Я пойду с вами, — сказал Джек. — Ради Эшли. Чтобы убедиться, что с ней не случится ничего плохого.

— Ради Эшли, — согласился Дастин.

Дастин собрал офицеров на совет и показал им фотографию, на которой он и Эшли стояли у костра, обнявшись.

— Вот она. Смотрите, чтобы её не изуродовали.

Армия двигалась на восток. Тысячи воющих зомби брели по шоссе. Дастин ходил среди них, выкрикивая:

— Ищите знакомые места, людей, которых знали! **Не стреляй! Ты знаешь меня! Помоги!**

Эхо разносило по окрестностям нестройное бормотание: «**Не стреляй... ты знаешь меня... помоги...**»

При Даistine неотлучно находился десяток офицеров — мертвецов, вооружённых винтовками и пистолетами, которые всегда находились с ним рядом. У самого Дастина был дробовик и армейский нож за голенищем сапога. Джек следовал за ними на некотором расстоянии, волоча за собой винтовку, безучастно уставившись себе под ноги, на дорогу, усыпанную мокрыми сосновыми иглами. Его терзали дурные предчувствия.

Дастин тихо сказал своим офицерам:

— Они, скорее всего, никогда не сражались с такими, как мы, — быстрыми, сообразительными, вооружёнными. В этом — наше главное преимущество.

— Они потратили недели на то, чтобы укрепить дом. Как мы заставим их впустить нас? — проворчал один из офицеров.

— Я могу это устроить, — вызвался Джек.

Дастин повернулся, уставился на него изучающе, затем кивнул.

Дом, который был им нужен, оказался особняком в викторианском стиле, со множеством пристроек, уютно расположившимся в рошце белоствольных кедров. Дастин направил отряд прямо к дому. Выстроившись в колонну и припадая к земле, они быстро перебрались через лужайку. Джек и Дастин взбежали на крыльцо, а все остальные притаились за перилами или в высокой траве.

Джек стал колотить в дверь, крича:

— Впустите нас! Это Сэм! Ради бога, впустите нас, они идут!

Через несколько мгновений он услышал, как щёлкнула задвижка. Дверь приоткрылась. Дастин просунул дуло своего ружья в образовавшуюся щель и выстрелил. Кровь хлынула фонтаном, забрызгав крыльцо, и Дастин пинком распахнул дверь настежь.

Офицеры выскочили из своих укрытий, с ружьями на изготовку, и ворвались в дом. Загрохотали выстрелы. Джек вслед за другими вбежал в просторный холл, уже заваленный трупами. Отсюда на второй этаж вела лестница.

— Прикрывай лестницу! — приказал Дастин. — Чтобы по ней никто не мог спуститься.

Джек направил ружьё в сторону лестничной площадки второго этажа. Другие офицеры устремились в боковые комнаты, и весь дом содрогнулся от криков и грохота выстрелов.

Вдруг дверь под лестницей распахнулась. Джек взвёл винтовку и прицелился, но в дверном проёме вспыхнул белый огонь выстрела. Пуля попала ему в грудь, он отшатнулся назад, натолкнулся на маленький столик и сшиб с него лампу, которая тут же разбилась вдребезги.

— Подвал! Они в подвале! — закричал Дастин.

Три офицера ринулись вниз. Пол под ногами Джека дрогнул, снизу донеслись крики ужаса. Он вытащил пулю из груди.

Ещё один офицер подбежал к Дастину и доложил:

— Сэр, мы нашли девушку. Она в кабинете. Истекает кровью.

Дастин кивнул.

— Я хочу быть с ней, когда она очнётся. Заканчивайте тут.

— Да, сэр. — Офицер подошёл к входной двери и скомандовал: — Идите сюда. Заходите. Да быстрее же!

Джек в ужасе смотрел, как толпы мычащих мертвецов, спотыкаясь, заходят в дом и жадно набрасываются на свежие трупы.

Он схватил Дастина за локоть и заорал:

— Что ты делаешь? Эти люди могли бы нам пригодиться!

Дастин ответил:

— Первое, что они сделают, восстав из мёртвых, — попытаются нас пристрелить. Лучше уж так.

Джек бросил последний взгляд на пирующих мертвецов и пошёл за Дастином в кабинет.

Эшли лежала в мягком кресле. Вокруг толпились офицеры. Из единственной ранки на её груди стекала тоненькая струйка крови.

Один из офицеров произнёс:

— Она уже не дышит. Осталось недолго.

— Я хочу остаться с ней наедине. — Это прозвучало как приказ.

Офицеры-зомби покинули комнату, увлекая за собой Джека. Он прошёл по длинному, опустевшему коридору к входной двери, вышел во двор, прислонился к высокому белому кедру и стал ждать Эшли.

И вот она возникла в дверном проёме. Стройная, с длинными блестящими волосами. Но лица у неё больше не было. Только глазные яблоки таращились из глазниц черепа.

Дастин тоже вышел из дома и встал за её спиной. Их костяные лица выглядели абсолютно одинаково.

— Не могу поверить, что ты сделал это, — с горечью сказал Джек тем же вечером Дастину, который стоял рядом с ним во дворе. — Она была такой красивой.

— Эшли всегда будет красивой, — ответил Дастин. — Для меня. Тебе нравилось её лицо. Я любил её саму. Так кто из нас заслуживает её?

— Я хочу поговорить с ней, — произнёс Джек.

— Нет, держись от неё подальше. — В голосе Дастина явственно слышалась угроза. — Или я расскажу ей, кто привёл нас сюда. Кто её предал.

Джек вздрогнул, а Дастин отошёл от него, затем оглянулся через плечо и добавил:

— Я единственный, кто может понять её сейчас. Понять, через что ей пришлось пройти.

Часами бродил Джек среди мёртвых, продираясь сквозь массы гниющей плоти. Его тошнило от тупости и безобразия этих тварей.

В толпе мелькнул белый череп. Джек развернулся и пошёл в другую сторону.

Пробиваясь сквозь толпу, он оглянулся. Череп следовал за ним и приближался.

Наконец Эшли догнала его.

— Джек. Это ты... — Её жуткое лицо было совсем близко, обнажённые глазные яблоки изучающе разглядывали его. — Дастин сказал мне, что ты здесь. Скажи же что-нибудь. Ты узнаёшь меня? Ты понимаешь?

Он не отвечал. Она что-то заподозрила.

— Ты имеешь к этому какое-то отношение? Ты помог ему сделать это?

Джек отвернулся и пошёл сквозь полчища мёртвых. В тот момент он завидовал им — они не понимали, что творят, не чувствовали угрызений совести. Было невыносимо чувствовать на себе взгляд Эшли. Пусть она оставит его в покое!

Оставалось только одно.

— Не обижай меня! — взвыл он нечеловеческим, низким голосом. — Прощу тебя, помоги мне!

March 2002 © David Barr Kirtley

Нэнси Килпатрик «Время печали»

Нэнси Килпатрик — автор серии книг о вампирах «Власть крови» («The Power of the Blood»), в которую входят романы «Дитя нóчи» («Child of the Night»), «Скорая смерть» («Near Death»), «Перерождение» («Reborn»), «Любящий кровь» («Bloodlover»), скоро выйдет в свет пятый роман. Килпатрик является автором исторической книги «Готическая Библия» («The Goth Bible»), совместно с Нэнси Холдер она выпустила в свет восьмую антологию в жанре «хоррор» «Аутсайдеры²⁸⁶» («Outsiders»). Её рассказы выходили в сборниках «Blood Lite», «Monsters Noir», «Moonstone Monsters: Vampires» и «Moonstone Monsters: Zombies». Произведения Нэнси Килпатрик неоднократно удостоивались различных литературных премий, а в 1992 году писательница завоевала премию Артура Элліса. В 2007 году Нэнси Килпатрик присутствовала на Всемирном съезде писателей жанра «хоррор» в качестве почётного гостя. Живёт в Монреале (провинция Квебек).

Представленный ниже рассказ родился как плод размышлений автора о том, что ожидает женщину, оставшуюся единственным живым человеческим существом в наводнённом мертвецами мире.

«Будет ли она вести себя иначе, чем мужчина? Станет ли ежесекундно проклинать свою участь и зомби? — задаётся вопросом Нэнси Килпатрик. — Мне никогда не были симпатичны беспомощные создания, с воплями ужаса замирающие при виде приближающегося зомби. К счастью, ни одной такой женщины я не знаю».

Тоска преследовала её по пятам. Давно привязалась, ещё до катаклизма. Ещё до того, как распался привычный уклад человеческой жизни вообще и её собственной жизни в частности, и облик всей планеты стал иным. До того, как угасли надежды на будущее.

Присев на вершине холма, женщина оглядывалась вокруг, настороженно осматривая зелёные окрестности сквозь лётные очки. Ни минуты покоя, всегда настороже. Некогда в этой долине золотились тучные нивы среди мирно раскинувшихся деревушек с уютными домиками, дети ходили в единственную школу, а прихожане отправлялись на молитву в одну из двух церквей разных ветвей христианства, в синагогу или в мечеть. Над листвой возвышались шпили, в лучах вечернего солнца сияли кресты. На ум пришли слова Джозефа Кэмпбелла: любую культуру можно оценить по самым высоким её зданиям. Интересно, можно ли отнести это изречение к существам, населяющим деревни сейчас?

286 В оригинале «Аутсайдеры» почему-то через «ё». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Наверное, там ещё сохранились футбольное и софтбольное поля, больница и магазины. Многие месяцы она не навещала посёлки и потому не могла точно сказать. То здесь, то там виднелись фрагменты домов: стены, обшитые вагонкой пастельных тонов, светлыми пятнами выделялись на фоне буйной зелени, лавой затопившей холмы. За последние годы растения набрали чудовищную силу, пожирая всё на своём пути: дома, поля, людей... Хотя нет, людей они не трогали: люди и так вымерли. Несколько лет назад.

По-прежнему эта страна, такая далёкая от её родины, была краем буйной, сочной зелени всевозможных оттенков: от светло-жёлтого до почти чёрного. Несмотря на толстый озоновый слой, поглощавший солнечные лучи, светило умудрялось давать жизнь растениям, которые вовсе не страдали от «парникового эффекта», а, напротив, благоденствовали и разрастались. Только человечеству пришлось туго.

Да, пора возвращаться. Даже если не разразится буря, всё равно заход солнца не за горами. К тому же надо кое-что сделать. Работы всегда по горло. Нужно полить огород-кормилец, за которым она старательно ухаживала. Ещё надо подумать, как укрепить то слабое место в заборе с помощью подручных средств, чтобы не навещать в деревню. Она собирала фрукты и овощи, которые ела каждый день и заготавливала впрок, а для этого приходила за дровами на холмы, где с наступлением темноты становилось опасно. Она трудилась непрестанно и только так могла выжить.

— Выживают сильнейшие, — отчего-то вслух произнесла женщина. Голос прозвучал странно, а слова звоном отдались в ушах. Уже давно она не слышала собственного голоса.

Она почувствовала себя вялой. Сейчас как раз самое благоприятное для зачатия время — ровно между двумя циклами, которые уже стали короткими. Нельзя сказать, что во время овуляции энергия падает совсем уж до нуля, но её не хватает, и сосредоточиться нелегко. Через две недели начнётся менструация, всё нормализуется. Но это будет потом. А теперь ей хотелось сидеть и вглядываться, вглядываться в бесконечность горизонта... «Потихоньку приближается менопауза», — написала она в дневнике. Станные слова: «потихоньку», «бездельничать», «прохлаждаться», «отдыхать»... Отнести их к ней самой было невозможно ни в буквальном смысле, ни в переносном. Ежечасно и ежедневно дел было не впрок, а ночью тяжёлым гнётом наваливался бесконечный бой с одиночеством и отчаянием. И страх.

Она на секунду сняла очки в надежде, что поля шляпы защитят глаза, но всё же не удержалась и быстро взглянула на искрящийся оранжевый диск солнца, плывший вниз в подёрнутых дымкой небесах. Попыталась отчётливо вспомнить прежнее, жёлтое солнце. И не смогла, словно оно всегда было цвета яркой оранжевой мякоти тыквы. Как будто всё в природе всегда было таким, как сейчас. Она вновь надела очки, заставила себя встать на ноги и даже сделать несколько шагов, но тело отказывалось повиноваться. «Только несколько минут. У меня есть в запасе немного времени», — убеждала она себя.

Вдруг раздался колокольный звон. До сих пор по воскресеньям, утром, днём и вечером, сам собой раздавался благовест. Вот уже ответили колокола второй церкви. Звуки плыли в долине, обволакивали замершую женщину, смывали страхи и заботы, приносили с собой воспоминания...

В то утро, когда они с Гарри поженились, тоже звонили колокола. Счастливые звуки, полные обещания, зовущие в новую, прекрасную жизнь. «Какой же молодой я была, — подумала она, — какой наивной!» Порой она думала, что ей всегда было сорок, как сейчас... Но в тот далёкий день ей было двадцать, а Гарри — двадцать один, и она смело вверяла мужу своё будущее. Верила, что он не изменит ей, не предаст их семью.

Дом. Счета. Беременность, закончившаяся абортom, потому что они слишком молоды, как считал муж, а она согласилась: да, ещё рано заводить ребёнка, впереди вагон времени. Вполне терпимая работа до окончания юридического факультета, потом служба клерком в престижной фирме; а затем она пополнила ряды служащих корпоративного права. Теперь, став честной сама с собой, она поняла, что ненавидела свою работу. Но тогда готова была стерпеть всё — даже потерю ребёнка. Ради Гарри. Во имя их любви.

Год за годом... Гарри. Работа. Бездетная жизнь. Теперь уже поздно рожать. Дело даже не в возрасте, хотя уже стукнуло сорок. Беременность невозможна по другим причинам: в первую очередь, обстоятельства её теперешней жизни никоим образом не располагают к зачатию.

Вот она, цена наших выборов, жёстко подумала она с затихающим последним ударом колокола. Отвергнутые пути... Выбираешь один, он ведёт тебя к другому, и в конце концов понимаешь, что обратной дороги нет. Почему же никто не сказал ей об этом? Отчего мама не предупредила хотя бы перед смертью? *Делай выбор здесь и сейчас, иди тем или иным путём; некоторые решения необратимы.* Но мать мыслила весьма прогрессивно и была феминисткой. А отец? Его дочь никогда не интересовала. После развода он и вовсе стал призраком. Человек, которому она обязана появлением на свет, был с ней весьма дружелюбен: покупал вещи, платил за обучение, вёл к алтарю перед венчанием с Гарри. Но, ослепнув в одночасье, она бы не узнала его в толпе. Ни по голосу, ни по запаху, ни на ощупь.

Все выборы оказались неверными, решила она. Я. Гарри. Родители. Каждый на Земле. Планета погрязла в ошибочных решениях. А теперь выбирать остаётся только из: Жить или Умереть.

Мрачные мысли прервало какое-то движение вдалеке. Быстро сдёрнутые очки повисли на шее. Солнце село. Небеса быстро серели, а она и не заметила. Встревоженная женщина вскочила на ноги и обернулась к западу, где между деревьями мелькнула фигура, похожая на мужскую. Оглядевшись по сторонам, женщина заметила движение практически повсеместно. **Надо торопиться, иначе окружат.**

Она помчалась вниз, спеша через густые заросли к своему дому, обнесённому надёжным забором. Сорвала перчатки и отбросила в сторону, чтобы добраться до ключа, висевшего на шее.

Сегодня они передвигались весьма быстро, она чувствовала их за спиной, когда оказалась у ворот. Не стоит тратить драгоценные секунды и оглядываться. Руки дрожали, пока она вставляла большой ключ в тяжёлый замок, отпирала его, отодвигала засов, вскакивала во двор... Она успела закрыться как раз в то мгновение, когда первый из преследователей был уже у ворот.

Зловоние разложения заставило попятиться. В электрическом свете, что горел в наступающих сумерках всё ярче и ярче, было отчётливо видно существо по ту сторону ограды. Черты лица разобрать уже невозможно — живой труп. Раздутые синюшные пальцы просунулись в ячейки металлической решётки, пытались добраться до неё.

Они собрались у забора, тараща на неё унылые, безжизненные глаза. От их вида желудок выворачивало наизнанку и сердце тяжко колотилось в груди. За три года ей так и не удалось свыкнуться с их внешностью. **К такому невозможно привыкнуть.**

У многих плоть совсем истлела и отваливалась кусками, но и те, кто лучше сохранился, выглядели не менее жутко. Их вид пробирал до мозга костей. Существа издавали низкие стоны, напоминавшие плач изувеченных или больных животных. Сначала она их жалела, ей казалось, что им больно. Но только сначала. Тогда она ещё не думала, не могла поверить, что они жаждут её смерти. Зато теперь в этом не сомневалась.

Она заставила себя отвернуться, не смотреть на столпившихся у ворот тварей. Мысль о починке забора не давала ей покоя — но если не эта мысль, так другая непременно вертелась бы в голове. **Расслабляться нельзя ни на миг.** Она постоянно о чём-то беспокоилась, чем-то была озабочена. Ведь, **чтобы выжить, необходимо всё время быть начеку, никогда не поддаваться желанию отдохнуть от тревог.**

В воздухе трепетали всё те же стоны и вязкие чмокающие звуки мёртвой плоти, прижимавшейся к другой мертвечине, к металлу или траве под ступнями. Но всё же она приказала себе идти к колодцу. **Надо поливать огород.** Дрожащими руками она опустила ведро, оно коснулось воды с тихим всплеском. В колодце было непроглядно черно; женщина по натяжению верёвки поняла, что ведро утонуло, и стала крутить ворот обратно. Когда ведро показалось над краем колодца, она его вытащила, отвязала, приладила угольный фильтр и полила грядку овощей. Небо подёрнулось сланцем, сквозь тяжёлые облака не смогла пробиться ни одна звёздочка. **«Сегодня вечером богиня Луны, Артемида-охотница, не желает появиться, — подумала она. — Теперь ей и охотиться-то не на кого».**

Тварей вокруг забора становилось всё больше и больше, теперь они стояли в два-три ряда. Ежедневно она благодарила богов, всё ещё присматривавших за несчастной планетой, за то, что болезнь сначала поражала мозг тварей. Иначе они бы уже давно разрушили её забор с помощью инструментов или подручных средств. От их близости воздух накалился, стало безумно жарко — по крайней мере, ей так казалось.

Перед внутренним взором мелькнул страшный день, когда один из них коснулся её. Гниющая мякоть сомкнулась у неё на плече, холодные распухшие пальцы вцепились, сжали её словно в тисках, пытаясь выдавить тёплую жизнь. В панике она всё же сумела вырваться и понеслась изо всех сил. На бегу подхватила лопату, чтобы защититься в самом крайнем случае, и бежала до тех пор, пока воздух огнём не стал жечь лёгкие и зрение не затуманилось. Тварь мчалась за ней по пятам, но женщине удалось юркнуть в дверь заброшенного

склада и запереться на засов. Пытаясь добраться до неё, нежить шарила лапами по стеклу, но разбить окно и влезть внутрь оказалось слишком сложным для мозгов чудища.

В новостях нашествие нежити связывали с появлением некоей бактерии, передающейся при физическом контакте. Нечувствительной к антибиотикам. Не следует поддаваться панике, заявил кто-то по седьмому каналу, ситуация под контролем, разработана антибактериальная сыворотка. Всё будет хорошо. Но она-то ведь чувствовала прикосновение твари сквозь тонкую ткань футболки; она видела страшную рожу совсем близко в течение всей ночи, пока первые лучи солнца не заставили нежить убраться восвояси, укрыться от приближающегося рассвета. Вероятно, дневной свет раздражал разлагавшуюся кожу. К утру женщина уже знала, что «хорошо» никогда не наступит. Мир не будет прежним. Пережив такое, она и сама изменилась.

Нараставший ужас торопил её убраться от страшных тварей как можно дальше, и она забронировала билет на самолёт. Ей попалась статья, где говорилось о нескольких безопасных местах на планете. Как считал учёный, чем больше изолирована местность, тем лучше. Новую Зеландию он назвал наиболее благоприятным местом на земле. Он ошибался.

Руки всё так же мелко дрожали, когда она доставала из колодца второе ведро. Салат слегка поник, и она обильнее, чем всегда, полила овощи, надеясь, что они воспрянут к жизни. Период вегетации в этих краях длился целый год, но прошлое лето выдалось невыносимо жарким, и большая часть её огорода сгорела на солнце. За четыре месяца она похудела на сорок фунтов²⁸⁷ и была вынуждена отправиться в деревни, совершить набег на сады, заглянуть в чуланы в поисках консервов, запастись витаминами. Кроме витаминов приходилось принимать экстракт из водорослей коричневого цвета, который она глотала последние пять лет, чтобы очистить тело от радиации. Да, в отсутствии людей на планете был один большой плюс: теперь не было политиков, готовых почём зря сбрасывать друг на друга бомбы.

Как и многому другому за последние несколько лет, огородничеству она училась на собственном горьком опыте. Летом, в жаркое время дня, прикрывала растения фильтром от ультрафиолетовых лучей. Хорошо, что колодец у неё артезианский²⁸⁸: теоретически он должен служить вечно²⁸⁹. Чего нельзя сказать о ней. Наследников у неё нет. К счастью.

Нежить за забором всё так же стонала, охала и чмокала. Иногда женщине казалось, что они произносят её имя, но это невозможно. Нет, просто слышалось. Ведь они не были живыми существами, как она. Их органы, плоть

287 В метрической системе мер — чуть более 18 кг. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

288 Артезианский (фр. artésien) — находящийся в глубоких слоях горных пород под естественным давлением. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

289 В реальности все источники артезианских вод — изначально герметично замкнутые резервуары, чудом сохранявшиеся чистыми на большой глубине с доисторических времён. И соответственно, запасы таковых вод, мягко говоря, конечны (уже на данное время они являются немалым дефицитом, а ввиду всё возрастающих темпов загрязнения поверхностных вод потребность в пригодных к применению артезианских резервуаров лишь возрастает). К тому же неэффективная и неправильная разработка или тем более пагубное стороннее вмешательство (например, глубинные испытания атомного оружия или захоронение токсических отходов) может привести к их быстрому загрязнению, а соответственно, даже уже проверенные и разведанные артезианские скважины одномоментно становятся непригодными к непосредственному использованию. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

и кóсти разлагались, только инстинкт побуждал их двигаться, подбираться к живым, а живой была она одна, последняя в этой местности. Может, в стране вообще никого, кроме неё, не осталось. Или даже в целом мире. Узнать не представлялось возможным.

Закончив с поливом, женщина опрыскала растения органическими пестицидами и напоследок окинула взглядом своё хозяйство. Всё в порядке. Управиться с одним акром не составляло труда. Со стороны палисадника отлично просматривался каждый дюйм земли вплоть до холма. Для этого ей пришлось вырубить все кусты и вьющиеся растения, оставив лишь несколько деревьев в саду, разровнять всю территорию вокруг дóма и регулярно срезать траву старенькой косилкой, найденной на одной из заброшенных ферм. Женщина обогнула холм справа и остановилась в паре футов от забора. Отсюда она могла рассмотреть его заднюю часть. При её приближении хладные телá загомонили, словно роящиеся насекомые. Никого не было в том месте, где требовалась починка. Пришлось настойчиво напомнить себе, что **спешить и суесться ни к чему**. Да, её раздражает некая хлипкость ограждения. Но ведь не настолько, чтобы бросаться туда среди нóчи, тем самым привлекая внимание к неполадке. И к себе самой. Сейчас не выйдет починить, это точно; к тому же внезапная боль в яичниках, старавшихся вытолкнуть яйцеклетку в фаллопиевы трубы, заставила её развернуться и пойти к дому.

По пути она отщипнула четыре листа салата, сорвала зрелый помидор и жёлтый перец; армейским ножом, который всегда носила в ножнах на ремне, срезала маленький кочан брокколи и сложила овощи в корзинку, которую держала в руке. Другой рукой взяла ведро с водой. Осторожно прошла по двум ступенькам в дом. Тщательно заперла за собой дверь, отгородившись от раздражающего шума, и на минуту замерла, прижавшись спиной к дереву, радуясь контакту пусть даже с неодушевлённым предметом.

Наконец оторвавшись от косяка, она прошла к столу, поставила на него корзинку, а ведро — у раковины. Сняла очки и шляпу. Начала закатывать рукава рубашки, но потóм сняла её и осталась в хлопчатобумажной майке. Тут же ей стало прохладно.

Подойдя к окну, она проверила батареи, которые заряжались восемью солнечными панелями, расположенными на крыше. Щелчок переключателя перевёл систему очистки воздуха с низкой, фильтровавшей воздух в её отсутствие, на высокую. Батареи заряжены полностью — значит, во время ужина можно порадовать себя музыкой. Хотя что-то утешительное. Она

просмотрела свои диски и выбрала «Канон» Пахельбеля²⁹⁰, затем передумала — уж очень мрачно. Может, сто́ит послушать «Лакме» Делиба²⁹¹. Это сгодится, там говорится о надежде. О весне. Весне.

Под музыку она тщательно вымыла овощи в воде, пропущенной через угольный фильтр. Хотя, конечно, это не спасёт от токсичных примесей, всё ещё циркулирующих в воздухе. Но что с ними поделать — совсем уж непонятно. Она достала с полки нож и занялась перцем: разрежала, вынула семена и отложила в сторону на просушку. Тем временем память обратилась к весне пятилетней давности. Последней весне, когда она видела живого Гарри.

Как может жизнь оказаться столь тривиальной? — вот в чём вопрос. Старательно ополоснув, она разрежала помидор; сильный аромат защекотал ноздри. Листья салата она тоже вымыла и порвала маленькими кусочками.

Была весна, стояла чудесная тёплая погода, в воздухе пахло сиренью и надеждой. Перед ланчем они с Гарри встретились в крохотном кафе в центре города, поблизости от университетского городка, где он преподавал. Она предупредила секретаря, что вернётся часа через полтора, но Гарри неожиданно сказал, что у него в запасе лишь тридцать минут, ему надо пораньше вернуться в колледж.

Они устроились на террасе и сделали одинаковый заказ: салат и кофе-латте²⁹². Она смотрела на молодых людей, оголившихся по случаю тёплой погоды, таких счастливых и здоровых. «Ничто не сравнится с двадцатилетним телом», — подумала она, хотя в свои тридцать пять —²⁹³ благодаря ежедневным утренним пробежкам —²⁹⁴ была в отличной форме.

Гарри жевал салат «Цезарь», а она рассматривала своё отражение в окне у него за спиной: каштановые волосы, большие тёмные глаза, красивый овал лица, несколько морщинок, но их легко исправить с помощью косметолога и укола ботокса²⁹⁵.

290 Johann Rachelbel, Иоганн Пахельбель (крещён 01.09.1653 г., Нюрнберг, — 03.03.1706 г., там же) — немецкий композитор и органист. Глава среднегерманской школы органистов, один из предшественников И. С. Баха. Работал в Вене, Эйзенахе, Эрфурте, Штутгарте, Готе, Нюрнберге. Творчество Пахельбеля тесно связано с его исполнительством, основное значение имели его сочинения для органа и клавира. Ему также принадлежат духовные кантаты, магнификаты, мессы, хоралы, духовные концерты, органнне токкаты, фуги, фантазии, клавирные сюиты, etc. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

291 Léo Delibes, Клеман Филибер Лео Делиб (21.02.1836 г., Сен-Жермен-дю-Валь, Сарта, — 16.01.1891 г., Париж) — французский композитор. Член Института Франции с 1884 г.. Учился в Парижской консерватории (класс композиции А. Ш. Адана). С 1853 г. работал аккомпаниатором в оперных театрах и церковным органистом, в 1865-72 гг. — вторым хормейстером театра «Гранд-Опера». С 1881 г. профессор Парижской консерватории. Делиб дебютировал как композитор в 1855 г. опереттой «На два су угольков». Признание принесли ему балет «Ручей» (совместно с Л. Ф. Минкусом, 1866 г.) и музыка дивертисмента к возобновлённому балету «Корсар» А. Адана (1867 г.). Его «Коппелия, или Девушка с эмалевыми глазами» (1870 г.) и «Сильвия, или Нимфа Дианы» (1876 г., в СССР с новым либретто — «Фадетта») — первые в западно-европейской музыке симфонизированные балеты; оказали влияние на развитие музыкально-хореографического искусства. Делиб стремился к новому типу музыкально-хореографического спектакля, к образности, содержательности балетных форм. Ему принадлежат также оперы, оперетты, театральная музыка, романсы, etc. Лучшая его опера — «Лакме» (1883 г.), продолжающая традиции французской лирической оперы. Музыка Лео Делиба отличается мелодичностью, изяществом. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

292 Итальянское caffè latte — кофе-латте (кофе-эспрессо с горячим молоком). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

293 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

294 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

295 BoTox, botox (сокращение от botulinum toxin) — косметологический препарат для устранения морщин путём инъекций в мышцы лица. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Она перевела взгляд на Гарри и обнаружила, что он смотрит вовсе не на неё, а на двадцатилетние оголённые тела. За долю секунды она успела понять, что **муж ей изменяет**.

Он почувствовал её взгляд, красивое лицо дрогнуло. Гарри заволновался.

— Что нового? — спросил он.

Она отложила вилку.

— **Кто она?**

— **Она?** — переспросил Гарри, явно скрывая неловкость, — Пожалуйста, уточни, что ты имеешь в виду, иначе...

— Та, с которой ты спишь. Как её зовут?

Он приоткрыл рот, но ничего не сказал. Замкнулся в себе, взгляд стал высокомерным... Впившись в мужа лазером пронизательных глаз, она произнесла:

— Не утруждай себя ложью. Просто ответь на мой вопрос.

Ей самой показалось, что голос не дрогнул и прозвучал на редкость спокойно. И Гарри, наверное, уловил её настроение. Он просто ответил:

— Её зовут Эйлин.

— Студентка?

— Первого курса.

— Наверное, она пришла обсудить с тобой доклад или научную работу.

— Научную работу. Весьма посредственную. Я указал ей на ошибки.

Подобным тоном они могли бы обсуждать планы города по благоустройству береговой линии или новое кино, которое стоит посмотреть. Внезапно она поняла, что не может больше выносить лжи последних пятнадцати лет. Не говоря ни слова, она взяла сумочку и встала.

— Подожди, послушай...

Но прежде чем Гарри успел что-то добавить, она была уже далеко. «**Моя жизнь — не жизнь вовсе, а лишь её видимость**», — подумала она. Столько лет закрывать глаза на правду! И вот так, прекрасным весенним днём, понять, что едва ли она любила его в двадцать, а теперь и вовсе не любила. По крайней мере, в том смысле, в котором подразумевается любовь между мужчиной и женщиной. И, что самое отвратительное, она знала: **это взаимно**.

Целый час она носилась по улицам, но после не могла бы сказать, по каким; даже района не помнила. Мелодия в мобильном — девятнадцать нот «Цветочного дуэта» — играла снова и снова, и,²⁹⁶ наконец,²⁹⁷ телефон был извлечён из сумочки и отправился в урну. Вскоре и надоевшая сумочка полетела туда же.

Перед дверьми дома она оказалась без ключей. Уже стемнело. Странно выглядели и деревья, и трава, и другие дома на улице. Как будто она видела их впервые.

296 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

297 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Пришлось позвонить. Гарри впустил её и посторонился, давая дорогу. Ему, как и ей самой, ругаться не хотелось. Вероятно, отношения не стоили даже того, чтобы их выяснять. Вдруг она почувствовала, что выдохлась, и поднялась в спальню, где на кровати обнаружила почти уложенный чемодан мужа.

Она медленно разделась и оставила всё прямо на полу. Потом набрала ванну, скользнула в горячую воду, захватив с собой бокал божоле²⁹⁸, и тут же уснула. Открыв глаза, почувствовала, что вода совсем остыла и к тому же окрасилась невыпитым вином, словно кровью. В доме царил гробовое молчание. Чемодана на кровати не оказалось. Зато на туалетном столике нашлась записка: *какая-то чушь насчёт того, как ему жаль, что всё так вышло, и наилучшие пожелания...* Она разорвала бумажку на много-много мелких кусочков и спустила в унитаз.

Нарезанная кусочками сырая брокколи отправилась в салат. На полу в самом прохладном месте кухни хранилась бутылочка оливкового масла. Женщина добавила несколько капель в салат, вновь тщательно закупорила бутылку и убрала обратно. Постояла, посмотрела на еду, закрыла её специальной сеткой от насекомых и пошла к дивану. Кровати в единственной комнате её домика не было, был только диван. Она упала на него совершенно без сил. Вечно измождённая. Постоянно не уснуть.

Отчего прошлое явилось к ней именно сейчас? Словно болезнь под названием «воспоминания» незаметно проникла в разум и сердце, затаилась до поры до времени и в конце концов дала о себе знать именно тогда, когда её меньше всего ожидали.

Женщина беспомощно окинула комнату взглядом. Диван стоял так, чтобы с него был виден каждый уголок дома и входная дверь. Всего одна комната. Удобно. Жизнь сжата до предела. Домик ушёл в землю, словно могила, зато так прохладней. За диваном была маленькая дверца из серии «Алиса в Зазеркалье», запиравшаяся с той стороны. На случай вторжения можно пробраться по тоннелю и оказаться в ста футах от дома.

И вдруг она тоненько, пронзительно хихикнула. Ужасная нелепость! Если сюда нахлынут нелюди, значит, дома у неё не будет. А куда ей ещё идти? Она видела, как инфекция настигала жителей деревень одного за другим; на её глазах не осталось ни одного здорового человека. По крайней мере, за последний год она нормальных людей не встречала. Всё реже и реже она навещала деревни, потому что видеть этих скукожившихся от света существ было просто невыносимо. К тому же всё необходимое уже давно было сложено под навесом у двери: боеприпасы для автомата, что лежал подле дивана; патроны для пистолета, который всегда при ней — в кобуре на поясе. Оружием она пользовалась только для тренировки и сомневалась, что сможет выстрелить в этих некогда живых людей.

298 Beaujolais, Божоле — район на юге Бургундии (юго-восток Франции), знаменитый своими одноимёнными молодыми винами из сорта Гаме, это в основном красные вина, в процессе производства которых используется особый метод углекислой мацерации, позволяющий получать лёгкие вина с насыщенным цветом, плотные, с выраженным фруктовым ароматом; Божоле включает в себя 10 классифицированных виноградников: Brouilly, Chénas, Chiroubles, Côte de Brouilly, Fleurie, Juliéna, Morgon, Moulin-à-Vent, Régnié, Saint-Amour, названия которых можно встретить на этикетках вин «Божоле». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Пока в бензоколонке оставался бензин, а в деревне — пара машин на ходу, она привезла к себе запас бутылок воды на случай, если колодец пересохнет. Запаслась одеждой, обувью, постельным бельём и кухонной утварью. Баллонами с газом, хотя теперь готовила на огне очень редко. Из книг узнала, как пользоваться солнечными батареями. Непросто было привезти их из строительного магазина, а установить на крыше и того сложнее. Тяжёлые батареи немало испытали её силу, а изобретательность — ещё больше. Но они накапливали солнечную энергию, конвертер преобразовывал её в нечто полезное, питавшее электроприборы. Телевидение не транслировало передачи, радиостанции тоже не работали, как и телефоны, Интернет и прочие средства связи с миром. Радио она оставила включённым, но прошли уже многие месяцы с тех пор, как оно замолчало. Теперь, чтобы выжить, ей требовались только освещение и музыка. **Выжить.** Вот как обстояли дела: она не жила, а выживала. Еле-еле.

— Вот и всё, что нужно единственной оставшейся в живых женщине, — произнесла она вслух.

Звук собственного голоса в тишине прозвучал столь непривычно, что слёзы на глазах навернулись.

Почему все умерли, а она живёт? Отчего на неё обрушилось это кошмарное существование? Может, на самом деле она уже мертва и попала в ад? В юности ей довелось прочесть описание ада у Данте и полюбоваться восхитительными гравюрами Доре²⁹⁹, но теперь-то она узнала, что **в аду** вовсе не девять кругов, а гораздо больше.

Начавшаяся эпидемия бактериальных инфекций сначала бушевала в специальных медицинских учреждениях, затем разнеслась по больницам, школам, предприятиям — по всем тем заведениям, где люди контактировали друг с другом. В то же самое время сильно изменился озоновый слой; на Северном полюсе таяли льды, поднимался уровень моря, замёрзшая некогда тундра стала похожа на луга средней полосы. Когда антарктические льды начали ломаться громадными айсбергами, из ледяного плена освободились микроорганизмы, и учёные обнаружили, что некоторые формы жизни способны сохраняться тысячелетиями.

Новости пестрели сообщениями о войнах, которые стали обыденностью. Они уносили тысячи жизней, росла гонка вооружений всевозможных типов, **стала реальностью стратегия ограниченной ядерной войны.** В воздухе висел не только смог, но ещё и радиоактивная пыль, разносившаяся воздушными потоками. Почва и вода стали токсичными. Государства принимали меры для их очистки, чтобы выращивать урожай и пить воду, но платить за это могли

299 Gustave Doré, Гюстав Доре (родился 06.01.1832 г. в Страсбурге — умер 23.01.1883 г. в Париже) — французский график. Прославился тщательно проработанными живописно-динамичными, гротескно-выразительными иллюстрациями — полными фантазии и юмора текстовыми рисунками к «Гаргантюа и Пантагрюэлю» Рабле (1854 г.) и «Озорным рассказам» Бальзака (1855-56 гг.), романтически-эффектными страничными рисунками к «Божественной комедии» Данте (1861 г.), «Дон Кихоту» Сервантеса (1862-63 гг.), Библии (1864-66 гг.), гравированными группой мастеров торцовой ксилографии. Социальная острота присуща сценам жизни лондонской бедноты (1860-70-е гг.). С начала 1860-х гг. занимался живописью, офортом, позже — скульптурой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

лишь достаточно состоятельные горожане. Большинству населения предосторожность оказалась не по карману. Появились неведомые прежде заболевания иммунной системы.

Неся огромные потери, человеческое общество приходило в упадок: помойки разрастались огромными горами мусора, транспорт остановился, медикаменты закончились, службы электроснабжения и сотовой связи прекратили работу. Люди замерзали или сгорали до смерти, если, конечно, их не сжигали другие граждане.

Она заново переживала сменившиеся за каких-то пять лет витки похожей на ад действительности. Человечество пыталось приспособиться. Сердце в груди налилось тяжестью, словно свинцом: какая наивность, глупость, самодовольство! Сильные мира сего обещали, что в конце концов всё будет в порядке. Но всё шло из рук вон плохо. И лучше теперь не станет никогда! Одно время ей казалось, что хуже и быть не может, но как же она ошибалась! Стремительно разнеслось по миру новое поветрие: мёртвые перестали умирать.

К этому времени она уже бесцельно путешествовала по Новой Зеландии. Ехать некуда. Ничего не оставалось делать, кроме как сидеть сложа руки и наблюдать гибель мира. «Погоди, скоро придёт твой черёд», — говорила она себе, но очередь так и не подходила.

По правде говоря, поездка в Новую Зеландию оказалась ошибкой. Здесь не было радиоактивных осадков, и власти вскоре закрыли границы для иммигрантов и гостей, а в конечном счёте запретили передвижение жителей внутри собственной страны. Никто не мог ни въехать, ни выехать отсюда. Но к тому времени было уже поздно: для человечества, для Гарри, умолявшего её вернуться домой, к нему, во время последнего телефонного разговора... **Всё уже было слишком поздно.**

Она взяла дневник, в котором описывала события своей жизни и хронику разрушения некогда привычной действительности. Дневников набралось уже пять, по одному на каждый год с момента её приезда в Новую Зеландию. Записи помогали не сойти с ума, даже если за день она исписывала всего лишь полстраницы, заноса в дневник заурядные события повседневной жизни: садоводство, приготовление пищи и очищение кишечника. Порой рассуждала о науке и политике — она кое-что узнала из книг и журналов, которые брала в библиотеке, и из собственного опыта тоже многое могла почерпнуть. Но самыми душераздирающими были записи, в которых выплёскивавшиеся эмоции кровью засыхали на страницах дневника. Измученная одиночеством и отчаянием, она с трудом могла перечитать написанное. Потому что знала: она —³⁰⁰ **последний живой человек на планете.** Все попытки выйти на связь через рацию растворились в мёртвой тишине.

— Данте рассуждал о том, о чём понятия не имел! — пробормотала она, и голос отозвался эхом в ушах. — **Число кругов ада бесконечно.**

Мысли о самоубийстве посещали её столько раз, что она даже не бралась сосчитать. Вызывал недоумение тот факт, что она до сих пор жива — вопреки новой чуме и смертоносному воздуху. Почему? Но ответы, как и всё прочее, так просто не давались. Женщина давно прекратила лихорадочные изыскания и

300 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

поиск литературы в бесплодных попытках понять, откуда же у неё взялся иммунитет против болезни, поразившей всех остальных? Против болезни, которая унесла бы в могилу всех... если бы они могли умереть.

Но именно умереть-то они не могли. Днём они прятались от солнечного света, а ночью бесцельно бродили по окрѳге. Нет, вовсе не бесцельно: ведь они непременно оказывались рядом с её домом. Быть может, они приходили сюда в поисках единственной нити, связывавшей их с жизнью? Ходячие мертвецы, её единственные компаньоны. И, что самое страшное, некоторые из них не сильно разлагались, кое-кого до сих пор можно было узнать. Например, Джо, который некогда содержал мясную лавку. Люси из аптеки. Неда с женой Сарой: их дом был крайним, они торговали фруктами и овощами.

Женщина вспомнила их прежние лица и то, какими они стали теперь. Неужели такое возможно? Изнутри поднялась жуткая волна истерики, затрепетала в горле и вылилась неудержимыми рыданиями.

Плакала она недолго. В последний раз такое случилось с ней около полугода назад.

Взяв ручку, она стала писать, писать, пытаясь словами выразить чувства, окатившие её с головы до ног, словно штормовые волны. Ей так и не удалось оправиться от потрясения, насколько быстро заболевание овладевало людьми. Как-то раз она зашла в аптеку, с Люси всё было в порядке. На следующий день под глазами у неё залегли густые тени, она сильно расчихалась. На третий день хозяин аптеки сказал, что Люси слегла «с **сильным насморком**». В полночь её обнаружили расхаживающей по улицам с непонятными пятнами на коже и горящими глазами. С ней пытались заговорить, помочь, но сама Люси уже говорить не могла, лишь бессвязно бормотала и тихонько стонала. Заболели все, к кому она прикасалась.

Люси оказалась первой из местных жителей, поражѳнной неведомой болезнью, новой чумой. Число неупокоенных мертвецов росло, оставшиеся в живых паковали вещи и бежали из деревень. Куда? Непонятно, где можно от такого спрятаться.

В скитаниях она наткнулась на этот дом. Когда продуктовый и строительный магазины остались без хозяев, она начала запасаться едой и водой, возводить забор, обустраивать свой мирок. Потѳм появились они. Те, кто не покинул этих мест. Со всех деревень, в общей сложности насчитывавших некогда десять тысяч жителей, собралось несколько десятков ходячих мертвецов. Каждую ночь они выбирались из своих домов и шли к ней. Жуткий ритуал. «**Может, они столь же одиноки, как я, — писала она. — Можно сказать, что я наполовину мертва, только по-другому. Возможно, мы необходимы друг другу, и виной тому странное симбиотическое проклятие. Если меня не станет, что случится с ними? Если завтра они исчезнут, буду ли жить я? Вот такой дзэн. Совершенный и страшный дзэн.**»

Внезапно она ощутила свинцовую тяжесть во всѳм теле, неподъѳмным грузом навалилась усталость, глаза слипались. В изнеможении она упала на диван, предупреждая себя, что если уснѳт сейчас, то непременно проснѳтся среди нѳчи. Но внимать доводам разума сил не хватило.

Во сне она идёт по цветущим лугам под жёлтым солнцем, в голубых небесах плавают лёгкие облачка. Земля приятно холодит босые ступни, воздух напоён сладким ароматом сирени, лёгкий тёплый ветерок колышет юбку и волосы... Она закрывает глаза и чувствует, как по костям пробирается жар, нагревает её изнутри, и она думает: «Солнце уж очень припекает!»

До неё доносится посторонний звук, она оборачивается и видит идущего к ней мужчину. На нём надеты синие джинсы и футболка, которая не скрывает мускулистого тела. Он приближается, уже можно разглядеть небесно-синие глаза, светлые волосы цвета солнца — мужчина излучает энергию и бодрость сегодняшнего дня. Словно природа, во веки веков самоочищающаяся и самовозрождающаяся.

Внезапно мужчина превращается в Гарри, он подходит к ней вплотную и берёт за подбородок. Прикосновение подобно электрическому разряду. Словно её тело — один большой проводник, по нему пробегают искры, посылая сигналы в мозг, сердце и половые органы... Она трепещет, одновременно раскрываясь навстречу и опасаясь его. Не раскрывая рта, Гарри произносит:

— Не бойся! Это было predetermined.

Интересно, каким образом?

— Ты мёртва? — спрашивает она.

Он улыбается и притягивает её к груди, крепко целует в губы, такой знакомый язык Гарри оказывается у неё во рту, движется там, исследует её. Из болезненной тьмы рождается образ. Заражена...

Она вздрогнула и проснулась. Всё тело липкое от пота. Она резко села и затряслась в ознобе, словно вдруг похолодало. Схватила лежащее в ногах одеяло и, всё ещё содрогаясь, закуталась потеплее.

Плохо понимая, что происходит, она оглядела комнату, слабо освещённую одной-единственной пятнадцативаттной лампочкой, которую всегда оставляла включённой над кухонным столом, чтобы отогнать демонов тьмы. Но они всё равно проникли к ней.

Не чувствуя под собой ватных ног, она всё же встала, приложила ладонь к прохладному лбу, а потом пошла за аптечкой к буфету. Сунула термометр под язык и, пока мерилась температура, подошла к окну, открыла шпингалет тяжёлых деревянных ставень, распахнула их и выглянула наружу.

Ночь, напоённая тьмой. И тишиной. Ни звука. Когда глаза привыкли к темноте, она, насколько смогла из окна, внимательно рассмотрела наружную границу забора вплоть до ворот. Там никого не оказалось — по крайней мере,³⁰¹ в пределах видимости.

Полная луна висела в небе, словно приклеенная к черноте. Женщина взглянула на лунный диск искоса, пытаясь различить лицо, которое видела там в детстве, но детали теряли чёткость в сгустившейся атмосфере.

Она вынула градусник и, взглядевшись при свете лампы, убедилась, что температура нормальная. И точно, больной она себя не чувствовала. Зеркало у двери отражало худое, измученное лицо — это она готова была признать. Действительно, она утомлена, но ясноглазая и в полном сознании. Она

301 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

рассеянно пробежалась по коротким волосам пальцами, словно расчёской, пригладила их. «Со мной всё в порядке», — одновременно с облегчением и разочарованием подумала она.

— Просто у тебя овуляция, — сказала она отражению в зеркале.

Ей ответил серьёзный взгляд женщины, словно вопрошавший: и что с того? Какое это имеет значение?

— Скоро ты состаришься и умрёшь, — сказала она.

Отражение не ответило.

— Состаришься и умрёшь...

Умрёт ли она, *сможет* ли? Или её ждёт та же участь, что и всех несчастных, которые заболели и не могли ни вылечиться, ни умереть, попав в ловушку микроорганизмов, поддерживающих их в столь страшном состоянии? Поэтому они вынуждены бесконечно и беспомощно шататься по округе. Слабые, безумные, неспособные пользоваться никакими инструментами.

— Неужели это делает нас людьми? — спросила она своё отражение.

Но оно, как всегда, не ответило.

Вдруг она гневно отбросила одеяло, широкими шагами подошла к дивану, схватила автомат и отпёрла дверь. Ночью похолодало, на неё налетел порывистый ветер. Приближалась буря. Сегодня она жаждала перемен. Кто-то умрёт. Один из них. Или она сама. Не важно. Так продолжаться больше не может!

Сознавая безумие своих мыслей, она всё же не остановилась, а устремилась к забору и пошла вдоль него. Миновала огород. Прошла со стороны холма. Потом — мимо земляной насыпи, примыкавшей к дому, её тюрьме. Ничего. Никого. Где же они? В отчаянии спасались бегством? Загрузились на борт летающей тарелки инопланетян и умчались прочь? Может, равновесие наконец-то сместилось, организмы, отвечающие за разрушение жизни, одержали верх и ходячие мертвецы умерли? Сегодняшней ночью ей,³⁰² как никогда прежде,³⁰³ казалось необходимым это выяснить. Ей хотелось заглянуть в какое-нибудь из этих жутких, отвратительных лиц, всмотреться в полужизнь-полусмерть и найти способ помочь им упокоиться. Возможно, именно так следует поступить. Подавить отвращение и послать пулю в лоб, перестрелять их всех одного за другим. Тогда она сможет передвигаться спокойно! Что с того, что нелюдей больше не будет подле дома? Она и сейчас совершенно одна. Абсолютно. Прежний мир отступал куда-то далеко-далеко, как забывается давний сон.

Она миновала то место в заборе, которое ожидало ремонта. Всё в порядке. Чинить нечего: это её нервы расшатались, а не ограда.

Быстрыми шагами она прошла к другой стороне холма, потом снова вернулась в палисадник. Ни одного полумертвеца. Разочарованная, она вышла из круга света, который отбрасывал фонарь, и впиалась взглядом в безучастную луну. Внезапно она поддалась иному импульсу: запрокинув голову назад и подставив лицо потустороннему свету, она завывала, словно дикий зверь. Она

302 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

303 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

выла снова и снова, её вопли смешивались с гулом надвигающейся бури, и вот голос её сорвался на визг. Автомат выпал из рук. Ослеплённая невыразимым отчаянием, она бездумно, запинаясь шагами бродила по двору; рўки прикрывали солнечное сплетение, грудь разрывалась от рыданий и воя. Наткнувшись на забор, она рухнула на землю и скорчилась в позе зародыша, прижавшись спиной к сетке ограды.

Затуманенный безмерной скорбью рассудок не сразу осознал: что-то изменилось. Жгло заднюю часть шеи. По телу разливалось тепло, и сначала сложно было разобрать, что оказалось тому причиной. Но вскоре она поняла. Её ласкало прикосновение отрадного холода — столь ледяного, что кожа воспринимала его как ожог. Прямо за спиной слышалось дыхание. Влажное. Очнувшийся разум забил тревогу: ведь нужно бояться страшной близости, прикосновений... Но часть её существа жаждала этого. Она села, прислонилась к забору. Всё больше и больше пальцев тянулось к ней. Они ласкали её, словно возлюбленную, как некогда ласкал её Гарри. Гнилостный запах для неё благоухал ароматом цветов сирени. Она провела рукой по своему плечу, и одна плоть коснулась другой. Что было мочи хлестал дождь, и ветер унёс с собой тоску. Печаль покинула её впервые за долгое-долгое время.

April 2007 © Nancy Kilpatrick

Нил Гейман «Горькие зёрна»

Нил Гейман — популярный писатель, создавший, среди прочих бестселлеров, роман «Американские боги» («American Gods»), «Коралина» («Coraline») и «Дети Ананси» («Anansi Boy»³⁰⁴), а также многочисленные антологии рассказов и стихов. Кроме того, перу Геймана принадлежат комиксы серии «Песочный человек» («Sandman»). Автор также много сотрудничает с кино и телевидением: написал для BBC³⁰⁵ сценарий мини-сериала «Задверье» («Neverwhere»), позднее переделав его в роман, был соавтором сценариев к фильмам «Зеркальная маска» («MirrorMask») и «Беовульф» («Beowulf»), написал английский сценарий к полнометражному мультфильму-анимэ Хаяо Миядзаки «Принцесса Мононоке». По роману Геймана «Звёздная пыль» («Stardust») в 2007 г. был снят фильм.

Нил Гейман удостоился большинства, если не всех существующих наград в области научной фантастики, фэнтези и хоррора. В списке его трофеев три премии «Хьюго», две «Небьюла»³⁰⁶, Всемирная премия фэнтези, четыре премии Брэма Стокера и одиннадцать премий журнала «Локус».

Рассказ «Горькие зёрна» впервые был опубликован в антологии фэнтези на карибские темы «Амулет: истории о заклинании духов» («Mojo: Conjure Stories»). В своём блоге Гейман пишет: «Я подозреваю, что прочитавший этот рассказ недоумённо фыркнет, а потом, через недельку или попозже, поскольку рассказ будет всё ещё маячить на горизонте его сознания и не давать ему покоя, он вновь вернётся к тексту и обнаружит, что рассказ топографически перестроился в совершенно иную историю».

304 В оригинале «Боу», т. е. всё кириллицей. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

305 В оригинале «BBC», т. е. всё кириллицей, хотя речь не об военно-воздушных силах. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

306 В оригинале «Небьюлы». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

1

**«Или приходи рано, или можешь
совсем не являться»**

С какой стороны ни посмотри, я был мёртв. Да, внутренне я, может, и кричал, и рыдал, и выл, как дикий зверь в ловушке, но это происходило где-то глубоко внутри — там рыдал, и выл, и бился какой-то другой человек, другой я, которому было не дотянуться из этих глубин до моего лица и губ. Так что внешне я лишь пожал плечами, улыбнулся и двинулся дальше. Если бы я мог умереть физически, просто раз — и всё, не предпринимая никаких усилий, перейти в мир иной так же легко, как через порог в соседнюю комнату, я бы это сделал. Но я намеревался спать по ночам и просыпаться по утрам, приговорённый к земному существованию и разочарованный тем, что не умер.

Иногда я звонил ей. Ждал один-два гудка, затем вешал трубку.

Тот внутренний я бился и выл так глубоко, что никто и не подозревал о его существовании. Даже я забыл о нём — до того самого дня, когда сел в машину, чтобы стонять в магазин купить яблок. Но я промчался мимо магазина и покатил дальше, дальше, дальше. Дальше на юго-запад, потому что, двинься я на северо-восток, быстро бы очутился на краю света.

Я ехал по шоссе уже с час, когда у меня зазвонил мобильник. Я опустил стекло и вышвырнул его на шоссе. Интересно, кто его подберёт и ответит ли этот кто-то на звонок? Получит в подарок мою жизнь.

Остановившись на заправке, я заодно снял наличные со всех своих карточек. То же повторил и на другой день, и так на каждой заправке, пока карточки не перестали работать.

Первые две ночи я провёл прямо в машине.

Только проехав через пол-Теннесси, я осознал, что давно не мылся и так грязен, что готов заплатить за возможность ополоснуться. Взял номер в мотеле, вытянулся в ванне и уснул — пробудился оттого, что вода остыла. Побрился пластиковым мотельным станочком, к которому прилагался и пакетик пены. Потом доплёлся до кровати, рухнул и вырубился.

Проснулся в четыре утра и сразу понял: пора в путь.

Спустился в вестибюль.

Перед стойкой мотеля ярился какой-то мужчина — седоватый, лет тридцати, никак не больше, в добротном, но измятом костюме. Он всё твердил: «Я заказал такси час назад. Час, понимаете?» — и пристукивал по стойке бумажником в такт словам.

Ночной портье в ответ лишь плечами пожал и уронил:

— Я позвоню ещё раз. Но, если машины нет и прислать нечего... — Портье набрал номер, сказал в трубку: — Мотель «Полуночник» беспокоит... Да, я ему уже говорил...³⁰⁷ Говорил уже.

307 В оригинале вместо троеточия и пробела — лишь дефис. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Послушайте, — обратился я к незнакомцу. — Я, конечно, не таксист, но особо не спешу. Могу подбросить. Вам куда? Вы торопитесь?

Мужчина воззрился на меня как на психа, и на миг я уловил в его глазах страх. А ещё через миг он уже смотрел на меня, как на ангела Господня.

— Господи, да ещё как тороплюсь! — воскликнул он.

— Так скажите, куда вам, и я вас подвезу, — откликнулся я. — Говорю же, мне-то спешить некуда.

— А ну, дайте. — Седоватый забрал у портье трубку и сказал в неё: — Можете отменить вызов, потому что Господь только что послал мне доброго самаритянина. Все, кто появляется в нашей жизни, появляются не зря. Подумайте об этом на досуге, хорошо?

Нажав отбой, он подхватил свой портфель — как и я, путешествовал налегке, — и мы вышли на стоянку.

Было ещё темно, мы так и ехали в темноте. Он разложил на коленях нарисованную от руки карту и светил на неё фонариком-брелоком, прицепленным к связке ключей. Время от времени он коротко бросал: «Здесь налево» или «Теперь сюда».

Потом сказал:

— Очень любезно с вашей стороны меня подвезти.

— Да на здоровье, — ответил я, — я ведь не тороплюсь.

— Ценю вашу отзывчивость. Знаете, что-то в этом есть этакое, из городских легенд — катить по дороге с таинственным благодетелем. Скажем, история о дорожном призраке. А когда я доберусь до места, то опишу вас друзьям, и они скажут: «Да, был такой, он помер лет десять назад, но так и колесит по дорогам и подвозит всех страждущих».

— Неплохой способ завязать побольше новых знакомств, — отозвался я.

Мой седоватый пассажир хмыкнул. Потом спросил:

— Чем вы занимаетесь?

— Можно сказать, временно ничем. Пока без работы. А вы?

— Преподаю антропологию. — Он помолчал. — Надо было представиться раньше, конечно. Преподаю в христианском колледже. Никто не верит, что там есть и антропология, но у нас есть курс, честно. Не во всех, но в нашем есть.

— Охотно верю.

Седоватый помолчал ещё, потом продолжал:

— Машина у меня сломалась. Хорошо ещё, дорожный патруль подоспел. Сказали, что отбуксировать мою машину смогут только утром. Грузовика нет. Потом патрульные позвонили уже мне в номер, сказали, тягач вышел, извольте подъехать, вы, мол, должны быть на месте, когда он появится. Вы представляете? Никак не могли взять в толк, что я уехал и не сижу в машине. Взял такси. Надеюсь, мы успеем на место до тягача.

— Постараюсь. — Я прибавил газ.

— Надо мне было лететь самолётом. Нет, летать-то я не боюсь, дело не в этом, просто решил сэкономить. Вообще-то я еду в Новый Орлеан. Лететь час, а изволь выложить четыреста сорок долларов. А если машиной, это обойдётся всего в тридцатку. А поскольку я еду на казённый счёт, то разницу, четыреста десять, мог бы спокойно положить себе в карман — отчёта не требуется. Ну, ладно, полтинник у меня ушёл на номер в мотеле, но это уж всегда так. Научная конференция, понимаете? Я впервые участвую. Факультетские-то считают, ни к чему всё это, но времена меняются. Конечно, я обрадовался, что меня пригласили. Шутка ли, съедутся антропологи со всего мира! — Он назвал несколько фамилий, которые мне ничего не сказали. — У меня доклад по гаитянским кофейным девочкам.

— В каком смысле — кофейным? Они пьют кофе или выращивают?

— Ни то,³⁰⁸ ни другое. Они продавали его в Порт-о-Пренсе, вразнос, обходили домá по утрам. Это было в начале века.

Постепенно занимался рассвет.

— Многие считали, будто эти торговки кофе — зомби, — увлечённо продолжал мой пассажир. — Вы ведь знаете, что такое зомби? Ожившие мертвецы. Так, по-моему, тут нам надо повернуть.

— И что, они действительно были зомби?

Кажется, ему было приятно, что я заинтересовался.

— Собственно, в антропологии существует несколько точек зрения на феномен зомби. Видите ли, всё не так просто, как представлено в популярных работах вроде «Змеи и радуги». Для начала нужно определиться с терминологией: о чём идёт речь — о фольклорном поверье, о порошке, ввергающем человека в транс, подобный смерти, или же о ходячих мертвецах.

— Понятия не имею, — ответил я, целиком и полностью уверенный в том, что «Змея и радуга» — это какой-то фильм-ужастик.

— Разносчицы кофе были детьми, девочками пяти-десяти³⁰⁹ лет, они ходили в Порт-о-Пренсе от дома к дому и продавали кофейную смесь с цикорием. Как раз вот в такое время, как сейчас, до рассвета. Все они состояли под началом у одной старухи. Сейчас налево и до следующего поворота. А когда старуха умерла, девочки исчезли как не бывало. Так говорится в книгах.

— А вы какого мнения? — спросил я.

— Вот и моя машина, — произнёс он вместо ответа, с облегчением в голосе.

В самом деле, на обочине алела «хонда-аккорд», а за ней мигал фарами тягач, и рядом с ним покуривал водитель. Мы подъехали поближе, и не успел я притормозить возле тягача, как антрополог уже распахнул дверцу, схватил свой портфель и выскочил на шоссе.

— А я решил, жду ещё пять минут и уезжаю, — проворчал водитель тягача, небрежно кинув окурки в лужу битума. — Ладно, приехали, и спасибо. Так, мне нужна ваша кредитка и карточка «AAA»³¹⁰.

308 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

309 В оригинале «пяти — десяти» через тире вместо дефиса. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

310 «AAA» — Американская ассоциация автомобилистов, членская карточка которой даёт право на услуги по обслуживанию автомобилей. (прим. переводчика)

Мой пассажир сунул руку в карман и растерялся. Нервно обшарил все свои карманы, похлопал себя по бокам, потом сказал: «Бумажник!» Подбежал к моему автомобилю, открыл дверцу со стороны пассажирского сиденья, искал на сиденье, на полу (я включил ему свет). «Бумажник...» — потерянно повторил он совершенно убитым голосом.

— В мотеле он у вас был, — напомнил я ему, не выходя из машины. — Вы держали его в руках и постукивали им по стойке портье.

— Чёрт меня раздери. Срань Господня, — прошипел антрополог из христианского колледжа.

— Ну, что у вас ещё стряслось? — поинтересовался водитель тягача.

— Ничего, — отозвался мой пассажир. — Знаете, мы сделаем вот что. Съездите обратно в мотель. Я наверняка оставил бумажник прямо на стойке. Привезите его мне. А я пока поразвлекаю этого типа разговорами. Больше пяти минут у вас эта поездка не займет, — поспешно добавил он, увидев, какое у меня сделалось лицо. — Помните, люди возникают в нашей жизни не просто так.

Я пожал плечами. Вот невезуха, влип в чужую историю!

Пассажир захлопнул дверцу и знаками показал мне: «Давай езжай, молодчина!»

... Мне отчаянно хотелось бросить его на произвол судьбы и просто уехать, но было слишком поздно — я уже подкатывал к мотелю. Портье узнал меня и отдал бумажник. «Я заметил, что он валяется на стойке, буквально минуту спустя после вашего отъезда», — объяснил он.

Я раскрыл бумажник. Кредитные карточки на имя Джексона Андертона.

Обратная дорога заняла у меня с полчаса. За это время уже окончательно рассвело. Тягача на шоссе не было, заднее стекло красной «хонды» кто-то разбил вдребезги, и дверца со стороны водителя открыта нараспашку. Может, это другая машина, той же марки и цвета? Может, я спутал поворот? Но нет, вот окурки, брошенные водителем, втоптаные в асфальт. А это ещё что? Из канавы на меня разинул пасть раскрытый портфель. Пустой, а рядом кожаная папка. В ней я обнаружил машинописный доклад на пятнадцати страницах, бланк заказа на номер в отеле «Мариотт» в Новом Орлеане, опять же на имя Джексона Андертона, и,³¹¹ наконец,³¹² упаковку презервативов — три штуки, ребристые, для максимального удовольствия.

На титульном листе распечатки значился эпиграф:

Принято считать, что зомби — это труп без души, живой мертвец. Зомби — это человек, который умирает, но затем возвращается в жизнь.

Зора Н. Харстон³¹³. Скажи это моей лошади

311 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

312 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

313 Харстон Зора Нил (1891-1960) — известная американская писательница, яркая представительница афроамериканской литературы. Занималась также фольклористикой. Провела некоторое время на Гаити, изучая местный шаманизм и собирая карибский фольклор, который затем издала в антологии «Скажи это моей лошади» (1938). (прим. переводчика)

Я взял папку, портфель оставил в канаве и пустился в путь под жемчужным рассветным небом.

Да, люди возникают в нашей жизни не просто так, не без причины. Всё верно.

Покрутив настройку радио, я не нашёл ни одной станции, которая бы стабильно принимала сигнал, поэтому включил автоматический поиск, и приёмник скакал с волны на волну, шурша и потрескивая, перепрыгивая с религиозных песнопений на беседы о сексе, с библейских проповедей на песенки в стиле кантри, по три секунды на каждой станции, не больше.

... Лазарь, бесспорно, был мёртв, и Иисус вернул его к жизни, дабы показать нам, да, показать нам, что...

... «китайский дракон» — то есть я так её называю, эту позицию. Она классная. Фишка в том, чтобы в последний момент перевернуть партнёршу с живота на спину и спустить прямо ей в нос. Уржаться можно, до чего это смешно получается!

... Ты только, красотка, вернись домой, буду ждать с бутылкой и ружьём под рукой. Буду ждать в темноте тебя, тебя, красотка, красотка моя...

Когда Иисус сказал, что вы будете там, будете ли вы там? Никто из нас не знает, какой ему отпущен срок, так что будете ли вы там...

... президент подчеркнул, что инициатива исходит...

... каждое утро — это зёрна нового помола. Для меня, для тебя, для всех, потому что каждый день мы начинаем жизнь сызнова.

Вот так оно и продолжалось, волна накатывала за волной, потрескивание, шипение, музыка, слова, а я ехал себе и ехал весь день, катил себе по просёлкам. Просто ехал, куда глаза глядят.

К югу народ становится всё общительнее и разговорчивее. Зайдёшь в придорожную забегаловку, спросишь кофе, а тебе не просто его принесут — обязательно что-нибудь скажут, спросят, улыбнутся, кивнут.

Наступил вечер, и я сидел в кафе, на тарелке лежали жареная курятина, капуста и картошка, и официантка улыбалась мне. Еда казалась безвкусной, но, наверно, кафе тут ни при чём, это со мной что-то не то.

Я вежливо кивнул в ответ на улыбку, которую официантка поняла как просьбу долить мне кофе. Кофе горчил, и это мне понравилось. Не сама горечь — по крайней мере, хоть какой-то вкус разбираю.

— Вот смотрю я на вас и думаю, что вы наверняка профи в своём деле, — произнесла официантка. — Могу ли я узнать, кто вы по профессии?

Так и сказала, слово в слово.

— Разумеется,³¹⁴ можете, — ответил я.

Что-то на меня накатило, какая-то одержимость, я почувствовал, что заважничал, напыжился и выражаюсь не то как У. С. Филдс, не то как Чокнутый Профессор (толстый, а не в исполнении Джерри Льюиса, хотя вообще-то на самом деле для своего роста я тощий и мне не мешало бы поправиться на несколько фунтов).

— Собственно говоря, я... антрополог и направляюсь в Новый Орлеан на научную конференцию, где буду выступать с докладом, участвовать в дискуссиях и всячески тусоваться с коллегами.

— Я так и решила, что вы учёный, — откликнулась официантка. — Ну, или зубной врач. Вид у вас такой.

И снова улыбнулась. Я подумал: остаться, что ли, в этом городишке насовсем, каждый вечер и каждое утро ходить в эту забегаловку. Пить их горячий кофе, смотреть, как эта девушка улыбается мне, — и так, пока не закончатся деньги, не иссякнет кофе, до скончания века.

Я оставил ей щедрые чаевые и двинулся дальше на юго-запад.

2

«Язык докуда хочешь доведёт»

Ни в Новом Орлеане, ни в его окрестностях не нашлось ни единого свободного номера. Что вы хотите, джазовый фестиваль, всё занято. Спать в машине по такой погоде было бы слишком жарко, но, даже рискни я приоткрыть окно и всю ночь мучиться от жары, всё равно такая ночёвка небезопасна. Новый Орлеан — отличный город, чего не скажешь о многих городах, где я живал, однако спокойным и благополучным его никак не назовёшь.

Я потел, вонял, кожа зудела. Хотелось вымыться и поспать, отключиться от мира.

Вместо этого я тщетно колесил от одного убогого отельчика к другому, пока,³¹⁵ наконец,³¹⁶ не подкатил на парковку отеля «Мариотт» — я знал, что рано или поздно сдамся и так и поступлю. «Мариотт» на Канал-стрит. Я точно знал, что один номер у них есть, зарезервирован, и документ у меня был с собой, в кожаной папке.

— Мне нужен номер, — сказал я портье за стойкой.

Эта дама на меня даже взглянуть не пожелала.

314 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

315 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

316 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Свободных мест нет и не будет до вторника, — отрезала она, не поднимая глаз от клавиатуры.

Мне необходимо было побриться, вымыться, отдохнуть. Ну что такого страшного она мне скажет в худшем случае? «Вы уже заняли номер?»

— Видите ли, мне уже зарезервирован номер, от университета. На фамилию Андертон.

Тут она кивнула, пробежалась пальцами по клавиатуре и уточнила:

— Джексон Андертон?

Выдала мне ключ от номера, и я внёс часть оплаты. Потом она показала мне, где лифты.

Около лифта со мной заговорил смуглолицый коротышка — с ястребиным носом, волосы завязаны в хвост, на лице седая щетина.

— Вы Андертон из Хоупвелла³¹⁷? — уточнил он. — Мы с вами соседи. По публикациям в «Антропологических ересьях». — На нём была футболка с надписью: «Антропологам врут, а они всё равно делают своё дело».

— Правда? — вежливо переспросил я.

— Именно. Меня зовут Кэмпбелл Лак. Университет Норвуда и Стритема. Бывший политех Северного Кройдона³¹⁸, Англия. У меня доклад об исландских привидениях.

— Приятно познакомиться вживую. — Я пожал ему руку. — А по выговору не скажешь, что вы лондонец.

— Так я брамми³¹⁹. Из Бирмингема, — уточнил он. — Кстати, никогда раньше не встречал вас на подобных мероприятиях.

— Это мой первый выход в свет, — объяснил я.

— Тогда держитесь за меня, я вас возьму под крыло, — предложил он. — Помню, как сам впервые оказался на конференции, так у меня натурально поджилки тряслись, всё думал, как бы чего не сморозить. Сейчас к стенду, потом разбежимся по номерам, распакуемся, сполоснёмся. А потом... Со мной на самолёте летела целая куча детишек. Честное благородное. Одного тошнит, другой обгадился, и так по кругу. Ревели одновременно не меньше десятка сразу. Устал я.

317 Hopewell, Хоупуэлл — город на юго-востоке штата Вирджиния, у слияния рек Джеймс (James River) и Аппоматтокс (Appomattox River). 22,3 тыс. жителей в 2000 г.. Порт для судов типа «река-море». Химическая, текстильная промышленность. Производство синтетического корда для шин. Центр сельскохозяйственного района (табак, овощи). Основан в 1613 г. как Сити-Пойнт (City Point), в 1923 г. поглощён городом Хоупуэлл. Во время Гражданской войны (Civil War) — центр снабжения армии генерала У. Гранта (Ulysses S. Grant) в ходе осады Питерсберга 21 июня 1864 г. — 2 апреля 1865 г.. Плантация Аппоматтокс (Appomattox Manor Plantation) входит в состав Национального поля сражения за Питерсберг (Petersburg National Battlefield). Особняк Уэстон (Weston Manor, 1735 г.) служил штабом генерала Филипа Шеридана (Philip Henry Sheridan). На национальном кладбище Сити-Пойнт (City Point National Cemetery) похоронены несколько тысяч воинов с обеих сторон. Раскопки хоупвеллской культуры (Hopewell Culture), археологический музей фонда «Флауэрдрю Хандрид» (Flowerdrew Hundred Foundation Museum). Церковь «Надежда купца» (Merchants Hope Church, 1657 г.) — старейшая протестантская церковь в Америке. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

318 Croydon, Кройдон — бывший город в Великобритании, городской округ Большого Лондона. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

319 Brummie, брамми, брамми (разговорное британское) — уроженец или житель Бирмингема. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Мы подошли к стенду конференции, взяли наши значки и программы.

— Не забудьте записаться на прогулку с привидениями, — напомнила улыбающаяся дамочка у стенда. — Каждый вечер прогулка с привидениями, специальный тур по Новому Орлеану, набор в группу не больше пятнадцати человек, так что спешите записываться!

В номере я помылся, кое-как постирал одежду в ванне, развесил на просушку. Смены у меня не было.

Потом сел голым на кровать и принялся листать бумаги, обнаруженные в портфеле Андертона. Просмотрел его доклад, но не вчитывался — голова не работала. Однако в папке был не только доклад.

На обороте пятой страницы, на чистом листе, Андертон убористо, чётко написал вот что: «Будь мир идеален и совершенен, в нём можно было бы беспрепятственно трахаться, не тратя на это никаких эмоций. А каждый поцелуй или касание, наполненные эмоциями, заставляют тебя отдавать кусочек своего сердца — и отдавать безвозвратно. И так до тех пор, пока от тебя ничего не...» Дальше было неразборчиво — то ли «останется», то ли ещё какое слово.

Когда моя единственная смена одежды почти высохла, я натянул её на себя и спустился в бар отеля. Кэмпбелл уже поджидал меня, попивая джин с тоником. Ещё одна порция стояла на столе нетронутая. Кэмпбелл деловито размечал программку конференции — он обвёл кружочками номера всех докладов, которые собирался послушать.

— Правило номер один, — объяснил он, — посылайте на фиг все доклады до полудня, если только докладчик не вы, — и тут же показал, что мой доклад он подчеркнул, — значит, собирается послушать.

— Никогда раньше не выступал, — признался я. — На конференции.

— Плёвое дело, Джексон, — небрежно успокоил меня бирмингемец. — Полная фигня. Знаете, как я обхожусь?

— Нет.

— Просто зачитываю текст по бумажке. Потом отвечаю на вопросы — треплюсь. Но, заметьте себе, треплюсь активно, а не пассивно. Это самая лучшая часть — трепаться. Словом, говорю вам, плёвое дело.

— Знаете, вот с этим у меня как раз не очень, я имею в виду — м-м... с трепотнёй, — произнёс я. — Я слишком честен.

— Ну,³²⁰ тогда просто кивайте в ответ на каждый вопрос и с умным видом говорите: «О, это хороший вопрос, он касается тех аспектов, которые я вынужден был затронуть в докладе лишь поверхностно, будучи ограничен регламентом». Они и отлипнут. А если какой псих и пристанет, мол, у вас тут ошибочка вышла, тогда делаете так: напыживаетесь и говорите: дескать, важнее не то, во что легко поверить, а истина.

— И как, это срабатывает?

---

320 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— На все сто! Помню, несколько лет назад читал я доклад о происхождении религиозных сект в персидских войсках. В эти секты с равным успехом шли и индуисты, и мусульмане, потому что почитание богини Кали появилось позже. А началось всё со своего рода тайного манихейского общества³²¹...

— А, ты всё ещё несёшь эту чушь?

Это произнесла внезапно появившаяся возле нашего столика высокая бледная женщина с нещадно выбеленными волосами. Наряд её отличался какой-то агрессивностью, богемной небрежностью и к тому же был слишком тёплым, не по погоде. Я легко представил себе, как она едет на велосипеде — прогулочном, у которого спереди корзинка.

— Несу чушь? К твоему сведению, я, чёрт дери, пишу об этой «чуши» книгу! — воскликнул Кэмпбелл. — Ладно, вот что... Кто идёт со мной гулять по Французскому кварталу, попробовать новоорлеанские соблазны?

— Я пас, — без улыбки отказалась беловолосая. — Познакомь-ка меня со своим приятелем.

— Джексон Андертон из Хоупвеллского колледжа, — представился я.

— А-а, доклад по разносчицам кофе, девочкам-зомби? — Вот тут она заулыбалась. — Как же, видела в программе. Очень занятно. Ещё одна штука, которой мы обязаны Зоре Нил Харстон, да?

— Как и «Великому Гэтсби», — парировал я.

321 Манихейство, манихеизм — религиозное учение, возникшее на Ближнем Востоке в III веке и представлявшее собой синтез халдейско-вавилонских, персидских (Зороастризм, маздеизм, парсизм) и христианских мифов и ритуалов; обычно связывается с гностицизмом. Название происходит от имени его основателя — полубогиндарного Мани (около 216 г. — около 277 г.). Согласно преданию, он проповедовал своё учение в Персии, Средней Азии, Индии. Ему приписывают около 7 работ религиозно-этического содержания. Основное содержание манихеизма составило пессимистическое учение об изначальности зла. Полемизируя с христианством, манихейство учит, что зло — начало столь же самостоятельное, как и добро. Связывая зло с материей, а добро со светом как духом, Мани, однако, в отличие от неоплатонизма, не считал тьму или материю следствием угасания света; в манихействе царство тьмы как равное противостоит царству света. Мировая история — борьба света и тьмы, добра и зла, бога и дьявола. При нападении тьмы на свет часть света была полонена тьмой. Смысл последующей истории — в освобождении полонённого света. По манихеизму, человек двойствен: творение дьявола, он сотворён всё же по образцу небесного «светлого первочеловека» и включает в себе элементы света. Подвергаясь всюду гонениям, как противостоящее господствующим религиям, манихейство, однако, распространилось до Испании на Западе и Китая на Востоке. На Западе оно рассматривалось христианством как христианская ересь. В VIII веке оно стало господствующей религией в Уйгурском царстве; в VIII-IX веках преследовалось сторонниками ислама; в дальнейшем прекратило своё существование в качестве самостоятельной религии как в Европе, так и в Азии (в Китае окончательный запрет манихеизма относится к концу XIV века). Навеянные манихейством учения о дуализме добра и зла развивали в Европе павликиане, богомилы, катары, а на Востоке — персидские маздакиты. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— А разве Харстон была знакома со Фрэнсисом Скоттом Фитцджеральдом³²²? — удивилась беловолосая. — Вот не знала. Да, забываешь, что тогда нью-йоркский литературный круг был очень узок, все друг друга знали, а для гениев и расовые разграничения готовы были отменить.

— Отменить? — Кэмпбелл саркастически хмыкнул. — Зато ценой какой кровушки! Чтоб вы знали, Харстон умерла в нищете, работала уборщицей где-то во Флориде. И при жизни никто знать не знал, что она писательница, а уж про её совместную с Фитцджеральдом работу над «Гэтсби» и подавно. Что ты, Маргарет! Это такая история — плакать впору.

— Но потомки не забудут её вклада и её судьбы, — чётко сказала Маргарет и пошла прочь.

— Когда вырасту, хочу стать как она, — пошутил Кэмпбелл, глядя вслед высокой фигуре в богемном балахоне.

— Почему? — не понял я.

Он перевёл взгляд на меня и ответил:

322 Francis Scott Key Fitzgerald, Фрэнсис Скотт Ки Фитцджеральд (родился 24.09.1896 г., Сент-Пол, штат Миннесота, — умер 21.12.1940 г., Голливуд) — выдающийся писатель первой половины XX века. В 1913-17 гг. учился в Принстонском университете. В его творчестве впервые очень точно отразились настроения «потерянного поколения» (Lost generation) молодых американцев 1920-х гг. — времени, названного им «эпохой джаза» (Jazz Age) — периода между WWI и Великой депрессией (Great Depression) 1930-х. Первый же его роман «This Side of Paradise» («По эту сторону рая», 1920 г.) принёс ему широкую известность, а прототип его героини — Зельда Сейр (Zelda Sayre) стала вскоре его женой (см. 323). Жизнь семьи Фитцджеральдов, блестящая, но неприкаянная и полная разрушительных излишеств, легла в основу романа «The Beautiful and Damned» («Прекрасные, но обречённые», 1922 г.). Первый сборник новелл «Flappers and Philosophers» («Эмансипированные и глубокомысленные», 1920 г.) пользовался успехом. Сборник «Tales of the Jazz Age» («Сказки века джаза», 1922 г.) критика и читатели оценили как слабый и неудачный. Первый по-настоящему значительный роман Фитцджеральда — «The Great Gatsby» («Великий Гэтсби», 1925 г., рус. пер. 1965 г.), в котором образ заглавного героя, воплощающего в себе крушение «американской мечты», стал символом «потерянного поколения». Внешне вульгарный нувориш Гэтсби одновременно мечтатель-романтик, трагически одинокий среди окружающих его корыстных и аморальных людей, в числе которых и любимая им Дэйзи. Трагедия Гэтсби в том, что его романтические иллюзии связаны с т. н. «американской мечтой», подчинённой идее материального преуспевания. Вслед за романом вышел сборник рассказов «All the Sad Young Men» («Все эти печальные молодые люди», 1926 г.). «Век джаза» кончился для писателя и для Америки почти одновременно. В конце 1929 г. страна вступила в период Великой депрессии, а писатель пережил личную трагедию: его жена оказалась в психиатрической больнице. Необходимость оплачивать её лечение вынуждала Фитцджеральда публиковать в популярных журналах большое количество рассказов, часто очень невысокого художественного уровня. Эта изматывающая гонка чуть не привела его самого к срыву в середине 1930-х годов. Неожиданным результатом семейной трагедии писателя стал его следующий — возможно, самый лучший — роман «Tender Is the Night» («Ночь нежна», 1934 г., рус. пер. 1971 г.), описывающий историю разрушительной любви героя к прекрасной, богатой, но душевнобольной женщине. В нём писатель рассказывает о постепенной деградации талантливого врача-психиатра, прекрасногодушного идеалиста Дика Дайвера. В отличие от более цельного Гэтсби, Дик становится на путь компромиссов — женится на дочери миллионера и впустую растрчивает силы, приняв моральные нормы и образ жизни её среды. Сатирические тенденции, характерные для «Великого Гэтсби», здесь выявляются ещё сильнее. С 1935 г. несколько лет он работает рядовым сценаристом «Фабрики грёз», в Голливуде (Hollywood) и лишь незадолго до смерти получил, наконец, возможность расплатиться с долгами и обеспечить лечение жены (госпитализированная ещё в 1930 г., она пережила мужа, скончавшегося от сердечного приступа, и погибла в психиатрической лечебнице в результате пожара). Во 2-й половине 1930-х гг. Фитцджеральд пережил духовный кризис, с безжалостной трезвостью проанализированный им в статье-исповеди «Крах» (опубликована в 1946 г.). Голливуд же стал местом действия его романа «The Last Tycoon» («Последний магнат», 1941 г., рус. пер. 1977 г.), работа над которым была прервана скоростной смертью писателя. После его смерти были опубликованы главы этого незаконченного романа, где описаны быт и нравы Голливуда 1930-х гг.. Глубокий психолог и острый критик общественных отношений, мастер прозы, Фитцджеральд обрёл новую популярность с середины 1950-х гг.. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Всё дело в том, как относиться. Вы правы. Кто-то из нас пишет бестселлеры, а кто-то их читает. Кто-то получает премии, а кто-то нет. Но важнее всего оставаться человеком, так ведь? Важнее всего, насколько ты хороший человек. И ещё важно быть живым.

Кэмпбелл похлопал меня по плечу.

— Ну, пошли. Сегодня покажу вам интересный антропологический феномен, о котором читал в Интернете. Такого вы у себя, в своей кентуккийской глухомани, не увидите. А именно — женщин, которые в обычных обстоятельствах не покажут свои титки даже за тысячу баксов, а тут с радостью вывалят всё добро наружу перед толпой, и всё за дешёвенькие пластмассовые бусы.

— Бусы — это какое-то универсальное средство в торговле, — заметил я.

— Да, и об этом, чёрт дери, тоже есть доклад. Ну всё, пошли. Пили когда-нибудь коктейль с желе?

— Нет.

— И я тоже. Но это будет омерзительно. Так что идёмте, попробуем.

Мы расплатились за выпивку, и мне пришлось напомнить Кэмпбеллу, чтобы оставил на чай.

— Кстати, насчёт Фитцджеральда³²³, — спохватился я. — Как звали его жену?

— Зельда, а что?

— Да ничего, проехали.

Зельда, Зора. Какая разница.

Мы вышли из отеля.

---

323 Зельда Фитцджеральд (1900-1948), в девичестве Зельда Сейер, — жена американского писателя Фрэнсиса Скотта Фитцджеральда (1896-1940). Супруги печально прославились скандальными выходками и разгульным образом жизни. История их отношений, алкоголизма писателя и шизофрении его жены отчасти легла в основу романа Фитцджеральда «Ночь нежна». Госпитализированная в 1930 г., Зельда пережила мужа, скончавшегося от сердечного приступа, и погибла в психиатрической лечебнице в результате пожара. (прим. переводчика) — детальнее см. 322 (прим. ред. Alex.Rus.UA)

3

«Ничто, как и нечто, происходит повсеместно»

В полночь или около того мы с бирмингемцем-антропологом³²⁴ очутились в баре на Бурбон-стрит³²⁵, и Кэмпбелл начал угощать выпивкой — крепкой, не ерундой, потому что коктейлей с желе тут не подавали, — двух темноволосых женщин, расположившихся у стойки бара. Они были похожи как две капли воды — может, сёстры. В тёмных волосах одной выделялась красная ленточка, у другой — белая. Таких бы охотно написал Гоген, но он, будьте уверены, написал бы их гологрудыми и уж точно без серебряных серёжек, изображавших крошечные мышьиные черепá. Сёстры оказались смешливы и всё время хохотали.

Как-то, глянув за окно, мы увидели проходившую мимо группу наших — целая компания с конференции, под предводительством гида с чёрным зонтиком. Я указал на них Кэмпбеллу.

Алая Ленточка сказала:

— А-а, так они на экскурсию пошли, на прогулку с привидениями. Призраков ищут. Так и подмывает им сказать: «Идиоты, да тут везде сплошь призраки и покойники. Только они тут и живут. Это живых здесь днём с огнём не найдёшь».

— Ты что же, всерьёз утверждаешь, будто туристы живые? — с издёвкой спросила у неё сестра.

— Приезжают ещё живые, — ответила Алая, и обе покатались со смеху.

Белая Ленточка смеялась над каждым словом Кэмпбелла. Она подначивала его: «Ну скажи „чёрт“, ну скажи!», и он слушался, а она передразнивала его выговор: «Че-орт, че-орт!», а он отвечал: «Да не че-орт, а „чёрт“», но Белая Ленточка не разбирала разницы, и они начинали по новой, и она опять хохотала.

Выпив не то три, не то четыре порции, он взял её за руку и повёл в другой конец бара — там было потемнее и посвободнее, и какая-то парочка уже не столько танцевала, сколько тёрлась друг о друга.

Я остался сидеть где сидел, рядом с Алой Ленточкой.

— Значит, вы тоже из фирмы звукозаписи? — спросила она.

Я кивнул, потому что именно это им и соврал Кэмпбелл при знакомстве.

— С душой воротит объяснять, что я учёный, хрен печёный, — объяснил он мне, когда сёстры отлучились в туалет. И соврал Алой и Белой, будто именно он открыл миру группу «Оазис».

— А вы? Чем вы занимаетесь? — спросил я у Алой.

324 В оригинале «бирмингемцем антропологом» раздельно, без дефиса. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

325 См. 395. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Я жрица Сантерии³²⁶, — ответила она. — У меня это в крови. Папаша бразилец был, а мамаша — ирландка с примесью чероки. В Бразилии с этим делом свободно, спишь с кем хочешь, и детки там что надо, такие коричневые младенчики. И в кого ни ткни, у всех в жилах крови чернокожих рабов хоть капелька, да есть, и индейской тоже, а у папаши моего ещё и японцы примазались. Дядюшка мой, папашин брат, тот вообще вылитый японец. А папаша у меня красавец, да. Многие думают, что Сантерия — это у меня от него, но на самом деле от бабушки, говорят, она была индианка-чероки. Я фотки-то наши старые глядела, по-моему, она нечистокровная индианка была, ну да всё одно. А когда мне три годика было, я с покойниками запросто разговаривала — вот как с вами. А в пять как-то увидела, что мимо одного мужика на улице пробежала чёрная собака, громадная такая псина, с мотоцикл будет. Никто, кроме меня, её не видал. Я мамаше сказала, а она бабушке, а та и говорит: «Надо её учить, надо, чтоб она всё это знала». И нашлось кому учить, хоть я и малявка совсем была. А покойников я никогда не боялась. Знаете что, они ведь мирные, обижать вас не будут. Тут, в Орлеане, много опасного, но только не покойники. Вот **живых бояться надо, они опасны.**

Я пожал плечами.

— Тут все местные со всеми спят, кто ни попадя. Знаете, мы это делаем, чтобы показать: **мы живы ещё покуда.**

Интересно, она мне что, намёки делает? Непохоже.

— Есть хотите? — вдруг спросила Алая Ленточка.

— Не отказался бы.

— Я знаю одно местечко, где варят лучший гумбо³²⁷ во всём Орлеане. Как вы насчёт этого?

— Мне говорили, тут лучше не разгуливать по ночам, — заметил я в ответ.

— Верно, но вы же не один, а со мной. Со мной-то вы в безопасности, — заявила Алая.

Мы вышли на улицу. Там творилось именно то, о чём предупреждал меня Кэмпбелл: студентки то и дело выставляли напоказ голую грудь, а толпа швыряла им пластмассовые бусы, едва завидев сосок. Как на самом деле зовут Алую, я уже забыл, хотя при знакомстве она вроде назвала себя.

326 Сантерия — синкретический религиозный культ карибского происхождения; среди его неотъемлемых составляющих — женщины-жрицы, воплощающие божества, например, мать моря; а также массовые радения, ставящие целью достижение транса. Яркое описание такого радения можно найти в романе Умберто Эко «Маятник Фуко». (прим. переводчика)

327 Gumbo, гумбо, гомбо (креольское в Луизиане и карибское изречение французского происхождения) — стручки бамии, окры (hibiscis esculentus), также густой суп (похлёбка) из стручков бамии, окры (блюдо южных штатов) с мясом, курицей, крабами, томатами, креветками и устрицами, сдобренный специями и травами (базилик, кайенский перец, etc). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Раньше, бывало, такое устраивали только на Марди-Гра³²⁸, на карнавале, — сказала она. — А теперь туристы,³²⁹ когда ни приедут, ожидают такого, вот и получается, что ихние женщины сами и красуются. А местным плевать. Да, захотите отлить, скажите мне, — вдруг добавила она.

— Ладно. А зачем?

— А затем, что тут если туристов и грабят, так именно из-за этого. Зайдёт один такой отлить в тёмный переулок, ну хоть в Пиратский, а час спустя очнётся — денежки тютю и на голове шишка.

— Буду иметь в виду, — откликнулся я.

Мы как раз миновали тёмный переулок, в котором клубился туман.

— Туда не ходите, — сказала Алая.

Наконец мы добрались до цели. Это оказалась обычная забегаловка, телевизор над баром показывал «Вечернее шоу» без звука, но с субтитрами, которые, впрочем, то и дело рябили. Усевшись за стол, мы заказали себе по порции гумбо.

Честно скажу, от лучшего гумбо на весь Новый Орлеан я ожидал большего. Похлёбка оказалась безвкусной, но я всё равно съел её до последней ложки, понимая, что питаться-то надо и что я весь день проболтался с пустым желудком.

Тут в бар вошли трое — один бочком, другой — опираясь на костыль, а третий — едва волоча ноги. Первый был одет как гробовщик Викторианской эпохи, у него даже чёрный цилиндр имелся. Но при этом в длинной бороде поблескивали вплетённые серебряные бусины, волосы свисали длинными сальными прядями, а лицо у него белело, как рыбье брюхо. Хромой был весь как ступок тьмы — в длинной чёрной кожанке поверх чёрной же одежды и к тому же темнокожий. Третий, шаркая ногами, топтался в дверях, так что я даже лица его толком рассмотреть не мог, и какой он расы, мне было отсюда не разобрать; я только видел, что кожа у него грязно-серая, а невымытые волосы свисают на лицо. От одного его вида у меня мурашки по спине побежали.

Первые двое подошли к нашему столику, и меня окатило волной страха, но они меня даже не заметили — смотрели лишь на Алую Ленточку. Оба поцеловали её в щёку, спрашивали о каких-то общих знакомых, которых будто бы не нашли, о том, кто, что и почему проделал в каком питейном заведении. Больше всего эта парочка напоминала мне хромого лису и слепого кота из «Пиноккио».

— А что случилось с твоей красоткой-подружкой? — спросила Алая у чернокожего.

Он нехорошо усмехнулся:

328 В оригинале «Мар ди Грас», т. е. ещё и первое слово английское, хотя явно подразумевается Mardi Gras, Марди-Гра (с французского mardi gras дословно «последний день карнавала», но в значении собственном «Вторник на масленной неделе») — праздник в Новом Орлеане и других городах Луизианы, с красочным карнавалом, балами и парадами с участием ряженных и джаз-оркестров, которые проходят по центральным улицам города, в том числе по Vieux Carre (Французскому кварталу) и Canal Street (Канал-Стрит), привлекая тысячи туристов. Марди-Гра стал своеобразным символом Нового Орлеана. Традицию отмечать этот праздник ввели французские поселенцы. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

329 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Она положила на могилу моей семьи беличий хвост.

Алая поджала губы:

— Ну, тогда с ней лучше расстаться.

— А я о чём, — отозвался чернокожий.

Тем временем я глянул на третьего, всё так же топтавшегося у порога, того, что напугал меня больше всех. Даже губы у него и те были бескровные, серые, а сам тощий, грязный — торчок торчком. Глаза в пол, сам почти и не шевелится. Знать бы, что связывает эту троицу — лису, кота и призрака.

Похожий на гробовщика галантно поднёс руку Алой к губам, поклонился ей, шутовски отсалютовал мне — и троица исчезла.

— Друзья твои, что ли? — спросил я у Алой.

— Скверные люди, ой, скверные, — ответила она. — Макамба³³⁰. Никому они не друзья.

— А что с тем третьим, который в дверях топтался? Больной какой-то.

Алая помедлила, потом качнула головой:

— Не то чтобы больной. Я тебе потом скажу, когда созреешь.

— Нет уж, ты скажи сейчас.

На телеэкране ведущий, Джей Лено, беседовал с тощей блондинкой, титры всё так же рябили и мельтешили, вместо букв выскакивали цифры, читать было трудно. Ведущий взял со стола куколку, задрал ей юбочку, будто проверяя, на месте ли все причиндалы. Мелькнул субтитр «Смех в зале».

Алая доела похлёбку, облизала ложку своим красным-красным язычком и положила её в тарелку.

— В Новый Орлеан молодняк-то приезжает — толпами. Кто Энн Райс начитается, думает тут выучиться на вурдалака. Кто от родительских колотушек бежит, а кто со скуки сюда тянется. Одно слово, что котятки бездомные, которые по канавам живут. Кстати, слышал, что в Новом Орлеане нашли какую-то новую породу кошек — в канализации живёт?

— Впервые слышу.

«Смех в зале», — мелькнул субтитр, но ведущий ухмылялся,³³¹ как ни в чём не бывало, и пошла реклама автомобилей.

— Он был такой же, как все они, уличные эти, разве что где переночевать у него было. Хороший парень. Приехал из Анджелеса сюда автостопом. Всего-то и хотел, чтоб от него отстали, и ничего ему не надо было — только травку покуривать да «Дорз» слушать, ну и ещё чёрную магию изучать и читать полное собрание Алистера Кроули, от корки до корки. И ещё чтобы ему отсасывали, а кто — не важно. Приехал, глаза горят, хвост пистолетом.

— Постой-ка, — отвлёкся я. — Да ведь там Кэмпбелл! Только что прошёл вон там, на улице.

330 Масумба (иногда читается «макамба», но правильно «макумба», т. к. термин португальского происхождения) — религиозный культ большинства чернокожих Бразилии (колдовские ритуалы, танцы, фетиши), комбинирующий элементы Христианства и вуду, а также сам обряд и член культа. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

331 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Кэмпбелл?

— Мой приятель.

— А, это который музыкальный продюсер? — с улыбкой произнесла она, и я понял: она всё знает, сразу просекла, что он врёт, знает, кто он на самом деле.

Я бросил на стол двадцатку, ещё десятку, и мы вышли на улицу — догнать Кэмпбелла, но он уже исчез.

— А я-то думал, он с твоей сестрой, — сказал я Алой.

— Нету у меня сестры, — ответила она. — Нет. Одна я. Одна.

За углом мы внезапно попали в шумную толпу туристов, накатившую на нас, как волна на берег, и так же быстро схлынувшую. Улица опустела, осталось лишь несколько прохожих. Над сточной канавой блевала какая-то девушка, рядом нервно топтался юноша с её сумочкой и пластиковым стаканчиком с остатками спиртного.

Алая Ленточка пропала. Жаль, я не запомнил её имени — и даже название бара, где мы встретились, не запомнил.

Вообще-то я хотел уехать этой ночью, сесть на поезд до Хьюстона, а оттуда махнуть в Мехико, но я слишком устал и подвыпил, так что передумал и вернулся в номер. Настало утро, и я проснулся всё в том же отеле «Мариотт». Вчерашняя одежда пахла плесенью и духами.

Я натянул футболку и брюки, спустился в отельный магазинчик, где продавались сувениры, лекарства, разная мелочёвка, купил пару футболок и шорты. Заметил беловолосую — ту, которой пошёл бы велосипед. Она покупала «алказельцер»³³².

— А ваш доклад перенесли, — сказала она мне. — Через двадцать минут начало. В Одюбон³³³-холле. Кстати, вам не мешало бы перед этим почистить зубы. Друзья-то постесняются вам об этом сказать, а я вас не знаю, и стесняться мне нечего, мистер Андертон, так что не благодарите.

Я прибавил к своим покупкам складную зубную щётку и тюбик пасты. «Многовато добра набирается», — недовольно подумал я. Мне казалось, что нужно избавляться от вещей, путешествовать налегке, прозрачным, невидимым.

332 В оригинале «алка-зельцер» через дефис. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

333 John James Audubon, Джон Джеймс Одюбон (1785-1851 гг.) — американский художник-самоучка, натуралист-орнитолог, охотник, издатель. Уроженец острова Санто-Доминго (Гаити), в США с 1803 г.. Провёл много лет в отдалённых уголках Северной Америки. Изучал и рисовал убитых им на охоте птиц. Учился рисованию у Ж. А. Давида (Париж, 1795-98 гг.). Итогом многолетнего изучения птиц Северной Америки стала обширная серия изображений птиц. Выполненные маслом и акварелью, рисунки Одюбона, сохраняя научную достоверность, отличались экспрессией, изяществом силуэта и цвета; в сопровождении увлекательного текста изданы в виде роскошных фолиантов. Прославили его «The Birds of America» («Птицы Америки», т. 1-4, Лондон, 1827-39 гг.; 2 издания, Нью-Йорк, 1839-44 гг. и 1863 г.; 448 таблиц с 1065 рисунками) и около 400 гравюр и комментарии к ним «Ornithological Biography» (т. н. «Орнитологическая биография» в 5 томах; 1831-39 гг.), написанные в соавторстве с шотландским натуралистом У. Макгиливреем (William MacGillivray). После достижения успеха начал работать над книгой о млекопитающих «The Viviparous Quadrupeds of North America» («Живородящие четвероногие Северной Америки»). В 1900 г. избран в Галерею славы (Hall of Fame), великолепные рисунки и живопись Одюбона считаются предметом национальной гордости американцев. В его честь названо Национальное общество Одюбона (National Audubon Society). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Вернувшись в номер, я почистил зубы, переменял футболку на свежую — с эмблемой местного джазового фестиваля. А затем — то ли потому, что у меня не было выбора и так сложились обстоятельства, то ли потому, что я был обречён давать советы, совещаться и разговаривать по душам, то ли потому, что был уверен: Кэмпбелл появится в зале, а мне хотелось с ним проститься перед отъездом, — так или иначе, я взял доклад и спустился в Одюбон-холл. Там меня поджидало человек пятнадцать слушателей, но Кэмпбелл отсутствовал.

Бояться я не боялся, поздоровался со всеми и положил перед собой первую страницу.

Доклад Андертона начинался с ещё одной цитаты из Зоры Нил Харстон:

«Говорят о Больших Зомби, которые приходят в ночи, чтобы чинить зло. Говорят и о маленьких девочка-зомби, которых хозяева посылают затемно, до рассвета, продавать фунтиками жареный кофе. Ранним утром, когда ещё не взошло солнце, из тёмных переулков доносятся их выкрики: „Жареный кофе, кому жареный кофе“, но увидеть их просто так нельзя, пока не позовёшь, чтобы подошли со своим товаром. Тогда маленькая покойница выступает из темноты, делается видимой и поднимается на твоё крыльцо».

Далее шёл собственно доклад Андертона, в котором он обильно цитировал современников Харстон и приводил несколько отрывков из давних чужих интервью, взятых у старых гаитян, — доклад, насколько я мог заметить, довольно-таки хаотично перескакивал с одного на другое, сплетая гипотезы воедино и пытаясь представить их как факты.

Примерно на середине доклада в помещение вошла беловолосая Маргарет и уставилась на меня в упор. Она знает, что я не Андертон, понял я. Знает. Но всё равно продолжал читать. А что ещё оставалось делать? Закончив, я предложил аудитории задавать вопросы.

Кто-то спросил, какими методами исследования пользовалась Зора Нил Харстон. Я ответил: «Хороший вопрос. Он касается тех аспектов, которые я вынужден был затронуть в докладе лишь поверхностно, будучи ограничен регламентом; подробнее я разверну эту тему в окончательном варианте работы». Потом какая-то низенькая пухленькая женщина пустилась в возражения — мол, девочки-зомби не могли существовать: порошки и другие наркотические зелья, повергавшие человека в транс, подобный смерти, существовали, но действие их всё равно держалось в основном на внушении — человек, которому давали зелье, верил, что теперь он один из мёртвых и лишён собственной воли. «А как, скажите на милость, — спросила она, — внушить такую мысль ребёнку четырёх-пяти лет? Это невозможно. Маленькие разносчицы кофе были не зомби, там работал другой фокус, индейский, с верёвкой, — тоже одна из древних городских легенд».

Внутренне я согласился с ней, но кивнул и сказал:

— Ваши аргументы прекрасно выстроены, и мне они по душе, но с моей точки зрения, — а я надеюсь, что она верна духу антропологии, — важнее не то, во что легко поверить, но истина.

Мне похлопали, после чего какой-то бородач спросил, не буду ли я так любезен дать ему экземпляр статьи для публикации в журнале, который он выпускает. Я даже порадовался, что поехал в Новый Орлеан, — по всему выходило, что, хотя Андертон на конференцию и не попал, карьере его это не повредило.

У дверей моего номера меня караулила та самая пухленькая женщина — на значке у её стояло «Шанель Могил-Граф».

— Мне так понравилось! — воскликнула она. — Пожалуйста, не думайте, будто, раз я возражала, мне не понравилось.

Кэмпбелл не явился даже к собственному докладу. Больше его так никто и не видел.

Беловолосая Маргарет познакомила меня с каким-то ньюйоркцем и заметила, что Зора Нил Харстон участвовала в работе над «Великим Гэтсби». «Да, — отозвался мой новый знакомый, — сейчас это уже всем известно». Мне на миг стало интересно, сообщила ли Маргарет в полицию о моём самозванстве, но она держалась вполне дружелюбно. Тут я осознал, что просто паникую по пустякам. И пожалел, что выбросил свой мобильник.

Мы с Шанель Могил-Граф поужинали вдвоём в ресторане при отеле, и ещё в самом начале ужина я предложил:

— Только давайте воздержимся от разговоров на профессиональные темы.

Она охотно согласилась:

— Да, такие разговоры за столом ведут только зануды.

И мы принялись перебирать разные рок-группы, на концертах которых бывали, потом поговорили о методах бальзамирования, посплетничали о её партнёрше — женщине постарше, владелице ресторана, а потом поднялись ко мне в номер. От неё исходил запах детской присыпки и жасмина, её обнажённая кожа липла к моей.

За последовавшие часы я успел израсходовать два презерватива из трёх. Когда я вернулся из ванной, она спала. Я лёг рядом с ней. Подумал о том, что Андертон написёл на обороте шестой страницы доклада; хотел было посмотреть, чтобы проверить, точно ли их запомнил, но уснул, и ко мне тесно прижималась мягкая, надушенная жасмином женщина.

Проснулся я за полночь — от сна, в котором женский голос шептал мне на ухо в темноте, и шептал вот что:

«Так вот, приехал он в город, с запасом книжек Кроули и записей „Дорз“, и ещё при нём была бумажка — от руки написанный список паролей к разным сайтам по чёрной магии. И всё было хорошо. У него даже образовалось несколько адептов, таких же, как он, которые из дому сбежали. И желающие отсосать находились всегда, так что всё было хорошо.

А потом он начал верить во всё, что говорил, потому что адепты смотрели ему в рот. Он вообразил себя крутым. Возомнил о себе. Решил, будто он грозный взрослый тигр, а не крошка-котёнок. И он откопал... откопал кое-что, что было нужно кое-кому другому.

Он-то решил, будто его открытие придаст ему силы. Глупый сопляк. И вот настает та ночь, и он сидит на Джексон-сквер, беседует с гадалщиками по Таро, разглагольствует перед ними о Джиме Моррисоне и каббале, и тут кто-то хлоп его по спине. Он обернулся, и этот кто-то швырнул ему в лицо щепотку порошка, а он возьми да и вдохни.

Вдохнул, хотя и не всё. Хотел что-нибудь предпринять и тут понял: он бессилен, его парализовало. В порошке рыба фугу, и жабья кожа, и толчёная кость, и много чего ещё, а он такое вдохнул — и теперь ему не шелохнуться.

Вызвали „скорую“, свезли его в больницу, ну, особо там возиться не стали, решили — ещё один уличный торчок. А на другой день его отпустило, он уже мог пошевелиться, но вот заговорить смог только дня через два, через три.

Беда в том, что он захотел ещё. Почуял, что без этого ему немоготу. Что в зомбирующем порошке кроется какая-то тайна и он уже почти до неё докопался. Кое-кто говорил ему, будто мешает с этой штукой героин, а кто-то — будто принимает как есть, в чистом виде, на кишку, но ему и растолковывать ничего не надо было. Он хотел ещё.

А ему в ответ — нет, не продадим. За деньги продать не соглашались, а вот если службу сослужит, тогда да, ему давали щепотку-другую — этот порошок можно и курить, и нюхать, и в дёсны втирать. Чего ему только ни поручали, всякую пакость, за которую никто и не брался. Бывало, что и просто унижали его для развлечения, он ведь ради порошка на всё был готов — скажут собачье дерьмо жрать, он и послушается. Может, он даже и убивать соглашался. На что угодно шёл, лишь бы не помереть. От него одна кожа да кости остались. Говорю, на что угодно был готов, лишь бы ещё щепотку зомби-порошка получить.

У него почти ничего и в голове-то не осталось, и всё равно этой чуточкой мозгов он думает, будто он вовсе и не зомби. Думает, будто он не мёртв, будто не перешагнул ещё порог. А на самом деле давно уже перешагнул».

Я протянул в темноте руку и коснулся её. Тело рядом со мной было упругим, поджарым и крепким, а груди на ощупь были как нарисованные Гогеном. И губы её, в темноте слившиеся с моими, были мягкими и тёплыми.

Люди появляются в нашей жизни не просто так.

4

**«Надо, чтобы они знали, кто мы,
надо известить их, что мы здесь»**

Я проснулся затемно. В комнате стояла тишина. Я зажжёт свет, глянул на подушку — нет ли там ленточки, белой или алой, или, может, серебряной серёжки в виде мышиноного черепа, но подушка была даже не смята, словно я провёл эту ночь один.

Встав, я раздвинул шторы, посмотрел за окно. Небо на востоке начинало светлеть, вернее, сереть.

Я подумал: не двинуться ли дальше на юг, не продолжить ли моё бегство, моё притворство, **будто я всё ещё жив.**

Но я знал: уже слишком поздно. В конце концов, есть дв́ери между миром живых и миром мёртвых, и они открываются в обе стóроны.

Я зашёл далеко — насколько сумел.

В дверь тихонько постучали. Я натянул брюки и футболку — те, в которых пустился в дорогу, и, босой, отпёр дверь.

За порогом меня поджидала маленькая разносчица кофе.

Там, за дверью, всё источало свет — всепроникающее чудесное предрассветное сияние, и я услышал утреннюю переключку птиц. Улица располагалась на холме, и соседние домишки были просто-напросто хибарками. По земле стелился предрассветный туман, вился, как нечто из старых чёрно-белых фильмов, но к полудню он растает.

Девочке, худенькой и маленькой, на вид нельзя было дать больше шести. Глаза́ её затягивала какая-то плёнка, наверно, катаракта, а кожа, такая коричневая когда-то, теперь серела. Девочка бережно протягивала мне чашку кофе — отельную белую чашку, одной рукой держа её за ручку, другой — под донце блюдца. Чашку наполовину заполняла дымящаяся жидкость цвета грязи.

Я наклонился взять чашку и отпил глоток. Напиток сильно горчиал и обжигал, и я проснулся окончательно.

— Спасибо, — произнёс я.

Кто-то откуда-то звал меня по имени. Девочка терпеливо ждала, пока я допью кофе. Я поставил пустую чашку прямо на ковёр, потóм протянул руку и коснулся хрупкого плеча. Она тоже протянула руку, растопырив серые пальчики, и вложила её в мою. Она знала, что я с ней. И куда бы мы теперь ни направились, мы пойдём вместе.

Я припомнил слова́, которые когда-то слышал от кого-то.

— Всё хорошо. **Каждое утро — это зёрна нового помола,** — сказал я ей.

Выражение её серого личика не изменилось, но маленькая разносчица кофе кивнула, будто услышала меня, и нетерпеливо потянула меня за руку. Её холодные-холодные пальчики крепко вцепились в мои, и,³³⁴ наконец,³³⁵ мы вместе зашагали туда, где в тумане начинался рассвет.

2003 © Neil Gaiman

334 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

335 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Кэтрин Чик «Свои сиськи она заберёт в могилу»

Кэтрин Чик публиковала свои фантастические рассказы в журналах «Ideomancer», «Susurrus» и «Cat Tales», а также в антологиях «The Leonardo Variations» (антология писательской мастерской Клэрион, которую заканчивала Чик) и «Last Drink Bird Head» (благотворительная антология, доходы от которой пошли на повышение уровня грамотности среди населения). Когда Чик не пишет, она создаёт изделия из гутного стекла³³⁶ и заботится о двух своих детях и девяти домашних питомцах.

Идею этого рассказа она почерпнула из темы Всемирного конвента фэнтези 2007 года — «Привидения и выходцы с того света». Чик не знала, кто такие «выходцы с того света», поэтому залезла в словарь и выяснила, что это люди, вернувшиеся из мира мёртвых и устранивающие крупные неприятности живым. «Последнее меня заинтриговало, — говорит она. — Какие неприятности они могут причинить?»

Чик с сочувствием относится к героине своего рассказа — красотке, вернувшейся из мира мёртвых и обнаружившей, что её тело совсем не такое, каким было раньше. «Моё тело стареет с каждым днём, и я подозреваю, что однажды оно просто перестанет функционировать, — говорит Чик. — Жизнь — это заразная смертельная болезнь».

Мелани впервые в жизни воспользовалась автостопом — после того, как выбралась из могилы. Ещё неделя — и она бы уже не смогла флиртом проложить себе путь в кабину седана последней модели, рядом с водителем и удобным доступом к радио. Но у неё была великолепная фигура, южный калифорнийский загар и крашенные блондинистые волосы, которые запросто могли сойти за натуральные. Красивое тело в своё время обеспечило ей богатого мужа, и она удерживала своё положение жены очень долго — любую другую, менее удачливую женщину уже давно заменили бы.

Привлекательные лицо и фигура по-прежнему служили ей — бальзамировщики хорошо потрудились, чтобы сохранить её потрясающую внешность. А средних лет хиропрактик, подвозивший её с кладбища, с радостью довёз бы её через весь город к дому, в котором она жила со своим мужем Брэнденом, да только Мелани решила сначала навеститься в квартиру к Ларри.

336 Гутное стекло (от «гута», через польское huta от немецкого Hütte — стеклоплавильный завод или мастерская, помещение со стеклоплавильной печью) — стеклянные изделия, изготавливаемые посредством свободного дутья (без применения форм). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Больше всего на свете она хотела отыскать человека, поднявшего её из мёртвых.

Несколько человек заметили её, когда она шагала от стоянки к дому Ларри, и рассматривали довольно пристально, но Мелани не обратила на них внимания. Здесь, в Лос-Анджелесе³³⁷, стране Барби, её часто принимали за актрису или модель.

Лестница, ведущая к квартире Ларри, кажется бесконечной, если у тебя каблук высотой четыре дюйма³³⁸. Мелани пригладила волосы, прокашлялась, прежде чем постучаться в дверь к Ларри, и почувствовала радостное возбуждение. Как он обрадуется, когда снова увидит её живой!

Но у Ларри отвисла челюсть. Он попытался закрыть рот, но тот снова распахнулся, а глаза вылезли из орбит. Он походил на рыбу, выброшенную на берег.

— Что ты здесь делаешь? — спросил,³³⁹ наконец,³⁴⁰ Ларри. — Я думал, ты умерла.

— Умерла. — Она раздражённо оттолкнула его и вошла в квартиру, нарочно не сняв своих туфель и не поставив их в ряд к его пяти парам обуви. На белом ковре осталась дорожка могильной грязи. — И не собираюсь благодарить тебя за то, что ты поднял меня из мёртвых, если меня ждёт вот такой приём.

Чтобы пройти два фута от ковра до двери, Ларри надел мокасины, но сейчас снова разулся. Его льняные брюки были подвёрнуты, но не измяты. Он аккуратно разгладил их и устроился на дальнем конце дивана.

— Зачем ты пришла сюда?

— Потому что ты меня поднял. — Мелани посмотрела на свои пальцы. К счастью, гроб ещё не успел заполниться грязью, но маникюр всё равно выглядел ужасно. — Что ты ведёшь себя как последний кретин? Это же я, малыш!

— Тебя что, убили? — спросил Ларри. — Поэтому ты теперь преследуешь живых?

— Никто меня не убивал, Ларри. Я делала самую обычную операцию по подтягиванию живота. Наверное, возникли какие-то осложнения.

— Если тебя никто не убивал, зачем ты меня преследуешь?

Мелани нахмурилась. Она с таким предвкушением ждала встречи с ним, ей льстило, что он настолько любит её и даже решил поднять из могилы, но... Похоже, он этого не делал. Раньше всё время клялся, что не может насытиться ею, а теперь барабанит по дивану пальцами в пятнах никотина (Мелани всегда злило, что у него в квартире воняет табаком) и то и дело посматривает на дверь. Почему она вообще спала с этим мужчиной?

Раньше, когда она ещё была жива, широкая грудь и голубые глаза перевешивали все его недостатки.

— Ты даже не предложишь мне выпить?

337 В оригинале «Лос-Анд-желесе», т. е. с лишним дефисом. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

338 В метрической системе это чуть более 10 см. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

339 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

340 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Ты хочешь выпить? — пробормотал он, словно и подумать не мог о том, чтобы налить бокал вина женщине, с которой четыре месяца имел любовную связь. — Ты хочешь выпить?

— Я хочу чего-нибудь.

— Э-э... у меня есть апельсиновый сок.

Он принёс сок из холодильника, старательно огляывая Мелани так, словно она была чокнутой старухой-нищенкой, а не богатой, молодой (во всяком случае, молодо выглядевшей) и красивой женщиной, которая, если как следует подумать, относилась к нему чересчур хорошо. Протянув ей стакан, он смотрел, как она пьёт, но не садился, а продолжал стоять с выжидающим видом, словно Мелани была аудитором или его дальней родственницей, в общем, кем-то неприятным, от кого он хотел как можно быстрее избавиться. Выпив сок, Мелани поняла, что неприязнь была взаимной.

Забавно. Впервые встретившись с ним, она думала, что Ларри как раз такой любовник, что будет развлекать её долгие годы; тайное удовольствие для тех дней, когда Брэндон допоздна задерживается на работе, и не такое уж тайное, когда Брэндон уезжает из города. А теперь, глотнув сока, поняла, что столь многообещающая любовная связь закончена.

Так внезапно, как... ну... как наступает смерть.

— Мне пора, — сказала Мелани, поставив стакан с остатками сока на кофейный столик, рядом с подносом. — Я опаздываю.

Ларри не засмеялся и не предложил отвезти её домой, и, только спустившись вниз по лестнице, она сообразила, что машины-то у неё и нет.

В этом городе проще обойтись без души, чем без машины. Мелани ощупала юбку в поисках ключей, которых там, конечно, не было — с ключами никого не хоронят, — и пробормотала несколько неподобающих леди слов. И с кошельком не хоронят, хотя кошелёк у неё был от «Прадо³⁴¹» и отлично сочетался с туфлями. И с деньгами не хоронят, и даже с билетом на автобус, несмотря на миф про реку Стикс.

В жизни своей она не проходила такого расстояния. Никто никогда не рассказывал ей, как трудно отыскать дорогу домой, если до сих пор ты пользовалась машиной. А теперь пришлось подниматься на эстакады над автострадами и пробираться по узким проходам позади торговых центров, что не доставило бы ей никакого удовольствия даже при жизни и в удобной обуви.

Мелани хотела снова проголосовать, но подумала, что не настроена ни с кем разговаривать. В конце концов, она только что порвала с любовником, и теперь ей необходимо побыть одной.

Но день для мая стоял очень тёплый, над горизонтом висела бурая пелена смога. Никто не выходил из машин, никто не шёл пешком, если мог без этого обойтись, а воздух бы так пропитан копотью, что сжёг бы ей лёгкие, если бы она всё ещё дышала. Мелани шла несколько часов, и в конце концов ей захотелось, чтобы её кто-нибудь подвёз — может быть, муж или подруга. Потом ей захотелось с кем-нибудь поговорить. И, может быть, выпить бокал мерло.

341 В оригинале «Прада», хотя не склоняется. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

К тому времени, как она, спотыкаясь, добрела до тротуара перед собственным домом, лак с волос начал осыпаться, кожа вокруг глаз немного размякла, и на неё всё время садились мухи, особенно на глаза и рот. Мелани попыталась отмахнуться от них, но что-то было не так с координацией движений, поэтому она просто поправила груди. Они оставались такими же упругими, как и раньше, но это и правильно, если учесть, что она заплатила за них больше, чем за свою первую машину. Её сестра Джессика издевалась над ней за напрасную трату денег, но у Джессики была точно такая же плоская грудь, какой была от рождения проклята Мелани, и она так и не смогла подцепить мужа.

Мелани расстегнула пуговку, ещё больше обнажив ложбинку между грудями, стоившую ей таких денег. Мужчины обожали её сиськи. Кто-то поднял её из мёртвых, чтобы снова ими полюбоваться.

Может быть, Брэндон. Её муж относился к тому типу людей, кто за деньги может сделать всё,³⁴² что угодно. Когда она снова его увидит, нужно будет сказать спасибо, но сейчас она устала, была раздражена и очень хотела выпить.

Мелани забарабанила в дверь, хотя Брэндона дома быть не могло. Может быть, её впустит экономка.

Раздался женский визг.

Мелани оглянулась. Маленькая блондинка в костюме грязно-песочного цвета, который мог бы сойти за «Шанель», если бы не был расставлен в швах так сильно, что целиком потерял форму. Она визжала, размахивая руками (и зажав в одной из них подозрительно знакомую связку ключей), и визжала, и визжала до тех пор, пока обеим не стало ясно, что никакой Дадли Справедливый из кустов не выскочит и её не спасёт.

Секретарша Брэндона, Синди. «Её счастье, если она просто что-то завезла домой, — подумала Мелани. — То, что я умерла, не значит, что Брэндон может мне изменять». Мелани подождала, пока упитанная оборванка не охрипла.

Синди прижала дрожащие руки к горлу и, поняв, что всё остальное не помогает, заговорила:

— Ты... ты же умерла!

— Брэндон дома?

— Ты умерла!

Синди снова завизжала, и это по-настоящему раздражало, потому что, во-первых, Мелани очень хотела выпить чего-нибудь приличного, а во-вторых, должна была повидаться с Брэндоном, чтобы выяснить, как ей разобраться с проблемой «возвращение из могилы». Синди продолжала визжать, и в конце концов Мелани просто выдернула связку ключей из её руки. Ясное дело, там был и ключ от дома. Мелани сняла его с кольца.

— Ты не смеешь этого делать! — Синди вдруг расхрабрилась, хотя это скорее походило на негодование женщины, на чью новую блузку вдруг наблевала приятельница. — Это мои ключи!

342 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Она попыталась их вырвать, и это ей почти удалось (смерть ужасно действует на мышечный тонус), но в этот самый миг апельсиновый сок, выпитый Мелани, потёк по её ноге, смутив обеих. Мелани хотела объяснить, что это не моча, это просто апельсиновый сок и, возможно, немного бальзамирующей жидкости, но способа изящно загладить подобную ситуацию не существует, невзирая на то, какую школу ты заканчивала, поэтому ни одна из дам даже и пытаться не стала. Они просто долго смотрели друг на друга, испытывая одинаковую неловкость. Мелани выронила кольцо с ключами.

Преувеличенно передёрнувшись, Синди подхватила ключи и проворно прыгнула за руль «мерседеса» Мелани. Её «мерседеса»!

— Ты, сука! — заорала Мелани вслед завизжавшей шинами по асфальту машине.

Она мертва всего несколько дней, а Брэндон уже позволил своей секретарше ездить на её «мерседесе»? Это обойдётся ему в извинение размером в несколько каратов!

Мелани вошла в дом и направилась напрямик к бару. Она налила себе выпить, потом ещё порцию, но нечаянно пролила немного вермута на блузку, поэтому решила сменить свой погребальный наряд, а заодно и душ принять. «Душ у меня просто прекрасный», — вдруг подумала Мелани. На самом деле весь дом очень красивый, и обстановка подбиралась с большим вкусом. Пока Мелани была жива, то принимала это как должное, а теперь, когда умерла, роскошь полотенец из натурального хлопка и фактура плиток известкового туфа под ногами для неё действительно многое значили. Может быть, дело не в жизни и смерти, может, это просто облегчение оттого, что она,³⁴³ наконец-то,³⁴⁴ оказалась дома, где и должна быть.

Она включила видео и позанималась пилатесом³⁴⁵, потом поухаживала за кожей, сделав все ночные процедуры, и легла в постель, однако поняла, что спать не может.

Пришлось включить телевизор.

На следующий день она не стала заниматься пилатесом.

Мелани нашла пульт и уселась на кожаный диван, положив ноги на стопку журналов, которые,³⁴⁶ наконец-то,³⁴⁷ сможет прочитать. ТиВо можно запрограммировать на запись на целых четыре дня; впервые в жизни это порадовало Мелани, а не привело в уныние. Раньше у неё никогда не хватало на это времени — слишком много его уходило на парикмахера, маникюршу и различных тренеров, но теперь, когда она умерла, нет никакого смысла всем этим заниматься.

Кроме того, после всего пережитого она заслужила хоть немного личного времени.

343 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

344 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

345 Pilates, пилатес — комплекс физических упражнений; лечебная физкультура и направление в фитнесе; по имени разработчика. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

346 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

347 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Судя по календарю на холодильнике, её муж вернётся домой через три дня, а скорее — через пять. К его возвращению она размякла ещё сильнее, причём не только вокруг глаз. Кончики пальцев усохли и стали напоминать когти, вызывавшие к акриловому наполнителю. Плоть на бёдрах обвисла, отделившись от костей. Мелани вспомнила о сделанной липосакции³⁴⁸ и недовольно поцокала языком.

Она смотрела канал QVC³⁴⁹, выпила всё спиртное из бара и чувствовала, что её тело разлагается. Нет, в самом деле — Брэндон какой-то бесчувственный. Мог хотя бы позвонить. Она послала мейл ему, потом послала по мейлу маме и сестре, просто сказать: «Привет! Я вернулась из мира мёртвых, как у вас дела?»

Она была так одинока. Ей так отчаянно хотелось уюта и дружеского общения, что она даже решила, что не будет стервой и ни слова не скажет о появлении белобрысой девки («выглядевшей как более молодая копия меня самой», — подумала Мелани). Можно будет поругаться из-за этого потом, и вообще она всегда подозревала, что Брэндон ведёт двойную жизнь. У неё тоже были любовники, так почему он должен от неё отличаться?

Заскрежетал ключ в замке. Брэндон открыл дверь в кухню.

— Господи! — воскликнул он; на плече висел специальный мешок для одежды, в руке Брэндон держал ноутбук. — Что за ужасная вонь?

— Это не очень-то вежливо, — оскорбилась Мелани. Она столько пережила за последние несколько дней, и хотя считала себя необидчивой, полное отсутствие сочувствия со стороны Брэндона её взбесило. — Вот она я, восстала из могилы, пусть теперь и не совсем свеженькая, а ты только и можешь, что жаловаться на то, что я труп? А чего ты ожидал?

— Мелани? — произнёс Брэндон.

В его голосе звучали изумление и ужас. Мешок с костюмом соскользнул с плеча. Он повернулся, и его вырвало в раковину.

Если бы слёзные протоки Мелани ещё функционировали, она бы, наверное, заплакала. Нет, в самом деле — к чему столько драматизма?

Она поднялась с дивана, оставив на нём лужу из формальдегида и различных телесных жидкостей. (Мелани не почувствовала за собой никакой вины — в конце концов, это просто диван из «ИКЕА»³⁵⁰.) Она хотела выйти в кухню, соблазнительно покачивая бёдрами и кокетливо положив руку на ложбинку между грудями, но вместо этого лишь с трудом зашаркала ногами. Если подумать, то удивительно, как у неё ещё язык шевелится.

— С чего ты вообще решил уехать в командировку после того, как поднял меня из мёртвых? Тебе что, не пришло в голову, что нужно было остаться дома и ждать меня?

348 Липосакция, липоаспирация — один из способов снижения веса путём вакуумного отсасывания лишнего жира и хирургического удаления жировых отложений. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

349 QVC-live — телевизионный канал «Красота, мода, драгоценности». (прим. изд. Азбука-классика; СПб)

350 В оригинале «ИКЕА», т. е. три последние (из четырёх) букв кириллические, хотя подразумевается мебельный гигант. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Брэндон издавал какие-то странные задушенные звуки. Он вжался в гранитную столешницу, раскинув рúки, как будто был Ванной Уайт³⁵¹, а ящик вина под стойкой — подходящей гласной.

Очень неловкая поза, решила Мелани. Собственно, вся ситуация очень неловкая.

— Брэндон...

— Господи, нет, пожалуйста, нет...

Мелани очаровательно надула губки. Раньше эта гримаска приносила ей изумруды, но теперь, похоже, что-то не сработало. Она вздохнула.

— Ну, и что теперь? Зачем ты поднял меня из мёртвых?

— Нет, нет, нет... — стонал он.

Мелани пощёлкала пальцами у него перед лицом.

— Эй!

Это *она* умерла, так какое он имеет право вести себя так, словно его жизнь перевернулась с ног на голову? Он всегда был решительным человеком, готовым распоряжаться и брать на себя ответственность. Он сам себя называл лидером. Он подавлял любого при игре в теннис, не брал пленных, когда вёл переговоры о сделке, и водил машину как ненормальный. И вдруг стоит и хнычет, как перепуганный малыш.

— Брэндон! — попыталась она ещё раз.

Это не помогло, и Мелани его ударила. Собственно, пощёчиной это назвать было нельзя, но едва её ладонь коснулась его щеки, глаза Брэндона закатились и он лишился чувств, ударившись головой сначала о стойку, потом об пол. Рúки его с визгом скользнули по посудомойке.

Мелани вздохнула и подбоченилась. Бесполезно. Совершенно бесполезно. И он, что совершенно очевидно, не тот человек, который поднял её из могилы. Она пнула Брэндона ногой, но он не притворялся.

Мелани нашла свою сумочку и мобильник. Вытащила из кармана мужа ключи. Сначала она собиралась взять «БМВ z4», но чувствовала себя немного виноватой из-за того, что ударила Брэндона, поэтому взяла «ауди». И хотя ей никогда не нравился цвет обивки, она всё-таки положила на водительское сиденье пластиковый мешок, потому что пол-ящика выпитого «Реми-Мартен» не укрепили её, как полагается алкоголю. Похоже, внутри он превращался в жидкое гниющее месиво.

Если так и дальше пойдёт, то к концу месяца от неё останется один скелет. Мелани села за руль «ауди» и тронулась с мёста, надеясь, что некое внутреннее чутьё приведёт её к человеку, который поднял её из могилы.

Но ничего не вышло. Она вытащила мобильник и набрала телефон справочной службы.

— Здравствуйте. Можете назвать мне имена некромантов? — спросила она оператора.

— Прощу прощения, но у нас нет такого перечня.

351 Ванна Уайт — известная телеведущая. Вела передачу «Колесо фортуны» (аналог «Поля чудес»). (прим. изд. Азбука-классика; СПб)

— Посмотрите в соседних городах, в любом месте округа Лос-Анджелес, — настаивала Мелани.

Она никогда не слышала, чтобы кто-нибудь искал некромантов в жёлтых страницах, но наверняка на свете существует множество вещей, о которых она никогда не слышала.

— Извините, мэм. Ничего такого нет.

— А как насчёт колдунов? — спросила Мелани.

— Простите, таких у нас тоже нет...

Телефон выпал из рук, и Мелани шмякнулась уже повреждённым лицом на руль.

Она прикоснулась к лицу; рука попала во что-то липкое. От передней части её машины шёл пар. Капот смялся, превратившись в большую букву «М». Только этого ей и не хватало — врезаться в кого-то сзади. Маленький «гео-метро» тоже сложился гармошкой, а корпус буквально обернулся вокруг колеса.

Ну во всяком случае, это недорогая машина.

А виновата она. Мелани и раньше постоянно болтала по телефону, сидя за рулём, но теперь, когда она разлагается, реакция оставляла желать лучшего.

Она откатила машину на обочину к заправке.

— Моя детка! Ты ранила мою детку! — Женщина из второй машины бросила автомобиль прямо на перекрёстке и теперь направлялась к Мелани, не обращая внимания на проносящиеся мимо со свистом автомобили.

Мелани не видела детского сиденья в той машине, но на руках женщина держала чихуахуа с ушами как у летучей мыши, и Мелани сообразила, что та говорит о своей собаке.

Какая нелепость! Женщина попала в автомобильную аварию, едва выжила, а беспокоится о какой-то дурацкой собачонке?

— Я подам в суд! У моей детки травма позвоночника! — Женщина потрясла собачонкой перед ветровым стеклом «ауди» Мелани. — Ты меня слышишь? Травма позвоночника!

Мелани выключила двигатель и пошарила по полу в поисках мобильного. Она надеялась, что сумеет выбраться из этой истории без привлечения копов, но, похоже, ничего не получится. Мелани надела солнечные очки, отстегнула ремень и открыла дверь.

— Фу-у! — громко воскликнула женщина, как будто от Мелани воняло, как от помойки, и зажала обеими руками нос. Поскольку в руках она держала собачонку, то та оказалась у неё в причёске.

Мелани решила, что ей не нравится эта тётка с чихуахуа. Конечно, она несколько дней не принимала душ, но женщина ведёт себя просто грубо.

— Убери машину с перекрёстка, не перекрывай движение.

— О господи! — с ужасом ахнула женщина. — Ваше лицо!

— Что такое?

Мелани повернула боковое зеркало и глянула в него. На руле остался большой кусок плоти, и теперь на месте лба виднелась голая кость. Мелани едва не заплакала. Её красивое лицо — и такая зияющая рана. Никакой макияж не поможет.

Губы её задрожали, горло перехватило. Она так и знала, что однажды это произойдёт — она утратит свою красоту.

Чихуахуа выпуталась из волос своей хозяйки, шмякнулась на землю и залаяла. Её лай походил на лай настоящей собаки, проигранный со скоростью семьдесят восемь оборотов в минуту. Допрыгнув до ног Мелани, собачонка зубами вцепилась в её икру, дёрнула головой и оторвала большой кусок плоти. Паршивый крысёныш начал пожирать его так, словно нашёл восхитительную закуску.

— Битци! Битци, прекрати немедленно! — Женщина подхватила свою чихуахуа и вырвала кусок плоти из её рта. — Не надо это кушать, это грязное!

— Грязное?! — взывала Мелани. Всё, с неё довольно. Она не намерена разбираться с проблемами этой сучки. Пусть хозяйка крысёныша сама выбирается из неприятностей, — Да пошла ты!

Она ринулась прочь, через дорогу, не глядя на машины. Они визжали колёсами, гудели, одна разминувшись с ней буквально на дюйм, но Мелани было наплевать. Мир и покой...

О, и найти того, кто поднял её из мёртвых, но поскольку среди её знакомых колдунов не было, оставалась ужасающая вероятность того, что это какой-нибудь старый кавалер из старших классов школы или вообще кто-нибудь, кого она толком и не знает. Но кем бы он ни был, пусть теперь сам её разыскивает.

Она сыта по горло живыми людьми. Живые такие грубияны, так быстро и так субъективно судят о малейших признаках разложения.

Мелани оглянулась, пытаясь определить, где она находится. Она ехала без определённой цели, так, куда глаза глядят, и теперь сообразила, что оказалась к северу от Ван-Нуис, недалеко от того места, где жила ребёнком. Впереди высились холмы. Они с сестрой раньше любили забираться на вершины этих холмов, чтобы полюбоваться на закат.

Она выбрала короткую дорогу, срезая путь через лужайки и парковки, а один раз перешагнула через цепь, несмотря на надпись «проход запрещён». Какой смысл следовать распоряжениям городских властей, если ты не повинешься даже законам природы?

Теперь плоть отваливалась с неё быстрее. В конце концов, её похоронили больше недели назад, а температура всё это время держится выше девяноста градусов³⁵². Вокруг ран вились мухи, каждой доставался крохотный кусочек Мелани. Она подумала, что они облегчают её ношу.

Сухожилия на ногах действовали далеко не так хорошо, как раньше, и теперь Мелани устало и медленно волочила ноги, но поскольку ей больше не требовалось ни отдыхать, ни есть (хотя она не отказалась бы от бокала вина), то могла идти весь день и даже ночь. Почему бы и нет?

352 По Фаренгейту. Соответствует 32 градусам по Цельсию. (прим. изд. [Азбука-классика; СПб](http://Азбука-классика.СПб))

К рассвету она поднялась на холм достаточно высоко, чтобы увидеть розоватый свет над городом. Мелани осторожно уселась, прислонившись спиной к бетонному столбу линии электропередачи, и стала любоваться восходом.

* * *

Время утратило смысл. Солнце всходило и садилось, животные занимались своими повседневными делами, деревья старели. Её плоть отгнивала и отпадала, кожа и глаза высохли и съёжились, губы запали. Волосы оставались белокурыми, зубы были по-прежнему ровными и белыми, а груди противостояли земному притяжению (эти силиконовые имплантаты будут служить вечно), но Мелани больше об этом не беспокоилась.

Она сделалась ленивой и спокойной, потому что теперь не на кого было производить впечатление. Неизвестная магия, оживившая её, оставила ей способность думать и видеть, хотя и без глаз и без мозга. В тот день, когда её сестра взобралась на холм, Мелани ещё смогла помахать ей.

Джессика была по-мальчишески худой и грязной, вокруг её лица болтались каштановые дреды. Она была в свободных штанах-карго, крохотном топе, а за спиной несла рюкзак из гватемальской ткани ручной работы с надписью на нём «Корпус мира». На шее висели нанизанные на шнурки кости, ракушки и бусины, а на лице виднелись морщины, хотя ей было всего тридцать с небольшим. Она выглядела прекраснее всего на свете.

Джессика грациозно присела рядом с Мелани, ничуть не запыхавшись от подъёма в гору.

— О боже мой, — прошептала Джесс. — Мне очень, очень жаль.

— Всё хорошо.

— Нет, в самом деле. Когда я вернулась с похорон, то понятия не имела. В смысле — для меня было таким шоком, что ты умерла такой молодой, что я совершенно **забыла про шамана**. Прости меня.

— Честно, Джессика, всё хорошо.

— Можешь наорать на меня, я это заслужила. Должно быть, ты так на меня злишься!

— Нет, я не злюсь. Я счастлива. — Джесс была единственной, кто так мило отнёсся к Мелани после её смерти. **Как можно кричать на кого-то, кто извиняется перед трупом?** — А что произошло?

— Да это всё тот шаман. Во всяком случае, он сказал, что он шаман, и спросил меня, не хочу ли я жить вечно. — Джесс сидела, скрестив ноги и упёршись локтями в колени, словно привыкла сидеть на земле. — И я ответила — нет, но моя сестра хочет, потому что ты когда-то сказала, что больше всего на свете боишься постареть. Это была как бы шутка такая.

Мелани ждала продолжения рассказа, но Джесс замолчала. С запозданием Мелани сообразила, что пауза затянулась.

— А дальше?

— Я думала, он шутит. Понимаешь, он вроде был поддатый. А потом, только я успела вернуться домой после похорон, как получила от тебя мейл, а потом ещё один от Брэндона, и он написёл, что ты бродишь вокруг дома и до смерти пугаешь людей, и тогда я поняла, что и вправду натворила дел. Мне потребовалось около месяца, чтобы разобраться с визой и вернуться в Штаты, а то бы я пришла сюда раньше. — Джесс вздохнула. — Прости меня. Должно быть, для тебя всё это было ужасно.

— Нет, совсем неплохо, — ответила Мелани. Теперь, без губ, разговаривать стало намного труднее. — Со всеми случается.

Джесс сняла одно из своих ожерелий из бусин и костей и положила его на землю рядом с костлявой рукой Мелани.

— Я заставила его дать мне вот это. Оно поможет тебе умереть во второй раз, когда ты будешь готова. — И она поцеловала Мелани в череп.

— Спасибо, — произнесла Мелани. Она не потянулась за ожерельем, потому что теперь ей принадлежало всё время мира. — Но я хочу немного понаслаждаться этим видом.

June 2008 © Catherine Cheek

Адам-Трой Кастро «Быть мёртвым, таким, как я»

Адам-Трой Кастро — автор романа «Посланцы мёртвых» (*Emissaries from the Dead*), являющегося, несмотря на своё название, не историей о зомби, а космическим детективом. Кроме того, Кастро написal три романа о Человеке-науке и книгу «Мой бык спёкся» (*My ox is broken*) о телешоу «Удивительная скачка» (*The amazing race*). Его рассказы публиковались в таких журналах, как «The Magazine of Fantasy and Science Fiction», «Science Fiction Age», «Analog», «Cemetery³⁵³ Dance», а также во многих антологиях. Его произведения номинировались на соискание различных премий, таких как «Хьюго», «Небьюла», премия Брэма Стокера.

«Быть мёртвым, таким, как я» — это комплекс рекомендаций для героя, оказавшегося в сложной ситуации, когда нужно выжить среди зомби, для чего приходится к ним присоединиться. Толчком к этому рассказу стал вопрос: «Зомби не дышат, как же они отслеживают свои жертвы?» «Конечно же, не по запаху, — отвечает Кастро. — Если не по запаху, то как? И если мы знаем это, то нельзя ли нам их обмануть? И отсюда возникает вопрос: во что это нам обойдётся?»

Итак. Подведём итоги. Ты продержался дольше, чем казалось возможным в самых смелых мечтах. Ты сражался с такой силой, которой за собой и не подозревал. Но в конце концов и это тебе не помогло. Просто этих ублюдков слишком много. Цивилизация, в которую ты верил, рассыпалась в прах; те, от кого ты ожидал помощи, так и не появились; все укромные местечки, где ты таился, уже обнаружены; все крепости, которые ты построил, пали; всё добытое тобой оружие оказалось бесполезным; все люди, на которых ты рассчитывал, либо убиты, либо продались; то, что оставалось от твоей веры, уже с мясом вырвано из твоей раковины, из оболочки того благодушного, мягкого человека, которым ты был когда-то. Ты проиграл, и точка. Конец истории. И незачем причитать. Теперь уже ничто не стоит между тобой и изголодавшимися ожившими мертвецами, уставившими на тебя пустые глазницы.

В своём сочинении ты должен ответить на вопрос: как низко ты готов пасть ради того, чтобы выжить?

---

353 В оригинале почему-то «Cemetery». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

* * *

Ответ: сначала проснись в тёмной, тесной дыре, где пахнет гнилым мясом. Не думай о том, который час. Время уже не имеет значения. Такого явления, как время, более не существует. Достаточно того, что ты поспал и тебе в очередной раз удалось не видеть снов.

Это важно. Сны — это форма мышления. А мыслить опасно. Мыслят живые, а мёртвые этого не выносят. Мёртвые чувят, откуда исходит мысль, и поэтому они всегда могли найти тебя тогда, когда ты ещё видел сны. Теперь ты приучил себя тащиться через дни и ночи своего существования так же тупо и бестолково, как и они, и больше незачем прятаться от них. Да, они могут прижаться к тебе, пока ты спишь (как, например, заползли в твою маленькую нору те двое, мужчина и женщина, скованные одной парой наручников по причинам, которые тебе никогда не узнать), но это совсем другое: просто непроизвольная реакция на тепло. Если ты не станешь думать, они тебя не съедят.

* * *

Вылезай из своего укрытия, из заброшенного склада в большом офисном здании. Пол в зале по соседству завален бумагами; некоторые дв́ери забаррикадированы мебелью, что говорит о том, что когда-то в далёком прошлом это место стало последним оплотом живых. Костей нигде нет. Есть трое других зомби. Все — мужчины, одетые в лохмотья, бывшие в прошлом костюмами-тройками; нетвёрдой походкой шагают они от одной стены к другой, меняя направление только после того, как наткнутся на стену, как будто они слепы и глухи и только таким способом могут искать выход.

Если ты идёшь к двери́ быстро, то они не успевают вовремя среагировать и пуститься вслед за тобой.

* * *

Не вспоминай.

Не помни своё имя. Только у живых бывают имена.

Не вспоминай, что у тебя была жена Нина и двое детей, Марк и Кэти, которым не удалось выйти живыми из той бойни, которая творилась на Манхэттене. Не вспоминай их, никого из них. Семья бывает только у живых.

Не вспоминай, как растратил напрасно драгоценные недели, когда отправился на юг и стал в нарастающем хаосе, творившемся в сельской Пенсильвании, разыскивать своего старшего брата Бена, который жил в Питсбурге и всегда был намного сильнее и храбрее тебя. Не вспоминай свою ребяческую, безумную надежду на то, что Бен всё приведёт в порядок, как это

ему удалось во времена вашего непростого детства. Не вспоминай, как постепенно ушла и эта надежда, когда стало всё труднее и труднее находить анклавов живых.

Воспоминания стали частью тебя, и, пока ты ещё дышишь, они всегда будут с тобой, и ты сможешь их пробудить, если решишь, что они тебе понадобятся. В любой момент ты легко призовёшь их, и они явятся во всех своих мрачных подробностях. Но тебе не следует этого желать. Нужно просто не забывать поесть, когда голоден, выспаться, когда устал, и найти тёплые места, когда замерзаешь, — вот и всё, что тебе нужно знать, как сейчас, так и на будущее. Так намного проще.

А всё остальное мёртвые воспримут как откровенное приглашение.

* * *

Ходи так же, как они: приволакивай правую ступню, притворяясь, что уже разложились сухожилия; повесь голову, чтобы казалось, что обессилевшая шея уже не может держаться прямо; препятствия на своём пути замечай только в тот момент, когда уже вот-вот готов на них налететь. И пусть открывающиеся твоему взгляду картины являют собой полный каталог всевозможных ужасов — никогда ни на что не реагируй.

Реагируют только живые.

Это правило усвоить труднее всего, потому что частица тебя, погребённая в глубинах, которые до сих пор принадлежат тебе и только тебе, исходит нестихающим воплем с той самой ночи, когда ты впервые увидел, как ходячий труп вырывает внутренности из тела живого. Частица тебя хочет, чтобы её услышали. Но из-за неё тебя и прикончат. Не давай ей заявить о себе в голос.

Не удивляйся, когда повернёшь за угол и только что не споткнёшься о медленно ползущего на животе зомби без рук и ног. Не ужасайся, если увидишь, как толпа зомби окружила живого и вот-вот разорвёт его на куски. Сдержи рвотные позывы, когда один из мёртвых пройдёт мимо и заденет тебя, а его кишачье личинками лицо окажется возле твоего лица.

Помни: зомби на такие вещи не реагируют. Они сами — такие вещи.

* * *

Теперь поищи супермаркет, в котором ещё уцелели на полках кое-какие товары. Если постараться, то сможешь такой найти; мёртвые хлынули сюда так быстро, что живые не успели всё унести. Возьми с полок три-четыре банки, вскрой и ешь, что бы в них ни оказалось. Не важно, будет ли это суп, мясо, овощи или корм для собак. Ешь машинально, не чувствуя вкуса, не обращай ни на что внимания, заметь только, когда будешь сыт. Наступит день, и тебе доведётся, выбрав банки не глядя, выпить щёлочь для чистки труб или съесть крысиный яд. Момент, когда это случится, определит только воля судьбы. Но это событие не будет иметь никакого значения. Твоё существование нисколько не изменится. Ты просто задёргаешься в конвульсиях, упадёшь, немного лежишь без движения, а потом встанешь, превратившийся в такого зомби, которым ты так долго притворялся. Без шума и суматохи. У тебя даже не будет причины заметить, что это случилось. А может, это уже случилось.

* * *

Пообедав, поищи взглядом ещё одну из немногих живых, безразлично шаркающих ногами посередине улицы.

Ты с ней хорошо знаком. В то время, когда ты ещё не научился думать словами, ты называл её Сюзи. Одежда на ней такая ветхая, что лохмотья так и отваливаются. Волосы цвета грязной соломы не мыты уже много недель или даже месяцев и свалялись в отвратительные колтуны. Больше всего бросаются в глаза её впалые щёки и тёмные круги под серыми, ничего не видящими глазами. И всё же ты всегда понимал, что когда-то она была изумительно красива.

Тогда, в прошлом, когда ты всё ещё пытался сражаться с ублюдками, — ты тогда не называл их «зомби», для тебя они всегда были «ублюдками», — ты чуть было не вышиб своим выстрелом Сюзи мозги и только в последний момент понял, что она тёплая, и дышит, и жива. Ты увидел это, хотя осознанности в её действиях хватало ровно на то, чтобы искать пищу и убежище, позволявшие ей ещё оставаться тёплой и дышать, — в остальном она являла собой иллюстрацию кататонического синдрома.

Это она показала тебе, что можно успешно притворяться мёртвым. Она не сказала тебе ни единого слова, ни разу тебе не улыбнулась, ни разу не встретила тебя ничем, что хоть отдалённо напоминало бы человеческие чувства. Но в этом новом мире она стала для тебя почти что возлюбленной. И когда ты инстинктивно перейдёшь улицу, чтобы нагнать её, в тебе зашевелится смутное, еле ощутимое удовольствие оттого, что она тоже свернула и движется в твою сторону.

* * *

Только помни: между вами нет настоящей любви. В смысле любви как чувства. Ещё сильнее, чем мысли, мёртвые ненавидят любовь. Только живые могут любить. А вот трахаться вполне безопасно, и вы, встретившись, можете заниматься этим в открытую. Так, как делают это мёртвые.

Конечно же, у них это происходит не так. Необходимые причиндалы разлагаются в первую очередь. Но инстинкт по-прежнему подстрекает их. Всякий раз, когда случайный стимул пробуждает в них похоть, они находят себе пару и трутся друг о друга, неуклюже и апатично изображая секс. Иногда продолжают до тех пор, пока от обоих не останутся кучки гниющего праха. Сухой остаток.

Так что не бойся. Они не обратят внимания, когда вы с Сюзи обнимите друг друга и перепихнётесь посреди улицы. Чтобы почувствовать руками забытое тепло человеческой кожи, вдохнуть запах застарелого пота, а не испарения раскопанной могилы, и отдохнуть от того ужаса, в который превратился мир. Тем более что вы оба, несмотря на все необходимые телодвижения, на точное воспроизведение механической стороны акта, ни черта не чувствуете. Ни нежности, ни удовольствия, ни, само собой, радости.

Это было бы слишком опасно.

Делайте, что вам надо. Делайте всё быстро. А потом расстаньтесь. Без поцелуев, слов прощания, нежностей — без всякого намёка на то, что ваше свидание было чем-то большим, чем просто столкновение двух незнакомцев, шагавших в противоположных направлениях. Просто разойдитесь, не оглядываясь. Возможно, вы ещё увидите. Возможно, нет. Как бы то ни было, это не имеет значения.

* * *

Следующие несколько часов проведи, блуждая с места на место, ничего не видя, ничего не слыша, ничего не достигая. Но при этом ты будешь дышать. Никогда не забывай об этом. Пусть та частица тебя, которой ещё не безразличны такие вещи, засчитает тебе это как крупную победу.

В полдень пройди там, где лежит на боку обгоревший школьный автобус. Несколько живых рассчитывали уехать на нём в какое-то безопасное место за городом; им удалось проехать всего пять кварталов, с трудом лавируя между разбитыми транспортными средствами, когда кольцом из шевелящейся плоти их окружили сотни мертвецов. Ты стоял на расстоянии полутора кварталов от того места и смотрел, как пассажиры автобуса держались под осадой, а потом взорвали автобус, чтобы избавиться себя от более страшного конца; клубы пламени спалили тебе брови. Тогда ты подумал, что это тебе наказание за то, что не помог им. Теперь же, будь ты способен хоть о чём-то иметь мнение, ты считал бы, что живые — глупые ублюдки.

* * *

Глупо сопротивляться. Сопротивляются только живые. Сопротивление требует воли, а уж чего мертвецы точно не потерпят, так это воли. Влачи такое же существование, как и они, тупо принимая всё, что с тобой происходит, — и тогда у тебя будут шансы.

Сопротивление — это главная причина гибели твоего брата Бена. Нет, ты так и не узнаешь, что с ним случилось. Ты знаешь, что произошло с твоей женой и детьми, — ты всё это видел, стоя за ограждением из провололочной сетки, из-за которого не мог выбраться. Нетвёрдым шагом двинулась на них толпа тех, что когда-то были детьми из начальной школы, и твою семью смололи в фарш, а вот что случилось с Беном, ты никогда не узнаешь. И всё же, будь у тебя такая возможность, ты бы не удивился. Ведь он всегда был вожак. Бойцом. Во всякой критической ситуации он всегда брал на себя руководство и воодушевлял людей своим умением вести за собой. Он всегда был таким особенным человеком. А когда восстали мёртвые, он собрал много наивных людей, которые, доверяя ему, погибли вместе с ним.

А ты, в отличие от него, никогда ничем не выделялся. Ты всегда был ведомым, конформистом. Ты всегда был готов целовать задницу и соглашаться со всеми, кто повысит на тебя голос. Ты никем не хотел стать, тебя устраивало быть ещё одним лицом в толпе. Это было тебе на руку, когда общество ещё только покатило ко всем чертям, а теперь, в зачумлённом адѹ, твой характер стал твоим главным достоинством. Именно благодаря ему ты дышишь, когда от всех остальных — храбрецов, легендарных героев типа твоего брата Бена и тех, кто ехал на школьном автобусе, — остались только обглоданные кóсти и пѣтна на тротуаре.

* * *

Гордись собой. Не подходи слишком близко к обугленному остову школьного автобуса, потому что ты можешь вспомнить, как ветер доносил до тебя пламя того погребального костра, которое касалось твоей кожи, и пепел безрезультатных усилий этих людей набивался тебе в лёгкие. Ты можешь вспомнить резкий запах палёного мяса и горячей резины... и как волной потекла толпа через тебя и сквозь тебя, как будто ты был ещё более бесплотен, чем они.

Не допускай этих воспоминаний. Ты приманишь к себе всех мёртвых, что найдутся в радиусе нескольких кварталов. Подавляй в себе это. Вычисти из памяти. Внуши себе, что ничего не было. Отключи сознание, опустоши сердце, а дѹшу сделай — более точного слóва не найти — сделай её мёртвой.

Вот так. Уже лучше.

* * *

Ближе к вечеру ты будешь рыться в разгромленном магазине одежды, пытаешься найти что-нибудь тёплое, — зима уже совсем рядом, — и тут тебя загонят в угол и жестоко избьют живые.

Не стоит из-за этого переживать. Эту цену тебе приходится платить за ту безопасность, которой ты располагаешь. А они просто обезумели от постоянного бегства то от одной голодной толпы, то от другой; им нужно выпустить пар. Нет, они не станут убивать тебя или бить так, чтобы ты не выдержал и скончался. По крайней мере, намеренно этого они не сделают. Зайдя слишком далеко, они могут убить тебя нечаянно, но только не умышленно. Им и так хватает расхаживающих вокруг мертвецов. Но они тебя ненавидят. Они считают предателями таких, как ты и Сюзи. И себя уважать не будут, если не дадут тебе это понять.

В этот раз их четверо. Все бледные, лет по двадцать, у всех на лицах мерзкие злобные ухмылки — так скалятся мучители, видя, что жертва заметила их слишком поздно. Тот, что ближе всех к тебе, разматывает скрученную в клубок цепь. На её конце болтается навесной замок размером с кулак. И ты пытаешься воспользоваться почти утраченным тобой даром речи, а на твои рёбра сыплются удары, и то, что ты скажешь, не имеет значения. Они и без того знают, что ты хочешь сказать.

Не моли о пощаде.

Не пытайся постоять за себя.

Не смотри на себя их глазами.

Просто помни: живые бывают опасны, но настоящие ублюдки всё-таки мёртвые.

* * *

Позднее, в тот же день.

От боли не можешь пошевелиться. Ничего, терпи. Рано или поздно всё пройдёт. Так или иначе. Живым или мёртвым, ты совсем скоро поднимешься на ноги.

А пока просто лежи, издавая зловоние, среди развалин магазина одежды, и, ради бога, не шуми. Ведь вопят только живые.

Помнишь времена, когда мёртвые только-только встали? Тогда вопли слышались постоянно. Как бы далеко ты ни забежал, как бы высоко ни залез в горы или как глубоко бы ни закопался, всегда откуда-то неподалёку раздавались пронзительные крики, напоминавшие, что, пусть ты и нашёл себе безопасное место для ночлега, но есть и другие, которых припёрли к стенке. Вспомни — ты же через какое-то время привык к этим воплям, а потом даже научился спать, не обращая на них внимания. Шли недели, потом месяцы, и ты получил награду за своё терпение: число уцелевших стремилось к нулю, и вопли,

создававшие нестихающий звуковой фон, сменились долгим гнетущим молчанием, прерываемым лишь тихими стонами и иногда — шаркающими шагами мёртвых.

Теперь мир стал тихим. И если ты хочешь оставаться его частью, тебе придётся быть таким же. Даже если твоё горло обожжёт огнём, и вдыхаемый воздух будет мучить, как наждачная бумага, и под тобой набегут лужицы пота, и твои рёбра будут цепляться друг о друга при каждом вдохе, а неодетые манекены, с которыми ты делишь своё убежище, станут притворяться Ниной, Марком, Кэти и Беном и всеми остальными, кто когда-то был для тебя важен, и на их лицах появится выражение огромного отвращения, и ты услышишь их голоса, называющие тебя ничтожеством, говорящие, что ты всегда и был ничтожеством, но что они прежде не знали, до какой степени ты ничтожество... А ты заткнись. Даже если ты захочешь им рассказать, этим людям, которые когда-то были для тебя всем, что ты продержался долго, столько, сколько можно ожидать от нормального человека, но есть пределы, и ты преодолел эти пределы, да, ты это сделал, но дальше обнаружилось ещё несколько пределов, а потом — ещё столько же, и новый мир всё требовал и требовал от тебя невозможного, а число невозможных поступков, на которые ты способен, было не безгранично. Не издавай ни звука. Даже если услышишь, как Нина пронзительно зовёт тебя по имени, а Марк говорит тебе, что ему страшно, а Кэти исходит криком, умоляя тебя спасти её. Даже если услышишь, как Бен требует, чтобы ты встал и хотя бы раз поступил по-мужски.

Терпи боль. Не обращай внимания на лихорадку. Не прислушивайся к обращённым к тебе голосам родных.

С чего бы тебе слушаться их советов? Самим себе они не смогли помочь.

* * *

Нет. Вот что тебе нужно помнить, пока ты выжидаешь, собираясь узнать, будешь ли ещё жить или умрёшь.

Есть небольшая вероятность, что завтра, поднимаясь на ноги, ты ещё будешь живым; если так, то не смотри в зеркало примерочной, которое висит на стене за тобой. Это первое целое зеркало, которое попало тебе за несколько месяцев. В чём, конечно, нет ничего необычного: в мире не так уж много осталось неразбитых стёкол. Но вот это зеркало не тронули ни мародёры, ни повстанцы, ни солдаты, ни зомби, и сейчас оно, пусть и покрытое безобразным слоем пыли, вполне способно тебя уничтожить.

Если ты в него не помотришь, всё будет в порядке.

А если помотришь — увидишь, что в твоих волосах, отросших до плеч, запеклась кровь, а по длинной косматой бороде ползают мухи, и что рёбра у тебя торчат, а одежда так износилась, что от неё остались только рваные лоскуты, а ещё увидишь, что ты весь покрыт грязью и ссадинами и нос у тебя сломан, а вместо левого глаза — опухшая щёлочка, и тогда ты поймёшь, что ты

уже почти что мёртвый, не хватает совсем чуть-чуть, и тебе станет мерзко, и ты, после долгого пребывания в бреду, будешь как раз в том расположении духа, когда хочется что-то с этим сделать.

* * *

И ты нетвёрдым шагом выберешься на улицу, где, как всегда, топчутся без дела мёртвые, и ты окажешься среди них, и тебя охватит внезапный приступ неконтролируемой ярости, и ты раскроешь рот как можно шире и завопишь: «Эй!»

И мёртвые застынут на месте, и будет казаться, что они очень удивлены, а потом медленно развернутся в твою сторону, и если бы тебе захотелось, ты смог бы спрятать всё то, что сжигает тебя изнутри, скрыть там, где оно таилось ещё минуту назад, но ты же не захочешь этого сделать, и ты снова завопишь: «Эй!», и твой голос будет слышен удивительно далеко для человека, который так долго не издавал ни звука, и мёртвые будут подтягиваться из окрестностей, чтобы расправиться с тобой, а тебе будет всё равно, потому что ты станешь орать: «Слышите, смердящие ублюдки? Я жив! Я мыслю и чувствую, и переживаю, и я лучше вас, потому что вы этого уже не сможете!»

И ты умрёшь, мучительно, выкрикивая имена всех тех, кого когда-то любил.

Возможно, этого ты и хочешь.

И тебе обязательно покажется, что ты одержал моральную победу.

Но помни, что такие вещи интересуют только живых; на мёртвых это не произведёт ни малейшего впечатления. Чувствовать они будут только голод.

А если ты позволишь себе умереть, то через несколько минут то, что останется от тебя, очнётся, испытывая такой же голод, и жалкий гниющий череп будет жечь только одна мысль: что экстазы Сюзи были наигранны.

2000 © Adam-Troy Castro

Энди Дункан «Зора и зомби»

Энди Дункан дважды получил Всемирную премию фэнтези и один раз — премию памяти Теодора Старджона. Среди прочих его книг — «Белутахэчи и другие рассказы» (*«Beluthahatchie³⁵⁴ and Other Stories»*) и совместная с Ф. Бреттом Соксом антология «Перекрёстки: фантастические рассказы Юга» (*«Crossroads: Tales of the Southern Literary Fantastic»*). Произведения Дункана издавались в журналах *«Azimov's»³⁵⁵*, *«Conjunctions»*, *«Realms of Fantasy»* и многих других, в том числе в сборниках «Приворотный амулет: колдовские рассказы» (*«Mojo: Conjure Stories»*), «Полифония» (*«Polyphony»*) и «Звёздный свет» (*«Starlight»*).

Дункан живёт в Алабаме со своей женой, поэтессой Сидни Дункан, и преподаёт в Алабамском университете.

Рассказ «Зора и зомби» впервые был опубликован на сайте «Sci Fiction». Дункан говорит: «Работа Зоры Нил Херстон вдохновляла меня долгие годы, о чём говорится в моём рассказе „Белутахэчи“ и других, но я единственный раз попытался написать о ней. Херстон действительно встретила³⁵⁶ „зомби“ Фелицию Феликс-Ментор. Она пишет об этом в своей книге о путешествиях в Карибском бассейне „Расскажи это моей лошади“ и публикует там фотографию пациентки. Я был зачарован этой фотографией, и это вдохновило меня на написание рассказа. Работая над ним, я понял, что частично пытаюсь воссоздать тех зомби, какими они были до того, как Джордж Ромеро посыпал их солью. Я просто поражён, что многие читатели, если судить по их письмам, никогда не слышали о Херстон. Если бы я заранее сообразил, что этот рассказ окажется для многих читателей первым знакомством с Херстон, я бы не осмелился его написать. Пытаясь передать характер одной из величайших индивидуальностей и стилистов-прозаиков двадцатого века, я уже ощущал себя авантюристом, но иногда необходимо поступать безрассудно. И если этот рассказ подвигнет других на поиск и чтение её работ, я буду счастлив».

354 В оригинале «Beluthahatchie», т. е. с двумя кириллическими буквами в начале «Ве».
(прим. ред. Alex.Rus.UA)

355 В оригинале почему-то «Asimov's» через «s». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

356 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Что есть истина? — прокричал унган³⁵⁷. Его пронзительный голос на миг заглушил грохот барабанов. В ответ мамбо³⁵⁸ распахнула белое одеяние, обнажив смуглое, влажное тело. Барабаны застучали быстрее, и мамбо неистово заплясала между колоннами. Свободный наряд не поспевал за взмахами её ног, внезапными прыжками и поворотами. Платье, шаль, шарф и пояс — всё развевалось само по себе. Мамбо, извиваясь, распласталась на земле. Первый мужчина в очереди пополз на коленях, чтобы поцеловать истину, блеснувшую между бёдер мамбо.

Карандаш Зоры сломался. Ах ты, чёрт! Мокрая от пота, стиснутая в толпе, она не могла нащарить в сумочке перочинный нож. Зора только утром узнала, что бродвейская танцовщица Кэтрин Дунхэм, антрополог-самозванка, год назад летала на Гаити по стипендии Розенвальда — той, что по праву должна принадлежать Зоре. Тёлка паршивая! Она не просто видела эту «церemonию истины», но вдобавок прошла трёхдневный обряд посвящения, чтобы называться «Мама Кэтрин, невеста змеиноного бога Дамбалла».

Три нóчи спустя другой унган опустил на колени перед другим алтарём, держа тарелку с куриным мясом. Люди у него за спиной истошно закричали. Сквозь толпу продирался человек с безумным лицом. Он налетал на людей, сбивал их с ног, сеял беспорядок и сумятицу. Глазá его закатились, с вываленного наружу языка капала кровь.

— Осёдлан! — кричали люди. — Лоа³⁵⁹ сделал его своим конём!

Унган не успел обернуться, и конь врезался в него. Они упали наземь, их конечности переплелись. Курятина полетела под нóги толпы. Люди стонали и рыдали. Зора вздохнула. Она читала об этом у Герковица и у Джонсона. Наверное, так бы себя вёл несчастный Бисквит³⁶⁰, бешеный, покусанный псами. Среди этого столпотворения Зора молча перелистала страницы записной книжки и нашла раздел «романы». «Чегой-то добирается до меня во сне, Джейни, — написáла она когда-то. — И хочет³⁶¹ задушить меня до смерти».

Ещё одна ночь. Другое селение, новый карандаш в руке Зоры... Мертвец сел, голова его свесилась на грудь, челюсть отвисла, глазá выпучились. Женщины и мужчины вопили. Мертвец лёг на спину и затих. Мамбо накрыла тело одеялом и подоткнула его со всех сторон. «Может быть, завтра я поеду в Понт-Бодe или в Виль-Бонер, — подумала Зора. — Может быть, там я увижу что-нибудь новое».

— Мисс Херстон, — прошептала над ухом какая-то женщина. Её тяжёлое ожерелье гремело, ударяясь о плечо Зоры. — Мисс Херстон. Они рассказали вам о том, что было месяц назад? Как оно шло по Эннери-роуд среди бела дня?

357 Унган — белый колдун. (прим. изд. Азбука-классика; СПб)

358 Мамбо — жрица вуду. (прим. изд. Азбука-классика; СПб)

359 Лоа — дух. (прим. изд. Азбука-классика; СПб)

360 Бисквит — литературный герой, заразившийся бешенством после укуса собаки. (прим. изд. Азбука-классика; СПб)

361 Оставил оригинальное «хотит», явно так изначально задумано. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Доктор Легрос, главный врач больницы в Гонаиве³⁶², был смазливый мулатом средних лет, с напомаженными волосами и тонкими, похожими на нарисованные усики. Его костюм-тройка сидел на худой фигуре острыми углами и складками, точно бумажное одеяние куклы. После рукопожатия Зора почувствовала на ладони следы талька. Доктор плеснул ей убойную порцию неочищенного белого clairin³⁶³ без мускатного ореха и перца, которые пришлось бы по вкусу Гуэде — скачущему в траурных одеждах глумливому лоя. Но даже без этих добавок напиток обжигал горло. Зора с доктором глотали его осторожно, словно лекарство, и Легрос вёл светскую беседу — всё о важном, всё о политике. Сдержит ли мистер Рузвельт обещание, что морская пехота никогда не вернётся обратно; стремится ли добрый друг Гаити, сенатор Кинг от штата Юта, к более высокому посту; признает ли Америка президента Винцента, если благодарные гаитяне решат избрать его на второй срок, несмотря на ограничения, установленные Конституцией... Но Зора была старше, чем выглядела, и гораздо старше, чем сама говорила. Она видела в глазах доктора совсем другие мысли. Похоже, он считал Зору своего рода уполномоченным представителем Вашингтона и крайне неохотно позволял ей повернуть беседу к деликатному вопросу о своей необычной пациентке.

— Для ваших соотечественников и спонсоров очень важно понять, мисс Херстон, что верования, о которых вы говорите, это не верования цивилизованных людей — как на Гаити, так и в любом другом месте. Это верования негров. Они ставят нас в неловкое положение, они ограничены canaille³⁶⁴ — если можно так выразиться. Толпой, проживающей в захолустье, на болотах, как у вас на юге Америки. Эти обычаи — прошлое Гаити, а не её будущее.

Зора мысленно погрузила доктора по жилетку в болото Итонвилля во Флориде и натравила на него аллигаторов...

— Я понимаю, доктор Легрос, — сказала она, — но заверяю, что приехала сюда за полной картиной жизни вашей страны, а не только за её бродвейской версией — тамтамами и криками. В любой общине, на любой веранде, в каждом салоне, которые я посещаю, да что там — в офисе генерального директора службы здравоохранения! — все образованные жители Гаити только и говорят о вашей пациентке, этой несчастной Фелиции Феликс-Ментор. Вы что, хотите заговорить мне зубы, скрыть от меня самую актуальную тему?

Доктор рассмеялся, блеснув ровными искусственными зубами. Зора, стесняясь собственных зубов, улыбнулась, сжав губы, и опустила подбородок. Иногда это принимали за кокетство. «Интересно, — пришло вдруг в голову Зоре, — а что ясноглазый доктор Легрос думает об обольстительной людоедке Эрзули³⁶⁵, самой „нецивилизованной“ из всех лоя?» Она медленно положила ногу на ногу и подумала: «Ха! Что Эрзули до меня — до Зоры?»

362 Гонаив — гаитянский город (также см. 371). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

363 Ром-сырец, попросту — тростниковая самогонка. (прим. изд. Азбука-классика; СПб)

364 Сброд (фр.). (прим. изд. Азбука-классика; СПб)

365 Эрзули — дух любви в виде прекрасной непорочной девы в наряде невесты. Её символ — сердце. Её цвета — красный и голубой. (прим. изд. Азбука-классика; СПб)

— Что ж, вы правы, заинтересовавшись несчастным созданием, — произнёс доктор. Он вставил новую сигарету в мундштук, не глядя при этом ни на сигарету, ни в глаза Зоре. — Я и сам хотел бы написать о ней монографию, если немного ослабнет давление должностных обязанностей. Может, и мне сто́ит похлопотать о стипендии Гугенхейма³⁶⁶, а? Клемент! — Он хлопнул в ладоши. — Ещё *clairin* для нашей гостыи, будь любезен, и манго, когда мы вернёмся со двора.

Доктор вёл её по центральному коридору вычурной викторианской больницы. Он ловко огибал пациентов, едва ползущих в плетёных инвалидных колясках, стрелял залпами французского в запуганных чернокожих женщин в белом и рассказывал известную Зоре историю, повышая голос всякий раз, когда они проходили мимо дверей, откуда доносились особенно громкие стоны.

— В тысяча девятьсот седьмом году в городке Эннери после недолгой болезни умерла молодая жена и мать. Её похоронили по христианскому обряду. Овдовевший муж и осиротевший сын какое-то время погоревали и стали жить дальше, как людям и полагается. Немедленно выплесни всё из этого тазика! Ты меня слышишь, женщина? Здесь больница, а не курятник! Прощу прощения. Мы подходим к тому, что случилось месяц назад. В гаитянскую службу охраны стали поступать сообщения о сумасшедшей женщине: она приставала к путешественникам неподалёку от Эннери. Она добралась до фермы и отказалась уходить оттуда. При попытках её выставить приходила в дикое возбуждение. Вызвали владельца этой семейной фермы. Он только взглянул на несчастное создание и воскликнул: «Господи, это же моя сестра! Она умерла и была похоронена почти тридцать лет назад!» Пожалуйста, не споткнитесь.

Доктор придержал створку застеклённой двери и вывел Зору на выложенную плитами веранду. Из жаркой, душной больницы, пропахшей кровью, — в жаркий, душный двор, пропахший гибискусом, козами, древесным углем и цветущим табаком.

— И все остальные члены семейства, включая мужа и сына, тоже её опознали. Таким образом, одна тайна разрешилась, но в это время другая заняла её место.

В дальнем углу пыльного двора, в желтоватой тени нескольких деревьев саблье³⁶⁷ стояла, притулившись к ограде, бесполоая фигура в белом больничном халате — спиной к ним, ссутулив плечи, словно ребёнок, водящий во время игры в прятки и считающий до десяти.

— Это она, — произнёс доктор.

Они подошли ближе; тут с дерева на каменистую землю упал плод и лопнул с треском, похожим на пистолетный выстрел, не далее чем в трёх футах от съевшейся фигуры. Та даже не шелохнулась.

366 Стипендия Гугенхейма — ежегодно начиная с 1925 г. присуждается мемориальным фондом Джона Саймона Гугенхейма тем, кто «продемонстрировал исключительные способности в науке или искусстве». (прим. изд. Азбука-классика; СПб)

367 Саблье (фр.) — деревья-песочные часы. Мистические деревья с плодами в форме песочных часов, под которыми нередко проводятся ритуалы вуду, связанные с зомби. (прим. изд. Азбука-классика; СПб) — Точнее фр. *sablier*. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Лучше не заставлять её врасплох, — прошептал доктор, жарко дыша кларином в ухо Зоре, и положил ей руку чуть ниже талии. — Её движения... непредсказуемы.

«Зато твои предсказуемы», — подумала Зора и отстранилась.

Доктор начал мурлыкать мелодию, похожую на:

Мама не хочет ни горошка, ни риса,

Не хочет она и кокосового масла.

Всё, что ей нужно, — это бренди,

Чтобы было всегда под рукой,

— но всё же не её. При первых звуках женщина — ибо это была женщина, хотя Зора и не спешила делать выводы, — прыгнула вперёд и ударилась о стену со смачным звуком, словно пытаясь пробить камень лицом. Потом она отскочила назад и обернулась к гостям; при этом руки её безвольно раскачивались, как маятники. Глаза женщины напоминали бусины из мутного стекла. Широкое лицо могло бы стать привлекательным, если бы приобрело хоть сколько-нибудь осмысленное выражение. Если бы мышцы этого лица хоть немного напряглись.

Много лет назад Зора познакомилась с театром. Она провела долгие месяцы, отскребая турнюры и пришивая эполеты во время турне с тем проклятым «Микадо», чтоб и Гилберту, и Салливану пусто было. Именно тогда она узнала, что загримированные щёки и накладные носы к последнему акту превращаются в гротеск. Лицо этой женщины тоже выглядело так, будто долго потело под гримом.

Всё это Зора заметила за считанные секунды — так успевают разглядеть лицо из окна бегущей электрички. Женщина мгновенно отвернулась, отломала ветку дерева сабле и принялась хлестать ею по земле из стороны в сторону — так прорубается мачете сквозь тростник. Три плода на ветке взорвались — банг! банг! банг! — во все стороны полетели семена, а женщина всё молотила веткой по земле.

— Что она делает? — спросила Зора.

— Подметает, — ответил доктор. — Она боится, что заметят, как она бездельничает. Ленивых слуг бьют. Кое-где.

Он потянулся, чтобы забрать у неожиданно ставшей проворной женщины ветку.

— Нинни, — промычала та, увернулась и продолжала хлестать по земле.

— Веди себя как следует, Фелиция. С тобой хочет поговорить наша гостья.

— Оставьте её, пожалуйста, — попросила Зора, внезапно устыдившись: имя Фелиция по отношению к этой несчастной звучало издёвкой. — Я не хотела её тревожить.

Не обращая внимания на её слова, доктор схватил женщину за тонкое запястье и поднял её руку вверх. Пациентка застыла; колени её были полусогнуты, голова чуть отвёрнута в сторону, будто в ожидании удара. Доктор

продолжал разглядывать её лицо и напевать себе под нос. Свободной рукой он по одному разогнул пальцы женщины и отбросил ветку в сторону, едва не задев Зору. Пациентка продолжала с равномерными интервалами мычать:

— Ннннн, ннннн, ннннн.

В мычании не слышалось ни паники, ни протеста, вообще никакой интонации — просто звук, похожий на гул походной печки.

— Фелиция? — окликнула женщину Зора.

— Ннннн, ннннн, ннннн.

— Меня зовут Зора, я приехала из Флориды, это в Соединённых Штатах.

— Ннннн, ннннн, ннннн.

— Я слышал, как она издаёт ещё только один звук, — произнёс доктор, всё ещё держа женщину за поднятую вверх руку, словно Фелиция была Джо Луисом³⁶⁸. — Когда её купают или она ещё как-то соприкасается с водой. Похоже на мышь, если на неё наступить. Сейчас покажу. Где шланг?

— Не надо! — воскликнула Зора. — Отпустите её, пожалуйста!

Доктор послушался. Фелиция метнулась в сторону, вцепилась в подол халата и задрала его вверх, закрыв лицо, но обнажив при этом ягодицы. Зора вспомнила поминки по матери — тогда её тётки и кузины при каждом новом приступе слёз натягивали на голову фартуки и мчались на кухню, чтобы поплакать там вместе, как птенцы в гнезде. «Благодарение Господу за фартуки», — подумала Зора. На ногах Фелиции, к Зориному большому удивлению, канатами выделялись мускулы.

— Такая силища, — пробормотал доктор, — и настолько... неприрученная. Вы понимаете, мисс Херстон, когда её обнаружили сидевшей на корточках посреди дороги, она была в чём мать родила.

Жужжа, мимо пролетел овод.

Доктор откашлялся, сцепил руки за спиной и начал ораторствовать, словно обращался к медицинскому обществу Колумбийского университета:

— Крайне интересно было бы разобраться, какие вещества применялись, чтобы отнять у разумного существа рассудок и волю, сохранив ему способность ощущать. Их состав и даже способы введения — это наиболее ревностно охраняемые секреты.

Он направился в сторону больницы, не глядя на Зору и не повышая голоса. Он разглагольствовал о травах и порошках, о мазях и огурцах, словно был уверен, что Зора и без приглашения идёт рядом. Однако Зора наклонилась и подняла ветку, которой размахивала Фелиция. Она оказалась гораздо тяжелее, чем Зора предположила, когда Фелиция с такой лёгкостью отломила её. Зора подёргала один из сучков и обнаружила, что плотное, словно резиновое, дерево весьма прочно. Доктору повезло, что ярость, похоже, оказалась в числе отнятых эмоций. А какие остались? Несомненно, страх. А что ещё?

Зора бросила сук рядом с узором, начертанным Фелицией на земле. Внезапно Зора поняла, что рисунок похож на букву «М»³⁶⁹.

368 Джо Луис — знаменитый американский боксёр (1914-1981), выигравший в 1937 г. титул чемпиона мира в тяжёлом весе. (прим. изд. Азбука-классика; СПб)

369 В оригинале «М» кириллицей. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Мисс Херстон? — окликнул её доктор с середины двора. — Прошу прощения. Вы уже насмотрелись, нет?

Зора опустила на колени и протянула к узору руки, словно пытаясь вобрать, заключить в себя каракули Фелиции Феликс-Ментор. Да, это, несомненно, «М»³⁷⁰, а вот эта вертикальная черта походит на «I», а следующая...

MI HAUT MI BAS

Наполовину высокий, наполовину низкий?

Доктор Боас в колледже Барнард говорил, что народ можно понять, лишь когда ты начнёшь думать на его языке. И теперь на устах Зоры, стоявшей на коленях в больничном дворе и глядевшей на слова, нацарапанные на земле, родилась фраза, которую Зора часто слышала на Гаити, но до сих пор ни разу не прочувствовала. Креольская фраза, означавшая «Да будет так», или «Аминь», или «Вот Оно», или всё, что угодно, по твоему выбору, но всегда — более или менее безропотное смирение с миром и его чудесами.

— А бо бо, — произнесла Зора.

— Мисс Херстон? — Перед её глазами возникли запylённые носки штиблет доктора. Они встали на хрупкий узор, который Зора разглядела на земле. Узор начал стираться со стороны башмаков, словно они поднимали ветер или приливную волну. — У вас, может быть, несварение желудка, мисс Херстон? Крестьянские специи часто нарушают работу утончённых систем. Велеть Клементу принести вам соды? Или... — Тут в его голосе снова послышалось возбуждение. — Это не могут быть женские проблемы?

— Нет, благодарю вас, доктор, — сказала Зора и встала, не обратив внимания на его протянутую руку. — Как вы думаете, нельзя ли мне завтра вернуться с фотоаппаратом?

Она хотела, чтобы эта просьба прозвучала небрежно, но ничего не получилось. Ни в «Зове Дамбаллы», ни в «Белом короле Гонаива»³⁷¹, ни в «Магическом острове» — ни в одном бестселлере, предложенном когда-либо американским читателям, обожавшим Гаити, не было напечатано ни единой фотографии зомби.

Зора затаила дыхание: доктор прищурился, переводя взгляд с неё на пациентку и обратно, словно подозревал обеих женщин в сговоре. Потом громко цыкнул зубом.

— Это невозможно, — произнёс он. — Завтра я должен уехать в Порт-де-Пэкс. Уеду на рассвете и не вернусь до...

— Непременно завтра! — выпалила Зора и поспешно добавила: — Потому что послезавтра у меня назначена встреча в... Петонвилле. — Чтобы скрыть эту короткую заминку, она пылко заговорила дальше: — О доктор Легрос! — и коснулась указательным пальцем обтянутого коричневым пиджаком плеча. — Пока я не буду иметь удовольствия снова встретиться с вами, наверняка вы не откажете мне в небольшом знаке расположения?

370 В оригинале «М» кириллицей. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

371 В оригинале «Гонаивы» (см. 362). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Ещё тринадцатилетней «шпротиной», околаваясь у въезда в Итонвилль и заставляя подмигиванием и помахиванием притормаживать янки, направлявшихся в Винтер-Парк, или Санкен-Гарденс, или Уики-Уотчи³⁷², Зора научилась относиться к сексуальности, как и к любому другому таланту, словно к тайному пульта управления. Переключатели можно было перекидывать по отдельности или все вместе, чтобы достигать эффектов — сияния прожектора, грома, медленно проступающего рассвета. Для каждодневного использования достаточно нескольких переключателей; для доктора Легроса, зауряднейшего из мужчин, хватит и одного.

— Ну разумеется, — ответил доктор, изготовившись телом и замерев. — Вас будет ожидать доктор Белфонг, и, заверяю вас, он окажет вам всяческую любезность. А потом, мисс Херстон, мы с вами сверим свои заметки путешественника, *n'est-ce pas?*³⁷³

Зора поднялась на веранду и оглянулась: Фелиция Феликс-Ментор стояла посреди двора. Она обхватила себя руками, словно озябнув, и раскачивалась на загрубевших ступнях с пятки на носок. Она смотрела на Зору — если вообще куда-то смотрела. Позади неё, высоко поднимая ноги, шёл через двор пыльный фламинго.

Зора обнаружила, что гаитянские вывески на французском языке понимать сравнительно легко, а вот на английском — совсем другое дело. Она втиснулась на сиденье в маршрутном автобусике, что дважды в день громыхал между Гонаивом и Порт-о-Пренсом. Полностью уйдя в мысли о Фелиции Феликс-Ментор, Зора поймала себя на том, что смотрит прямо в строжайшее указание над грязным, треснувшим стеклом: «Пассажирам запрещается стоять впереди, когда автобус не двигается или едет».

Как только автобус дёрнулся вперёд, отчаянно скрипя колёсами и скрежеща коробкой передач, водитель с пафосом продекламировал:

— Уважаемые пассажиры, давайте помолимся Господу нашему и всем милосердным мученикам на небесах, чтобы мы смогли целыми и невредимыми добраться туда, куда хотим. Аминь.

«Аминь», — невольно согласилась Зора, уже строча в своём блокноте. Красивая женщина, сидевшая у окна, немного отодвинулась, чтобы освободить место для Зориного локтя, и Зора рассеянно улыбнулась ей. В самом верху странички она написала: «Фелиция Феликс-Ментор». Дефис на рытвине зигзагом уехал вверх. Зора добавила знак вопроса и прикусила карандаш зубами.

Кем была Фелиция и что за жизнь она вела? Где её семья? Доктор Легрос не пожелал говорить об этом. Может быть, семья бросила свою больную родственницу или случилось что-нибудь похуже. Бедняжку могли жестокостью довести до нынешнего состояния. Зора знала, подобные вещи случались в семьях.

372 Курортные городки во Флориде. (прим. изд. [Азбука-классика; СПб](http://Azбука-классика; СПб))

373 Не так ли? (фр.) (прим. изд. [Азбука-классика; СПб](http://Azбука-классика; СПб))

Тут она заметила, что рисует неуклюжую фигуру с вытянутыми вперёд руками. Ничего похожего на Фелицию, отметила Зора. Скорее, монстр мистера Карлова³⁷⁴. Несколько лет назад в Нью-Йорке, в бесплодных попытках собрать воедино бродвейскую постановку, расстроенная Зора по странной прихоти забрела в кинотеатр на Таймс-сквер. Там шёл дурацкий фильм ужасов под названием «Белая зомби». Колышущийся сахарный тростник на афише («Она не мертва... Она не жива... Что она такое?») призрачно намекал на Гаити, куда Зора хотела попасть уже в те времена. Бела Лугоши с мефистофельскими бакенбардами оказался таким же гаитянином, как Фанни Херст, а его зомби, бродившие на негнувшихся ногах, с выпученными глазами вокруг безвкусных декораций, все до единого показались Зоре белыми. До неё так и не дошёл ни смысл названия, ни замысел Лугоши относительно героини. Более того, воскрешение зомби для того, чтобы набрать персонал на сахарную фабрику, показалось ей бесполезной тратой сил, поскольку многие гаитяне (или жители Флориды) работали бы во время Депрессии полный день за меньшую плату, чем любой зомби, и куда охотнее, чем те. И всё же Зора восхитилась тем, как киношные зомби бездумно шагали навстречу судьбе с парашюта замка Лугоши, в точности как должны были шагнуть фанатичные солдаты безумного гаитянского короля Анри Кристофа с высоты цитадели Ла-Феррье.

Но если предположить, что Фелиция — в самом деле зомби, во всяком случае,³⁷⁵ по гаитянским меркам? Не сверхъестественным образом оживлённый труп, а что-то вроде похищенной и отравленной жертвы, которую похититель — её бокор³⁷⁶ — через три десятилетия отпустил или покинул.

Предположим, бокор, оседлав коня задом наперёд, лицом к хвосту, приехал к дому жертвы ночью и украл её душу. Встал на колени на пороге, прижался лицом к щели под дверью, оскалился и — сссссссссссссст! — всосал душу спящей женщины, вдохнул её в свои лёгкие. А следующей ночью — её первой ночью в качестве зомби — заставил Фелицию, как говорится в легендах, пройти мимо собственного дома, чтобы она больше никогда не смогла узнать его или пуститься на поиски.

Однако Фелиция нашла семейную ферму, пусть и поздно. Может, что-то в заклинании не сработало. Может, кто-то накормил её солью — надёжным средством от застарелого похмелья зомби, вроде собачьей шерстинки от обычного похмелья. Кроме того, а где бокор Фелиции? Почему он так долго удерживал свою пленницу, а потом отпустил? Может, он умер и его подопечная ушла? Были ли у него другие подопечные — другие зомби? Каким образом Фелиция оказалась сразу и жертвой, и беглецом?

— И как вам понравилась зомби, мисс Херстон?

Зора вздрогнула. Это заговорила её красивая соседка.

— Прощу прощения! — Зора инстинктивно захлопнула блокнот. — Не думаю, что мы встречались, мисс...

374 В оригинале «Карлоффа», хотя явно подразумевается американизированное написание российской фамилии. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

375 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

376 Бокор — чёрный колдун, практикующий магию с куклами вуду и зомби. (прим. изд. Азбука-классика; СПб)

Незнакомка рассмеялась. Большеглазая, большеротая, у её высоких скул мерцали переливчатые серьги. Из-под платка на лоб выбилось колечко каштановых волос. На платке и плотно облегающем закрытом платье буйствовало море красок. Тяжёлое золотое ожерелье почти терялось в них. Кожа её была цвета кофе со сливками — две трети сливок на треть кофе. Довоенный Нью-Орлеан пал бы к ногам этой женщины, едва захлопнув на ночь ставни.

— А, понятно, вы меня не узнали, мисс Херстон. — Её акцент превратил первый слог в слове «Херстон» в долгое мурлыканье. — Мы встречались в Аркахейе, в хунфоре³⁷⁷ Дье Донне Святого Легера, во время обряда «крючок для мертвеца».

Женщина вытаращила глаза и выпрямилась, безвольно опустила челюсть, а потом откинулась назад и захлопала в ладоши, сверкая кольцом с рубином. Она, как ребёнок, радовалась, что вполне сносно изобразила мёртвого человека.

— Вы можете называть меня Фрейда. Мисс Херстон, это я первая сообщила вам про зомби Феликс-Ментор.

Та встреча в духоте и толчее была мимолётной, но Зора могла бы поклясться, что её осведомительница — женщина более пожилая и простоватая. Хотя сама Зора тоже едва ли выглядела в святилище на все сто. Многие верующие выглядят гораздо лучше не в церкви, а вне её, сколько бы священники и настоятели там, дома, ни отрицали этого.

Зора извинилась за свою рассеянность, поблагодарила её — как её? Фрейду? — за подсказку и поведала кое-что о посещении больницы. Она умолчала о послании на земле, если это вообще было посланием, но зато поделилась мыслями:

— Сегодня мы запираем несчастную женщину на замок, но — кто знает? — однажды она может оказаться на самом почётном месте — как посланница, отмеченная божественным прикосновением.

— Нет, нет, нет, нет, нет, нет, нет! — пылким речитативом произнесла Фрейда. — Нет! Не боги отняли её силу. — Она наклонилась вперёд и приняла заговорщицкий вид. — Мужчина! Это сделал только мужчина. Вы видели. Вы знаете.

Зора, поддразнивая, сказала:

— А, так у вас большой опыт в отношении мужчин.

— Теперь — нет, — отрезала Фрейда. И улыбнулась. — А бо бо. Это ночной разговор. Давайте лучше поговорим о дневном.

И в течение следующего получаса, подпрыгивая на сиденьях, женщины весело болтали. Фрейда спрашивала, а Зора отвечала; они говорили о её гаитянской книге, о «скипидарных лагерях»³⁷⁸ и достопримечательностях Нью-Йорка. Было приятно для разнообразия самой отвечать на вопросы, а не расспрашивать других. Маршрутка тряслась, продвигаясь вперёд, и

377 Хунфор — святилище. (прим. изд. [Азбука-классика; СПб](http://Azбука-классика; СПб))

378 «Скипидарные лагеря» — лагеря рабочих, собиравших сосновую живицу. (прим. изд. [Азбука-классика; СПб](http://Azбука-классика; СПб))

равнодушно засыпала пылью всех, кто встречался на дороге: верховых гвардейцев Гаити, прачек, несущих бельё на бедре, как на полке, полудохлых ослов, нагруженных гвинейским просом. Тёни удлинялись.

— Моя остановка, — сказала,³⁷⁹ наконец,³⁸⁰ Фрейда, хотя автобусик не проявлял никаких признаков торможения, а из окна виднелись только густые пальмовые рощицы по обеим сторонам дороги.

Менее грациозное создание просто встало бы, а Фрейда поднялась, повернулась и стала протискиваться к проходу — спиной, как это ни странно, вперёд. Зора съёжилась на сиденье, чтобы дать ей больше места, но Фрейда всё равно прижалась к ней, притиснув бёдра к груди более старшей женщины. Сквозь тонкий материал платья Зора ощутила жар тела Фрейды. С высоты своего роста Фрейда сверкнула улыбкой, быстро прикусила нижнюю губу и едва слышно хмыкнула.

— Жду нашей следующей встречи, мисс Херстон.

— А где я могу вас навестить? — спросила Зора, желая соблюсти приличия.

Фрейда протиснулась мимо неё и поплыла по проходу, не держась за поручни.

— Ты меня найдёшь, — бросила она через плечо.

Зора открыла рот, собираясь что-то сказать, но забыла, что именно. Она увидела сквозь лобовое стекло, над плечом Фрейды, как на дорогу наперерез с рёвом вылетел грузовик-углевоз. Зора сжалась, ожидая столкновения. Водитель маршрутного автобуса закричал вместе со всеми, ударил по тормозам и вывернул рулевое колесо. С жутким скрежетом автобус развернулся, подняв тучу пыли и грязи. Она затмила солнце, осела на языке Зоры и скрыла из виду грузовик. Несколько долгих, безумных и странно возбуждающих мгновений автобус кренился набок. Потом выровнялся с леденящим душу грохотом, лобовое стекло разлетелось на тысячи мелких кусков. В наступившей тишине Зора слышала чьи-то всхлипывания, слышала последний затихающий кашель мотора, слышала, как с обычным лязганьем открылась передняя дверь. Зора поправила сбившуюся шляпку, чтобы видеть окружающее. Маршрутка и грузовик остановились на расстоянии двух футов друг от друга, бок о бок, только смотрели в разные стороны. Фрейда, улыбающаяся, ничуть не напуганная, в по-прежнему аккуратно повязанном платке, неторопливо шла между ними, ведя пальцем по грузовику, как дитя, и оставляя дорожку в пыли. Она прошла под окном Зоры, не взглянув вверх, и исчезла из виду.

379 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

380 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

«Она выбрала горизонт, как огромную рыбацкую сеть. Стянула его с талии мира и накинула себе на плечи. Как много жизни в его ячейках! Она призвала свою дѹшу прийти и посмотреть».

Во рту пересохло, голова болела от жары и от усилий прочесть собственный — как курица лапой нацарапала! — почерк. Зора перевернула последнюю страницу рукописи, подровняла стопку бумаги и взглянула на свою аудиторию. Фелиция, сидя на корнях дерева сабле, держала в каждой руке по запечѣнному батату и откусывала то от одного, то от другого.

— Это конец, — произнесла Зора всё тем же мягким, без нажима, голосом, которым читала роман. — Я пока не уверена насчёт середины, — продолжала она, убирая рукопись и вытаскивая фотоаппарат, — но зато знаю, что есть конец. А это уже кое-что.

Батат за бататом исчезали вместе с кожурой во рту Фелиции, а глаза её ничего не выражали. Не важно. Зора всегда любила читать вслух то, что пишет, а Фелиция — слушатель лучше многих. Собственно, она вообще первый слушатель этой книги.

Но хотя Зора и не опасалась Фелиции, читая ей роман, она тревожно ощущала над головой узкие викторианские окна больницы и чувствовала на себе внимательные взгляды умирающих и сумасшедших. На веранде что-то бормотал себе под нос согбенный старик в инвалидной коляске, за которым вполглаза присматривала медсестра с журналом в руках.

Экспериментируя, Зора посолила батат, но без видимых результатов. Эта зомби поглощала соль так же, как редакторы поглощают виски.

— Я в вашей стране не для того, чтобы писать роман, — сообщила Зора жующей компаньонке. — Во всяком случае, официально. Мне платят, чтобы я собирала фольклор. Ну что ж, этот роман ещё не закончен здесь, на Гаити, ха! Поэтому я пока даже не могу объявить о том, что пишу его. Это наша тайна, правда, Фелиция?

Экономка больницы отказалась дать Зоре хороший фарфор, неохотно положив батат для подкупа зомби на исцарапанную тарелку из тыквы. Тарелка стояла на земле так, чтобы Фелиция могла до неё дотянуться. Главу за главой, батат за бататом Зора протягивала руку и подвигала тарелку чуть ближе к себе, чуть дальше от Фелиции. До сих пор Фелиция, похоже, не возражала.

Зора снова подвинула тарелку, пока Фелиция облизывала пальцы после съеденного батата. Фелиция потянулась к тарелке и замерла, поняв, что не может дотянуться. Она так и сидела, вытянув руку.

— Ннннн, ннннн, ннннн, — произнесла Фелиция.

Зора не шевелилась, придерживая фотоаппарат на коленях.

Фелиция скользнула к ней, всё так же сидя на ягодицах, схватила два батата и решила съесть их там, где оказалась теперь, не возвращаясь обратно в тень, — на что и надеялась Зора. Она сделала несколько снимков на солнце, но, как увидела позже, ни один из них не смог проникнуть в тени под морщинистым лбом Фелиции, где прятались глаза пациентки.

— Зомби! — раздался дикий вопль. У старика на веранде начался припадок. Он брыкался и молотил во все стороны руками. Медсестра быстро толкала инвалидное кресло к двери. — Я их всех превратил в зомби! Зомби!

— Смотри на моё могущество, — сказал сумасшедший творец зомби, король Анри Кристоф.

Он подкручивал свои театральные усы и злобно-похотливо пялился на красивую юную — или моложавую — женщину-антрополога, бившуюся в путях из змеиной кожи. Широкое белое лицо короля и его слащавый акцент наводили на мысль о Будапеште. По его неспешному жесту легионы зомби, чёрных и белокожих, зашаркали вокруг утёса из папье-маше, гуськом стали подниматься по ступенькам к парапету из бальзы³⁸¹ и перешагивать через него. Они падали вниз без единого звука. Листая блокнот своей пленницы, король неистово хохотал, а потом заявил:

— А я и не знал, что ты такое написала! Да, это хорошо!

Позади него зомби падали вниз, как кегли, их тени в стиле немецкого экспрессионизма скользили по лицу безумного короля, напыщенно читавшего вслух отрывок из «Имитации жизни».

Зора проснулась в холодном поту.

Дождь всё ещё лил сплошным потоком, грохотал по шиферу крыши, как ритуальная барабанная дробь. Рукопись, казавшаяся в темноте белым пятном, медленно скользила по столу. Зора смотрела, как рукопись доползла до края стола и разлетелась по полу со звуком, подобным порыву ветра. Значит, игуана опять до неё добралась. Она просто обожала возиться с Зориной рукописью. Нужно забрать её с собой в Нью-Йорк и устроить на работу в цирк мистера Липпинкотта³⁸². Зора различила в грохочущей тьме очертания сжавшейся криволапой игуаны и замерла, не зная точно, бросаются ли игуаны, как далеко и зачем.

Постепенно Зора расслышала ещё один звук помимо дождя: кто-то плакал.

Она включила прикроватный светильник, нашарила ногами тапочки и потянулась за халатом. Потряхивая головой, чтобы разогнать ночные наваждения, затягивая поясок халата и позёвывая, Зора вышла в коридор и едва не наступила на проклятую игуану, удиравшую от неё, клац-клац-клацая когтями по половицам. Зора стянула с левой ноги тапочку, взяла её за носок, как оружие, хотя и ненадёжное, и вошла вслед за игуаной в большую комнату. Экономка Люсиль лежала на диване и плакала, обеими руками прижимая к лицу носовой платок. Над её головой было распахнуто окно, ветер раздувал занавески. Игуана вскарабкалась вверх по спинке дивана и выскочила в окно, под шипящий дождь. Люсиль не заметила её, но вздрогнула и села прямо, когда Зора подошла к ней близко.

381 Balsa (бальза) — дерево с очень лёгкой и прочной древесиной, растущее в Южной и Центральной Америке; древесина такого дерева. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

382 Сарказм, поскольку Lippincott, Липпинкотт — это старейшее американское издательство (названо в честь основателя), основанное в 1792 г.; издаёт книги по истории, медицине, справочную, художественную и учебную литературу. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Ах, мисс! Как вы меня напугали! Я думала, это Красная Секта!

А, да, Красная Секта. Таинственные невидимые каннибалы, обитающие в горах; их далёкие ночные барабаны слышны только обречённым, а жажда крови делает их клан похожим на совет инспекторов в колледже Бетьюн³⁸³; самый любимый ночной кошмар Люсиль. У Зоры никогда раньше не было экономок, она в них и не нуждалась, но Люсиль «прилагалась к дому», как выразился агент. Всё шло в одной упаковке: вид на горы, паранойя по поводу Красной Секты, жара и холодные, проворные игуаны.

— Люсиль, дорогая, что случилось? Почему ты плачешь?

Новый взрыв рыданий.

— Это всё мой неверный муж, мадам! Мой Этьен. Он бросил меня... ради Эрзули! — Люсиль буквально выплюнула это имя — так оскорблённая женщина в Итонвилле выплюнула бы бесславное имя мисс Дельфини.

Зора только однажды обратила внимание на Этьена, когда он, раскрасневшийся, без шляпы, явился к задней двери, чтобы похвалиться роскошной добычей. Этьен ухмылялся так же широко, как и мёртвый кайман, которого он держал за хвост. Чтобы порадовать хихикающую жену, он повязал на шею этому созданию розовую ленточку, и Зора тогда решила, что Люсиль счастлива не больше и не меньше остальных.

— Ну будет, будет. Иди к Зоре. Ну-ка, высморкайся. Вот, уже лучше. Если не хочешь, можешь больше ничего не рассказывать. Кто такая Эрзули?

На Гаити Зора много слышала об Эрзули, всегда от женщин, и говорили они тоном, полным негодования и восхищения. Зоре очень хотелось узнать больше.

— О мадам, это ужасная женщина³⁸⁴! Она получает любого мужчину, какого захочет, всех мужчин и... и даже некоторых женщин! — Это последнее было произнесено с благоговением. — На Гаити ни один дом не защищён от неё. Сначала она приходила к моему Этьену в снах, дразнила его, он кричал и изливался на простыни. Потом она стала мучить его и когда он не спал, раздражала, подстраивала неудачи, и он всё время злился на себя и на меня. И тогда я отправила его к унгану, и унган сказал: «Зачем ты спрашиваешь меня, в чём дело? Любой ребёнок скажет тебе правду: ты выбран в супруги Эрзули». И он обнял моего Этьена и сказал: «Сын мой, твоя постель из всех других постелей теперь будет предметом зависти всех мужчин». Ах, мадам, религия такая трудная вещь для женщин!

Пытаясь утешить всхлипывающую женщину, Зора испытывала угрызения писательской совести. С одной стороны, она искренне хотела помочь, но с другой — всё это было таким материалом!

— Когда Эрзули захочет, она принимает такое обличье, о каком мужчина мечтает больше всего на свете, чтобы заездить его и высушить, как бобовую шелуху, чтобы украсть у женщины её утешение. О мадам! Мой Этьен не

383 Колледж Бетьюн — экономический колледж в Дайтона-Бич, Флорида. (прим. изд. Азбука-классика:СПб)

384 В оригинале «женщина» вдруг через «ш», возможно, так и задумано, но исправил. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

приходил ко мне на ложе уже... уже двенадцать ночей! — Люсиль рухнула на диван, охваченная новым приступом горя, засунула голову под подушку и начала икать.

«Целых двенадцать ночей... Ну и ну», — думала Зора, занимаясь невесёлыми подсчётами, но вслух ничего не сказала. Она лишь похлопывала Люсиль по плечу и ласково ворковала.

Позже, поджаривая яйцо для удручённой, с покрасневшими глазами экономки, Зора попыталась сменить тему:

— Люсиль! Мне кажется, позавчера, когда почтальон раздавил петуха, ты сказала что-то вроде: «А, зомби сегодня хорошенько поужинают!»

— Да, мадам, думаю, я это сказала.

— А на той неделе, когда ты заметила большúю паутину сразу после того, как убрала на место стремянку, ты сказала: «А бо бо, сегодня зомби задали мне лишнюю работу». Люсиль, когда ты это говоришь, что ты имеешь в виду? О каких зомби идёт речь?

— Ой, мадам, так просто говорится, когда всякие мелочи не идут на лад. «Ох, молоко прокисло, потому что зомби сунул в него ногу», — и всё такое. Моя мать всегда так говорит, и её мать тоже говорила.

Вскоре Люсиль уже весело щебетала, рассказывая про маленьких девочек кофейного цвета и ритуальные купания в Со д'О. Зора делала записи в блокноте, пила кофе, и всё шло прекрасно. А бо бо!

До восхода солнца оставалась ещё пара часов, как вдруг Люсиль оборвала своё щебетание на полуслове. Зора подняла взгляд и увидела, что Люсиль застыла в ужасе, широко раскрыв глаза и посерев лицом.

— Мадам... Слушайте!

— Люсиль, я ничего не слышу, кроме стука дождя по крыше.

— Но, мадам, — прошептала Люсиль, — дождь уже закончился! ...

Зора положила карандаш и подошла к окну. С карнизов и деревьев срывались лишь отдельные капли. Где-то далеко в горах кто-то бил в барабаны — десять барабанов, сто, кто знает? Звук походил на монотонный гром — он не приближался, но и не затихал.

Зора захлопнула ставни и заперла их на защёлки, а потом с улыбкой повернулась к Люсиль:

— Голубушка, да это просто мужчины шумят в ночи, так же как у нас они шумно хвастаются на крыльце лавки Джо Кларка. Ты хочешь сказать, я никогда не рассказывала тебе, как ведут себя мужчины там, у меня дома? Разбей-ка для нас ещё одно яйцо, Силь, милая, и я тебе тоже кое о чём порассказываю.

П/я 128-В

Порт-о-Пренс, Гаити

20 ноября 1936 г.

Д-ру Генри Аллену Мо, секретарю.

Мемориальный фонд Джона Саймона Гугенхейма

551, 5-я авеню,

Нью-Йорк

Дорогой доктор Мо,

С сожалением сообщаю: невзирая на то,³⁸⁵ что я бесконечно стучала и звонила в самые разные двёри и вздымала пыль многих дорог, я так и не нашла родственников этой несчастной женщины, Феликс-Ментор. Она столь же знаменита, сколь и никому не известна. Все о ней слышали; все знают или думают, что знают, краткое, в несколько предложений, описание её «истории». Очень многие выдумывают о ней разные сказки, однако дальше дело не идёт. Она своего рода гаитянская Гарбо. Я бы решила, что это выдуманная личность, если бы не видела её своими глазами и не сфотографировала её в доказательство — чего? Фотография Эмпайр-стейт-билдинга тоже доказательство, только чего именно? Это решать зрителю.

Меня, разумеется, повеселило, как и вас, когда я услышала от некоторых наших друзей и коллег на Гаити, что их тревожит бедняжка Зора. Она как будто «отуземилась», выбросила свой диплом с отличием, отказалась от трейлера для путешествий, Джесса Оуэна и прочих достижений своей родины, чтобы разрывать на куски цыплят и стать посвящённой в тайны Красной Секты. Бог свидетель, доктор Мо, я провела двадцать с лишним лет на юге Соединённых Штатов, под пристальным взором Первой Абиссинской Македонской Африканской Методистской Епископальной Пресвитерианской Пятидесятницкой Свободной Воли Баптистской Ассамблеи Господа Иисуса Христа, вместе со Следующими за Знаками его преподобием, матерью и священником. Все они были так исполнены духа, что выглядели, как смерть, питающаяся одними галетами, но за всё это время я и близко не подошла к принятию христианства. Разумеется, я не подхватчу местную болезнь за какие-то шесть месяцев, проведённых на Гаити...

385 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Обязательства, путешествия и болезнь: «Может, у вас несварение?» — «Благодарю, доктор Легрос», — в течение нескольких недель не давали Зоре возможности попасть в больницу в Гонаиве. Когда она,³⁸⁶ наконец-то,³⁸⁷ вернулась, то вышла на веранду и увидела во дворе Фелицию. Та стояла, как и прежде, в полном одиночестве, лицом к высокой стене. Сегодня Фелиция решила встать на единственном клочке зелёной травы — кусочке мягкого дёрна диаметром с пасхальную шляпу. Зора неожиданно для себя обрадовалась ей, словно доброй подруге.

Чтобы спуститься по ступенькам, Зоре пришлось пройти мимо сумасшедшего старика в инвалидном кресле. Сиделки рядом с ним сегодня не было. Несмотря на его впалые щёки, поблекшие глаза и редкие пучки седых волос на голове, Зора поняла, что в молодости он был очень хорош собой. Приблизившись, она улыбнулась ему.

Он заморгал и сказал задумчиво:

— Скоро я стану зомби.

Зора остановилась.

— Прощу прощения?

— Смерть пришла за мной много лет назад, — заговорил старик, и глаза его заблестели, — но я сказал: нет-нет, возьми вместо меня жену. И отдал её, чтобы она стала зомби. И знаете, я выиграл так пять лет. Отличная сделка. Через пять лет я отдал старшего сына. Потом дочь. Потом самого младшего. И теперь ещё много любимых людей превратились в зомби, все до единого. Никого не осталось. Никого, кроме меня. — Пальцы старика теребили покрывало, укрывавшее его ноги. Он оглядел двор. — Скоро я стану зомби, — повторил старик и заплакал.

Зора встряхнула головой и сошла по ступенькам. Подходить к Фелиции сзади, как сказал в тот первый день доктор Легрос, было делом непростым. Надо действовать достаточно громко, чтобы она тебя услышала, но при этом достаточно тихо, чтобы не испугать её.

— Привет, Фелиция, — произнесла Зора.

Сгорбленная фигура не шелохнулась. Зора, расхрабрившаяся за долгое отсутствие, снова окликнула её по имени, протянула руку и осторожно тронула Фелицию за плечо. Едва она это сделала, по руке, по спине и дальше в ноги побежали покалывание и дрожь. Не оборачиваясь, Фелиция распрямилась, развернула плечи, вытянула шею и заговорила:

— Зора, друг мой!

Фелиция обернулась и оказалась вовсе не Фелицией, а высокой красивой женщиной в коротком белом халатике. Фрейда! Она заметила выражение Зориного лица и расхохоталась.

— Разве я не сказала, что ты меня найдёшь? Может, ты не узнаёшь свою подругу Фрейду?

Зора вновь обрела дыхание.

386 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

387 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Узнаю, — парировала она, — и понимаю, что это жестокая шутка. Где Фелиция? Что ты с ней сделала?

— Ты о чём? Фелиция не принадлежит мне, чтобы подарить её тебе или забрать отсюда. Никто никому не принадлежит.

— Почему Фелиции нет во дворе? Она что, заболела? И почему здесь ты? Тоже заболела?

Фрейда вздохнула:

— Как много вопросов! Вот так и пишутся книги? Глупышка, если бы Фелиция не была больна, она бы сюда вообще не попала. Кроме того... — Фрейда вновь расправила плечи. — Почему тебя так волнует эта... бессильная женщина? Женщина, позволившая мужчине сбить с пути свою душу, как голодный кот возле бочонка угрей? — Фрейда подошла ближе, дневной зной сгущался вокруг них. — Расскажи свою книгу женщине, у которой есть сила. Расскажи свою книгу мне, — прошептала она. — Расскажи мне о похоронах мула, и о вздымающихся водах, и о жужжащем грушёвом дереве, и о тайном вздохе юной Джейни...

У Зоры в голове одновременно возникли две мысли, словно переплелись стон и вдох: «Изыди из моей книги!» и: «Господи, да она ревнует!»

— К чему суетиться? — огрызнулась Зора, вспыхнув гневом. — Тебе не кажется, что ты знаешь мою книгу наизусть? И кроме того, — продолжала она, шагнув вперёд и оказавшись нос к носу с Фрейдой, — есть и другие силы, отличные от твоих.

Фрейда зашипела и отпрянула назад, словно ошпаренная раскалённым жиром.

Зора вздёргнула повыше нос и беспечно добавила:

— И чтоб ты знала, Фелиция тоже писательница.

Фрейда сжала губы в тонкую нить, развернулась и устремилась к больнице, перебирая под халатиком длинными сильными ногами. Не задумываясь, Зора шагнула следом и догнала Фрейду.

— Если хочешь знать, — сказала Фрейда, — твоя подруга-писательница теперь находится на попечении семьи. За ней приезжал сын. И как, это очень выдающееся событие? Может, сын должен был уведомить тебя, хм? — Она подмигнула Зоре. — Он вполне мускулистый молодой человек, и ему нравятся женщины постарше. Или намного старше. Могу показать, где он живёт. Я бывала там чаще, чем ему известно.

— Как сильно ты зависишь, — произнесла Зора, — от мужчин.

Едва Фрейда вступила на веранду, как старик в инвалидной коляске сжался и застонал.

— Ш-ш-ш, дитя, — сказала Фрейда, вытащила из кармана шапочку медсестры и водрузила её на свои каштановые волосы.

— Не дайте ей забрать меня! — завыл старик. — Она превратит меня в зомби! Превратит! В зомби!

— Фи! — сказала Фрейда, подняла босую ногу и толкнула инвалидное кресло на фут вперёд — под ним на плитках стояли удобные белые туфли. Фрейда всунула в них нѳги и развернула кресло.

— Вот ваш бокор, мисс Херстон. Зачем мне нужны холодные рѳки зомби? Au revoir³⁸⁸, мисс Херстон, Зора. Не ограничивайте свой кругозор. Вы найдѳте в моей стране ещѳ многое, о чѳм можно написатѳ. Я надеюсь.

Зора стояла внизу, у ступенек, глядя, как Фрейда увозит старика прочь по неровным плиткам веранды.

— Эрзули, — произнесла Зора.

Женщина остановилась. Не оборачиваясь, она спросила:

— Как ты **меня** назвала?

— Твоим настоящим именем, и говорю тебе: если ты не оставишь в покое Этѳена, мужа Люсиль, чтобы эти двое могли сами проложить себе путь в преисподнюю, то я... да, я вообще забуду о тебе, и ты никогда не появишься в моей книге!

Фрейда залилась смехом. Старик обмяк в своём кресле. Смех оборвался, словно выключилось радио, и Фрейда, внезапно помрачнев, посмотрела вниз.

— Они не выдерживают долго, правда? — пробормотала она и ткнула старика в затылок указательным пальцем. — Очаровательные бедняжки. — Вздохнув, она повернулась к Зоре, с откровенным одобрением оглядела её и пожала плечами. — Ты сумасшедшая, — сказала она, — но честная.

Фрейда попятилась к двѳри, открыла её спиной и закатила мѳртового старика внутрь.

Маршрутный автобус, как всегда, опаздывал, и Зора, не в силах усидеть на месте, пошла пешком. Пока дорога идѳт вниз под горку, а солнце остаѳтся над горой, решила она, заблудиться невозможно. Шагая по живописной местности, Зора пела, собирала цветы и работала над своей книгой наиприятнейшим из всех известных ей способов — мысленно, без бумаги и даже без слов, пока ещѳ без. Зора наслаждалась предупреждающими знаками у каждого поворота: «**La route tue et blesse**», или, дословно: «**Дорога убивает и ранит**».

Интересно, думала Зора, каково это — идти по дороге нагишом, как Фелиция Феликс-Ментор. И уже решала, не провести ли такой эксперимент, как вдруг сообразила, что наступила ночь. (А где же автобус и остальные машины, и почему дорога сделалась такой узкой?) И если сбросить одежду, то платье, и сорочка, и туфли составят ужасно большѳю охапку. Единственный разумный способ нести одежду — это, на сáмом-то деле, надеть её на себя. Рассуждая так, Зора, с трудом ступая стѳртыми ногами, завернула за крутой поворот и почти столкнулась с несколькими дюжинами фигур в красном, идущих ей навстречу. На головах у них были капюшоны, несколько человек держали факелы, у каждого был барабан, а один вѳл на верѳвке большого, свирепого на вид пса.

— Кто идѳт? — спросил низкий мужской голос.

388 Au revoir (фр.) — до свидания. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Зора не могла понять, кто из спрятавшихся под капюшонами задал вопрос — и говорил ли вообще хоть кто-нибудь из них.

— А кто хочет это знать? — откликнулась она.

Капюшоны переглянулись. Не говоря ни слова, несколько из них засунули руки под балахоны. Один вытащил меч. Ещё один вытащил мачете. Тот, с собакой, вытащил пистолет, опустился на колени и пробормотал что-то псу на ухо. Одной рукой он почёсывал пса между лопатками, а другой ласково гладил его по голове сверкающим в лунном свете дулом. Зора слышала, как стучит и шелестит собачий хвост, виляющий в листве.

— Скажи пароль, — произнёс голос, кажется,³⁸⁹ принадлежавший тому, с мечом, потому что он для лучшего эффекта указал на Зору. — Говори, женщина, или ты умрёшь, а мы попируем тобой.

— Она не знает пароля, — сказал женский голос, — разве что она тоже разговаривала с мёртвыми. Давайте съедим её.

И внезапно — так же отчётливо, как она знала всё в старом мире, — Зора поняла, как звучит пароль. Его дала ей Фелиция Феликс-Ментор. *Mi haut, mi bas.* Наполовину высокий, наполовину низкий. Можно сказать его прямо сейчас. Но она этого не сделает. Она будет верить в зомби, совсем чуть-чуть, и в Эрзули — может быть, немного больше. Но в Красную Секту, в связанное кровавой клятвой сообщество мужчин, она верить не будет. И Зора шагнула вперёд, легко, добровольно, и фигуры в красных балахонах не двигались, пока она шла среди них. Пёс заскулил. Зора спустилась вниз с холма. Позади не было слышно ничего, кроме лягушачьего хора. За следующим поворотом она увидела отдалённые огни Порт-о-Пренса, а намного ближе — маршрутный автобус, стоявший перед лавкой. Зора засмеялась и повесила свою шляпу на предупреждающий знак. Между ней и автобусом пролегла освещённая лунным светом дорога, усеянная крохотными лягушками. Они отличались от камешков и кусочков коры лишь тем, что прыгали, тем, что у них были какие-то дела.

А бо бо!

Она призвала свою душу прийти и посмотреть.

February 2004 © Andy Duncan

389 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Поппи З. Брайт «Калькутта, властительница сил»

Поппи З. Брайт (настоящее имя Мелисса Энн Брайт) — автор многочисленных романов, в числе которых выделяются «Потерянные души» («Lost Souls»), «Изысканный труп» («Exquisite Corpse»), «Ликёр» («Liquor») и «Кухня души» («Soul Kitchen»). Её короткие рассказы выходили в журналах и множестве антологий. Последний сборник рассказов «Допотопные сказки» («Antediluvian Tales») увидел свет в 2007 г. Вместе с Мартином Г. Гринбергом Поппи З. Брайт выступила соредактором сборников рассказов вампирской эротики «Любовь в крови» и «Любовь в крови 2» («Love in Vein», «Love in Vein 2»).³⁹⁰

Публикуемый ниже рассказ был номинирован на Всемирную премию фэнтези, однако уступил первое место включённому в настоящий сборник произведению Дэна Симмонса «Фотография класса за этот год» («This Year's Class Picture»). По иронии судьбы, при написании рассказа наш автор вдохновлялась романом «Песнь Кали» («Song of Kali») того же Д. Симмонса. «Я смотрю на Калькутту и богиню Кали совсем по-другому, — говорит Поппи Брайт, — но, не прочитав романа Симмонса, я бы никогда не написала свой рассказ». (Кстати, сам Симмонс в своей речи на вручении премии отметил, что её следовало бы отдать «Калькутте...».)

В этой истории, описывающей прогулку героя по терроризируемому мертвецами-зомби городу Калькутте, больше от наблюдений, чем от сюжетного произведения. «Парень просто шатается по городу и наблюдает его жизнь, — говорит Брайт. — Рассказ интересен (как я надеюсь) тем, что видит он и описывает исключительно необычные вещи».

Я родился в больнице Северной Калькутты глухой индийской полночью незадолго до начала сезона муссонов. Над рекой Хугли, притоком великого Ганга, висел густой и влажный, как мокрый бархат, воздух, а пни баньянов³⁹¹ вдоль дороги³⁹² Верхний Читпур, покрытые фосфоресцирующими пятнами, светились, словно духи огня. Я был чёрным как ночь и почти не кричал. Мне кажется, я помню всё это, ибо так и должно было быть.

Моя мать умерла при родах, и той же ночью больница сгорела дотла. (У меня нет причин связывать вместе эти два события; с другой стороны, нет причин и для обратного. Может быть, в сердце моей матери загорелось желание

390 В оригинале в конце предложения запятая вместо точки. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

391 Баниан, баньян (banyan, Indian fig, лат. Ficus bengalensis) — тропическое дерево семейства тутовых с разросшейся кроной, поддерживаемой многочисленными столбообразными воздушными корнями, бенгальский (разновидность индийского) фикус; древесина такого дерева. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

392 В оригинале «дорога». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

жить. А может быть, пожар раздувала её ненависть ко мне, ничтожному, слабо попискивающему существу — причине её смерти.) Из ревущего пламени меня вынесла сиделка и передала онемевшему от горя отцу. Он баюкал меня, глядя на огонь.

Мой отец был американцем. Пятью годами ранее он приехал в Калькутту по делам. Здесь он встретил мою мать и полюбил её. Есть люди, которые никогда не сорвут цветок с клумбы, на которой он вырос. Отец не захотел увозить её из этого прокалённого солнцем, пышного и нищего города, который её взрастил. Город был частью её экзотического образа. Так мой отец остался в Калькутте. Теперь его любимый цветок завял и умер. Отец прижимался потрескавшимися губами к мягким волосикам у меня на голове и плакал. Я помню, как впервые открыл глаза. Огонь высушил влагу, глаза давило и жгло, но я смотрел на рвущийся в небо столб дыма. Ночное небо, подсвеченное пламенем, было дымчато-розовым, как будто в нём смешались кровь и молоко.

Молока для меня не было, и я сосал из пластиковой соски противную детскую смесь с химическим привкусом. Больничный морг находился в подвале и не пострадал от огня. Моя мать лежала там на холодном металлическом столе, её заскорузлая от смертного пота сорочка скрывала окровавленные промежность и бедра. Её мёртвые глаза были устремлены сквозь обгоревший остов здания в молочно-красное небо, и пепел оседал у неё на зрачках.

Мы с отцом уехали в Америку до начала дождей. Без моей матери Калькутта вновь превратилась в то, чем она и была, — в омерзительную дыру, гигантскую площадку для сжигания трупов — по крайней мере, так считал мой отец. В Америке он мог не бояться отпускать меня в школу или в кино, в спортзал или в бойскаутские походы, будучи уверенным, что кто-нибудь всегда позаботится обо мне, да я и сам не пропаду. Там не было тагов³⁹³, которые могли перерезать вам глотку, перед этим задушив и ограбив, не было гундасов³⁹⁴, продававших кости своих жертв на удобрения. Не бродили повсюду коровы, поливая улицы своей священной вонючей мочой. Мой отец мог со спокойным сердцем доверить меня благословенной Америке, сам оставаясь у себя в спальне, где он опускал шторы и пил виски до тех пор, пока не напивался до оупения; тогда его горе хоть на время теряло свою остроту. Он был из тех людей, что любят раз в жизни, они фаталисты и знают с болезненной ясностью, что неизбежно придёт день, когда они лишатся своей любви. Когда же этот день наступает, они едва ли бывают удивлены.

Особенно много выпив, он начинал вспоминать Калькутту. Мой юный американский разум отказывался воспринимать этот город. Мне нравились гамбургеры, пицца и кондиционеры, неограниченная, неразборчивая любовь, что щедро изливалась на меня с экрана телевизора. Но моя индийская душа

393 Таги (инд. thugs) — секта убийц-душителей. (прим. изд. Азбука-классика; СПб) — На самом деле произносится «туг» или «тхаг» — это синоним убийцы, разбойника, так назывались представители преступной организации, существовавшей в Индии до XIX в. (практиковали грабежи и убийства посредством удушения), а вовсе не «таг» (от английского «tag» — неотображаемый текст разметки документа в html-формате). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

394 Гундас (инд. goondas) — наёмные убийцы-головорезы. (прим. изд. Азбука-классика; СПб) — На самом деле скорее «гунда» (т. к. именно «goonda», а «goondas» — это просто форма множественного числа) — это индийский синоним наёмного убийцы или просто хулигана. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

рвалась в Калькутту. Мне было уже восемнадцать, когда отец в конце концов не сумел выйти из своего последнего запоя. Я вернулся в город, где столь несчастливо родился, как только сумел собрать денег на авиабилет.

Ха, Калькутта, скажете вы. Разве можно жить в таком месте, где мертвецы разгуливают по улицам?

А я отвечу: разве это не здорово? Что может быть лучше города, в котором пять миллионов человек выглядят как покойники, — а могут и на самом деле быть покойниками, — а другие пять миллионов мечтают умереть?

Моя подружка, проститутка Деви, начала работать в пятнадцать лет. Её первое рабочее место было в лачуге, сделанной из толя, на Саддер-стрит. Саддер — это Бурбон-стрит³⁹⁵ Калькутты, хотя ей недоставало карнавальная весёлости последней и люди не носили масок. Нет нужды прятать лицо там, где нет самого понятия «стыд». Сейчас Деви работает в крупных отелях, продаёт американским туристам, британским специалистам и немецким бизнесменам свою экзотическую бенгальскую любовь. Деви худенькая и красивая, но характер у неё ещё тот. Она любит повторять, что Земля такая же шлюха, как она сама, а Калькутта — её вагина. Земля сидит на корточках, раздвинув ляжки, а Калькутта — это то, что вы видите у неё между ногами, влажная дыра, источающая тысячи ароматов, как восхитительных, так и мерзких. Это источник самых буйных наслаждений и одновременно рассадник всей мыслимой заразы.

Вагина Земли. Что ж, мне это нравится. Я люблю вагины так же, как свой нищий город.

Мертвецы тоже любят вагины. Когда им удаётся поймать женщину, они калечат её, чтобы не сопротивлялась, и вы можете наблюдать этих счастливцев, как они вгрызаются между её ногами с жадностью, которой позавидовал бы самый пылкий любовник. Им не нужно вытаскивать голову, чтобы подышать. Я видал некоторых, что влезали в тело по самые плечи. Видимо, внутренние женские органы для них — редкий деликатес, и что в этом удивительного? В человеческом теле они вроде чёрной икры у осетров. Очень отрезвляюще действует, когда наталкиваешься на распластавшуюся в канаве женщину с вывалившимися из растерзанной утробы кишками. Но реагировать не рекомендуется. Не следует отвлекать мертвецов от их пиршества. Они тупые и неповоротливые, но тем больше причин для вас быть умнее их, быстрее и вести себя тише. Они ведь и с мужчиной сделают то же самое, его мягкий пенис и мошонка для них — изысканное лакомство, отгрызут с удовольствием, оставив на их месте кровавую дыру. Но вы можете бочком пробраться мимо них, пока они заняты едой, — и вас не заметят. Я не стараюсь прятаться от мертвецов. Я гуляю по улицам и наблюдаю; больше мне делать нечего. Я очарован. То, что я вижу, вовсе не ужасно, это просто одна из сторон жизни Калькутты.

Первое время я вставал поздно, после полудня, в самую жару. У меня была комната в одном из обветшавших мраморных дворцов в старой части города. Деви часто навещала меня там, но в то утро я спал один. Как обычно, в комнате было жарко, и я проснулся совершенно мокрый от пота, обмотанный перекрученными простынями. Яркие полосы солнечного света лежали на полу.

395 Бурбон-стрит — одна из старейших улиц в центре Нового Орлеана, известная питейными заведениями. (прим. изд. Азбука-классика; СПб)

У себя в комнате на третьем этаже я чувствовал себя в безопасности, особенно если двери были заперты на замок. Мертвецам трудно подниматься по лестницам, к тому же они неспособны сколь-нибудь долго объединять свои усилия, чтобы выломать дверь. Они были для меня не опасны. Они питаются теми, кто физически неспособен убежать, и теми, кто сдаётся без борьбы: выжившими из ума брошенными стариками, молодыми женщинами, что сидят в ступоре по канавам, баюкая умерших за ночь младенцев. Это лёгкие жертвы.

Стёны моей комнаты были выкрашены коралловой краской, а косяки и дверь — зеленоватой, цвета морской волны. Краски ярко играли на солнце, и на душе становилось веселей, несмотря на жару снаружи. Я спустился во дворик с высохшим мраморным фонтаном и вышел на улицу, залитую невыносимо ярким солнечным светом. В нашем районе было мало зелени, только чахлые кустики каких-то сорняков тянулись вдоль дороги. Сточную канаву кое-где украшали коровьи лепёшки. Ближе к вечеру и то,³⁹⁶ и другое исчезало. Местные ребята собирали навоз и сухую траву и лепили из них брикеты, которые продавали потом как топливо для кухонных очагов.

Я шёл по направлению к главной магистрали города — Чоуринги-роуд. Пройдя полдороги по своей улице, я увидел знакомую картину: одна из тех самых заторможенных юных матерей сидела сгорбившись под навесом матрасной фабрики. Мертвецы уже добрались до неё. Они вырвали ребёнка из её рук и прогрызли ему голову. Их перемазанные кровью бессмысленные лица погружались время от времени в мягкие мозги, из медленно жующих ртов вываливались кровавые сгустки. Мать сидела рядом на обочине, баюкая пустоту. На ней было грязное зелёное сари, разорванное спереди, в прореху были видны тяжёлые, набухшие от молока груди. Когда мертвецы закончат с ребёнком, они примутся за неё, и она не будет сопротивляться. Я уже видел такое. Я помнил, что, когда они вгрызаются в груди, молоко сначала брызжет струёй, а потом льётся потоком. Я помнил, как жадно они лакают из этих ручьёв крови и молока.

На жестяной навес над их двигающимися вверх-вниз головами тихо падали длинные волокнистые пряди хлопка, грязными космами они свисали с крыши и с дверной притолоки, как паучьи сети. Из другой части здания доносилось слабое бормотание транзистора, шла передача христианского радио на английском языке. Евангельские песнопения заверяли Калькутту в том, что её **упокоившиеся во Христе жители воскреснут**. Я пошёл дальше.

Большинство улиц города застроено очень плотно. Разномастные дома лепятся друг к другу впритык, и улица похожа на расшатанный книжный шкаф, набитый книгами разного размера. Иногда здания даже нависают над мостовой, и вы видите над головой только узкую полоску неба, перекрещенную километрами бельевых веревок. На фоне грязно-серого неба хлопающие на ветру разноцветные шелковые и хлопковые одеяния выглядят очень красиво. Однако есть в Калькутте несколько мест, откуда вдруг открывается панорама города, он становится виден весь. Вы видите длинный грязный склон, на котором раскинулись трущобы — басти³⁹⁷ — огромное скопище жалких лачуг из жести и картона, обитатели которых всю ночь поддерживают огонь в

396 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

397 Basti, bustee, busti, басти (Индия, этимология: урду «поселение») — трущобы, заселённый бедняками (хижины, лачуги, хибары). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

маленьких очагах. Мертвецы часто навешиваются сюда, но люди не уходят из басти — куда им идти? Или вы увидите заброшенные земли с неработающими фабриками, пустующими складами и почерневшими дымовыми трубами на фоне неба цвета ржавчины. Или блеснёт сквозь пелену тумана серо-стальная гладь рек Хугли с вознесшимся над ней сложным переплетением балок, ферм и стальных канатов — мостом Хоура³⁹⁸.

В настоящий момент я как раз находился напротив рек. Район набережной считался небезопасным из-за утопленников. Каждый год тысячи самоубийц прыгают в реку с высокого моста и ещё тысячи просто заходят в воду с берега. В этом месте легко приходит мысль свести счёты с жизнью, потому что здесь в водяных парах копится отчаяние. Частично этим объясняется висящее над Калькуттой вполне ощутимое облако безнадёжности — в городе высокая влажность.

И вот теперь самоубийцы и просто утонувшие уличные мальчишки выходили из рек. В любой момент её воды могли извергнуть какого-нибудь утопленника, и вы бы слышали, как он карабкается на берег. Если он пробыл в воде достаточно долго, это заканчивалось для него печально — утопленник раздирал своё тело об усеивающие берег камни и обломки кирпича и превращался буквально в ничто; единственное, что от него оставалось, — мерзкий коричневый налёт с запахом ила.

Полицейские втаскивали мертвецов на мост, где и расстреливали. Обычно этим занимались сикхи, которые слывут более жестокими, чем индуисты. Даже отсюда я видел красные брызги на серых фермах моста. Иногда вместо расстрела их обливали бензином и поджигали и потом через перила сбрасывали в воду. Ночью вполне обычным делом было увидеть плывущие по течению корчащиеся в огне тела; горящие руки, ноги и голова делали такое тело похожим на красную пятиконечную звезду.

Я задержался у лотка торговца пряностями, чтобы купить букет красных хризантем и горсть шафрана. Я попросил его завернуть шафран в лоскуток алого шёлка.

— Прекрасный сегодня денёк, — сказал я ему по-бенгальски.

Он уставился на меня с весёлым ужасом.

— Прекрасный — для чего?

Истинный индуист верит в то, что все живые существа одинаково священны. Не считаются нечистыми ни паршивая собака, роющаяся в урнах с прахом на погребальной площадке, ни грязный нищий, что тычет вам в лицо свою вонючую гангренозную культю и, видимо, считает именно вас виновником всех своих бед. Они священны в той же мере, что и церковные праздники в святом храме. Но даже самому набожному индуисту очень трудно счесть священным ходячего мертвеца. Это пустые человеческие оболочки. Вот что внушает самый настоящий ужас: не их бессмысленная жажда живой человеческой плоти, не засохшая кровь под ногтями и не обрывки мяса, застрявшие между зубами, а то, что у них нет душ. Их глаза пусты, все производимые ими звуки: выпускание газов, ворчание, голодный скулёрж —

398 Наога, Howrah, Хаура, Хоура (Индия) — индустриальный город востока Индии, запада Бенгалии, расположенный напротив Калькутты, население 1 034 400 (перепись 2009 г.), 1 008 704 (перепись 2001 г.). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

чисто рефлекторны. Индуисту, приученному к мысли, что у всех существ есть душа, вынести это невозможно. Но жизнь в Калькутте продолжается. Магазины работают, транспорт тащится в пробках по Чоуринги-роуд. У людей нет выбора.

Скоро я подошёл к месту, с которого неизменно начиналась моя ежедневная прогулка. Частенько я проходил в день по двадцать, по тридцать миль — у меня были крепкие ботинки, а кроме того, заняться мне было абсолютно нечем, я просто гулял и наблюдал. Но первая остановка всегда была у Калигхата, храма богини Кали.

У неё много имён: Кали Ужасная, Кали Свирепая, Носящая Ожерелье из Черепов, Истребительница Мужчин, Пожирательница Душ... Но для меня она была Мать Кали, единственная из обширного и живописного пантеона индуистских богов, кто возбуждал моё воображение и трогал душу. Она была Разрушительницей, но в ней же находили и последнее утешение. Она была богиней Вечности. Могла истекать кровью, сгорать, но всегда возвращалась, вечно бодрствующая, великолепная и ужасная.

Я пригнулся, проходя под натянутыми в дверном проёме гирляндами бархатцев и храмовых колокольчиков, и вступил в храм Кали. Несмолкаемый уличный шум остался позади, внутри царил оглушающая тишина. Мне казалось, что я слышу эхо от тихого шороха своих шагов, отражавшееся от невидимого в вышине свода. Вокруг моей головы вились струйки дыма со сладковатым запахом опия. Я приблизился к статуе Кали, джаграте, и в меня упёрся её сверлящий взгляд. Она была высока ростом и — я сравнивал её с Девы — более худощава и обнажена гораздо бесстыднее, чем бывала моя подруга в самые интимные минуты. Соски её груди были выкрашены кровью — по крайней мере, я всегда так считал, — такими же красными были пара острых клыков и длинный язык, который свешивался змеей из её разинутого рта. Волосы были вздыблены, взгляд свиреп, но расположенный в центре лба третий глаз, серповидный, глядел с состраданием; он видел всё и всё принимал. Ожерелье из черепов обвивало её грациозную шею и украшало прорезанное в горле углубление. Её четыре руки были прихотливо изогнуты, и, когда вы отводили взгляд хоть на мгновение, казалось, что они меняют своё положение. В руках она держала верёвочную петлю, жезл с черепом вместо набалдашника, сверкающий меч и отрезанную голову с разинутым ртом, очень похожую на настоящую.

У подножия статуи стояла серебряная чаша, как раз в том месте, куда должна была капать кровь из горла Кали. Иногда эта чаша была наполнена жертвенной кровью, козьей или овечьей. Сегодня чаша была полна. По нашим временам кровь вполне могла оказаться человеческой, хотя она не имела того особенного гнилостного запаха, который указывал бы на её происхождение от какого-нибудь мертвеца.

Я сложил хризантемы и шафран у ног Кали. Тут уже лежали другие подношения, в основном всякие сласти и фунтики с пряностями. Среди них я заметил и несколько довольно странных вещей. Фаланга пальца. Что-то вроде сморщенного гриба, который при ближайшем рассмотрении оказался человеческим ухом. Подобные жертвы приносили те, кто надеялся на особую защиту; обычно их отрывали от мертвецов. Но кто мог сказать, не сам ли

проситель отрезал собственные ухо или сустав пальца, чтобы задобрить богиню? Я и сам, когда забывал подношение, резал себе бритвой запястье и оставлял несколько капель крови у ног идола.

Снаружи кто-то закричал, и я на миг обернулся, а когда снова взглянул на статую, мне показалось, что положение её рук изменилось и длинный язык высунулся ещё дальше. А её широкие бедра — я часто фантазировал на эту тему, — так вот, они, казалось, подались мне навстречу, как бы предлагая взглянуть на ужасную и притягательную щель между ляжками богини.

Я улыбнулся её красивому коварному лицу. «Если бы у меня был такой же длинный язык, как у тебя, Мать Кали, — прошептал я, — я бы опустился перед тобой на колени и лизал бы лепестки твоей священной вагины, пока ты не застонала бы от наслаждения». Казалось, её зубастый рот шире растянулся в улыбке, а сама улыбка стала более сладострастной. В присутствии Кали я много фантазировал.

Выйдя из храма, я понял, что это были за крики. Во дворике храма стоит каменный алтарь, на котором жрецы приносят жертвы богине; обычно это бывают козлята. Возле жертвенника собралась группа бедно одетых горожан, которые схватили девушку-мертвеца и теперь методично разбивали на камне её голову. Тощие руки с зажатыми в них острыми камнями и обломками кирпичей взлетали и опускались. Мертвячка всё ещё пыталась приподнять наполовину раздробленную голову, щёлкая разбитой челюстью с выломанными зубами. Её жидкая вонючая кровь смешивалась на земле с густой кровью животных. Голое тело было перемазано гноем и дерьмом, высохшие груди болтались пустыми мешочками. Прогнивший живот разорвало газами. Избиение продолжалось: один из нападавших всадил ей палку между ног и навалился на неё всем своим весом.

Мертвецов сейчас в Калькутте больше, чем прокажённых. Когда процесс разложения трупа заходит достаточно далеко, различить их нетрудно. А так они похожи — те же самые лица на разных стадиях мокрого и сухого гниения, прорвавшие во многих местах гнилую кожу кости, похожие на заплесневелые корки сыра, изуродованные раковыми наростами черепа... Но всё же по сравнению с мертвецами в прокажённых больше человеческого, хотя понять это можно, только если подойти к ним поближе и заглянуть в глаза. На определённой стадии болезни прокажённые уже не могли жить попрошайничеством, потому что в наше время большинство людей в ужасе убегает при одном виде гниющего лица. В результате прокажённые умирали, потом возвращались, и оба этих вида теперь смешались в пародии на инцест. А может быть, они и на самом деле могут скрещиваться. Ведь очевидно, что мертвецы едят и переваривают пищу и время от времени гадят где придётся, как любой нормальный житель Калькутты. По-моему, однако, никто так и не знает, могут они эякулировать или беременеть или нет.

Конечно, это глупая мысль. Мёртвая матка полностью сгнила бы задолго до того, как зародыш смог развиваться хотя бы наполовину; мёртвая мошонка — неподходящая колыбель для живого семени. Но никто, кажется, ничего не знал о биологии мертвецов. Газеты взахлёб живописали сцены кровавых нападений как с той, так и с другой стороны. Многие радиостанции покинули эфир, а те,

что остались, передавали религиозные проповеди, которые шли одна за другой и превратили вещание в один бесконечный вой причитаний; мусульманские, индуистские и христианские догматы начинали постепенно сближаться.

Никто в Индии не мог с уверенностью объяснить, почему вдруг ожили мертвецы. Последняя из слышанных мною теорий заключалась в следующем: методами генной инженерии был создан микроорганизм, питавшийся пластмассой, — мир пытался спастись от отходов своей же жизнедеятельности. Но затем этот микроб мутировал и перешёл на питание мёртвыми человеческими клетками, одновременно преобразуя их в живые; при этом основные функции организма восстанавливались. Так ли это, не суть важно. Калькутта не очень удивилась тому обстоятельству, что её покойники воскресли и принялись кормиться за её счёт. Покойники другого сорта занимались подобным делом уже лет сто.

Весь остаток дня я шатался по городу. Мертвецов видел только раз, и то издалека; в последних лучах кроваво-красного заходящего солнца они дрались над раздувшейся тушей священной коровы.

Я подошёл к реке Хугли. К заходу солнца я всегда стараюсь оказаться возле неё, в том месте, откуда виден мост Ховра. В закатных лучах река красива до боли. Свет плавится на поверхности вод, как горячее ги³⁹⁹, их цвет из стального переходит в хаки, а затем в золотой, река вся сияет. На фоне тускнеющего оранжевого закатного неба вздымаются чёрные ажурные фермы моста. Время от времени мимо меня проплывали цветочные венки и дотлевающие угольки, последние земные следы умерших. Выше по реке, за мостом, располагались гхати⁴⁰⁰, где люди прощались со своими усопшими родственниками, сжигали их тела и бросали прах в священные речные воды. В наши дни кремацию проводят более качественно или, по крайней мере, стараются ускориться побыстрее.

С чужими мертвецами люди скрепя сердце уже как-то смирились, но им вовсе не хотелось бояться ещё и собственных дорогих покойников.

Некоторое время я шёл вниз по течению; ветер с реки доносил запахи горелого мяса. Отойдя подальше от моста, я углубился в лабиринт узких улочек и аллей, что вели в сторону доков в южной части города. Жители уже начинали устраиваться на ночлег. А спальней в этом районе мог служить и упаковочный ящик, и просто кусочек мостовой. В укромных уголках и закоулках разжигались маленькие костерки. Всё ещё дувший от реки тёплый ветерок пробирался по извилистым улочкам. Оказалось, что уже очень поздно. Я проходил улицу за улицей, минуя редкие островки света и гораздо более протяжённые тёмные участки, и в такт своим шагам слышал тихий звон медных бубенчиков. Это напоминали о себе рикши, следующие за мной в надежде, что я захочу их

399 Ги (инд. ghee) — перетопленное жидкое масло из молока буйволицы. (прим. изд. Азбука-классика; СПб) — Вообще-то ghee или ghi (инд. ги) — топлёное масло из коровьего молока или из молока буйволиц, которое используется в индийской кулинарии. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

400 Гхати (инд. ghats) — место ритуального сожжения умерших. (прим. изд. Азбука-классика; СПб) — Вообще-то ghat или ghaut (гхат) — это спуски к воде священных рек и озёр, часто ступенчатые, украшенные изображениями божеств, святых, мемориальными комплексами; по утрам на гхатах совершаются обряды поклонения реке, солнцу; паломники совершают омовение, тем самым освобождаясь от грехов, набирают воду священных рек и озёр в кувшины, чтобы забрать их с собой; некоторые спускаются по гхатам, чтобы закончить жизнь в водах священной реки, обычно Ганга, и тем добиться «освобождения». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

нанять. Впечатление было жутковатое — ведь я никого не видел. Я шёл в одиночестве по пустым ночным улицам, а призрачные бубенчики пели мне серенады. Но это чувство быстро прошло. На улицах Калькутты вы никогда не одиноки.

Из тёмного дверного проёма вдруг вынырнула чья-то тонкая рука. Глянув туда, я с трудом различил в темноте несколько прижавшихся друг к другу тощих фигур. По-моему, их было человек пять. Я бросил в протянутую ладонь несколько монет, и рука так же тихо исчезла. У меня редко просят подаяние. Я не выгляжу ни бедным, ни богатым и обладаю полезным талантом почти не привлекать к себе внимания. Люди смотрят мимо меня, а иногда даже сквозь меня, как будто я невидимка. И я совсем не возражаю — это позволяет мне больше узнавать. Но когда у меня просят, я всегда подаю. Благодаря моим монеткам у этих пятерых завтра будет рис и чечевица.

На завтрак — чашка риса с чечевичной похлёбкой, на ужин — стакан воды из колонки.

Иногда мне кажется, что мёртвые жители Калькутты питаются лучше многих живых.

Поплутав по узким улочкам, я,⁴⁰¹ наконец,⁴⁰² вышел к задней стене какого-то здания, в котором с немалым удивлением узнал храм богини Кали. Калькуттские переулки расположены так хаотично и непродуманно, что вы можете сто раз пройти мимо какого-нибудь места и так и не узнать, что были совсем рядом. Я много раз бывал в Калигхате, но ещё никогда не подходил к нему с этой стороны. Храм возвышался передо мной, тёмный и безмолвный. Так поздно я тоже ещё никогда не приходил. Я даже не знал, когда уходят жрецы и можно ли ходить сюда по ночам. Однако подойдя поближе к задней стене, я заметил приоткрытую дверцу. Возможно, это был служебный вход. Внутри что-то мерцало: то ли свечка, то ли нашитое на чью-то одежду зеркальце, а может, это была догорающая палочка благовоний.

Я проскользнул вдоль стены и на мгновение задержался возле двери. Вверх, в темноту храма, вели каменные ступени. Отнюдь не каждый захотел бы вдруг оказаться ночью в безлюдном храме богини Кали. Одна мысль о встрече лицом к лицу с жестоким божеством в этом мрачном месте заставила бы без памяти бежать от этих ступеней. В общем, я вошёл внутрь.

На середине подъёма меня настиг запах. Провести целый день, гуляя по Калькутте, — это значит нанюхаться тысяч витающих в её воздухе ароматов, как приятных, так и не очень: запахов жарящихся на масле специй, вони дерьма, мочи и всяких отбросов; а ещё на улицах продаются гирляндами такие маленькие белые цветочки, могра, чей приторно-сладкий запах всегда напоминает мне парфюм, которым душатся американские работники похоронных бюро, чтобы отбить запах морга.

401 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

402 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

* * *

Калькуттцы в массе своей очень чистоплотны, я бы сказал, болезненно чистоплотны, даже самые бедные. Они везде мусорят и плюются, но многие из них моются по два раза на дню. И всё же при такой жаре и влажности потеют все; к середине дня в любом общественном месте разит потом. Так изысканно пахла бы смесь лимонного и лукового соков. Однако за весь сегодняшний день я впервые столкнулся с такой ужасающей вонью. Она была густая и влажная и завивалась по краям, как засыхающий гриб. Это был смрад трупного разложения, мерзкий дух гниющей плоти.

Когда я поднялся в храм, то увидел их.

Огромное центральное помещение освещалось только свечами, их огоньки помигивали от движений воздуха. Тусклый свет не давал возможности отчётливо разглядеть собравшихся у подножия статуи Кали молящихся, они казались вполне обычными людьми. Но когда мои глаза начали привыкать к полумраку, стали проявляться детали. Высохшие руки, разложившиеся лица; с некоторых тел почти слезла кожа, и за рёбрами болтались сморщенные внутренние органы.

Теперь об их подношениях.

При свете дня Кали с ухмылкой взидала на букетики и сласти, любовно сложенные к её ногам благонравными почитателями. Лежащее там сейчас, видимо, подходило ей больше. Я видел поставленные на обрубки шей человеческие головы, глядящие серебристыми белками закатившихся глаз. Какие-то куски, вырванные то ли из животов, то ли из бёдер. Оторванные руки походили на бледные цветки лотоса с лепестками-пальцами, раскрывшимися в ночь.

Больше всего было костей. Они громоздились со всех сторон пьедестала. Одни были обглоданы так чисто, что блестели при свете свечей. На других ещё оставались клочья мяса и длинные мерзкие полоски жира. Тонкие лучевые кости рук, похожие на дубинки берцовые. Там кренделёк тазовой кости, тут изящный позвоночник. Хрупкие детские косточки, изъеденные временем стариковские. Кости тех, кто не сумел убежать.

Это были дары мертвецов своей богине. Кали с самого начала стала их божеством, а они — её прислужниками.

Богиня улыбалась гораздо плотоядней, чем обычно. Свисавший из открытого рта длинный красный язык влажно поблескивал. На ужасном лице сверкали чёрные отверстия глаз. Если бы сейчас она шагнула со своего пьедестала и двинулась ко мне, протягивая извивающиеся руки, вряд ли у меня возникло бы желание пасть перед ней на колени. Скорее я бы сбежал. И красота бывает невыносимой.

Мертвецы начали неторопливо разворачиваться в мою сторону. Их головы поднимались, а гниющие дыры ноздрей ловили мой запах. Глаза тех, у кого они ещё оставались, радужно мерцали. Внутри пустых тел что-то

поблескивало, отражая свет. Это были прорехи на мироздании, каналы в какую-то иную, пустую вселенную. В пустоту, где правила богиня Кали и где единственным утешением была смерть.

Мертвецы не приближались. Они просто стояли, вцепившись в свои драгоценные дары, и смотрели на меня — те, кто с глазами, — или сквозь меня. В тот момент я чувствовал себя не просто невидимым, а насквозь пустым. До такой степени, что вполне мог бы и сам сойти за своего среди этих человеческих оболочек.

И вдруг как будто дрожь прошла по мертвецам. В следующее мгновение — в неверном мерцании свечей, в отблесках света от тел — Кали шевельнулась. Вот дёрнулся палец, вот повернулось запястье, — поначалу движения были слабыми, почти незаметными. Но затем её губы раздвинулись в невозможно широкой зубастой ухмылке, а кончик длинного языка изогнулся. Она крутанула бёдрами и резко подбросила левую ногу высоко в воздух. Изящным движением она вытянула носок ноги, попиравшей миллионы мертвецов, сделав пуанте, достойное примы-балерины. При этом её вагина широко раскрылась.

Но это был не тот бутончик, что я так страстно целовал в своих мечтах. Вагина богини оказалась огромной зияющей красной дырой, ведущей, казалось, в самый центр мира. Она была глубокой раной в ткани мироздания, и окружали её кровь и пепел. Двумя из четырёх своих рук Кали указывала на неё, зовя меня внутрь. Я мог бы протиснуть туда голову, а затем и плечи. Я мог целиком забраться в этот влажный багровый бесконечный тоннель и ползти там целую вечность.

И я кинулся прочь. Даже не успев ещё осознать свои действия, я уже пересчитывал боками ступени крутой каменной лестницы. Ударившись последний раз о её подножие, вскочил и побежал, ещё не чувствуя боли в разбитых голове и колене. Я был уверен, что мертвецы погонятся за мной. Не знаю, кого я на самом деле боялся. Временами мне казалось, что я бегу не прочь от чего-то, а прямо к нему.

Моё бегство длилось всю ночь. Когда ноги почти отказывали, я вскакивал в ночной автобус. Один раз я пересёк реку по мосту и очутился в Ховре, беднейшем из пригородов Калькутты. Больше часа я брёл, спотыкаясь, по пустынным улицам, сделал петлю и вновь вернулся по мосту в город. Через какое-то время я наткнулся на человека, который нёс на перекинутом через плечи коромысле два бидона с водой, и попросил у него напиться. Он не дал мне своей жестяной кружки, попросту плеснул в подставленные ладони. На его лице была написана смесь жалости и отвращения, с таким выражением обычно смотрят на пьяных или на нищих. Конечно, для нищего я был слишком хорошо одет, но он видел страх в моих глазах.

Перед самым рассветом я оказался в заброшенном промышленном районе. Я с трудом тащился мимо неработающих фабрик и пустующих складов, дымовых труб и ржавых железных ворот, обитых жестью. Все фасады зияли выбитыми стёклами. Их были тысячи, этих пустых окон. Через некоторое время я сообразил, что иду по дороге Верхний Читпур. Я шагал в нарождающемся свете нового дня, под бледно-голубым предрассветным небом. Наконец я сошёл с дороги и побрёл, спотыкаясь, по пустырям. В какой-то момент я оказался

перед развалинами здания, его почерневшие балки и сваи вздымались подобно обгоревшим рёбрам доисторического динозавра. И только тут я понял, что пришёл на место своего рождения.

На месте здания образовался обширный котлован глубиной полтора-два метра. Он был заполнен битым стеклом, погнутыми металлоконструкциями, горелыми деревяшками двадцатилетней давности и вообще всякой всячиной. В свете восходящего солнца всё это казалось очень чистым. По невысокому склону котлована я съехал вниз, перекатился по земле и улёгся,⁴⁰³ наконец,⁴⁰⁴ на слой углей и золы. Постель моя была невыразимо мягкой, она баюкала меня в своих объятиях. Рассветные лучи омывали моё тело. Наверное, я всё же попал в ту самую бездну меж ног богини Кали и нашёл обратный путь.

Каждое утро рассвет оmyвает Калькутту. Если бы солнце вставало тысячу раз на дню, не было б чище города в мире.

Лёгкий ветерок гонял пепел по моему телу, руки и губы покрылись серой золой. Я был в безопасности здесь, в лоне своего города, названного его поэтами Властительницей Сил, городом радости, лоном мира. Мне казалось, я лежу среди его мертвецов. Они меня не пугали, я был в безопасности: я знал их богиню, делил с ними одно ложе. Когда солнце взошло и озарило грязь и великолепие Калькутты, мне показалось, что в её небе, покрытом тёмными клубящимися облаками и озарённом бледно-розовым светом, начался пожар.

1992 © Poppy Z. Brite

---

403 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

404 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Уилл Макинтош «Преследуемый»

Произведения публиковались в изданиях «Strange Horizons», «Azimov's», «Postscripts», «Interzone» и «Futurismic». Его рассказ «Совершенный фиолетовый» («Perfect violet») был выбран для антологии «Научная фантастика: лучшие произведения 2008 года». В настоящее время Макинтош работает над своим первым романом «Тихий апокалипсис» («Soft Apocalypse»), который базируется на одноимённом рассказе, опубликованном в «Interzone».

Макинтош считает, что зомби — это возможность посмотреть в лицо присущему каждому человеку страху смерти. «Мне кажется, людям нравятся рассказы о зомби потому, что они исследуют этот страх: перед нами мертвецы, и они не являются могущественными, загадочными существами, чья жизнь наполнена эротическими приключениями; они трупы. И мы очень боимся трупов».

«Преследуемый» появился на свет в результате дискуссии, которую Макинтош начал со своими студентами факультета психологии. Он задал им вопрос: «Если бы вы могли спасти жизнь любого человека, заплатив сто долларов, сколько людей вы бы спасли?» Как говорит Макинтош: «Я подчеркнул, что и сейчас мы можем спасти жизни за сто долларов или даже меньше, но не делаем этого. Так что нам остаётся либо жить с этим осознанием, придумывая отговорки, либо продать машину».

Она, как и прочие зомби, бесцельно брела по тротуару, и её дёрганая, скачущая походка резко выделялась на фоне плавных шагов живых. Девочка лет шести-семи походила на уроженку Индии, её потрёпанную одежду покрывал слой грязи и пыли. Прохожие, не замечая её, тем не менее обходили стороной.

Поначалу я не обратил на неё особого внимания — решил, что тот, кого она преследует, уехал на машине и она потихоньку догоняет его со свойственным мёртвым упорством. Стоял тёплый летний полдень, дело было в центре, и я сидел на открытой площадке кофейни под названием «Дёрганный Джо». До начала учебного года оставалось ещё несколько недель, и я никуда не торопился.

Я вернулся к рукописи, которую читал, и думать забыл о трупе, пока краем глаза не заметил, что она стоит у моего столика. Я глянул на неё, оглянувшись через плечо и снова перевёл взгляд на девочку. И тут я понял. Большие, безжизненные карие глаза смотрели на меня. Будто она заявляла на меня права. Но такого не могло быть! Я ждал, что она вот-вот уйдёт, но девочка не двигалась с места. Я поднял чашку кофе и, не донеся до рта, трясущейся рукой поставил обратно.

За соседним столиком, положив нѳги на свободный стул, удобно расположилась женщина в зелёном льняном платье. Она кинула на меня пренебрежительный взгляд поверх книги в мягкой обложке. Когда наши глаза встретились, она снова уткнулась в книгу.

Я вскочил на нѳги. Стул заскрежетал по асфальту, а едва отпитый кофе расплескался по столу.

Я укрылся в относительной безопасности припаркованной машины и в зеркало заднего вида наблюдал, как труп ковыляет в моём направлении. Возможно, произошла ошибка и девочка пройдёт мимо. В отличие от пожирающих бензин монстров, на которых разъезжало большинство преследуемых трупами, мой «зелёный Вольво⁴⁰⁵» работал на водородных топливных элементах — более экономичной марки я просто не мог себе позволить. Как же я подцепил труп? Я опустил стекло и выжидал.

Девочка подошла поближе, я слышал, как она шаркает ногами по тротуару. Она остановилась футах в трёх от машины и повернулась ко мне. Круглое детское лицо, крохотный подбородок под безвольно раскрытым ртом... Она была такой маленькой.

Я завёл мотор и выехал с парковки, едва не задев другую машину. В боковом зеркальце я увидел, как мой труп терпеливо ковыляет по тротуару, следуя неведомому компасу, при помощи которого мёртвые выслеживают тех, на кого заявляют права.

* * *

Каждые несколько минут я отодвигал занавеску, чтобы посмотреть, идёт ли она. И наконец увидел, как она шагает с опущенной головой по краю тротуара. Девочка свернула на дорожку к моему дому, задела ногой трещину на асфальте, споткнулась и с трудом восстановила и так непрочное равновесие. На негнущихся ногах преодолела три ступеньки крыльца и остановилась перед дверью. Я опустил занавеску и запер дверь на задвижку.

И позвонил Дженне.

— У меня труп, — заявил я без предисловий, когда она сняла трубку.

— Боже мой, Питер! — На другом конце провода возникла долгая пауза. — Ты уверен?

— Она стоит на моём крыльце! — закричал я. — Я вполне уверен, что она моя.

— Ничего не понимаю. За что тебе труп?

— Не знаю. Не могу поверить. Я просто не могу поверить!

---

405 В оригинале «вольво» с маленькой буквы, хотя марка автомобиля. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Дженна утешила меня тем, что перечислила все пункты, по которым я выгодно отличался от прочих обладателей трупов. Потом она сменила тему, но у меня не было настроения обсуждать университетские дела и обычную ежедневную чепуху, так что мы договорились пообедать вместе, и я закончил разговор.

В надежде отвлечься я включил телевизор. Нашёл биржевые сводки. Индекс Доу Джонса вырос почти на три процента, котировки ценных бумаг поднялись на два. Я переключился на новости. На фоне ряда недавно возведённых ветряков президент давала интервью по поводу отказа от подписания третьего Киотского протокола.

«Мы делаем всё возможное в целях предупреждения глобального потепления, — заявила она в камеру. — Но мы не позволим другим странам оказывать на нас давление. Американский стиль жизни останется неизменным».

Бла-бла-бла. Даже при том, что операторы старательно выбирали ракурсы, камеры показывали несколько сотен её трупов, отгороженных от президента шеренгой телохранителей в синих костюмах. Тощенький чёрный мальчуган лет четырёх-пяти, с раздутым, как футбольный мяч, животом, пробрался в щёлку между телохранителями и заковылял к президенту. Один из агентов тут же подхватил его и вернул в толпу трупов. Но бережно — действующая администрация не хотела давать «Международной амнистии» лишних поводов для протеста.

Я попытался утешиться видом президентских трупов. Их у неё было восемьдесят или девяносто тысяч; они стояли плотной, двадцатифутовой ширины стеной у ворот Белого дома, и каждый день их количество увеличивалось.

Потом я немного полистал каналы. Странно, но большинство передач показывали мир без трупов. На ток-шоу, в полицейских и комедийных сериалах трупы появлялись крайне редко — персонажи ходили по улицам, работали, встречались с друзьями, и никого из них не сопровождал труп. Я с трудом мог представить себе те времена, когда мы жили без них.

Я снова отодвинул занавеску и посмотрел на неподвижно стоящую на моём крыльце девочку. Я просто не мог сдержаться. Может, мне удастся обнаружить на ней какую-то подсказку, которая поможет понять, кто она такая и отчего умерла. Доказательство, что небесная канцелярия совершила ошибку, когда послала её мне.

Я открыл дверь, и девочка зашла в дом. От её босых ног на деревянном полу оставались грязные следы.

— Посмотри вокруг, у меня не так уж много вещей. — Я провёл её по дому. — Солнечные батареи, люминесцентные лампы. Я покупаю только подержанную мебель.

Она даже не взглянула на мебель, а продолжала смотреть на меня.

— Я стараюсь покупать местные продукты. Я голосовал за «Единый мир».

По-прежнему ничего. Я осмотрел комнату в поисках новых доказательств.

— Что я сделал? — спросил я её пустые глаза. — Скажи мне, что я сделал!

Она была симпатичным ребёнком. Я представил её смеющейся, бегущей, играющей в «классики» на тротуаре, как любила в своё время играть моя сестра. Я представил, как она пьёт бурюю воду из грязной жестяной кружки, лежит в кровати, умирая от тифа или дизентерии. А может, кровать была слишком дорогим удовольствием для её семьи — может, она умерла на соломенной подстилке в углу грязной хижины. От несправедливости во мне поднималась волна знакомого гнева.

Девочка стояла передо мной совершенно бесшумно. Она не двигалась, не дышала. Она будет со мной до конца моих дней. Как мне жить дальше?

Я присел на краешек глубокого кресла в гостиной. Девочка встала передо мной на расстоянии вытянутой руки и уставилась на меня. Наконец-то я смог хорошенько её рассмотреть. Тощие ноги с костлявыми коленками. Коричневые ступни. Длинные тёмные волосы с застрявшими веточками и листьями. На красных перепачканных шортах красовался спереди единственный карман. Я протянул руку и невольно поморщился от прикосновения к холодному, твёрдому телу, но порывшись двумя пальцами в кармане. Там лежала пуговица, блестящая новая пуговица серого металлического цвета с бирюзовыми прожилками. Я повертел её в руке, потёр прохладную гладкую поверхность — если маленькая девочка никогда не держала в руках Барби, она вполне могла носить её с собой как игрушку.

Я взял девочку за запястье, повернул её грязную ладонь кверху, вложил ей в руку пуговицу, сомкнул её пальцы и осторожно отпустил. Пуговица со стуком упала на деревянный пол.

* * *

— Она здесь? — спросила Дженна.

В ответ я кивнул. Мой труп стоял за дверями ресторана и смотрел на меня через стекло. Надо было выбрать ресторан подальше от дома, чтобы успеть поесть прежде, чем она нагонит меня.

— Не смотри на неё, — прошептала Дженна.

Пожилая пара на выходе распахнула дверь, и мой труп, на который никто не обращал внимания, зашёл внутрь. Люди смотрели на неё невидящими глазами — так реагируют даже не на бродячую собаку, а на бревно или порыв ветра.

Она встала передо мной и снова уставилась на меня, и я знал, что красивая пуговица надёжно спрятана в её кармашке. Дженна продолжала есть, будто ничего не случилось, хотя я видел, что она украдкой поглядывает на мой труп. Я подцепил на вилку немного спаржи в лимонном соусе, прожевал и проглотил, с трудом протолкнув через комок в горле.

В ресторане находились и другие трупы, около десятка. Двое стояли возле бара, их лица в приглушённом свете ламп с цветными стеклянными абажурами терялись в тених, но их грязные обноски резко выделялись среди

отутюженных брюк, белых рубашек и полированного дерева. Приятную, хорошо одетую тридцатилетнюю пару сопровождало трое трупов; они стояли у их столика как личные официанты: сторбленный старик-азиат, двенадцатилетняя негритянка и пятилетняя девочка, которая выглядела как родная сестра моей. Подумать только, чтобы набрать столько трупов, эти двое должны жить как бездумные свиньи!

Дверь снова открылась, и в ресторан вползла девочка-младенец; она едва успела убрать ногу прежде, чем дверь захлопнулась. Голая девочка напомнила мне черепаху — она ползла так же неуклюже и дёргано. Покряхтывая, она с трудом доползла до пары с тремя трупами, хлопнулась на попу и уставилась на женщину. Та продолжала есть стоящую перед ней паэлью⁴⁰⁶ (ресторан прекрасно готовил это блюдо), а когда мужчина что-то ей сказал, засмеялась, прикрывая рот рукой.

Краем глаза я заметил (или мне показалось), что мой труп бросил взгляд на мою тарелку. Я быстро обернулся и уставился на неё. Тусклые глаза девочки не отрывались от моего лица.

— Что случилось? — спросила Дженна. — Не смотри на неё! — прошипела она, будто я прилюдно поковырял в носу. — Что? Что стряслось?

— Готов поклясться, что она только что посмотрела в мою тарелку.

— Давай закажем десерт пополам? — предложила она.

Я начал сомневаться, а не привиделся ли мне тот быстрый, укромный взгляд. Вполне может быть.

— Закажи себе, — ответил я. — Я наелся.

Я отложил вилку. К лососю я даже не притронулся.

* * *

Вернувшись домой, я сел за кухонный стол и выписал Всемирному фонду по борьбе с голодом чек на три тысячи долларов. Обычно я отсылал им около пятидесяти. Три тысячи дались мне нелегко, но я мог себе это позволить. Подняв голову, я вздрогнул, когда увидел в кухонном окне лицо. Её лицо. До сих пор она стояла у входной двери, где не было окна. Видимо, она что-то понимала. Девочка смотрела на меня, не моргая. Она вообще не моргала, я заметил и раньше, но только сейчас полностью это осознал.

Я засунул чек в конверт и внезапно понял, что держу его так, чтобы труп мог его видеть. Меня терзали сомнения — неужели передо мной стоит маленькая девочка и она понимает, где находится и что с ней происходит, или же от неё осталась лишь пустая оболочка?

Я порвал чек и выписал другой, на десять тысяч. Такую сумму мне будет нелегко сэкономить, но я встал и пошёл к почтовому ящику. Стояла прекрасная ночь: на небе светила полная луна, оглушительно трещали цикады. На другой стороне улицы, через два дома от меня, труп высокого худого негра присел на корточки, заглядывая одним глазом в щёлку опущенных жалюзи. Мой

406 Paella, паэлья — традиционное испанское блюдо из риса и морепродуктов. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

труп обошёл дом, пробираясь по пояс в траве и местных сорняках (ещё одно доказательство моего ответственного отношения к экологии, ещё одна причина, что труп послали мне по ошибке), и нагнал меня по пути обратно. Она следовала за мной до входной двери. Я захлопнул её перед носом девочки.

На следующее утро я поднялся рано после практически бессонной ночи. Я поднял занавеску и увидел её круглое личико. Её роста хватило только на то, чтобы над подоконником торчали глаза и нос.

— Чёрт!

Я стукнулся лбом о раму и проглотил сдавленный стон. Я действительно надеялся, что сумею откупиться от неё.

— Отвяжись же от меня наконец! — крикнул я через закрытое окно и задёрнул штору.

Моясь в душе, я представлял, как мой труп терпеливо ждёт на улице. И почему мне не попался мужчина, беззубый старик? Учебный год неумолимо приближался. Через пять дней мне предстоит читать первую лекцию. Я не мог себе представить, как буду преподавать с неотрывно смотрящим на меня трупом.

* * *

Ни один из студентов не привёл с собой труп, так что на утренней лекции мой оказался единственным. Студенты вежливо обходили её взглядами, хотя она стояла в каких-то трёх футах от меня, задрав голову и не отрываясь от моего лица, пока я знакомил класс с расписанием.

Рука с конспектом тряслась от стресса и усталости. Предыдущим вечером я довёл себя почти до истерики, выпил четыре или пять бокалов, чтобы приглушить переживания, и долго не мог решить, что же мне надеть. Поначалу я собирался одеться как можно проще, в джинсы и футболку, чтобы показать, что я обычный человек, живу просто и не заслуживаю трупа. Но вдруг студенты разгадают мой план и решат, что я склонен к показухе? В конце концов я остановился на чёрных джинсах и белой рубашке — той самой, что была на мне, когда впервые появился мой труп. Скромно, но со вкусом, как я и предпочитал одеваться.

Когда я начал лекцию, положение ухудшилось. Обычно во время лекции я расхаживаю по подиуму, и сейчас девочка ходила за мной по пятам, делая на каждый мой шаг два своих ковыляющих. От шарканья её ног по линолеуму у меня заломило зубы. Я терпеть не могу, когда босые ноги шаркают по грязному полу, так же как некоторые люди терпеть не могут, когда проводят гвоздём по стеклу, или не могут притронуться к вате. Я перестал ходить.

Я никак не мог собраться с мыслями, спотыкался на словах, а когда я встретился взглядом с одной из студенток, она тут же отвела глаза, сделав вид, что записывает, хотя я не сказал ничего важного. Я с трудом выдавливал связные предложения, не говоря уже о важных.

Сам того не заметив, я перевёл взгляд на труп, будто читал лекцию ей одной. Она смотрела на меня. С трудом я оторвался от её лица и уставился на голую белую стену; тут я осознал, что снова хожу и девочка ходит за мной — шарк, шарк, шарк, — дёргаясь, как... как кто? Как мёртвый ребёнок.

Я отпустил класс пораньше и как в тумане направился к кабинету, усталый, мучимый похмельем и не понимая, как я переживу дневную лекцию. Девочка изо всех сил старалась не отставать: я слышал за спиной её шарканье.

Меня охватила злость, и я развернулся, ткнул в неё пальцем и открыл рот. Её взгляд на миг опустился к моей груди и тут же снова прилип к лицу. Но на сей раз я не сомневался в увиденном. Она опустила глаза, и они были почти — не полностью, но почти — осмысленными.

— Я видел! — заявил я, снова ткнув пальцем.

Стоя в коридоре у кабинета, я ругался с трупом. Джек высунул лысую голову из своей двери, посмотрел на нас и опять скрылся.

В смущении я нырнул в свой кабинет, но оставил дверь приоткрытой для неё.

— Скажи мне, что я сделал! — уставившись на неё сверху вниз, заорал я, наклонившись и приблизив своё лицо к её. — Я хороший человек! И не заслуживаю тебя!

Я хотел, чтобы она сфокусировалась, посмотрела на меня, услышала мои слова. Но мне удалось увидеть только маленький розоватый язычок, а за ним темноту.

Я схватил со стола ониксовую статуэтку Будды и запустил в стену поверх её головы. Статуэтка врезалась в стеллаж, разбила застеклённую фотографию стадиона «Янки», с полок посыпались книги.

— Господи! Ты в порядке? — крикнул Джек.

Я поднял компьютерный монитор и грохнул его об пол у её ног. Монитор треснул, сверкнули искры. Тут меня обхватили чьи-то руки: я даже не заметил, как Джек оказался в кабинете, но теперь он держал меня за плечи.

— Успокойся, успокойся! — кричал он.

Я пытался вырваться. Даже не знаю, что бы я сделал, если бы мне это удалось. Очень надеюсь, что моим намерением не было ударить её по голове клавиатурой. Изо всех сил я рванулся из рук Джека. Затрещала разрываема рубашка.

— Тихо, тихо, — приговаривал мне на ухо Джек. — Всё в порядке, всё хорошо, тихо.

Я заплакал. Джек держал меня, пока я не обмяк, потом ослабил хватку, ещё немного посидел со мной в обнимку и отпустил.

Мы с Джеком не слишком хорошо знали друг друга; этот факт только придавал ситуации сюрреализма, когда я стоял в своём разгромленном кабинете и рыдал. Сквозь слёзы я заметил пуговицу на полу у ног моего трупа. В странном оцепенении я нагнулся и поднял её. Её пуговица — серая, с бирюзовыми прожилками. Никаких сомнений. Но как она выпала из кармана?

— Мне кажется, что рубашке уже ничем не поможешь, — извиняющимся тоном произнёс сзади Джек.

Я посмотрел на рубашку. Шов на одном рукаве разошёлся, и рубашка висела на мне наполовину расстёгнутая, нескольких пуговиц не хватало.

Наверное, мы редко рассматриваем наши пуговицы, хотя застёгиваем и расстёгиваем их по тысяче раз. На моей рубашке красовались серые, металлического цвета пуговицы с бирюзовыми прожилками. Довольно необычные. Они выглядели менее яркими и новыми, чем пуговица моего трупа, поскольку рубашку уже несколько раз стирали.

Я бережно взял руку девочки и повернул её, провёл пальцами по маленькой ладошке, подушечкам пальцев. Мозоли. Совсем не похоже на руки ребёнка, который часто играет в «классики».

— Все живы? — В дверях стояла Мэгги из дальнего кабинета.

За ней двое наших коллег вытягивали шеи, пытаясь разглядеть, что произошло. На нашей кафедре редко происходило что-то интересное; иногда сюда заглядывал разгневанный студент, но раньше здесь никогда не падали со стен картины и не взрывались мониторы.

— Всё нормально, — ответил Джек.

Я понял, **насколько** он хороший человек. Всё ещё стоя на коленях, я рассматривал пуговицу красными от слёз глазами.

Толпа разошлась; за ними тащились два трупа.

Джек наклонился, обнял меня за плечи.

— Ты пришёл в себя?

Я кивнул.

— Вряд ли я смогу понять, как ты сейчас себя чувствуешь, но думаю, что ужасно.

Я кивнул.

— Если захочешь поговорить, заходи.

Я кивнул в третий раз. Он похлопал меня по спине и ушёл.

Приближалось время моей дневной лекции. В нижнем ящике стола я держал свитер для тех случаев, когда кондиционер включали на полную мощность. Я натянул свитер поверх порванной рубашки, и, когда просовывал голову в ворот, мне показалось, что мой труп глянул на пуговицу на полу.

Я нагнулся⁴⁰⁷, поднял пуговицу и положил ей в кармашек, вместе с другой, более новой и блестящей.

По пути я завернул за угол к туалету и придержал дверь перед моим трупом, когда та начала закрываться. Под её отражающимся в зеркале внимательным взглядом я умылся и причёсался.

407 В оригинале «Нагнулся» с заглавной буквы в середине предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Из полотенцедержателя я выдернул несколько бумажных полотенец, намочил их под краном и вытер грязь с пухлых щёк и лба моего трупа. Попытался расчесать её волосы, что оказалось безнадёжной затеей, поэтому я засунул расчёску обратно в карман и вручную вытащил наиболее заметные щепки. Потом глянул на часы. Скоро начнётся лекция.

Я вернулся в кабинет за материалами лекции, потом направился через светлый центральный вестибюль к широкой лестнице и начал подниматься, придерживаясь за тонкие серебристые перила. На полпути я остановился и оглянулся. Мой труп сражался со второй ступенькой. Я спустился к ней, взял её на руки и понёс вверх по лестнице.

Summer 2006 © Will Mcintosh

Харлан Эллисон и Роберт Сильверберг «Поющая кровь зомби»

Вместе Харлан Эллисон и Роберт Сильверберг получили практически все награды, которые присуждаются в области научной фантастики и фэнтези (чёрт, и по отдельности каждый из них получил практически все премии, которые присуждаются в этой области). Оба получили звание гроссмейстеров от Американской ассоциации писателей-фантастов (эта награда даётся пожизненно). Кроме того, они имеют двенадцать «Хьюго», восемь «Небьюл» и двадцать семь премий журнала «Локус» — и это помимо множества других наград. Попросту говоря, они — живая легенда. Включить в антологию рассказ, написанный одним из них, — это честь. Получить рассказ, написанный обоими, — нечто исключительное.

Эллисон говорит, что на этот рассказ его вдохновил писатель, с которым он встретился, когда вёл в колледже творческую мастерскую. Тот был «пьян в хлам с утра до ночи», однако всё равно каждое утро умудрялся сесть за пишущую машинку и напечатать несколько слов. «Он вёл себя как зомби, — говорит Эллисон, — продолжал писать исключительно на рефлексах. Так дёргается под воздействием гальванического шока лягушачья лапка. Он мог бы с таким же успехом быть мёртвым и лежать в склепе, за исключением тех минут, когда чувствовал необходимость писать».

С четвёртого балкона Музыкального центра Лос-Анджелеса сцена казалась не более чем сверкающим бликом, постоянно меняющим цвет — крапинки ярко-зелёного, перекрученные завитки кармазинного. Но Рода предпочитала сидеть здесь, наверху. Её не интересовали места в Золотой Подкове, эти сиденья на антигравитационной подушке, плавающие прямо над гофрированным краем сцены.

Там, внизу, звуки отлетали в сторону и взлетали вверх, увлекаемые замечательной акустикой купола Такамури. Цвета были важны, но по-настоящему значение имели только звуки, узоры резонанса, вырывающиеся из сотен дрожащих динамиков ультрачембало⁴⁰⁸. А если сидеть внизу, тебе будут мешать вибрации зрителей...

Она не была настолько наивной, чтобы думать, будто нищета, заставляющая студентов забираться наверх, более благородна, чем богатство, дарующее доступ в Подкову; и всё-таки, хотя Рода ни разу не просидела весь

408 Чембало (не склоняется) — одно из названий клавесина. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

концерт там, внизу, она не могла отрицать, что музыка, которую слышишь с четвёртого балкона, намного чище, впечатляет сильнее и остаётся в памяти дольше. Может быть, дело всё-таки в вибрациях богатых.

Скрестив руки на перилах балкона, Рода смотрела вниз, на пульсирующую игру красок, омывавших растяннувшийся просцениум⁴⁰⁹. Она смутно осознавала, что сидевший рядом мужчина что-то говорит, но почему-то ей казалось, что отвечать не обязательно. В конце концов он слегка толкнул её, она обернулась и дежурно улыбнулась:

— Что, Лэдди?

Ладислав Джирасек со скорбным видом протягивал ей надкусанную шоколадку.

— Нельзя жить одним Беком, — сказал он.

— Не хочу, спасибо, Лэдди. — Она легонько притронулась к его руке.

— Что ты там видишь?

— Цвета, и больше ничего.

— Никакой музыки сфер? Никакого проникновения в истину твоего искусства?

— Ты обещал, что не будешь надо мной смеяться.

Он откинулся на спинку кресла.

— Извини. Я иногда забываю.

— Прощу тебя, Лэдди. Если ты опять решил выяснять отношения, я...

— Я ни словом не заикнулся про наши отношения, так?

— Это слышится в твоём тоне. Ты начинаешь жалеть себя. Пожалуйста, не надо. Ты же знаешь, я терпеть не могу, когда ты пытаешься свалить всю вину на меня.

Он добивался серьёзных отношений с ней долгие месяцы, с тех пор как они познакомились в Контрапункте 301. Она его забавляла, он был ею очарован, а потом безнадежно влюбился. Но Рода по-прежнему оставалась недостижимой. Он обладал её телом, но не душой. Он всё время чувствовал себя несчастным, а она знала это, и это знание навсегда переводило его в категорию мужчин, просто негодных для долгосрочных отношений.

Она смотрела вниз. Напряжённо ждала. Изысканная девушка с волосами цвета мёда и светло-серыми, почти алюминиевого оттенка, глазами. Пальцы её слегка изогнулись, словно вот-вот опустятся на клавиатуру. В голове её бесконечно звучала музыка.

— Говорят, на прошлой неделе в Штутгарте Бек был просто великолепен.

— Он играл Крейцера?

409 Просцениум (лат. *proscenium*, *proscenium*, от греч. *προσκήνιον*) — ныне передняя, ближайшая к зрителям часть сцены, расположенная перед порталом (впереди занавеса). В древнеримском театре просцениумом называлась площадка для игры актёров (другое её название — *пульпитум*), находившаяся перед сценой (греч. *οκίνα*). Дальнейшее развитие просцениум получил в Италии в XVI в. («Teatro Olimpico» в Виченце с просцениумом шириной 25,72 м и глубиной 6 м, окончен архитектором В. Скамоцци в 1580-85 гг.). В Англии XVI в. существовал просцениум, отделённый от сцены раздвижным занавесом или колоннами; просторный, глубоко вдающийся в зрительный зал просцениум перешёл в английский театр XVII-XVIII вв.. Постоянные просцениумы имеются в Королевском шекспировском театре (Стратфорд-он-Эйвон). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— И «Шестую» Тимиджиена, и «Нож», и что-то из Скарлатти.

— Что именно?

— Не знаю. Мне говорили, но я не запомнил. Но ему устроили настоящую овацию — десять минут аплодировали стоя, а *Der Musikant*⁴¹⁰ сказал, что они не слышали такой точной орнаментики с...

Свет в зале померк.

— Он идёт, — пробормотала Рода, подавшись вперёд.

Джирасек откинулся на спинку кресла и торопливо отгрыз большой кусок шоколадки.

Когда он выходил из этого состояния, всё вокруг всегда было серым. Цвета алюминия. Он знал, что его уже зарядили и распаковали; знал, что, когда откроет глаза, он уже будет стоять рядом со сценой, в правом кармане пиджака будут лежать контактные перчатки, а рабочий будет готов выкатить на сцену входную консоль чембало. И привкус песка во рту, и серый туман воскрешения в голове.

Нильс Бек медлил, не желая открывать глаза.

В Штутгарте был полный провал. Но никто, кроме него, не понял, что это провал. Тими бы тоже понял, подумал он. Он выбежал бы из зала ещё во время скерцо, сорвал бы с моих рук перчатки и проклял бы меня за то, что я уничтожил его замысел. А потом мы с ним вместе пошли бы выпить тёмногопряного пива. Но Тимиджиен мёртв. Он умер в двадцатом году, напомнил себе Бек. На пять лет раньше меня.

Я не буду открывать глаза, я затаю дыхание. Пусть лёгкие втягивают воздух поверхностно, пусть мехи едва подрагивают, а не режут под напором ветра. И они решат, что я сломался, что рефлекс зомби на этот раз не сработал. Что я мёртв, по-настоящему мёртв, не...

— Мистер Бек.

Он открыл глаза.

Помощник режиссёра был негодяем. Он знал этот тип. Небритые щёки. Мягкие манжеты. Латентный гомосексуалист. Тиранит всех за кулисами, кроме, возможно, хора мальчиков, возрождавших сладкую музыку Ромберга⁴¹¹ и Фримля⁴¹².

410 В оригинале «a Der Musikant», т. е. перед немецким термином латинская буква «a». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

411 Sigmund Romberg, Зигмунд Ромберг (1887-1951 гг.) — композитор, венгр по происхождению (иммигрировал в США в 1909 г.). Автор более 70 оперетт и мюзиклов, а также музыки к фильмам, в том числе «Maytime» («Май», 1917 г.), «The Student Prince» («Принц-студент», 1924 г.), «The Desert Song» («Песня пустыни», 1926 г.), «May Wine» («Майское вино», 1935 г.), etc. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

412 (Charles) Rudolf Friml, (Чарлз) Рудольф Фримль (псевдоним Родерик Фримен, Freeman, 1879-1972 гг.) — американский композитор и пианист чешского происхождения (иммигрировал в США в 1906 г.), автор инструментальных пьес, а также 30 популярных оперетт (многие экранизированы), в т. ч. «The Firefly» («Светлячок», 1912 г.), «Rose Marie» («Роз-Мари», 1924 г.), «The Vagabond King» («Король-бродяга», 1925 г.), «The three musketeers» («Три мушкетёра», 1928 г.), инструментальные пьесы, etc. Выступал также как солист и аккомпаниатор (с Я. Кубеликом). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Знавал я мужчин, у которых начинался сахарный диабет от простого посещения детских утренников, — произнёс Бек.

— Что? Я не понял.

Бек отмахнулся:

— Ничего. Не важно. Как театр?

— Прекрасно, мистер Бек. Свет уже погасили. Мы готовы.

Бек сунул руку в правый карман и вытащил тонкие контактные перчатки, сверкающие рядами мини-сенсоров и прессоров. Он натянул правую перчатку, разгладив все складки. Материал облегал руку, как вторая кожа.

— Как вам будет угодно, — сказал он.

Рабочий сцены выкатил консоль, установил её, заблокировал с помощью зажимов и педалей и торопливо ушёл со сцены в левую кулису.

Бек медленно пошёл на сцену. Он двигался с большой осторожностью: в его икрах и бёдрах размещались трубки, наполненные мерцающей жидкостью, и если он ускорит шаги, нарушится гидростатический баланс и питательные вещества не попадут в его мозг. Уязвимость ходячего мертвеца — это досадная помеха, точнее, одна из многих других неприятностей. Добравшись до антигравитационной платформы, он махнул рукой ассистенту режиссёра. Мерзавец подал знак рабочему за пультом, тот пробежался пальцами по разноцветным кнопкам, и площадка медленно, торжественно начала подниматься. Вверх, вверх сквозь люк в полу плыл Нильс Бек. Пока он возносился, цветовая гамма настроилась на вибрации зрителей, и они начали аплодировать.

Он стоял молча, слегка наклонив голову, и принимал их приветствия. В спине пробежал пузырьёк газа, вызвав болезненные ощущения, и лопнул у позвоночника. Нижняя губа Бека дёрнулась. Он сжал губы, спустился с площадки, подошёл к консоли и стал натягивать вторую перчатку.

Он был высоким, элегантным мужчиной, очень бледным, с резкими скулами, массивным носом, нежными, как цветок, глазами и тонкими губами. Выглядел он очень романтично. Миллион лет назад, когда он только начинал свою артистическую карьеру, ему говорили, что это весьма важное качество для артиста.

Натягивая и разглаживая вторую перчатку, Бек слышал шёпот. Когда ты мёртв, слух ужасно обостряется, поэтому слышать собственное выступление становится особенно мучительно. Но он знал, о чём там шепчутся. Кто-то из зрителей говорит своей жене:

— Разумеется, он не похож на зомби. Они держат его в холодильнике, у них имеются специальные технологии. А потом подключают провода, накачивают энергией и возвращают к жизни.

А жена, конечно, спрашивает:

— А как это происходит? Как его оживляют?

Тогда муж обопрётся локтём на подлокотник кресла, приложит руку к губам и осторожно оглядится по сторонам, чтобы удостовериться, что никто не подслушает ту чушь, которую он собирается нести, и расскажет своей жене об

остаточном электрическом заряде клеток мозга, о продолжительности двигательных рефлексов после смерти, об устойчивой механической витальности, которой они и пользуются. Пользуясь туманными и бессвязными терминами, он расскажет о встроенной в тело зомби системе жизнеобеспечения, которая снабжает мозг необходимыми веществами: суррогатами гормонов и различными химикатами, заменяющими кровь.

— Ты же знаешь, как к отрезанной лапке лягушки прикрепляют электрический провод? Ну и вот. Когда лапка дёргается, это называется гальваническим откликом. И можно заставить всего человека дёргаться, если пропустить через него ток, — то есть не дёргаться, конечно. Я имею в виду — он может ходить, играть на музыкальных инструментах...

— А думать он тоже может?

— Наверное, но я точно не знаю. Мозг-то остаётся неповреждённым. Ему не дают разлагаться. Они ведь что делают... Каждая часть тела выполняет свою механическую функцию — сердце сокращается, лёгкие работают, как мехи, и ко всему присоединяется целая куча проводов, и тогда всё начинает двигаться, получается такой искусственный всплеск жизни. Конечно, этого хватает всего часов на пять-шесть, а потом накапливаются вызывающие утомление токсины и закупоривают протоки, но для концерта времени как раз достаточно...

— То есть на самом деле просто берётся мозг, и он живёт, потому что само тело служит системой жизнеобеспечения, да? — спрашивает жена. — Вместо того чтобы засунуть мозг в какой-нибудь ящик, его оставляют прямо в собственном черепе, а внутри тела устанавливают такой механизм...

— Ну да. Именно так — более или менее. Более или менее.

Бек не обращал внимания на такие шепотки. Он слышал их сотни раз, в Нью-Йорке и Бейруте, в Ханое и Кносе, в Кеньятте и Париже. Вроде бы зрители всегда в таком восторге, но для чего они приходят — чтобы послушать музыку или посмотреть на ходячего мертвеца?

Он сел на стул перед консолью и положил руки на металлические нити. Сделал глубокий вдох — старая, совершенно ненужная привычка, от которой, однако, трудно избавиться. Пальцы уже подрагивали. Прессоры искали нужные переключатели. Под коротко стриженными седыми волосами пощёлкивали, как реле, синапсы. Ну,⁴¹³ вперёд. «Девятая» соната Тимиджиена. Пусть она воспарит под самый купол. Бек закрыл глаза и шевельнул плечами. Из динамиков вырвались чистые рокошущие звуки. Вот оно. Началось. Легко, мягко Бек пробегал по гармониям, заставляя вибрировать симпатические трубки, создавая текстуру звука. Он уже два года не играл «Девятую». Вена. Два года — много ли это? Кажется, всего несколько часов назад. Он всё ещё слышал реверберации и воспроизводил их в точности; это выступление ничем не отличалось от предыдущего, как не отличаются друг от друга фонограммы. В голове вдруг появилась яркая картинка: на месте человека перед консолью расположен сверкающий музыкальный автомат. Зачем им я, если можно вставить в прорезь акустический кубик и получить тот же результат, только дешевле? А я смогу отдохнуть. Я смогу отдохнуть. Так. Подключаем инфразвук. О, это превосходный инструмент! Что, если бы он был у Баха? У Бетховена?

413 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Целый мир заключён у тебя в кончиках пальцев! Весь спектр звуков и красок, более того — можно обрушить на зрителей дюжину чувств одновременно. Конечно, самое главное — это музыка. Застывшая на века, неизменная музыка. Музыкальный узор звучит и сегодня, как всегда; и сегодня так, как его играли на премьере в девятнадцатом. Последнее произведение Тимиджиена. Децибел за децибелом я воспроизвожу собственное исполнение. А посмотрите-ка на зрителей! Благоговеют. В восторге. Бек ощутил, как подрагивают локти; он слишком напряжён — нервы подводят; пришлось провести необходимую компенсацию. Услышал, как громовым эхо отражается звук с четвёртого балкона. Что такого в этой музыке? Понимаю ли я на самом деле хоть что-то в ней? Способен ли акустический кубик прочувствовать «Мессу си-минор», которую воспроизводит? Понимает ли усилитель симфонию, которую усиливает? Бек усмехнулся. Закрыв глаза. Плечи приподнимаются, запястья поддерживают. Впереди два часа работы. А потом они снова позволят мне уснуть. Сколько времени это тянется — пятнадцать лет? Очнуться, сыграть, уснуть. Обожание публики, воркование готовых отдаться мне женщин. Они что, некрофилки? Как может возникнуть желание хотя бы прикоснуться ко мне? На моей коже — могильный прах. А ведь когда-то были и женщины, да, господа, да! Когда-то. Когда-то я жил. Бек то откидывался назад, то подавался вперёд. Старый виртуоз словно устремлялся вниз — это очень действует на публику. Их просто морозом по коже пробирает.

Приближался конец первой части. Да, да, вот так. Бек открыл самые верхние регистры и почувствовал отклик зрителей. Они внезапно выпрямились в своих креслах, едва новая волна звуков пронеслась по залу. Ах, старина Тими — у него был необыкновенный вкус к драматизму. Выше. Выше. Размазать их по креслам! Бек удовлетворённо улыбнулся, но тут же возникло ощущение пустоты. Звучание ради звучания. Неужели это единственное назначение музыки? И это шедевр? Я больше ничего не знаю. Как я устал играть для них. Будут ли они аплодировать? Да, и топать ногами, и поздравлять друг друга. Как же, им повезло услышать меня сегодня вечером. А что они вообще понимают? И что понимаю я? Я мёртв. Я ничто. Я ничто.

Мощными движениями обеих рук он сыграл последние пронзительные аккорды фуги, завершавшие первую часть.

Метео-экс запрограммировал туман, и это каким-то образом отвечало настроению Роды. Они остановились посреди стеклянного пейзажа, простиравшегося за стенами Музыкального центра; Джирасек предложил ей косячок. Рода рассеянно покачала головой, думая о другом.

— У меня есть пастилка, — сказала она.

— А что, если мы сейчас заглянем к Инез и Триту? Может, они захотят поужинать с нами.

Она не ответила.

— Рода?

— Извини меня, Лэдди. Думаю, мне нужно побыть одной.

Он сунул косяк обратно в карман и повернулся к ней. Она смотрела сквозь него, словно он тоже был из стекла и сливался с окружающим пейзажем. Взяв её руки в свои, он произнёс:

— Рода, я просто не понимаю. Ты даже не даёшь мне времени подобрать нужные слова.

— Лэдди...

— Нет. На этот раз ты меня слушаешь. Не отталкивай меня. Не прячься в свой мирок с этими твоими полуулыбочками и отсутствующим взглядом.

— Я хочу подумать о музыке.

— В жизни есть не только музыка, Рода. В ней должно быть и многое другое. Я провёл столько же времени, сколько и ты, размышляя и пытаюсь создать что-то своё. Это удаётся тебе лучше, чем мне, возможно, лучше, чем всем прочим. Может быть, однажды ты станешь даже лучше самого Бека. Отлично, ты — великая артистка. Но разве это всё? Ведь есть и многое другое. Превращать своё искусство в религию, в смысл существования — это идиотизм.

— Зачем ты так со мной?

— Потому что люблю тебя.

— Это объяснение, но не причина. Позволь мне уйти, Лэдди. Пожалуйста.

— Рода, искусство ни черта не значит, если это просто мастерство, если это только механическое запоминание, техника и формулы. Оно ничего не значит, если за ним нет ни любви, ни заботы, ни обязательств перед жизнью. А ты отказываешься от всего этого. Ты словно расщепилась на части и задушила ту себя, что привносит искру в искусство...

Он резко замолчал. Невозможно сказать всё это и не почувствовать — внезапно, мучительно, — что твои слова звучат нравоучительно и приторно-лживо.

— Если захочешь увидаться со мной, найдёшь меня у Трита⁴¹⁴. — Он повернулся и ушёл в трепещущую задумчивую ночь.

Рода смотрела ему вслед. Наверное, она должна была ему что-то сказать, но не сказала. Он исчез. Повернувшись, она взглянула на возвышающуюся громаду Музыкального центра и медленно направилась к нему.

— Маэстро, сегодня вы были великолепны! — говорила в Зелёной комнате женщина-пекинес.

— Необыкновенно! — лебезил лягушка-бык.

— Это такое счастье! Я плакала, просто плакала, — щебетали птички.

В его груди бурлили питательные вещества. Он буквально чувствовал, как открываются и закрываются клапаны. Бек наклонил голову, пошевелил руками, прошептал слова благодарности. Он совсем устал, в черепную коробку словно насыпали песка.

— Превосходно!

414 В оригинале «Три-та» через дефис, скорее всего, перенос после распознавания текста.
(прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Незабываемо!

— Невероятно!

Наконец все ушли, оставив его наедине со зрителями. Человек из корпорации, владеющей Беком, ассистент режиссёра, грузчики, электрик.

— Наверное, уже пора, — сказал представитель корпорации, приглаживая усы. Он давно научился вежливо обращаться с зомби.

Бек вздохнул и кивнул. Его отключили.

— Может, сначала перекусим? — спросил электрик, зевнув.

Турне оказалось слишком длинным, спать они ложились очень поздно, питались в аэропортах, терпели постоянные резкие взлёты и стремительные посадки.

Представитель корпорации кивнул:

— Ладно. Его можно пока оставить здесь, просто переведу в режим ожидания. — Он повернул выключатель.

Один за другим гасли огни, осталось только ночное освещение, чтобы представитель корпорации и электрик не заблудились, возвращаясь для окончательной упаковки и погрузки.

В Музыкальном центре всё стихло, только где-то в недрах этой автономной системы негромко жужжали пылесосы и другие уборочные агрегаты.

На четвёртом балконе шевельнулась тень. Рода спустилась вниз, вышла в центральный проход, пробралась в Подкову, обогнула оркестровую яму, поднялась на сцену и остановилась у консоли. Её руки замерли в дюйме от клавиш. Рода закрыла глаза и затаила дыхание.

Я начну свой концерт с «Девятой» сонаты Тимиджиена для ультрачембало без оркестра. Негромкие аплодисменты набирают силу, становятся бурными. Она ждёт. Пальцы медленно опускаются. И мир оживает от её музыки. Пламя и слёзы, радость, ликование. Все они околдованы. Как это чудесно! Как восхитительно она играет! Рода вгляделась в темноту. В голове звенело мучительное эхо тишины. Благодарю! Большое вам всем спасибо! На глаза навернулись слёзы. Она отошла от консоли — её фантазия иссякла.

Рода вошла в гримёрную и остановилась в дверях, глядя через комнату на труп Нильса Бека в поддерживающем контейнере. Глаза его закрыты, грудь не вздымается, руки опущены. Рода видела, как едва заметно оттопыривается правый карман его пиджака, где лежали тонкие перчатки, сложенные палец к пальцу. Она подошла к нему вплотную, вгляделась в его лицо и прикоснулась к щеке. Борода у него не растёт, кожа прохладная и атласная на ощупь, как у женщины. Странно — здесь, в тишине, Рода вспомнила прихотливую мелодию «Liebestod»⁴¹⁵ —⁴¹⁶ величайшей из всех погребальных песен, но сейчас вместо обычной печали вдруг ощутила гнев, досаду и разочарование, она задышалась от такого предательства, у неё начался приступ ярости. Она хотела разодрать

415 «Любовь-смерть» (нем.). (прим. изд. Азбука-классика; СПб)

416 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

ногтями эти гладкие щёки. Она хотела отхлестать его. Оглушить его своими воплями. Уничтожить его! За ложь. За постоянное враньё, за бесконечный поток лживых нот, за фальшивую жизнь после смерти!

Её дрожащая рука потянулась к контейнеру, нащарила выключатель.

И повернула его.

Он снова очнулся. Не открывая глаз, начал подниматься сквозь вселенную цвета алюминия. Значит, опять. Опять. Нужно постоять немного здесь с закрытыми глазами, подумал он, прежде чем выходить на сцену. С каждым разом это становится всё труднее и труднее. Последний раз был просто ужасен. Там, в Лос-Анджелесе, в том огромном здании, балкон над балконом, тысячи пустых лиц, зато ультрачембало — просто шедевральной конструкции. Он начал концерт с «Девятой» сонаты Тими. Так ужасно! Вялое выступление — каждая нота совершенна, темп безупречный, но всё равно вялое, поверхностное, неглубокое. И сегодня вечером это произойдёт снова. Прошаркать на сцену, натянуть перчатки и повторить мрачную рутину под названием «воскрешение великого Нильса Бека».

Его зрители, его восторженные последователи. Как он их всех ненавидит! Как ему хочется накинуться на них и открыто обвинить за всё то, что они с ним сделали! Шнабель обрёл покой. И Горовиц⁴¹⁷. И Йоахим. Только Беку не обрести покоя. Они не дали ему уйти. О, конечно, он мог отказаться — но он никогда не был сильным человеком. Да, у него хватило духу на долгие годы жизни с музыкой — без любви, без радости. А где взять на это время? Ему приходилось быть сильным. Вернуться оттуда, куда он ушёл, узнать то, что требовалось знать, не растерять своего мастерства — да. Но в отношениях с людьми, в отстаивании своих интересов, высказывании каких-то своих мыслей... одним словом, твёрдости характера ему всегда не хватало. Он потерял Доротее, согласился с планами Уизмера, выдержал оскорбления Лизбет, Нейла и Коша — о чёрт, Кош! Интересно, жив ли он ещё? Оскорбления, которыми они накрепко привязали его к себе «на радость и на горе», да только всегда получалось «на горе». И он ушёл с ними, выполнял их требования и ни разу не настоял на своём, не прибегнул к своей силе духа — если, конечно, она у него вообще имелась. А закончилось тем, что даже Шарон стала его презирать.

Так сможет ли он подойти к рампе, встать там, освещённый софитами, и сказать им, что он о них думает? Вурдалаки. Эгоистичные упыри. Мёртвые, как и он сам, только иначе. Бесчувственные, лживые...

417 Horowitz (Владимир Самойлович Горовиц, р. 18.09(01.10).1904 в Киеве, умер в 1989 г.) — украинский пианист, стал одним из крупнейших пианистов мира после эмиграции в США, гастролировал во многих странах. Учился у В. В. Пухальского, С. Тарновского и Ф. М. Блуменфельда в Киевской консерватории, по окончании (1921 г.) концертировал в различных городах Советского Союза. С 1925 г. живёт за границей, с 1928 г. в Нью-Йорке. В 1936-38 гг. и в 1953-64 гг. не выступал из-за болезни и жил главным образом в Швейцарии; много записывался на грампластинки, не концертируя. В 1965 г. с успехом возобновил выступления. Его игра отличается стихийной динамичностью, исключительной виртуозностью. Прославился исполнением концертов — П. И. Чайковского, С. В. Рахманинова, С. С. Прокофьева, Ф. Шопена, произведениями Ф. Листа и его виртуозных транскрипций, некоторые из них (в т. ч. «Пляски смерти» К. Сен-Санса) Горовиц играл в собственных, ещё более виртуозных переработках. Автор фортепьянной фантазии на темы оперы «Кармен» Бизе, ряда парафраз и транскрипций. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Если бы он только мог! Если бы он хоть раз сумел перехитрить представителя корпорации, он бы бросился вперёд и прокричал...

Боль. Жгучая боль в щеке. Он резко отдернул голову, и тонкие трубки в шее сильно натянулись. В сознании эхом отдался странный звук — плоть по плоти. Вздвогнув, он открыл глаза. Перед ним стояла девушка. Глаза цвета алюминия. Юное лицо. Свирепое. Тонкие губы плотно сжаты. Ноздри раздуваются. Почему она так сердится? Она снова поднимала руку, чтобы ударить его. Бек вскинул вверх скрещённые руки ладонями вперёд, чтобы прикрыть глаза. Второй удар оказался сильнее первого. Наверное, все эти хрупкие штучки в его теле содрогнулись.

Выражение её лица! Она его ненавидит.

Девушка ударила в третий раз. Бек посмотрел сквозь пальцы, поразившись ярости в её глазах. И тут ощутил сильную боль, ощутил ненависть и восхитительную радость жизни — пусть всего лишь на миг. Потом он вспомнил — и остановил её.

Словно со стороны видел Бек, как с неправдоподобной силой хватает её занесённую для удара руку. Пятнадцать лет существования в виде зомби, из которых он жил и двигался всего лишь семьсот четыре дня, но он и по сей день в хорошей форме, и мускулы у него сильные. Девушка поморщилась. Бек отпустил её и оттолкнул. Она потирала запястья, молча и угрюмо глядя на него.

— Если я вам так противен, — спросил он, — зачем вы меня включили?

— Чтобы сказать вам, какой вы обманщик! Те, другие, что аплодировали вам, пресмыкались и подлизывались, — они не понимают. Они представления не имеют, зато я знаю! Как вы можете? Как вы можете участвовать в этом омерзительном спектакле? — Её трясло от гнева. — Я слышала вас ещё ребёнком. Вы изменили всю мою жизнь! Я этого никогда не забуду. Но я слушаю вас теперь. Банальное, накатанное изящество, никакого проникновения в смысл музыки. Как будто у консоли сидит автомат! Механическое пианино! Вы знаете, что такое механическое пианино, Бек? Вот во что вы превратились.

Он пожал плечами, прошёл мимо девушки и посмотрел в зеркало, висевшее на стене гримёрки. Отражение показало ему старого, уставшего человека. Неизменное до сих пор лицо вдруг начало меняться. Утомлённый взгляд, в глазах нет ни блеска, ни глубины. Пустые, как беззвёздное небо.

— Кто вы? — негромко спросил он. — Как вы сюда попали?

— Давайте, донесите на меня! Плевать, если меня арестуют! Кто-то должен был вам это сказать. Какой стыд! Притворяться, что вы живой, что вкладываете в музыку душу! Да неужели вы не понимаете, насколько это ужасно? Музыкант-исполнитель должен быть интерпретатором, а не бездушной машиной, нажимающей на клавиши! Неужели я должна вам об этом рассказывать? Интерпретатор! Художник! Где оно, ваше искусство? Вы видите что-нибудь дальше партитуры? Вы растёте от выступления к выступлению?

И вдруг Бек понял, что она ему очень нравится. Против его воли, несмотря на её прямооту, несмотря на её ненависть.

— Вы музыкант.

Она сделала вид, что не услышала.

— На чём вы играете? — Тут Бек улыбнулся. — Ну конечно, на ультрачембало. И должно быть, играете очень хорошо.

— Уж лучше, чем вы. Ярче, чище, глубже. О боже, что я вообще здесь делаю? Вы мне омерзительны.

— Как я могу расти? — мягко спросил Бек. — **Мёртвые не растут.**

Девушка продолжала своё пламенное выступление, словно не услышала, говорила ему снова и снова, как он жалок, как фальсифицирует своё величие. И вдруг замолчала посреди предложения, заморгала, покраснела и прижала руку к губам.

— Ой, — пробормотала она, сконфузившись, и на глаза её навернулись слёзы.

Девушка надолго замолчала. Она отвела взгляд в сторону, смотрела на стены, на зеркало, на свои руки, на туфли. Бек наблюдал за ней. Наконец девушка произнесла:

— Какая я самоуверенная нахалка. Какая жестокая, тупая дрянь. Я всё время думала, что вы... что, может быть... Я просто не подумала...

Бек решил, что сейчас она убежит.

— И теперь вы не простите меня, да? Да и с какой стати? Я ворвалась сюда, включила вас, наговорила вам всякой жестокой чепухи...

— Это не чепуха. Вы сказали правду. Чистую правду. — И Бек мягко добавил: — Уничтожьте машину.

— Не волнуйтесь. Я вас больше не побеспокою. Я сейчас уйду. Просто выразить не могу, какой дурочкой я себя чувствую, вот так вот накинувшись на вас. Тупой святошей, раздувшейся от гордости за своё собственное искусство. Сказать **вам**, что вы не отвечаете моим идеалам! И это...

— Вы меня не услышали. Я попросил вас **уничтожить машину**.

Девушка растерянно глянула на него.

— Вы о чём?

— Остановите меня. Я хочу уйти. Неужели это так трудно понять? Уж вы-то — особенно вы — должны понять это. Всё, что вы сказали, — правда, самая настоящая правда. Можете представить себя на моём месте? Существо, не живое, не мёртвое, просто вещь, инструмент, придаток, который, к несчастью, думает и помнит — и мечтает об освобождении. Да, **механическое пианино**. Моя жизнь закончилась, а с ней закончилось искусство, и теперь я никто, даже не музыкант. Потому что теперь всё одно и то же. Те же интонации, те же обороты, те же обертоны. Я притворяюсь, что творю музыку, вы верно сказали. **Притворяюсь**.

— Но я не могу...

— Конечно можете. Сядьте, и мы всё обсудим. И вы сыграете мне.

— Сыграть **вам**?

Он протянул к ней руку. Она хотела пожать её, но вдруг отдернула свою.

— Вы должны мне сыграть, — спокойно произнёс Бек. — Я не позволю, чтобы со мной покончил кто попало. Это, знаете ли, событие серьёзное и значительное, не для первого встречного. Поэтому **вы мне сыграете**.

Он тяжело поднялся на ноги, думая о Лизбет, Шарон, Доротее. Умерли, все они умерли. Только он, Бек, задержался; точнее, часть его задержалась — старые кости, высохшая плоть. Спёртое, несвежее дыхание. Кровь цвета пемзы. Звуки без слёз и смеха. Просто звуки.

Он шёл впереди, она следом — на сцену, где стояла ещё не упакованная в ящик консоль. Бек протянул ей свои перчатки и сказал:

— Я понимаю, что они не ваши, и учту это. Но всё-таки сделайте всё, что можете.

Она медленно натянула их, разглаживая каждую морщинку.

И села перед консолью. Бек увидел в её глазах страх и восторг. Её пальцы вспорхнули над консолью. Опустились. Отлично, это «Девятая» Тими! Звуки взлетали и воспаряли, и с лица девушки исчез страх. Да. Да. Он играл её по-другому, но — да, именно так! Она пропускает музыку Тими через свою душу. Потрясающая интерпретация. Возможно, она немного фальшивит, но почему бы и нет? Не те перчатки, никакой подготовки, странные обстоятельства. Но как дивно она играет! Зал наполнился звуками. Теперь Бек слушал не как критик; он стал частью музыки. Его пальцы тоже шевелились, мышцы подрагивали, тянулись к педалям и клапанам, активировали прессоры, словно он сам играл руками девушки. А она продолжала в полную силу, воспаряя всё выше и выше, и уже совсем не боялась. Ещё не совершенная артистка, но как прекрасно, как удивительно прекрасно! Она заставляет этот мощный инструмент петь, используя все его возможности. Акцентирует это, чуть тише играет то. О да! Музыка целиком поглотила Бека. Сможет ли он заплакать или слёзные протоки совсем атрофировались? Бек с трудом выносил её исполнение, таким прекрасным оно было. За долгие годы он всё забыл. Он так давно не слышал чужого исполнения. Семьсот четыре раза поднимался он из могилы ради своих бессмысленных выступлений. Но теперь он слышит возрождение музыки. Когда-то так было постоянно — союз композитора, инструмента и исполнителя, выворачивающий душу, объединяющий всех. Для него всё это в прошлом. Закрыв глаза, Бек играл её руками, её душой. Когда замерли последние звуки, он ощутил блаженную опустошённость, возникающую только после того, как ты полностью отдашься искусству.

— Это прекрасно, — произнёс он, когда наступила полная тишина. — Это было просто восхитительно.

Голос его слегка дрогнул, а руки всё ещё дрожали. Он не решился аплодировать, но потянулся к девушке, и на этот раз она взяла его за руку. Бек некоторое время удерживал её прохладные пальцы, потом легонько потянул, и девушка пошла за ним в гримёрку. Бек лёг на диван и объяснил ей, что нужно разбить после того, как она его отключит, чтобы он не испытывал боли.

— И вы просто... уйдёте? — спросила она.

— Быстро. Мирно.

— Я боюсь. Это похоже на убийство.

— Я уже мёртв, — напомнил он. — Но не до конца. Вы никого не убьёте. Вспомните, как звучало для вас моё исполнение. Вспомните, зачем я здесь оказался. Разве во мне ещё осталась жизнь?

— Я всё равно боюсь.

— Я заслужил покой, — сказал Бек, открыл глаза и улыбнулся. — Всё в порядке. Вы мне нравитесь. — Когда она направилась к нему, он добавил: — Спасибо.

И снова закрыл глаза.

Она отключила его и сделала всё так, как он велел.

Пробираясь среди обломков поддерживающего контейнера, она вышла из гримёрной, а потом из Музыкального центра — туда, в стеклянный ландшафт, к поющим звёздам, и всё это время оплакивала Бека.

Лэдди. Теперь она очень хотела найти Лэдди и поговорить с ним, сказать, что он во многом был прав. Не во всём, но во многом, хотя она не думала так... раньше. Рода шла прочь, понимая, что впереди её ждут ещё не спетые песни.

А позади воцарился покой. Пусть симфония осталась недоигранной, она всё же нашла своё завершение в силе и скорби.

И не имело значения, что метео-экс счёл это время самым подходящим для тумана и дождя. Ночь, звёзды и музыка останутся навечно.

1970 © Harlan Ellison® and Robert Silverberg

Нэнси Холдер «Страсти Господни»

Нэнси Холдер — автор более восьмидесяти книг, среди них — «Хорошенькие дьяволята» («Pretty Little Devils»), «Дочь огня» («Daughter of the Flames») и «Мёртвые в воде» («Dead in the Water»), получившая премию имени Брэма Стокера за лучший роман. Она написала также несколько книг по сюжетам известных телесериалов, в том числе «Баффи, истребительница вампиров» («Buffy⁴¹⁸ the Vampire Slayer»), «Горец» («Highlander») и «Тайны Смоллвилля» («Smallville»). Под псевдонимом Крис П. Флеш писательница выпустила серию детских книг «Ужастики и приключения» («Pretty Freekin Scary»). Новая книга с романтическим сюжетом, в которой описаны паранормальные явления, «Сын теней» («Son of the Shadows»), вышла в августе 2008 года. За свои рассказы, которые печатались в таких антологиях, как «Границы» («Borderlands»), «Заговор мертвецов» («Confederacy of the Dead»), «Любовь в крови» («Love in Vein») и «Дракула», («The Mammoth Book of Dracula»), Холдер трижды удостоивалась премии имени Брэма Стокера.

Холдер говорит, что сюжет предлагаемого рассказа был навеян Страстями Обераммергау, инсценировкой мук Христа на кресте, впервые поставленной в 1634 году во время Тридцатилетней войны. «По всей Баварии распространилась бубонная чума. Горожане Обераммергау умоляли Бога пощадить их, — рассказывает она. — В обмен на эту милость они обещали каждые десять лет ставить пьесу о распятии и воскресении Иисуса. Эпидемия чумы пошла на убыль, и жители Обераммергау выполнили свой обет. Они до сих пор продолжают ставить пьесу, в последний раз это произошло в 2000 году».

Было холодное майское утро, и колени кардинала Шонбруна хрустнули, когда он сажался рядом с отцом Мейером в Театре Страстей Господних. Отец Мейер очень чётко расслышал этот хруст; он необыкновенно остро воспринимал все звуки, запахи и картины, окружавшие его: видел занозы в досках огромной открытой сцены, перед которой они сидели, ощущал запах росы, запах своих влажных ладоней. Слышал ропот растущей толпы, ожидавшей зрелища, и недоумённые — и насмешливые — голоса его собственных прихожан, рассеянных среди толпы. Они заметили его. Он сознавал, что выглядит словно пленник, зажатый между своим другом Хансом Аренкилем, мюнхенским епископом, и своим палачом — кардиналом. Отец Мейер понимал, что сегодня, возможно, наступит конец его карьере священника.

Кардинал, нахмурившись, взглянул на отца Мейера.

418 В оригинале «Buffy», т. е. последняя буква — кириллическая «у». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— То, что я сейчас услышал, — правда? — спросил он.

Отец Мейер облизал губы. Как он только мог надеяться сохранить свой поступок в тайне?

— Я отвечу, если вы уточните, что имеете в виду, ваше преосвященство.

— Сегодня утром вы дали отпущение грехов ходячему мертвецу.

Сердце священника упало: кто-то предал его. Но отец Мейер взглянул на кардинала твёрдо.

— Да. Это вас удивляет?

Кардинал Шонбрун не стал скрывать своего отвращения. Епископ, сидевший слева от отца Мейера, печально покачал головой.

— Он принял Святое причастие?

Кардинал был молодым человеком; отец Мейер даже не помнил себя таким молодым. Светловолосый, голубоглазый, ревностный, полный жизни. Полный Новых Идей для Новой Церкви. Один из тех, кто, по мнению Рима, должен вести его стадо в XXI век.

А отец Мейер, старый и седой, не был таким человеком.

Отец Мейер поднял подбородок.

— Церковь всегда была милосердна к отверженным. Да. Я сделал это.

Лицо кардинала пошло пятнами от гнева. Он открыл рот, бросил быстрый взгляд на увеличивавшуюся толпу и заговорил хриплым, напряжённым шёпотом:

— Подумайте, что вы сделали, вы, священник! Вы осквернили Тело Господне. Вы насмеялись над святыми таинствами, нарушили свои обеты...

Отец Мейер раскрыл стиснутые ладони.

— Я знаю лишь одно, ваше преосвященство: Обераммергау, моя деревня, деревня моих предков... эта деревня дала обет Богу. И теперь, спустя четыреста лет, мы лишь прикидываемся, будто исполняем этот обет, когда делаем то, что будет сделано сегодня.

Епископ Аренкиль дотронулся до плеча отца Мейера. Сколько раз они сидели вместе дома у священника, пили старый бенедиктин и обсуждали Новые Идеи. Друзья слушали григорианские⁴¹⁹ песнопения из коллекции отца Мейера, смотрели альбом, где были собраны материалы о Страстях за многие годы. Отец Мейер надеялся, что епископ Аренкиль, по крайней мере, поймёт его. Но его друг, увы, принадлежал к Новым Епископам.

— Я думал, что мы уже обсудили всё это, Иоганн, — сказал Аренкиль, очевидно,⁴²⁰ поддерживая кардинала. — Это не живые существа. У них нет душ. Ватикан высказался по этому вопросу и...

— Ватикан ошибается! — Отец Мейер в отчаянии обернулся к молодому кардиналу. — Все ошибаются. Ваше преосвященство, я провёл некоторое время среди этих мертвецов. Я... я чувствую, что это мои прихожане. Это не просто

419 В оригинале «григорианские», т. е. через «е», хотя название происходит от имени Папы Римского Григория XIII. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

420 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

тела, как хочет заставить нас верить наука. Я слышу голоса их сердец, хотя они не могут говорить. Они ищут Отца небесного, как и все мы. Они надеются на любовь, милосердие и справедливость.

— Отец Мейер, — начал кардинал, но в этот момент одинокий голос Пролога, мужчины в простом белом одеянии, с золотой лентой вокруг лба, призвал их к порядку:

— Склонитесь, склонитесь...

Эти слова уже несколько веков подряд звучали над Лугом Страстей, словно жители баварской деревушки Обераммергау снова возобновляли свой договор с Богом: люди обещали разыгрывать пьесу, прославляющую страдания и воскресение Христа — Страсти Господни, — если Бог избавит их от бедствий чумы. В 1633 году обет подействовал: люди перестали трястись в лихорадке, на телах больше не появлялись лопающиеся гнойники, никто больше не умирал. За клятвой последовала милость.

Обераммергау была не единственной деревней, где пытались совершить подобную сделку: в начале XVII века многие деревни, большие и маленькие городки обещали ставить Страсти Господни в обмен на выживание. Но во всём мире только в Обераммергау ещё продолжали выполнять это обещание. Жители деревни считали, что их честность помогла избавить городок от ужасов недавней эпидемии — болезни, которая превращала мужчин и женщин, даже новорожденных детей в адских монстров — живых мертвецов, гниющих, скользких, бездушных. **Этот ужас охватил весь мир.**

Сейчас, разумеется, зомби были обезврежены, ими даже научились управлять — это произойдёт и сегодня, на сцене, во время Страстей. **Это было чудо, дар Божий.**

И так же, как и в течение многих веков, люди со всего мира стекались, чтобы посмотреть на чудо. Почти полмиллиона человек собиралось в Обераммергау на последние сто представлений, происходившие каждые десять лет. Но в этом году людей было вдвое, даже втрое больше обычного, потому что сегодня прославлять страдания и смерть Господа нашего Иисуса Христа намеревались с использованием Новых Идей.

— Я дарую грешникам вечную жизнь... — пел Пролог.

Толпа зашевелилась — **в ожидании того, что сейчас последует**, с горечью подумал отец Мейер. Но если его план сработает, то их жажда крови сегодня не будет удовлетворена.

— Господин, — начал отец Мейер, но какая-то пышущая здоровьем домохозяйка, сидевшая сзади, постучала его по плечу и прошипела: «Тсс!»

Певец продолжал исполнять соло Пролога. Это был Антон Век, отец Мейер хорошо знал его. Антон когда-то был церковным служкой, он до сих пор помогал священнику приходской церкви Святых Петра и Павла, исполняя множество мелких, но необходимых поручений. «**Антон, Антон, — подумал священник, — неужели это ты рассказал им?**» Антон был там. И он не одобрил поступка отца Мейера.

И, что ещё хуже, он был кузеном Каспара Мюллера.

Отец Мейер со вздохом склонил голову и вытащил из кармана чётки. Он не собирался смотреть представление, хотя, как все жители Обераммергау, считал свой возраст не годами, а числом Страстей Господних, которые он видел за свою жизнь. Шестьдесят пять, значит, это его шестое представление.

До недавнего времени отец Мейер занимал второе по важности положение в Совете Шести и Двенадцати, комитете, который контролировал всё, что касалось пьесы, включая самый важный вопрос: выбор актёров для исполнения ролей в Страстях Христа.

Он знал правила: кандидаты должны быть жителями Обераммергау или прожить здесь не менее двадцати лет. Из женщин отбирались исключительно девственницы, причём молодые, — эти отброшенные ранее ограничения были введены снова во время нашествия зомби, в надежде как можно лучше угодить Богу.

Он знал правила: здесь должны быть представлены самые известные сёмы.

И он соблюдал эти правила. Он просто повиновался высшему закону; и именно поэтому отец Мейер понимал, что после сегодняшнего его лишат сана. Но это не имеет значения. Он будет продолжать своё служение Богу без благословения Церкви.

Без благословения. У священника что-то сжалось в горле. Большой и указательный пальцы скользили по потёртым деревянным бусинкам чётки, которые выточил для него его отец.

— Уберите это, — сердито прошептал кардинал.

Новая Церковь не одобряла чётки.

Отец Мейер прикрыл чётки ладонями. Губы его шевелились — он мысленно считал бусины. Вырезанные с любовью, они имели форму розочек, чтобы почтить Деву Марию. Это была прекрасная вещь, достойная находиться в музее. Как и Старая Церковь, подумал он, с её состраданием и любовью.

Мыслями священник унёсся в недавнее прошлое, в тот день, когда выбирали актёров. Было очевидно, по крайней мере для остальных, что Каспар Мюллер будет исполнять роль Христа. Он играл Христа уже три раза, и его семья была самой влиятельной и родовитой в Обераммергау. Но играть Христа в четвёртый раз? Теперь, когда он на тридцать лет старше, чем был в самом начале? Отец Мейер напомнил, достаточно корректно, что женщинам старше тридцати пяти запрещается участвовать в пьесе. Неужели шестидесятитрёхлетний мужчина может изображать человека в два раза моложе себя?

— Это не имеет значения. Здесь важны духовные качества человека, — заявил Адольф Мюллер, также член Совета и ещё один кузен Каспара.

Но всё же здоровье Каспара было уже не то, что в молодости. Он стал слабее. Роль Христа была очень тяжёлой — каждое представление Страстей Господних продолжалось восемь часов с перерывом на обед; а ведь ему ещё предстояло висеть на кресте...

... И ещё имело значение то, что недавно Каспар упал с крыльца и сломал несколько рёбер.

Отец Мейер считал, что на этом дискуссия должна закончиться; им придётся выбрать другого актёра, помоложе. Но Каспар дал понять, что он и слышать об этом не желает; он не отдаст роль никому. И не позволит дублёру занять своё место.

Священник не стал скрывать от Совета свою озабоченность. Из уважения к его сану дискуссия продолжилась. Но отцу Мейеру следовало помнить о слабости своего положения: Мюллеры были в числе основателей Обераммергау, им принадлежали крупнейший отель, два ресторана, четыре таверны. Они также каждый год делали щедрые пожертвования Государственной школе резьбы по дереву, расположенной в деревне. Семья отца Мейера переехала сюда только в конце XIX столетия. Для большинства местных жителей Мейеры едва ли были лучше чужаков. К тому же поддерживать крупнейшего в городке работодателя сулило гораздо большие выгоды, чем стать на сторону приходского священника.

И всё же, в конце концов, после долгих обсуждений Каспар заявил, что он позволит на время сцены распятия заменить себя дублёром — одним из зомби, wandelndere Leichname, ходячих мертвецов, как их называли по-немецки. Внешность зомби нужно было изменить таким образом, чтобы он походил на Каспара.

— Подумайте об этом, — уговаривал Совет Адольф Мюллер. — Наконец мы сможем по-настоящему изобразить страдания Христа. Мы можем вбить гвозди ему в ладони, проткнуть его...

— Отец, вам бы следовало досмотреть, не то пойдут разговоры, — сказал кардинал Шонбрун, когда священник поднялся.

Отец Мейер содрогнулся. Солнце стояло высоко в небе. Сцена была пуста, занавес задёрнут. Наступил перерыв на обед. Прошло уже четыре часа.

Пора. Он воззвал к Деве Марии, умоляя дать ему смелости.

— Разговоры уже ходят, ваше преосвященство, — возразил он. — Люди не перестают болтать с тех пор, как я вышел из состава Совета.

— Вот почему мы здесь, — прервал его кардинал, кивнув на епископа и множество священников, собравшихся вокруг них. — Чтобы показать, что Церковь одобряет эти представления, даже если вы — против.

Епископ Аренкиль обнял отца Мейера.

— Пойдёмте. Съедем по сосиске, выпьем пива. Кардинал, вы, конечно, не возражаете?

Сердце в груди отца Мейера подпрыгнуло. **Вот он, подходящий момент. Прощай,** прошептала его душа Святой Матери Церкви. **Прости меня.**

— Я... я не голоден, — запинаясь, пробормотал он, невольно показав свой страх. — С вашего позволения, могу я отправиться к себе домой на время перерыва?

Кардинал пристально взглянул на него.

— Я думаю, не стоит. Мне кажется, вы должны пообедать с нами, отец.

Отец Мейер усилием воли заставил себя не паниковать.

— Но я не хочу...

— Нет. Вы пойдёте с нами, отец Мейер.

Отец Мейер ссутулился. Кардинал, должно быть, догадался о его плане — проникнуть за кулисы и освободить десятерых зомби, которых купила деревня. И как он мог думать, что это ему удастся? Он был дураком. Проклятым старым дураком.

— Отец Мейер? — Кардинал Шонбрун жестом пригласил его идти рядом.

Старый священник подавил подступившие слёзы. Возможно, ему удастся найти иной способ. Он не мог поверить, что через четыре часа они в самом деле распнут несчастное существо.

— Это всё время делают в кино и тому подобном, — бормотал епископ Аренкиль, пока отец Мейер тащился следом за кардиналом. — Это разрешено всякими гуманитарными организациями, союзами и...

— Не говорите со мной. — Отец Мейер отвернулся от старого друга.

— Но, Иоганн...

— Не надо.

Они сидели в переполненном зале отеля Мюллера, среди туристов, нервы которых щекотало присутствие настоящих зомби. Несмотря на то,⁴²¹ что зараза была давным-давно остановлена, люди не забыли старых страхов.

Мария Мюллер, дочь Каспара, принесла священникам большие кружки с пивом и тарелки со свиными рёбрышками и кислой капустой. «Девница», которой уже перевалило за сорок, изящно присела перед епископом и кардиналом, но демонстративно повернулась спиной к отцу Мейеру. С тех пор как священник вышел из Совета, никто из жителей деревни не разговаривал с ним.

— Всё идёт хорошо, а? — спросил у неё епископ Аренкиль. — По-моему, жители так гордятся представлением.

Мария нахмурилась.

— Это наша святая обязанность, ваше преосвященство. Мы делаем это не из гордости.

Отец Мейер поджал губы. Сегодня одно из Божьих созданий перенесёт ужасные страдания из-за того, что некий человек подвержен греху гордыни.

Ему говорили, что у зомби нет нервных окончаний.

Отец Мейер сидел, съёжившись в своём кресле, и по щекам его бежали слёзы. Он стиснул чётки, глядя, как это существо корчилось в муках, когда ему раскрыли ладонь и пробили её гвоздём.

— Им руководят с помощью пульта дистанционного управления, Иоганн, — напомнил ему епископ с ноткой гордости в голосе. — На самом деле оно ничего не чувствует. Его лишь заставляют делать вид, что оно страдает.

Другая ладонь. Звон молотка, забивающего гвоздь, отдавался от экранов, которыми были закрыты стены. В воздух брызнул фонтан крови, заливая основание креста и сцену.

421 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Бам, БАМ, БАМ...

Существо вырывалось. Оно открыло рот, закрыло, открыло снова.

Домохозяйка, сидевшая за священниками, застонала.

— Видите? — обратился кардинал Шонбрун к отцу Мейеру. — Это напоминает людям о страданиях Господа нашего. Это приближает их к Господу. Я никогда не испытывал таких сильных чувств во время представления Страстей. Бичевание... это было превосходно, епископ Аренкиль, разве не так?

Епископ пробормотал что-то, не то соглашаясь, не то возражая.

Когда крест подняли, отец Мейер прижал чётки к сердцу. Зомби покачнулся, затем свесился вниз, но гвозди, вбитые в его руки и ноги, не дали ему упасть. Кровь ручейками струилась из-под тернового венца, затекала жертве в рот. Когда оно — он — подняло глаза к небу, голубые контактные линзы сверкнули. **Такая великая боль.** Отец Мейер стиснул кулаки, ощутив на своём теле отметины от бича, дыры в ладонях, шипы, вонзающиеся в лоб.

Из груди его вырвались рыдания, и он вспомнил, **что сделал сегодня утром.**

Рассвело всего несколько часов назад. Высоко в Альпах, в его любимой церкви, где не было отопления, стоял мороз.

Он взглянул на неподвижную фигуру в тёмной исповедальне, закрыл занавеску и приложил руку к стене кабинки. Звуки древнего песнопения, *Rorate Caeli*⁴²², заглушали яростный стук его сердца. Он вдохнул сладковато-горький аромат благовоний и обратился к распятию, висевшему над алтарём, к доброму лицу, вырезанному пять или шесть веков назад одним из прихожан Обераммергау. Раны, алые, свежие, как на Голгофе; муки, любовь.

— Милосерднейший Спаситель наш, — прошептал отец Мейер, — если я совершаю ошибку, прости меня. Прошу Тебя, пойми, Господь, я верю, что это — дитя Твоё, а если оно — если он — не живое создание, если я действительно оскверняю Тело Твоё, как считает Церковь... если я оскорбляю Тебя, я раскаиваюсь от всей души.

Он вошёл в исповедальню и задёрнул занавесь. Сел, глубоко вдохнул и, перекрестившись, начал:

— Простите меня, отец, ибо я согрешил. Это случилось...

Он смолк. Как сказать, когда это было, за того, кто молча сидел по другую сторону ширмы?

— ... Это случалось несколько раз со времени моей последней исповеди. Вот мои грехи. — Священник проглотил ком в горле и подумал минуту.

Что сказать дальше? Прошлой ночью, когда он решился сделать это, всё было так ясно. Так очевидно было, что Сам Бог вдохновляет его на такой поступок. Но теперь, когда он приступил, когда действительно пошёл на этот риск, священник ощущал одиночество и беспомощность.

422 «Кропите, небеса, свыше» — начальные слова стиха из Библии (Книга Пророка Исаии, 45:8), используемого в католической мессе. (прим. изд. [Азбука-классика](http://Azбука-классика); СПб)

Но то же чувствовал и наш Спаситель, напомнил себе отец Мейер, и его утешили в его страхах.

— У меня появляются... мысли, отец. Не такие мысли, какие были бы угодны Господу нашему. Я желал вещей...

Он прижался взмокшим лбом к перегородке. Какая непомерная гордыня — говорить от имени другого! Осмелиться представить себе, что творится в чужом сердце. В сердце, которое даже не бьётся. В мозгу, который не думает.

Нет, он не верит в это.

— Послушай, — прошептал отец Мейер, обращаясь к фигуре, которую он различал сквозь ширму. — Я отпускаю тебе твои прегрешения, прощаю тебе совершённые грехи и греховные мысли, во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, аминь. — Он прищурился, стараясь разглядеть зомби сквозь частую решётку. — Ты понимаешь? Иди с миром. Бог прощает тебе...

— Отец, — донёсся до него чей-то голос, и отец Мейер сильно вздрогнул.

Оно заговорило! Хвала Господу! Он знал, он всегда верил в это, он молился...

— Это Антон, — продолжал голос, и священник понял, что это мальчишка Век, стоявший прямо за занавеской. — Кардинал и епископ приехали в отель моего кузена. Они спрашивают вас.

И сейчас отец Мейер взглянул на фигуру на кресте. На того, кого он осмелился простить. На сцене происходила кульминация пьесы — страдания Христа. На подмостках стояло три креста. На двух висели актёры, исполнявшие роли разбойников, их поддерживали ремни, продетые под набедренными повязками, — так должен был висеть и Каспар Мюллер. Святые женщины в накидках и плащах рыдали, заломив руки. Сбоку стоял римский центурион и размышлял о чём-то. Актёры поднимали взгляд на живого мертвеца, прибитого к кресту Каспара Мюллера. Сам старик прятался за кучей камней, которую позднее должны были использовать в сцене Воскресения. Они говорили, обращаясь к зомби, и Каспар отвечал дрожащим старческим голосом.

Из-за креста Каспар выкрикнул:

— Eli, Eli, lama sabachthani!⁴²³

И фарисеи осыпали его бранью за обращение к пророку Илии.

Фигура на кресте, бледная и хрупкая, тяжело вздохнула и подняла глаза к небу, затем взглянула вниз. Это оживлённый труп, твердил отцу Мейеру разум.

Но сердце его отвечало: это невинный человек, приговорённый перенести подобные страдания десять раз. Каждого зомби использовали для десяти представлений; они придумали, как замазывать дыры в его руках воском, зашивать и маскировать рану в боку. Они сделают это с ним десять раз. Ради славы Господа.

И славы Обераммергау.

423 «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» — с этими словами, как говорится в Евангелии, Иисус обратился к Богу на кресте (Мф. 27:46). (прим. изд. [Азбука-классика](http://Azбука-классика); СПб)

Каспар Мюллер прокричал: «**Жажду!**»⁴²⁴ Солдат протянул существу губку, смоченную в уксусе. И оно обсосало губку. Отец Мейер не сомневался в этом.

— Жено! се, сын Твой, — выдохнул Каспар Мюллер.

Зомби взглянул на Кристу Век.

Отец Мейер стиснул в кулаке чётки. Он не мог допустить, чтобы это продолжалось. Его святая обязанность — нести Слово Господне так, как он понимает его. Пока он ещё священник, он обязан действовать ради своей паствы...

— Совершилось!⁴²⁵ — произнёс Каспар. Грудь зомби яростно вздымалась и опускалась. — В руки Твои предаю дух Мой⁴²⁶. — Голова его поникла.

— Ах, — пробормотал кардинал.

Низкий, зловещий рокот наполнил театр. По сценарию сейчас должно было начаться землетрясение и гибель Храма. Кресты на сцене закачались. Из ладоней зомби снова пошла кровь.

— Это десница Божия карает нас! — воскликнул актёр, игравший Енана.

Кровь струилась из ран на боку и ладонях зомби. Его голова дёрнулась. Отец Мейер больше не мог выносить это зрелище. Он поднялся на ноги и закричал:

— Да! Это кара!

— Отец! — воскликнул кардинал и схватил его за руку.

Отец Мейер высвободился и перебрался через кардинала.

Он сбежал по ступенькам и оказался перед сценой. Прежде чем кто-либо успел его остановить, он вскочил на сцену и вцепился в перепуганного центуриона.

— Вы не можете это сделать! Как служитель Божий, я приказываю вам остановиться!

— Что? Что? — воскликнул Каспар, появляясь из-за камней. Он был в одеждах воскресшего Христа — весь в белом.

— Богохульник! — крикнул ему отец Мейер.

Он вырвался из рук центуриона, оттолкнул Марию Век и остальных святых женщин и вскарабкался на кучу камней.

— Помогите мне снять его! Ради всего святого, помогите мне!

— Слезайте оттуда! — прогремел кардинал, заглушив нарастающий шум толпы и крики актёров. — Уберите отца Мейера со сцены!

— Отец, прошу вас. — Руди Мангассер, центурион, схватил отца Мейера за ногу.

Священник вырвался.

— Ради Бога, Руди! Я крестил тебя. Помоги мне!

Отец Мейер рванул гвоздь, воткнутый в ладонь трупа.

424 Ин. 19:28. (прим. изд. [Азбука-классика; СПб](http://Azбука-классика; СПб))

425 Ин. 19:30. (прим. изд. Азбука-классика; СПб)

426 Последние слова Иисуса (Лк. 23:46). (прим. изд. Азбука-классика; СПб)

Крепко прибитый железный штырь вошёл в кость; из дыры хлынула кровь, заливая пальцы отца Мейера.

— Помогите мне. Помогите мне.

Он обвёл глазами зрителей, вскочивших на ноги. Злые лица. Ужас во взглядах. Некоторые пятились, некоторые рвались вперёд. Многие кричали.

— Это живое существо! Нельзя делать этого!

Потянувшись, священник сдёргнул с головы обвисшего зомби терновый венец, на шипах повисли клочки кожи.

Внезапно из рядов зрителей послышался пронзительный вопль. Испуганный отец Мейер замер и оглянулся. Люди указывали пальцами на сцену — на него, как он подумал. Он вцепился в ладонь зомби, пытаясь вытащить гвоздь.

Голова медленно поднялась. «У кого пульт управления?» — мелькнуло в мозгу отца Мейера. Крики становились всё громче. Люди начинали разбегаться прочь. Кардинал и епископ, перекрестившись, упали на колени.

Голова дрогнула. Отец Мейер подхватил её под подбородок, чтобы не дать ей упасть. Плоть была тёплой.

Тёплой...

Зомби поднял голову. Лицо было покрыто большими красными пузырями, из которых, словно кровь, струился гной.

— Чума! — взвизгнул кто-то. — У него чума!

Дрожа, отец Мейер впился взглядом в лицо мертвеца.

На глазах у священника по⁴²⁷ всему телу зомби возникали и лопались новые волдыри. Они образовывали неровную линию вдоль раны в его боку, покрывали грудь, живот.

С неба прогремел гром. Земля — а не только сцена — начала трястись.

— Это трюк! — крикнул кто-то.⁴²⁸ — У священника пульт управления!

Теперь крики людей были полны ярости. Мария Век сорвала с себя вуаль и угрожала кулаками отцу Мейеру, а Руди Мангассер залез на кучу камней и попытался стащить его вниз.

— Идиот! — орал Руди и бил отца Мейера по лицу. Они оба скатились вниз, на сцену. — Что ты делаешь, ты, сумасшедший старик?

— Я? Я?

Отец Мейер оттолкнул Руди и упал на колени перед зомби. Он осенил себя крестом и сложил руки. На его ладонях возникли два алых волдыря.

Стигматы. Но стигматы нового типа. Это для Новой Церкви. И это Новая болезнь, подумал он, которая охватит весь мир, как Старая — четыреста лет назад.

Он разразился слезами и раскрыл ладони.

— Договор нарушен. Бог заговорил с нами через одного из детей Своих и сказал нам о Своём великом гневе.

427 В оригинале вдруг «па», хотя явно не про танцевальные движения речь. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

428 В оригинале запятая вместо точки. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Ру́ки его упали на до́ски сцены.

— Ходячий мертвец? Мои возлюбленные братья, мы все ходячие мертвецы! Все!

— Уберите его со сцены! — снова завопил кардинал Шонбрун.

— Нет, не трогайте меня! Я уже заразился! — предупредил отец Мейер, но было уже слишком поздно.

Толпа, превратившись в единое существо, заревела и бросилась на него. Сотни рук схватили священника, били, щипали, дёргали его. Они пинали его по ногам, больным коленям. Кто-то из всех сил ударил священника кулаком в бок. Женщина, которую он никогда не видел, схватила его за воротник сутаны и начала душить, душила до тех пор, пока он не ослеп и не стал задыхаться.

А затем на лице этой женщины возникли волдыри. Отец Мейер в ужасе смотрел, как пузыри лопаются и густой, зловонный гной течёт по лицу несчастной.

— Она заразилась! — вскричал стоявший рядом мужчина.

Женщина схватилась руками за лицо и завывала. Болячки вырастали на тыльной стороне её ладоней, лопались, гной брызгал в лицо мужчине, и везде, где зараза касалась его, возникали, зрели и вскрывались нарывы. Человек с воплями упал на колени.

Зараза охватила всю толпу, подобно потоку, продолжавшемуся сорок дней и сорок ночей. Отец Мейер почти оглох от криков ужаса. С неба гремел гром, слышался стук копыт четырёх всадников, до́ски сцены и декорации рушились. В середине сцены образовалась щель, и земля под ней разверзлась, люди вопили и яростно махали руками, срываясь в яму. Всё, всё вокруг рушилось.

Молния ударила в стоявший на сцене крест, и он загорелся у основания. От костра шёл жар. **Адский жар.** Зомби открыл рот, закрыл, снова открыл. Голова его склонилась набок, и мёртвые глаза двигались, двигались.

Они остановились на отце Мейере. Казалось, зомби смотрит на него... Да! Он смотрел на священника Старой Церкви, воплощающей Любовь.

Взгляни на сына Твоего. Взгляни на него.

Отец Мейер поднял руку и благословил мертвеца. Зомби опустил голову. Пламя охватило его, и он исчез.

— Это он во всём виноват! — крикнул кардинал Шонбрун, и три человека схватили отца Мейера, начали рвать его на части, бить его, рыдая от ярости.

Отец Мейер смотрел на огонь, пока ру́ки его вырывали из плеч, а удары и горящие щепки сыпались ему на голову. Новые пузыри возникали, лопались, гной тёк по его ранам. Казалось, не бывает на свете худшей боли, более страшных мучений...

Нет. Самая страшная боль терзала его сердце.

Никакой страх не мог быть ужаснее того страха, которым мучилась его душа.

Он поднял глаза́ к небу.

— Отец небесный, прости нас, — прошептал он в последние секунды своей жизни. — Мы не знали. Мы действительно не знали.

1992 © Nancy Holder

Скотт Эдельман «Почти последний рассказ»

Произведения Скотта Эдельмана появлялись в различных журналах («Crossroads: Tales of the Southern Literary Fantastic», «Postscripts», «Forbidden Planets», «Summer Chills»), в антологии «Монстры» («The Mammoth Book of Monsters»). Эдельман не только пишет рассказы; он редактирует журналы «Science Fiction Weekly» и «SCI FI Magazine», ранее сотрудничал в журнале «Science Fiction Age».

Эдельман, можно сказать, специалист по зомби. Его рассказы печатаются в каждой антологии под редакцией Джеймса Лаудера, посвящённой зомби (их издаёт «Eden Studios»): «Книга плоти» («The Book of All Flesh»), «Вторая книга плоти» («The Book of More Flesh») и «Последняя книга плоти» («The Book of Final Flesh»), и он трижды был номинирован на премию Брэма Стокера за свои произведения о «живых мертвецах». Каждый раз, читая очередной рассказ Эдельмана, думаю: наконец-то я нашёл достойное произведение для этого сборника — лучшие этого он уже не напишет, но всякий раз обнаруживаю рассказ ещё лучше. Я даже не упоминаю о блестящей «Чума»⁴²⁹ на оба ваши дома («A»⁴³⁰ Plague on Both Your Houses»), пятиактной пьесе в стиле Шекспира, которую автор называет гибридом «Ромео и Джульетты» и «Ночи живых мертвецов».

Этот рассказ, один из тех, что были номинированы на премию Стокера, ничем не напоминает Шекспира, но один обозреватель сравнил его с работами другого литературного гения, Уистена Одена⁴³¹.

Наверное, лучше будет начать так.

Действительно, давайте вернёмся к тому дню, когда всё началось. Лора уже пришла на работу, в центральную библиотеку графства. Но здесь возникает проблема: день идёт своим чередом, а наша героиня, возможно, даже не понимает ещё, что мёртвые внезапно пожелали воскреснуть. Такова вообще жизнь — в городе происходят события исключительной важности, а мы, сидя у

429 В оригинале «Чуме». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

430 В оригинале «А» кириллицей. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

431 Уистен Оден (1907-1973) — английский поэт. (прим. изд. [Азбука-классика; СПб](http://Азбука-классика.СПб)) — Wystan Hugh Auden, Уистен Хью Оден (1907-73 гг.) — англо-американский поэт (в США с 1939 г.). Владел различными поэтическими стилями; мастер экспрессивного стиха, отразившего трагическую реакцию на политические катаклизмы XX в., отчуждение личности, распад духовности и одиночество поэтической души. Сборники: «Look, Stranger!» (Смотри, незнакомец!, 1936 г.), «Spain» («Испания», 1937 г., про Гражданскую войну), «В настоящее время» (1944 г.), «Щит Ахилла» (1955 г.), «Избранная поэзия» (1959 г.), «Дань Клио» (1960 г.). Награждён Pulitzer Prize (Пулитцеровской премией) за «The Age of Anxiety» («Тревожная Эпоха», 1947 г.). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

себя дома, в полном неведении красим ногти или чистим зубы. Грохочут землетрясения, ревут наводнения, падают небоскрёбы, а где-то на противоположной стороне земного шара человек, который, вероятно, ещё много месяцев обо всём этом не узнает, рыхлит палкой крохотный клочок пыльной земли и молит Бога о дожде. Если в этот день его охватит беспокойство, то лишь потому, что дождь всё никак не соберётся, а не потому, что на далёких континентах происходят страшные вещи.

Для нашей цели лучше начать именно так, потому что Лора не поняла ещё: её мир пошатнулся на своей оси. В тот первый день, когда началось воскресение мёртвых, она его не заметила, потому что не случилось ничего, касавшегося её лично. Разве что чуть меньше постоянных читателей посетило её отдел. Волны ещё не достигли её.

Всё же это крошечное изменение в ежедневной рутине немного озадачило Лору, так как за многие годы она привыкла к однообразию. Но она отогнала от себя эти мысли, и в целом рабочий день для неё выдался удачный. Лоре пришлось меньше времени, чем обычно, расставлять по полкам книги, забытые на столах, и она в основном занималась канцелярской работой. В итоге к концу дня она оказалась вполне довольна жизнью.

Направляясь в тот вечер домой, Лора позволила себе зайти в китайский ресторан и взять еду на вынос. Возможно, развернув свой обед, блюдо дня, она даже найдёт на дне пакета подарок — печенье с предсказанием судьбы. Это вызовет у неё улыбку. Потому что есть кое-что ещё, что вы должны узнать о Лоре. Она пользовалась словами, напечатанными на обороте каждой бумажки, чтобы изучать китайский, — возможно, не самый лучший метод, но он ей нравился, и каждое печенье с предсказанием ещё на шаг приближало её к цели. Видите ли, она собиралась когда-нибудь съездить в Китай. Зная это, вы прочувствуете горечь её истории, особенно если вспомните события, которые, как нам известно, были уже неизбежны. Лора же оставалась в полном неведении.

Итак, в тот вечер она дополнительно вознаградила себя, посмотрев специальный выпуск одного из своих любимых телешоу, во время которого воссоединялись разлучённые в детстве сёстры. Однако она также пережила некоторое волнение после того, как благодаря определителю номера ей удалось избежать разговора с матерью. Наконец Лора свернулась в кровати, довольная собой и всем миром, готовая мирно отойти ко сну. Она совершенно не подозревала о хаосе, царившем на планете. Она походила на нашего человека, копающегося палкой в жалком поле, который,⁴³² наконец,⁴³³ отбросил своё орудие, растянулся на соломенном матрасе, глядит на звёзды и готовится задремать, не зная, что он только что пережил 7 декабря⁴³⁴, 6 августа⁴³⁵ или 11 сентября.

432 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

433 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

434 7 декабря 1941 года Япония совершила нападение на военно-морскую базу США в Перл-Харборе, что послужило поводом для вступления США во Вторую мировую войну. (прим. изд. Азбука-классика; СПб) — В оригинале в этой сноске «мор-скую» через дефис (возможно, результат сканирования переноса слова). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

435 6 августа 1945 года американцы сбросили атомную бомбу на Хиросиму. (прим. изд. Азбука-классика; СПб)

Только на следующий день Лора, нанизывая утренние газеты на штыри, чтобы листы не перепутались при чтении, узнала, что вчера произошло нечто необычное. Однако она не слишком-то поверила газетам. Она подумала, что эти сообщения о чудесном воскресении мертвецов следовало бы поставить на полку вместе с фантастикой. И одновременно Лора рассердилась на себя за своё вчерашнее неведение — она считала, что, если во вселенной действительно произошло такое великое событие, она должна была это почувствовать. У неё не укладывалось в голове то, что законы жизни и смерти изменились без её ведома.

Лора слышала у себя в отделе множество разговоров (разумеется, они происходили шёпотом): люди обсуждали, что бы всё это значило и как теперь жить дальше в этом изменчивом мире. Однако Лора не представляла себе другой жизни и верила, что нужно повиноваться судьбе и следовать той дорогой, на которую она толкает нас. Сама Лора считала, что такие взгляды выработались у неё под влиянием матери, с которой она не стала разговаривать по телефону вчера вечером. И вот сейчас она не понимала, зачем ей что-то менять. Итак, перед лицом исчезновения самой смерти, которое, по-видимому, должно было изменить привычный образ жизни большинства людей, наша библиотечка просто продолжала выполнять свои обязанности.

Однако с каждым днём в её отдел приходило всё меньше живых и всё больше мёртвых, пока, ⁴³⁶ наконец, ⁴³⁷ все постоянные посетители не исчезли. Сначала Лора вряд ли замечала, что читатели — мертвецы; ведь она ожидала, что зомби захотят причинить ей вред, но ничего подобного не происходило. Зомби неторопливо бродили по читальному залу, брали с полок книги, сидели за столами, совсем как обычные читатели. Они не так уж отличались от живых людей, так что Лора и не догадывалась, что они *не* живые.

Но затем случилось нечто, заставившее её, ⁴³⁸ наконец, ⁴³⁹ увидеть очевидное и поверить в то, что мир действительно коренным образом изменился. Возможно, она заметила, что эти новые посетители были более настойчивы в своих поисках, чем те, что приходили прежде. Может быть, её насторожило то, что в зале не слышалось больше шёпота и ей не приходилось призывать болтунов к порядку. Или, возможно, до неё, ⁴⁴⁰ наконец, ⁴⁴¹ дошло, что никто не отлучается в туалет. Что бы ни послужило толчком, Лора, ⁴⁴² наконец, ⁴⁴³ поняла. Они казались более серьёзными, чем те люди, к которым она привыкла. С каждым днём их приходило всё больше и больше, так что в конце концов кое-кому пришлось стоять, но они вели себя лучше куда-то исчезнувших читателей, к которым библиотечка привыкла за долгие годы работы. И она оказалась единственным живым существом, приходившим в библиотеку ежедневно. ⁴⁴⁴ Но даже сознание того, что её окружают лишь мертвецы, не заставило Лору изменить свой распорядок дня.

436 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

437 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

438 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

439 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

440 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

441 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

442 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

443 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

444 В оригинале «./», т. е. после точки в конце предложения — косая черта (slash) вместо пробела перед началом нового предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Она постепенно поняла, что мужчины, женщины и дети (которые на самом деле были *бывшими* мужчинами, женщинами и детьми) ищут на страницах этих книг нечто очень важное для себя. Они не просто механически повторяли движения, которые совершали при жизни. Но что именно они искали?

Лора наблюдала за мертвецами напряжённо, пристально, зная, что, если только ей удастся понять, что они ищут, она найдёт одновременно нечто значимое для себя, что-то, к чему она шла всю жизнь.

И постепенно всё начнёт приобретать смысл. Всё это.

Нет, забудем об этом. Забудем о Лоре, её матери и затхлом привкусе печенья с предсказаниями. Это неудачное начало. По-моему, лучше действовать иначе. Должен быть другой путь.

Я начну снова, это легче сделать сейчас, на этой странице, чем в конце, к которому сам я уже пришёл.

Как насчёт вот такой завязки?

В тот день, когда появились зомби, Эмили собиралась заглянуть в библиотеку (да, опять библиотека, вы увидите, что это важно), чтобы навестить свою подругу Рейчел. Заметим сразу, что именно в этот день Рейчел умерла. Но Эмили, приехавшая, чтобы забрать подругу на ланч, ещё не знала об этом. Однако она понимала, что вокруг происходит нечто необычное, — ещё в машине она услышала по радио странные вещи. Припарковав машину и роясь в карманах в поисках мелочи, Эмили даже подумала, не следует ли двум старым подругам перенести обед на другой день.

Пожалуй, я даже заставляю её помедлить на несколько минут и прийти к выводу, что новости — мистификация. Эмили решила, что это, наверное, нечто вроде давнишнего сообщения о вторжении марсиан, после которого все словно с ума посходили, или высадки человека на Луну. Вы сейчас удивитесь, как автор или Эмили могут сомневаться в том, что человек высадился на Луне. Но это относится только к Эмили. По крайней мере, больше к Эмили, чем ко мне. Затем она подумала: какая разница, утка это или нет? Несмотря на все ужасы, существующие в мире, жизнь должна идти дальше. Наша героиня знала это. Жизнь продолжается, и вы тоже вынуждены жить. Если захотеть, всегда можно найти опасность, из-за которой стоит закрыться на замки и опустить ставни.

Как вы уже поняли, Эмили принадлежала к тем людям, что живут в двух мирах: в этом мире, который мы все договорились считать реальным, и в другом, расположенном совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки от первого. Вынужденная жить в этом мире, женщина всегда чувствовала, что ей не обязательно являться частью его, и старалась держать реальность на расстоянии, чтобы она не нарушала её планов. Эмили часто представляла себе, что все житейские проблемы остались на противоположной стороне земного шара, а она обитает в скромной хижине, и её муж весь день сажает ямс. Вместе они счастливы, но не столько благодаря родству душ или взаимной любви, сколько из-за того, что они далеки от общества и его пороков. Они ничего не знают о газетных заголовках, и эта простота связывает их. Бой барабанов, гремящих где-то далеко, звучит приглушённо и невнятно.

Подобные мысли помогли Эмили пережить немало трагедий. По сравнению с её разводом воскресение мёртвых было сущей чепухой.

Когда она поднималась по ступеням библиотеки, приближаясь к замысловатым железным воротам, закрывавшим вход, и размышляла, куда им с Рейчел пойти — в китайский или в итальянский ресторан, какой-то человек с криками пронёсся мимо неё и выскочил на улицу. Из его плеча фонтаном хлестала кровь. Эмили была так потрясена, что не сразу сообразила, что на самом деле кровь была не из плеча, а из того места, где прежде находилась рука. И устыдилась своей радости, которую почувствовала, увидев, что кровь не попала на новую блузку, купленную специально для сегодняшней встречи.

Пока Эмили стояла, замерев на месте, на полпути между проезжей частью и входом в библиотеку, из ворот вывалился живой мертвец и погнался за убегавшей добычей. Кожа его была серой, с одежды сыпались комья земли. С губ стекала кровь. Эмили изо всех сил попыталась заставить свои ноги шевелиться, прежде чем страшное существо заметит её, но оказалось, что в этом усилия нет необходимости — оживший труп пошатнулся, перешагивая со ступени на ступень, потерял равновесие и покатился вниз по лестнице.

Ударившись,⁴⁴⁵ наконец,⁴⁴⁶ о мостовую, мертвец некоторое время лежал неподвижно, и Эмили подумала, что его можно принять за кучу тряпок и костей. Но тут у неё на глазах зомби медленно поднялся на ноги и взглянул на неё, действительно **взглянул**, подумала женщина. Эмили слышала предположения ведущих, по радио, будто эти существа не могут думать, но ей определённо показалось, что оно размышляет, прикидывает, сумеет ли подняться обратно по ступеням и добраться до новой жертвы.

Эмили могла поклясться, что зомби пожал плечами, прежде чем отвернуться от неё и отправиться дальше по улице, очевидно, на поиски своей первой добычи.

Эмили бросилась в здание, выкрикивая имя своей подруги. В начале рассказа я ещё приведу кое-какие детали из её личной жизни, и вы поймёте, что, несмотря на все повороты судьбы, Эмили никогда не теряла оптимизма. Даже после всего увиденного она надеялась найти свою подругу живой. Может быть, вы узнаете о потерянной собаке, вернувшейся домой, или о матери, у которой вместо рака оказалась доброкачественная опухоль. Пусть это будет собака. Я напишу о том, как, подъезжая к библиотеке, Эмили замечает на улице какого-то пса, так что у неё будет причина задуматься и вспомнить о своей любимице. Часто наиболее запоминающиеся уроки людям преподают не родители, а домашние животные.

Подбежав к дверям, Эмили увидела в противоположном конце зала Рейчел. Женщина сидела на своём обычном месте — за стойкой, где у читателей принимали книги. Однако к этому моменту Рейчел больше не была подругой Эмили. Из шеи её был вырван кусок плоти, и кровь заливала её грудь. Кожа мёртвой ещё не начала сереть, она была смертельно бледна, но пока не приобрела цвет того существа, которое пронеслось мимо Эмили за своей жертвой. Вероятно, Рейчел укусили совсем недавно. Эмили подумала, что,

445 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

446 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

явись она здесь всего на полчаса раньше, она нашла бы свою подругу живой. Ей не пришло в голову, что, окажись она здесь на полчаса раньше, они обе сейчас, возможно, были бы мертвы. Но такова была Эмили.

Спасибо собаке.

Эмили не стала входить в зал и приближаться к подруге. Она отпрянула назад, в коридор, и отметила, что там никого нет — ни людей, ни зомби. Это было неплохо. Эмили решила, что она будет в безопасности здесь, в здании, куда ведут ступени, по-видимому,⁴⁴⁷ непреодолимые для мертвецов. Всё зависело от того, в кого превратилась Рейчел. Эмили не показалось, что Рейчел стала хищницей. Её подруга всегда была мягкой. Мог ли её характер измениться сейчас, при подобных обстоятельствах? Эмили не считала, что смерть обязательно меняет жизнь человека.

Эмили отметила, что за всё время, пока она наблюдала, Рейчел не тронулась с места, пальцы её застыли на клавиатуре, мёртвые глаза бессмысленно глядели вперёд, ожидая... но чего? Неужели какая-то искра разума, всё ещё тлевшая внутри неё, повелевала ей ждать прихода читателей? Может быть, Рейчел просто продолжала делать то, что от неё требовалось при жизни, по привычке, которая пережила смерть? Или она ждала Эмили, но не для того, для чего они договорились встретиться, поддельным спокойствием надеясь подманить подругу ближе, ещё ближе? Эмили знала, что если только она сможет выяснить это, разгадать странное, загадочное поведение своей подруги, то всё каким-то образом приобретёт смысл, и она поймёт, уже без помощи собаки и мужа, копающегося в земле, как ей теперь жить в этом новом мире.

Нет, это тоже не подходит.

Неудачи начинают меня раздражать. Обычно я так долго не раскачиваюсь, по крайней мере,⁴⁴⁸ когда пишу. Дайте мне немного подумать...

Есть. Начнём так.

В тот день, когда пришли зомби, Уолтер сидел в главном читальном зале, занимаясь изысканиями для своего нового романа.

Я знаю, знаю. И что ему дались эти библиотеки, думаете вы. Наверняка найдётся более интересное место для начала истории. Но я считаю, что библиотека необходима. И вы скоро поймёте почему.

Когда слышались крики, разносившиеся эхом по узким коридорам, наполнив похожую на пещеру комнату, где сидел Уолтер, вокруг него накопилась целая гора книг. Ему пришлось встать, чтобы посмотреть, что происходит. Первой он увидел библиотекаршу, которая все эти годы была очень добра к нему, но имени которой он не удосужился узнать (позднее он будет ругать себя за это). Она била кулаками по спине человека, который больше не был человеком. Эта тварь выхватывала куски мяса из её шеи и с рычанием сплёвывала хрящи. Вскоре оба они повалились за стойку, и Уолтер больше не мог их видеть, но по-прежнему слышал ужасные звуки, издаваемые жующим мертвецом.

447 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

448 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Уолтер снова нырнул за стену из книг, которую возвёл вокруг себя. Потом я подумаю о том, сто́ит ли сделать акцент на этой метафоре и привести примеры того, как он отгораживался от мира книгами в других жизненных ситуациях. Затем Уолтер выполз из комнаты, не испытывая стыда (ну разве что немного), — он давно уже понял, что он писатель, а не воин. Он полз, не поднимая головы, почему-то думая, что если он не видит зомби, то и они не заметят его. Вдруг он наткнулся на маленький стульчик и понял, что попал в детский зал.

Вытянув шею, чтобы взглянуть, что происходит вокруг, Уолтер увидел живого мертвеца, схватившего какую-то девочку и поедавшего её внутренности. Капли крови попали писателю на лицо. А может быть, я напишу, что ему это просто показалось, потому что приводить такие подробности в рассказе — это слишком. А может быть, произойдёт и то,⁴⁴⁹ и другое — кровь попадёт Уолтеру на лицо, но он решит, что ему это показалось, потому что это слишком не для читателя, а для него самого. Девочка судорожно передёрнулась перед тем, как умереть, и Уолтер, поняв, что зомби поглощён едой, вскочил на ноги и побежал прочь.

Уолтер прекрасно знал расположение помещений библиотеки, потому что она стала его вторым домом (точнее, даже первым домом — в квартире он никогда не чувствовал себя по-настоящему уютно), и он направился в подвал, где, как ему было известно, хранились редкие книги. Ночью подвал запирали на замок, но днём сотрудники держали дверь открытой, чтобы быстрее находить книги. Уолтер решил, что там безопасно. Он закроется изнутри, и никакой зомби не догадается, как забраться к нему. Разумеется, зомби не смогут подобрать код к замку. Числа для них слишком сложны. Всё, что у них на уме, — это тела, новые и новые жертвы...

Выйти наружу, когда всё уляжется, когда на человека снова будут смотреть как на личность, а не как на тело, не как на пищу, будет нетрудно. Ведь сейфы сконструированы для того, чтобы не давать людям влезть внутрь, а выйти наружу гораздо проще. Верно?

Уолтер надеялся, что это верно. Он не сомневался в том, что поступает правильно. По крайней мере, он повторял себе это, безуспешно стараясь расслышать, перестали ли снаружи кричать. А тем временем в подвале постепенно становилось влажно и душно.

Вздых.

Нет... нет... нет.

Боюсь, что эта последняя попытка удалась не лучше двух предыдущих. Она не даёт представления, каково это — жить среди мёртвых.

Но... к несчастью... этот последний фрагмент подходит мне лучше всех, и мне придётся работать именно с ним. Потому что это — моя жизнь. Потому что это правда, это та жизнь, которой я жил.

И потому что сейчас, особенно сейчас, метафоры придётся оставить. Отныне я должен описывать лишь то, что произошло на самом деле.

Я должен писать только правду.

---

449 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

С другой стороны, в теперешнее непонятное время мои старые приёмы кажутся такими надёжными и прежние рабочие схемы так соблазнительны. Я всё думаю, что для этого должна быть какая-то причина. В мире осталось так мало утешения, и я надеюсь, мне простят возврат к прежнему. Подумайте об этом — остались ли в мире вообще какие-либо источники утешения, кроме простого сознания того, что ты живёшь? А может быть, это нечто большее, чем просто возврат к прежнему. Наверное, я уподобился курильщику, который никак не может бросить, — мне просто нужна ещё одна доза моего наркотика, прежде чем я откажусь от него навсегда.

Итак, позвольте мне ещё раз попытаться объяснить. Надеюсь, на этот раз у меня что-нибудь получится и рассказ понравится вам больше. И мне.

Начнём.

Когда-то я был знаком с женщиной, которая так любила своего мужа, что не могла расстаться с ним. Клянясь мужу в верности в болезни и здравии, Мэрилин была искренна. Но подобная любовь не всегда оборачивается благом. Потому что, когда её муж заболел, она много лет держала его прикованным к больничной койке, хотя на самом деле он был бы гораздо счастливее в могиле. Возможно, в другой истории жена не давала бы мужу умереть, чтобы наказать его, но не в нашем случае, потому что это была бы ирония, а Мэрилин любила без всякой иронии. Несчастный лежал в больнице, несколько аппаратов дышали за него, другие гоняли кровь по его жилам, третьи — выводили продукты жизнедеятельности, а жена сидела и смотрела на него, на лес трубок, привязывающих его к несбыточной мечте, и плакала.

— Не уходи, — шептала она, в бесконечных вариациях повторяя эти слова, как заклинание. — Ты не можешь уйти. Не сейчас. Ты обязан остаться.

Но он всё-таки ушёл.

К счастью для Мэрилин, смерть наступила в тот день, когда мёртвые начали воскресать. Как только больной перестал подавать признаки жизни, в палату на звук давно ожидаемого сигнала тревоги вбежали медсёстры. Они уже ничего не могли сделать, но обрадовались концу, так как давно устали от Мэрилин. Здесь люди усваивали самый важный урок — учились расставаться, и медсёстрам хотелось бы, чтобы наша героиня оказалась более прилежной ученицей. Пришёл врач, чтобы подтвердить то, что сёстры знали и без него, и пробормотал несколько заученных слов соболезнования — хотя о каком соболезновании здесь могла идти речь? Внезапно покойник поднялся, схватил одну из медсестёр за запястье и вырвал ей руку из плеча. Кровь залила его жену, всё ещё сидевшую со стиснутыми на груди руками, — долгие дни и ночи она рыдала в такой позе. Она закричала, не отрывая взгляда от мужа, пока остальные медсёстры и врач связывали больного. Когда зомби был крепко привязан к кровати, все выбежали из комнаты, уводя раненую женщину. Мэрилин осталась одна.

Человек (или то, что когда-то было человеком; я не могу найти для него подходящего определения, поскольку наша терминология пока ещё распространяется только на людей, а слово «зомби», по-моему, перегружено смыслом) бессильно извивался на кровати и щёлкал зубами, пытаясь схватить

недоступную ему плоть. Вдруг Мэрилин показалось, что муж назвал её по имени. Среди его рычания ей слышались звуки, хорошо ей знакомые, — шёпот, ласковые имена, эхо слов, произносимых им при жизни, и она подошла ближе, потеряв голову от ужаса ситуации, в которой оказалась. Ожидая, пока очнётся муж, она смотрела новости по маленькому телевизору, привинченному в углу палаты. Из сообщений она узнала, что подобные сцены происходят по всей стране. По всему миру.

Вообще-то, не совсем по всему миру, мы это уже обсуждали. Где-то всегда существует человек, живущий в счастливом неведении, роющийся мотыгой в земле.

Но Мэрилин никак не ожидала, что кто-либо из её знакомых, а тем более она, может попасть в подобную историю. Смерть — это то, что происходит с другими людьми. С неосторожными людьми.

Она наклонила голову и закрыла глаза, чтобы лучше разобрать слова мертвеца, и какие-то услышанные звуки придали ей уверенность. Мэрилин могла поклясться, что муж произносит её имя. И тогда она придвинулась ещё ближе к нему, преодолев последние сантиметры, отделявшие её от ожившего мертвеца, чтобы его зубы вонзились в её тело и она смогла присоединиться к нему в той единственной загробной жизни, что теперь была доступна людям.

Нет, так не пойдёт. Никому не понравится рассказ о человеке, добровольно идущем на заклание. Мы хотим читать о том, как люди активно действуют, принимают решения, преодолевают трудности вместо того, чтобы сдаться. Как насчёт вот этого...

Когда-то я знал женщину, которая настолько ненавидела своего мужа, что не могла расстаться с ним. Он был богат и много раз пытался заплатить Кэтрин за развод, но она не соглашалась на его цену — у неё не было цены. Он всё никак не мог в это поверить, поскольку, как я уже сказал, был богат. Поэтому он просто попытался бросить жену, но ни одна из его попыток бегства не удалась. Кэтрин каждый раз возвращала его обратно, пугая коллективным неодобрением их друзей и запретом видеться с детьми. В качестве самого сильного средства применялась весьма убедительная угроза судебного иска — Кэтрин знала, что выиграет дело. Не раз утром этот человек летел на противоположный конец страны, а вечером жена заставляла его вернуться. Она прочно укрепилась в его поместье и была уверена, что он останется там вместе с ней.

Когда появились зомби (всё, я сдаюсь — как мне иначе их называть?), её задача намного упростилась. Муж больше не желал ездить в город, где быстро воцарился хаос, и работал в домашнем офисе, отдавая приказания по телефону, электронной почте и факсу своим сотрудникам, которые не могли позволить себе дорогостоящую роскошь работать в убежище. Во время работы он при помощи камер следил за периметром поместья, чтобы убедиться, что внешний мир не вторгается к нему. Кэтрин установила в доме свои собственные камеры, о которых не знал её муж, и несколько раз в день проверяла, не сбежал ли он.

Это продолжалось до тех пор, пока натиск внешнего мира и напряжение во внутреннем мире мужа не стали настолько сильными, что он больше не смог его выдерживать. В один прекрасный день Кэтрин обнаружила его в ванной,

где не было ни одной камеры. Он плавал в красной воде, и вены на обеих руках были вскрыты. В течение нескольких минут, пока самоубийца находился на границе между старой и новой жизнью, жена обхватила его и вытащила из воды. Не обращая внимания на кровь и мыльную пену, заливавшую её, Кэтрин оттащила труп в специально оборудованное убежище. Супруги построили его, чтобы защититься от тех, кто захочет отнять у них богатство или жизнь, а теперь этот «сейф» должен был защитить её от невидимой силы, которая осмелилась забрать её мужа.

Кэтрин знала, что должно вскоре произойти, поэтому действовала быстро.

Она усадила покойника в дальнем углу комнаты, с вытянутыми вперёд ногами, прислонив спиной к бронированной стене. Она сама не знала, зачем так старается устроить покойника поудобнее. Она могла бы швырнуть тело через всю комнату — это не причинило бы ему вреда. То, что должно было случиться, всё равно случилось бы.

Кэтрин выбралась наружу, не переставая наблюдать за мужем, ожидая, что он оживёт. Заметив, что мертвец пошевелился, она захлопнула дверь комнаты-сейфа и закрыла её на замок. Она радовалась тому, что муж здесь, дома, и ей было всё равно, в каком состоянии он вернулся.

Кэтрин сидела на гигантской кровати и слушала, как зомби бьётся в стены своей тюрьмы. Он не оставлял попыток освободиться, он никогда не уставал, и теперь,⁴⁵⁰ наконец,⁴⁵¹ он был полностью под её контролем.

Мне кажется, это уже немного ближе к желаемому, но всё же...

Нет, всё равно не то. Пока что получается слишком банально.

На самом деле мне пора перестать искать в происходящем смысл. В конце концов, часть правды о зомби (а под зомби я подразумеваю не только голую реальность, отдельные экземпляры, я имею в виду саму концепцию, сам факт их существования) состоит в том, что в них нет смысла. Никто не ожидает, что ураган будет иметь какой-то смысл, а землетрясение — цель. А теперь я понял то же самое насчёт зомби. Но всё оборачивается так, как бывает с облаками: люди смотрят на проплывающие облака и, даже не делая усилий, видят на небе морского конька, или корову, или даже Эйби Линкольна. Так же и со мной. Ничего не могу с этим поделать.

Как будто кто-то заставляет меня. Я смотрю на жизнь, аморальную, хаотичную, абсурдную жизнь, срываю покровы с её неразгаданных тайн и непонятных фактов и привожу их в порядок. Образуется стройная картина, в которой не хватает нескольких случайных событий, и я ставлю их на место, пока не складываются все кусочки головоломки. Я превращаю нелепость в интуитивно созданную картину. Вон там, на Луне, человеческое лицо, чёрт побери, что бы мне там ни говорили о следах астероидов. Неужели мне следует вести себя по-другому после *этого* последнего потрясения?

450 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

451 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Итак, я сижу тут и рассказываю самому себе эти истории, неосознанно начав их и, по-видимому, будучи не в силах осознанно остановиться. Может быть, это мой способ справляться с шоком. Но, покинув,⁴⁵² наконец,⁴⁵³ безопасный подвал, я убедился, что попытки найти смысл в новой жизни, которую нам всем придётся отныне вести, сами по себе бессмысленны.

Когда я в конце концов открыл дверь подвала, первое, что я заметил, была тишина. Меня поразило то, как тихо стало в библиотеке. Не слышались более яростные утробные звуки, издаваемые живыми мертвецами; не раздавались больше предсмертные вопли живых людей. Однако, медленно двигаясь по коридору, я обнаружил свидетельства происходившего здесь отвратительного пиршества. Алые брызги усеивали стены; повсюду на полу валялись кости. Но нигде не было ни зомби, ни людей. Только на основе ужасных останков мне не составило бы труда сочинить рассказ о том, что произошло здесь во время моего затворничества, но я сдержал себя. То, что я видел своими глазами, было достаточно жутко; я не хотел добавлять к воспоминаниям картины, созданные воображением. И кроме того, для этого я был слишком голоден. Голод, и только голод заставил меня преодолеть страх и выйти из подвала. Я не покинул бы убежища, если бы моё тело не приказало мне: «**Выходи или умрёшь**».

Двигаясь как можно осторожнее, я добрался до автоматов, где так часто покупал еду во время работы над предыдущими книгами. Увы, мне слишком хорошо был знаком затхлый вкус больших круглых печений. Честность заставила меня опустить в автомат деньги вместо того, чтобы просто разбить стекло, и я почувствовал себя глупо. Кто знает, найдётся ли там, снаружи, хоть одна живая душа, которой есть дело до моей честности?

Уничтожив два пакета крендельков и коробку печенья с изюмом и опустошив две банки апельсиновой газировки, я снова смог нормально соображать. Только теперь мне пришло в голову, что следует закрыть главный вход в библиотеку. Судя по лужам крови, которые я обходил на цыпочках, никому из находившихся здесь людей это не удалось. Все, кто был в здании во время нападения, погибли; в живых остался лишь я.

Я медленно и бесшумно двинулся в сторону вестибюля, и странно — во мне зашевелилась жалость при виде книг, сброшенных на пол во время борьбы, словно я жалел погибших людей. Каждый раз мне становилось стыдно за это чувство, но... я писатель. Это ещё один неподвластный мне порыв.

Я миновал ряды компьютеров, за которыми раньше часто сидел, проверяя электронную почту, и увидел мелькавшие на экранах заставки. Я не смог преодолеть искушение, щёлкнул пробел и набрал свой пароль. Среди спама я обнаружил письмо от своего агента: он спрашивал, жив ли я ещё. Я ответил, что жив, и, поскольку письмо было получено три дня назад, задал ему тот же вопрос. Я пошарил в своих любимых блогах, выяснил, что ни один уголок земли не избежал ужасов зомби, и внезапно вспомнил о дверях. Потом у меня будет полно времени, чтобы посидеть в Интернете.

---

452 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)453 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Когда я захлопнул кованые железные ворота главного входа в библиотеку, мне пришла в голову мысль: а не поторопился ли я, может быть, сто́ит проверить всё здание? Действительно ли я здесь один?

Закрылся ли я от смерти? Или закрыл её внутри, чтобы ей удобнее было сцапать меня?

Мне пришлось пойти на этот риск, потому что я не хотел просидеть неизвестно сколько времени в подвале, ожидая, пока оставшиеся снаружи люди наведут порядок и мы вернёмся к нормальной жизни.

Когда я взглянул вниз, на улицу, на бродивших там зомби, мне показалось, что они чувствуют моё присутствие, словно я насмехаюсь над ними, оставшись в живых. Они собирались кучками, раскачиваясь из стороны в сторону. Было страшновато наблюдать за перемещениями мертвецов и знать, что они изучают меня. Я отошёл подальше от ворот, надеясь остаться незамеченным. Казалось, это подействовало. Они снова побрели прочь, снова превратились в апатичных зомби; отсюда они вполне могли показаться обычными горожанами, идущими на работу. Только их работа состояла в том, чтобы пожирать этих самых горожан, — хотя вряд ли в городе остался в живых хоть один человек. Здесь никого не было, по крайней мере,⁴⁵⁴ на улицах, окружавших библиотеку, я понял это сразу. Вся борьба давно закончилась.

Однако я не мог не заметить следов произошедших здесь ужасов. Раньше я изо всех сил старался изгнать из воображения картины зомби, пожирающих людей, но сможет ли мир когда-нибудь забыть их? Повсюду виднелись бесформенные тёмные пятна, подобные плёнкам бензина на поверхности луж. Они говорили о страшных вещах, которых мне, слава богу, удалось избежать, сидя в подвале. На улицах беспорядочно застыли машины, одна перевернулась на ступенях библиотеки, другие были навалены в кучу друг на друга, и так до самого горизонта. Среди этого хаоса лежал на боку бронированный автомобиль. Я представил себе водителей, крутящих руль, чтобы не наехать на живых или мёртвых, боящихся из первых превратиться во вторых и теряющих управление сначала автомобилями, а затем и собственной жизнью.

Не желая оживлять эти картины в своём воображении, я снова взглянул на бронированную машину. Я представил себе кучи денег, а вспомнив последний договор с издательством, подумал, что нуждаюсь в них как никогда. Возможно, если я наберусь смелости, мне удастся пробраться туда и украсть столько, сколько я смогу унести. Но зачем мне теперь деньги? За одну ночь мир перестал нуждаться в деньгах. Миром правила новая экономика — экономика, основанная на мясе. Не сводя взгляда с броневи́ка, я с тоской размышлял о прошлом и будущем, существующем уже не для меня, и вдруг мне показалось, что за небольшим узким окном на борту машины что-то пошевелилось. Я внимательно вгляделся и, хотя не заметил больше движения, понял, что кто-то оттуда следит за мной. Я рискнул и снова подошёл поближе к воротам, но, к сожалению, с такого расстояния мне не удалось различить выражение лица человека в машине. Я вообще едва сумел разглядеть его — только глаза́ и нос. Этого было достаточно для того, чтобы понять, что я не одинок.

Затем я увидел руку, согнутый палец манил меня подойти поближе.

454 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Итак, я всё-таки был не последним человеком на этой земле, не каким-то Робинзоном Крузо, затерянным среди полчищ зомби.

Хотя нет, если подумать, я был именно Робинзоном Крузо и, в соответствии с сюжетом, только что нашёл своего Пятницу.

Истории теперь получаются у меня с трудом. Знаю, знаю, я вам обещал, что их больше не будет. Но, если бы вы оказались здесь, на моём месте, вы поняли бы, что у меня есть веские причины продолжать сочинять рассказы.

А кроме того, может быть, именно эта история и стоит того, чтобы рассказать её.

Или, возможно (хотя я не уверен в этом), я буду продолжать сочинять до тех пор, пока,⁴⁵⁵ наконец,⁴⁵⁶ не признаюсь самому себе, что больше достойных историй не будет.

Итак...

Жила на свете женщина... Не буду давать ей имени; я больше не собираюсь утруждаться выдумыванием имён, ведь, в конце концов, разве все они не просто архетипы? Разве они не просто вы или я? Она пыталась и пыталась (и пыталась, и пыталась) выносить ребёнка, и, несмотря на лекарства, старания врачей и акушеров, страховых компаний, а также предполагаемых бабушек, у неё никак не получалось. Муж предлагал ей, сначала мягко, затем более настойчиво, усыновить малыша, но она избегала ответа и почему-то не поддавалась отчаянию. Она знала, что в конце концов у неё будет ребёнок, её собственный ребёнок, и находила силы не слушать жужжавшие вокруг голоса. И она едва не победила их всех, когда ей удалось почти до конца доносить плод.

Почти...

Но он погиб, так же, как и все предыдущие. Она перестала чувствовать движения внутри, и её будущее превратилось в мёртвый груз. Она ощущала эту пустоту так сильно, она и представить себе не могла, что можно настолько остро чувствовать потерю. Наша героиня всегда была откровенна с мужем. Супруги гордились тем, что не имеют тайн друг от друга. Но на этот раз женщина не смогла рассказать ему. Она знала, что произойдёт дальше, знала, что врачи будут настаивать, и не хотела снова испытывать то, что уже перенесла столько раз. И она молилась, в первый раз с тех пор, как была маленькой девочкой, молилась за собственное дитя. А потом, за день до планового визита к гинекологу, который она собиралась отменить, чтобы смерть ребёнка не обнаружилась, она ощутила шевеления.

Это были яростные толчки, не похожие на движения ребёнка, происходившие до перерыва, который, как женщина убедила себя, был всего лишь коротким сном. Она чувствовала, как внутри что-то рвётся, чувствовала боль, началось кровотечение, вскоре усилившееся, и женщина испугалась. Она пошла к врачу одна, не желая говорить мужу о том, что происходит, и врач, сделав УЗИ, не услышал сердцебиения. Он был сбит с толку и не знал, что сказать пациентке. Такого он не ожидал. Как может ребёнок шевелиться, если сердце его не бьётся?

455 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

456 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

А затем, вероятно, в ответ на ультразвук, движения усилились.

Женщина схватилась за живот и закричала, и, пока врач рылся в шкафу с медикаментами в поисках обезболивающего, ребёнок разорвал матку и ткани живота и высунул наружу голову. Врач, несмотря на безумие происходящего, инстинктивно протянул руки к ребёнку, чтобы убедиться, что тот здоров, и не заметил сквозь заливавшую его кровь, что он почти разложился. Ребёнок, высвободившись из тела умирающей матери, попытался укусить врача, но тот быстро отпрянул и на заплетающихся ногах выбежал прочь из комнаты.

Или, возможно, не стоит позволять доктору уйти. Пусть он потеряет равновесие, но не поднимется и не продолжит бежать, а рухнет на пол, и ребёнок, существо, упадёт с мёртвого тела матери, распростёртого на кушетке, и начнёт пожирать врача. Возможно, это придаст рассказу больше драматизма.

Но как бы то ни было, мы не должны забывать, что подобные сцены в различных вариантах разыгрывались в тот день по всему миру, и неудачные беременности внезапно заканчивались не рождением мёртвых детей, а появлением живых мертвецов. Но ни наша мать, ни её врач не могли этого знать. Хотя, даже если бы они знали, что ещё им оставалось делать? Избежать ужасов, царивших вокруг, было невозможно; так как же можно было спастись от ужаса, продирающегося изнутри?

Итак, просто скажем, что этот конкретный ребёнок выбрался из материнских внутренностей и соскользнул с кушетки, а на тёплое тело врача или на холодный линолеум — это мы решим потом. Всё равно то, что должно произойти дальше, непременно произойдёт.

Он выполз из кабинета в приёмную, где к тому времени никого не осталось — все убежали, услышав крики врача, живого или умирающего. Цепляясь ручками и извиваясь, ребёнок выбрался на улицу. Ведь он не мог передвигаться иначе, чем это делают обычные дети. Возможно, когда-нибудь⁴⁵⁷, если он выживет, он научится ходить, хотя физически навсегда останется новорожденным младенцем, но сейчас он медленно полз. Прохожие на улице расступались в разные стороны — кровавый след, тянувшийся за ним, служил достаточным предупреждением о его намерениях. Но, несмотря на голод, ребёнку не хватало сил добраться до кого-либо из окружавших его людей.

И тут к страшному существу подбежала собака, сопящая, любопытная, беззаботная, она приблизилась настолько, что ребёнок-зомби смог схватить её за передние лапы. Он грубо дёрнул собаку, сломав ей лапы. Пока животное пронзительно визжало и напрасно пыталось вырваться, ребёнок подтянулся, держась за дрожащее тело собаки, и схватил её за задние лапы. У него ещё не было зубов, он не мог прогрызть собаке живот, как приказывал ему крошечный мозг, и ему пришлось рвать её тело маленькими, но сильными пальцами и сосать красное сырое мясо.

Не успев насытиться, ребёнок вдруг почувствовал, как его оттаскивают от окровавленной добычи, и, прежде чем он смог отреагировать на нападение, его куда-то швырнули. Зомби откатился к задней стенке маленькой клетки, и, пока он пытался сообразить, где он, и снова броситься в атаку, дверь тюрьмы захлопнулась.

457 В оригинале «когда-ни-будь» с двумя дефисами, очевидно, издержки сканирования и распознавания текста с переносом. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

У хозяйки погибшей собаки была клетка, в которой она ежедневно возила животное гулять в парк, и ребёнок-зомби оказался в этой клетке. Он яростно колотил кулаками в прутья, но металл был прочным, и ему не удавалось согнуть решётку.

Женщина, возвращаясь домой, улыбалась. Она держала собаку только потому, что не могла иметь детей, и вот, совершенно неожиданно, у неё *появился* ребёнок. Она увидела в этом перст Божий. Её не волновало то, что ребёнок мёртв, то, что ей явно предстояло соблюдать крайнюю осторожность, чтобы не умереть самой. Она будет любить его до конца жизни, даже после того, как эти ужасы закончатся. Она никому о нём не расскажет, и когда всех зомби переловят и уничтожат, её ребёнок останется с ней. Она будет любить его и заботиться о нём до конца дней своих.

Но никогда не выпустит его из клетки.

Ну что ж... наверное, эта история *не* из тех, что сто́ит рассказывать. Прямо сейчас, пока я нахожусь в гуще событий, мне почему-то кажется бессмысленным утруждать себя и сочинять рассказы. Но я знаю, что когда-нибудь мир захочет найти смысл в ужасах, через которые ему пришлось пройти, и кому-то придётся взять на себя задачу описания зомби. Я вполне могу оказаться таким человеком. Так что мне, по крайней мере, нужно попытаться.

Пока я почти подсознательно превращаю жизнь в произведения искусства (хорошо, пусть другие решат, искусство это или нет), я понимаю одну вещь: рассказы о зомби — правда. И в то же время ни один рассказ о зомби не правдив. Потому что, понимаете ли, *рассказов* о зомби не существует, пока я не напишу их. Вселенная не имеет мнения о нас. Как бы мы ни старались приукрасить реальную жизнь, всё-таки она совсем не похожа на рассказ. Ни повторений, ни морали, ни смысла. Жизнь — это то, что мы делаем в ней.

И вот,⁴⁵⁸ наконец,⁴⁵⁹ после долгих лет, проведённых за пишущей машинкой, я оказался в таком положении, когда требовалось что-то сделать.

С того дня, как я нашёл себе убежище в подвале, прошла неделя. Несомненно, тот, кто сидел в бронированной машине, провёл там не меньше времени, иначе его уже не было бы в живых. Но сколько бы этот человек ни просидел в ловушке, он — или она, нельзя забывать, что это может оказаться «она», — наверняка сейчас нуждался в пище. И в моих силах было помочь ему.

Я поспешил обратно к автомату с печеньем. Я разломал его, отказавшись от приятной иллюзии порядка, которую прежде давала мне монета, опускаемая в щель, и набил карманы крендельками, вяленным мясом, лимонадом и прочими закусками. Холод от банок, проникавший сквозь одежду, напомнил мне, что городская электросеть ещё работала, и это служило хорошим признаком, верно? Где-то там, далеко, колёса промышленности продолжали вращаться, и кто, как не человеческие существа, вращал их? По крайней мере, я надеялся на это. Боюсь, я не очень чётко представляю себе, как вырабатывается электричество. Мне не приходилось заниматься такими вещами. Потом, сказал я себе, я изучу этот вопрос — если настанет это «потом».

458 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

459 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Я спустился на первый этаж и остановился в конце холла, ведущего к главному входу, достаточно далеко от ворот, чтобы различить движение на улице и в то же время остаться незамеченным. Я наблюдал, как зомби беспорядочно бродят по тротуарам, и ждал, пока пространство перед библиотекой не очистится. Я был уверен, что настанет момент, когда никто не будет стоять между мной и автомобилем и никто не будет болтаться достаточно близко, чтобы поймать меня, если заметит.

А потом, стараясь не думать о том, что делаю, я бросился бежать. Это оказалось нелёгким делом — ведь я писатель, а не спортсмен. Эти две профессии редко сосуществуют, и уж точно не во мне. К стыду своему, я должен сказать, что не храбрость помогала мне неуклюже двигаться вперёд. Мой страх победило одиночество, а не альтруизм.

Почти преодолев расстояние, отделявшее меня от машины, я внезапно подумал: а что если тот, кого я видел сквозь узкое окошечко, — не живой человек? А что если охранник погиб в катастрофе и сам превратился в зомби, и это лицо принадлежит кому-то, пытающемуся вырваться наружу, не понимающему, как открыть двери, и... голодному?

Но было слишком поздно, и эта мысль задержалась в моей голове лишь на мгновение — краем глаза я заметил приближавшуюся фигуру зомби. Я побежал быстрее, лимонад в банках забулькал, толстая задняя дверь автомобиля поднялась, и я нырнул внутрь. Затем она с грохотом захлопнулась, и я, быстро обернувшись, к своей радости, увидел, что мой хозяин — живой человек. Человек в запачканной форме охранника, закрывший дверь, выглядел ещё хуже, чем я, но он был живым. В машине стоял тяжёлый запах пота, но всё-таки этот человек прожил в небольшом грузовичке целую неделю, так что, думаю, мне повезло — всё было ещё не так плохо.

Я лежал на полу, тяжело дыша, чувствуя упадок сил после волнений и физических усилий, и не возражал против того, чтобы охранник обыскал меня. Я знал, что он ищет, и был благодарен ему за то, что он ест мою пищу, а не меня самого. Он разломал пополам большое шоколадное печенье и запихнул обе половины в рот, затем открыл банку лимонада, и пена залила ему лицо — я хорошо взболтал газировку во время пробежки. Но охранник не рассердился на меня за это, как мог бы в старые добрые времена — всего неделю назад. Он просто рассмеялся и сделал большой глоток из банки.

— Спасибо, — сказал он, вытирая с лица крошки и пену. — Не знал, что лимонад может быть таким вкусным. И, как ты можешь догадаться, в последнее время у меня было мало поводов для смеха.

Я кивнул и выдавил улыбку. Я был рад видеть живого человека, знать, что теперь я не один, но меня не радовало, что для этого мне пришлось прийти к нему, а не наоборот.

— А почему ты всё ещё здесь? — спросил я немного сухо, если вспомнить радость встречи. — Когда ты понял, что я сижу внутри, ты мог бы вломиться в библиотеку. Эта штука похожа на крепость.

Охранник неуклюже развернулся и показал мне правую ногу — щиколотка была согнута под неестественным углом.

— С этим мне никогда не удалось бы сделать то, о чём ты говоришь, — объяснил он. — Когда мы перевернулись и я услышал треск, то понял, что для меня всё кончено.

— Но ты должен был попытаться, Барри, — возразил я. Он вздрогнул, когда я назвал его по имени, и вместо ответа я указал на бейдж, всё ещё болтавшийся у него на груди. — Я не хотел брать на себя ответственность за твою голодную смерть и принёс еды, но больше одного раза это делать рискованно. Ты же не можешь ожидать, что я буду продолжать снабжать тебя пищей. И ты не можешь вечно сидеть здесь один.

— А я и не думал сидеть здесь вечно. — Он пожал плечами, и мешки под его глазами затряслись. — Хотя это было бы неплохо. Но лучше умереть от голода, чем самому быть съеденным. Признáюсь, я рассчитывал на более просторный гроб. Но придётся довольствоваться этим.

— Нет, — внезапно заявил я, удивляясь своему решительному тону. — Я не собираюсь смотреть на это. — И сам не поверил своим ушам, ещё не успев закончить фразу. — Я не допущу этого. Мы обязательно доберёмся до лестницы и входа в библиотеку, если будем действовать сообща. Я могу отвлечь их. Они двигаются не слишком быстро.

— Но быстрее меня, — устало произнёс Барри.

Выражение лица его было отчаявшееся, но я не собирался сдаваться. Если за свою жизнь я и усвоил что-то, так это одну вещь: **люди хотят жить**.

— Нужно попытаться, — настаивал я. — Я что, бежал в такую даль напрасно? Я обязан, по крайней мере, воспользоваться⁴⁶⁰ этим шансом и спасти тебе жизнь.

Барри засмеялся, и я решил, что дело пошло на лад. Я выглянул из узкого⁴⁶¹ окошка в задней двери, чтобы узнать, безопасен ли обратный путь в библиотеку. Казалось, до ворот бесконечно далеко. Я поразился — неужели я смог совершить такой забег? Но я знал, что, как бы страшно мне ни было, я вернусь обратно. **Если мне суждено умереть, думал я, то пусть это случится в библиотеке или, по крайней мере, в попытке вернуться в библиотеку, а не в бронированном автомобиле.** Барри, возможно, и согласен на такой гроб, но мне хотелось иметь более просторное последнее пристанище.

И чтобы рядом стояло полное собрание сочинений Шекспира.

Барри не ответил, но мне показалось, что мы приняли молчаливое решение. Мы смотрели в окно и ждали, слишком утомлённые для пустых разговоров (мы оба надеялись, что для этого найдётся время позднее), слишком уставшие для каких-либо действий, кроме наблюдения за улицей. Мы молились, чтобы настал момент, когда дорога полностью очистится и Барри сможет доковылять до безопасного места. Но на этот раз нам не везло. Всякий раз, как шатающиеся по улице мертвецы разбредались в разные стороны, один из них обязательно останавливался перед светофором, словно ожидая, когда загорится зелёный свет. Я не думал, что зомби действительно ждали зелёного сигнала, как

460 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

461 В оригинале «узкого» вместо «из узкого». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

прежде, при жизни, нет, на самом деле такого не бывает, разве что в книгах, и всё же — так было. Светофоры не работали, но мертвецы стояли, уставившись на столбы.

Наконец я устал ждать.

— Я отвлеку его, — прошептал я.

Охранник приказал мне не делать этого таким голосом, каким обычно говорят охранники, и схватил меня за локоть. Но я всё равно бросился к двери и, прежде чем Барри смог остановить меня, был уже на улице. Однако вместо того, чтобы сразу бежать к ступеням библиотеки и затем наверх, к воротам, как поступил бы любой нормальный человек, я направился к замороженному светофором зомби. Я надеялся, что он заметит меня раньше, чем я окажусь слишком близко, а затем, в последний момент, когда у меня ещё останется шанс спастись, голод повлечёт мертвеца вслед за мной.

— Давай! — крикнул я Барри, обернувшись через плечо. — Это твой шанс. Воспользуйся им!

Я смотрел, как охранник неуклюже вываливается из своего убежища и, подпрыгивая, ковыляет к библиотеке, а затем переключил всё внимание на собственную безопасность. Ещё один зомби каким-то присутствием только им шестым чувством засёк моё присутствие на улице — хотя, возможно, никакого чувства у них нет и это лишь моё воображение. Он показался из-за угла, и теперь мне пришлось отвлекать двух врагов. К счастью, несмотря на то,⁴⁶² что я в жизни не занимался никакими физическими упражнениями и уже начал задыхаться, смерть не давала зомби двигаться слишком быстро. На бегу я подумал, что они, наверное, застают свои жертвы исключительно врасплох, потому что скорости у них были неважные. Я заманивал их подальше от дороги, по которой должен был идти Барри, но, заметив приближение третьего зомби, понял, что больше искушать судьбу нельзя. Их стало слишком много, чтобы я мог перехитрить их и уйти живым. Я налетел на ковылявшего охранника, который как раз добрался до первой ступени лестницы, и схватил его за плечи, едва не сбив при этом с ног.

Когда я кричал ему, чтобы он пошевеливался, думаю, я не пользовался словами.

Мы вместе совершили этот отчаянный забег на трёх ногах, уворачиваясь от живых мертвецов, которые начали неуклюже преследовать нас, пока я перетаскивал Барри со ступеньки на ступеньку, сам двигаясь ужасно медленно. До цели оставалось несколько метров, я уже слышал за спиной щёлканье зубов и понимал, что из-за Барри мы слишком отстали. Я нырнул в ворота, пихая его перед собой, и, не вставая на ноги, захлопнул за собой створки. Задыхаясь, я поднялся, в ужасе уставясь на мертвецов, заслонивших собой вид на улицу. Они яростно пожирали нас взглядами, но мы уже были спасены. Я знал — когда мы уйдём внутрь здания, мертвецы забудут о нас, как прежде забыли обо всём остальном, и побредут прочь.

Мы были спасены.

462 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Мы смеялись, и в нашем смехе звучали истерические нотки — думаю, люди всегда так смеются, когда смерть только что была близка, и всё же её удалось избежать.

И вдруг какой-то зомби, который, должно быть, прокрался в библиотеку, пока я был снаружи, спасая Барри и отвлекая бродивших по улице мертвецов, высунулся из дверей и с кошмарным воем начисто откусил раненую ногу Барри.

Вот вам история, на мой взгляд, заслуживающая внимания. Не знаю, много ли ещё существует историй, которые я имею право рассказать. Вообще-то я уже проделал большую работу, чтобы доказать, что гожусь только для сочинения рассказов.

Один писатель (и снова, пожалуйста, никаких имён), потеряв популярность среди людской аудитории, оказался не в силах прекратить писать, и вот он начинает кропать рассказы, интересные исключительно зомби. Он не может писать любовные истории, которые он привык сочинять, потому что зомби понятия не имеют о любви. Он больше не может писать истории, в которых герои руководствуются жадностью, потому что зомби понятия не имеют о деньгах. Всё, что ему остаётся, — это создавать рассказы о борьбе и приключениях (пожалуй, о слишком скучных, однообразных борьбе и приключениях), потому что эти вещи знакомы зомби — на их особый, ограниченный лад. Поскольку у зомби на уме лишь одно, все рассказы получались одинаковыми, но этот писатель счёл, что это не важно, — ведь если у зомби и есть какая-то отличительная черта, то это терпение.

С другой стороны, мой агент говорит мне, что у моих читателей кончилось терпение и, уж разумеется, отсутствует желание читать о писателях. Единственные люди, которые хотят читать о писателях, — это другие писатели, по крайней мере, так утверждает мой агент. Но откуда ему знать? В любом случае сейчас у меня, скорее всего, нет агента. И я говорю это не потому, что я начинающий писатель и ищу агента. Я говорю так потому, что его, скорее всего, уже съели.

Кое-кто, конечно, скажет, что туда ему и дорога.

Но поскольку он мёртв, и читатели моего героя-писателя также мертвы, мы можем спокойно двигаться дальше.

Рассказы этого писателя имеют один и тот же сюжет — ведь зомби не привередливы. Они начинаются с ощущения, что поблизости ходит мясо. Затем мясо выслеживают. А затем — охотятся на него.

А затем ходячее мясо перестаёт ходить — живой человек оказывается внутри мёртвого.

Писатель создаёт бесконечные вариации этого сюжета, потому что он больше ничего не умеет делать, а потом фантазия его иссякает, но он всё равно вынужден заниматься сочинительством. Действие его рассказов происходит на улицах города, на сельских дорогах, в зоопарках, торговых центрах, школах, самолётах. Но каким бы ни был фон, по сути они все одинаковы.

Волочи ноги.

Шаркай.

Волочи ноги быстрее.

Беги. (Ну, если зомби в состоянии бежать.)

Беги, беги, беги.

Ешь!

Прошло какое-то время, и этот писатель, у которого, очевидно, завышена самооценка (иначе он всё это давным-давно бросил бы, по крайней мере после того, как его книги перестали покупать), написал сотни подобных рассказов. Однако теперь, когда вокруг его пишущей машинки нагромождены кипы бумаги (потому что он даже после крушения цивилизации не отказался от своего привычного ритма жизни), он не знает, что с ними делать. У зомби не существует журналов, в которых он мог бы печатать свои произведения, магазинов, в которых можно их продавать.

По крайней мере,⁴⁶³ пока, думает писатель.

Итак, он решает пойти на улицу — на улицу, где он так долго не появлялся, и начать читать там свои рассказы вслух. Он понимал, что его, возможно, ждёт смерть, но был готов к этому. В конце концов, укротитель львов может на несколько мгновений сунуть голову в пасть хищнику, но прикажите ему прочитать в таком положении «Гамлета» — и он погиб. Однако наш писатель слишком много времени провёл в одиночестве, и ещё больше — без читателей. Что бы ни произошло — всё казалось ему лучше того, что происходило до сих пор.

Но когда он и в самом деле начал своё чтение, стоя посреди перекрёстка, по которому много лет не проезжала машина, он был приятно удивлён. Зомби собрались в кучку и направились к нему, но дошли лишь до определённой черты, а затем остановились. Пока он читал, они окружили его со всех сторон и, казалось, слушали. По крайней мере, это можно было отнести к тем, у кого были уши. И автор продолжал читать, пока не охрип. Он ощутил удовлетворение. Он поверил, что,⁴⁶⁴ наконец,⁴⁶⁵ нашёл свою собственную, настоящую аудиторию, которую искал всю жизнь.

А затем писатель обнаруживает, что рассказы, взятые им с собой, закончились, но, окружённый живыми мертвецами, он не может принести ещё рукописи — они остались в его укрытии. И, дойдя до конца последнего рассказа, он начинает читать всё сначала.

Зомби рычат. Возможно, им и нравится повторяющаяся тема, но им не нравится буквальное повторение рассказов. Писатель пытается пятиться от них, но у него за спиной — всё те же зомби. Они наступают, круг их сужается, и вот ему уже трудно дышать из-за стиснувших его тел. И когда они начинают рвать его на кусочки, у него остаётся лишь миг, чтобы подумать: «**Каждый считает себя критиком...**»

И больше он ничего подумать не успевает.

463 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

464 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

465 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Но нет. Это тоже не подходит.

Потому что, несмотря на жуткую концовку и незаслуженную гибель автора (вообще-то я могу назвать имена издателей, которым подобный конец кое-каких авторов пришёлся бы по душе), в этой истории есть мораль. Зомби — природная стихия, а стихии не сваливаются нам на голову, вооружённые моралью. Силы природы не имеют ни цели, ни причины, они не несут в себе послания. Они просто *есть*. Вот почему охранник внезапно погиб, убитый как раз в тот миг, когда мы уже думали, что находимся в безопасности.

Или, возможно... возможно, стихии имеют одну общую черту с напастями из ужастиков — они несут в себе некую иронию.

Мы услышали бы шаги зомби, проскользнувшего внутрь, пока я был на улице, если бы не смеялись так громко после возвращения в якобы безопасную библиотеку. Возможно, природа не терпит подобной радости и не оставляет её без наказания. Мы впали в истерику от облегчения, хлопали друг друга по спине, поднимаясь с пола, и я даже не понял, *что* происходит, пока смех охранника не сменился воплем боли.

Я спрыгнул с тела Барри и увидел, что он остался без правой ноги. Конечность держал в руках зомби, из неё хлестала кровь. Охранник не переставал кричать, хватаясь за кровоточащий обрубок, из которого, по-моему, вылилось больше крови, чем содержится в человеческом теле. Я ничего не мог сделать для него, я уже не мог его спасти. Даже если бы я смог перевязать Барри ногу, остановить кровотечение, он всё равно скоро должен был стать одним из них и схватить за ногу *меня*. Я понял, *что* мне делать. Я надеялся, что он почти потерял сознание от потери крови и не сообразит, в чём дело.

Я помог охраннику встать на одну ногу. К этому времени его стоны стали едва слышны, и он почти потерял сознание, что облегчило мне задачу.

Я открыл ворота, которые отгораживали нас от нескольких зомби, всё ещё болтавшихся на верхних ступенях лестницы, и толкнул его в их гущу. На какой-то момент Барри снова обрёл силы. Он ухитрился вскрикнуть, но затем мертвецы начали рвать его на куски, и крики прекратились.

Пока зомби были заняты едой, я смог отступить от двери, не боясь, что кто-нибудь из них войдёт. Но я не сводил с них глаз, огибая того зомби в холле, который отнял у нас спасение. Он был поглощён едой, жуя ногу, сломанную в начале цепи событий, приведших нас к этому ужасному концу. И он не заметил, как я подбежал к нему сзади и выпихнул его наружу, к его собратьям. Затем я снова захлопнул ворота, надеясь не открывать их до тех пор, пока ось Земли снова не изменит своё положение. А зомби, по-моему, даже не понял, что с ним произошло. Он просто продолжал грызть ногу человека, которого я только что убил.

Видите ли, в книге дело никогда не обернулось бы подобным образом. В рассказе, призванном иметь смысл, с героями, чьи деяния вознаграждаются (иначе мы не называли бы его «рассказом»), Барри выжил бы. Но *в жизни справедливость редко торжествует*. В рассказе мы двое продолжали бы бороться за выживание, пока мир не очнулся бы от кошмара зомби и не

явилось бы спасение. Мы нашли бы способ связаться с островком цивилизации, который существовал бы где-то там, недалеко. В рассказе я знал бы о нём и надеялся. В книге наша судьба сложилась бы иначе.

К несчастью, Господь Бог не хочет быть таким хорошим писателем, как я.

Потому что, как мне кажется, ни спасения, ни утешения мне уже не найти. Я больше не надеюсь на это.

Никто не отвечает на письма, которые я периодически рассылаю по электронной почте. Никто не обновляет сайты, которые я когда-то посещал. Вообще-то эти сайты постепенно умирают. Я уже настолько привык к появляющимся на экране сообщениям об ошибке, что сама жизнь уже кажется мне ошибкой.

Каждый раз, когда исчезает какая-то часть Интернета, я представляю себе, что одновременно исчезает часть реального мира. Когда его не станет, я окажусь в полном одиночестве.

То есть не совсем в полном. У меня останутся мои друзья. Здесь Шекспир. И Фрост⁴⁶⁶. И Фолкнер, и Остин, и Карвер⁴⁶⁷, и Пруст. Все они рассказывают мне о мирах, в которых они жили. О мирах, которые продолжают существовать только потому, что я ещё здесь и могу читать о них. Я всегда знал это, и я усвоил урок: мой мир исчезнет, если не останется никого, кто смог бы прочитать о нём.

Вот почему я продолжаю сочинять эти рассказы. Вот почему я всегда писал рассказы. Но я больше не могу. Я вижу, что прожил слишком долго, пережил свою полезность, и наступило время, когда рассказы перестали существовать.

Я мог бы продолжать сочинять их, но зачем, какой в этом смысл? Не сто́ит жить в мире, где не существует читателей. Сомневаюсь, что эти стро́ки кто-нибудь прочтёт.

Мой мир может пережить мою смерть. Но не может пережить вашу.

Я никогда не понимал искусства ради искусства. Одной радости творчества мне недостаточно.

Итак, я собираюсь перестать писа́ть.

И начну молиться.

Молитва.

Я пытался молиться.

Но для меня это просто не работает.

Тем не менее молитва заронила в моё воображение семя, из которого вырос последний рассказ.

Последний, я вам обещаю. И на этот раз вы можете мне поверить.

466 Роберт Ли Фрост (1874-1963) — один из крупнейших поэтов в истории США. (прим. изд. Азбука-классика: СПб)

467 Раймонд Карвер (1938-1988) — американский поэт и новеллист. (прим. изд. Азбука-классика: СПб)

Когда мир провалился в преисподнюю, один священник, который в это время путешествовал, поспешил обратно к своей пастве, чтобы помочь ей всё-таки попасть в рай.

Он не добрался до дома живым, так же как и многие другие люди после начала распространения заразы. Но добрался.

Новоиспечённый мертвец (как именно он умер, не имеет значения) шёл сквозь ночь, не зная усталости, он брёл вдоль шоссе к своей церкви, а мимо проносились машины. Они неслись ещё быстрее, как только водители замечали нашего героя. Машины были набиты пассажирами, искавшими спасения, которое им не суждено было найти. Когда священник пришёл в свой городок, проведя в пути больше недели, было воскресенье, и члены его общины неуверенно собирались у церкви. Им было известно, что происходит в мире, что эти штуки с воскресением из мёртвых,⁴⁶⁸ наконец,⁴⁶⁹ произошли. Прихожане, зная, что священник уехал в Нью-Йорк на конференцию, решили, что он погиб, и не ожидали увидеть его снова. Но они также знали, что сегодня воскресенье и им следует быть в церкви.

Люди молча сидели на скамьях, размышляя, стоит ли кому-то из них выступить вперёд и кое-как пробубнить службу, когда в церковь ввалился священник. Никто не произнёс ни слова. Никто не убежал, когда священник занял своё обычное место, даже после того, как все поняли, в кого он превратился. Потому что у них была вера.

Которой нет у меня.

Зомби попытался прочесть молитву, хотя, возможно, «попытался» — не совсем удачное слово, поскольку оно подразумевает волевой акт, а нашим священником руководили привычка, тропизм⁴⁷⁰ или полузабытые сны. Слова не получались, ни его рот, ни мозги больше не годились для речи. И прихожане молились сами, стояли, сидели, пели и произносили слова вслух или про себя, как делали это всегда, потому что они хорошо знали, чего ждёт от них Бог. Священник зарычал, но кое-кто подумал, что эти звуки не слишком отличаются от тех, что они слышали уже много лет.

Когда настало время причащаться, священник вытянул вперёд руки и остатками пальцев поманил всех к себе. Люди не медлили. Они направились к нему, не испугавшись его жёлтых глаз, бледной кожи, того, что под обрывками одежды плоть тоже висела обрывками. Они чувствовали присутствие чуда, а с чудом не спорят. Они знали лишь, что настало время обычного, еженедельного единения с Богом.

Когда прихожане выстроились перед священником, он, казалось, окаменел. Движущая сила веры до сих пор вела его, но это не значит, что он был способен к независимым мыслям и действиям. Зомби замер, и до него смутно дошло, что от него ожидаются какие-то более активные действия, но туман в голове не желал рассеиваться, и наш покойник не понимал, что следует делать дальше. После смерти жизнедеятельность возможна только в том случае,

468 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

469 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

470 Тропизм — реакция ориентирования клетки, т. е. изменение направления роста или движения клеток относительно раздражителя (химического, светового и др.). Термин «тропизм» в основном применяют при описании автоматизмов поведения растений. (прим. изд. [Азбука-классика; СПб](http://Азбука-классика.СПб))

если мертвец следует по рельсам, по которым двигался при жизни. Священник каким-то образом чувствовал, что сейчас следует дать верующим пищу, но он ничего не приготовил. У него не было ни освящённых облаток, ни вина, чтобы смывать людские грехи.

И он накормил их своей плотью и утолил их жажду своей кровью.

Он разорвал лохмотья, в которые превратилась его рубаха, и вырвал из груди несколько кусочков мяса. Он клал их в открытые рты, каждый раз невнятно бормоча что-то. Затем прихожане вернулись к своим обычным занятиям и, как им было обещано, познали вечную жизнь.

Что касается священника, он остался в церкви и каждую неделю кормил уменьшавшуюся в размерах паству, пока у него не осталось плоти на костях. Но к тому времени это уже не имело значения — не было никого, кому требовалось бы спасение.

Вот, пожалуйста, это последний рассказ, который я собирался для вас написать.

Последний рассказ...

Я никогда не думал, что сочиню подобную историю и скажу, что она последняя. Я думал, что умру, не дойдя до конца. Но теперь... к чему волноваться? Сочинение рассказов — в прошлом. Да и сам я почти в прошлом. Пусть это будет последний рассказ, и пусть его расскажет последний человек.

Автоматы с печеньем опустели, и мне остаётся лишь лизать упаковку, которую я раньше выкидывал. В холодильнике — несколько банок виноградного лимонада. Я давным-давно обошёл столы исчезнувших (почему я не могу сказать — мёртвых?) читателей и подобрал все оставленные шоколадки и крекеры. Электричество бывает с перебоями, вода течёт тонкой струйкой, а это значит, что внешний мир посылает мне сигнал — жизнь кончается. Энтропия нарастает. Вскоре у меня не будет ни воды, ни пищи, и мне останется лишь...

Умереть потому, что у меня не осталось больше еды?

Или умереть потому, что меня съели?

Мне кажется, эти два варианта мало различаются между собой. Выберу ли я смерть в результате действия или бездействия, я всё равно выберу смерть. Меня загнали в угол. Думаю, это не так уж и плохо — ведь я стану не жертвой своей смерти. Я стану участником.

Когда я умру (что произойдёт уже скоро, если у меня не отнимут возможность выбора), буду ли я последним? В моём изолированном положении я не могу этого знать. Я никогда этого не узнаю. Думаю, что каждый из нас, кем бы мы ни были, покажется последним себе самому. А если человек кажется себе последним, он и есть последний.

Но если благодаря какому-то чуду я не последний человек, рассказывающий последний рассказ, если есть ещё люди, которые когда-нибудь прочтут эти строки, если им удастся восстановить цивилизацию на этой планете, балансирующей сейчас между жизнью и смертью, вспоминайте обо

мне время от времени, занимаясь своими ежедневными делами. Вспоминайте о нас. Я жил в то время, когда надежды не было, чувствовал, что, кроме меня, на свете нет ни одного живого человека и новой жизни никогда не будет.

Я хотел бы, чтобы вы постигли это время, как я постиг времена, бывшие до меня. Я хотел бы верить, что когда-нибудь вы придёте и прочтёте эти строки, даже если вы не люди, даже если вы — пришельцы... Допустим, через миллион лет вы прилетите в Солнечную систему и обнаружите Землю, третью от Солнца планету, но найдёте здесь лишь блуждающих мертвецов, тех же, что встречал и я, всё ещё охотящихся, ищущих чего-то, почти как когда-то мы, люди, только бессмертных. Сможете ли вы понять, кем мы когда-то были, или вы просто замрётё в ужасе, удивляясь, как эти неловкие существа смогли создать подобную цивилизацию, а затем, очевидно, забыть о её существовании. Если вы придёте сюда, в это здание, в этот подвал, и увидите эти страницы, вы узнаете. Это важно — вы должны узнать.

В любом случае не думаю, что кто-то сюда придёт. Может быть, у меня богатое воображение, может быть, я мечтатель, но я не могу жить ни в воображении, ни в мечтах.

И скоро я умру. Силы мои на исходе, и, поскольку я сомневаюсь в вашем существовании, не знаю, зачем я трачу энергию на написание этих строк.

Ну... может быть, и знаю.

Я не могу перестать писать.

Нет, пожалуй... могу.

Только это случится, когда я перестану существовать.

И поскольку у меня не осталось больше сил... пришло время для того и для другого.

Я не могу писать. Я едва могу думать. Я могу лишь выбирать.

Итак, до свидания.

На тот случай, если вы удивите меня и всё-таки придёте прочесть эти строки, давайте закончим всё так.

Умер ли я от голода? Съели ли меня? Пока я пишу эти слова, не происходит ни того,⁴⁷¹ ни другого, и я продолжаю существовать, в вечности, навсегда живой, бессмертный, как оживший мертвец. Я всё ещё могу быть с вами.

Кем бы вы ни были, откуда бы вы ни пришли, пока вы существуете, если вы существуете... не давайте мне умереть.

Так что, возможно, я ошибаюсь.

Возможно, только радости творчества, искусства ради искусства, может быть,⁴⁷² достаточно для писателя. Сейчас, когда я делаю свой выбор, мне больше ничего не нужно.

471 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

472 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

А тем временем наш человек, копающийся палкой в своём поле на другом конце земного шара и спящий под другими звёздами (помните его, того, кто ничего не знал о землетрясениях, наводнениях и падающих небоскрёбах?), просыпается до рассвета от дурных снов.

Пока он спал, странные видения имели для него смысл, но, когда он проснулся, смысла исчез. Он поднялся со своего соломенного матраца, разбудил сына и попытался рассказать ему о том, что видел, — ведь для его народа сны имеют значение, — но уже забыл о библиотеках, зомби и вкусе виноградного лимонада. Всё, что он помнил, — это неуютное ощущение нахождения в центре большого города, что для него уже само по себе было достаточно страшно.

Он слышал о таких местах, но не знал никого, кто побывал бы там. Он радовался, что родился здесь, на собственном клочке земли, окружённом горами, что у него есть палка и сын, которого нужно научить обходиться немногим.

Но этого ему достаточно. Чего ему ещё требовать? Жену для себя и мать для мальчика, возможно... но ещё? Это будут излишества, в которых он не нуждается.

Но на следующее утро, если его спросят, что ему приснилось сегодня, он ответит: «Приснилось? Я не помню никаких снов». И хотя некоторые люди могут осуждать его за подобный образ жизни, он живёт в гармонии со своей вселенной. Он будет продолжать жить так и дальше, довольный собой, безмятежный, в полном и счастливом неведении того, что на другом конце света почти последний человек на Земле думает, что он закончил почти последний рассказ.

December 2007 © Scott Edelman

Джон Лэнган

«Закат»

Джон Лэнган — автор нескольких рассказов, среди которых — «Эпизод седьмой: последняя битва со стаей в Королевстве Пурпурных Цветов» («Episode Seven: Last Stand against the Pack in the Kingdom of Purple Flowers»), вошедший в антологию «Апокалипсис» («Wastelands: Stories of Apocalypse»). Впервые этот рассказ, как и все произведения Лэнгана, был опубликован в журнале «The Magazine of Fantasy &⁴⁷³ Science Fiction». В ближайшее время должен появиться сборник «Мистер Гонт и другие странные встречи» («Mr. Gaunt and Other Uneasy Encounters»), в который войдут все произведения писателя, в том числе неопубликованная новелла. Кроме того, его новый рассказ будет включён в антологию Эллен Дэтлоу «По» («Poe⁴⁷⁴»).⁴⁷⁵

В рассказе «Закат»⁴⁷⁶ воплощена идея автора — написать монолог Помощника Режиссёра из пьесы Торнтона Уайлдера «Наш городок», чей «городок» подвергся нашествию зомби. «Не знаю точно, что подсказало мне мысль совместить эти две вещи, — говорит Лэнган. — Я увидел некий чёрный юмор в том, как деревенские мудрствования Помощника Режиссёра контрастируют с ужасами нашествия зомби, и это показалось мне оригинальным».

**Посвящается Фионе, с благодарностью
Джону Джозефу Адамсу.**

На сцене совершенно темно. Это темнота поздней нóчи, когда уже закончились третьесортные ток-шоу, а по телевизору крутят бесконечные рекламные ролики, киношки, прерывающиеся на рекламу посередине диалога, с актёрами, у которых рты открываются несинхронно с озвучением, и повторы дневных новостей, которые неохота смотреть даже в первый раз. Зритель может различить (изо всех сил напрягая зрение) ряд каких-то небольших прямоугольников, выстроившихся поперёк сцены, а на заднем плане — более массивный, но бесформенный объект. Небо абсолютно чёрное: ни луны, ни звёзд.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА включает большой фонарь и проводит ярким лучом перед собой, освещая зрительный зал, — один, два, три раза. Эффект неожиданности от внезапно зажжёвшегося света усиливается мечущимися по

473 В оригинале знак «амперсанд» в формате гипертекста html «&»; (прим. ред. Alex.Rus.UA)

474 В оригинале «Рое» кириллицей, хотя речь о «По», а не «насекомых». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

475 В оригинале в конце предложения запятая вместо точки. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

476 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

залу тенями, шелестом кистей по барабану, имитирующим проносящийся в кронах деревьев ветер, и треском «дождевых палочек»,⁴⁷⁷ напоминающим скорее стук костей, чем дождь.

Осмотрев, к своему явному удовлетворению, зрительный зал, ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА обращается к сцене. Свет фонаря позволяет аудитории разглядеть ряд могильных камней, протянувшийся от одной кулисы до другой; два из них почти полностью ушли в землю, три — сгрудились в кучку. Даже при беглом осмотре ясно, что это старые надгробия. Камень растрескался, надписи почти стёрлись от воздействия дождя и ветра. Луч света на мгновение задерживается на каком-то тёмном силуэте за могилами — оказывается, это невысокий, развесистый ивовый куст. ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА ставит фонарь на пол лампочкой вверх, и свет образует в воздухе жёлтый конус. Сам он садится рядом, прислонившись спиной к могильному камню, и с трудом скрещивает ноги.

Следует добавить, что фигуру ПОМОЩНИКА РЕЖИССЁРА трудно разглядеть, хотя он сидит рядом с фонарём. Зритель может предположить, что ему около пятидесяти, плюс-минус десять лет. У него глубоко посаженные глаза, скрытые под густыми бровями и козырьком поношенной бейсболки. Толстый нос, вероятно, был сломан в какой-то давней стычке; тени на лице мешают определить, носит ли он усы; но широкий подбородок гладко выбрит. Его этническая принадлежность также неясна; он может сыграть роль троюродного кузена на семейной встрече любого из зрителей и выглядеть там вполне на своём месте. Он одет тепло, по-осеннему — в короткую куртку, фланелевую рубашку, джинсы и тяжёлые ботинки.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА. Зомби. Как это часто бывает в жизни, после глянцевого голливудского фильма, напичканного спецэффектами, реальность шокирует. Взять хотя бы эти миазмы — отвратительную вонь, сочетающую в себе худшие оттенки запаха сточных вод и тухлого мяса со слабыми следами формальдегида. Раньше люди думали, что так пахнет вещество, которым обрабатывают покойников в морге — не знаю, в чём они там мариновали дорогую тётушку Миртль, но оказалось, что дело не в этом. Этот запах присущ самим зомби. Некоторые учёные и медики предполагают, что это запах того вещества, которое заставило мертвецов выйти из могил и бродить по земле; хотя, насколько я понимаю, другие учёные и врачи не согласны с этим мнением. Но вам не обязательно знать происхождение этого запаха, чтобы понять, что он исходит от оживших трупов.

И вот ещё что. До того, как появились зомби, мы и представления не имели, насколько они живучи. Вы стреляете им в грудь, но они продолжают на вас наступать. Вы стреляете по ногам — дьявол, вы начисто отрываете твари ногу выстрелом в упор из дробовика... Она заваливается набок, пару минут ёрзает на месте, затем до неё доходит, что можно перевернуться на живот и подтягиваться руками, отталкиваясь от земли оставшейся ногой. А в это время отстреленная конечность дёргается, как сумасшедшая, и кажется, что, будь в ней побольше нервных клеток, она бы продолжила гнаться за вами. Можно стрелять в голову — верно, это работает, разрушает их мозг, и онидохнут. Но

⁴⁷⁷ «Дождевая палочка» (англ. rainstick) — чилийский музыкальный инструмент в виде полой трубки, заполненной зёрнами; при встряхивании производит звук, подобный шуму дождя. (прим. изд. Азбука-классика; СПб) — В оригинале без запятой после. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

вы представляете, каково хотя бы с близкого расстояния попасть в голову движущейся цели, даже если движется она медленно? Особенно когда у вас в руках не суперсовременная снайперская винтовка, а куцый револьвер тридцать восьмого калибра, купленный десять лет назад после ограбления у соседей и с тех пор забытый в шкафу. А если к тому же лицо, в которое вы целитесь, принадлежит вашему пастору, ещё в прошлую субботу убеждавшему сильно поредевшую паству не терять надежды перед лицом испытания, ниспосланного Богом?

Высоко над головой ПОМОЩНИКА РЕЖИССЁРА вспыхивает прожектор, освещая ОУЭНА ТРЕЦЦУ, стоящего в зале, в главном проходе, недалеко от сцены. Он смотрит в сторону партера. На вид ему за тридцать, тёмные волосы торчат в разные стороны, как у человека, который не мылся и не причёсывался несколько дней, правая дужка очков замотана скотчем, на подбородке и щеках видна щетина, готовая превратиться в бороду. Джинсовая куртка и штаны покрыты пятнами грязи, травы и чего-то ещё — будем думать, что это растительное масло. Зелёная футболка, если и не совсем чистая, всё же не имеет видимых пятен, хотя буквы, красовавшиеся когда-то на груди, стёрлись, оставив лишь несколько белых кусочков. В вытянутой правой руке он держит короткий револьвер, на стволе которого выгравированы какие-то буквы; рука заметно дрожит. ТРЕЦЦА целится в кого-то, скрытого в темноте, куда не достаёт свет прожектора.

ОУЭН. О Господи. О Иисусе Христе. Стойте. Стойте на месте! Пастор Паркс⁴⁷⁸? Пожалуйста, не подходите ближе. Пастор? Это Оуэн, Оуэн Трецца. Прошу вас, оставайтесь там, где стоите. Я не хочу — вам на самом деле не стоит подходить. Я просто должен убедиться... Господи. Пожалуйста. Оуэн Трецца — я посещал десятичасовую службу. Со своей женой, Кэти. Мы сидели с левой стороны от прохода — если смотреть от дверей, — во втором или третьем ряду. Пастор Паркс⁴⁷⁹? Вы не могли бы остановиться? Я знаю, что вы напуганы, но... прошу вас. Если вы не остановитесь, я буду стрелять. Это Оуэн. Моя жена ждёт первого ребёнка. У неё рыжие волосы. Остановитесь, пожалуйста. Просто остановитесь, прошу вас. Чёрт подери, пастор, я буду стрелять! Я не хотел, но вы не оставляете мне выбора. Прошу вас! Я не хочу нажимать на курок, но, если вы сделаете ещё шаг, мне придётся это сделать. Не заставляйте меня делать это. Остановитесь, ради Христа! У меня скоро будет ребёнок. Я не хочу стрелять в вас.

Откуда-то из темноты доносится шарканье дешёвых кожаных туфель по ковру.

ОУЭН. Пастор Паркс⁴⁸⁰ — Майкл — Майкл Паркс⁴⁸¹, это последнее предупреждение. Стойте на месте. Стойте. На месте.

478 В оригинале «Паркс», т. е. последняя буква латиницей (также см. 479, 480, 481 и 482). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

479 В оригинале «Паркс», т. е. последняя буква латиницей (также см. 478, 480, 481 и 482). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

480 В оригинале «Паркс», т. е. последняя буква латиницей (также см. 478, 479, 481 и 482). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

481 В оригинале «Паркс», т. е. последняя буква латиницей (также см. 478, 479, 480 и 482). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Туфли продолжают шуршать по полу. Со стороны задних рядов распространяется кошмарный запах, подобный миазмам, исходящим от туши оленя двухдневной давности, лопнувшей на солнце. Рука ОУЭНА сильно дрожит. Он вцепляется левой рукой в правое запястье, и это позволяет ему нажать на курок. Раздаётся выстрел — словно кто-то запустил особенно шумную петарду, — и револьвер отбрасывает назад и вверх. ОУЭН снова пытается прицелиться.

ОУЭН. Ну, хорошо — это был предупредительный выстрел. А теперь прошу вас: ни шага больше.

Шуриание продолжается; на границе светлого круга от прожектора возникает какая-то фигура. ОУЭН стреляет ещё раз; пистолет снова с треском отскакивает назад. ОУЭН перехватывает оружие поудобнее и стреляет четыре раза подряд, стараясь целиться перед собой. В воздухе повисает едкий запах пороха. На свет появляется фигура с повисшими руками и негнувшейся спиной, раскачиваясь при ходьбе, как маятник. Это мужчина лет на десять старше ОУЭНА, одетый в широкие брюки цвета хаки и чёрную рубашку с короткими рукавами; белый стоячий воротничок покрыт коркой засохшей крови. Кроме крови на воротничке, на принадлежность существа к зомби указывает раскрытая рваная рана на шее, в которой виднеется плоть цвета лежалой печени; и кожа серого цвета. Лицо видно плохо, но можно разглядеть, что мышцы его расслаблены, челюсть отвисла, глаза смотрят бессмысленно. Щёлкает курок — это ОУЭН пытается выстрелить из разряженного револьвера.

ОУЭН. Ну же, пастор Паркс⁴⁸². Простите, что назвал вас Майклом. Ну же — я знаю, что вы меня слышите. Стойте. Прошу вас, остановитесь. Пожалуйста, остановитесь. Ради Господа Бога, остановитесь, чёрт вас подери!

ПАСТОР МАЙКЛ ПАРКС — то есть зомби, прежде известный под этим именем, — не реагирует на последний приказ ОУЭНА, точно так же как и на предыдущие. Рука ОУЭНА падает. Лицо его на миг каменеет — так выглядит человек перед лицом неминуемой гибели, но затем на нём выражается протест. Он открывает рот, чтобы заговорить.

Что бы он ни собирался произнести — мольбу, угрозы или ругательства, слова так и остаются произнесёнными; в этот миг раздаётся оглушительный грохот. Одновременно из затылка ПАСТОРА ПАРКСА вырывается фонтан чёрной крови, свернувшихся мозгов и осколков черепа, забрызгивая зрителей, сидящих по обе стороны от прохода. Священник валится на пол.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА встаёт. В правой руке у него длинный пистолет, из дула которого поднимается дымок. Несколько секунд он продолжает целиться в неподвижное тело пастора, затем засовывает пистолет в наплечную кобуру. ОУЭН ТРЕЦЦА не сводит взгляда с тела; свет гаснет. ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА снова садится на своё место.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА. Нет, конечно, среди мужчин — да и женщин, пожалуй, — наверняка найдутся снайперы, но таких явное меньшинство. Большинство людей вынуждены пользоваться другими методами. Некоторые

482 В оригинале «Паркс», т. е. последняя буква латиницей (также см. 478, 479, 480 и 481). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

несостоявшиеся мачо пытались изображать Конана Варвара, бросаясь навстречу зомби с топором в одной руке и мясницким ножом — в другой. Один особенно мозговитый экземпляр, могучий парень по имени Гэри Флосс, решил применить против мертвецов бензопилу, купленную для того, чтобы свалить ели, росшие у него перед домом. Кстати, с деревьями он погорячился — после этого все увидели, в каком непотребном состоянии находится дом Гэри. Проблема состоит в том, что топор в вашей руке — это не оружие; это инструмент, с помощью которого вы колете щепки для камина. Возможно, он достаточно остёр для того, чтобы расколоть всю поленницу, но им невозможно снести человеку голову одним ударом вашей могучей руки. То же относится и к ножу, зажатому в вашей потной левой ладони; это кухонная утварь. Вспомните, как трудно этим ножом отрезать кусок мяса — кусок, который не старается добраться до вас и сожрать ваши мозги, — и подумайте дважды, прежде чем собраться отсечь кому-нибудь руку или ногу. Даже если вы раздобудете острый как бритва топор и настоящий отточенный мачете, помните, что убивать с их помощью легко только в кино. В реальности никто не может просто так взять эту штуку и начать умело обращаться с ней; в этом деле нужна тренировка. Иначе топор, скорее всего, просто застрянет в ключице врага, а лучший нож, гордость вашей кухни, угодит куда-нибудь в бок.

А что касается Гэри Флосса и его бензопилы, я скажу, что с такими пилами нужна осторожность, не то легко можно лишиться руки.

Справа и слева от сцены раздаётся звук завожжающейся пилы. Она визжит раз, другой, затем высота звука меняется — пила вонзается во что-то. Визз смешивается с мужским воплем, затем наступает тишина.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА. Вот огонь на них действует. Зомби скорее побежит от огня, чем погонится за новой жертвой. Проблема лишь в том, что они плохо воспламеняются — не лучше, чем вы или я, — так что необходимо найти какое-то средство, чтобы огонь разгорелся. С этим может справиться, например, самодельный напалм Билли Джо Ройяла. Остатки чувства гражданской ответственности запрещают мне раскрывать состав зажигательной смеси Билли Джо, которую он разработал по рецептам, вычитанным в... по-моему, в «Поваренной книге анархиста»⁴⁸³. А может, в каком-то старом выпуске «Солдата удачи»⁴⁸⁴. Или узнал из программы на канале «Дискавери», ещё до того, как прекратились трансляции. Кстати, вот какая странная штука: вы знаете, что канал «Хистори» всё ещё работает? Все остальные давно пропали, хотя время от времени одной из местных станций удаётся вести передачу. В последний раз я смотрел телевизор дней десять назад — филиал ABC показывал урезанный выпуск новостей, в котором не было ничего, о чём я сам не слышал или не мог бы догадаться; потом шли серии «Больницы»⁴⁸⁵ конца девяностых. Не знаю, откуда транслируют «Хистори», но

483 «Поваренная книга анархиста» («Anarchist's Cookbook») — пособие по использованию бытовых материалов, веществ и предметов для изготовления в домашних условиях оружия, взрывных устройств, ядов. Написана в конце шестидесятых годов американцем Уильямом Пауэллом (William Powell) как протест против войны во Вьетнаме. (прим. изд. [Азбука-классика](#); СПб)

484 «Солдат удачи» («Soldier of Fortune») — американское периодическое издание, посвящённое вооружённым конфликтам, повстанческим движениям, терроризму. (прим. изд. [Азбука-классика](#); СПб)

485 «Больница» («General Hospital») — американская «мыльная опера», показ которой начат в 1963 г. телекомпанией «American Broadcasting Company» (ABC). (прим. изд. [Азбука-классика](#); СПб)

кто-то двадцать четыре часа в сутки крутит документальные фильмы о Второй мировой войне, повторяющиеся снова и снова. От операции «Оверлорд»⁴⁸⁶ вы возвращаетесь к Перл-Харбору и Анцио⁴⁸⁷. Чёрно-белые фильмы перемежаются цветастой рекламой сетей ресторанов, закрытых уже месяц, автомобилей, которые примерно столько же не ездят по дорогам, фильмов, так и не добравшихся до кинотеатров. По правде говоря, мне кажется, что люди, имеющие глупость расходовать энергию своего генератора на телевидение, смотрят его скорее ради рекламы, чем из ностальгии по ветеранам войны. В наши дни «Биг-Мак» кажется почти сказочным угощением, «кадиллак» — упаднической роскошью, а новый фильм — невероятным излишеством.

Однако я немного отклонился от темы. Мы говорили о Билли Джо и его нападке, изготовленном в ванной. К тому времени, как он добился нормальных результатов, ситуация уже превратилась из не слишком хорошей в катастрофическую — и всего за пару дней. Там, где мы...

Вот чёрт. Я же так и не сказал вам, как называется это место, да? Мои извинения. Дело в том, что... зомби теперь чуть ли не самое главное во вселенной, так что они становятся неизбежной темой для разговоров, как раньше погода. Наш городок называется Гудхоуп Кроссинг, а я сижу на городском кладбище, что сразу за голландской реформистской церковью. Это его самая старая часть; более новые могилы находятся...

ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА показывает на зрительный зал.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА. Ну-ну, расслабьтесь. Сейчас нигде не чувствуешь себя в безопасности, и на кладбище не хуже, чем в других местах. Уже довольно давно — по-моему, не меньше сорока лет назад — местные власти издали закон, по которому все тела должны быть захоронены в герметичных гробах, а гробы — размещены в склепе. Чтобы предотвратить заражение грунтовых вод и тому подобное. Зомби многократно демонстрировали способность выбираться из самых разных гробов, но я ещё не слышал о побегах из склепов. Напротив, слухи утверждают, что ожившие мертвецы не сильнее нас с вами; а на самом деле, как правило, они даже слабее. И чем дольше они обходятся без пищи, тем слабее они становятся. Мышцы разлагаются, ну, вы понимаете. От голода зомби не умирают — у них просто замедляются движения, пока они не превращаются в неподвижные тела. Так сказать, впадают в спячку. Так что весьма вероятно, что у тех, кто застрял там, в грязи, давно закончилось горючее. Я, конечно, только высказываю предположение и не собираюсь его проверять.

Однако те, кто умер прежде, чем мертвецов стали хоронить в склепах, смогли выбраться на поверхность. Большинство из них изначально были не в лучшей форме, а после трудоёмкого процесса разламывания гроба и прокапывания себе пути через шесть футов земли — а почва в наших местах

486 Операция «Оверлорд» — операция союзных войск по высадке во Франции, начавшаяся рано утром 6 июня 1944 г. и закончившаяся 19 августа 1944 г., когда союзники пересекли Сену. Операция открыла Западный фронт в Европе во Второй мировой войне. (прим. изд. [Азбука-классика](#); СПб)

487 Анцио — город в Италии, место высадки союзных войск в январе 1944 г.. (прим. изд. [Азбука-классика](#); СПб)

плотная, глинистая, в ней полно камней — состояние их явно не улучшилось. У некоторых, самых старых, не хватало конечностей, были и такие, что не смогли выбраться на поверхность или даже начать это дело.

С правой стороны сцены внезапно зажигается софит, отбрасывая тусклый жёлтый свет на могильные камни и ДЖЕННИФЕР и ДЖЕКСОНА ХОУЛЕНДОВ. Она стоит за одним из надгробий, он сидит на могиле, немного справа от камня. Они брат и сестра, друзья их родителей между собой называют их «ирландскими близнецами»⁴⁸⁸: ДЖЕННИФЕР на десять месяцев старше брата, ей семнадцать, ему шестнадцать. Взглянув на них, сразу можно⁴⁸⁹ понять, что это брат и сестра: у них: схожие фигуры — высокие, крепкие; одинаковые угловатые лица, карие глаза, волнистые тёмные волосы. Оба одеты в оранжевые охотничьи шапочки, оранжевые охотничьи фуфайки поверх свитеров с вязаными «косами», джинсы и ботинки на толстой подошве. ДЖЕННИФЕР прислоняет дробовик к бедру и достаёт жевательную резинку. ДЖЕКСОН положил своё ружьё на тропинку позади себя; опершись подбородком на сжатые кулаки, он смотрит в землю.

ДЖЕННИФЕР. А я говорю, что ты сидишь слишком близко.

ДЖЕКСОН. Да всё нормально, Джен.

ДЖЕННИФЕР. Ага, посмотрим, как это будет «нормально», когда мне придётся разнести тебе башку, чтобы не превратиться в твой «Счастливым завтрак».

ДЖЕКСОН картинно вздыхает, отодвигается назад, туда, где лежит его ружьё.

ДЖЕКСОН. Ну вот. Так лучше?

ДЖЕННИФЕР. Лучше, если мертвец, на могиле которого ты сидишь, не решит, что из твоей задницы получится неплохой обед.

ДЖЕКСОН бросает на неё сердитый взгляд и встаёт.

ДЖЕННИФЕР. Ты ничего не забыл?

Она кивает в сторону дробовика, лежащего на земле. ДЖЕКСОН засовывает ружья в карманы фуфайки.

ДЖЕКСОН. Если кто-нибудь появится, у меня будет полно времени взять ружьё.

ДЖЕННИФЕР. Не обязательно. Кристина Комптон рассказывала, что на её семью напала пара поедателей, передвигавшихся, как чемпионы по бегу.

ДЖЕКСОН. Ну надо же.

ДЖЕННИФЕР. А зачем бы ей сочинять?

ДЖЕКСОН. Она... Мистер Комптон их прикончил?

ДЖЕННИФЕР. Вообще-то их убила миссис Комптон. Отец Кристины совсем не умеет стрелять.

ДЖЕКСОН. Неважно — они же оба подошли, эти зомби-спринтеры. Так что нам не о чем беспокоиться — на нас они не нападут.

488 «Ирландские близнецы» — пренебрежительное название погодков; выражение, вероятно, возникло потому, что в ирландских католических семьях обычно бывает много детей, часто с небольшой разницей в возрасте. (прим. изд. Азбука-классика; СПб)

489 В оригинале почему-то «молено». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

ДЖЕННИФЕР. Может, такие ещё есть. Откуда ты знаешь?

ДЖЕКСОН. Я рискну. *(Пауза.)* А вообще, нам здесь совсем не обязательно болтаться.

ДЖЕННИФЕР. Да?

ДЖЕКСОН. А ты не думаешь, что если прапрабабушка Роза собирается вернуться, она уже это сделала? Я хочу сказать, что прошло уже — сколько? Десять дней? Две недели? С тех пор, как вылезли последние. И им это не сразу удалось.

ДЖЕННИФЕР. Вот именно, а это значит, что есть другие, которым понадобится ещё больше времени.

ДЖЕКСОН. Ты и впрямь в это веришь?

ДЖЕННИФЕР. Послушай — ведь нас папа попросил, а?

ДЖЕКСОН. И мы все знаем, что в последнее время папа просто образец душевного здоровья.

ДЖЕННИФЕР. А ты чего хотел? После того, что случилось с мамой и Лизой...

ДЖЕКСОН. Это он так говорит.

ДЖЕННИФЕР. Давай не будем снова начинать эти дерьмовые разговоры.

ДЖЕКСОН. Я просто говорю, что их было трое в машине — да не просто в машине, в «хаммере». У них были пушки. Как могло *такое* произойти? Это справедливый вопрос. Хотел бы я узнать, *каким образом* всё это закончилось...

ДЖЕННИФЕР. Просто заткнись.

ДЖЕКСОН. Как хочешь.

Брат и сестра смотрят в разные стороны. ДЖЕКСОН отправляется направо, бродить среди памятников, почти уходит со сцены, затем медленно разворачивается и возвращается к могиле прапрабабушки. В это время ДЖЕННИФЕР проверяет своё оружие, прицеливается в землю перед надгробием, затем снова ставит ружьё у бедра. ДЖЕКСОН переступает через свой дробовик и садится на корточки около могилы.

ДЖЕКСОН. А папа её хоть видел когда-нибудь?

ДЖЕННИФЕР. Свою бабушку? Вряд ли. Она, по-моему, умерла ещё до того, как он родился. Вроде много лет назад, когда дедушка Джек ещё был маленьким.

ДЖЕКСОН. Может, и так. Я не помню. Мы с отцом никогда не говорили об этой чепухе — семейной истории.

ДЖЕННИФЕР. Да, я уверена, что он её никогда не видел.

ДЖЕКСОН. Прекрасно.

Ещё одна пауза.

ДЖЕННИФЕР. Хочешь знать, о чём я всё время думаю?

ДЖЕКСОН. А у меня есть выбор?

ДЖЕННИФЕР. Знаешь, да пошёл ты. Если будешь так себя вести, убирайся к...

ДЖЕКСОН. Ладно, извини. Извини, чёрт тебя возьми.

ДЖЕННИФЕР. Всё, проехали.

ДЖЕКСОН. Я серьёзно. Ну, Джен. Извини.

ДЖЕННИФЕР. Я хотела сказать, что у меня всю неделю не выходит из головы тот День благодарения, когда мы ездили к деду Джеку. И клюквенный соус, который приготовил папа...

ДЖЕКСОН. О да, да! Боже, это было ужасно. И чего он только туда положил...

ДЖЕННИФЕР. Перец чили.

ДЖЕКСОН. Да! Да! Помнишь, как дед закашлялся...

ДЖЕННИФЕР. И его челюсть вылетела прямо маме на тарелку!

ДЖЕКСОН. Да-а... *(Вытирает слёзы.)* Эй. *(Поднимается, пристально смотрит на могилу.)* Это... Что это такое?

ДЖЕННИФЕР. Где?

ДЖЕКСОН. *(Указывает.)* Вон там. Посередине. Видишь, как земля...

*ДЖЕННИФЕР берёт ружьё, прислоняет приклад к плечу, опускает ствол и обходит могилу.*⁴⁹⁰

ДЖЕННИФЕР. Покажи.

*ДЖЕКСОН опускается на колени, правая рука его в дюйме от земли.*⁴⁹¹

ДЖЕННИФЕР. Не так близко.

ДЖЕКСОН. Смотри, видишь?

ДЖЕННИФЕР кивает. ДЖЕКСОН встаёт, отступает, чтобы взять ружьё, и чуть не падает, споткнувшись о него.

ДЖЕННИФЕР. Лучше тебе зажать уши.

ДЖЕННИФЕР пять раз стреляет в могилу. Во все стороны летит земля; ДЖЕКСОН закрывает уши ладонями. Дробовик оглушительно грохочет, эхо выстрелов разносится по зрительному залу. Возникает большое облако порохового дыма; когда ДЖЕННИФЕР отступает назад и опускает ружьё, ДЖЕКСОН кашляет и машет руками, чтобы отогнать дым.

ДЖЕКСОН. Вот дерьмо.

ДЖЕННИФЕР. А ты как думал? Надо было всё сделать,⁴⁹² как следует.

ДЖЕКСОН. Это была она?

ДЖЕННИФЕР. Думаю, что да. Что-то копошилось прямо у поверхности.

ДЖЕКСОН. Будем надеяться, что это был не сурок.

ДЖЕННИФЕР. А ты видишь где-нибудь кишки сурка?

ДЖЕКСОН. Я вообще мало что вижу. *(Наклоняется, поднимает ружьё.)* Теперь мы можем идти домой?

ДЖЕННИФЕР. Наверное, следует ещё пару минут подождать, просто чтобы быть уверенными.

490 В оригинале без выделения, в отличие от подобного текста. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

491 В оригинале без выделения, в отличие от подобного текста. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

492 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

ДЖЕКСОН. Замечательно.

Оба смотрят на могилу. Свет гаснет.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА. Брат и сестра.

Ну так вот. Что вам ещё нужно знать о нашем городке? Не думаю, что широта и долгота вам что-то скажут; мне кажется, лучше будет сообщить, что Нью-Йорк находится примерно в полутора часах езды к югу, Хартфорд — в полутора часах к востоку, а река Гудзон — на западе, до неё двадцать минут. Обычно здесь жарко летом и холодно зимой. Зимой выпадает достаточно снега, чтобы дети могли как следует повеселиться; летом бывают такие жестокие грозы, что образуются настоящие торнадо. Когда-то здесь жили главным образом сотрудники корпорации Ай-Би-Эм и «синие воротнички», переехавшие из Нью-Йорка работать в фирмах вроде «Консолидейтед Эдисон»⁴⁹³. Ситуация с населением менялась дважды. В начале девяностых, когда для Ай-Би-Эм настали тяжёлые времена, тысячи мужчин и женщин не первой молодости вынуждены были разъехаться из городка в поисках другой работы. Возрождение наступило после 11 сентября. Богачи внезапно решили, что Манхэттен — неподходящее место жительства, и поняли, что на те деньги, на которые в Нью-Йорке купишь только крошечный чулан, здесь можно приобрести просторный дом и хороший участок, причём отсюда можно каждый день ездить в город на работу.

После затяжного кризиса в жилищном строительстве, последовавшего за крахом Ай-Би-Эм, цены на недвижимость взлетели вверх, как ракеты на праздновании Дня независимости. Переселение среднего класса — думаю, вы это так назовёте. Это означает, что ваш дом существенно вырос в цене за какой-нибудь месяц — не за одну ночь, конечно нет, не так стремительно, но всё же достаточно быстро. Цены подскочили на тридцать, сорок, пятьдесят процентов, иногда и выше, в зависимости от того, как близко дом находился от станции Северной пригородной железной дороги или шоссе Таконик. Это означало также рост строительства новых домов — в основном шикарных. Конечно, это были не совсем «Мак-Особняки»⁴⁹⁴, но всё же довольно большие дома. Снаружи они казались просторными, а внутри были неудобны, соседние особняки почти примыкали друг к другу. Участочки перед домами были настолько малы, что хозяйева иногда сомневались, стоит ли этот клочок травы усилий, затрачиваемых на возню с газонокосилкой по субботам. Если человек владел за городом значительным участком земли, соблазн получить наличными от подрядчиков оказывался почти непреодолимым. Ферма, никогда не являвшаяся, что называется, золотым дном, и в течение безобразно долгого времени съедавшая больше денег, чем приносила, превращалась в двенадцать-пятнадцать⁴⁹⁵ кусочков земли, в новую коммуну под названием, например, «Садовые холмы», и бывший владелец мог считать, что это название выбрано в знак уважения к нему.

493 «Консолидейтед Эдисон» (Consolidated Edison, Inc.) — один из крупнейших в США производителей и поставщиков электроэнергии. (прим. изд. [Азбука-классика; СПб](http://Azбука-классика; СПб))

494 «Мак-Особняк» («Mc Mansion») — в США презрительное название однотипных домов, строящихся на месте бедных кварталов или на незаселённой территории. Обычно это большие особняки, по цене доступные наиболее обеспеченным представителям среднего класса. (прим. изд. [Азбука-классика; СПб](http://Azбука-классика; СПб)) — В оригинале в этой сноске так и написано «Mc Mansion», т. е. в первой части словосочетания используются кириллические буквы «Mc». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

495 В оригинале «двенадцать — пятнадцать» через тире вместо дефиса. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Обширное строительство имело неутешительные последствия: когда зомби появились у нас в значительных количествах, в этих огромных «коробках для завтраков» их ждали множество семей.

На уровне балкона зажигается очередной прожектор; его точно сфокусированной луч падает на МЭРИ ФИЛЛИПС, стоящую перед оркестровой ямой. Хотя лицо женщины обращено к публике, она никуда конкретно не смотрит. Ей не больше тридцати. Рыжие волосы недавно подстрижены — и подстрижены странно: местами виднеются какие-то плечи, просвечивает череп, местами торчат пучки и пара длинных прядей, глядя на которые можно угадать, какая у неё раньше была причёска. На лице, покрытом едва заметными веснушками, видимо, недавно чернел огромный синяк, сейчас превратившийся в пёструю жёлто-зелёную мешанину, у правого глаза виднеется пара более тёмных пятен. На ней длинная белая футболка в коричневатый горошек — причём «горошины» разбросаны беспорядочно, — почти новые тёмные джинсы и белые кроссовки, заляпанные грязью. Руки, стиснутые в кулаки, прижаты к бокам.

МЭРИ. Я была на кухне, кипятила воду для макарон. И ведь пару недель назад нам уже привезли бензин — смешно: всё рушится... Это было после того, как удалось сдержать первую волну, и все политики и учёные мужи твердили: да, мы были на волосок от гибели, но худшее позади; того, что произошло в Индии, Азии, происходит сейчас в Южной Америке, никогда не случится здесь. И неважно, что этих тварей — мы называли их поедателями, потому что «зомби» звучит смешно, — этих поедателей видели в дюжине самых разных мест от Мэна до Калифорнии, в которых раньше они не встречались. Мы слышали рассказы... Наша соседка, Барбара Оденкирк, руководила отделом персонала в одном рекламном агентстве в Манхэттене и ездила в Нью-Йорк каждый день, со станции «Бикон». В последний наш разговор она рассказала мне, что вдоль дороги этих поедателей с каждым днём становится всё больше. Она говорила, что люди в вагоне не слишком обращают на них внимание — если мертвецы подойдут близко к движущемуся поезду, им плохо придётся. Я спросила её, а как обстоят дела в местах, находящихся вдоль железной дороги, в этих городах, деревнях, хуторах, — я миллион раз проезжала мимо, когда мы начали встречаться с Тедом, и помнила все эти дома, приютившиеся среди леса. О, Барбара сказала, что местная полиция наверняка на высоте. Разумеется, это было не так. Не знаю,⁴⁹⁶ почему. Когда зомби напали на стадион во время того матча в Кодд-Спринге, мы были так поражены, шокированы, просто пришли в ярость. Нам тогда следовало упаковать вещи, запихнуть в свои «Вольво⁴⁹⁷» и «БМВ» самое необходимое и на полной скорости гнать прочь из города. Не знаю, правда, куда. Может быть, на север, в Адирондакские горы — я слышала, там дела обстоят не так плохо. Даже в горах Катскилл мы были бы в относительной безопасности.

Но грузовик с бензином оказался на нашей подъездной дорожке, как он это делал прежде каждые полгода, и электричество было чаще включено, чем выключено, и мы могли ездить в «Шоп-Райт»⁴⁹⁸. Конечно, товара на полках было меньше, чем всегда, мясной отдел опустел, не говоря уже об отделах

496 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

497 В оригинале «Вольво» с маленькой буквы, хотя марка автомобиля. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

498 «Шоп-Райт», «Уол-Март» — крупные сети супермаркетов в США. (прим. изд. Азбука-классика; СПб)

деликатесов и рыбы. Но мы наполняли корзины своими обычными продуктами и не голодали, так что могли говорить себе, что президент прав и худшее позади. И даже почти верили в это. Когда первый натиск был в разгаре и казалось, что Орlando вот-вот полностью захватят, Тед приобрёл переносной генератор. Все остальные бросились скупать всевозможные ружья, а мой муж — пожалуйста, просит меня помочь ему выгрузить из машины тяжеленную коробку. Он был напряжён — наверное, ждал, что я выберу его за то, что он не привёз из «Уол-Марта» охапку ружей. Но я не сердилась; если уж на то пошло, его предусмотрительность меня впечатлила. Я не особенно беспокоилась насчёт оружия — тогда я ещё верила в полицию и Национальную гвардию, а если бы власти оказались не в состоянии справиться с поедателями, меня окружали соседи, которые почти организовали свою охрану. С электричеством нам повезло; самое длительное отключение продолжалось всего сутки, как раз в день покупки генератора. Если верить Национальному радио, в некоторых местах света не было неделями. Но раз в два-три дня у нас всё же бывали небольшие перебои, в основном на пять-десять секунд, несколько раз — на два часа. Теперь, когда у нас был генератор, а кроме того, несколько больших красных канистр бензина (не знаю, где Тед их раздобыл, ведь всё уже выдавали по карточкам, и большая часть заправок относилась к этому весьма серьёзно) — так вот, генератор давал мне чувство уверенности в завтрашнем дне, какой не дал бы никакой автомат. По правде говоря, меня больше беспокоило намерение Теда установить этот агрегат самостоятельно. Профессия ИТ-специалиста не даёт вам магической способности умело обращаться абсолютно со всеми электроприборами — сколько раз я ему это говорила? Особенно когда Шон Рейнольд через два дома от нас, электрик, с удовольствием помогает всем с такими вещами. Но нет, Тед всё может сделать сам, так он говорил и про домашний кинотеатр — а когда его подключал, в доме половина пробок вылетела. Ну и что мне оставалось делать? Я пошла и отключила от сети компьютеры и домашний кинотеатр.

Каким-то образом — с гораздо большим количеством ругани, чем детям допустимо слышать от отца, — ему удалось справиться с генератором, и вот почему в то утро я стояла у плиты, ожидая, пока закипит вода. Робби попросила на обед макарон с сыром, я согласилась, потому что Брайан тоже ел их за компанию, а кладовая была забита коробками с порошком. Это какая-то органическая субстанция, в которую нужно лишь добавить немного молока, чтобы получить сырный соус. Это казалось мне экономным, но порошок стоил недёшево, так что не знаю, был ли в нём смысл. Свет отключили час назад, и, хотя мы старались пользоваться генератором как можно реже, я решила, что сейчас это совершенно необходимо. Я подождала, пока не настало время обеда, затем выбежала в заднюю дверь, пронеслась вниз по ступеням и нырнула под крыльцо, где Тед установил генератор. Когда муж был дома, он, услышав щелчок замка, бросал свои дела и нёсся в кухню, спрашивая меня, не опасно ли выходить. Что бы я ни отвечала, он настаивал на том, чтобы проверить самому, — как будто он в очках видел лучше, чем я со своим стопроцентным зрением. Это казалось мне смешным, но по-своему было приятно. Но на самом деле беспокоиться мне было не о чем — даже если за дверью поджидал поедатель. Они не слишком-то хорошо бегают, а большинство вообще с трудом передвигается. Ну, положим, со времён школьных кроссов прошло десять лет, и

я успела обзавестись двумя детьми, но я всё ещё в неплохой форме после беготни за этими самыми детьми⁴⁹⁹, так что мужу за мной не угнаться. Он считает, что физические упражнения — это убирать за собой посуду. В общем, я не боялась, что какой-нибудь поедатель сможет меня поймать. Из радиопередач я поняла, что они наиболее опасны, когда собираются в большие группы и могут взять вас в кольцо. За домами тянется полоса леса, где может спрятаться немало число врагов, но я была совершенно уверена, что, как только зомби появятся у забора, мои прекрасно вооружённые соседи изрешетят их. Мы пристально следили за лесом; я старалась осматривать окрестности регулярно, когда часы в холле играли электронный вариант боя Вестминстерских колоколов, но некоторые соседи подходили к окну каждые пятнадцать-двадцать минут. У Мэтта Оденкирка был мощный бинокль, на вид стоивший кучу денег, и он по несколько минут стоял на заднем крыльце, вглядываясь в лес. Похоже, он был убеждён, что поедатели прячутся именно там, изо всех сил стараясь слиться с пейзажем. Всё, что ему было нужно, — это заметить одного из них. Тогда он схватил бы такую же дорогушную на вид винтовку, прислонённую к перилам, и стал бы героем нашей улицы. Но этого так и не произошло. Не думаю, что ему удалось выстрелить из неё хотя бы раз... Не думаю, что она была у него в руках, когда... когда... когда они... когда он...

Генератор завёлся без проблем; я успела вернуться в дом, прежде чем дети заметили моё отсутствие. Включила плиту и наполнила кастрюлю водой из кулера — что всегда бесило Теда. «Это только для питья, — говорил он. — Бери для готовки фильтрованную воду». Но у нашей воды странный вкус; удивительно, но от него никак не удавалось избавиться, сколько ни пропускай её через фильтр. Как будто вы пьёте из серного источника. «Что ты ерунду говоришь? — возмущался Тед. — Прекрасная вода». Отлично, говорила я, тогда бери и пей её, и он, разумеется, пил, чтобы доказать свою правоту. Но сегодня он уехал в Ай-Би-Эм, потому что они ещё работали, — понятия не имею, что он там мог делать, каким бизнесом они занимались, когда мир рушился, — и я, как всегда, брала для приготовления пищи воду из бутылок.

Я зажгла горелку, поставила на неё кастрюлю и включила радио. Обычно я его не слушала — кто знает, какие новости там сообщают сегодня? Допустим, Национальное радио было лучше большинства телеканалов, которые после ухудшения положения во Флориде и Алабаме начали передавать отснятый материал без обработки. Когда зомби захватили Мобил⁵⁰⁰, все смогли увидеть тамошнюю бойню в красках. Радио тоже послало в Мобил свою корреспондентку, и после того, как Национальная гвардия потерпела поражение, несчастная осталась одна в машине среди врагов. Поедатели схватили её, и мы могли слышать, как всё это было. Сначала они стучали в стекло, а она повторяла: «О нет, нет, пожалуйста». Затем стёкла треснули, она закричала, и мы услышали, как поедатели шлёпают своими лапами по обивке машины, пытаясь схватить женщину, слышали треск её рвущейся одежды и их голоса. Я знаю, что о производимых зомби звуках много спорят, и неизвестно, выражают ли они связные мысли или это просто произвольные мышечные сокращения. Но я прослушала весь этот ужас от начала и до конца и могу поклясться, что это были голоса — мертвецы переговаривались. Не знаю,

499 В оригинале вдруг «Детьми» с заглавной буквы в середине предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

500 Мобил — порт в штате Алабама. (прим. изд. Азбука-классика; СПб)

что именно они говорили — корреспондентка от ужаса и боли кричала изо всех сил. Я подумала, что хуже уже быть не может, но ошибалась. Раздался звук — такой звук бывает, когда вы отрываете ножку у индейки, приготовленной на День благодарения, долгий хруст, затем хлопок... только он был... мокрым. Голос корреспондентки становился всё тише, затем она застонала — это был жуткий стон, такой стон издаёт человек, когда одной ногой уже находится в могиле и чувствует, что смерть тащит его за другую ногу. А дальше — дальше кто-то из поедателей сообразил, как открыть дверь машины. Одежда корреспондентки зашуршала по сиденью, когда её вытаскивали наружу. Увидев, что ей конец, она застонала немного громче. А затем раздались такие звуки, как будто они разрывали индейку на несколько кусков — рывки и треск. Мы слышали, как поедатели пожирают корреспондентку, запихивая себе в рот куски её плоти и рыча от удовольствия. Это...

Робби была уже достаточно большой, чтобы понимать, что говорят по радио, и даже Брайан улавливал больше, чем мы думали. Я не хотела, чтобы они услышали нечто подобное⁵⁰¹. Хватало и того, что они узнавали от соседских детей, особенно от девчонок Мак-Дональдсов. Элис, их мать, принадлежит к тем родителям, которые относятся к детям «с уважением», то есть позволяют им видеть и слышать такие вещи, для которых они ещё слишком малы. Родители — мать не должна... мой долг состоит не в этом. Мой долг — моя священная обязанность — защищать своих детей, обеспечивать их безопасность, что бы ни... я должна защищать их, как бы ни...

Да, так о чём это я? Генератор заработал, и я отпустила детей смотреть мультики — из привычного ежедневного развлечения (иногда позволяемого и дважды в день) это превратилось в событие, равнозначное походу в кино. Они были так напуганы, что Робби даже захотела поскорее сесть смотреть надоевшую ей «Суперсемейку»⁵⁰², которую Брайан обожал. Итак, оставив их у телевизора, я смогла спокойно включить радио на небольшую громкость и попытаться узнать какие-нибудь новости, пока закипает вода.

И, как вы знаете, новости были неплохими. Я бы не назвала их хорошими, но Национальная гвардия, похоже, делала успехи. Они удержали Орlando, хотя, по-видимому, в Диснейленде им пришлось нелегко, и переловили много поедателей на одном из главных шоссе — не помню, на каком именно, скорее всего,⁵⁰³ на шоссе № 1. Для этого пришлось задействовать военные самолёты; поедателей бомбили, пока они не разлетелись на мелкие кусочки. Если учесть то, что мы узнали о них несколько недель спустя, это оказалось самым худшим... Вместе с кусками их тел зараза распространилась на большой территории, но в тот момент это казалось нам удачей. Говорили о возвращении контроля над Мобилом; отряд «морских котиков» спас группу выживших, спрятавшихся в здании мэрии, а спецназ провёл разведку в городе и даже почти добрался до гавани. Разумеется, власти всегда приукрашивают свои достижения, но я была расположена им верить.

501 В оригинале «подобной». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

502 Суперсемейка» («The Incredibles») — компьютерный анимационный фильм (2004 г.), рассказывающий о жизни супергероев. (прим. изд. [Азбука-классика: СПб](http://Азбука-классика.СПб))

503 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

К дому подъехал грузовик; я услышала рокот двигателя и шипение тормозов. Я отметила про себя этот факт, но не придавала ему особого значения. Россы продали свой дом через дорогу от нас супружеской паре из Нью-Йорка, и люди говорили, что за него был заплачен почти миллион долларов. Услышав такую цифру, мы с Тедом выпучили глаза и провели счастливые два часа, обсуждая, что сделаем со своим миллионом. Однако, когда мы, зайдя в Интернет, посмотрели цены на недвижимость в Адирондакских горах, наши фантазии разлетелись вдребезги. На севере за миллион едва можно было купить дом в два раза меньше нашего. Мы знали, что Канада закрыла границы, но всё равно посмотрели тамошние цены. По нынешнему курсу доллара, крохотный дом стоил уже полтора миллиона. Стало ясно, что нам придётся оставаться там, где мы есть. И у нас появились новые соседи, к которым приехал грузовик.

Иногда я думаю о водителе этой машины. Я ничего о нём не знаю — или о ней, это вполне могла быть женщина; хотя мне почему-то всегда представляется мужчина. Немолодой — ему примерно около пятидесяти, крепкого сложения, волосы подстрижены «ёжиком», что не скрывает седины. Он уже достаточно пожил на свете, видел много разных кризисов, так что сейчас не паникует и просто выполняет свою работу. Больше никто в транспортной компании не решается ездить на север и рисковать жизнью на малонаселённых равнинах, но он рад возможности хоть на денёк покинуть Нью-Йорк. У всех в городе нервы на пределе. У доков, аэропортов, железнодорожных станций и автобусных вокзалов толпятся солдаты и вооружённые до зубов полицейские. Все прибывающие в город обязательно проходят обследование у врача, которого стерегут два охранника и во время осмотра держат пациента на мушке. Малейшее подозрение — высокая температура, распухшие или болезненные железы, необычный цвет языка — и путешественника ждёт немедленный арест. Вооружённые люди уполномочены при попытке сопротивления вогнать вам в лоб пару пуль. Но хуже всего то, что теперь, когда полиция почти исчезла с улиц, некоторые горожане решили самостоятельно патрулировать кварталы в поисках поедателей. Они наделили себя правом останавливать и допрашивать любого человека, показавшегося им подозрительным, а если вы поинтересуетесь их полномочиями, они с радостью продемонстрируют вам дула своих пистолетов и винтовок. Уже произошло крупное столкновение между двумя такими патрулями — противники обвиняли друг друга в том, что они поедатели. Пришлось вызвать копов, охранявших порт, чтобы взять ситуацию под контроль, что они и сделали, перестреляв большинство участников схватки.

Не думаю, что с водителем что-то случилось ещё в городе. Скорее всего, он благополучно, без задержек миновал контрольно-пропускные пункты и отправился в путь. Стояло прекрасное сентябрьское утро, свежее, но не холодное, листья начинали желтеть, солнце светило ярко, но не жарило. Может быть, водитель включил радио, слушал одну из городских станций. Услышал новости из Флориды и подумал: «Следовало ожидать». Затем решил свернуть к ближайшей придорожной закусочной «Данкин Донатс» и отметить это событие кофе и пончиком с кремом.

Возможно, въехав на парковку, он заметил отсутствие машин. А может, увидел, что в кафе темно, и решил, что приехал во время затишья. Он припарковал грузовик, вылез из кабины и направился к стеклянной двери. Иногда я вижу, как он подходит к стойке, глядя на витрины с пончиками, не чувствуя ничего необычного; а потом замечает, что все полки пусты.словно в замедленной съёмке, он поворачивается к стоящим справа столикам и видит скользкий от крови пол, останки владельцев, разбросанные по столам. Тогда я думаю: «Это просто смешно; он не мог не заметить этого сразу, как только вошёл». В ту самую секунду, как он открыл дверь, он должен был почувствовать запах. Хотя, возможно, он и не зашёл так далеко — заметил забрызганные кровью стёкла и немедленно повернул к машине. В любом случае — вылетел ли он пулей из закусочной или побежал прочь, не заходя внутрь, — он явно не замечал ничего вокруг, будучи в шоке от увиденного или почти увиденного. Наверное, ему приходилось смотреть на нечто подобное только по телевизору. Вот почему он не услышал шарканья ног по асфальту, пока поедатель не показался из-за кабины и чуть не столкнулся с ним. У водителя глаза лезут на лоб; если он никогда не видел таких ужасов, то наверняка и поедатель к нему и близко не подходил. Ноги его заплетаются, он спотыкается, а поедатель, покачнувшись, падает на него. На какое-то кошмарное мгновение водитель оказывается под этой тварью, под вонючим трупом, который, щёлкая зубами у его уха, пытается укусить его, тянется к нему своими лапами. Подняв правый локоть, водитель наносит удар врагу в лицо. Руку его пронзает острая боль, но поедатель откатывается прочь. Водитель вскакивает на ноги, отшвыривая конечности живого мертвеца, пытающегося заграбастать его, и запрыгивает в машину. Может быть, как раз в этот момент поедатель бьётся о дверь, и ключи едва не вываливаются из рук водителя, который никак не может вставить их в замок зажигания. Зомби колотит в дверь, бросается на неё всем телом, чуть ли не сдвигает грузовик с места. Ключ поворачивается, двигатель ревёт, и водитель рвёт рычаг, включая первую передачу. Он несётся прочь со стоянки, закладывая такой вираж, что сшибает телефонную будку; задняя дверь открывается, и пара пластиковых канистр вываливается на дорогу. Но шофёр только крепче жмёт на газ. Пусть их вычтут из его зарплаты. Сердце его колотится, как молот, руки, держащие руль, трясутся. Если он курит, то отчаянно жаждет закурить; если бросил, то жалеет об этом; если никогда не курил, то хотел бы быть курильщиком.

Только через тридцать-сорок минут, когда кафе исчезло из виду, водитель заметил пульсирующую боль в правом локте. Оглядевшись, он увидел на сиденье и на полу кровь. Вытянул руку. У него что-то сжалось внутри при виде клочьев кожи, залитых ярко-алой кровью, и пары сломанных зубов, торчащих из локтя как раз над суставом. Нога соскочила с педали газа; грузовик замедлил движение и еле полз. В глазах водителя потемнело; он подумал, что сейчас упадёт в обморок. Перехватив руль правой рукой, он протянул левую и ощупал зазубренные края зубов поедателя. Они были скользкими от крови, и ему не сразу удалось схватить их. Он впился пальцами в локоть, пытаясь извлечь зубы, но от этого кровь лишь сильнее выступила. Выбора не было; ему придётся остановиться. Водитель включил аварийку, свернул на обочину и остановился, но двигатель не выключил. Наклонившись, трясущимися руками с трудом достал из-под сиденья аптечку. Открыв её, он

отыскал бутылку со стерильным солевым раствором и пачку марлевых подушечек. Вылив на локоть полбутылки воды, водитель развернул пару подушечек и промокнул кожу. В коробке нашёлся пинцет; дрожащей рукой раненому кое-как удалось вытащить из локтя сначала один зуб, потом другой. Кровь пошла сильнее. Уронив пинцет и зубы на пол, водитель залил рану оставшимся раствором, промокнул кровь и соорудил повязку, обмотав её пластырем.

До сих пор так и не выяснено, что заставило поедателей вылезать из земли, вставать со столов в моргах и траурных залах. Существует множество предположений на этот счёт. Некоторые из них просто смешны — например, что ад переполнился. Мы с Тедом от души посмеялись над этим. Высказывались и другие гипотезы, более похожие на правду, но всё же не доказанные. Один учёный из Центра контроля заболеваний говорил по радио о сверхбактериях, вроде каких-то мерзких стафилококков, которые могут колонизировать тело человека, чтобы тот добывал им новую пищу. Но мне кажется, для простого микроорганизма это слишком. А кроме того, ни на одного из поедателей, захваченных властями, антибиотики не оказали ни малейшего воздействия. Я высказала догадку, что оживление трупов вызвано несколькими видами бактерий, но Тед заявил, что это невозможно. **Диплом компьютерщика автоматически сделал его также экспертом в бактериологии.**

Мы знали только одно: если поедатель вас укусил, то, хотя вы и не превратились в обед, вам всё равно пришёл конец. Вы умрёте, только немного позже — смерть наступит в пределах от тридцати минут до сорокавосьми⁵⁰⁴ часов. Первыми симптомами являются сильный жар, набухшие гланды, боль в горле, язык, приобретающий цвет тухлого мяса; вскоре появляются галлюцинации, затем наступают конвульсии и смерть. В период от пяти минут до двух часов после того, как ваше сердце перестаёт биться, ваше тело, так сказать, воскресает. Болезнь эта неизлечима, и если вы явитесь к своему врачу, в больницу или в пункт первой помощи со зловещими симптомами, вас как можно быстрее отведут в специальную палату, прицепят к вам датчики сердцебиения и артериального давления и привяжут вас к кровати. Если в этот день в больницу поступил экспериментальный препарат, его проверят на вас. Когда он не подействует, вам предложат последнее утешение священника и оставят наедине с неизбежным. За дверью палаты дежурит вооружённый охранник; когда приборы зарегистрируют вашу смерть, он войдёт в комнату, вытащит пистолет и сделает так, чтобы вы не возвращались. Сначала охранников снабжали глушителями; но люди протестовали и говорили, что, слыша выстрелы, они чувствуют себя в безопасности.

Не знаю, что из этого было известно водителю, но думаю, что он имел представление о том, что его ждёт у врача. Поэтому, обнаружив, что с ним произошло, он не поехал в ближайшую больницу. Вместо этого он выключил предупреждающие огни, дал газ и вернулся на дорогу. Возможно, он решил, что обязан совершить этот последний рейс, пока ещё может, но я в этом сомневаюсь. Он был уже мёртв; его телу лишь оставалось претерпеть кое-какие изменения. Однако его сознание... Факт смерти прошёл мимо его сознания.

504 В оригинале «сорока восьми» раздельно. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Мозг говорил ему, что он просто оцарапал руку, от этого он не превратится в одну из этих кошмарных тварей, и если он продолжит делать свою работу, всё будет прекрасно. Водителю пришлось открыть окно, потому что в кабине стало невыносимо жарко, он даже проверил, не включил ли случайно обогреватель, после чего решил, что подцепил грипп, на работе сейчас многие болели. Должно быть, именно от этого гриппа у него так заныло горло. И наверняка он не смог преодолеть искушения наклонить зеркало заднего вида и осмотреть свой язык.

Если водитель и слышал какой-то шум в кузове, то, наверное, решил, что это гремят канистры или отвязался какой-нибудь шкаф. Разумеется, к этому времени жар усилился, так что за те несколько часов, которые потребовались ему на часовой рейс, поедатели могли сколько угодно громыхать в кузове, а он бы ничего не заметил. А может, он и слышал эти звуки, но... Вы знаете, как это бывает при высокой температуре: вы видите и слышите, что происходит вокруг вас, но не можете связать одно с другим и ничего не понимаете. Как ещё объяснить поступок этого человека, который привёз целый грузовик поедателей в центр коттеджного посёлка — в центр коттеджного посёлка — моего посёлка, где я жила со своим мужем и детьми, моими мальчиком и девочкой, — как иначе объяснить такой внезапный, такой чудовищный крах моей жизни?

Да, вы правильно поняли — машина, остановившаяся у нашего дома (я слышала её, наблюдая за тем, как на дне кастрюли с водой образуются пузырьки), была полна — просто набита поедателями. Не спрашивайте меня, сколько их там было. И я понятия не имею, как они попали туда. Я никогда не слышала о таком. Может быть, твари охотились за каким-то человеком, который забрался в кузов, думая, что поедатели не смогут залезть за ним туда, и ошибся. Может быть, сначала это была группа заражённых, которые отрицали своё состояние, подобно водителю, и хотели спрятаться, пока не наступит выздоровление, — которое, конечно, не наступило. Может быть, они вообще не все сразу забрались в грузовик: некоторые, допустим, гнались за добычей, ещё несколько хотели спрятаться, а остальные решили, что нашли неплохое укрытие от солнца. Водитель трясся в лихорадке, горло болело так сильно, что было больно глотать, язык распух, и ему, должно быть, неоднократно приходилось останавливать машину, чтобы прижаться лбом к тепловатому пластику рулевого колеса и хоть как-то успокоить жар. Думаю, у поедателей была масса возможностей проехать автостопом.

Не знаю, какова была дальнейшая судьба этого человека, умер ли он в тот момент, когда нажал на тормоза, или открыл дверь и вылез из кабины, чтобы известить клиентов, что мебель доставлена; а может, поедатели сообразили, как открыть дверцу⁵⁰⁵, и вытащили свою жертву. Но я надеюсь, что они схватили этого водителя прежде, чем он умер; надеюсь, что он увидел вокруг лица поедателей, и у него хватило ума понять, что с ним сейчас произойдёт. Я надеюсь — я молюсь, чтобы это было так; я падаю на колени и молю Всемогущего Господа, чтобы эти твари разорвали его на куски прежде, чем сердце его перестало биться. Надеюсь, они содрали ему мясо с костей. Надеюсь, они запустили когти ему в брюхо и вырвали ему потроха. Надеюсь, что они рвали зубами его уши, как вы рвёте жёсткий кусок бифштекса.

505 В оригинале «дверцу», т. е. в конце слова латинская буква «j». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Надеюсь, что он страдал. Надеюсь, что он испытал такую боль, какой ещё никто до него не испытывал. Вот почему я провожу так много времени, думая о нём, — чтобы его смерть предстала передо мной как можно более реально и живо. Я...

Первые пузырьки начали подниматься со дна кастрюли с водой и, проплыв к поверхности, лопались. Репортаж о действиях спецназа в Мобиле закончился, и корреспондент рассказывал о появлении поедателей в таких местах, как Бангор⁵⁰⁶, Карбондейл⁵⁰⁷ и Санта-Крус⁵⁰⁸. Местные власти отрицали эти сообщения как истерию, но ведущий утверждал, что, по крайней мере, несколько из них были правдой. В таком случае наступил, как выразился ведущий, Реанимационный Кризис. В гостиной Брайан вскрикнул и сказал: «Боюсь!» Он всегда говорил так, когда на экране появлялся кто-то страшный; Робби ответила: «Всё нормально — Ви их вытащит, смотри». Это были те невинные реплики, которыми обмениваются ваши дети, и от которых у вас сжимается сердце, — они так неожиданны, так чисты. А затем раздался стук в дверь.

Это был именно стук. Когда я мысленно возвращаюсь к тому моменту и снова прокручиваю его в памяти, то по-прежнему слышу стук, как бы я ни старалась услышать что-то другое. Ни в одном сообщении о поедателях ничего не говорилось о стуке в дверь. А кроме того, я не слышала выстрелов — ведь я ожидала, что именно они возвестят о появлении тварей на опушке леса. Разумеется, выстрелов не было потому, что все смотрели в другую сторону, на лес. Я понимаю, как глупо это звучит, как непростительно глупо, но никому из нас и в голову не пришло, что враги могут подойти к нашим дверям и постучаться. Или... я не знаю — может, мы и имели в виду такую возможность, но никак не предполагали, что поедатель, а тем более полный их грузовик, может появиться посреди улицы так, что его никто не заметит.

Я оставила кастрюлю, над которой начинал поднимался пар, вышла в холл и спустилась по главной лестнице к двери. Выйдя из кухни, я подумала, что это, должно быть, Тед вернулся с работы, но, спускаясь по ступеням, решила, что вряд ли — Тед бы не стал стучать, зачем ему это? Скорее всего, это кто-то из соседей, возможно, девочки Мак-Дональдов пришли спросить, не хочет ли Робби пойти поиграть с ними. Они вечно приходили не вовремя, за пять минут до обеда, и звали Робби поиграть, а та, услышав их голоса, естественно, сразу же бежала к дверям. Я пыталась найти компромисс, говорила дочери, что она может выйти сразу после того, как поест, или приглашала девочек пообедать с нами. Но Робби настаивала, что она не голодна, а её подруги говорили, что они уже поели или будут есть вечером, когда отец принесёт пиццу. Тогда Робби спрашивала, почему мы не едим пиццу, а Брайан, услышав это слово, начинал скандировать: «Пиц-ца! Пиц-ца! Пиц-ца!» Иногда я отпускала Робби и держала еду подогретой, чтобы она поела со мной и Тедом, когда он придёт домой. Она это обожала — сидеть за столом с мамой и папой, без маленького братишки. Однако иногда я говорила девочкам

506 Бангор — городок в штате Нью-Йорк. (прим. изд. [Азбука-классика; СПб](http://Азбука-классика.СПб))

507 Карбондейл — названия городов в нескольких штатах; вероятно, имеется в виду Карбондейл, штат Пенсильвания, наиболее близкий к штату Нью-Йорк. (прим. изд. [Азбука-классика; СПб](http://Азбука-классика.СПб))

508 Санта-Крус — названия городов в штатах Техас, Калифорния, Нью-Мексико. (прим. изд. [Азбука-классика; СПб](http://Азбука-классика.СПб))

приходить через час, потому что Роберта обедает, — и готовилась к неизбежному бурному возмущению. Я ещё не решила, как поступить на этот раз, но у меня уже кошки скребли на душе. Я щёлкнула замком, повернула ручку и потянула дверь на себя.

Говорят, что в критические моменты время как бы замедляет свой ход; может быть, для некоторых людей это и так. Для меня этот жест оказался подобен нажатию на кнопку быстрой перемотки на видеоплее, когда изображение на экране мелькает так быстро, что перед вами появляются как бы отдельные картинки. Только что я стояла, держась за дверную ручку, а передо мной на пороге застыли три поедателя. Это женщины, примерно моего возраста. У той, что ближе ко мне, отсутствует большая часть лица. Кроме правого глаза, какого-то синего и мутного, как старый стеклянный протез, на черепе ничего нет; только клочья кожи и мускулов. Её рот — её челюсти разжимаются, и у меня мелькает абсурдная мысль, что она хочет заговорить со мной.

В следующий момент я карабкаюсь обратно по ступеням задом наперёд. Я могла бы перепрыгивать через три ступени — когда-то мне приходилось это делать, — но я не в состоянии повернуться спиной к тем, кто вошёл в дом.

Двое, последовавшие за женщиной без лица, выглядят не такими изъеденными: кожа у них серо-голубая, на лицах отсутствует всякое выражение, но по сравнению с той, что сейчас подняла правую ногу, чтобы гнаться за мной, они выглядят почти нормально.

Следующая картина: я в кухне, одной рукой тянусь к ручке кастрюли с закипающей водой. Я слышу, как скрипят у меня за спиной ступени под тяжестью поедателей. Я чувствую их запах — боже, всё, что я слышала о вони, исходящей от них, оказалось правдой. Я хочу позвать детей, крикнуть им, чтобы они бежали ко мне, но всё, что я могу, — это удерживаться от рвоты.

Эта секунда, секунда, когда мои пальцы сомкнулись на ручке кастрюли, — именно к ней я всё время возвращаюсь. Когда я проигрываю в памяти три минуты, за которые рухнула моя жизнь, я сосредоточиваюсь на кухне. Я не помню, как попала туда. То есть я знаю, что прибежала туда с лестницы, но не знаю,⁵⁰⁹ почему. Добравшись до площадки, я вполне легко могла вскочить на ноги и броситься в гостиную, к Робби и Брайану. Мы могли бы... я могла бы отодвинуть от стены диван, чтобы задержать поедателей, а затем бежать к чёрному ходу — или даже обогнуть их, сбежать по ступеням к парадной двери, или вниз, в комнату отдыха. Мы могли забаррикадироваться в гараже. Мы... а вместо этого я побежала в кухню. Сейчас я понимаю, что, должно быть, искала оружие, что-нибудь, чем можно было защитить себя — нас, и кипятик на плите оказался первым, что пришло мне в голову. Видимо, поэтому я выбрала кухню, но я этих мыслей не помню. Всё, что я помню, — это бег по лестнице, затем мои пальцы, сжимающие кусок металла.

И вот его больше нет в моей руке — он валяется на кухонном полу, а правый глаз мисс Череп свисает из глазницы, потому что вода из брошенной кастрюли обварила ей щеку. Кипятик не причинил ей видимого ущерба; лишь пара клочьев плоти, болтавшихся на черепе, свалилась ей на блузку. Она

509 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

стремительно приближается, расставив в стороны руки, и я вижу, что на левой руке у неё не хватает двух пальцев, безымянного и мизинца, и думаю: **наверное, она потеряла их, пытаюсь помешать кому-то глотать её лицо.**

Дальше: я лежу на полу, на спине; спина онемела. Голова кружится. Напротив меня мисс Череп пытается подняться с плиток пола. Тогда я не поняла, что произошло, но сейчас думаю, что мы столкнулись с такой силой, что обе ударились о стену и были оглушены. Остальных поедателей нигде не видно.

А потом я сижу на противоположной стороне кухни, я отползла туда на зад. Я бью левой ногой прямо в лицо поедательницы и чувствую боль в ноге после столкновения подошвы с её черепом. Я слышу треск ломающихся костей. Я всё в таком же ужасе, но вид лица поедательницы, расквашенного моей ногой, даёт мне чувство какого-то животного удовлетворения. И хотя я сосредоточена на зрелище осколков, разлетающихся во все стороны из мяотины, возникшей на месте носа и щёк мисс Череп, я замечая, что её спутниц на кухне нет.

Должно быть, я,⁵¹⁰ наконец,⁵¹¹ поняла, что остальные предоставили мисс Череп разбираться со мной и отправились на поиски более лёгкой... Я помню, как поднялась на ноги, уверена, что ещё раз пнула ногой лицо поедательницы, потому что потом мои кроссовки пахли её мозгами. Следующее, что я помню...

Театр наполняется криками. Сначала крики звучат так громко, так пронзительно, что зрители вынуждены зажать уши. МЭРИ прижимает ладони к голове; ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА — нет, хотя крики ужаса сменяются криками боли. Это голоса двух человек. Трудно поверить, что такие звуки может издавать человеческое существо; они скорее напоминают вопли животного, подвергаемого вивисекции. Они продолжаются четыре, пять, шесть секунд — при других обстоятельствах эти секунды пролетают незаметно, но сейчас, когда воздух дрожит, словно натянутая гитарная струна, эти мгновения превращаются в часы. Зрители могут разобрать одно слово, почти неразличимое, передающее невыносимую боль:⁵¹² «Мама».⁵¹³ Крики прекращаются совершенно внезапно. МЭРИ нерешительно опускает руки, словно боится снова услышать вопли своих детей.

МЭРИ. Это... эти... они... есть вещи... я не... есть вещи, которые не должна видеть мать, понимаете? Мои родители... я... когда я была подростком, у соседей умер от лейкемии старший сын, и моя мать сказала: **«Родители не должны пережить своих детей»**. И это верно. Раньше я думала, что это худшее, что может случиться с родителями, особенно с родителями маленьких детей. Но я ошибалась... я... они... о, они грызли их зубами...

МЭРИ кричит; голова её запрокинута назад, глаза закрыты, пальцы впились в футболку на груди, она издаёт вопль, полный боли от невосполнимой утраты. Когда крик переходит в глухой стон, голова её падает на грудь. Она сжимает голову руками, одной рукой проводит по лбу, на вторую наматывает длинную пряжу.

510 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

511 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

512 В оригинале точка с запятой вместо двоеточия. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

513 В оригинале запятая после точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Из задних рядов доносится голос МЭРИ; по звуку понятно, что это запись.

ГОЛОС МЭРИ. Эта секунда, секунда, когда мои пальцы сомкнулись на ручке кастрюли, — именно к ней я всё время возвращаюсь. Когда я проигрываю в памяти три минуты, за которые рухнула моя жизнь, я сосредоточиваюсь на кухне. Я не помню, как попала туда. То есть я знаю, что прибежала туда с лестницы, но не знаю,⁵¹⁴ почему. Добравшись до площадки, я вполне легко могла вскочить на ноги и броситься в гостиную, к Робби и Брайану. Мы могли бы — Робби и Брайан. Я не хотела, чтобы с ними случилось такое. Родители — мать не должна... мой долг состоит не в этом. Мой долг — моя священная обязанность — защищать своих детей, обеспечивать их безопасность, что бы ни... Мы... а вместо этого я побежала в кухню. Сейчас я понимаю, что, должно быть, искала оружие, что-нибудь, чем можно было защитить себя — нас, и кипятилок на плите оказался первым, что пришло мне в голову. Видимо, поэтому я выбрала кухню, но я этих мыслей не помню. Я обязана защищать своих детей, что бы ни...

Запись прерывается. Проектор гаснет, и МЭРИ исчезает во тьме.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА медленно поднимается на ноги. Он отворачивается от зрителей и смотрит на ивовый куст в задней части сцены. Прежде чем снова повернуться к залу, он делает глубокий вдох.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА. Вот в чём проблема. Когда вы решаете заняться этой работой, когда вы, так сказать, получаете эту роль, вам говорят, что обязанности ваши будут просты и немногочисленны. **Присматривать за всем.** Не то чтобы вы могли много сделать — думаю, вы вообще вряд ли можете что-нибудь изменить, — но там, по правде говоря, и делать-то особенно нечего. Большая часть каждодневных событий совершается сама по себе, движется по тем же рельсам, что и всегда, с тех пор как существует человечество. Происходят хорошие вещи — думаю, большинство из вас скажет, что их слишком мало, и плохие — я знаю, вы сочтёте, что их слишком много. Но даже самые худшие вещи происходят сейчас точно так же, как и в течение долгих веков до этого. О, конечно, вам придётся время от времени делать небольшой толчок там и сям: постараться, чтобы кто-то не пошёл на работу в июньское утро, когда на улицах стрельба, или направить копов к дому, насчёт которого у вас возникло нехорошее подозрение. Но в основном всё идёт своим чередом.

А затем происходит нечто такое — эти зомби, люди, встающие из могил, когда им следовало бы лежать в земле — и это обрушивается на вас, проносится по миру и вашей части этого мира, как... не знаю, с чем это сравнить, у меня нет определения для таких вещей. Вы стараетесь изо всех сил, делаете, что можете; в большинстве случаев это означает, что вы принимаете храбрый вид и не отворачиваетесь от ужасов, встречающихся на вашем пути. Но иногда вам предоставляется возможность и для более активных действий.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА похлопывает себя по боку, на котором висит кобура с пистолетом.

514 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА. Вы пытаетесь сохранить какое-то подобие чувства юмора, что не всегда так трудно, как кажется. Есть, видимо, смысл в старой поговорке о том, что смешное⁵¹⁵ и ужасное идут рука об руку. Какой-то идиот, пытаясь изображать героя, сносит себе конечность бензопилой — согласен, это не лучший повод для шутки, но вы вынуждены, так сказать, довольствоваться тем, что есть.

Однако в подобной ситуации, в случае этой бедной женщины и её детей... Эти дети... Я знаю, что она увидела, ворвавшись в гостиную. Я знаю, что это за пята у неё на футболке и как они туда попали. Но я не знаю, не имею ни малейшего представления, что мне делать с этим знанием. Полагаю, я бы мог рассказать обо всём вам, но зачем? Вы и сами представляете, что эти твари — эти поедатели, подходящее слово, правда? — сделали с маленькими мальчиком и девочкой. Нет нужды углубляться в подробности. Может быть, вы захотите узнать о том, что увидела Мэри, в ужасе выбежав из дома, а может, вы уже и сами догадались — соседи её были побеждены без единого выстрела.

Так началась вторая фаза нашествия зомби — как там её назвал ведущий по радио? Реанимационный Кризис? Из того, что вы видите по телевизору и наблюдаете из окна поезда, зомби превратились в ужас, поджидающий вас по дороге к машине, громыхающий около вашего гаража, ломящийся в вашу дверь. В таких ситуациях, когда люди узнают, что мир катится в преисподнюю, они начинают готовиться к худшему — опустошают свои банковские счета, покупая столько оружия, сколько супермаркеты в состоянии им продать. Но всё же люди уверены, что эти приготовления окажутся бесполезными, что враги никогда не появятся на дорожке у крыльца Мэри, что кто-нибудь из соседей заметит зомби, вываливающихся из грузовика, и начнёт стрелять. Будет много шума, больша́я неразбериха, возможно, не раз ситуация выйдет из-под контроля, но потом всё обязательно закончится хорошо. Мэри со своими детьми вернётся домой, соседи будут хлопать друг друга по спине со вполне оправданной гордостью, и,⁵¹⁶ по крайней мере,⁵¹⁷ одна атака зомби будет отбита. А вместо этого Мэри оказывается единственной выжившей, потому что с криками бежит из дому, на шоссе 376, где её сбивает красный пикап, принадлежащий восемнадцатилетней девушке, которая месяц назад получила его от родителей на день рождения.

Мэри удаётся избежать удара в голову, который бы её прикончил, но её отбрасывает на обочину. К чести девушки, должен сказать, что она останавливает машину и выходит посмотреть на пострадавшую. На самом деле это рискованный поступок — девушка не могла знать, что сбива живую женщину, а не зомби. У Мэри серьёзный шок, она не может говорить, но девушка понимает, что она прибежала из большого дома на соседней улице, — из дверей особняков уже появлялись зомби, залитые кровью. Девушка не тратит время зря: она запикивает Мэри в грузовик и уносится прочь с буквально дымящимися шинами. Девушка (она заслуживает того, чтобы назвали её имя: Бет Дрисколл) отвозит Мэри в центр Гудхоуп Кроссинга⁵¹⁸, к

515 В оригинале «смешное» вдруг через «ё». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

516 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

517 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

518 Гудхвуп Кроссинг (Goodhope Crossing) — Перекрёсток Доброй Надежды. (прим. изд. Азбука-классика; СПб) — В этой сноске вдруг вообще «Гудхвуп» вместо транскрипции «Гудхоуп», т. е. «в» вместо «о». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

небольшому новому пункту первой помощи, и остаётся с ней, пока врач осматривает пострадавшую, не пытаясь скрыть озабоченного выражения лица. Мэри находится, как он выражается, в бессознательном состоянии, почти в коме — и ей не суждено из этого состояния выйти. Врач — доктор Бартрам, скажем для протокола, — пытается найти машину, чтобы перевезти женщину в одну из местных больниц, но все машины «скорой помощи» оказываются заняты. К тому моменту, когда он решает везти её сам, поступает приказ полиции не выходить на улицу. Медпункт наполняется ранеными полицейскими, и Мэри помещают на кушетку в одном из коридоров и оставляют там. Бет ухаживает за ней, как может, а может она немного, потому что ей приходится помогать врачу и персоналу перевязывать раненых. Когда медпункт переезжает в церковь Святого Патрика, Мэри перевозят туда, ей дают матрац, пластиковое ведро и мешок, набитый разнокалиберными спортивными штанами, футболками, бельём и носками. Бет делает для неё то, что в её силах.

Тед не приходит искать свою жену. Справедливости ради скажем, что это не его вина. Он припарковался у своего дома примерно через две минуты после того, как Бет и Мэри уехали прочь. Поняв, что происходит, он рванул к дому; дверь была распахнута, что заставило его ожидать наихудшего. Наихудшее встретило его на пороге в виде пары зомби, которые только что пожрали его детей; один из них держал в руке плюшевую лягушку Брайана, чёрную от крови. Можно сказать, что Теду повезло: он умер, не увидев, что осталось от его любимых сына и дочери.

Мэри может пить и есть, пользоваться туалетом, если отвести её туда. Когда с ней заговаривают, она кивает.

Иногда Бет, проведя около неё час за чтением Библии (Бет втайне надеется, что Библия сотворит чудо), смотрит на Мэри, почти сползшую на пол из кресла или лежащую на кровати, и думает: повезло ей, что она в таком состоянии и не понимает, в какой хаос погрузился мир. Бет и понятия не имеет — откуда ей знать это? — что Мэри сейчас в стотысячный раз стоит у кухонной плиты, смотрит на закипающую в кастрюле воду и ждёт, когда закричат её дети.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА вздыхает, смотрит вверх, вниз, затем неуверенно потирает руки, вздыхает снова.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА. Я так и не рассказал вам о нашем городке, верно? Не то чтобы это имело сейчас какое-то значение, но, возможно, кому-то из вас будет интересно.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА снова устраивается на земле, прислоняется спиной к могильному камню. На сей раз ему это удаётся не сразу.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА. Ну ладно. Что вам ещё рассказать о Гудхоуп Кроссинге? Начальный период его истории не слишком отличается от истории других поселений в этих лесах. Ещё при голландцах здесь существовали фермы, но своим возникновением Гудхоуп Кроссинг, как ясно из его названия, обязан железной дороге. В годы Гражданской войны, когда повсюду прокладывали железнодорожные пути, три ветки, шедшие с севера на юг, и одна — с востока на запад, встретились в этом месте.

Из оркестровой ямы доносится негромкий звук паровозного свистка.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА. К востоку от железнодорожного узла находился невысокий длинный холм, к западу — река и более низкая местность. Городок возник следующим образом: беднота настраивала своих тесных, лепившихся друг к другу домишек на холме, на другой стороне реки располагалась главная улица, Мэйн-стрит, и более просторные обиталища людей побогаче. Потом город начал расширяться, большая часть коммерческих учреждений расположилась на другой стороне холма; новые дома строились вдоль Мэйн-стрит и по сторонам от неё. Здесь жило много ирландцев, поляков и итальянцев. Имелась больша́я католическая община — местная церковь, собор Святого Патрика, первоначально была выстроена на Мэйн-стрит, а к концу девятнадцатого века переехала через реку, на другой холм, к югу от того, на котором обитала большая часть прихожан. Церковь Святого Патрика относилась к Нью-Йоркской епархии, и к началу эпидемии зомби местная община являлась третьей или четвёртой по численности.

Что интересно — можно сказать, в этом даже есть какая-то ирония, — почти все выжившие собрались на этом холме, который до сих пор остался самым... дешёвым кварталом. Необходимо было укрепиться, и на холме это было проще сделать; так скажет вам любой военный стратег. Это был неплохой план, даже в войне против зомби. Когда с полудюжиной тварей, забредшей на Конкорд-стрит, было⁵¹⁹ покончено, и все дома были дважды проверены, люди начали, как могли, сооружать у подножия холма стену. Они переворачивали машины, протягивали колючую проволоку, нагромождали кровати, матрасы и всё, что могло, на их взгляд, на некоторое время сдержать зомби и дать возможность пристрелить их: диваны, комоды, книжные полки, горки для посуды.

Театр наполняют звуки: тяжёлое дыхание работающих людей, скрип мебели, сваливаемой в кучу.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА. Хиллари Швабель из местного отделения «Тру Вэлью»⁵²⁰ протянула вокруг Стены, как её окрестили горожане, провода и присоединила к ним свои самые громкие сирены, она также развесила на деревьях и домах, ближайших к Стене, дюжину датчиков движения. Эти штуки так чувствительны, что реагируют даже на кошек, но в данном случае это было почти бесполезно. Как правило, зомби⁵²¹ передвигаются большими группами; если вам попадается один, то обязательно встретится ещё десять, двадцать, иногда даже пятьдесят, сто других. Большая часть группы обычно довольно проворна и может попытаться прорваться за Стену. Для того чтобы одержать победу, одному из них нужно лишь схватить какого-нибудь человека и начать кусать; а вам для успешной обороны нужно узнать о приближении врагов заранее. Существует миф о том, что живые мертвецы передвигаются лишь по ночам. Зрение у них никудышное — очевидно, процесс воскрешения усиливает разрушения, произведенные смертью. Несмотря на то,⁵²² что они никогда не

519 В оригинале «бью», очевидно, недостаток распознавания отсканированного текста. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

520 «Тру Вэлью» («True Value») — сеть магазинов металлоизделий в США. (прим. изд. [Азбука-классика: СПб](http://Азбука-классика:СПб))

521 В оригинале «зрмби», т. е. вдруг через «р» вместо «о». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

522 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

бывают абсолютно неподвижны, если вам так не повезёт и вы встретите зомби ночью, они, скорее всего, будут лишь слабо шаркать ногами, практически не трогаясь с места. Нет, эти твари предпочитают светлое время суток; первые лучи солнца, пробивающиеся сквозь листву, приводят их в движение. В солнечный день их можно встретить практически наверняка.

Несмотря на всё сказанное, несколько зомби было замечено и ночью, особенно в полнолуние. И даже крошечные шажки в конце концов куда-то приводят. Так что лучше перестраховаться, верно?

Вы не замечали, как во время вселенских катастроф в речи всплывает множество клише? Почему бы это? Неужели эти затёртые банальности так утешительны? А может быть, даже когда в мозгу наступает короткое замыкание, он всё же пытается постичь происходящее и хватается за подручные средства, хотя они изношены и покрыты ржавчиной? А может быть, язык деградирует вместе со всем прочим? Я никогда не был, что называется, литератором, но всегда гордился красотой своей речи, даром находить подходящую и даже уникальную форму выражения своих мыслей и чувств. Однако в последнее время — клянусь, в последнее время я всё больше и больше стал напоминать пародию на Старого Доброго Дядюшку, всегда готового обрушить на вас свою деревенскую мудрость.

И это ещё не самое худшее. До того, как всё полетело в тартарары, одной из моих — ну, скажем так, обязанностей, хотя я скорее рассматривал это как долг, если вы видите разницу между этими словами, — в общем, среди прочего я помогал тем, кто покинул свою смертную оболочку, освоиться со своим новым положением. Я разговаривал с ними, давал им возможность в последний раз взглянуть на тех, кого они любили, — в общем, всё происходило примерно так, как вы это себе представляете. В некоторых случаях я позволял умершим снова пережить какой-нибудь день своей жизни — но с учётом того, что они теперь знали, это приносило им больше горя, чем радости. Даже после нашего разговора, после того, как я показывал им то, что мог, некоторые из них отказывались вступать в длинный тёмный коридор и присоединяться к тем, кто ушёл до них. Они настаивали на том, чтобы остаться в своём доме или в том месте, где сердце их перестало биться. Постыдное поведение, конечно, но им это позволялось.

Однако, когда мёртвые начали воскресать, смерть больше не разлучала тело и дýшу; напротив, они оставались связанными вместе, когда человек начинал это своё новое существование. К тому же разрушение этого нового существа — или нежити — не восстанавливало прежнего, естественного хода вещей. Вместо этого... ну, наверное, вам лучше самим всё увидеть.

В зрительном зале зажигаются лампы. В их резком, ослепительном свете зрители видят, что центральный проход, проходы перед сценой, у стен, всё свободное пространство заполнено какими-то фигурами — очевидно, это зомби, потому что мужчины, женщины и дети, окружающие зрителей, отмечены знакомыми признаками распада. Появление такого количества живых мертвецов в непосредственной близости способно вызвать у присутствующих шок, однако потрясение вскоре проходит: зомби стоят

совершенно неподвижно. За исключением одной фигуры, медленно пробирающейся из задних рядов к центральному проходу, зомби походят на манекенов.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА. Быть прикованным к телу, блуждающему по земле, обуреваемому лишь жаждой человеческой плоти, находящему и пожирающему эту самую плоть, не очень-то приятно другой части, тому, что я называю *искрой*, — это мучит её, коробит её, и когда она высвобождается, получается вот что. В основном. Некоторые — я не могу назвать точное число, примерно один из тысячи или из пятисот — проявляют враждебность, приходят в ярость, словно чувства, испытанные ими в последние мгновения жизни, они переносят и за её пределы. Разговаривать с ними невозможно, тем более убеждать их в чём-то. Не знаю точно, смогут ли они причинить мне вред — насчёт этого ходят кое-какие слухи, но вы сами знаете, что слухам доверять нельзя, а сам я не склонен экспериментировать.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА встаёт на ноги, одновременно вытаскивая из кобуры револьвер. Он стремительно вытягивает руку, прицеливается и нажимает на курок. Зрителей оглушает грохот выстрела; молодой человек в коричневом костюме-тройке, пробиравшийся к сирене из задних рядов, на полпути останавливается, дёргается всем телом, и голова его взрывается с удивительно громким хлопком. Молодой человек, падая, задевает одну из неподвижных фигур, стоящих в проходе, — старуху в синем платье и вязаном белом свитере; та даже не шевелится, когда он соскальзывает на пол. ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА продолжает ещё секунд пять целиться в молодого человека, затем поднимает револьвер и обводит зал. Трудно сказать, на кого направлено оружие — на фигуры в проходе, зрителей или на тех и других. Не видя угрозы, он прячет пистолет в кобуру. Больше он не садится.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА. Это... я больше ничего не могу сделать. Это означает — не люблю думать о том, *что* это означает. Конечно, этот парень уже не человек в прямом смысле слова — но такая работа мне не нравится. Возможно, это сослужит какую-то службу остальным, но всё равно я этого терпеть не могу.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА опускается на пол. Свет тускнеет, но не гаснет до конца. Фигуры в проходе остаются на месте.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА. Время от времени — такое случается всё реже, но случается — сюда приходят и обычные люди. Именно так мне удалось поговорить с Билли Джо Ройялом, изобретателем знаменитого домашнего напалма. Я наблюдал, как действует его состав, — по-моему, это произошло через два дня после того, как полный грузовик зомби припарковался посередине квартала Мэри Филипс. Число зомби увеличивалось в геометрической прогрессии; почти везде полиция оказалась бессильна; власти сообщили, что в городок направлена Национальная гвардия, но это оказалось ложью. Те, кто мог, отступили к парковке около церкви Святого Патрика, которая, поскольку холм не был укреплён, казалась самым выгодным местом для обороны. Думаю, что так оно и было. Времени соорудить баррикады и устанавливать мины не оставалось, но эти мужчины и женщины — их было сорок шесть человек — сделали всё, что могли.

С правой и левой сторон сцены доносится грохот выстрелов; крики, выражающие протест, приказание, брань, подбадривание; вопли ужаса. Крики и выстрелы заглушает яростный, нестройный визг скрипок. Какофония стихает, когда ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА снова начинает говорить, но её всё ещё слышно.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА. Тем не менее, в конце концов, сколько бы оружия и боеприпасов у вас ни было, если зомби нападают в большом количестве, вам особенно не на что надеяться, кроме как на бегство. А эти люди не могли даже ускользнуть: они оказались прижаты к северной стене церкви, а у трёх стен её толпились зомби.

Не знаю, каким образом Билли Джо удалось просочиться мимо зомби, пробраться внутрь собора, залезть на колокольню и затем на крышу, таща с собой большой полотняный мешок с трёхлитровыми бутылками горючей смеси. Я бы хотел приписать эту честь себе, но я был внизу, и моё внимание было поглощено оставшимися сорока двумя сражавшимися, которые, как я был уверен, защищали свой современный Аламо⁵²³. Несчастные намеревались погибнуть с честью, и я не хотел упустить это зрелище. Когда упала первая бутылка Билли Джо, никто, включая меня, не понял, что произошло. Примерно в двадцати футах позади авангарда зомби возникла вспышка, что-то хлопнуло, пошёл густой чёрный дым. Что-то взорвалось, но люди не знали, что именно. Когда вторая, третья, четвёртая, пятая бомбы, описав дугу, полетели вслед за первой, воздух наполнился дымом, и все почувствовали вонь поджаривающихся трупов. Стало ясно, что прибыла тяжёлая артиллерия. Некоторые начали оглядываться по сторонам, словно ожидая увидеть армейский вездеход с гранатомётом на крыше или атакующий вертолёт, приближения которого не было слышно из-за шума битвы. Остальные воспользовались преимуществом, которое дала им возникшая стена огня, отделившая тридцать или сорок врагов от общей массы. Пока люди уничтожали ближайшую к ним группу зомби, Билли Джо продолжал швырять бутылки своего огненного варева в самую гущу врагов. Некоторые он бросал слишком поздно, и они взрывались, не долетев до земли, буквально обрушивая на мертвецов огненный дождь. Он принёс в мешке двадцать три бутылки, и вскоре у него осталась лишь одна.

Шум битвы усиливается, сопровождаемый стуком барабанных палочек и низкими звуками скрипичных струн. Грохот и подвывание становятся всё громче, затем скрипки резко взвизгивают и наступает тишина.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА. Его убила последняя бомба, пол-литровая бутылка из-под кока-колы, которая слишком долго оставалась у него в руке. Она оторвала ему правую руку до локтя, и он, охваченный пламенем, полетел вниз с крыши. Он не дожил до того момента, когда тело его ударилось о землю, — примерно половина людей, которых он спас, нашла его пулями. Глупо с их стороны, но понятно.

523 Битва за Аламо — наиболее известная битва Войны за независимость Техаса (1835-1836). В феврале 1836 г. группа техасских повстанцев была осаждена мексиканскими войсками в миссии Аламо; вскоре техасский гарнизон был захвачен и полностью истреблён. (прим. изд. [Азбука-классика; СПб](http://Azбука-классика.СПб))

Он появился позже, чем я предполагал, примерно к вечеру этого дня. Его личность была установлена, выяснено, **что** он сделал, и в подвале дома его родителей были обнаружены ещё двести бутылок напалма. К несчастью, он не оставил инструкции по его изготовлению, но эти бомбы очень помогли выжившим, дав им возможность отступить на вершину холма и начать укрепляться там. Была предпринята пара попыток воспроизвести смесь Билли Джо, но закончились они плохо.

Из задних рядов доносится слабый звук взрыва.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА. А что касается Билли Джо...

С левой стороны сцены зажигается прожектор, тусклый жёлтый луч освещает могилы и БИЛЛИ ДЖО РОЙЯЛА. Это юноша шестнадцати лет, с прыщавым лицом и пробивающейся козлиной бородкой. На нём надеты синяя футболка с логотипом «Нью-Йорк Джайентс»⁵²⁴, которая ему велика, мешковатые джинсы и белые кроссовки. Светлые волосы убраны со лба бейсболкой, надетой козырьком назад, что придаёт лицу юноши удивлённое выражение. Большие пальцы он засунул в карманы джинсов, очевидно, чтобы казаться спокойным и крутым. Замечая ПОМОЩНИКА РЕЖИССЁРА, он кивает ему. Козырёк кепки ПОМОЩНИКА РЕЖИССЁРА наклоняется в ответ.

БИЛЛИ ДЖО. Так вот ты какой, значит. Я тебя не таким представлял.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА. Кого это?

БИЛЛИ ДЖО. Сам знаешь — **Бога**.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА. Боюсь, что ты ошибаешься.

БИЛЛИ ДЖО. Ох. Ох ты. Так ты не? ...

ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА. Я чиновник более низкого ранга.

БИЛЛИ ДЖО. Что-то типа ангела?

ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА. Нет. Я... я встречаю людей, когда они приходят сюда, помогаю им найти точку опоры. А потом отправляю их в путь.

БИЛЛИ ДЖО. словно гид в турфирме, знаешь, такие гостеприимные парни.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА. Почти что так.

БИЛЛИ ДЖО. А куда мне идти?

ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА указывает на правую кулису.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА. Видишь вон тот коридор?

БИЛЛИ ДЖО. Что-то там темно. Я думал, будет сияние и всё такое.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА. Нет, это просто тебе кажется, потому что клетки твоих глаз умирают.

БИЛЛИ ДЖО. Ох ты. И куда он ведёт?

ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА. Туда, куда уходят все.

БИЛЛИ ДЖО замечает фигуры в зрительном зале и кивает в их сторону.

БИЛЛИ ДЖО. А с ними что? Они...

524 «Нью-Йорк Джайентс» («New York Giants») — профессиональный футбольный клуб из города Ист-Рутерфорд, штат Нью-Джерси. (прим. изд. [Азбука-классика](http://Azбука-классика); СПб)

ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА. Да.

БИЛЛИ ДЖО. И они тоже должны войти в этот коридор?

ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА. Да.

БИЛЛИ ДЖО. Так что же они стоят?

ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА. Я точно не знаю. Это связано с тем, что происходит... там, откуда ты пришёл.

БИЛЛИ ДЖО. И эти парни оттуда, это живые мертвецы?

ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА. Точно.

БИЛЛИ ДЖО. А они не пытались тебя съесть?

ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА. Пару раз.

БИЛЛИ ДЖО. И что ты сделал?

ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА. Разнёс им головы.

БИЛЛИ ДЖО. Ух ты. И что, здесь это работает?

ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА. Очевидно, да.

БИЛЛИ ДЖО. Ну, я просто подумал, что здесь не так, как на земле, и всё такое...

ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА. Многие вещи здесь происходят почти так же. Ты будешь удивлён.

БИЛЛИ ДЖО. Да уж. Кстати, а ты не знаешь, откуда взялась вся эта фигня... то есть почему эти парни восстали из мёртвых? Потому что Роб — это мой приятель, он был — ну, не важно; так вот, Роб говорил, что это вроде какой-то заговор правительства. А я говорю: смешно, какой заговор правительства, если это началось в чёртовой Индии? А Роб...

ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА. Я не знаю. Не знаю, что послужило причиной; я не знаю, что это такое.

БИЛЛИ ДЖО. Правда?

ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА. Правда.

БИЛЛИ ДЖО. Вот дерьмо.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА. Извини.

БИЛЛИ ДЖО. А ещё кто-нибудь?

ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА. В каком смысле?

БИЛЛИ ДЖО. Кто-нибудь ещё знает, что происходит?

ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА. Насколько мне известно, нет.

БИЛЛИ ДЖО. О.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА. Послушай, может быть, ты хочешь кого-нибудь увидеть, посетить какое-нибудь место...

БИЛЛИ ДЖО. Не, всё в порядке.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА. Ты уверен? Может быть, свой дом, школу...

БИЛЛИ ДЖО. Нет-нет... Ну то есть спасибо и всё такое; но... мне и здесь хорошо.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА. Ладно, как хочешь.

БИЛЛИ ДЖО. Так... о чём это мы говорили?

ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА. Чего бы ты ещё хотел?

БИЛЛИ ДЖО. Ну, не знаю. А что, здесь не будет никакой книги, ну, знаешь, вроде записей о всём дерьме, которое я в жизни делал?

ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА. Это сказки для детей. Мне жаль, но нет, ничего такого нет. Единственная запись о сделанном тобой в жизни — это то, что ты сам можешь о ней сказать.

БИЛЛИ ДЖО. Ух, ⁵²⁵ а на что это похоже?

ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА. Что похоже?

БИЛЛИ ДЖО. То место, куда ведёт коридор.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА. Там тебя ждёт покой.

БИЛЛИ ДЖО медленно пересекает сцену, проходит мимо ПОМОЩНИКА РЕЖИССЁРА и останавливается у самого края.

БИЛЛИ ДЖО. Ну, ⁵²⁶ вот и всё.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА. Да.

БИЛЛИ ДЖО. Нет смысла оттягивать неизбежное, так?

ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА. Думаю, что нет.

БИЛЛИ ДЖО. А ты можешь сказать мне одну вещь, прежде чем я уйду, ответь мне на один вопрос, а?

ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА. Попытаюсь.

БИЛЛИ ДЖО. Нам конец, да?

ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА некоторое время молчит, словно взвешивая свои слова.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА. Всегда остаётся шанс — я понимаю, как глупо это звучит, но, возможно, в этих словах есть доля правды. События могут принять иное направление. Кто-нибудь найдёт лекарство. Сила, заставляющая зомби выходить из могил, перестанет действовать. Пара недель мороза может значительно уменьшить их ряды. А может быть, найдётся человек, устойчивый к их укусам, к инфекции. Ведь на планете шесть с лишним миллиардов человек, так что один из них вполне может оказаться таким исключением...

БИЛЛИ ДЖО. И ты веришь во всю эту фигню?

ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА. Нет.

БИЛЛИ ДЖО. Ясно.

Он уходит.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА. Понимаете, не то чтобы я не хотел верить. Я хочу верить во всё это. Во всю эту фигню, как выразился мой юный друг. Но поверить в это уже даже не трудно, а просто невозможно. Нет, это... это... я боюсь, что это закат человечества. Становится очевидно, что Homo sapiens⁵²⁷ покидает сцену в зубах неумирающих. Если бы не столько боли и страданий,

525 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

526 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

527 В оригинале почему-то повторяется «Homo sapiens sapiens». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

во всём этом можно было бы увидеть смешное. Вот вам и конец света: ни взрыва, ни плача — просто отвратительное чавканье, как в дешёвых фильмах ужасов.

ПОМОЩНИК РЕЖИССЁРА берёт свой фонарь, выключает его и суёт в карман; поднимается и уходит в глубину сцены. Его фигура на миг выделяется на фоне чёрного ивового куста, затем он исчезает среди теней. В зрительном зале зажигается свет; проходы между рядами по-прежнему полны мертвецов. Мужчины, женщины, молодые, старые, все несущие на себе признаки распада, — они окружают зрителей, не двигаясь с места.

2008 © John Langan

Библиография

- «Introduction» and author notes © 2008 by John Joseph Adams.
- «This Year's Class Picture» by Dan Simmons. © 1992 Dan Simmons. Originally published in *Still Dead*, April 1992. Reprinted by permission of the author.
- «Some Zombie Contingency Plans» by Kelly Link. © 2005 Kelly Link. Originally published in *Magic for Beginners*. Reprinted by permission of the author.
- «Death and Suffrage» by Dale Bailey. © 2002 Dale Bailey. Originally published in *The Magazine of Fantasy &⁵²⁸ Science Fiction*, February 2002. Reprinted by permission of the author.
- «Blossom» by David J. Schow. © 1989 David J. Schow. Originally published in *Book of the Dead, 1989*. Reprinted by permission of the author.
- «The Third Dead Body» by Nina Kiriki Hoffman. © 1993 Nina Kiriki Hoffman. Originally published in *The Ultimate Zombie*, 1993. Reprinted by permission of the author.
- «The Dead» by Michael Swanwick. © 1996 Michael Swanwick. Originally published in *Starlight 1*, 1996. Reprinted by permission of the author.
- «The Dead Kid» by Darrell Schweitzer. © 2002 Darrell Schweitzer. Originally published in *The Book of More Flesh*, 2002. Reprinted by permission of the author.
- «Malthusian's Zombie» by Jeffrey Ford. © 2000 Jeffrey Ford. Originally published in *SCI FICTION*, May 2000. Reprinted by permission of the author.
- «Beautiful Stuff» by Susan Palwick. © 2004 Susan Palwick. Originally published in *SCI FICTION*, August 2004. Reprinted by permission of the author.
- «Stockholm Syndrome» by David Tallerman. © 2007 David Tallerman. Originally published in *Pseudopod*, June 2007. Reprinted by permission of the author.
- «Bobby Conroy Comes Back From the Dead» by Joe Hill. © 2005 Joe Hill. Originally published in *Postscripts #5*, December 2005; and also in *20th Century Ghosts*, copyright © 2005, 2007 by Joe Hill, published by William Morrow, an imprint of Harper-Collins Publishers.
- «Those Who Seek Forgiveness» by Laurell K. Hamilton. © 2006 Laurell K. Hamilton. Originally published in *Strange Candy*, 2006. Reprinted by permission of the author.
- «In Beauty, Like the Night» by Norman Partridge. © 1992 Norman Partridge. Originally published in *Mr. Fox and Other Feral Tales*, 1992. Reprinted by permission of the author.

- «Prairie» by Brian Evenson. © 1997 Brian Evenson. Originally published in *The Silver Web #14*, 1997. Reprinted by permission of the author.
- «Everything is Better With Zombies» by Hannah Wolf Bowen. © 2006 Hannah Wolf Bowen. Originally published in *Phantom #0*, 2006. Reprinted by permission of the author.
- «Home Delivery» by Stephen King. © 1989 Stephen King. Originally published in *Book of the Dead*, 1989. Reprinted by permission of the author.
- «Sparks Fly Upward» by Lisa Morton. © 2005 Lisa Morton. Originally published in *Mondo Zombie*, 2006. Reprinted by permission of the author.
- «Meathouse Man» by George R. R. Martin. © 1976 by Damon Knight. Copyright renewed 2004 © 2004 by George R. R. Martin. Originally published in *Orbit 18*, 1976. Reprinted by permission of the author.
- «Deadman's Road» by Joe Lansdale. © 2007 Joe Lansdale. Originally published in *Weird Tales, February/March 2007. Reprinted by permission of the author.*
- «The Skull-Faced Boy» by David Barr Kirtley. © 2002 David Barr⁵²⁹ Kirtley. Originally published in Gothic, net, March 2002. Reprinted by permission of the author.
- «The Age of Sorrow» by Nancy Kilpatrick. © 2007 Nancy Kilpatrick. Originally published in *Postscripts #10*, April 2007. Reprinted by permission of the author.
- «Bitter Grounds» by Neil Gaiman. © 2003 Neil Gaiman. Originally published in *Mojo: Conjure Stories*, 2003. Reprinted by permission of the author.
- «She's Taking Her Tits to the Grave» by Catherine Cheek. © 2008 Catherine Cheek. Originally published in *Ideomancer*, June 2008. Reprinted by permission of the author.
- «Dead Like Me» by Adam-Troy Castro. © 2000 Adam-Troy Castro. Originally published in *A Desperate, Decaying Darkness*, 2000. Reprinted by permission of the author.
- «Zora and the Zombie» by Andy Duncan. © 2004 Andy Duncan. Originally published in *SCI FICTION*, February 2004. Reprinted by permission of the author.
- «Calcutta, Lord of Nerves» by Poppy Z. Brite. © 1992 Poppy Z. Brite. Originally published in *Still Dead*, 1992. Reprinted by permission of the author.
- «Followed» by Will McIntosh⁵³⁰. © 2007 Will McIntosh⁵³¹. Originally published in *Lady Churchill's Rosebud Wristlet #18*, Summer 2006. Reprinted by permission of the author.
- «The Song the Zombie Sang» by Harlan Ellison® and Robert Silverberg. Copyright © 1970 by Harlan Ellison® and Robert Silverberg. Renewed, 1998 by The Kilimanjaro Corporation and Agberg, Ltd. All rights reserved. Harlan Ellison® is a registered trademark of The Kilimanjaro Corporation.

529 В оригинале явная ошибка «Ban». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

530 В оригинале явная ошибка «Mcintosh». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

531 В оригинале явная ошибка «Mcintosh». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

- «Passion Play» by Nancy Holder. © 1992 Nancy Holder. Originally published in *Still Dead, 1992. Reprinted by permission of the author.*
- «Almost the Last Story by Almost the Last Man» by Scott Edelman. © 2007 Scott Edelman. Originally published in *Postscripts #12*, December 2007. Reprinted by permission of the author.
- «How the Day Runs Down» by John Langan. © 2008 John Langan. Original to this volume.

2009 © [Азбука-классика; СПб](#)

Оглавление

<u>От редактора</u>	4
<u>Аннотация</u>	9
<u>Джон Джозеф Адамс</u>	
<u>«Предисловие»</u>	10
<u>Дэн Симмонс</u>	
<u>«Фотография класса за этот год»</u>	13
<u>Келли Линк</u>	
<u>«Некоторые планы на случай встречи с зомби»</u>	35
<u>Дейл Бейли</u>	
<u>«Смерть и право го́лоса»</u>	55
<u>* * *</u>	57
<u>* * *</u>	58
<u>* * *</u>	60
<u>* * *</u>	63
<u>* * *</u>	64
<u>* * *</u>	67
<u>* * *</u>	68
<u>* * *</u>	70
<u>* * *</u>	72
<u>* * *</u>	73
<u>* * *</u>	75
<u>* * *</u>	76
<u>* * *</u>	78
<u>* * *</u>	79
<u>* * *</u>	79
<u>* * *</u>	81
<u>* * *</u>	82
<u>* * *</u>	84
<u>* * *</u>	84
<u>* * *</u>	86
<u>* * *</u>	88

<u>Дэвид Дж. Шоу</u>	
<u>«Расцвет»</u>	91
<u>Нина Кирики Хоффман</u>	
<u>«Третье тело»</u>	97
<u>Майкл Суэнвик</u>	
<u>«Мёртвый»</u>	115
* * *	119
* * *	120
* * *	122
* * *	123
* * *	123
* * *	124
* * *	125
* * *	126
<u>Даррелл Швейцер</u>	
<u>«Мёртвый мальчик»</u>	127
<u>Джеффри Форд</u>	
<u>«Зомби дóктора Мальтузиана»</u>	143
<u>1</u>	144
<u>2</u>	149
<u>3</u>	156
<u>4</u>	160
<u>Сьюзан Палвик</u>	
<u>«Прекрасные вещи»</u>	165
<u>Дэвид Таллерман</u>	
<u>«Стокгольмский синдром»</u>	179
<u>Джо Хилл</u>	
<u>«Воскрешение Мои Конроя»</u>	185
<u>Лорел К. Гамильтон</u>	
<u>«Алчущие прощения»</u>	205
<u>Норман Партридж</u>	
<u>«Во всей красе»</u>	217
<u>Брайан Эвенсон</u>	
<u>«Прерия»</u>	233

<u>I</u>	234
<u>II</u>	234
<u>III</u>	234
<u>IV</u>	235
<u>V</u>	235
<u>VI</u>	235
<u>VII</u>	236
<u>VIII</u>	236
<u>IX</u>	236
<u>X</u>	237
<u>XI</u>	237

Ханна Вольф Боуэн

<u>«С зомби веселее»</u>	239
--------------------------------	-----

Лиза Мортон

<u>«Искры устремляется вверх»</u>	247
---	-----

<u>Июнь, 16</u>	248
<u>Июнь, 17</u>	249
<u>Июнь, 24</u>	250
<u>Июнь, 25</u>	250
<u>Июль, 2</u>	251
<u>Июль, 3</u>	251

Джордж Р. Р. Мартин

<u>«Завсегдатай мясной лавки»</u>	257
---	-----

<u>I</u>	
<u>В мясной лавке</u>	258
* * *.....	260
* * *.....	261
* * *.....	262
<u>1</u>	
<u>Когда мне был двадцать один год</u>	264
* * *.....	267
* * *.....	269
* * *.....	269
<u>II</u>	
<u>Надежды на будущее</u>	270
* * *.....	272
* * *.....	273
* * *.....	275

2

<u>Скиталец, туда и обратно</u>	275
<u>* * *</u>	276
<u>* * *</u>	277
<u>* * *</u>	277
<u>* * *</u>	277
<u>* * *</u>	277
<u>* * *</u>	278
<u>* * *</u>	278
<u>* * *</u>	279
<u>* * *</u>	279
<u>* * *</u>	280

III

<u>Скитания</u>	280
<u>* * *</u>	281
<u>* * *</u>	281
<u>* * *</u>	282
<u>* * *</u>	282
<u>* * *</u>	283

3

<u>Мечта Дювалье</u>	283
----------------------------	-----

IV

<u>Отголоски</u>	284
<u>* * *</u>	285
<u>* * *</u>	286

Джо Лансдейл

<u>«Дорога мертвеца»</u>	287
<u>* * *</u>	289
<u>* * *</u>	291
<u>* * *</u>	293
<u>* * *</u>	298
<u>* * *</u>	298
<u>* * *</u>	299
<u>* * *</u>	300
<u>* * *</u>	300
<u>* * *</u>	303
<u>* * *</u>	305
<u>* * *</u>	307
<u>* * *</u>	309
<u>* * *</u>	310

Дэвид Барр Киртли	
«Череп»	311
Нэнси Килпатрик	
«Время печали»	325
Нил Гейман	
«Горькие зёрна»	341
1	
«Или приходи рано, или можешь совсем не являться»	342
2	
«Язык докуда хочешь доведёт»	347
3	
«Ничто, как и нечто, происходит повсеместно»	353
4	
«Надо, чтобы они знали, кто мы, надо известить их, что мы здесь»	360
Кэтрин Чик	
«Свои сиськи она заберёт в могилу»	363
* * *	372
Адам-Трой Кастро	
«Быть мёртвым, таким, как я»	375
* * *	376
* * *	376
* * *	376
* * *	377
* * *	378
* * *	378
* * *	379
* * *	379
* * *	380
* * *	380
* * *	381
* * *	381
* * *	382
* * *	383
Энди Дункан	
«Зора и зомби»	385

<u>Поппи 3. Брайт</u>	
<u>«Калькутта, властительница сил»</u>	405
<u>* * *</u>	414
<u>Уилл Макинтош</u>	
<u>«Преследуемый»</u>	417
<u>* * *</u>	418
<u>* * *</u>	420
<u>* * *</u>	421
<u>* * *</u>	422
<u>Харлан Эллисон</u>	<u>и</u>
<u>Роберт Сильверберг</u>	
<u>«Поющая кровь зомби»</u>	427
<u>Нэнси Холдер</u>	
<u>«Страсти Господни»</u>	441
<u>Скотт Эдельман</u>	
<u>«Почти последний рассказ»</u>	453
<u>Джон Лэнган</u>	
<u>«Закат»</u>	479
<u>Библиография</u>	511

